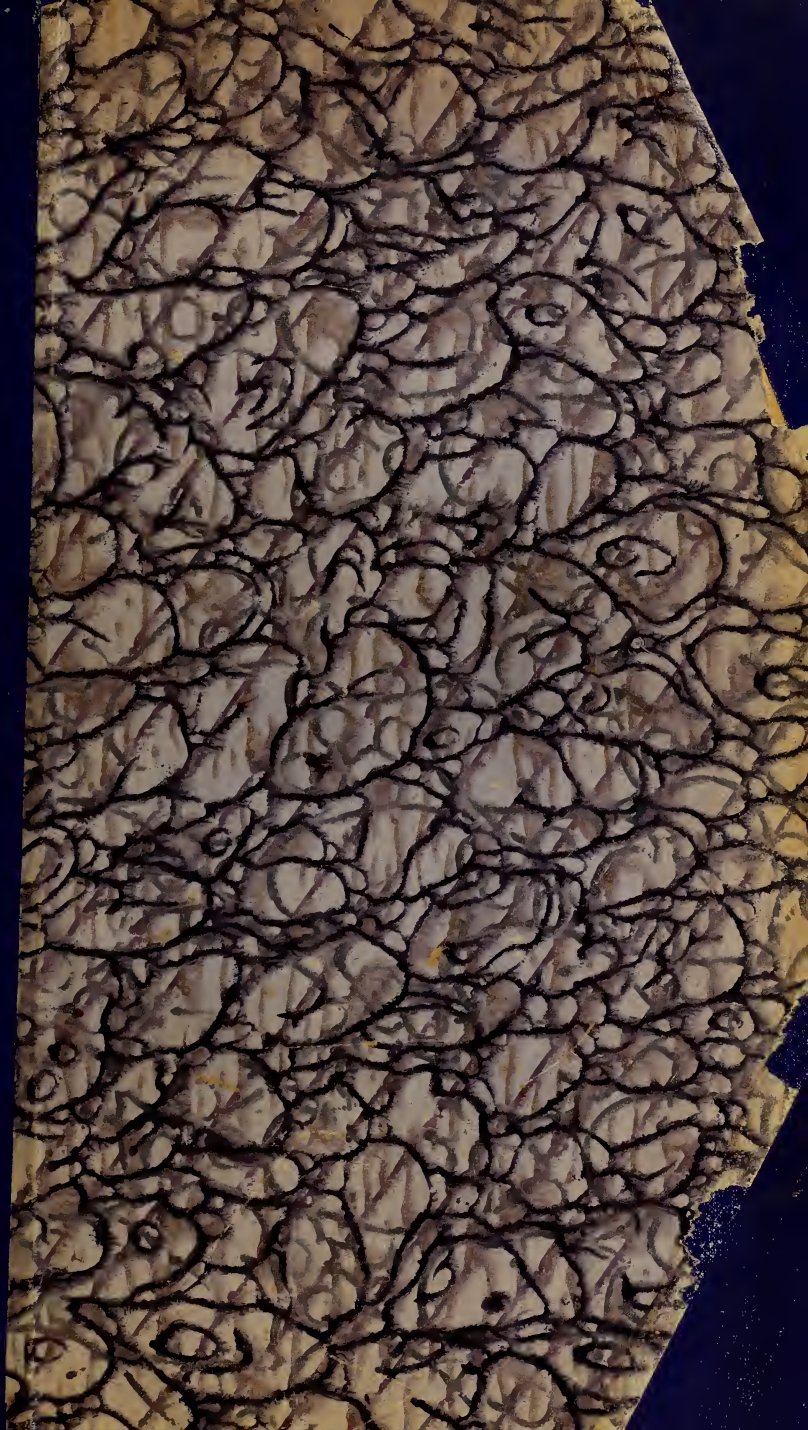

&t-DK---3.----------K62----------2-1
CLASSIFICATION NO. CUTTER NO. YEAR VOL. COPY
FAC 14-IP 6622

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK3
.K62
t.2

BARCODE ON
BACK COVER

ПОСОБИЯ ДЛЯ ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ

М. КОВАЛЕНСКИЙ

Д 15
К 62
т. 2

ХРЕСТОМАТИЯ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Государственное Издательство

Москва

ПОСОБИЯ ДЛЯ ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ

ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ

Богданов, А. Краткий курс политической экономии (печ. нов. изд.).
— Начальный курс политической экономии. Ц. 75 к.
Виппер, Р. Древняя Европа и Восток. Ц. 90 к.
— Краткий учебник истории средних веков. Ц. 80 к.
— Учебник древней истории. Ц. 1 р. 20 к.
— Учебник новой истории. Ц. 1 р. 30 к.
Вольфсон, М. Б. Очерки обществоведения. Ц. 2 р. 10 к.
— Элементарный курс политической экономии. Ц. 80 к. (Печ. новое изд.).
Гурвич. Основы советской конституции. (Печ. новое изд.).
Жаринов, Д. А. и Никольский, Н. М. Древний мир. Часть II. Греция. Ц. 1 р.
Замысловская, Е. За последние сто лет. Ц. 1 р.
— Учебник русской истории. Ц. 80 к.
Звягинцев, Е. и Бернашевский, А. Века и труд людей. Выпуск I. Печ. новое изд.
Коваленко, П. Книжка политической грамоты. Ц. 35 к.
Коваленский, М. Вчера и завтра. Как и откуда взялась новая Красная Россия. Ц. 80 к.
— Русская история. Часть I. Ц. 1 р. 10 к. Часть II. Ц. 75 к. Ч. III и IV печ.
— Хрестоматия по русской истории. Том I. Ц. 1 р. Том II. Ц. 1 р. 50 к. Том III. Ц. 2 р. Том IV Ц. 2 р. 75 к. Том V. Ц. 2 р. 25 к.
Крепостное право. Сборник рассказов для детей.
Левин и Юргенс. Хрестоматия по политической экономии. Часть I. Ц. 80 к. Часть II, вып. I. Часть II, вып. II. Печ.
Любимов, Л. Азбука политической экономии. Ц. 75 к.
— Курс политической экономии. Том I. Ц. 1 р. 50 к.
Мартынов, А. С. Очерки русской истории. Ц. 30 к.
Покровский, М. Русская история в самом сжатом очерке. Ц. 60 к.
— История России (на польском языке). Печ.
Тимофеев, П. Краткий курс экономической географии России. Ц. 1 р. 20 к.
Энгель, Е. А. Основы советской конституции. Ц. 75 к.

РУССКИЙ ЯЗЫК И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьин, В. Утренние зори. Первая книга для чтения. Ц. 90 к.
Ананьин, В. и Флеров, В. Утренние зори. Вторая книга для чтения. Ц. 1 р. 20 к.
Ананьин, В., Селезнев, И. и др. Практическая грамматика. Часть I. Первоначальные сведения. Ц. 25 к. Часть II. Краткие сведения из этимологии и синтаксиса. Ц. 50 к. Часть III. Краткие сведения из этимологии и синтаксиса. Ц. 60 к.
Афанасьев, П. О., Львов, К. И. и др. Подвижная хрестоматия для взрослых „Громкая Читальня". Вып. I. Для начинающих. Русские писатели. Ц. 2 р. Вып. II. Иностранные писатели. Ц. 1 р.
Блонский, П. П. Красная зорька. Первая книга для чтения. Ц. 60 к.
Бродский, Н., Мендельсон, Н. и Сидоров, В. Историко-литературная хрестоматия. Часть I. Устная народная словесность. Ц. 2 р. Часть II. Древняя русская письменность. Ц. 2 р. Часть III. Литература XVIII века. Ц. 2 р. 50 к. Часть IV. Девятнадцатый век. Ц. 2 р. 50 к.
Бродский, Н. Л., Домашевская, Е. Д., Мендельсон, Н. М. и др. Наш мир. Книга для занятий родным языком. Часть I. Ц. 1 р. 60 к. Часть II. Ц. 2 р. Часть III. Ц. 2 р. Часть IV. Ц. 2 р. 40 к. Часть V. Ц. 3 р. 25 к.
— Первый шаг. Букварь для чтения и письма.
Вахтеровы, В. и Э. Мир в рассказах для детей. Первая книга. Ц. 80 к. Вторая книга. Ц. 60 к. Третья книга. Ц. 2 р.
Гиппиус, В. Синтаксис современного русского языка. Ц. 15 к.
Горбуновы-Посадовы, И. и Е. Красное солнышко. Первая книга для чтения. Ц. 70 к.
— Ясная звездочка. Вторая книга для чтения. Ц. 1 р. 50 к.
Горовой, С. Первоначальный учебник новой русской грамматики (морфология и синтаксис). Ц. 15 к.

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ШКОЛ I и II СТУПЕНИ

М. КОВАЛЕНСКИЙ

ХРЕСТОМАТИЯ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

Том II

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕНОГО СОВЕТА
ДОПУЩЕНО ДЛЯ ШКОЛ II СТУПЕНИ

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

51 тысяча

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Гиз 7370 Ленинградский Гублит 8708 Тираж 10.000 Зак. 515

Предисловие к первому изданию.

Настоящий второй том Хрестоматии по Русской истории предназначен для той же цели, как и первый том, вышедший несколько месяцев тому назад. И подбор материала, и система его расположения — те же, как и в первом томе. Второй том охватывает собой эпоху Московского государства, начиная Иваном III и кончая Петром Великим. Материала здесь представлялось, конечно, больше, чем для первого тома, и выбрать то, что нужно, из этой массы было не легко. Приношу мою признательность уважаемым Ю. В. Готье, В. Я. Уланову и А. И. Яковлеву, любезно согласившимся просмотреть план второго тома с подробным перечнем предположенных для него статей, за сделанные ими ценные указания, коими я не преминул воспользоваться при окончательной обработке моей книги. Приношу мою признательность и всем другим лицам, оказавшим мне свое содействие советами, указаниями и книгами, а Румянцевскому музею, в лице его администрации, низко кланяюсь.

Москва, 1 ноября 1914 г.

Предисловие ко второму изданию.

Второе издание настоящей книги выходит в значительно расширенном и дополненном виде. Правда, некоторые статьи выключены, но заменены новыми, более ценными. Так, расширены отделы, посвященные экономической жизни страны, социальным движениям, политическому режиму; использованы новые документы по избранию Михаила Романова; шире прежнего даны Флетчер, Курбский, введены вновь Горсей, Де-Родсе, Кильбургер и др. Вся работа над этой книгой была бы, однако, не возможна, если бы составителю не пришли на помощь главные московские книгохранилища: библиотеки Румянцевского музея, Исторического музея, Социалистической Академии, I и II Государств. университетов; администрации всех этих учреждений составитель приносит свою признательность. Особенно признателен я М. Н. Покровскому, просмотревшему список статей этого тома, за сделанные им ценные указания.

Михаил Коваленский.

Москва, 20 сентября 1922 г.

Предисловие к третьему изданию.

Настоящее 3 издание книги М. Ковалевского, уже посмертное, представляет собой простую перепечатку 2-го, за исключением двух новых статей, внесенных в него самим покойным автором: 1) Предисловие к Синодику XV века и 2) грамота Андрею Виниусу 1632 года.

Первая статья относится к главе „Нестяжатели и Иосифляне“, вторая — к главе „Абсолютизм и Меркантилизм“.

Обе статьи помещены в конце книги.

Часть I. Московское государство и феодализм.

I. Москва и Новгород.

1. Борьба с Новгородом.

Из второй Софийской летописи.

I. Обрани на Новъгородъ. По преставленіи Іоны архіепископа Новогородскаго, Ноугородци нарекоша себѣ на владычество и на дворъ возведоша Ѳеофила, нѣкоего новопостриженна мниха... И сняшася посадници на вѣчьи, Ноугородскіе бояре, вѣчници и крамолници и суровіи человѣци, и вси Ноугородци, и послаша ко окаянному Ляху и Латынину, кралю Казимеру Литовскому, дабы за нимъ жити и дань давати ему и прося у него князя, и митрополиту Григорію, такому же Латышину, прося у него себѣ епископа; такоже уладишася съ королемъ и грамоты докончалные на себе даша. То слышавъ князь великій посла къ нимъ въ Новгородъ, обличая мысли ихъ; такоже и митрополитъ посла своего посла, возлагая на нихъ отлученіе и неблагословеніе, того ради, что хотятъ владыку ставити въ Кіевѣ, нарицая митрополита Кіевскаго Латынянина вѣру Латынскую держаща. Они же того не послушаша. А король имъ дасть князя Михаила Олельковича Кіевскаго, князь же Михайло въѣха въ Новгородъ и пріяша его Ноугородци съ великою честію, а князю Василію тогда у нихъ Шуйскому живущу, и даша ему Заволочьскую землю...

Въ та же времена великъ мятежъ въ нихъ бысть межи собою, и многи бои межь ими быша: овіи бо хотяху за великаго князя, иніи же мнози за короля. Князь же Михайло пребысть у нихъ недолго время и пріиде ему вѣсть, что братъ его старѣйшій князь Семенъ на Кіевѣ преставися; онъ же тое зимы поиде изъ Новагорода къ Кіеву.

Князь же велики тое же весны нача рядитися къ Новугороду, и отпусти напередъ себя къ Новугороду воеводъ своихъ князя Данила Дм. Холмьскаго да Федора Давыдовича, за недѣлю до Петрова заговѣйна, и съ ними 10 тысящь, и повелѣ имъ ити къ Русѣ и заити съ ону сторону къ Новугороду; к братіи же своей посла, повелѣ имъ со всѣхъ вотчинъ ити розными дорогами къ Новугороду, со всѣхъ рубежовъ, прочимъ же людемъ повелѣ съ собою ити;—князя же Ивана Стригу отпусти по Мстѣ вверхъ со царевичевыми Татары. Самъ же поиде съ Москвы, уговѣвъ Петрова говѣйна двѣ недѣли, на новыхъ отметниковъ вѣры крестьянскиія, и на своихъ измѣнниковъ, возложивъ упованіе на Бога...— И съ нимъ же поиде царевичь, Касымовъ сынъ, Даніяръ съ Татары; да испроси у матери своей у великой княгини дьяка Степана Бородатаго, умѣющаго говорити по лѣтописцемъ русскимъ; егда, рече, пріидутъ, и онъ воспоминаетъ ему говорити противу ихъ измѣны давные, кое измѣняли великимъ княземъ въ давныя времена, отцемъ его и дѣдомъ и прадѣдомъ. И поиде къ Торжку, и взялъ съ собою у Тверьскаго полкъ его, и вси же князи поидоша кійждо изъ своей вотчины розными дорогами, со всѣхъ рубежовъ воююще и сѣкуще, и во плѣнъ ведяху. Татарамъ же князь велики не повелѣ людей плѣнити. Воеводы же в. князя кн. Данило да и Федоръ, идучи къ Русѣ, многіе волости и села плѣниша и множество полону има-

ша; пришедше же въ Русу и пожгоша ю, и оттолѣ поидоша къ Новугороду.

Пришедшимъ же имъ къ рѣцѣ Шолонѣ, и ту срѣтоша ихъ Ноугородци по оной странѣ рѣки Шолони ѣздяще, и горлящеся, и словеса хулныя износяще на воеводъ вел. князя, еще же окаянніи и на самого государя в. князя словеса нѣкая хулная глаголаху, яко пси лаяху; наши же сташа станомъ на сей сторонѣ рѣки, бѣ бо уже вечеръ. Воеводы же в. князя печалны быша велми; множество бо бяше Ноугородцевъ, яко тысящь 40 или болши, нашихъ же мало велми; вси бо людіе по загономъ бяше воююще, не чаяху бо Ноугородскіе стрѣчи, бысть бо нашихъ всѣхъ осталося 4000, или мало болши. Наутріи наши исполчишася и стояху противу имъ, и стрѣляющимся обоимъ, Ноугородци же единако хваляхуся и гордостію своею величающеся, и надѣяхуся на множество людей своихъ, и глаголаху словеса хулная на нашихъ, и забыша окаянніи, яко Господь гордымъ противится, смиренным же дастъ благодать... Воеводы же глаголаху къ людемъ: «господіе и братія наши! лутши есть намъ дѣ главы свои покласти, за государя своего вел. князя, нежели съ срамомъ возвратитися». И сія рекше, и сами напередъ подкнуша кони свои и побредоша за рѣку борзо, вси же побредоша по нихъ скоро, иніи же мнози попловоша, бѣ бо глубока рѣка та, и кликнуша на Ноугородцевъ, стрѣляющи ихъ, иніи съ копьи и съ сулицами скочиша на нихъ по песку, бѣ бо песокъ великъ подлѣ рѣку; Ноугородци же мало щитъ подержавше, и побѣгоша вси, іюля 14...—Наши же погнаша, сѣкуще ихъ и имающе ихъ живыхъ, множество же изсѣкоша безчислено, яко не мочно на кони ѣздити въ трупѣхъ, и воеводъ же ихъ, посадниковъ старѣйшихъ всѣхъ руками изымаша, и знамена ихъ всѣ поотнимаша, и иныхъ многое множество; мало же ихъ во градъ утекоша и во градѣ затворишася.—Бысть же, братіе, чюдо преславное видѣти, отъ таковаго множества людскаго Новогородцевъ единъ человѣкъ у нашихъ убіенъ бысть...—И поиде оттуду къ Русѣ, и пріиде въ Русу мѣсяца іюля 24. И ту повелѣ казнити главною казнью крамолниковъ Новгородцевъ, ихже живыхъ изнимаша, начало крамолѣ той замыслиша и за короля отъ всего сердца хотѣша, тѣмъ же повелѣ главы отсѣщи: Дмитрею Борецкому, Исаковичю Марфину, и Василью Губѣ Селезневу, и Еремею Сухощоку, Купреяну Арзубьеву, и ихъ товарищомъ; прочихъ же посадниковъ, Василья Казимира и его товарищовъ 50 лутшихъ отбравъ, повелѣ вести къ Москвѣ, и оттолѣ къ Коломнѣ, и въ тюрму всадити.

Ноугородци же выслаша нареченнаго владыку Ѳеофила и съ нимъ лутшихъ людей бити челомъ в. князю, чтобы до конца не погибла его вотчина. Князь же велики умилосердися, и не хотѣ лити крови крестьянскіе и до конца погубити своей вотчины, и пожаловавъ ихъ не поиде къ городу, и возвратися оттуду въ усть Шолоны съ честію и побѣдою великою; и отъ того дня не велѣ плѣнити, ни воевати никомуже. И уряди вся съ ними якоже угодно в. князю, и взявъ у нихъ окупъ копейнаго съ города 16 тысящь рублевъ Ноугородскыхъ, и пріиде на Москву съ великою славою сентября 1; и честивъ царевича Даніяра, и одари я, и отпусти въ Мещеру...

Вятчане же, пришедше изъ Сараю (который они взяли), и поидоша съ воеводами в. князя, съ Васильемъ съ Образцомъ, съ Борисомъ Слѣщемъ, и съ Устюжаны противъ Ноугородцевъ; князь бо Василей Шуйской со всѣми Заволочаны собрався и поиде къ Устюгу, и множество 12 тысячь съ нимъ Ноугородцевъ. Въ ту же пору, егда князь велики бяше въ Новѣгородѣ, Василей и Борисъ со едиными Устюжаны 4000 безъ тридцати, и Вятчане пріидоша противу ихъ, и срѣтошася на Двинѣ въ судѣхъ, и выидоша обои изъ судовъ на берегъ, и бысть межи ими бой и сѣча зла,—и погнаша Устюжане и Вятчане, а Ноугородци побѣгоша, и множество ихъ изсѣкоша, и воеводу ихъ болшого Двиньскаго Игната Кашина ту убиша и иныхъ многихъ живыхъ поимаша; князь же Василей утече стрѣлянъ, и мало съ нимъ Ноугородцевъ въ суды вметався утекоша, иніи же истопоша. Устюжане и Вятчане идоша на Двиньские городкы и погосты, множество городковъ. И погостъ, и село поимаша, и полону много вземше и возвратишася съ побѣдою и корыстью великою, славяще Бога... — Вездѣ же пособи Богъ в. князю надъ новыми отступникы, и надъ своими измѣнникы, и надъ вѣчникы, надъ Новгородцы...

II. О поѣздѣ в. князя въ Великій Новъгородъ. — Судъ княжой на Городищѣ. — Въ лѣто 6984 (1476), октября въ 22, въ недѣлю, пошелъ князь великій къ Новугороду миромъ, а съ людми со многими. — И того же дни многіе Новугородстіи жалобники и всякіе люди житьи, и Рушане, и монастырьскіе, и прочіи—пріидоша бити челомъ в. князю, овіи приставовъ просити да быша отъ вой его не изграблени, а иніи съ жалобою на свою же братью на Новугородци, кіиждо о своемъ управлении... Ноября 25, въ субботу, били челомъ в. князю, пришедъ на Городище, мнози Новугородци, двѣ улицы Славкова да Микитина, на бояръ на Новугородскихъ, на посадника степенного Василья Онаньина, на Богдана Есипова, на Ѳедора Исакова, на Григорья Тучина, на Ивана Лошиньскаго, на Василья Микифорова, на Матфѣя Селезнева, на Якова Селезнева, на Ондрѣя Телятева Исакова, на Луку Офонасова, на Мосѣя Ѳедорова, на Семена Офонасова, на Костянтина на Бабкина. на Олексѣя Квашнина, на Василья Тютрюма, на Василья на Бахшу, на Ефима на Ревшина, на Григорья на Копюркина, и на Офимьины люди Есипова Горшкова, и на сына ее Ивана, на Ивановы людиСавелкова,—что наѣхавъ тѣ со многими людми на тѣ двѣ улици, людей перграбили и перебили, животовъ людскихъ на тысячю рублевъ взяли, а людей многихъ до смерти перебили. И того же дни били челомъ в. князю бояре Лука да Василей Исаковы ѣти Долинарьина, на Богдана на Есипова, да Василья на Микифорова, на Панфила на старосту Ѳедоровскіе улици, что наѣхавъ на ихъ дворъ людей у нихъ перебили, а животы разграбили, а взяли на 500 рублевъ. Князь же велики всѣмъ тѣмъ жалобникомъ далъ приставовъ своихъ, на коихъ ся жаловали, Дмитрея Чюбара Зворыку, Федца Мансурова, Василья Долматова...

Наутріи же въ недѣлю, ноября 26, обидящіи и обидѣныи всѣ сташа передъ в. княземъ на Городищѣ, старосты улицкіе Славковы и Микитины со всѣми уличаны да Исаковы дѣти Полинарьина Лука да Василей; а Василей Онаньинъ посадникъ и съ прочими написанными на нихъ жалобами отвѣчати стали; а у в. князя былъ тогды богомолецъ его владыка Ѳеофилъ да и посадники Новугородстіи. И начатъ судити ихъ, и судивъ ихъ и обыскавъ да жалобниковъ оправилъ, а тѣхъ всѣхъ, кои находили и били и грабили, обвинилъ; и велѣлъ князь велики Василья Онаньина, Богдана Есипова, Федора Исакова, Ивана Лошинскаго поимати, а товарищевъ ихъ всѣхъ велѣлъ князь велики своимъ приставомъ подавати на поруки на крѣпкіе, въ полуторѣ тысячѣ рублехъ в исцевыхъ да въ своей винѣ безъ урока; и взялъ ихъ за себя архіепископъ. Да тогда же князь великій выслалъ отъ себя вонъ Ивана Офонасова да сына его Олферія, да ихъ поимати же велѣлъ въ томъ, что мыслили Вел. Новугороду датися за короля.

Потом же въ третій день, во вторникъ, пріиде къ в. князю на Городище архіепископъ и посадницы бити челомъ отъ В. Новагорода о изниманныхъ бояръхъ, чтобы пожаловалъ смиловался, казни имъ отдалъ и на поруку ихъ далъ. Князь же велики владычня челобитья и Новагорода не прія, тако отвѣща имъ: «вѣдомо тебѣ богомолцу нашему и всему Новугороду, отчинѣ нашей — колики отъ тѣхъ бояръ и напередъ сего лихо чинилося, а и нынѣча что ни есть лиха въ нашей отчинѣ, то все отъ нихъ чинится; ино— како ми за то ихъ лихо жаловати?» да того же дни и послалъ ихъ къ Москвѣ, оковавъ, съ своими приставы. Декабря въ 1, въ пятокъ, пріиде къ в. князю на Городище архіепископъ, а съ нимъ посадницы мнози,—и тысяцкіе, и бояре, и житьи люди мнози,—бити челомъ отъ всего Новагорода о винныхъ,—и князь велики—тѣхъ винныхъ людей пожаловалъ, казни отдалъ...

III. Споръ о власти надъ Новгородомъ. Въ лѣто 6985 (1477), февраля 23, на Сборъ, пріиде изъ Новагорода посадникъ Захарія Овиновъ, за приставомъ в. князя, со многими Новугородци, инымъ отвѣчивати, а на иныхъ искати; а того не бывало отъ начала, какъ и земля ихъ стала и какъ в. князи учали быти отъ Рюрика на Кіевѣ и на Володимерѣ, и до сего в. князя Ивана Васильевича,—но сей въ то приведе ихъ.—Посемъ же пріидоша чные посадницы и мнози житьи Новугородцы, и поселяне, и черницы, и вдовы, и вси преобижени многое множество о обидахъ искати и отвѣчивати.

Тое же зимы, марта, архіепископъ Новугородскій Ѳеофилъ и весь Великый Новгородъ прислали къ вел. князю и сыну его послов своихъ, Назара подвойскаго да Захарію діяка вѣчнаго, бити челомъ и называти себѣ ихъ государи; а напередъ того, какъ и земля ихъ стала, того не бывало, никоторого в. князя государемъ не называли, но господиномъ. Тое же весны, апреля 24, въ четвергъ, князь велики посла въ Новгородъ послы свои, Ѳедора Давыдовича и Ивана Борисовича, а съ ними діяка Василья Долматова, къ владыцѣ и ко всему Новугороду, покрѣпити того, какова хотятъ государьства ихъ отчина ихъ Великій Новгородъ; и они того запрѣлися, рекуще: «съ тѣмъ есмя не посылывали», и назвали то лжею.

Маія 31, еще посломъ в. князя въ Новѣгороде, и бысть мятежь въ Новугородцѣхъ, сътворика вѣче, и пришедъ на Василья Микифорова взяша и приведоша его на вѣче, и вскричаша: «перевѣтнике! былъ ты у в. князя,—а цѣловалъ еси ему крестъ на насъ». Онъ же рече имъ: «Цѣловалъ есми крестъ в. князю на томъ, что ми служити ему правдою и добра ми хотѣти ему, а не на государя своего Вел. Новагорода, ни на васъ на свою господу и братію». Они же безъ милости убиша его, а по обговору Захаріи Овина, а потомъ и того Овина убиша, и брата его Кузму, у владыки на дворѣ; и отъ того часа возбѣснѣша яко піаніи, инъ иная глаголаше, и къ королю паки восхотѣша.

Князь же велики слышавъ отъ своихъ пословъ, да и отъ тамошнихъ посадникъ, которые пріятны ему, а розбѣгоша же ся вси, что таковое волненіе вста въ нихъ по первому ихъ преступленію, якоже предъ Шелонскимъ отступленіемъ ихъ, сжалися зѣло о нихъ и прослезися. И приходитъ къ отцу своему митр. Геронтию възвѣщая ему Новугородское преступленіе крестнаго цѣлованія; «съ чѣмъ присылали сами, чего и не хотѣлъ есми у нихъ государьства,—и они того запрѣлися, а на насъ лжю положили».—Тоже възвѣщаетъ и матери своей, и братьѣ, и бояромъ, и воеводамъ своимъ и възверже оттолѣ на Новгородъ гнѣвъ свой. И (вооружается) по благословенію духовенства, по совету бояръ на свою отчину, на отступниковъ и крестнаго цѣлованія преступниковъ, Новъгородцевъ.—Посылаетъ же и во Тферь къ в. князю Михаилу, прося у него помощи на Новгородъ: онъ же нимало ослушася, посылаетъ князя Микулинскаго со многими вои своими. Посемъ же паки и къ братьи своей посылаетъ, тогда сущимъ уже въ своихъ отчинахъ, веля имъ итти коемуждо отъ себе къ Новугороду.

Въ лѣто 6986 (1478), сентября 30, посылаетъ князь велики къ Новугороду складную грамоту съ Родивономъ Богомоловымъ подьячимъ. Октября 9, въ четвергъ,—выиде князь великий съ Москвы къ Новугороду, за ихъ преступленія казнити ихъ войною.—Октября 23 выѣхалъ князь велики изъ Торжку, а пошелъ ратью на Новгородъ; а царевичю Даньяру велѣлъ итти отъ Торжку по за Мстѣ, а съ нимъ воевода в. князя Василей Образецъ, съ Боровичи; а по своей сторонѣ. Мсты велѣлъ итти князю Данилу Холмскому а съ нимъ дѣти боярскіе в. князя двора его—многи, да Володимерци и Переславци и Костромичи всѣ; да тою же дорогою велѣлъ итти бояромъ своимъ Тферичемъ Григорью да Ивану Никитичемъ съ Дмитровци и Кашинци, которые служатъ в. князю; а по правую же себе велѣлъ итти, межи своей дороги и Мсты, князю Семену Ив. Ряполовскому, а съ нимъ Суздальци и Юрьевци; а по лѣвой руцѣ отъ себе, изъ Торжку на Дѣмонъ, брату своему князю Андрѣю меншему, а съ нимъ воевода в. князя Василей Сабуровъ съ Ростовци, и Ярославци, и Углечаны, и Бѣжичаны, которые служатъ в. князю, да и матери своей воеводѣ Сем. Фед. Пѣшку итти съ дворомъ ее съ нимъ же велѣлъ; а межи Дѣмоньскіе дороги и Яжелобицкіе велѣлъ итти князю Ал. Вас. да князю Бор. Мих. Оболенскимъ, а со княземъ Александромъ—Колужане, и Олексинци, и Серпуховичи, Хотуничи, и Москвичи, и Радонежци, да Новоторжци,—Берновы и Глуховы, а со княземъ Борисомъ—Можаичи, и Волочане, и Звенигородци, и Ружане, кои служатъ в. князю; а по Яжелобицкой дорозѣ велѣлъ итти Федору Давыдовичю, а съ нимъ дѣти боярскіе и двора в. князя да Коломничи всѣ; да по той же дорозѣ велѣлъ итти князю Ивану Вас. Оболенскому, а съ нимъ братіа его всѣ князи Оболенстіи, да и многіе дѣти боярскіе в. князя двора...

IV. Переговоры о государствѣ. Посемъ того же утра (ноября 24) пріидоша къ в. князю ударити челомъ на жалованьѣ:—да и о

томъ онли челомъ, чтобы пожаловалъ велѣлъ съ бояры поговорити. И князь велики послалъ къ нимъ на говорку (двухя бояря),—и говорилъ посадникъ Яковъ Коробъ тако: «чтобы государь нашь князь велики свою отчину Великій Новгородъ, волныхъ мужей, пожаловалъ, нелюбья отдалъ, а мечь бы свой унялъ».—«И посемъ Фефилактъ посадникъ тако рекъ: «чтобы государь князь велики пожаловалъ Новугородскихъ бояръ, которые у него, выпустилъ бы ихъ, а владычне челобитье и всего Новагорода принялъ». А Лука посадникъ Федоровъ тако рекъ: «чтобы государь князь велики пожаловалъ свою отчину, ѣздилъ бы на четвертой годъ въ Вел. Новгородъ, а ималъ бы по 1000 рублевъ; а велѣлъ бы судъ судити намѣстнику своему да посаднику въ городѣ, а чего не възмогутъ управити намѣстникъ да посадникъ, ино бы тому государь князь велики самъ управу учинилъ пріѣхавъ на четвертой годъ; да пожаловалъ бы государь князь велики позвы отложилъ, чтобы позвовъ на Москву не было».—А Яковъ Федоровъ говорилъ: «чтобы пожаловалъ князь велики не велѣлъ своимъ намѣстникомъ владычнихъ судовъ судити, да и посадничихъ».

Декабря 4 пріиде къ в. князю въ Паозерье къ Троицѣ владыка Новугородскій Ѳеофилъ, а съ нимъ посадники Яковъ Коробъ и другіе, (и отъ житьихъ и отъ купець)...—И начатъ владыка в. князю бити челомъ, сице глаголя: «Господине князь велики Иванъ Васильевичь всея Русіи! язъ, господине, богомолецъ твой владыка, и архимандриты, и игумени, и вси седмь соборовъ В. Новагорода, тебѣ своему государю челомъ бьютъ: чтобъ еси, государь, пожаловалъ, «миловался надъ хрестьянствомъ, надъ своею отчиною, мечь бы свой унялъ, и огнь утолилъ, а кровь бы крестьянская не лилася; а язъ, господине государь, богомолецъ твой и вся седмь соборовъ тебѣ своему государю со слезами челомъ бьемъ».—А посадники и житьи такоже били челомъ, чтобы государь пожаловалъ велѣлъ говорити съ бояры. И князь велики выслалъ къ нимъ бояръ своихъ.—И князь велѣлъ имъ отвѣчати тако: «...и восхощетъ намъ в. княземъ бити челомъ наша отчина В. Новгородъ, и они знаютъ, какъ бити челомъ».

...— Того же дни царевичь Даньяръ пришелъ подъ городъ, а съ нимъ воевода в. князя Вас. Образецъ съ Боровичи; и князь велики велѣлъ царевичю стати въ Кириловѣ манастырѣ да у Ондрея Святого въ манастырѣ, на Городищенской же сторонѣ, а приставомъ царевичевымъ кн. П. Оболенскому да кн. И. Звенцю велѣлъ стати на Ковалевѣ въ манастырѣ, а Вас. Образцу съ Боровичи велѣлъ стати у Спаса въ манастырѣ на Волотовѣ. Того же декабря 3 пришелъ подъ городъ кн. Ондрѣй большой Васильевичъ, и князь велики велѣлъ стати ему въ манастырѣ у Воскресенія на Деревяницѣ, а Тферскому князю Мих. Федоровичю велѣлъ стати съ полкомъ своимъ у Николы на Островкѣ.

Декабря 5 пріиде изъ Новагорода владыка Ѳеофилъ да и посадники и житьи, которы преже съ ними были, къ в. князю, а у него тогда братья его князь Ондрѣй, и Борисъ, и Ондрѣй меншой,—а билъ челомъ владыка и всѣ иже съ нимъ, чтобы государь смиловался; а въ томъ ся повинили, съ чѣмъ посылали Назара да Захара да предъ послы в. князя того заперлися. И князь велики велѣлъ отвѣчати имъ: «а коли уже ты владыка и вся наша отчина, Вел. Новъгородъ, предъ нами предъ вел. князми виновати сказалися есте, а тѣхъ рѣчей что къ намъ посылали есте и вы запрѣлися, а нынѣ сами на ся свидѣтельствуете а въспрашиваете, какову нашему государьству быти на нашей отчинѣ на Новѣгородѣ;—ино мы великіе князи хотимъ государьства своего какъ есмя на Москвѣ—такъ хотимъ быти на отчинѣ своей Великомъ Новѣгородѣ».

Декабря 7 пріиде къ в. князю владыка изъ Новагорода съ тѣми же посадники и съ житьими, да съ ними пять человѣкъ черныхъ отъ пяти концевъ (и били челомъ в. князю). Первая рѣчь Якова Короба съ челобитьемъ, чтобы государь князь велики пожаловалъ, велѣлъ своему намѣстнику судити съ посадникомъ. А Фефилактъ посадникъ билъ челомъ, чтобы гос. князь велики пожаловалъ,—на всякой годъ дань ималъ со всѣхъ волостей Новугородскихъ съ сохи по полугривнѣ Новугородскихъ. А Лука посадникъ билъ челомъ, чтобы гос. князь велики пожаловалъ, пригороды Новугородскіе держалъ своими намѣстники, а судъ бы по старине былъ.—Яковъ Федоровъ посадникъ билъ челомъ, чтобы пожаловалъ князь велики вывода не учинилъ изъ Новугородской земли; да и о вотчинахъ боярскихъ земляхъ, чтобы государь не вступался, да и позвы бы пожа-

ловалъ Московскіе въ Новѣгородѣ не были. Да всѣ били челомъ о томъ, чтобы в Низовскую землю къ берегу службы намъ Новугородцемъ не было; а которые рубежи сошлися здѣсе съ новугородскими землями, и по своихъ государей повелѣнію мы отчина ихъ ради того боронити. И бояре шедъ в. князю тѣ рѣчи сказали; и князь велики выслалъ къ нимъ тѣхъ же своихъ бояръ со отвѣтомъ, а велѣлъ имъ сице отвѣчивати: «били есте челомъ мнѣ в. князю,—ты нашъ богомолецъ и наша отчина В. Новгородъ,—зовучи насъ себѣ государи, да чтобы есмы пожаловали указали своей отчинѣ; и язъ князь великій то вамъ сказалъ, что хотимъ государьства на своей отчинѣ В. Новѣгородѣ такова, какъ наше государьство въ Низовской землѣ на Москвѣ; и вы нынѣча сами указываете мнѣ, а чините урокъ нашему государьству быти, ино то которое мое государьство?»

И владыка и посадники и житьи люди б и л и ч е л о м ъ, а молвятъ бояромъ:—«то мы своимъ государемъ урока не чинимъ ихъ государьству,—но пожаловали бы наши государи свою отчину, явили то своей отчинѣ, к а к ъ и х ъ г о с у д а р ь с т в у б ы т и в ъ и х ъ о т ч и н ѣ,—занеже, господине, отчина ихъ В. Новгородъ Низовскіе пошлины н е з н а ю т ъ, какъ государи наши государьство свое держатъ въ Низовской землѣ». И бояре шедъ сказали то в. князю, и князь великій ихъ же послалъ съ отвѣтомъ, а велѣлъ тако говорити:—«что есте били челомъ мнѣ в. князю, чтобы язъ явилъ вамъ какъ нашему государьству быти въ нашей отчинѣ,—ино н а ш е г о с у д а р ь с т в о в. князей т а к о в о—: в ѣ ч ю к о л о к о л у в о отчинѣ нашей въ Новѣгородѣ н е б ы т и, п о с а д н и к у н е б ы т и, а г о с у д а р ь с т в о в с е н а м ъ д е р ж а т и; ино на чемъ в. княземъ быти въ своей отчинѣ, волостемъ быти, селомъ быти какъ у насъ въ Низовской землѣ, а которые з е м л и наши за вами, а то бы было наше; а что есте били челомъ, мнѣ в. князю чтобы вывода изъ Новугородской земли не было, да у бояръ Новугородскихъ въ отчины въ ихъ зеыли намъ в. князем не вступатися и мы тѣмъ свою отчину ж а л у е м ъ, вывода бы не паслися, а въ вотчины ихъ не вступаемся; а суду быти въ нашей отчинѣ въ Новѣгородѣ по старинѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ».

Декабря 11 владыка пришел къ в. князю съ посадники (и житьими) начаша б и т и ч е л о м ъ, чтобы государь смиловался, да съ бояры бы велѣлъ говорити. И князь велики выслалъ бояръ съ ними говорити, и они учали бити челомъ, а в ѣ ч е й к о л о к о л ъ о т л о ж и л и, и п о с а д н и к а о т л о ж и л и, чтобы государь съ сердца сложилъ и нелюбія отдалъ, и вывода бы не учинилъ, и во вотчины бы ихъ въ земли и въ воды не вступался и въ животъ ихъ; да пожаловалъ бы и позвы Московскіе отложилъ, изъ Новогородскіе земли, да службы бы пожаловалъ, въ Низовскую землю не наряжалъ. И князь великій ихъ тѣмъ всѣмъ п о ж а л о в а л ъ, и они начаша бити челомъ, чтобы государь далъ крѣпость своей отчинѣ В. Новугороду, к р е с т ъ б ы ц ѣ л о в а л ъ, и князь велики отрече то: «н е б ы т и м о е м у ц ѣ л о в а н і ю»; и они били челомъ, чтобы б о я р е ц ѣ л о в а л и къ нимъ, и князь велики и т о и м ъ о т м о л ы л ъ. И они еще о томъ челомъ били, чтобы н а м ѣ с т н и к у своему велѣлъ ц ѣ л о в а т и, которому быти у нихъ, онъ же и того не учинилъ; и они еще били челомъ, о опасной грамотѣ, и князь велики и т о г о и м ъ н е д а л ъ.

Декабря 29—владыка (съ тѣми же новгородцами) б и л и ч е л о м ъ бояры в. князю: «что уже государь не жалуетъ, не токмо цѣлованіе отложилъ, ни опасные грамоты не дастъ,—и чѣмъ паки свою отчину насъ жалуетъ, и м ы б ы то его жалованье отъ устъ его с л ы ш а л и с а м и безъ высылокъ». И бояре шедъ то сказали в. князю; и князь велики пожаловалъ велѣлъ к ъ с е б ѣ в н и т и, и р е ч е и м ъ: «что били есте челомъ мнѣ в. князю—чтобы язъ пожаловалъ гнѣвъ свой отложилъ, и вывода бы изъ Новугородской земли не учинилъ, и въ вотчины и въ животы людскіе не вступался, и позва Московскаго не было бы, и суду быти по старинѣ въ Новѣгородѣ, какъ судъ въ землѣ стоитъ, да и службы бы въ Низовскую землю вами не наряжалъ;—и язъ тѣмъ всѣмъ васъ свою отчину ж а л у ю, все то есмь о т л о ж и л ъ». И они то слышавъ, и ударивше челомъ, выидоша вонъ отъ него.

V. П е р е г о в о р ы о в о л о с т я х ъ. И князь велики выслал за ними бояръ о в о л о с т е х ъ и о с е л ѣ х ъ, а велѣлъ говорити тако: «князь великій Иванъ Васильевичь всеа Русіи глаголетъ: посылалъ есми къ тебѣ богомолцу своему бояръ своихъ, да и къ вамъ посадникомъ и къ житьимъ, о волостехъ и о селѣхъ, чтобы

наша отчина В. Новгородъ дали намъ волости и села; понеже намъ в. княземъ государьство свое держати на отчинѣ В. Новѣгородѣ безъ того нелзѣ». И владыка и посадники и житьи отвѣчали: «скажемъ то, господине, Новугороду».

Генваря 1 владыка съ посадники и съ житьими пришедъ къ в. князю явили ему волостей Луки Великіе да Ржеву Пустую; онъ же не взя того. 4-го, въ недѣлю, владыка съ тѣми же—пришедъ къ в. князю, явили 10 волостей: 4 владычни, 3 Юрьевскаго манастыря, да у Дѣмона Благовѣщенская волость, да Онтоньевскую волость, да Тубасъ волость, да что въ Торжку земель владычнихъ и боярскихъ, и манастырскихъ, и всѣхъ Новугородцевъ, чьи земли ни буди, всѣхъ тѣхъ отступилися в. княземъ къ ихъ отчинѣ къ Торжку; и князь велики тѣхъ десяти волостей не взялъ. И они били челомъ, чтобы самъ государь умыслилъ, какъ ему своя отчина жаловати, а отчина его покладывается на Бозѣ да на немъ. И князь велики бояромъ велѣлъ молвити:—половину всѣхъ волостей владычнихъ, да и манастырскихъ, да Новоторжскіе чьи ни буди. И они отвѣчали: «скажемъ то, господине, Новугороду».

Генваря 6, въ вторникъ, владыка пріиде къ в. князю (съ теми же людьми) съ челобитьемъ и съ половиною волостей владычнихъ, да и Новоторжскіе волости владычни, и манастырскіе, и боярскіе, чьи ни буди, всѣхъ отступилися великимъ княземъ; да били челомъ о манастырѣхъ, чтобы пожаловалъ, у шти манастырей взялъ роловину волостей и земель,—а иные бы манастыри государь пожаловалъ, земель у нихъ не ималъ, понеже тѣ убоги, земель у нихъ мало. И князь велики владыцѣ и посадникомъ велѣлъ ити въ городъ и написати на списокъ половину волостей владычнихъ и манастырскихъ, а не утаили бы ничѣмъ, а что утаятъ, ино то земли вел. князей. Генваря 7 пріиде къ в. князю владыка съ посадники и списки принесли владычнихъ волостей половину, такоже и манастырскихъ. И князь велики пожаловалъ, у владыки половины волостей не взялъ, а взялъ 10 волостей,—да Новоторжскіе земли всѣ взялъ, владычни и манастырскіе и боярские и чьи ни буди, въ Торжку,—да шти манастырей по половине волостей, а у Юрьева манастыря въ половинѣ, что взялъ князь велики, 720 обжей, а у Аркажа 333, а у Благовѣщенскаго 253, а у Николского Неревскаго конца 251, а у Онтонова 50 сохъ, а у Михайловскаго 100 обжей без трехъ; а которые села были за княземъ Васильемъ за Шуйскимъ, и тѣ князь велики за себя же взялъ, 6 селъ, а въ нихъ 80 сохъ безъ дву.

Генваря 8 пріиде изъ Новагорода къ в. князю владыка съ посадники, и съ житьими, и съ черными бити челомъ, чтобы государь пожаловалъ отчину свою, крестіянство бы не гибло; понеже бо тѣснота бѣ въ градѣ, и мор на люди, и гладъ. И князь велики велѣлъ съ ними бояромъ своимъ говорити о дани, что явили дань со всѣхъ волостей Новугородскихъ съ сохи по полугривнѣ, по 7 денегъ; велѣлъ въспросити, что ихъ соха?—И они сказали: «3 обжи соха, а обжа одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ; а кто на трехъ лошадехъ и самъ третей оретъ, ино то соха».—И князь велики захотѣлъ взяти съ обжи по полугривнѣ.—И владыка со всѣми своими еще билъ челомъ: «чтобы государь пожаловалъ, писцовъ своихъ и даньщиковъ въ свою отчину волости Новугородскіе не посылалъ, понеже, господине, христіанству то тяжко; положилъ бы государь на Новугородскую душю, а скажутъ всѣхъ, колко у кого сохъ будетъ, да сами собравъ дань отдадутъ по крестному цѣлованію безъ хитрости, тому, кому в. князи прикажутъ отдати въ Новѣгородѣ:—а кто утаитъ хотя одну обжу, а уличимъ его, и мы того скажемъ своимъ государемъ, и в. князи того казнятъ». И князь велики и тѣмъ пожаловалъ отчину свою, что имъ самимъ дань сбирая отдавати кому у нихъ велятъ имати, а писцовъ и даньщиковъ къ нимъ не посылати.

Генваря 10 князь велики велѣлъ бояромъ своимъ говорити владыцѣ (и другимъ новгородцамъ) о Ярославлѣ дворѣ, чтобы тотъ дворъ ему очистили. И владыка и посадники и житьи отвѣчали: «о томъ, господине, ѣдемъ въ городъ, да и скажемъ Новугороду». Да велѣлъ имъ того же дни явити списокъ, на чемъ имъ къ великимъ княземъ крестъ цѣловати всему В. Новугороду.

Генваря 15, въ четвергъ, послалъ князь велики въ Новгородъ бояръ своихъ,—привести весь Великій Новгородъ къ цѣлованію, на той грамотѣ, на чемъ в. княземъ добили челомъ Новугородци...

Генваря 20 князь велики изъ Новагорода послалъ на Москву къ матери, и къ митрополиту, и къ сыну своему,—князя Ивана Ивановича Слыха, съ тѣмъ, что отчину свою В. Новгородъ привелъ во всю свою волю, и учинился на немъ государемъ какъ и на Москвѣ; и пріѣхалъ на Москву съ тѣмъ того же генваря 27.

Из Софийской первой летописи.

И пріѣздилъ владыка Ѳеофилъ бити челомъ в. князю Ивану Васильевичю за Великій Новгородъ, а Новгородци заперлися въ городѣ, а сила в. князя стояла около всего Новагорода; и владыка многажды билъ челомъ в. князю: «пожалуй, государь князь великій, свою отчину держи по старине, а тебѣ своему государю в. князю Вел. Новгородъ челомъ бьетъ». И не пріятъ челобитья ихъ, и выстоялъ стояньемъ В. Новгородъ, и отвориша Новгородцы врата великому князю, февраля въ 17,—и поможе ему Богъ и пречистая его мати, изволи свою волю надъ В. Новымгородомъ. И поцелова крестъ владыка Ѳеофилъ и посадники, и тысяцкіе, и весь Великій Новгородъ отъ мала и до велика великому князю; а не быти въ Новѣгородѣ ни посадникомъ, ни тысяцкимъ, ни вѣчю, и вѣчной колоколъ сняли доловь и на Москву свезоша. И посади своя намѣстники въ Вел. Новѣгородѣ. И поѣха прочь мѣсяца февраля въ 17, и поималъ Новгородскихъ бояръ съ собою, и Марфу Исакову со внукомъ ее повелъ на Москву, и плѣни Новгородскую землю, и тако укрѣпи В. Новгородъ быти подъ областію Московскою...

---

2. Взятие Псковское (1510).

Из Софийской первой летописи.

Живущимъ Псковичамъ въ своей воли и князя державнаго владущаго ими не имущимъ, но избираху себѣ князя просяще отъ инѣхъ странъ, отъ великихъ государствъ, ово отъ Москвы, ово отъ Литовскія земли, и держаху его приведше къ себѣ яко наемника, а не яко князя, по закону своему. Таковъ же бяше обычай у нихъ: аще что скорбно увидятъ отъ него,— извѣтъ ему сотворше, и отсылахуть его во отечество свое ему, во страну, откуду взятъ бысть и приведенъ къ нимъ.

И бѣ у нихъ взятъ съ Москвы у в. князя Василья Ивановича князь Иванъ Оболенской Репня, и той князь живяше у нихъ грозно и свирѣпо, по наказу государя своего в. князя, по Московскому обычаю, а не по обычаю ихъ и закону; и взимаше у нихъ мзды великія, и правыхъ виноватыхъ творяше и виноватыхъ правыхъ, и всячески оскорбляше ихъ, и отрокомъ своимъ волю велику подастъ, да и они такоже творятъ, якоже и господинъ ихъ злая творяще.

Псковстіи же мужіе не стерпѣвше надолзѣ бываемаго отъ него великаго зла, скоро избравше и послаша къ Москвѣ послы своя отъ всего Пскова къ в. князю, жалящеся на служащаго ему князя своего и въ того мѣсто иного просяще себѣ, лучшаго обычаемъ и дѣлы и праведнѣйшего судомъ. Князь же великій отпусти ихъ въ землю свою, во градъ Псковъ, глаголавъ имъ сице: «азъ пріиду самъ въ Вел. Новгородъ, и тамо пришедъ и пошлю по князя вашего, и желѣзы окована по руцѣ и по нозѣ и по выи велю и предъ ся привести, съ великимъ безчестіемъ и срамомъ, яко злодѣя, и сужду васъ съ нимъ, и на смерть предамъ его вамъ яко разбойника, да что хощете то творите надъ нимъ, яко вамъ есть любо». Се же глаголаше имъ лукавствуя ими и играя яко безумными; послы же Псковстіи поидоша радостны съ Москвы, яко велико богатство вземше, и пришедше къ себѣ во градъ Псковъ, и вся реченная имъ в. княземъ сказаша на вѣчи всѣмъ Псковичамъ. Псковичи же слышавши отъ пословъ своихъ ради быша зѣло вси велми, и ждаху пришествія в. князя въ Новгородъ, готовящеся ити къ нему, хотяще поглотити князя своего.

Въ лѣто 7018 (1510), мѣсяца октября въ 26 день, князь великій пріѣхалъ во свою отчину В. Новгородъ, и съ своимъ братомъ удѣлнымъ со княземъ Андрѣемъ и со своими бояры. И поидоша избравшеся вси болшіе посадники, и тысяцкіе, и всѣ старѣйшины града, лутчія люди Псковичи, ово на князя жалитися, а ово на видѣніе великаго князя;—и во градѣ осташася токмо игумены и священницы, и черные люди земскія, и жены

и дѣвица. И пришедше въ В. Новгородъ, жалобы велики творяху на князя своего в. князю; а князь великій управы имъ никакой че дастъ, а говоритъ такъ: «копитеся вы, жалобные люди, на Крещеніе Господне, и язъ вамъ всѣмъ управы подаю»,—а управы никаковы нѣтъ.

Того же времени мѣсяца генваря въ 6 день, на Крещеніе Господне, князь великій велѣлъ посадникомъ Псковскимъ всѣмъ копитися, и бояромъ и купцомъ и купецкимъ старостамъ велѣлъ ити на рѣку на водокрестіе; а самъ князь великій вышолъ со всѣми бояры на рѣку на Волховъ, а священники и діаконы выидоша со кресты; и воду окрестивъ, да пошли ко святѣй Софіи. Князь великій велѣлъ своимъ бояромъ, по своей думѣ, посадникомъ Псковскимъ говорити: «Посадники Псковскіе, да и бояре, и жалобные люди! государь велѣлъ всѣмъ вамъ копитися на государьской дворъ сполна, а которой не поидетъ, ино боялся бы государевы казни, занеже государь хочетъ всѣмъ управу дати». И посадники Псковскіе и бояре вси съ одного пошли съ воды на владычинь дворъ; и бояре посадниковъ спросили: «уже ли есте сполна скопилися?» и посадниковъ, и бояръ, и купцовъ ввели въ полату, а молодшіи люди на дворѣ стояли. И бояре къ посадникомъ и бояромъ и купцомъ Псковскимъ рекли: «поимани де есте Богомъ и великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа Русіи». И туто посадники сѣдѣша и до своихъ жонъ, а молодшихъ людей переписавъ и подаваша Новгородцомъ по улицамъ беречи и кормити до управы.

И переняша Псковичи полоняную свою вѣсть отъ Филипа отъ Поповича отъ купчины отъ Псковитина, а онъ ѣхалъ къ Новугороду и сталъ у Веряжи, и услышавъ злую ту вѣсть—и оставя товаръ свой погонилъ ко Пскову и сказалъ Псковичамъ, что князь великій посадниковъ нашихъ и бояръ, и жалобныхъ людей переималъ». И нападе на нихъ страхъ и трепетъ, и таковыя смяги пришли на ихъ уста, и многажды приходили Нѣмцы ко Пскову, а таковыя бѣды и сухоты не бывало. И вѣче поставя начаша думати, ставити ли щитъ противъ государя, запирати ли ся во градѣ? ино помянуша крестное цѣлованіе, что не можно руку воздвигнути на государя, а посадники и бояре и лучшіе люди вси у него.

И послаша Псковичи къ вел. княжю гонца своего бити челомъ в. князю со слезами, от мала и до велика,—«чтобъ ты, государь, жаловалъ свою отчину старинную»; и у в. князя своя мысль, чего ради поѣхалъ съ Москвы въ В. Новгородъ, что ему превратити Псковъ на свои пошлины. И посла князь великій своего діяка Третьяка Долматова, и Псковичи обрадовалися отъ государя жалованья старины, ажъ Третьякъ имъ на вѣчи и первую новую пошлину—поклонъ отъ князя сказалъ: «чтобъ де отчина моя, посадники Псковскіе и Псковичи, толко хотите еще въ старины прожити, и вы бы есте двѣ воли мои изволили,—в вѣча бы у васъ не было да и колоколъ бы есте сняли долой вѣчной, а здѣ быти двѣмъ намѣстникомъ, а по пригородомъ намѣстнику же быти, и вы еще проживете въ старинѣ, а толко тѣхъ дву воль государю не изволите, и не сотворите, ино государю какъ Богъ по сердцу положитъ, ино у него много силы готовой, и то кровопролитіе на тѣхъ будетъ, кто государевы воли не сотворитъ; да государь нашъ князь великій хочетъ побывати на поклонъ ко св. Троицы во Псковъ»; да то отговоривъ сѣлъ на степени.—

А Псковичи ударили челомъ въ землю и не могли противу его отвѣчати, а ино исполнилися очи ихъ слезъ,—токмо тыя слезъ не испустили, кои не въ разумѣ млади суще; толко ему отвѣчали: «посолъ государевъ! дастъ Богъ заутра и мы себѣ подумаемъ да и тебѣ о всемъ откажемъ». А Псковичи туто горко заплакали; како имъ не упали зѣницы со слезами вкупѣ? како имъ не урвалось сердце отъ корени? Наутрія же свитающу дню недѣльному, и позвониша вѣче, и вшол Третьякъ въ вѣче, и посадники Псковскіе и Псковичи начаша ему говорити: тако у насъ написано въ лѣтописцѣхъ съ прадѣды его и съ дѣды и съ отцемъ его крестное цѣлованье съ великими князьми положено: что намъ Псковичамъ отъ государя своего в. князя кой ни будетъ на Москвѣ,—и намъ отъ него не ити ни въ Литву, ни въ Нѣмцы, а намъ жити по старинѣ, въ добровольи; а мы Псковичи отъидемъ отъ в. князя въ Литву или въ Нѣмцы, или о себѣ учнемъ жити безъ государя, ино на насъ гнѣвъ Божій, гладъ и огнь и потопъ и нашествіе поганыхъ, а государь нашъ князь великій тое

крестное цѣлованье не учнетъ на собѣ держати ино на него тотъ же обѣтъ, которой на насъ, коли насъ не учнетъ держати въ старине, а нынѣ Богъволенъдагосударь въсвоей отчинѣ во градѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ, а мы прежняго цѣлованья своего и проклятья не хотимъ измѣнити и на себѣ кровопролитія приняти, и мы на государя своего руки подняти, въ городѣ заперетися не хотимъ; а государь нашь хочетъ Троицы помолитися, въ своей отчинѣ побывати, во Псковѣ, и мы своего государя ради всѣмъ сердцемъ, чтобъ насъ не погубилъ до конца».

И мѣсяца генваря въ 13,—спустиша вѣчной колоколъ—и начаша Псковичи на колоколъ смотря плакати по своей старинѣ и по своей воли; и тоя же нощи повезе Третьякъ вѣчной колоколъ къ в. князю въ Новгородъ. И того же мѣсяца, за недѣлю пріѣзда в. князя съ силою (моск. бояре) поведоша Псковичи къ крестному цѣлованью...

Из Псковской первой летописи.

Псковское взятіе. (Послѣ подчиненія Пскова Москвѣ) нача князь великой деревни давати бояромъ своимъ сведеныхъ бояръ Псковскихъ, и посади намѣстника на Псковѣ, и дьяков, и старостъ московскихъ 12, и Псковскихъ 12, и деревни им даша; а велѣлъ имъ въ судѣ сидѣти съ намѣстники и съ тіуны, правды стеречи. И у намѣстниковъ, и у ихъ тіуновъ, и у дьяковъ в. князя правда ихъ, крестное цѣлованье, взлетѣла на небо, и кривда въ нихъ нача ходити, и нача быти многая злая въ нихъ, быша немилостивы до Псковичь; а Псковичи бѣдныя не вѣдаша правды Московскія.—И начаша намѣстники надъ Псковичами силу велику чинити, а приставы ихъ начаша отъ поруки имати по 10 рублевъ и по 7 рублевъ и по 5 рублевъ; а Псковитинъ кто молвитъ в. князя грамотою, почему отъ поруки имати велѣно, и они того убьютъ; и отъ ихъ налоговъ и насилства многіе разбѣгошася по чюжимъ городомъ, пометавъ женъ и дѣтей. А кои иноземцы жили во Псковѣ, и ты разъидошася во свои земли; ано не мочно во Псковѣ жити, толко одни Псковичи осташа, ано земля не разступится, а вверхъ не взлетѣтъ.

Того же лѣта къ Троицыну дни пріѣхаша во Псковъ гости сведеные Москвичи съ 10 городовъ 300 семей, а Псковичь толко 4 сведено; и начаша имъ дворы давати въ Середнемъ городѣ, а Псковичь всѣхъ выпроводиша изъ своихъ дворовъ въ Околней городъ и на посадъ.

П. С. Р. Л. т. VI).

II. Москва и Крым.

3. Посольство Ивана III к Менгли-Гирею с боярином Беклемишевым.

1474 г. мартъ.

Лѣта 82 (1474) марта. Микитино Беклемишова посольство ко царю къ Менгли-Гирею, Кади-Гиреєву сыну.

Правити посольство Микитѣ Васильевичу Беклемишову царю Менгли-Гирею. Князь великій Иванъ челомъ бьетъ.

Князь Великій Иванъ челомъ бьетъ: прислалъ еси ко мнѣ своего посла Ази-Бабу, а приказалъ еси ко мнѣ съ нимъ свое жалованье и ярлыкъ свой съ нимъ прислалъ еси. А въ ярлыкѣ твоемъ пишетъ, жалуючи мене, братомъ собѣ и другомъ назвалъ еси. А что мнѣ отъ тобя твой посолъ Ази-Баба учнетъ говорити, ино пишетъ въ ярлыкѣ, что то твои рѣчи, и мнѣ бы тому вѣрити.—Князь Великій Иванъ челомъ бьетъ: посолъ паки твой Ази-Баба говорилъ мнѣ твоими рѣчьми такъ: что хочешь меня жаловати, въ братствѣ и въ дружбѣ и въ любви держати, по тому, какъ еси съ королемъ въ братствѣ, а другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти. А коли мой посолъ къ тебѣ пріидетъ. и ему къ тобѣ прямо ити. А пошлинамъ даражскимъ и инымъ пошлинамъ всѣмъ никоторымъ не быти. И ярлыкомъ мя докончальнымъ хочешь жаловати и правду свою на томъ на всемъ хочешь пожаловати дати.

Князь великій челомъ бьетъ: и язъ, слышевъ твое жалованье и ярлыкъ твой видѣвъ и повѣря Ази-Бабинымъ рѣчамъ, по твоему ярлыку, послалъ

есми къ тобѣ бити челомъ моего боярина Микиту, чтобы еси пожаловалъ: какъ мя еси учалъ жаловати, такъ бы еси и до конца жаловалъ по тому, какъ еси ко мнѣ приказалъ съ своимъ посломъ съ Ази-Бабой, другу бы еси моему другомъ былъ, а недругу недругомъ. А язъ твоему другу хочу другомъ быти, а недругу твоему недругомъ быти. И ярлыкъ бы еси свой докончальный пожаловалъ далъ по списку по тому, на чемъ ми твой посолъ Ази-Баба твоимъ словомъ молвилъ и правду далъ, и шерть бы еси пожаловалъ на томъ мнѣ далъ. А язъ челомъ бью.

---

4. Посольство Менгли-Гирея к Ивану III.

1495 г.

Менли-Гиреево слово. Великому князю Ивану князю, брату моему, поклонъ.

Послѣ поклона прошенье мое то: мисюрской салтанъ писанъ и шитъ узорчатъ шатеръ прислалъ. Дастъ Богъ въ вешніе дни ѣсти и пити надобе, въ два ведра доброва дѣла серебряны чары да наливки серебряны прошу у тебя: наливка бы не мала была, по чарѣ посмотря, доброво бы дѣла наливка была; твоя брата моего любовь въ ночь и въ день съ сердца не сойдетъ, серебряную чару исполнивъ меду, про твою брата моего любовь чашу всегда полну пьемъ. У насъ такъ сдѣлати мастера доброво не добыти, а у тебя у брата моего такіе есть, того дѣля прошу; ты братъ мой, да язъ царь братъ твой любви для ко любви такую чару да и наливку гораздо велѣвши сдѣлати; которой твой посолъ пойдетъ не оставляя пошлешь, любви и братству и дружбѣ примѣта то стоитъ. Молвя съ синимъ нишаномъ [1]) ярлыкъ послалъ есми, лѣта девять сотъ перваго, октября мѣсяца 8 день, въ понедѣльникъ. Писано на Черной рѣкѣ, на Каракуртѣ...

---

5. Грамота Менгли Гирея к Ивану III [2]).

(1502 іюня 17 — іюля 3).

А се Менли-Гиреева грамота. Менли-Гиреево слово. Великому князю Ивану, брату моему. много поклонъ.

Слава Богу, Шихъ-Ахметя, недруга нашего, розогонивъ, орду его и всѣ его улусы Богъ въ наши руки далъ. И нынѣчя съ бояриномъ съ твоимъ съ Ѳеодоромъ добраго своего слугу Суунчюя послалъ есми. И ты бы, братъ мой, то доброе наше дѣло и тѣ добрые наши вѣсти слышевъ, веселъ бы еси былъ и обрадовался, и нынѣчя къ намъ с добрыми поминки и съ поклономъ къ тому Суунчюю къ слугѣ нашему прикошевавъ, доброго своего боярина брѣзо пришли.

И нынѣча къ той сторонѣ къ салтанъ Баязыту и къ мисюрскому салтану въ головахъ и всѣмъ нашимъ другомъ посломъ моимъ пригожъ ходити, добрыхъ портищъ собольихъ, и одинцовъ, и горностайныхъ, и рысьихъ черевныхъ, и добрыхъ рыбьихъ зубовъ, и кречетовъ мнѣ бы брату твоему самому ловити. И которыхъ кречетовъ у тебя прошу, съ добрымъ своимъ соколникомъ, и бѣлыхъ ястребовъ, и добрыхъ бѣлокъ, и добрыхъ горлъ лисьихъ, братство учинишь, пришлешь съ моимъ слугою съ Суунчюемъ; и которого боярина своего пошлешь, съ тѣми пришлешь, братство и дружбу свыше учинишь, а мнѣ брату твоему на сердцѣ велми радость учинишь. И нынѣча съ добрыми своими рѣчми и сколкими дѣлы, молвя, съ добрымъ своимъ человѣкомъ боярина твоего Олексѣя Григорьевича послѣ того отпущу, такъ вѣдай. А того дѣля боярина твоего Алексѣя у себя оставилъ есми.

Слово наше то: на короля и на Литовскую землю рати твои какъ пойдутъ съ нашею ратью во близу ли ходити, и моей рати какъ ходити, и ты ко мнѣ борзо съ моимъ слугою съ Суунчюемъ напередъ сколкими казаки отвѣтъ пришли. Да слово наше то: съ своимъ съ добрымъ слугою и съ бояриномъ съ твоимъ съ Ѳедоромъ изъ устъ словомъ приказалъ есми, такъ вѣдай, а вѣрилъ бы еси. Молвя, съ синимъ нишаномъ и жиковиною запечатавъ, ярлыкъ послалъ есми лѣта девять сотъ семаго, іюня въ 6 день, въ недѣлю, писано на Аралдукѣ, въ курячье лѣто.

(Сборник Р. Ист. О-ва, т. 41, №№ 1 48, 83.)

---

[1]) Тайный секретарь.

[2]) Чо разрушеніи Золотой Орды.

III. Москва—Третий Рим.

6. Сказаніе великихъ князей Владимерскихъ великіа Россія.

Поставление великихъ князей русскихъ откуду бѣ, и како начаша ся ставити на великое княжение святыми бармами и царскимъ венцемъ.

В лѣта 6622 бысть сіи князь великій Владимеръ Всеволодовичъ Манамахъ, князь великій кіевъскій, правнукъ великаго князя Владимера, просвѣтившаго Русскую землю, отъ него же 4-е колѣно. Той же Мономахъ прозвася отъ таковыя вины.

Егда сѣде въ Киевѣ на великое княжение начатъ съвѣтъ творити со князи своими и з боляры и с велможи, глаголя тако рече: «егда азъ малъ есмь преже мене царствовавшихъ и хорюгви правящихъ скипетра великия Росия, якоже князь великіи Олегъ ходилъ и възялъ со Царяграда велию дань на воя своя и потомъ великіи князь Всеславъ Игоревичъ ходилъ и взялъ на Костянтинѣ-градѣ тякчайшую дань. А мы есмя Божиею милостию настолницы своихъ прародителей и отца своево великаго князя Всеволода Ярославича наслѣдницы тоя же части отъ Бога сподоблены, и нынѣ убо съвѣтъ іщу отъ васъ, моея полаты, князей, и бояръ, и воеводъ и всего подъ вами христолюбиваго воинства, и да превознесется имя святыя и живоначальныя Троицы вашея храбрости могутствомъ Божиею волею с нашимъ повелѣниемъ, и кии мы съвѣтъ воздаете?» Отвѣщаста же великому князю Владимеру Всеволодовичу князи и боляря его и воеводы и рѣша ему: «сердце царево в руцѣ Божіи, якоже есть писано, а мы есмя вси раби твои подъ твоею властию». Великіи же князь Владимеръ збираетъ воеводы благоискусны и благоразумны и благоразсудны, поставляетъ чиноначалники и сотники и пятидесятники, и совокупи многи тысяща воинствъ и отпусти ихъ на Фракию Цареграда блюсти, и поплѣниша ихъ довольно, и возвратишася со многимъ богатествомъ здрави во свояси.

Тогда бѣ во Цареградѣ благочестивый царь Костянтинъ Манамахъ, и в то время брань имѣя с Персы и с Латины. И составляетъ съвѣтъ благъ премудрый царьскій, отряжаетъ убо послы своя к великому князю Владимеру Всевлодовичю митрополита Ефесскаго Неофита отъ Асия и съ нимъ два епископа: Митулійскаго и Мелетінскаго, и стратіга антиохійскаго, игѣмона Иерусалимскаго Иеустафия и иныхъ своихъ благородныхъ. Отъ своея же царьския выи снимаетъ животворящіи крестъ отъ самого животворящаго древа, на немъ же распятся владыка Христосъ, снимаетъ же отъ своея главы царьскій венецъ и поставляетъ его на блюде злате; повелѣваетъ же принести крабѣйцу средликову, из нея же Августия царь римскіи веселяшеся, посылаетъ же и ожерелие, сирѣчь святыя бармы, иже на плещу свою ношаше, и чепъ отъ злата аравитскаго скованну, и ины многи дары царьскія, и дастъ ихъ митрополиту Неофиту и епископомъ и своимъ благороднымъ посланникамъ, и отпусти ихъ къ великому князю Владимеру Всеволодовичю моля его и глаголя: «Пріими отъ насъ, боголюбивыи и благовѣрныи княже, сия честныя дарове иже отъ начатка вѣчныхъ лѣтъ твоего родства и поколѣниа царьскихъ жребіи и самодержавнаго царствия. О немъ же начнутъ молити тя наши посланницы, что мы отъ твоего благородия просимъ мира и любве яко да церкви Божия безмятежна будетъ и все православие въ покои да пребудетъ подъ сущею властію нашего царства и твоего волнаго самодержавства великия Росія, да нарицаешися боговенчанныи царь, венчанъ симъ царьскимъ венцемъ рукою святѣйшаго митрополита Киръ Неофита съ епископы».

И съ того времени князь великіи Владимеръ Всеволодовичъ наречеся Манамахъ, царь великия Росия, и потомъ пребыста прочаа времена съ царемъ Констянтиномъ князь великіи Владимеръ въ мирѣ и любви. Оттолѣ и донынѣ тѣмъ царьскимъ венцемъ венчаются великіи князи Владимерстіи, его же прислалъ греческій царь Констянтинъ Манамахъ егда поставятся на великое княжение росіиское. Преставися князь великіи Владимеръ Кіевскіи Монамахъ въ лѣто 6632, княжилъ въ Кіевѣ лѣтъ 13, а живе всѣхъ лѣтъ 73, и положенъ бысть во святѣи Софеи въ Киевѣ мая въ 19 день.

(И. Жданов. Русский былевой эпос. Приложение IV, по списку XVI в.)

---

7. Посланіе старца Псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳея къ в. кн. Василію Ивановичу.

Иже отъ вышняя и отъ всемощныя, вся содержащія десница Божія, имже царіе царствуютъ и имже велиціи величаются и силніи пишутъ правду,—тебѣ пресвѣтлѣйшему и высокостолнѣйшему государю великому князю, православному христіанскому царю и владыцѣ всѣхъ, браздодержателю святыхъ Божіихъ престолъ святыя вселенскія и апостольскія Церкви пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея успенія, иже вмѣсто римскія и константинопольскія просіявшу. Стараго убо Рима Церкви падеся невѣріемъ аполлинаріевы ереси; второго же Рима Констянтинова града Церкви агаряне внуцы сѣкирами и оскордами разсѣкоша двери. Сія же нынѣ третьяго новаго Рима державнаго твоего царствія святая соборная апостольская Церкви, иже въ концыхъ вселенныя въ православной христіанской вѣрѣ во всей поднебеснѣй паче солнца свѣтится. И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство: единъ ты во всей поднебеснѣй христіаномъ царь.

Подобаетъ тебѣ, царю, сіе держати со страхомъ Божіимъ; убойся Бога, давшаго ти сія: не уповай на злато и богатство и славу: вся бо сія здѣ собрана и на земли здѣ останутся. Помяни, царю, онаго блаженнаго, иже скипетръ въ руцѣ и вѣнецъ царствія на главѣ своей нося, глаголаше: богатство аще течетъ, не прилагайте сердца. Премудрый же Соломонъ рече: богатство и злато не въ сокровищехъ знается, но егда помагаетъ требующимъ. Апостолъ же Павелъ, симъ послѣдуя, глаголетъ: корень есть всѣмъ злымъ сребролюбіе: не неимѣти велить, но не прилагати упованія ниже сердца к нему, но уповати на вседающаго Бога.— Вся убо твоя къ Богу честная вѣра и любовь ко святымъ Божіимъ церквамъ. Но и еще, царю, исправи двѣ заповеди еже въ твоемъ царствіи: не возлагаютъ человѣцы на себѣ право знаменіе честнаго креста, о нихже издалеча провѣдый апостолъ Павелъ глаголаше: преже писах вамъ, нынѣ же плача глаголю о вразѣхъ креста Христова, имже конецъ пагуба. Второе: да исполниши святыя соборныя церкви епископы, да не вдовствуетъ святая Божія Церкви при твоемъ царствіи. Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои прадѣды великій Константинъ и блаженный Владимеръ и великій богоизбранный Ярославъ и прочіи блаженніи святіи, ихже корень и до тебе. Не обиди, царю, святыхъ Божіихъ церквей и честныхъ монастырей, еже данное Богови въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, на память послѣднему роду. О семъ убо святый великій пятый соборъ страшное запрещеніе положи...

И нынѣ молю тя и паки премолю, еже выше писахъ: внимай, Господа ради, яко вся христіанская царства снидошася въ твое царство; по семъ чаемъ царства, ему же нѣсть конца. Сія же писахъ ти любя и взывая и моля щедротами Божіими, яко да премѣниши скупость на щедроты и немилосердіе на милость: утѣши плачющихъ и вопіющихъ день и нощь, избави обидимыхъ изъ руки обидящихъ...

Якоже выше писахъ ти, и нынѣ глаголю: блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христіанская царства снидошася во твое едино, яко два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти. уже твое христіанское царство инѣмъ не останется, по великому Богослову...

(Правосл. Собеседник, 1863 г. № 1.)

---

8. А. А. Кизеветтер.

Кремль при Иване III.

Княжение Ивана III открыло новую эпоху в жизни Кремля. На его устройстве начали отражаться новые политические веяния, пронесшиеся теперь надъ московскою Русью. Собирание Руси было почти закончено. Иван III провозглашал себя самодержцем всея Руси, наследником византийскихъ царей, земным наместником бога. Окружающая его обстановка должна была измениться, сообразно новому значению его власти. В обиход княжеской жизни вводится пышный церемониал по образцу Византии. Наружное расположение и устройство дворца и всего Кремля переделывается на иной лад. В стенах Кремля закипела такая напряженная строительная деятельность, какой не бывало ни прежде, ни после. Вслед за второю супругой Ивана III Софией Палеолог, принесшей с собой на Русь византийские вкусы и порядки, в Москву нахлынула толпа итальянских зодчих и художников, которые и должны были применить свое искусство к возрождению старого Кремля. Прежде всего Кремль был расширен. В третий раз

вокруг него поднялись новые стены, раздвинувшиеся значительно шире стен Димитрия Донского. Масса мелких лачуг и домов, лепившихся вдоль старых стен, была снесена и уничтожена перед новою постройкой; многие кладбища были вынесены за пределы Кремля; не оставили в покое даже старых церквей и монастырей. «Многие церкви извечные,—говорит современник,—выношены из города вон, да и монастыри с места переставлены и кости мертвых выброшены на Дорогомилово». Новые стены, стоящие и ныне, были сооружены итальянскими зодчими. Петр Антоний Сасарий, Антоний Фрязин, Марко—вот имена художников, стоявших во главе дела. Стены были выведены в треугольник, южная сторона которого пролегла на 300 сажен, западная на 350 и восточная на 390 с. Ширина стен колеблется от 6 до 8 аршин. Стены были увенчаны зубцами и башнями. Эти башни не были, как теперь, простым декоративным аксессуаром. Было время, когда с них сыпались ядра и пули, неслись тревожные звуки «всполошного колокола». Башни строились круглые: воротные, и угольные и четвероугольные, предназначенные для стрельбы и называвшиеся «стрельницами». Стрельницы выводились в три яруса; нижний, «подошвенный», средний, откуда стреляли из пищалей и мушкетов, и верхний, где стояли пушки. На некоторых башнях висели осадные, или «всполошные» колокола. Там всегда стояли дозорные сторожа.

Под стенами и башнями шли подземные ходы и подземелья, служившие для разнообразных целей. Там были устроены на случай осады «водные течи» через весь Кремль; там лежали склады свинца, пороха, ядер, «железного чесноку» или железных каракулей, которые бросались под ноги неприятельских коней, котлов для кипятка и смолы; там, наконец, помещались тюрьмы и застенки.

Пока строились стены, внутри Кремля начиналась своя кипучая деятельность. Иван III, наведя грозу на вольный Новгород, лично посетил его и, между прочими, необычными для московского взора предметами невольно должен был поразиться пышными каменными хоромами новгородского владыки, которые были построены заморскими немецкими зодчими. Эти хоромы резко бросались в глаза и своею отделкой и своими размерами: одна из палат была о тридцати дверях. Москве не приходилось отставать от порабощенного Новгорода, и великий князь окончательно решил заменить старый деревянный дворец новым, более достойным величия его власти. С 80-х годов XV ст. началась перестройка.

Прежде всего вновь был отстроен Благовещенский собор, примыкавший к дворцу. Затем были возведены три палаты: одна—между Благовещенским и Архангельским соборами—кирпичная с белокаменным погребом для хранения казны, другая—по другую сторону Благовещенского собора, на месте «Златоверхого терема», построенная Фрязином Марко Руфом и названная «Набережной палатой», и третья вглубь дворцовой площадки, существующая и в настоящее время г р а н о в и т а я п а л а т а, построенная Марко Руфом и Петром Антонием и предназначенная служить главною церемониальною залой дворца.

На этом работы временно остановились, прерванные страшным пожаром, который опустошил Кремль. «Как Москва стала, такой пожар не бывал»,—говорит летопись. Сам великий князь должен был покинуть Кремль и поселиться на крестьянских дворах за Яузой. Только через 6 лет решились вернуться к дворцовым постройкам, которыми руководил теперь Фрязин Алевиз, «из града Медиолана», т.-е. Милана. Дворец был окончен уже по смерти Ивана III при его преемнике Василии Ивановиче. Две упомянутые выше палаты «Набережная» и «Грановитая» были соединены третьею «Золотой», названною так потому, что внутри ее расписали золотом. От этих трех палат, повернутых фасадом к кремлевским соборам, спускались к площадке три лестницы: одна от Грановитой палаты, которая теперь называется красным крыльцом; другая, теперь не существующая, от средней Золотой палаты—она-то и была в старину настоящим «Красным крыльцом», и третья, являвшаяся в то же время папертью Благовещенского собора. С запада к Золотой палате примыкала «столовая изба», из которой был выход прямо к алтарю церкви «Спас на бору», что стояла и тогда, как теперь, посреди государева двора. Далее, где теперь находится теремной дворец, стояли «постельная изба» и «княгинина половина».

Новый дворец отличался от старого не только обширностью размеров. Итальянские мастера, воспитанные влияниями ренессанса, не могли не оставить на своих московских творениях отпечатка художественных течений своей родины. Архитектура нового дворца носила, по современным свидетельствам, итальянский характер.

Обновляя дворец, Иван III решил обновить и главный Кремлевский собор—Успенский. Первоначально это дело было поручено русским мастерам. Они разобрали постройку Калиты и начали выводить новое здание. Не успели еще окончить работы, как новая постройка рушилась. Летописец приписывает эту неудачу недостаточному искусству русских мастеров: «не разумели они силы в том деле»,—говорит летописец:— «жидко растворили известь с песком, не клеевито». Тогда к строению собора был призван из Венеции болонский уроженец Фиоравенти, ученый зодчий, механик и математик, успевший прославиться на всю Европу необычайными подвигами зодческого искусства. Так, в 1455 г. он передвинул с одного места на другое каменную колокольню св. Марии-дель-Темпло в 65 футов вышины, спрямил покривившуюся колокольню св. Власия в Чинто и т. п. Государи наперерыв приглашали Фиоравенти, предлагая ему разные заказы. Одновременно с Иваном III звал его турецкий султан Магомет II для строения себе палат в Царьграде. Фиоравенти предпочел приглашение русского князя и прибыл в Москву. Он тотчас отыскал хорошую глину за Андреевским монастырем, изготовил материал для постройки, научив русских рабочих делать кирпич продолговатее и тверже, а известь растворять гуще, чем это делалось в России в то время, затем разобрал до основания остатки разрушившихся стен и начал постройку совершенно заново. Образцом для воздвигаемого храма был избран Владимирский собор, построенный в половине XII-го столетия. Так возник новый Успенский собор в московском Кремле, существующий и ныне, хотя и претерпевший с тех пор неоднократные частичные реставрации и переделки.

Такую же метаморфозу проделал Алевиз из Милана с Архангельским собором. Старое здание было разобрано до подошвы, и собор был отстроен вновь по образцу Успенского. Наконец, на месте между современным Малым Николаевским дворцом и Ивановскою колокольней вырос еще один собор, ныне уже не существующий. Здесь стоял до того времени «ханский двор». С падением татарского ига этот последний кремлевский памятник татарской неволи должен был исчезнуть. Он, действительно, исчез, и на его месте был построен собор Гостунский, названный так по чудотворной иконе Николая Гостунского, в нем помещенной. Этот собор был разрушен при Александре I в 1818 г.

Таковы были перемены, произведенные в Кремле при Иване III. Кремль вышел из этой эпохи разросшимся и возвеличенным. Димитрий Донской стремился сделать из Кремля прежде всего солидно защищенную военную крепость. Иван III пошел дальше. Он решил превратить Кремль в пышный величественный памятник самодержавной власти. Внешнее великолепие дворцовых и церковных зданий Кремля должно было свидетельствовать о всемогуществе его хозяина. Правда, помимо дворцовых и церковных зданий в Кремле по-прежнему стояло много частных боярских дворов и монастырских подворий. Они раскидывались на месте нынешнего арсенала и судебного здания; они окружали княжеский дворец и соборную площадку. Но прежняя скученность этих построек была уменьшена; масса лачуг, землянок, ветхих деревянных церквей была снесена, а новые дворцовые палаты и соборы, считавшиеся в свое время редкими образцами замечательного зодческого искусства, подавляли своим внушительным видом соседние строения и резко выдвигали на первый план политическое и религиозное значение Кремля.

Все эти перемены надолго закрепили общую физиономию Кремля. Последующие царствования принесли с собой частные изменения, переделки, добавления, но в главных чертах эта физиономия сохранилась за весь царский период русской истории, вплоть до XVIII века.

(Труды Моск. Педагог. Об—ва., т. I, стр. 185—188; 197).

---

9. Барон Герберштейн *).

(1526.)

1. Описание Москвы.

Город Москва между другими северными городами далеко выдается на восток. Ибо, когда мы из Вены поехали прямо на Краков, а оттуда ехали почти сто германских миль на север, то, переменив направление пути к востоку, прибыли, наконец, в Москву, лежащую если не в Азии, то на краю Европы, там, где она очень близко находится от Азии.

Самый город—деревянный и довольно обширен; издали он кажется еще обширнее, чем на самом деле, ибо пространные сады и огороды при каждом

*) Посол от Герм. Императора в 1517 и 1526. Понимал рус. язык. Записки изданы в 1549 г. в Вене. Первый рус. перевод 1832 г.

доме делают город больше; еще более увеличивают его дома ремесленников, употребляющих при своем мастерстве огонь; эти дома тянутся длинным рядом на конце города, а между ними находятся поля и луга. Недалеко от города показываются домики и заречные слободы, где несколько лет тому назад князь Василий выстроил для своих телохранителей новый город Nali (что на их языке значит Налей), потому что только им одним дана воля пить, тогда как другим русским запрещено пить мед и пиво, исключая немногих дней в году; по этой причине они удалены от сообщества с остальными, чтобы прочие не соблазнялись, живя вместе с ними. Недалеко от города есть несколько монастырей, которые, если смотреть издали, кажутся одним городом. Далее, обширность города делает то, что он не имеет определенной черты и не укреплен как следует стеною, рвом и башнями. Однакож улицы в некоторых местах загораживаются бревнами, положенными поперек, и с самых сумерек оберегаются приставленными стражами, так что ночью никому нельзя пройти туда после установленного часу. Кто же будет взят сторожами после этого часу, тех бьют и обирают, или сажают в темницу, если только это не будут люди известные и почтенные: тех обыкновенно стражи отводят домой. Таковые стражи обыкновенно помещаются в тех местах, где открыт свободный доступ в город. Ибо остальную часть города омывает Москва, в которую под самым городом впадает река Яуза,—а ее, по причине высоких берегов, редко можно переходить в брод. На ней выстроено много мельниц для общего пользования всех горожан. Этими реками несколько укреплен город, который, кроме немногих каменных зданий, храмов и монастырей, выстроен из одного дерева.

Число домов в этом городе показывают едва вероятное, ибо нам говорили, что за шесть лет до нашего приезда в Москву, все дома были переписаны по повелению князя, и что их число превосходило 41.500. Этот город, столь обширный и пространный, очень грязен, почему на улицах и площадях и в лучших его частях поделаны мостки. В этом городе есть крепость, построенная из кирпичей и омываемая с одной стороны Москвою, с другой—рекой Неглинной. Неглинная же течет из каких-то болот; перед городом она так заперта около верхней части крепости, что образует озеро и, вытекая оттуда, наполняет рвы крепости, на которых стоят мельницы, и наконец, под самой крепостью, как я сказал, сливается с рекою Москвою. Крепость же так велика, что кроме обширных палат князя, великолепно выстроенных из камня, митрополит, также братья князя, вельможи и весьма многие другие имеют в ней большие деревянные палаты. Кроме того в крепости имеется много церквей, и эта обширность дает ей вид настоящего города...

Крепостные укрепления и дворец князя выстроены из кирпича на итальянский манер теми итальянцами, которых князь вызвал к себе обещанием больших наград. В этой крепости, как я сказал, много церквей; все они деревянные, исключая двух знаменитейших, которые выстроены из кирпичей: одна из них посвящена Святой Деве, другая—святому Михаилу. В храме Святой Девы погребены тела двух архиепископов, которые были виновниками того, что князья перенесли сюда свою столицу и учредили там митрополию; за это-то преимущественно они причислены к лику святых. В другом храме погребаются князья...

(Записки о Московии барона Герберштейна, пер. И. Анонимова).

2. Встреча и въезд посла.

Отправляющийся в Московию посол, приближаясь к ее границам, посылает в ближайший город вестника сообщить начальнику этого города что вот он, посол такого-то владыки, собирается вступить в пределы государя.

Вслед затем начальник тщательно исследует не только то, каким государем отправлен посол, но и какое у него самого положение и достоинство, и точно также, сколько лиц его сопровождает. Разузнав это, он посылает для приема и сопровождения посла какое-нибудь лицо со свитою, при чем сообразуется как с достоинством государя, отправившего посла, так и с положением самого посла. Между тем он тотчас дает также знать великому князю, откуда и от какого государя является посол.

Отправленное лицо также посылает с пути вперед кого-нибудь из своей свиты, чтобы дать знать послу, что приближается Большой человек для приема его в определенном месте (обозначая место).—Но при встрече это посланное лицо не двигается с места, так что, например, в зимнее время велит даже разместить или растоптать снег там, где

он остановился, чтобы посол мог проехать туда, а сам меж тем не двигается с наезженной или большой дороги. Кроме того, при встрече у них обычно соблюдается и следующее: они отправляют вестника к послу внушить ему, чтобы он слез с лошади или с повозки. Если же кто-нибудь станет отговариваться или усталостью, или недомоганием, то они отвечают, что ни произносить, ни слушать слов государя нельзя иначе, как стоя. Мало того, посланное лицо тщательно остерегается, чтобы не слезть нервому с лошади или с повозки, дабы не оказаться чрез это обстоятельство умаляющим достоинство своего государя [1]). Поэтому, как скоро лицо это заметит, что посол слезает с лошади, то тогда только сходит и само.

Засим, приближаясь с открытою головою, он говорит: «Великого Государя Василия царя и государя всея Руссии и великого князя и пр. (вычитывая главнейшие княжества) наместник и воевода такой-то области и пр. велел тебе указать. Узнав, что ты, посол такого-то государя, едешь к великому государю нашему, он послал нас тебе навстречу, чтобы мы проводили тебя к нему (повторяя титул государя и наместника). Кроме того, нам поручено спросить тебя, поздорову ли ты ехал» (ибо таково их обычное приветствие: «поздорову ли ты ехал»). Затем посланный протягивает послу правую руку и снова не оказывает первый почтения, если видит, что посол не обнажает головы. После этого, вероятно, движимый долгом учтивости, он первым обращается к послу лично от себя, спрашивая его, поздорову ли тот ехал. Напоследок он дает знак рукою, указуя, что, мол, садись и поезжай. Когда они, в конце концов, сядут на лошадей или на повозки, то он останавливается на месте вместе с своими и не уступает дороги послу, но следует издалека сзади за ним, тщательно наблюдая, чтобы никто не отставал или не слишком приближался. Во время дальнейшего путешествия посла он тотчас узнает прежде всего имя посла и отдельных служителей его, равно как имена их родителей, из какой кто области родом, какой кто знает язык и какое кто занимает положение: служит ли он у какого-нибудь государя, не родственник ли он или свойственник посла, и был ли он прежде в их области...

Когда мы находились в расстоянии полмили от Москвы, к нам навстречу выехал, спеша и обливаясь потом, старый секретарь... с извещением, что его государь посылает нам навстречу больших людей,—при этом он назвал их по имени,—дабы они ожидали и приняли нас. К этому он прибавил, что при встрече с ними нам подобает слезть с коней и стоя выслушать слова государя. Затем, подав друг другу руки, мы стали разговаривать. Когда я, между прочим, спросил его о причине столь обильного пота, он тотчас ответил мне громким голосом: «Сигизмунд, у нашего государя иной обычай службы, чем у твоего».

Когда мы подвигались таким образом вперед, то увидели лиц, стоящих длинным рядом, словно какое-нибудь войско. Тотчас при нашем приближении они слезли с лошадей, что сделали, в свою очередь, и мы сами. При самой встрече один из них повел речь, начав ее так: «Великий государь Василий, божиею милостью царь и государь всея Руссии и пр. (вычитывая весь титул), узнал, что прибыли вы, послы брата его Карла, избранного Римского императора и наивысшего короля, и брата его Фердинанда, послал нас, советников своих, и препоручил нам спросить у вас, как здоров брат его Карл Римский император и наивысший король». После этого подобным же образом спросил он о Фердинанде. Второй сказал графу: «Граф Леонард, Великий государь (перечисляя весь титул) препоручил мне выехать тебе навстречу, проводить тебя до самой гостиницы и заботиться о всем, для тебя необходимом». Третий сказал то же самое мне. Когда это было сказано и выслушано с той и с другой стороны с открытой головою, первый снова сказал: «Великий государь (вычитывая титул) повелел спросить у тебя, граф Леонард, поздорову ли ты ехал». Тоже самое было сказано и мне. Согласно их обычаю мы ответили им: «Да пошлет бог здоровья великому государю». По благости же божией и милости великого князя мы ехали поздорову». То же лицо снова сказало следующее: «Великий князь и пр. (всякий раз повторяя титул) послал тебе, Леонард, иноходца с седлом, а также и другого коня из своей конюшни». Это же самое было сказано и мне. Когда мы воздали за это благодарность, они подают нам руки, и тот и другой спрашивают по порядку того и другого из нас, поздорову ли мы ехали. Наконец, они сказали, что нам подобает почтить их государя и сесть на подаренных коней, что мы и сделали.

[1]) «Чтобы не уронить этим достоинство своего государя» (пер. Анонимова).

Переправившись через реку Москву и отправив вперед всех других, мы следуем за ними. На берегу находится монастырь; отсюда по равнине и посреди куч народа, сбегавшихся со всех сторон, проводили нас в город, и затем даже в назначенные нам жилища, расположенные напротив одно от другого.

3. Прием посла во дворце.

При въезде в крепость мы видели расставленных в различных местах или участках людей различного звания. Возле ворот стояли граждане, а солдаты и служилые люди занимали площадь; они сопровождали нас пешком, шли впереди и, остановившись, препятствовали нам добраться до дворцовых ступеней и там слезть с коней, ибо сойти с коня вблизи ступеней не дозволяется никому, кроме государя. Это делается также потому, чтобы казалось, что государю оказано более почета. Как только мы поднялись на средину ступеней, встречают нас некоторые советники государевы, подают нам руку, целуются с нами и ведут дальше. Затем, когда мы поднялись по ступеням, встречают нас другие более важные советники и, когда первые удалились (ибо у них существует обычай, чтобы первые уступали следующим и всем ближайшим по порядку и оставались на своем месте, как в назначенном им отделении), подают нам в знак приветствия правую руку. Затем при входе во дворец, где стояли кругом низшие чины дворян, нас равным образом встречают самые первые советники и приветствуют вышеуказанным способом и порядком.

Наконец, нас проводили в другую палату, обставленную кругом князьями и другими более благородными, из разряда и числа которых выбираются советники, а оттуда к покою государя (перед которым стояли благородные, несущие ежедневную службу при государе); при нашем прохождении решительно никто из стоявших кругом не оказал нам самого ничтожного почета. Мало того, если мы, проходя мимо, случайно приветствовали кого-нибудь, близко нам известного, или заговаривали с ним, то он не только ничего не отвечал нам, но вел себя вообще так, как если бы он нигде не знал никого из нас и не получал от нас приветствия. И только тогда, когда мы входили к государю, советники вставали перед нами (если тут случайно присутствуют братья государевы, то они не встают, но все же сидят с непокрытой головою). И один из самых первых советников, обратившись к государю, произнес по своему обычаю, без просьбы от нашего имени, следующие слова: «Великий государь, граф Леонард бьет челом» и снова: «Великий государь, граф Леонард бьет челом на великой твоей милости». Точно так же и о Сигизмунде. Первое значит, что он как бы кланяется или выражает почтение, второе— что он приносит благодарность за полученную милость. Ибо бить челом они принимают в виде приветствия, принесения благодарности и другого тому подобного...

Государь сидел с непокрытой головою на более возвышенном и почетном месте у стены, блиставшей изображением какого-то святого, и имел справа от себя на скамейке шапку колпак, а слева палку с крестом—посох, и таз с двумя рукомойниками, поверх которых, кроме того, было положено полотенце. Говорят, что, протягивая руку послу римской веры, государь считает, что протягивает ее человеку оскверненному и нечистому, а потому, отпустив его, тотчас моет руки. Там стояла против государя, но на низшем месте скамья, приготовленная для послов. Государь, когда ему оказан был предварительно почет (как уже сказано выше), сам пригласил нас туда мановением и словом, указуя рукой на скамью. Когда мы с того места по чину приветствовали государя, то при этом находился толмач, который передавал нашу речь слово в слово. Услышав, между прочим имя Карла и Фердинанда, государь вставал и сходил со скамеечки, а выслушав приветствие до самого конца, он спросил: «Брат наш Карл, избранный Римский Император и наивысший король здоров ли?» Пока граф отвечал: «Здоров», государь меж тем взошел на скамеечку и сел. Это же самое, по окончании моего приветствия, спрашивал он у меня про Фердинанда. Затем он подзывал по порядку того и другого из нас к себе и говорил: «Дай мне руку». Взяв ее, он прибавлял: «поздорову ли ты ехал?» На это тот и другой из нас согласно их обычаю отвечали: «Дай Бог тебе здравия на многие лета. Я же по благости Божией и по твоей милости здоров». После этого он повелел нам сесть. Мы же, прежде чем сделать это, согласно с их обыкновением, воздали наклонением головы на обе стороны благодарность прежде всего государю, а затем советникам и князьям, которые стояли ради оказания нам почета. Кроме того,

послы других государей, в особенности те, которые присылаются из Литвы, Ливонии, Швеции и пр., будучи допущены перед очи государевы, обычно, вместе со своими провожатыми и служителями, подносят каждый особые дары.

При поднесении даров соблюдается такой обычай. Вслед за выслушанием и изложением цели посольства, тот советник, который ввел послов к государю, встает и ясным и громким, слышным всем голосом говорит так: «Великий государь, такой-то посол бьет челом таким-то даром», и это же самое повторяет он о втором и третьем (лицах посольства). Затем таким же образом произносит он имена и дары отдельных дворян и служителей. Наконец, рядом с ним становится секретарь, который также указует поименно имена и дары как послов, так и каждого по порядку из приносящих. Сами же они называют подобные дары поминками, т.-е. как бы некий знак памяти. Они напоминали про дары и нашим людям, но мы ответили, что это не согласно с нашим обычаем.

(Барон С. Герберштейн. Записки о Московитских делах. Пер. А. Малеина, стр. 192—202).

IV. Суд.

10. Судебникъ Ивана III.

1497 г.

Лѣта 7006, мѣсяца сентемврія, уложилъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси, с дѣтми своими и съ бояры, о судѣ, какъ судити бояромъ и околничимъ.

1. Судити судъ бояромъ и околничимъ, а на судѣ быти у бояръ и у околничихъ діакомъ, отъ суда и отъ печалованія не имати, такожъ и всякому судіѣ посула отъ суда не имати никому; а судомъ не мстити, ни дружити никому.

3. А имати боярину и діаку въ судѣ, отъ рублеваго дѣла на виноватомъ, кто будетъ виноватъ, ищея или отвѣтчикъ, и боярину на виноватомъ два алтына, а діаку осмь денегъ, а будетъ дѣло выше рубля или ниже, и боярину имати по тому розчету.

8. О татбѣ. А доведутъ на кого татбу, или розбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дѣло, и будетъ вѣдомой лихой, и боярину того велѣти казнити смертною казнью...

9. А государскому убойцѣ, и коромолнику, церковному татю и головному, и подметчику, и зажигалнику, вѣдомому лихому человѣку живота не дати, казнити его смертною казнью.

10. О татѣхъ. А которого татя поймаютъ съ какою татбою нибуди впервые, опрочѣ церковные татбы и головные, а въ иной татбѣ въ прежней довода на него не будетъ, ино его казнити торговою казнію, бити кнутьем...

11. А поймають татя вдругые съ татбою, ино его казнити смертною казнію...

13. О поличномъ. А съ поличнымъ его приведутъ впервые, а взмольвятъ на него человѣкъ пять или шесть, по великого князя крестному цѣлованію, что онъ тать вѣдомой и прежь того неодинова крадывалъ, ино того казнити смертною казнію...

38. А бояромъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ съ боярскимъ, и имъ судити, а на судѣ у нихъ быти дворьскому, и старостѣ, и лутчимъ людемъ; а безъ дворского и безъ старосты и безъ лутчихъ людей суда наместникомъ и волостелемъ не судити, а посула имъ от суда не имати, и ихъ тіуномъ и ихъ людем посула отъ суда не имати же, ни на государя своего, ни на тіуна и пошлинникомъ отъ суда посуловъ не просити. А имати ему съ суда, оже доищется ищея своего, и ему имати на виноватомъ... А не доищется ищея своего, а будетъ виноватъ ищея, и ему имати на ищеѣ съ рубля по 2 алтына, а тіуну его съ рубля по 8 денегъ...

57. О христьанскомъ отказѣ. А христіаномъ отказыватися изъ волости, изъ села въ село, одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дня осеннего и недѣля послѣ Юрьева дня осеннего. Дворы пожилые платитъ въ полѣхъ за дворъ рубль, а въ лѣсѣхъ полтина. А которой христіанинъ поживетъ за кѣмъ годъ да пойдетъ прочь, и онъ платитъ четверть двора; а два года поживетъ да пойдетъ прочь, и онъ полдвора платитъ; а три годы поживетъ, а пойдетъ прочь, и онъ платитъ три четверти двора; а четыре годы поживетъ, и онъ весь дворъ платитъ.

67. О посулѣхъ и послушествѣ. А велѣть прокликать по торгомъ, на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ, Московскіе земли и Новгородскіе земли и по всѣмъ волостѣмъ заповѣдати, чтобы ищея и отвѣтчикъ судіамъ и приставомъ посулу не сулили въ суду, а послухомъ не видѣвъ не послуществовати, а видѣвши сказати правду. А послуществуетъ послухъ лживо, не видѣвъ, а общется то спослѣ, ино на томъ послухѣ гибель исцева вся и убытки.

(Владимірскій Будановъ. Хрестоматія по ист. рус. права II.)

V. Москва и боярство.

11. Клятвенная запись князя Холмскаго Ивану III.

8 марта 1474 года.

Се язъ Князь Данило Дмитреевичь Холмьски, что есмь билъ челомъ своему Господину и Осподарю Великому Князю Ивану Васильевичю за свою вину своимъ осподиномъ Геронтьемъ Митрополитомъ всея Руси, и его дѣтми и со служебники, Епископы...—и Осподарь мой Князь Велики меня своего слугу пожаловалъ, нелюбье свое мнѣ отдалъ. А мнѣ Князю Данилу своему Осподарю Великому Князю Ивану Васильевичю и его дѣтемъ служити до своего живота, а не отъѣхати ми къ иному ни хъ кому. А добра ми ему и его дѣтемъ хотѣти вездѣ во всемъ, а лиха... не мыслити, ни хотѣти никакова; а гдѣ отъ кого услышу о добрѣ или о лихѣ Государя своего Великого Князя, и о его дѣтехъ о добрѣ или о лихѣ, и мнѣ то сказати (имъ) въ правду, по сей моей укрѣпленной грамоте, безхитростно. А въ томъ во всемъ по сей моей грамоте ялся по мнѣ—до моего живота господинъ мой Геронтей Митрополитъ всея Руси, и съ тѣми съ своими детми и съ служебники, со Владыками и съ Архимандриты, которые въ сей моей грамоте писаны. А черезъ сию мою грамоту язъ Князь Данило Дмитреевичь, что иму думати и почитати, или явится что которое мое лихо передъ моимъ Осподаремъ—и передъ его детми: ино не буди на мнѣ милости Божье и пречистые его Матери, и святыхъ чюдотворцовъ Петра-Митрополита и Леонтія Епископа Ростовскаго, и всѣхъ Святыхъ; также ни благословения осподина моего Геронтиа Митрополита всея Руси, и его дѣтей Владыкъ и Архимандритовъ тѣхъ, которыми есми билъ челомъ своему Осподарю Великому Князю Ивану Васильевичю, не буди на мнѣ ни въ сий вѣкъ, ни въ будущий; а Осподарь мой Князь Велики и его дѣти надо мною по моей винѣ въ казни воленъ. А крѣпости дѣля, язъ Князь Данило Дмитреевичь Холмьски Осподарю своему Великому Князю Ивану Васильевичу целовалъ есми честный и животворящий крестъ, и далъ есми на себя сию свою грамоту за подписью и за печатью осподина своего Геронтия Митрополита всея Руси.

А дана грамота на Москвѣ, мѣсяца Марта 8 день лѣта 6982 (1474). А подпись у сей грамоты Митрополича Геронтьева такова: Смиреный Геронтей Митрополитъ всея Руси.

Поручная запись Ивана Воронцова по Князе Холмском в 250 рублях.

Писана 1474 года.

Се язъ Иванъ Микитиничь Воронцовъ выручилъ есми у пристава Великого Князя у Замятни Князя Данила Дмитреевича Холмъского въ винѣ Великого Князя въ полутретье стѣ рублѣхъ. А служити Князю Данилу Осподарю Великому Князю Ивану Васильевичю и его дѣтемъ и до своего живота, а не отъѣхати ему, ни збежати и до живота никуда ни хъ кому; а куда Князь Данило отъѣдетъ, или збежитъ за тою за моею порукою: ино Осподарю Великому Князю на мнѣ на Иване на Микитиниче полтретья ста рублевъ; а Князя Данила въ своей винѣ искати Великому Князю собѣ, а животы и села и състатки Княжи Даниловы всѣ, а то великому Князю. А на то послуси: Василей Ивановичь Замытской, да Иванъ Кондратьевичь Судимонтъ, да Иванъ Зиновьевичь, да дьяки Великого князя Олексѣй Полуехтовичь, да Василей Долматовъ. А запечаталъ сю грамоту поручную язъ Иванъ Микитиничь своею печатью.

А таких поручныхъ грамотъ восмь на Князя на Данила на Дмитреевича, въ дву тысечахъ рублехъ вся порука.

(Собр. Г. Гр. и Дог. т. I. № 103 и 104).

12. Духовная грамота удельнаго князя Верейскаго.

Около 1486 г.

Сесь списокъ приписной велѣлъ князь Михайло Андрѣевичь написать.

Память своему Государю Великому Князю Ивану Васильевичю вся Руси: долгу на мнѣ, дати ми въ Кириловъ манастырь Игумену зъ братьею полтораста рублевъ;—да дати ми Ивану Сафарину пятдесять рублевъ безъ трехъ рублевъ да безъ дву гривенъ; да опрочь того занялъ Микитка на мою соль въ Кириловѣжъ манастыри у игумена шестьдесятъ рублевъ да шесть рублевъ; да тотъ же Микитка занялъ у Пафнотьевского старца у Венедикта два рубля на мою жъ соль; да тотъ же Микитка занялъ въ Мартемьяновѣ манастыри два рубля на моюжъ соль: и Государь бы мой Князь Велики тотъ долгъ съ мене снялъ. А что мое жито на Белѣ озерѣ въ житницахъ и въ селехъ, и что куплено на мене соли: то все моему Государю Великому Князю. А что мои денги въ моихъ селехъ въ ростѣхъ и въ пашни, и на комъ ни буди: и Государь бы мой Князь Велики после моего живота тѣхъ денегъ не велѣлъ взяти. А что мои люди, кого буду чѣмъ пожаловалъ жалованьемъ и деревнями: и Государь бы мой Князь Велики после моего живота моего жалованья не порушилъ, чтобы мои люди после моего живота не заплакали; а мене бы Государь мой Князь Велики во всемъ въ томъ не положилъ, занеже тобѣ Государю моему великому Князю приказана душа помянути и долгъ заплатити. А сесь списокъ велѣлъ есми подписати духовнику своему Ивану, печатнику , и печать свою приложилъ...

(Сбор. Г. Гр. и Дог., ч. I., № 122).

13. Отрывок из следственнаго дела о Иване Берсене и Ѳеодоре Жареном.

1525 г.

Лѣта 7033 Февраля. Сказывалъ Максимъ старецъ Грекъ: приходилъ ко мнѣ Иванъ Берсень и говаривалъ со мною о книгахъ и о Цареградскихъ обычяѣхъ: «нынѣ у васъ цари бесерменскіе, и гонители; и вамъ деи нынѣ отъ них люта времена; и какъ вы отъ нихъ проживаете?» И язъ ему говорилъ: «цари у насъ злочестивые, а у патреярховъ и у митрополитовъ въ ихъ судъ не въступаются». И Берсень молвилъ: «хоти у васъ цари злочестивые, а ходятъ такъ, ино у васъ еще Богъ есть».

А келейникъ Максимовъ Аѳонасей сказалъ: что прихожи были къ Максиму Иванъ Берсень, князь Иванъ Токмакъ, Василеи Михаиловъ сынъ Тучковъ, Иванъ Даниловъ, сынъ Сабурова, князь Андреи Холмской и Юшко Тютинъ; а совѣтенъ, господине, из тѣхъ добрѣ Максиму Иванъ Берсень; коли къ Максиму придутъ Токмакъ, Василеи Тучковъ, Иванъ Даниловъ Сабуровъ, князь Ондреи Холмъской и Юшко Тютинъ, и они говаривали съ Максимомъ книгами и спиралися межъ себя о книжномъ, и насъ тогды Максимъ и вонъ не высылаетъ; а коли къ нему придетъ Берсень, и онъ насъ вышлетъ тогды всѣхъ вонъ, а съ Берсенемъ сидятъ долго одинъ на одинъ...

И Максимъ молвилъ: —...да Берсень ко мнѣ говорилъ: «добръ деи былъ отецъ Великого Князя Васильевъ Князь Великій Иванъ и до людей ласковъ, и пошлетъ людей на которое дѣло, ино и Богъ съ ними; а нынѣшней Государь не по тому, людей мало жалуетъ; а какъ пришли сюда Грекове, ино и земля наша замѣшалася; а дотолѣ земля наша Рускаа жила въ тишинѣ и въ миру». А молвилъ то про Великую Княгиню Софью: «какъ пришла сюда мати Великого Князя Великая Княгиня Софьа съ вашими Греки, такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроеніа великіе, какъ и у васъ во Царѣгородѣ при вашихъ царѣхъ». И язъ Берсеню молвилъ: «господине, мати Великого Князя Великая Княгиня Софья съ обѣ стороны была роду великого, по отцѣ царьскій родъ Царегородскихъ, а по матери Великого Дуксуса Ферарійского Италѣйскіе страны». И Берсень мнѣ молвилъ: «господине, какова ни была, а къ нашему нестроенью пришла».

Да Максимъ жо сказываетъ:—да Берсень жо, господине, мнѣ говорилъ: «Максимъ господине, вѣдаешь и самъ, а и мы слыхали у разумныхъ людей: которая земля переставливаетъ обычьи свои, и та земля недолго стоит; а здѣсь у насъ старые обычьи Князь Велики перемѣнилъ; ино на насъ которого добра чяяти?» И язъ Максимъ Берсеню молвилъ: «господине, которая земля преступаетъ заповѣди Божьи, та и отъ Бога казни

чяетъ, а обычяи царьскіе и земьскіе государи перемѣняютъ, какъ лутче государству его». И Берсень молвилъ: «однако лутче старыхъ обычаевъ держатися, и людей жаловати, и старыхъ почитати; а нынѣ деи Государь нашъ запершыся самъ третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ»...

Да Максимъ жо говорилъ: а то мнѣ всего неупамятовати, что со мною Берсень говорилъ; многіе, господине, рѣчи Берсень про Государя говорилъ: «Государь деи упрямъ и въстрѣчи противъ себя не любитъ, кто ему въстрѣчю говоритъ, и онъ на того опалается; а отецъ его Князь Велики противъ себя стрѣчю любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали»; да и заказывалъ мнѣ Берсень, чтобъ я тѣхъ рѣчей не сказывалъ никому, что со мною Берсень говорилъ...

(А. А. Э. т. I № 172).

VI. Нестяжатели и иосифляне.

14. Нила Сорскаго

Преданіе о жительствѣ святыхъ отець (сіе преданіе старца Нила Пустынника ученикомъ своимъ и всѣмъ прікладно имѣти сіе).

Сіе отъ святыхъ отець опаснѣ предано есть намъ, яко да отъ праведныхъ трудовъ своего рукодѣліа и работы, дневную пищу и прочаа нужныя потребы Господь и Пречистаа Его Мати, яже о насъ устраяетъ: не дѣлаяи бо, рече апостолъ, да не ясть...

Аще ли не удовлимся въ потребахъ нашихъ отъ дѣланіа своего за немощь нашу, или за иную нѣкую вину благословну, то взимати мало милыстыня отъ христолюбцевъ нужная, а не излишняа. Стяжанія же, иже по насилію отъ чюжихъ трудовъ събираема, вносити отнюдъ нѣсть намъ на ползу. Како бо можемъ съхранити заповѣди Господня, сіа имѣюще: хотящему съ тобою судитися одежу взяти твою, отдаждь и срачицу, и прочая елика таковая, страстні суще и немощни, но яко ядъ смертоносенъ отбегати и отгоняти...

О украшеніи же церковнемъ пишетъ святыи Іоаннъ Златаустыи: аще кто съвѣтуетъ, хотя принести церкви съсуды священныа, или ино кое украшеніе, повели сму раздаяті нищимъ, никто же бо, рече, осужденъ бысть когда о еже церкви не украшати... Того ради и намъ съсуди злати и сребреніи самыа священныя не подобаетъ имѣти, тако же и прочая украшеніа излишня, но точію потребная церкви приносити. Великіи же Пахомие и самое зданіе церковное украшенно быти не хотяше, създа бо церковъ въ обітели, иже въ Мохосѣ, и сътвори въ неи столпъ отъ плинѳъ лѣпотнѣ, таже помысли, яко не лѣпо чюдитися дѣломъ человеческыхъ рукъ и о красотѣ зданіи своихъ величатися, вземъ юже, обяза столпы и повелѣ братіи влещи всею крепостію дондеже преклонішася и быша нелѣпи...

(Пам. древней письм. и искусства, вып. 179, стр. 4—8).

---

15. Грамота новгородскаго арх. Геннадия к собору епископов.

(1490 г.).

Святѣйшимъ и боголюбивымъ братіи нашей архіепископу и епископомъ: Тихону, архіепископу ростовскому и ярославьскому, Нифонту, епископу суздальскому и торускому, Васьяну, епископу тферьскому, Прохору, епископу сарскому и подонскому, Филоѳею, епископу прьмскому. О семъ вамъ воспоминаю, братіи нашей: прислалъ князь великый ко мнѣ грамоту, а митрополитъ другую, о поставленіи коломенского владыки, а безъименно кого... А о коломенскомъ владыцѣ да и о иныхъ, коли прилучится, посылати бы ко мнѣ именно, кого ставити... А не изспѣшили бы есте ставити владыку: преже бы есте стали накрѣпко о томъ, чтобы еретиковъ обыскали накрѣпко, да тѣхъ бы велѣлъ казнити князь великій...

А не собя для то язъ вамъ, своей братіи, пишю,— въспоминаю того для: православнаа бы вѣра изъяснилась, а митрополитъ бы съ вами, съ моею братіею, тѣхъ всѣхъ еретиковъ проклялъ, да и тѣхъ, къ кому они приходили въ соглашеніе, или кто по нихъ поруку дръжалъ, или кто о нихъ печалникъ, и кто ни буди послѣдовалъ ихъ прелести,—тѣхъ бы всѣхъ отець нашъ митрополитъ, да и вы, наша братія, проклятью предали. Да

чтобы есте отцю нашему митрополиту поговорили, да съ нимъ и великому князю, чтобы по мене однолично прислалъ; а толко князь великій хотя не хочетъ по мене прислати, а вы безъ мене не имете дѣла дѣлати никакова: ино ему какъ по мене не послати? А какъ еретиковъ проклепете, митрополитъ бы отець, да и вы, наша братія, и ко мнѣ прислали, и азъ быхъ и здѣсе соборнѣ также тѣхъ проклятію предалъ. А владыкы бы есте не спѣшили ставить, доколѣ ереси не искорените. А толко нынѣ о тѣхъ еретицѣхъ конца не учините, ино то уже явственно вѣрѣ нашей попраніе; а иного чего чаати, что толь долго еретикомъ управы не чинят?..

А однова въсхотятъ собору быти о вѣрѣ, и вы бы на то не дрьзнули: занеже изложена намъ православная вѣра на прьвомъ соборѣ, да и на второмъ о Святѣмъ Дусѣ, да и прочіи собори вси прьвому собору послѣдовали и на седмомъ соборѣ запечатлѣли... А они ся зовут христіане, да человѣку разумному—и они ся не явятъ, а глупаго—и они съѣли: того для имъ казнь вдвое надобѣ, да и проклятье... Да еще люди у насъ простые, не умѣютъ по обычнымъ книгамъ говорити: таки бы о вѣрѣ никакихъ рѣчей съ ними не плодили; токмо того для учинити соборъ, что ихъ казнити—жечи да вѣшати...

(Рус. Ист. библ. VI, № 115).

---

16. „Просвѣтитель“ Иосифа Волоцкого

Слово 7-ое.

Рцемже убо и о семъ, како подобаетъ покланятися другъ другу, и како подобаетъ покланятися, или служити, Царю или князю, али властелину, и како подобаетъ нынѣ Господу Богу поклонятися и Тому Единому послужити...

Егдаже убо Царю, или князю, или властелину поклоняешися, или служиши, того ради подобаетъ поклонятися и служити, яко се есть благоугодно Богови, еже воздавати властемъ покореніе и послушаніе: они бо имѣютъ о насъ попеченіе и промышленіе. Писано бо есть: князю людіи своихъ не речеши зла. И Апостолъ глаголетъ: Бога боитеся и царя почитаите; и: раби послушаите господіи своих по плоти, страхомъ и трепетомъ, яко человѣкомъ, предпочтеномъ отъ Бога и власть отъ Него пріимшемъ, и могущимъ благодѣтельствовати и мучити тѣлеснѣ, а не душевнѣ. Сего ради подобаетъ тѣмъ поклонятися и служити тѣлеснѣ, а не душевнѣ, и воздавати имъ Царьскую честь, а не Божественую, якоже Господь глаголетъ: воздадите кесарева кесареви, а Божіа Богови. Аще сице поклоняешися и служиши, нѣсть ти на пагубу души, но паче отъ сего научишися боятися Бога: Царь бо Божій слуга есть, къ человѣкомъ милостію и казнію. Аще ли же есть царь надъ человѣки царьствуя, надъ собоюже имать царьствующа скверныа страсти и грѣхи, сребролюбіе же и гнѣвъ, лукавьство и неправду, гордость и ярость, злѣишиже всѣхъ, невѣріе и хулу, таковый царь не Божіи слуга, но діаволъ, и не царь, но мучитель. Таковаго царя, лукавьства его ради, не наречетъ царемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, но лисомъ; шедше, рече, рцѣте лису тому. И Пророкъ глаголетъ: царь оплазивъ [1]) погыбнеть, путіе бо его темни суть. Тріе же отроци нетокмо не покоришася повелѣнію Навуходоносора царя, но и врага безаконна нарекоша его и мерзкаго отступника, і лукавнѣйша паче всеа земля. И ты убо таковаго царя, или князя да не послушаеши, на нечестіе и лукавьство приводяща тя, аще мучить, аще смертію прѣтить. Сему свѣдетельствуютъ Пророци і Апостоли, и вси мученици, иже отъ нечестивыхъ цареи убіени быша и повелѣнію ихъ не покоришася. Сице подобаетъ служити царемъ и княземъ...

(«Просветитель», слово 7.)

---

17. Из разсуждения Иосифа Санина о неприкосновенности монастырских имуществ.

(Ок. 1506.)

Слышахъ многихъ, яко нѣсть грѣха, еже отъ монастыря что взяти. Того ради нѣціи отъ вельможъ зѣло не любяху мя и глаголаху: съ собою

---

[1]) Суесловный.

ли смердъ принесъ? монастырскаго не даетъ! Оскудитъ ли тѣмъ монастырь? И язъ, бояся правилъ божественныхъ, не повинухся рѣчи невѣдящихъ божественнаго писанія, но аще и вѣдящихъ, но помраченныхъ лихоимствомъ. Божественное бо писаніе не повелѣваетъ и отъ простыхъ людей взяти что неповинно...

А иже церкви Божіа обидящихъ и отъ монастырей хотящихъ что взяти,—какова погибель приходитъ, напреди о семъ напишемъ. Занеже монастыри и церкви Божіа бомоголіа нарицаются: Бога молитъ игуменъ съ братіею за государя и за его бояре и за вся крестьяне, а отъ нихъ пріемлетъ милостыню. А еже давати игумену монастырское—расточеніе есть. Пишетъ бо ся: аще кто расточаетъ церковное имѣніе, развѣ (кромѣ) убогихъ и нищихъ и плѣненныхъ и своихъ нужныхъ монастырскихъ потребъ, святотатецъ есть; а иже кто хочетъ монастырское что взяти, обидчикъ есть. На таковыхъ св. правила клятву полагаютъ... А то правило написалъ православный царь великій Оустиніанъ и съ нимъ четыре патріарси и римскій папа и сто и шестьдесятъ и пять святителей. И ни одинъ отъ нихъ не писалъ того, чтобы не грѣшно еже отъ монастыря взимати, но сице написали: аще ли же и сами вѣнець носящіе, а не токмо вельможи (станутъ брать, что у монастыря), да будутъ прокляти.—Аще же нѣціи и глаголютъ:—«мы не силою емлемъ; подобаетъ намъ игумену давати»,—то они забываютъ, что написано:—«аще игуменъ начнетъ расточати церковныя имѣніа, святотатецъ есть и изъ монастыря изметается»...

Церковная бо и монастырская, такоже и иноческая и дѣланіа ихъ и плоды, вся Богови суть освящена: на ино ничтоже не расточаются, развѣ на убогыа и странныа и елика такова, подобнѣ и на церковныа потребы и монастырскыа и иноческыа, обаче (однако) ниже въ сіа чрезъ потребы.

(А. Павлов Ист. очерк секуляризации церковных земель в России 1).

---

18. Слово о томъ, какія рѣчи реклъ бы убо къ Содѣтелю всѣмъ епископъ тверскій, сожжену бывшу соборному храму и всему двору его, и всѣмъ имѣніомъ, и самому граду, и множайшимъ инымъ храмомъ и дворомъ и людемъ погорѣвшимъ, гнѣвомъ Божіимъ, въ лѣтѣ 45-мъ осмыя тысячи (7045 или 1537) Іюлія 22, и како отвѣщаетъ ему боголѣпнѣ всѣхъ Господь, имъ же и внимати подобаетъ со страхомъ и вѣрою нелицемѣрною.

Составлено Максимомъ инокомъ.

Прости мя, милосердъ буди ми, Владыко, печали и безумія глаголы смѣюща рѣщи къ высотѣ твоей, отъ скорби зѣльныя, ими же одержимъ есмі злыми! Николиже бо не нерадихъ, ты же ми послухъ, Владыко, о твоихъ божественныхъ пѣніихъ и прочей твоей боголѣпнѣй службѣ, безпрестани праздники духовныя совершая тебѣ, пѣніи красногласными боголѣпныхъ священниковъ и шумомъ доброгласнымъ свѣтлошумныхъ колоколовъ и различными миры благоуханными и твоя честныя и пречистыя ти матере иконы велелѣпнѣ украшая златомъ и сребромъ и многоцѣнными каменіи; но, въ нихъ же чаяхъ благоугожати тебѣ, Царю, въ тѣхъ обрѣтохся, прогнѣвая паче; тѣмъ же и праведнаго гнѣва твоего искушеніе пріятъ. Праведенъ сый и преблагъ естествомъ, щедръ же и человѣколюбивъ презѣльно, никакоже истребилъ бы вкупѣ огнемъ всеяднымъ красоту всю и доброту, аще бы не сами крайнѣйшую твою благость прогнѣвали преступленіемъ твоихъ заповѣдей; сего ради, молимъ тя, раби твои: скажи намъ, въ кіихъ согрѣшихомъ, да достойнымъ согрѣшенію покаяніемъ тебе праведнаго и страшнаго Судію милостива сотворимъ себѣ?

Къ симъ же Господь всѣхъ и содѣтель кроткимъ гласомъ сицева противу отвѣща: чесо ради, о человѣцы, неблагодарственно и всуе клевещете на праведный мой судъ? и должни суще каятися мнѣ, о нихъ же предо мною безстудно согрѣшаете всегда: вы наипаче прогнѣваете моя утробы, доброгласныхъ пѣній и колоколовъ шумъ предлагающе мнѣ, и многоцѣнное иконъ украшеніе и различныхъ миръ благоуханіе, яже аще приносите ми отъ законныхъ списканій и праведныхъ тру-

довъ вашихъ, и правою мыслію, якоже и Авель древле, и любезна ми та, и на нихъ призрю, и божественными дарованіи воздарую васъ; праведенъ бо воздаватель азъ, не оставляю безо мзды ниже чашю студеныя воды. Аще ли же отъ неправедныхъ и богомерзкихъ лихвъ, лихоиманія же и хищенія чюжихъ имѣній сія приношаете ми, человѣцы, не точію возненавидитъ я душа моя, аки смѣшана слезами сиротъ и вдовицъ умиленныхъ и кровми убогихъ, но еще и вознегодуетъ на васъ, аки недостойна правдѣ и человѣколюбнѣй мысли моей приносящихъ, да или зѣльнымъ огнемъ вытреблю я, или скифомъ въ расхищеніе издамъ, якоже и иныхъ, множае лучшихъ васъ людехъ, равнѣ же вамъ беззаконновавшихъ піанствы, гордостью, лихоимствы, студѣдяніи всякими, по моему праведному гнѣву, попустихъ содѣятися.

Велеславнаго и велесильнаго царства греческаго внезапная погибель, немногихъ прежде лѣтъ бывши, по праведному гнѣву моему, да повинуетъ вы отступити отъ еже прогнѣвати мя, аще убо желаете не таяжде имъ страдати. Поминайте, какоѥ боголѣпное пѣніе, вкупѣ со свѣтлошумными колоколы и благовонными миры, совершашеся там богатно мнѣ, по всѣ дни, еликаже пѣнія всенощная духовныхъ праздникъ совершахуся, и преподобная торжества, какія же красоты и высоты предивныхъ храмовъ тамо мнѣ создавахуся, и въ нихъ елики сокрывахуся апостольскія и мученическія мощи обильно источаютъ источники исцѣленій, и елицы же сокровища горнія премудрости и разума всяческаго тамо скрывахуся, но ничимъ же она ихъ пользоваша; понеже убога возненавидѣша, и сира убиша, пришельца же и вдову, якоже есть писано...

Которое же мнѣ отъ васъ угодное служеніе? аще убо написанъ зримъ есмь, златый вѣнецъ носящъ, живущу же злѣ погибаю гладомъ и мразомъ, самѣмъ вамъ сладцѣ питающимся и упивающимся всегда и различными одежами освѣтляющимъ себе; удовли мене, въ нихъ же скуденъ есмь, и не прошу у тебе златаго вѣнца, мое бо украшеніе злато, кованенъ вѣнецъ есть, еже нищихъ, сиротъ же и вдовицъ посѣщеніе и довольное пропитаніе, якоже паки скудость потребныхъ имъ—досада мнѣ отъ васъ и конечное безчестіе, аще и безчисленными гласы доброгласныхъ пѣній непрестанно гремите во храмѣхъ моихъ; не жертвы бо, но милость хощу азъ. Кое же наслажденіе мыслимое вашими красногласными пѣніи и рыданми и воздыханми, многаго ради глада, вопіющимъ, ко мнѣ съ нищимъ моимъ?..

Не доброшумныхъ колоколовъ и пѣснопѣній и многоцѣнныхъ миръ требуя, о человѣцы, снидохъ на землю и во зракъ вашъ облекохся, страсть же въ нихъ и лютыя досады и смерть пострадахъ и тридневное погребеніе; моя бо есть вся подсолнечная и исполненія ея [1])... пѣніи же прекрасными и хваленіи предивными безпрестани окрестъ престола моего шумятъ безчисленно множество безплотныхъ пѣснопѣвцовъ;—но желая презѣльнѣ вашему спасенію, его же ничтоже отъ сущихъ честнѣе мнѣ, лютая она вся претерпѣхъ любезна... Вы же книгу убо моихъ словесъ внутрь уду и внѣ уду зѣло обильно украшаете сребромъ и златомъ, силу же писанныхъ въ ней моихъ велѣній ниже пріемлете, ниже исполнити хотяще...

Мнѣ же паки заповѣдающу не скрывати себѣ на земли сокровища злата и сребра и пророкомъ моимъ завѣщавающу вамъ... вы же убогія и сироты и вдовицы (аки отнюдь не пекущуся мнѣ о нихъ), безщадно и безмилостивно расхищаете, обидите и убиваете всякимъ образомъ богомерскаго лихоимства. Мнѣ, пророческимъ гласомъ крѣщѣ претящу и глаголющу [2]): страсти ради нищихъ и воздыханія убогихъ отмстити ихъ востану, вы же, ко всякому прещенію и заповѣди моей глухующе, яко аспидъ глухій, обидите ихъ и грабите несытно, не стыдящеся мене, ниже боящеся, и неточію отъ мнящагося богатства вашего не подаваете имъ, лютѣ мучимымъ гладомъ и мразомъ и всякихъ озлобленіемъ, но еще и самаго отдѣленнаго храмомъ моимъ отъ благовѣрныхъ князей и на прекормленіе бѣднымъ, убогимъ, сиротамъ же и вдовицамъ, лишаете ихъ вельми беззаконно всего, въ различна наслажденія душъ вашихъ и украшеніе ризное и свѣтлопированія честныя дары велеславныхъ и пребогатыхъ вельможъ источающе. И наипаче мнѣ крѣщѣ и владычнѣ вамъ заповѣдающу не призывати на пиръ ни богатыя сосѣды, ни сродники своя, ни друговъ, по слѣпыхъ, сухихъ, хромыхъ, убогихъ и нищетствующая вся, вы же, и сію заповѣдь мою поправше, съ пребогатыми всегда пируете свѣтло и многоцѣнно и тѣхъ дарите зѣло обильно убогихъ и сиротъ имѣніи, мене же, и мразомъ тающа и гладомъ и внѣ вашихъ вратъ стояща и горько плачюща своя

---

[1]) Псал. 49, 12.
[2]) Псал. 11, 5.

скудости, преже обложивше горкими лайбами [1]), отринули кинувше кусъ хлѣба гнилаго; на сребрѣ же сребро и на златѣ злато себѣ несытно на земли скопите лихвами беззаконными и скверными прибытки, и на то множае паче, нежели на Вышняго уповающе и хвалящеся, обличаете ся...

(Соч. Максима Грека, т. II, слово 20, с. 260—8.)

---

19. Послание новгородскаго архиепископа Геннадия к митрополиту Симону.

(1496—1504.)

Господину Отцу моему, Симону Митрополиту всея Руссіи, сынъ твой Архіепископъ Великого Новагорода и Пскова, Владыка Генадей челомъ біетъ...

Да билъ есми челомъ Государю Великому Князю, чтобы велѣлъ училища учинити, а вѣдь язъ своему Государю воспоминаю на его же честь да и на спасеніе, а намъ бы просторъ былъ: занеже вѣдь толко приведутъ кого грамотѣ горазда, и мы ему велимъ одны октеніи учити, да поставивъ его да отпущаю боржае, и научивъ какъ ему божественная служба совершати; ино имъ на меня ропту нѣтъ. А се приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю ему апостолъ дати чести, и онъ не умѣетъ ни ступити, и язъ ему велю псалтырю дати, и онъ и по тому одва бредетъ, и язъ его оторку, и они извѣтъ творятъ: «земля, господине, такова, не можемъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ»;—ино де вѣдь-то всю землю излаялъ, что нѣтъ человѣка въ землѣ, кого бы избрати на поповство. Да мнѣ бьютъ челомъ: «пожалуй деи, господине, вели учити»;—и язъ прикажу учити ихъ октеніи, и онъ и къ слову не можетъ пристати, ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ; и язъ велю ему учити азбуку, и они, поучився мало азбуки, да просятся прочь, а и не хотятъ ее учити. А инымъ вѣдь силы книжные не мощно достати, толко же азбуку границу и съ подтителными словы выучитъ, и онъ силу познаетъ въ книгахъ великую; а они не хотятъ учитись азбукѣ, да хотя и учятся, не отъ усердія, и онъ живетъ долго; да темъ-то на меня брань бываетъ отъ ихъ нерадѣнія, а моей силы нѣтъ, что ми ихъ не учивъ ставити.

А язъ того для бью челомъ Государю, чтобы велѣлъ училища учинити, да его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеньемъ, то дѣло исправится; а ты бы, господинъ Отецъ нашъ, Государемъ нашимъ, а своимъ дѣтемъ Великимъ Княземъ, печаловался, чтобы велѣли училища учинити...

А се мужики невѣжи учятъ робятъ да рѣчь ему испортитъ, да первое изучитъ ему вечерню, ино то мастеру принести каша да гривна денегъ, а завтреня также, а и свыше того, а часы то особно, да тѣ поминки опроче могорца, что рядилъ отъ него; а отъ мастера отъидетъ, и онъ ничего не умѣетъ, толко-то бредетъ по книгѣ, а церковнаго постатія ничего не знаетъ. Толко жъ Государь укажетъ псалтырю съ слѣдованіемъ изучити, да и все, что выше писано, да что отъ того укажетъ имати, ино учащимся легко, а сякъ не смѣютъ огурятися. А чтобы и поповъ ставленныхъ велѣлъ учити, занеже то нерадѣніе въ землю вошло и толко послышатъ то учащіися, и они съ усердіемъ пріймутъ ученіе. А нынѣ у меня побѣжали ставленики четыре, Максимко, да Куземко, да Ѳѳоноско, да Омельянко мясникъ, а тотъ съ недѣлю не поучився ступилъ прочь съ ними жъ; а и православны ли тѣ будутъ? По мнѣ, ино тѣ непригожи въ попы; о тѣхъ-то Богъ Пророкомъ рече: «ты разумъ мой отверже, азъ же отрину тебе, да не будеши мнѣ служитель». И ты бо, господинъ Отецъ нашъ, Государемъ Великымъ Княземъ печаловался; а язъ твой сынъ тебѣ своему господину Отцу челомъ бію...

(А. И., т. I., № 104.)

---

[1]) Ругательства.

VII. Избранная Рада.

20. Царь Иван о своем детстве.

(Изъ Посланія къ кн. Курбскому.)

Яко же выше рѣхъ, какова злая пострадахъ отъ васъ отъ юности даже и доселѣ, пространнѣйше изобличу тя...

Мнѣ же осмому лѣту отъ рожденія тогда преходящу, подвластнымъ нашимъ хотѣніе свое улучившимъ, еже царство безъ владѣтеля обрѣтоша, насъ убо государей своихъ ни коего промышленія доброгнаго не сподобиша, сами же премѣсишася богатству и славѣ, и тако скачаша другъ на друга. И елико сотвориша! колико бояръ, и доброхотныхъ отца нашего и воеводъ избиша! и дворы, и села, и имѣнія дядь нашихъ восхитиша себѣ и водворишася въ нихъ, и казну матери нашея перенесли въ большую казну, неистово ногами пхающе и осны [1]) колюще; а иноежъ себѣ разъяша...

Насъ же, со единороднымъ братомъ, святопочившимъ Георгіемъ, шитати начаша яко иностранныхъ, или яко убожайшую чадь. Яковажъ пострадахъ во одѣяніи и во алканіи! во всемъ бо семъ воли нѣсть; но вся не по своей волѣ и не по времени юности. Едино воспомяну: намъ бо во юности дѣтства играюще, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сѣдитъ на лавкѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ; къ намъ же не приклоняяся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабскоежъ, ниже начало обрѣтеся: и таковая гордыня кто можетъ понести! Какожъ исчести таковыя бѣднѣ страданія многая, яже въ юности пострадахъ! многажды поздо ядохъ не по своей волѣ. Что же убо о казнѣ родительскаго ми достоянія? Вся восхитиша лукавымъ умышленіемъ, будто дѣтемъ боярскимъ жалованье, а все себѣ у нихъ поймаша во мздоиманіе; а ихъ не по дѣлу жалуючи, верстая не по достоинству; а казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поймаша; и тако въ той нашей казнѣ исковавши себѣ сосуды злати и сребряни и имена на нихъ родителей своихъ подписаша, будто ихъ родительское стяжаніе; а всѣмъ людемъ вѣдомо: при матери нашей и у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояръ [1]) зеленъ на куницахъ, да и тѣ ветхи: и коли бы то ихъ была старина, и чемъ было сосуды ковати, ино лучше бы шуба перемѣнити, да во излишнемъ сосуды ковати. Чтожъ о казнѣ дядь нашихъ и глаголати? все себѣ восхитиша! По семъ на грады и села наскочиша, и тако горчайшимъ мученіемъ, многоразличныя бѣды, имѣнія ту живущихъ безъ милости пограбиша. Сосѣдствующимъ же отъ нихъ напасти, кто можетъ исчести? Подвластныхъ же всѣхъ аки рабы себѣ сотвориша, свояжъ рабы аки вельможи устроиша; правити же мнящесь и строити, и вмѣсто сего, неправды и нестроенія многая устроиша, мзду же безмѣрную отъ всякихъ избирающе, и вся по мздѣ творяще и глаголюще...

(Сказания кн. Курбскаго, изд. Н. Устрялова, с. 181—184.).

---

21. Кн. Курбский.

История князя великаго Московскаго.

1. Юность Іоаннова.

Много кратъ ото многихъ свѣтлыхъ мужей вопрошаемъ быхъ, съ великимъ стужаніемъ: «откуды сія приключишася, такъ прежде доброму и нарочитому царю, многажды за отечество о здравіи своемъ не радящу, и въ военныхъ вещахъ сопротивъ враговъ креста Христова, труды тяжкіе и бѣды, и безчисленные поты претерпѣвающу и прежде отъ всѣхъ добрую славу имущему?» И многажды умолчахъ со воздыханіемъ и слезами, не восхотѣвъ отвѣщати; послѣди же, частыхъ ради вопрошаній, принужденъ быхъ нѣчто рещи отчасти о случаяхъ, приключшихся таковых, и отвѣщахъ имъ: аще бы изъ начала и по ряду рѣхъ, много бы о томъ писати, яко въ предобрый Русскихъ князей родъ всѣлъ діаволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами, яко и во Израильтескихъ царѣхъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ. Но сія вся оставя, нѣчто изреку о томъ самомъ настоящемъ. Яко глаголютъ многіе премудрые: «доброму началу и конецъ бы-

---

[1]) Острое орудіе.

[1]) Полушелковая матерія

вѣтъ добръ»; такожде и сопротивъ: злое злымъ скончавается; а наипаче, отъ самовластнаго человѣческаго естества, злымъ произволеніемъ и по всему супротивнымъ противу Божіихъ заповѣдей дерзати...

И аще святые великіе учители ужасалися, пишуще отъ мучителей на святыхъ дерзаемыя: кольми паче намъ грѣшнымъ подобаетъ ужасатися, таковую трагедію возвѣщати! Но послушаніе все преодолѣваетъ, паче же стужанія, або докучанія вашего ради частаго. Но и сіе къ тому злому началу еще возмогло: понеже остался отъ отца своего зѣло младъ, аки дву лѣтъ; но немногихъ же лѣтѣхъ, и мати ему умре; потомъ питаша его велицые гордые паны, по ихъ языку боярове, его на свою и дѣтей своихъ бѣду ретящеся другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденію и сладострастію.

Егда же началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ дванадесять, и впредь что творилъ, умолчу иныя и иныя, обаче же возвѣщу сіе: началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечюще ихъ (а по ихъ языку, съ крылецъ, або съ теремовъ), такожъ и иныя многія неподобныя дѣла творити, являющи хотящее быти немилосердое произволеніе въ себѣ, яко Соломонъ глаголѣтъ: мудрый, рече, милуетъ души скотовъ своихъ, такожъ и безумный біетъ ихъ нещадно; а пѣстуномъ ласкающимъ попущающе сіе и хваляще, на своѐ горшее отрока учаще. Егда же уже приходяще къ пятомунадесять лѣту, и вяще, тогда началъ человѣковъ уроняти. И собравши четы юныхъ около себя дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ сигклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конехъ съ ними ѣздити и всенародныхъ человѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачуще и бѣгающе всюду неблагочиннѣ. И воистинну, дѣла разбойническія самыя творяше, и иныя злыя исполняше, ихъ же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателемъ же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: «о храбръ, глаголюще, будетъ сей царь и мужественъ!» Егда же пріиде къ седьмомунадесятъ лѣту, тогда тѣжъ прегордые сигклитове начаша подущати его и мстити имъ свои недружбы, единъ противъ другаго; и первѣе убиша мужа пресильнаго, зѣло храбраго стратига и великороднаго, иже былъ съ роду княжатъ Литовскихъ, единоколѣненъ королеви Польскому Ягайлу, именемъ князь Иванъ Бѣльскій, иже не токмо былъ мужественъ, но и въ разумѣ многъ и въ священныхъ писаніяхъ въ нѣкоторыхъ искусенъ...

(Сказанія кн. Курбскаго, изд. Н. Устрялова, с. 3—7.)

---

2. Сильвестр и Адашевъ.

Потомъ, егда началъ всякими безчисленными злостьми превосходити, тогда Господь, усмиряющій лютость его, посѣтилъ градъ великій, Москву презѣльнымъ огнемъ, и такъ явственнѣ гнѣвъ свой навелъ, аще бы по ряду писати, могла бы повѣсть цѣлая быти, або книжица; а предъ тѣмъ, еще во младости его, безчисленными плѣненьми варварскими, ово отъ царя Перекопскаго, ово отъ Татаръ Нагайскихъ, сирѣчь Заволжскихъ, а наипаче и горше всѣхъ, отъ царя Казанскаго, сильнаго и можнаго [1]) мучителя христіанскаго, иже подъ властію своею имѣлъ шесть языковъ различныхъ, ими же безчисленное и неисповѣдимое плѣненіе и кровопролитіе учинялъ, такъ, иже уже все было пусто за осьмнадесять миль до Московскаго мѣста [2]). Такожъ и отъ Перекопскаго, або отъ Крымскаго царя, и отъ Нагай вся Рязанская земля, ажъ по самую Оку рѣку, спустошена, а внутрь человѣкоугодникомъ, со царемъ младымъ, пустошающимъ и воюющимъ нещадно отечество...

И въ то время дивно бѣ, яко Богъ руку помощи подалъ, отдохнути землѣ христіанской, образомъ симъ: тогда убо, тогда глаголю, пріиде къ нему единъ мужъ, презвитеръ чиномъ, именемъ Селивестръ, пришлецъ отъ Новаграда Великаго, претяще ему отъ Бога священными писаньями и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ; еще къ тому, и чудеса и аки бы явленія отъ Бога повѣдающе ему: не вѣмъ, аще истинныя, або такъ ужасновенія пущающе, буйства его ради, и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, умыслилъ былъ себѣ сіе. Яко многажды и отцы повелѣваютъ слугамъ дѣтей ужасати мечтательными страхи, и отъ излишнихъ игоръ презлыхъ сверстниковъ: сице и сей, мню, блаженный малую грозу присовокупляетъ благокозненія, сю же великое зло цѣлити умыслилъ. Яко и врачеви дѣлаютъ, по неволѣ, согнившія гагрины стру-

---

[1]) Мощнаго.

[2]) До града Москвы.

жуще и рѣжуще желѣзомъ, або дикое мясо возрастающее на ранѣ, обрѣзающе ажъ до живого мяса; сему негли подобно, и онъ, блаженный льстецъ истинный, умыслилъ; яко и послѣдовало дѣло: иже душу его отъ прокаженныхъ ранъ исцѣлилъ и очистилъ былъ, и развращенный умъ исправилъ, тѣмъ и овымъ наставляюще на стезю правую. Съ нимъ же соединяется, во общеніе, единъ благородный тогда юноша, къ доброму и полезному общему, именемъ Алексѣй Адашевъ; цареви жъ той Алексѣй въ то время зѣло любимъ былъ и согласенъ, и былъ онъ общей вещи зѣло полезенъ, и отчасти, въ нѣкоторыхъ нравѣхъ, ангеломъ подобенъ...

Что же сіе мужіе два творятъ полезное землѣ оной, спустошенной уже воистину и зѣло бѣднѣ сокрушенной? Приклони жъ уши, и слушай со прилежаніемъ! Сіе творятъ, сіе дѣлаютъ! Главную доброту начинаютъ—утверждаютъ царя, и якого царя? царя юнаго, и во злострастіяхъ и въ самовольствіи безъ отца воспитаннаго, и преизлище прелютаго, и крови уже напившагося всякія, не токмо всѣхъ животныхъ, но и человѣческія. Паче же, и согласныхъ его на зло прежде бывшихъ, овыхъ отдѣляютъ отъ него (яже быша зѣло люты), овыхъ же уздаютъ и воздержатъ страхомъ Бога живаго. И что же еще по семъ придаютъ? Наказуютъ опаснѣ благочестію; молитвамъ же прилежнымъ къ Богу, и постомъ, и воздержанію внимати со прилежаніемъ завѣщаваетъ оный презвитеръ, и отгоняетъ отъ него оныхъ предреченныхъ прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь ласкателей и человѣкоугодниковъ, надъ нимъ же ничтоже можетъ быти повѣтреннѣйшаго [1]) во царствѣ, и отсылаетъ и отдѣляетъ отъ него всяку нечистоту и скверну, прежде ему приключившуюся отъ сатаны; и подвижетъ на то и присовокупляетъ себѣ въ помощь архіерея онаго великаго града [2]), и къ тому всѣхъ предобрыхъ и преподобныхъ мужей, презвитерствомъ почтенныхъ; и возбуждаютъ царя къ покаянію, и исчистивъ сосудъ его внутренній, яко подобаетъ къ Богу приводятъ, и святыхъ, непорочныхъ Христа нашего таинъ сподобляютъ, и въ сицевую высоту онаго, прежде бывшаго окаяннаго, возводятъ, яко и многимъ окрестнымъ языкомъ дивитися обращенію его и благочестію.

И къ тому еще и сіе прилагаютъ: собираютъ къ нему совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ, во старости мастистѣй сущихъ, благочестіемъ и страхомъ Божіимъ украшенныхъ; другихъ же аще и въ среднемъ вѣку, такожъ предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и оныхъ въ военныхъ и земскихъ вещахъ по всему искусныхъ; и сице ему, ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояютъ, яко безъ ихъ совѣту, ничесоже устроити или мыслити. Воистину премудрому Соломону глаголющу: Царь, рече, добрыми совѣтники, яко градъ претвердыми столпы утвержденъ; и паки: любяй, рече, совѣтъ, хранитъ свою душу, а не любяй его, совсѣмъ изчезнетъ: понеже, яко безсловеснымъ, надлежитъ чувствомъ по естеству управлятися, сице всѣмъ словеснымъ—совѣтомъ и разсужденіемъ. И нарицались тогда оные совѣтницы у него избранная рада; воистину по дѣломъ и нареченіе имѣл и: понеже все избранное и нарочитое совѣты своими производили, сирѣчь: судъ праведный, нелицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому, еже бываетъ въ царствѣ наилѣпшее; и къ тому воеводъ, искусныхъ и храбрыхъ мужей, сопротивъ враговъ избираютъ, и стратилатскіе чины устрояютъ, якэ надъ ѣздными, такъ и надъ пѣшими; и аще кто явится мужественнымъ въ битвахъ, и окровитъ руку въ крови вражьей, сего дарованьми почитано, яко движными вещи, такъ и недвижными. Нѣкоторые жъ отъ нихъ, искуснѣйшіе, того ради и на вышнія степени возводились. А паразитовъ или тунеядцовъ, сирѣчь подобѣдовъ или товарищей трапезамъ, яже блазенствомъ или шутками питаются, и кормы хаютъ, не токмо тогда не даровано, но и отгоняемо, вкупѣ съ скомрахи, и со иными, прелукавыми и презлыми, таковыми роды; но токмо на мужество человѣковъ подвизаемо и на храбрость всякими роды даровъ или мздовоздаяньми, каждому по достоянію.

(Сказание кн. Курбскаго, изд. Н. Устрелов., Ист. Кн. в. Московскаго гл. I, с. 1—12.)

---

22. Послание к царю Ивану Васильевичу.

(Приписываемое Сильвестру.)

Богомъ возвышенный Царю, Государь Князь Великій Иванъ Васильевичъ всеа Русии! Напрязи и спѣй, царьствуй истины ради, и кротости, и

---

[1]) Смертоносный.

[2]) Митр. Макарий.

правды: наставитъ тя чюдкѣ десница Вышняго. Престолъ твой правдою и крѣпостію и судомъ истиннымъ утверженъ есть, жезлъ правды, жезлъ царствія твоего. Возлюбилъ еси правду и возненавидѣ беззаконие, сего ради помаза тя, боже, Богъ твой, елѣом радости паче причастникъ твоихъ...

Царь еси предобръ и умилителенъ всему, на супротивныя храбръ, яко да покорени будутъ врази твои подъ ногами твоими, и поклонятъти ся Цари и Князи, и послужатъ ти языцы, и будеши благословенъ, и одолѣеши посреди вргъ твоихъ. Да разсыплютца страны поганскія, ижъ хотящихъ брани, и не созиждутца во вѣки, отъ Божіа молоніа помрачатца и будутъ яко пси гладніи, языки своими полижютъ землю, ангилъ Господенъ буди погоняй; и поможетъ ти Господь Богъ твой, послетъ ти помощь на супротивныя твоя. Обладаеши отъ моря и до моря, и отъ рѣкъ до конець вселенныя—твоя, и поклонятца тебѣ всѣ Царіе земстіи и вси языцы поработаютъ тебѣ. И честно будетъ имя твое предъ всѣми языки и помолятца тобѣ всегда, и весь день предстоятъ предъ тобою. И будетъ утверженье твоему царствію, яко во веки, не подвижитца, и превознесетца паче Ливана плодъ его, и будетъ благословенно сѣмя твое во веки, и всѣ языцы возвеличаютъ тя. Умножица слава державѣ твоей, и будеши благословенъ на престоле царствіа твоего: судити людемъ своимъ въ правду и нищимъ твоимъ истинною и судомъ праведнымъ. Тако глаголетъ Господь, сотворивый небо и утвердивый землю и яжъ на ней, дая дыханіе ходящимъ по ней, и въ мори утвержая путіе безсоблазно; тако глаголетъ Господь Вседержитель: Азъ воздвигохъ тя Царя правде, и призвахъ тя правдою, пріяхъ тя за руку и укрепихъ тя; изводяй оружіе па супротивныя, и изсеку отъ лица твоего враги твоя и кони крѣпкыи...

И тебѣ, Великому Государю, которая похвала: въ твоей области, Православнаго Царя, поношеніе безстудное. И которой похвалѣ быти твоему Величеству. Ты о всемъ надежду и упованіе полагаеши на Бога, а людие твои, раби мнози, дерзновеніемъ, и небреженіемъ, и безстудными скверпами, удаляются отъ Бога, и раздражаютъ его, и нигдѣ сотворивый по волѣ его...

Не збыша ли ся вся сіа гнѣва Божіа наказанія надъ пами, и надъ грады твоими, и надъ имѣніемъ твоимъ, грѣхъ ради нашихъ? И тебѣ, Великому Государю, которая похвала въ таковыхъ чюжихъ мерзостѣхъ? Въ гнилыхъ совѣтехъ неразумныхъ людей, рабъ своихъ самъ себе хощеши обесчестити предъ враги своими...

И тебѣ, Великому Государю, которая похвала: въ твоей великой области множество Божіихъ людей заблудиша? На комъ то ся взыщетъ? О семъ бо самъ Господь изъяви во Благовѣстіи: И всякому ему жъ дапо будетъ много, много и взыщетца отъ него, и ему же предаша множайша и спросятъ отъ него. Понеже Государь еси въ православной своей области, Богомъ поставленъ, и вѣрою утвержень, и ограженъ святостію, глава всѣмъ людемъ своимъ, и Государь своему царствію, и наставникъ крѣпокъ людемъ своимъ, и учитель и ходатай къ Богу, и теплъ предстатель; понеже многое множество даровалъ ти Господь Богъ, и нарекъ тя пастыремъ, начальника, судью и пророка, и дивна совѣтника, вождя и учителя всемирна, и заблужшимъ наставника, и, аще упасеши, безъ труда спасешися...

А се тебѣ, Великому Государю, которая похвала? Въ твоей области православныя вѣры толико множество Божіихъ людей заблужиша и Господню зданію діяволъ посмехаетца...

(Чтение въ О—ве Ист. и Др. Росс. 1874 г.)

---

23. Собор 1550 г. [1]).

Егда же Государь Царь і Великіи Князь Иванъ Васильевичъ бысть в возрасте 20 году, виде Государство свое в велицѣи тузѣ і печали, отъ насилия силныхъ і от неправдъ, оумысли смирити всѣхъ в любовь; і совѣтовавъ со отцемъ своимъ Макариемъ Митрополитомъ, како бы оуставити крамолы, і неправды разорити, і вражду оутолити, повелѣ собрати свое Государство изъ городовъ всякого чину. І в день недѣльный изыде со кресты на Лобное мѣсто, і совершивъ молебная, нача рѣчь говорити к Митрополиту:

---

[1]) Извѣстия о соборе 1550 г. заподозрены наукой. См. С. Платонов, Ж. М. Н. П., 1900 г., С. Васенко, Ж. М. Н. П., 1903.

«Молю тя, святыи Владыко, да будеши помощникъ намъ і любви поборникъ; вѣмъ, яко блага дѣла і любви желатель еси. Азъ, Владыко святыи, і самъ ты вѣси, яко азъ остался отца своего Государя Великаго Князя Василья Ивановича четырехъ лѣтъ, а матери своеи осми лѣтъ; родители о мнѣ не брегше, а силніи мои бояре і вельможи о мнѣ не радѣша і самовластни быша, і сами себѣ саны и чести похитиша моимъ имянемъ, имже нѣсть возбраняющаго, і во многіе корысти, і в хищенія, і в обиды оупражняхуся, азъ же яко глухъ і не слышахъ и не имыи во устѣхъ своихъ обличенія, юности ради моея і пустоты, они же властвоваху. О неправедніи лихоимцы и хіщницы и неправедныи судъ по себѣ творящеи! что нынѣ намъ отвѣтъ даете иже многія слезы на ся воздвигосте, азъ же чистъ отъ крове сея; ожидаите воздаянія своего».

«І всѣмъ поклонися на всѣ страны и глагола: «людие Божіи и намъ дарованніи Богомъ! молю вашу вѣру к Богу и к намъ любовь. Нынѣ намъ вашихъ обидъ, и разореніи, и налогъ исправити не возможно, замедлѣния ради юности моея и пустоты и беспомощъства, и неправдъ ради бояръ моихъ и властеи, і безсудства неправеднаго, лихоиманія і сребролюбия; молю васъ, оставите другъ другу вражды и тяготы свои, развѣ елико чево большего дѣла невмѣсно, і в томъ и в выпыхъ вновъ я вамъ, елико вмѣсно намъ, самъ буду судия и оборона, і неправды разоряти и хищенія возвращати».

І в тои день пожаловалъ в окольничие Алексѣя Адашева, і говорилъ рѣчь ему: «Алексѣе! взялъ я тебя от нищихъ и отъ самыхъ молодыхъ людеи. Слышахъ о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, і нынѣ взыскахъ тебе выше мѣры твоея, ради помощі души моеи; хотя и твоего желанія на сіе нетъ, но обаче азъ возжелахъ, не токмо тебѣ, но иныхъ такихъ, хтобъ печаль мою утолилъ і на люди моя, Богомъ врученныя намъ, призрилъ. Вручаю тебѣ челобитныя пріимати оу бѣдныхъ и обидимыхъ, и призрати ихъ с разсмотреніемъ. Да не убоишися силныхъ и славныхъ, восхитившихъ чести на ся, і своимъ насиліемъ бѣдныхъ і немощныхъ погубляющихъ, ни бѣднаго слезамъ ложнымъ і клеветающихъ напрасно на богатыхъ, хотящихъ ложными слезами неправедно оболгати и правымъ быти; но вся испытно разсмотряти и к намъ истинну приносити, боися суда Божіи, и избрати судеи правдивыхъ от бояръ и от вельможъ». І глагола имъ ту рѣчъ с прещеніемъ; і оттолѣ нача і самъ судити многіе суды и разыскивати праведно.

(Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. II, № 37).

24. Иван Пересветов.

Первая челобитная.

Государю благовѣрному великому царю і великому князю Івану Васильевичю всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой государевъ выезжей із Литвы Івашко Семеновъ сынъ Пересвѣтова...

Ехалъ есми, государь, із Угоръ на Волоскую землю і был есми пять мѣсяцъ у Петра, у воеводы у волоского, в Сочавѣ. І онъ про тебя, государя, про великого царя благовѣрнаго, і про твое царство государево говоритъ на всякъ день, і у Бога проситъ умноженія вѣры христіянскія, и онъ говоритъ: Такова была вѣра греческая силна, і мы ся ею хвалили, а нынѣ русскимъ царствомъ хвалимся. А говоритъ такъ: Боже! поблюди ея от невѣрныхъ і от ереси всякія. Да того не хвалитъ, что крестъ цѣлуютъ, да измѣняютъ—то есть великая ересь, что за вѣру христіанскую не стоят и государю вѣрою не служатъ. Да и того не хвалитъ, что особную войну на свое царство напущаетъ; даетъ городы і волости держати велможамъ, і велможи от слезъ и от крови роду христіанского богатѣютъ нечистымъ собраніемъ...

На Бога хулу кладутъ, не крѣпко крестное цѣлованіе держатъ; тѣмъ Бога всѣмъ велми гневятъ; чим вѣра христіанская укрѣплена, а они того крѣпко не держатъ.

Так говоритъ волоскій воевода про перваго царя турецкаго Махмет-салтана: Невѣрный царь богоугодная учинилъ, великую мудрость і правду въ царство свое ввелъ, по всему царству своему разослалъ вѣрныя своя судія, пооброчивши ихъ із казны своим жалованіемъ, чѣмъ имъ мочно прожити з году на годъ. А судъ далъ полатный во все царство судити без противня, а присудъ велѣлъ имать на собя вказну, чтобы неискушалися, і вгрѣхъ не впали, і Бога не разгнѣвили. А какова велможу пожалуетъ за его вѣрную службу каким городомъ іли волостію, і онъ пошлетъ къ судьямъ своимъ, і велитъ ему по доходному списку із казны выдати вдруг. А просудится судья, іно имъ пишется такова смерть по уставу Махемто-

ву: взведетъ его на высокій скатъ, да и пхнетъ его взашею надол, да речетъ так: не умѣл еси в доброй славѣ быти і вѣрно государю служити. А иных живых одирають, да речетъ такъ: Какъ обростешъ тѣломъ, отдастъ ти ся вина. По уставу Махметову с великою грозою мудрою і нынѣшніе цари живутъ; а виноватымъ смерти росписаны; а нашедши виноватого, не пощадити і лутчаго; а казнятъ ихъ противу дѣл ихъ, да рекутъ такъ: і отъ Бога написано, комуждо по дѣлом его.

Да такъ говорит волоскій воевода: Знамянуется в мудрыхъ книгахъ, пишутъ философеи і доктори о благовѣрномъ великомъ о цари русскомъ і великомъ князѣ Іване Васильевиче всеа Русіи, что будетъ у него въ его царствѣ такова великая мудрость і правда і гроза неправеднымъ судьямъ от его мудрости великія, от Бога прирожденныя.

Такъ говоритъ волоский воевода про русское царство, что велможи русскаго царя сами богатѣютъ і лѣнивѣютъ, а царство его оскужаютъ. і тѣм они слуги ему называются, что цвѣтно і конно і людно выѣзжаютъ на службу его; а крѣпко за вѣру християнскую не стоятъ і люто противъ недруга смертною ігрою не играютъ, тѣм Богу лжутъ і государю. Ино такъ говорит волоскій воевода: Что ихъ много, коли у них сердца нѣтъ доброго, і смерти ся боятъ, і не хотят умрети за вѣру християнскую, і какъ бы имъ не умирати всегды. Богатый о войнѣ не мыслитъ, мыслитъ о упокои; хотя и богатырь обогатѣетъ, і онъ облениивѣетъ. Так говорит волоскій воевода: Воина держати, какъ сокола чередити, і всегды ему сердце веселити, а ни в чем на него кручины не допустити. Іно такъ говорит волоскій воевода: Таковому силному государю годится со всего царства своего доходы к себѣ въ казну імати і ис казны своея воинником сердца веселити; іно казнѣ его конца не будетъ, і царство его не оскудѣетъ. Который воинникъ лют будетъ против недруга государева играти смертною ігрою і крѣпко будетъ за вѣру християнскую стояти, іно таковым воинникомъ имяна възвышати и сердца имъ веселити, і жалованія ис казны своей государевы прибавливати; і инымъ воинникомъ сердца возвращати, і к себѣ ихъ припущати блиско, і во всемъ имъ вѣрити, і жалоба ихъ послушати во всемъ, і любити ихъ, яко отцу дѣтей своихъ, і быти до них щедру: щедрая рука николи же не оскудѣваетъ и славу царю събираютъ; что царю щедрость к воинникомъ, то есть і мудрость его. А про тобя, про государя, про великого царя благовѣрнаго, волоскій воевода говоритъ: Таковому государю годится держати двадцать тысящъ юнаковъ храбрых со огненою стрѣльбою, гораздо учиненою, и стояли бы полянцы съ украины на поли при крѣпостех от недруга, от крымского царя, изоброчивши ихъ ис казны своимъ жалованіемъ государьским годовымъ; і они навыкнут в поли жити і недруга его, крымского царя, воевати. Іно та ему двадцат тысящъ лутчи будутъ ста тысящъ, а украины его всѣ будутъ богаты і не оскужены отъ недруговъ. А мочно ему, таковому силному царю, то все учинити.

Такъ говорит Петръ, волоскій воевода, про греческое царство: Велможи греческія при царѣ Константинѣ Ивановичѣ царьством обладали, і крестное цѣлованіе ни во что же ставили, измѣняли, і царство измытарили своими неправыми суды, і от слезъ і от крови християнской богатство свое наполнили нечистымъ собраніемъ, и сами облѣнивѣли за вѣру християнскую крѣпко стояти, і царя укротили от воинства своими вражбами і прелестными путми ерестными і чародѣйствы; і тѣмъ царство греческое, і вѣру християнскую, і красоту церковную выдали іноплеником туркомъ на поругание. А нынѣ сами греки за свою гордость і за беззаконіе і за лѣнивство свое вѣру християнскую у царя у туретцкого откупаютъ, великіе оброки даютъ царю турецкому, а сами вневоли у царя у турецкого за свою гордость и за лѣнивство. Греки і сербы наймуются овецъ пасти і верблудовъ у турковъ; і лутчія греки, і они торгуютъ. Говоритъ волоскій воевода с великими слезами про ту вѣру християнъскую русского царства і просит у Бога всегда умноженія вѣры християнскія от восточного царства, от русского царя благовѣрного великого князя Івана Васильевича всеа Русіи. Тѣм ся царствомъ рускимъ і нынѣ хвалит вся греческая вѣра, і надѣются от Бога великого милосердия и помощи божіи свободитися рускимъ царемъ от насильства турецкого царя иноплеменника. И говоритъ волоскій воевода: Такое царство великое, силное і славное, і всѣмъ богатое, царство московское, есть ли в том царствѣ правда? Іно у него служил москвитинъ Васка Мерцаловъ, і отъ того вопрашивал: Ты гораздо знаешъ про то царство московское, скажи ми

подлинно. І онъ стал сказывати Петру, волоскому воеводѣ: Вѣра, государь, христіянская добра, всѣмъ сполна, і красота церковная велика, а правды нѣтъ. І к тому Петръ-воевода заплакал и рек такъ: Коли правды нѣтъ, то всего нѣтъ... І в которомъ царствѣ правда, в том і Богъ пребываетъ і помощь свою святую велику даваетъ, и гнѣвъ божій не воздвигается на то царство. Правды силніе въ божественемъ писаніи нѣсть. Правда Богу сердечная радость, а царю великая мудрость і сила. Помилуй, Господи, вѣры христіяньскія от неправды ихъ. Іно нынѣ пишутъ мудрыя философы и докторы о благовѣрномъ цари великомъ князи Іванѣ Васильевиче всеа Русіи, что онъ будетъ мудръ і введет правду въ свое царство. І такъ говоритъ волоскій воевода і проситъ у Бога милости, моляся: Боже! Дай милосердие свое великое, чтобы та его мудрость не оминула великого царя благовѣрнаго...

Изначала не хвалятъ мудрыя философы, что которыя велможи къ царю приближатся не от воиньскія выслуги, ни от іныя от которыя мудрости; іно про тѣх говорят такъ мудрыя философы: то есть чародѣи і ересники, у царя счастіе отимаютъ і мудрость царьскую, і къ себѣ царьское сердце зажигаютъ ересію і чародѣйством, і воинство кротятъ. И то говоритъ волоскій воевода: Таковых подобаетъ огнемъ жещи і иные лютые смерти имъ давати, чтобы зла не множилос; без лица имъ вина, что воиньство у царя кротятъ і мысль царьскую отимаютъ. А царю без воиньства не мочно быти: ангели божіи і небесныя силы, і тѣ ни на единъ часъ пламенного оружия из рукъ своих не испущаютъ, стрегутъ рода человѣческаго от всякія пакости от Адама і до сего часа; а царю земному какъ без воиньства быти? Воинниками царь силенъ і славенъ. Царю быти благодатію божіею і мудростію великою на царствѣ своемъ, а до воинниковъ быти, яко отцу до дѣтей своихъ, щедру. Что царьская щедрость до воинниковъ, то его і мудрость; щедрая рука николи же не оскудѣет і славу себѣ велику собираетъ.

Да такъ рекъ Петръ, волоскій воевода: У благовѣрнаго царя Констянтина въ Царѣградѣ воинники оскудѣли і обнищали, а мытари богатѣли, а иныя воинники, видячи то непризрѣніе благовѣрнаго царя к воиньству, і они, оставивши воиньство, да на мытарства же прелщалися, і царство царя Констянтина оскужали і казну цареву, а сами мытари богатѣли: іно государю гдѣ взяти вказну царьскую десять рублевъ, і онѣ на царя возмут десять рублевъ, а на себя сто рублевъ. А кто ихъ посылали, велможи царьскія, і тѣ с ними, мытари, дѣлилися, а царьство благовѣрнаго царя Констянтина оскужали і казну цареву, а сами богатѣли от крови і от слезъ роду христіянского. А велможи другъ о друзѣ печаловалис царю Констянтину о кормленіяхъ, і о городехъ, і о намѣстничествѣ, яко гладныя псы, хистяся на кровь і на слезы рода христіянского. А царь всю ихъ волю чинилъ і во всемъ имъ сердце веселил, і особную войну на царство свое напущалъ велможъ своихъ, і всѣмъ Бога разгнѣвалъ. Да так рек волоскій воевода: Судъ был греческій неправеденъ, а купля ихъ была нечиста: купецъ не умѣл товару своему цѣны уставити, нечисто собраніе ихъ было...

Да рекъ Петръ, волоскій воевода, про Казанъское царьство: Есть ли хотѣти Казанского царства добывати, іно призвавъ Бога на помощь, і себя ни в чемъ не пощадѣти, послати войско на Казань, возрастивши сердца воинником своимъ царьским жалованіемъ і ласкою і привѣтомъ добрымъ; а иныя воины удалыя послати на улусы на казанскія, да велѣти ихъ жечи і людей сѣчи і плѣнити. Да Богъ помилуетъ и помощь святую свою дастъ извоевати ихъ да і крестити, то і крѣпко. А слышалъ есми про ту землю, про Казанское царство, у многих воинниковъ, которые въ царствѣ Казанскомъ бывали, что про нея говорят, примѣняютъ ея к подрайской землѣ угодіемъ великимъ. Да тому велми дивимся, что таковая землица не великая, велми угодная, у таковаго великаго, силнаго царя под пазухою, а не в дружбѣ, а он ей долго терьпитъ і кручину от нихъ великую пріимает; хотя бы таковая землица угодная і в дружбѣ была, іно было ей не мочно терпѣти за такое угодие...

(В. Ржига «И. Пересветовъ», с. 59—68,—77—78.)

---

25. Беседа преп. Сергия и Германа, валаамских чудотворцев.

Ангельское житіе на небесѣхъ свѣтъ показуетъ, а священническое и иноческое житіе доброе и образъ ихъ на земли вѣрнымъ человѣкомъ

свѣтъ являетъ. Сего ради молимъ васъ, возлюбленніи отцы и драгая братія, покоряйтеся благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ и въ благовѣріи княземъ русскимъ радѣйте и во всемъ имъ прямите, и Бога за нихъ молите, аки сами за себя и паче себя, да таковыя ради молитвы и мы помиловани будемъ. И добра государемъ своимъ во всемъ хотите и за нихъ достоитъ животом своимъ помирати и главы покладати, аки за православную вѣру свою, да ни власъ главъ нашихъ не погибнетъ за таковую къ Богу добродѣтель. Богомъ бо вся свыше предана есть помазаннику царю и великому Богомъ избранному князю. Благовѣрнымъ княземъ русскимъ свыше всѣхъ дана естъ Богомъ царю власть надо всѣми, и за весь міръ царства ихъ, во ономъ вѣцѣ, праведный и страшный Царь небесный Христосъ Богъ нашъ на нихъ всего много испытаетъ и ко отвѣту за всѣхъ поставитъ, такоже по нихъ воздастъ общій судъ міру всему, комуждо по дѣломъ его.

Добро убо, добро, и паки речемъ добро, любимцы отцы и братія, честно есть и похвално предъ Пречистою нашею Богородицею и Приснодѣвою Маріею и предъ всѣми святыми лики отъ Бога мздовоспріятіе: иноковъ не гнѣвити и не осужати и почитати ихъ честно и милостыни имъ давати и обители имъ соружати, инокомъ на прибѣжище и христіаномъ на душевное спасеніе; а у иноковъ ничтоже пріимати въ домы своя, кромѣ прощенія и благословенія, то бо есть отъ Бога дано имъ на помощь всѣмъ христіаномъ. А царемъ и великимъ княземъ достоитъ изъ міру всякіе доходы своя съ пощадою збирати и всякіе дѣла дѣлати милосердно съ своими князи и съ боляры и съ прочими міряны, а не съ иноки. Милостивъ человѣкъ есть царь, милость показа къ міру, уподобися милостивому Богу. Такоже подобаетъ всякому милостиву быти другъ ко другу и давати инокомъ не волости со христіаны. Подобаетъ инокомъ и имати годовая урочная милостыня, всему иноческому и священническому и нищенскому чину; а прочіи святіи собирали, что ясти, а не на вѣкъ запасали; тако и инокомъ всѣмъ и вездѣ, отъ перваго и до послѣдняго. А вотчинъ и волостей со христіаны отнюдь инокомъ не подобаетъ давати; то есть инокомъ душевредно, что мірскими суетами мястися: того всего мірскаго по указу стреклися иноцы сами своею волею, тако имъ подобаетъ. А царемъ иноковъ селы и волости со христіаны жаловати не достоитъ, и не похвально есть царемъ таковое дѣло...

Богъ повелѣ ему царствовати и міръ воздержати, и для того цареви въ титлахъ пишутся самодержцы. А которые пишутся самодержцы, таковымъ царемъ не достоитъ ся писати самодержцемъ ни въ чемъ, понеже съ пособники Богомъ данное царство и міръ воздержатъ, а не собою, ниже съ своими пріятели съ князи и зъ боляры, но не съ погребенными владѣетъ, съ мертвецы бесѣдуетъ таковый царь. Лучше степень и жезлъ и царскій вѣнецъ съ себя отдати и не имѣти царскаго имени на себѣ и престола царства своего подъ собою, нежели иноковъ мірскими суеты отъ душевнаго спасенія отвращати. То есть царское ко инокомъ не милосердство, но душевредство и безконечная погибель, что инокомъ княжее и боярское мірское жалованье давати, аки воиномъ, волости со христіаны. Не съ иноки Господь повелѣлъ царемъ царство и грады и волости держати и власть имѣти, съ князи и зъ боляры и съ прочими съ міряны, а не съ иноки. Инокомъ повелѣ Господь за царя и за великихъ князей въ смиренномъ образѣ Бога молити...

И дозримъ изнова еще преподобныхъ и пустынныхъ и всѣхъ святыхъ подлиннаго ихъ житія со вниманіемъ, како они угодники Христовы передъ Богомъ стояли... за царя къ Богу славу воссылали и монастырскіе всякіе труды на братію тружалися...

И сего зри, каковы ризы носили и какъ на славу и на величество, и на христіанскія слезы гдѣ накупалися, и у кого что насильствомъ и лжами отнимали, и отъ кого чести и славы и волостей и со христіаны получали. Всего того они угодники Христовы убѣгали, укрывалися отъ родителей и отъ богатства своего. Таковъ образъ и обычай во всемъ терпѣніи намъ грѣшнымъ оставили. Много ли злата и сребра собирали?..

А мы окаяніи многогрѣшніи иноцы вылгали у всемилостиваго у небеснаго Владыки, таковый нося великій образъ, а нареклися иноцы, а иноцы есмы, да только не на иноческую добродѣтель, но на всякую злобу иноки, а не на добродѣтель. И сверхъ монастырскіе казны да еще крадемъ, и всяко себѣ въ собину собираемъ, а не вѣсть кому во иноцѣхъ запасаемъ отъ всѣхъ въ собину себѣ злата и сребра и всякіе особинныя драгія вещи, и пьяныя, сладкія разныя питія

и полезныя, на многихъ блюдахъ и на мисахъ пищи съ предстоящими трапезы и сесвѣтныя слазы.

Вѣдомо будп о семъ и извѣстно міру всему, спроста объявихомъ: то есть, возлюбленная братія, отъ бѣса противо новыя благодати новая ересь, что инокамъ волости со христіаны владѣти, и міръ имъ судити, и на поруки ихъ давати, и приставовъ по нихъ инокомъ посылати, и изъ міру всякіе царскіе доходы, аки царемъ и прочимъ мірскимъ властемъ, инокомъ собирати и міръ слезити...

Ино сказаніе тоежъ бесѣды.

Подобаетъ Христолюбивымъ царемъ и Богомъ избраннымъ, благочестивымъ и великимъ княземъ Рускія земли избранные воеводы своя и войско свое скрѣпити и царство во благоденство соединити и распространити отъ Москвы сѣмо и овама, сюду и сюду, и грады, аки крѣпкіе непоколебимые Богомъ утвержденные столпы, крѣпко скрѣпити, и области вся задержати не своею царскою храбростію, ниже своимъ подвигомъ, но славнымъ воинскимъ валитовымъ разумомъ и царскою премудрою мудростію. И на такое дѣло благое достоитъ святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ (и всѣмъ духовнымъ властямъ) благословити царей и великихъ князей рускихъ московскихъ на единомысленный вселенскій совѣтъ, и съ радостію царю воздвигнути отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безъ величества и безъ высокоумія гордости, Христоподобною смиренной мудростію, безпрестанно всегда держати погодно при собѣ и собѣ ото всякихъ мѣръ всякихъ людей, и на всякъ день ихъ добрѣ-добрѣ распросити царю самому—о всегоднемъ посту, и о каяніи міра всего, и про всякое дѣло міра сего. А разумныхъ мужей, мудрыхъ и надежныхъ, приближенныхъ своихъ воеводъ и воиновъ, со многимъ войскомъ, ни на единъ день не разлучатися отъ собя; а таковою царскою мудростію и воиновымъ валитовымъ разумомъ вѣдомо да будетъ царю самому про все всегда самодержства его, и можетъ скрѣпити отъ грѣха власти, и воеводы своя, и приказные люди вся, и приближенныхъ своихъ воеводъ и воиновъ отъ поминка, и отъ посула, и отъ всякія неправды, и сохранитъ ихъ отъ многихъ безчисленныхъ властелинныхъ грѣховъ, и отъ всякихъ льстивыхъ льстецовъ, и отъ обавниковъ ихъ, и объявлено будетъ тѣми людьми такозое дѣло передъ царемъ. Таковою царскою мудростію и валитовымъ разумомъ да правдою тою здержатца во благоденствіи царство его и войско все безъ измѣны крѣпко всегда...

(Летопись занятий Археограф. Комиссии вып. X, с. 1—5, 19—21, 29—31).

---

26. „Слово къ благохотящимъ царемъ, правительницамъ и землемѣріемъ [1]“.

Премудрость Соломоня глаголетъ: слышите убо царіе и разумѣйте, и навыкните судія концемъ земли, внушите держащія множества, и гордящеся о народехъ язычестихъ, яко дася отъ Господа держава вамъ и сила отъ Вышняго (Премудр. Солом. VI, 1—3).

Аще же убо вѣрныхъ царь въ нынѣшнее время испытоваемъ, во всѣхъ языцех, кромѣ русійскаго языка, не вѣмы правовѣрующа царя. Аще же убо вѣрою правъ есть, достоитъ ему не лѣпостно снискати, разсматряя яже ко благополученію всѣмъ сущимъ подъ нимъ, не единеми вельможами еже о управленіи пещися, но и до послѣднихъ, в е л ь м о ж а бо суть потребни, но ни отъ коихъ же своихъ трудовъ довольствующеся. Въ началѣ же всего потребни суть р а т а е в е. Отъ ихъ бо трудовъ есть хлѣбъ, отъ сего же всѣхъ благихъ главизна: Богови въ службу безкровная жертва хлебъ приносится и въ тѣло Христово претворяется, потомъ же и вся земля отъ царя и до простыхъ людей тѣхъ труды питаема. Сіиже всегда въ волненіихъ скорбныхъ пребывающа, еже не единаго ярма тяготу всегда носяще. Овогда бо оброки дающе сребромъ, овогдаже ямская собранія, овогдаже ина. Елицы иже отъ даропитательныхъ силъ ради царскихъ собраній къ нимъ собранія бываютъ, и сіи убо подлѣ царскаго уставлепія и себѣ съ нимъ многа збираютъ. Еще же сихъ ради посланій ялженія ради конемъ въ ямская расточенія многа сребра разходящеся. Многаже и ина ратаемъ обида отъ сего, еже царскія землемѣрительніи писаріе яздяху съ южемъ дѣломъ мѣрнымъ отдѣляюще царевомъ воиномъ землю, и мѣру земли вразнь всяку четверть полагающе, и симъ много медлящіи изъядаху многа брашна у ратаевъ. И многа убо царства прочтохомъ, и сего обычая невидѣхомъ...

---

[1] Один из проектов эпохи Грознаго, или, можетъ быть, Елены Глинской.

Во всѣхъ языцѣхъ кійждо человѣкъ своему цареви или властелемъ воздаетъ урокъ отъ приплодъ своея земля, идѣже бо ражается злато и сребро, ту и воздаютъ злато и сребро, а идѣже плодятся множество великихъ скотъ, ту и воздаютъ скоти, а идѣже плодятся звѣріе, ту и воздаютъ звѣріе. Здѣ же въ рустей земли ни злато ни сребро не ражается, ни велиціи скоти, но благоволеніемъ Божіимъ всего дражайши ражаются жита на прекормленіе человѣкомъ. Достоитъ убо и дань у ратаевъ царемъ и вельможамъ всѣмъ имати отъ житъ притяжанія ихъ пятую часть.

Какоже правовѣрнымъ царемъ и вельможамъ ихъ недостоитъ сему ревновати, еже въ своихъ селахъ и весехъ имати отъ притяжанія житъ у ратаевъ житомъ пятую часть, кромѣ же сего ничесоже? Злата же и сребра ратаеве недоумѣюще, откуду притяжати. Аще же гладни лѣта, тогда убо мнози мучими суть, ихъ же и видѣхомъ. Како бо о семъ мученію достойни, яко лѣто мала притяжанія сподобльше, ратаеве же мучими сребра ради, еже въ царску взимается власть и дается въ раздаяніе вельможамъ и воинамъ на богатство, а не нужда ради. Нужда бо ради кійждо отъ вельможъ своя ратая имутъ, и сими довольни будутъ, пятую часть у коегождо ратая пріемлюще и цареви отъ сего служаще, ихъ же ратаемъ ничто же иного кому ни кому же недостоитъ подаяти, ни ямскаго собранія своихъ ради вельможъ или воиновъ. Ямская же правленія вся подробну достоитъ устраяти отъ града по расписанію и до другаго града: Симъ елицы во градехъ купующеи, продающеи, и прикупы богатѣюще, достоитъ симъ сій яремъ межу всѣхъ градовъ носити понеже суть стяжатели многа прибытка!

Се убо всякаго мятежа въ земныхъ умалится писаремъ умаленіе, зборы престанутъ, мзды неправедныя отлучатся...

(В. Жмакин, Митр. Даниил и его сочинения. Приложение).

---

27. Челобитная попа Семена о Матѳеѣ Башкинѣ.

1554 г.

Государю пресвященному Макарію, Митрополиту всеа Руси, и всему священному собору Благовѣщенской попъ Семенишко челомъ бью. Писалъ тебѣ государю Иванъ Висковатой, что я Семенъ Башкину отецъ духовной, и тотъ Матѳей въ Великій постъ у меня на исповѣди былъ, а сказывалъ на исповѣди:

Христіанинъ де есмь, вѣрую во Отца и Сына и Святаго Духа и поклоняюся образу Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и пречистѣй Богородицы, и великимъ Чудотворцемъ, и всѣмъ Святымъ, на иконѣ написаннымъ; а тогды меня великими клятвами и моленіемъ умолилъ на исповѣдь приняти, и я его принялъ. Да тутъ мнѣ говорилъ: великое де дѣло ваше, написано деи; «ничтожъ сія любви болши, еже положити душу свою за други своя», и вы де по насъ души свои полагаете и бдите о душахъ нашихъ, яко слово воздати въ день судный. И послѣ того пріѣзжалъ ко мнѣ . . . да учалъ мнѣ говорити: Бога ради ползуй мя душевнѣ, надобеть де что написано въ Бесѣдахъ тѣхъ честь, да на слово не надѣятись, быти бъ и дѣломъ свершитися; да все де начало отъ васъ, прежде вамъ священникомъ собою начало показати, да и насъ научити; да туто жъ въ Евангеліи есть: «научитеся отъ Меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть»; ино де которая нужа человѣку быти смирну, кротку и тиху? то де все, что на васъ лежитъ, первое де вамъ творити, да и насъ учити.

И послѣ того прислалъ по меня человѣка, и я къ нему пріѣхалъ, и учалъ говорити: во Апостолѣ де написано: «весь законъ въ словеси скончается: возлюбиши искренняго своего яко самъ себе, аще себе угрызаете и снѣдаете, блюдите да не другъ отъ друга снѣдени будете»;—а мы де Христовыхъ рабовъ у себя держимъ, Христосъ всѣхъ братіею нарицаетъ, а у насъ де на иныхъ и кабалы, на иныхъ бѣглыя, а на иныхъ нарядныя, а на иныхъ полныя; а я де благодарю Бога моего, у меня де что было кабалъ полныхъ, то де есми все изодралъ, да держу де, государь, своихъ доброволно, добро де ему и онъ живетъ, а не добро и онъ куды хочетъ, а вамъ отцемъ пригоже посѣщати насъ почасту и о всемъ наказывати, какъ намъ самимъ жити и людей у себя держати, не томити; а видѣлъ есми въ правилѣхъ то написано, и мнѣ то показалось добро.

И я Селивестру сказалъ: пришелъ на меня сынъ духовной необыченъ и великими клятвами и моленіемъ умолил себя приняти на исповѣдь въ Великій постъ, и много вопросы простираетъ не-

доумѣнные, отъ меня поученія требуетъ, а иное меня и самъ учитъ. И Селивестръ мнѣ отвѣчалъ: каковъ тотъ сынъ духовной будетъ, слава про него недобра носится. А какъ Царь и Государь ѣздилъ въ Кирилловъ, прислалъ по меня человѣка, да показалъ мнѣ Апостолъ по мѣстомъ извосченъ до трети, да учалъ меня спрашивати, и мнѣ то показалось развратно, и язъ ему отвѣчалъ: и язъ того не знаю; и ты де пожалуй спрашивайся съ Селивестромъ, и онъ тебѣ скажетъ, и ты де тѣмъ ползуй душу мою, а тебѣ вѣдаю и язъ нѣколи тебѣ вѣдати, въ суетѣ мірской ни въ день ни въ нощи покоя не знаешь. И я то Селивестру сказалъ, что мнѣ велѣлъ Матюша у тобя зо Апостолѣ спрашивати, что де у него мѣчено. И какъ Царь и Государь пріехалъ изъ Кирилова, и Селивестръ Царю и Государю сказалъ про того Матюшку, и Царь и Государь призвалъ меня къ себѣ да спросилъ: тебѣ ли сынъ духовной? и я Царю и Государю сказалъ, что онъ мнѣ сынъ духовной; и Царь и Государь приказалъ, чтобъ то онъ извосчилъ все въ Апостолѣ да къ себѣ принесъ; и я Матюшкѣ сказалъ, что Селивестръ елся посматрити, и онъ извосчилъ все, а я Апостолъ Государю отнесъ...

(А. А. Э. т. I, № 238, IV.)

VIII. Реформы царя Ивана.

28. Судебникъ царя и великаго князя Іоанна Васильевича.

1550 года.

Лѣта 7058 мѣсяца іюня въ... день царь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, съ своею братьею и съ бояры, сесь Судебникъ уложилъ: какъ судити бояромъ и околничимъ, и дворецкимъ, и казначеемъ и діякомъ, и всякимъ приказнымъ людемъ, и по городомъ намѣстникомъ, и по волостемъ волостелемъ, и ихъ тіуномъ и всякимъ судіямъ.

1. Судъ царя и великаго князя судити бояромъ, и околничимъ, и дворецкимъ, и казначеемъ, и діякомъ; а судомъ не дружити и не мстити никому, и посула въ судѣ не имати; тако жъ и всякому судьѣ не имати.

3. А которой бояринъ, или околничей, или дворецкой, или казначей, или діякъ въ судѣ посулъ возметъ и обвинитъ кого не по суду, а обыщется то вправду: и на томъ бояринѣ, или на околничемъ, или на дворецкомъ, или на казначеѣ, или на діякѣ взяти исцевъ искъ, а пошлины на царя и великаго князя, и ѣздъ, и правда, и пересудъ, и хоженое, и правой десятокъ, и пожелѣзное взяти втрое, а въ пенѣ что государь укажетъ.

4. А которой діякъ списокъ нарядитъ, или запишетъ не по суду, не так какъ на судѣ было, безъ боярскаго, или безъ дворецкаго, или безъ казначеева вѣдома, а обыщется то вправду, что онъ отъ того посулъ взялъ, и на томъ діякѣ взяти передъ бояриномъ вполы да вкинути его въ тюрму.

5. А подъячей, которой запишетъ дѣло не по суду, для посула, безъ діячего приказу, и того подъячего казнити торговою казнію, бити кнутьемъ.

26. А безчестіе дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленія, указывати противу доходу, что на томъ кормленьѣ доходу по книгамъ; а женамъ ихъ безчестія вдвое противъ того доходу. А которые дѣти боярскіе емлютъ денежное жалованье, а сколько которой жалованья ималъ, то ему и безчестіе; а женѣ его вдвое противъ его жалованья. А діякомъ полатнымъ и дворцовымъ безчестія, что царь и великій князь укажетъ, а женамъ ихъ вдвое противъ ихъ безчестія. А гостемъ болшимъ безчестія пятьдесятъ рублевъ, а женамъ ихъ вдвое противъ ихъ безчестія. А торговымъ людемъ, и посадским людемъ, всѣмъ середним безчестія пять рублевъ: а женамъ ихъ безчестія противъ ихъ безчестія вдвое. А боярскому человѣку доброму безчестія пять рублевъ, опричь тіуновъ и доводчиковъ: а жене его вдвое. А тіуну боярскому, или доводчику и праведчику, безчестія противъ его доходу, а женамъ ихъ вдвое. А крестьянину пашенному и непашенному безчестія рубль, а женѣ его безчестія два рубля. А боярскому человѣку молодчему или черному городскому человѣку молодчему, безчестія рубль же; а женамъ ихъ безчестія вдвое. А за увѣчіе указывати крестьянину посмотря по увѣчію и по безчестію; и всем указывати за увѣчіе, посмотря по человѣку и по увѣчію.

32. А недѣлщику па судей, на бояръ, и на околничихъ, и на дворецкихъ, и па казначеевъ, и на діяковъ посуловъ не просити, и самому недѣлщику посуловъ не имати. А которой недѣлщик... посулъ возметъ, и уличатъ его въ томъ: и того недѣлщика казнити торговою казнію, а посулы на немъ доправити втрое, да изъ недѣль выкинути.

53. А пошлютъ которого недѣлщика имати татей и розбойниковъ, и ему имати татей и розбойниковъ безхитростно, а не норовити ему никому; а изымавъ ему татя или розбойника не отпустити, ни посуловъ не взяти; а опричныхъ ему людей не имати. А понороветъ которой недѣлщикъ татю или розбойнику по посуломъ, а его отпуститъ, и уличатъ его въ томъ; ино на томъ недѣлщикѣ истцовъ искъ доправити, а его казнити торговою казнію да вкинути въ тюрму, а въ казни что государь укажетъ.

62. А бояромъ и дѣтемъ боярскимъ судити, за которыми кормленія съ судомъ съ боярскимъ, а на судѣ у нихъ и у ихъ тіуновъ быти, гдѣ дворской, дворскому, да старостѣ и лучшимъ людемъ, цѣловалникомъ. А судные дѣла у намѣстниковъ и у ихъ тіуновъ писати земскимъ діякомъ; а дворскому да старостѣ и цѣловалникомъ къ тѣмъ суднымъ дѣломъ руки свои прикладывати. А противни съ тѣхъ судныхъ дѣлъ, слово въ слово, писати намѣстничимъ діякомъ; а намѣстникомъ къ тѣмъ противнемъ печати свои прикладывати... А безъ старосты и безъ целовалниковъ суда не судити, и посуловъ намѣстникомъ и ихъ тіуномъ, и ихъ людемъ не имати; а на государя своего тіуну и пошлиннику никому посуловъ отъ суда не просити.

68. А которому намѣстник данъ въ кормленіе городъ съ волостьми, или ему даны въ кормленіе волости, а въ которыхъ волостѣхъ напередъ сего старостъ и цѣловалниковъ не было, и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ волостѣхъ быти старостамъ и цѣловалникомъ.

70. А кого намѣстничи или волостелины люди учнутъ давати отъ кого на поруку до суда и послѣ суда, и по коимъ поруки не будетъ: и намѣстничимъ и волостелинымъ людемъ тѣхъ людей являти въ городѣ приказчикомъ городовымъ, да дворскому и старостѣ, и цѣловалникомъ; а въ волости являти старостѣ и цѣловалникомъ;... а не явя тѣхъ людей... къ собѣ не сводити и у собя ихъ не ковати. А кого намѣстничи или волостелины люди, не явя... къ собѣ сведутъ да у собя его скуютъ, и кто тѣмъ людемъ родъ и племя придутъ... о томъ бити челомъ и являти; и приказчикомъ, да дворскому и старостѣ, и цѣловалникомъ у намѣстничихъ или волостелиныхъ людей тѣхъ людей вынмати; и кого у намѣстничихъ или у волостелиныхъ людей выймутъ скована, а имъ не явлено, ино на намѣстничѣ или на волостелинѣ человѣкѣ взяти того человѣка безчестіе, посмотря по человѣку; а чего тотъ на намѣстничѣ или на волостелинѣ человѣкѣ взыщетъ, и тотъ искъ взяти на немъ вдвое.

81. А дѣтей боярскихъ служивыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріймати никому, опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ.

98. А которые будутъ дѣла новые, а въ семъ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати.

(Владимирский-Буданов, Хрест. по ист. рус. права II.)

29. Стоглавъ [1]).

Гл. 4. Царь глаголетъ къ собору.

Отецъ мой Макарей митрополитъ всеа Русіи и архіепископы и епископы и весь освященный собор. Въ предыдущее лѣто билъ есми вамъ челомъ и съ бояры своими о своемъ согрѣшении, а бояре такоже; и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили. А язъ по вашему прощенію и благословенію бояръ своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и простилъ, да имъ же заповѣдалъ со всѣми хрестьяны царствия своего въ прежнихъ во всякихъ дѣлехъ помиритися на срокъ, и бояре мои всѣ, приказные люди и кормленщики со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлехъ. Да благословилися есми у васъ тогдыже судебникъ исправити по старинѣ и утвердити, чтобы судъ былъ праведенъ и всякие дѣла непоколебимо во вѣки. И по вашему благословению судебникъ исправилъ и великие заповѣди написалъ, чтобы то было прямо и бережно, и судъ бы былъ праведенъ и безпосулно во всякихъ дѣлехъ; да устроилъ по всѣмъ

[1]) Орфография оставлена старая; знаки препинания расставлены заново.

землямъ моего государства старосты и целовальники, и сотскіе, и пятидесятскіе по всѣмъ градомъ... и по волостемъ... и уставные грамоты написалъ. Се и судебникъ передъ вами, и уставные грамоты,—прочтите и разсудите, чтобы было наше дѣло по Бозѣ въ родъ и родъ неподвижимо, по вашему благословенію. Аще достойно, сие дѣло на святомъ соборѣ утвердивъ и вѣчное благословение получивъ, и подписати на судебникѣ и на уставной грамотѣ, которой въ казнѣ быти.

Да съ нами соборнѣ, попрося у Бога помощи во всякихъ нужахъ, посовѣтуйте и разсудите и умножите и утвердите, по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по прежнимъ закономъ прародителей нашихъ, чтобы всякое дѣло и всякие обычаи строилися по Бозѣ въ нашемъ царствіи, и при вашемъ святительскомъ пастырствѣ, а при нашей державѣ; а которые обычаи въ прежніе времена, послѣ отца нашего великаго князя Василія Ивановича всеа русіи и до сего настоящаго времени, поизшаталися, или въ самовластіи учинено по своимъ волямъ, или предніе законы, которые порушены, или ослабно дѣло, небрегомо Божиихъ заповѣдей, что творилося, и о всякихъ земскихъ строеніихъ и о нашихъ душахъ заблуженіи,—о всемъ о семъ довольно себѣ духовнѣ посовѣтуйте, и на среди собора сие намъ возвѣстите. И мы вашего святительскаго совѣта и дѣла требуемъ и совѣтовати съ вами желаемъ, о Бозѣ утвержати нестройное во благо. А что наши нужи, или которые земские нестроения, и мы вамъ о семъ возвѣщаемъ. И вы, разсудя по правиломъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, утвержайте во общемъ согласии вкупѣ; а язъ вамъ, отцемъ своимъ, и съ братиею, и съ своими бояры челомъ бью.

О тридесяти седми царскихъ вопросѣхъ и о церковномъ строении.

Глава 5.

Вопросъ I. Отецъ мой Макарий митрополитъ всеа русіи и всѣ архіепископы и епископы, возрите во свои домы, поручены вамъ отъ Бога, святительства пастырства вашего, о святыхъ божиихъ церквахъ и о честныхъ иконахъ и о всякомъ церковномъ строеніи: чтобы по святымъ церквамъ звонили и пѣли по божественному уставу и по священнымъ правиламъ. И нынѣ бо видимъ и слышимъ, кромѣ божественнаго устава многия церковныя чины не сполна совершаются, не по священнымъ правиломъ и не по уставу; и вы бы, о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинѣхъ разсудивъ, и указ учинили по божественному уставу и по священнымъ правиломъ сполна, и о всякомъ священническомъ, и иноческомъ, и о всякомъ причту церковномъ; и уставили бы есте старосты поповские надо всѣми священники, бреженія ради церковного, и прочия чины по правиломъ. Вамъ убо есть поручено то—пасти церкви Божии и церковныхъ чиновниковъ уставляти и поучати, да и мы отъ нихъ спасеніе получимъ, видя ихъ благочиние и духовное поучение. Аще вашимъ святительскимъ нерадѣніемъ сие небрегомо будетъ, и зря на нихъ, и мы погибнемъ, заблудившеся праваго пути Господня. На комъ того Богъ взыщетъ, и кто о томъ истязанъ будетъ въ день страшнаго суда?

О монастырѣхъ и иноцѣхъ. Вопросъ 8. А въ монастырехъ чернецы и попы стригутся спасения ради душа своя. Нѣцыи же отъ нихъ стригутся покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать и по селомъ ѣздятъ прохладу для. О архимаритехъ и игуменехъ: а архимариты и игумены нѣкоторые также власти докупаются, да службы Божіи и трапезы и братства не знаетъ, покоитъ себя въ келій и съ гостми; да племянниковъ своихъ вмѣщаютъ въ монастырь и доволятъ всѣмъ монастырскимъ; и по селомъ такоже; а монастыри тѣмъ пустошатъ, а старыхъ слугъ и вкладчиковъ изводятъ... И по селомъ и по миру всюдѣ ѣздятъ чернцы безъ зазору...

А священници и братія бѣдные алчни, и жадни, и всячески непокойны, всякими нуждами одержимы. Весь покой монастырской и богатство и всякое изобилие во властѣхъ, и съ роды, и съ племянники, и съ боляры, и съ гостми, и съ любимыми друзи истощили; тако ли подобаетъ быти по уставу, общему братству вкупѣ пребывати? и такое безчиние и неорежение и всякое нерадѣніе о церкви Божіи, и о монастырскомъ строеніи, и о братствѣ—ино на комъ грѣхъ тотъ взыщется?..

О монастырехъ иже пусты отъ небреженія. Вопросъ 15. Въ монастыри боголюбцы даютъ душамъ своимъ и родителемъ на поминокъ вотчины, и села, и прикупи; а иные вотчины и села собою прикупаютъ въ монастыри, а иное угодие у меня испрашиваютъ; и поимали много по всѣмъ монастыремъ. А братьи во всѣхъ монастырехъ по старому, а инде и ста-

рого меньши, ѣсть и пить старого братье оскуднѣе, а строения въ монастырехъ ни котораго не прибыло, и старое опустѣло. Гдѣ тѣ прибыли, и кто тѣмъ корыстуется?..

О церковныхъ и о монастырскихъ денгахъ. Вопросъ 16. О церковной и о монастырской казнѣ, еже въ росты даютъ: угодно ли се Богови, и что писание о семъ глаголетъ? божественное писаніе и миряномъ резоимство возбраняетъ, нежели церквамъ Божиимъ денги въ росты давати, а хлѣбъ въ наспы. Гдѣ то писано во святыхъ правилехъ? о семъ пишетъ: церковно богатство—нищихъ богатство и прочимъ на потребу...

Иже брѣютъ главы и брады. Вопросъ 25. Да по грѣхомъ слабость, и небрежение, и нерадѣние вниде въ миръ въ нынѣшнее время. Нарицаемся хрестьяне, а въ тридцать лѣтъ и старые главы брѣютъ, и брады, и усъ, и платье и одежи иновѣрныхъ земель носятъ: то почему познати хрестьянъ?..

И о сихъ доздѣ царевы вопросы.

И о техъ о всѣхъ царскихъ вопросѣхъ соборный отвѣтъ.

Глава 6.

Нѣкогда вниде въ слухъ боговенчаннаго и христолюбиваго царя, государя и великаго князя Ивана Васильевича, всеа Русиі самодержца, что по многимъ святымъ церквамъ звонятъ и поютъ не во-время, кромѣ божественнаго устава, и многие церковные чины не сполна совершаются по священнымъ правиломъ и не по уставу. Онъ же боголюбивый царь о томъ таковая слышавъ, не просто вмѣни, но разжегся Духомъ святымъ, вскорѣ повелѣ и списати о тѣхъ о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ, которые не по уставу и не сполна по священнымъ правиломъ совершаются, и вдастъ на соборѣ отцу своему, Макарию митрополиту всеа Руспі, и повелѣ ему, о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинѣхъ разсудивъ, указъ учинити по божественному уставу и по священнымъ правиломъ. Онъ же соборне приимъ отъ благочестиваго царя, со всящемъ духовнымъ порадованиемъ любовне прочитаютъ, и о всѣхъ о тѣхъ многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ разсудивъ, и воззря въ божественная правила, да о всемъ томъ о святемъ Дусѣ соборне уложили:—отнынѣ и вредь въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ, и по всей земли российского царьствия—по всѣмъ святымъ церквамъ звонити, и божественныя литоргии служити, и прочее церковное пѣние правити сполна и по чину о всемъ...

Отъ священныхъ правилъ о постриженіи брадъ. Глава 40. Такоже священная правила православнымъ крестьяномъ всѣмъ возбраняютъ: не брити брадъ и усовъ не постригати; таковая бо нѣсть православныхъ, но латынская и еретическая предания греческаго царя Констянтина Ковалина. И о семъ апостольская и отеческая правила вельми запрещаютъ и отрицаютъ; правило святыхъ апостолъ сице глаголетъ: аще кто браду брѣетъ и преставится тако, не достоитъ надъ нимъ служити ни сорокоустия по немъ пѣти, ни просвиры, ни свѣщи по немъ въ церковь принести; съ невѣрнымъ да причтется;—отъ еретикъ бо се навыкоша...

О тридесяти и дву царскихъ вопросехъ и соборные отвѣты по главамъ. На томъ же соборе царевы вопросы тридесять и два. Глава 41.

Вопросъ 27. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста въ рощи ходятъ ізналивки, бѣсовские потѣхи дѣяти. И о томъ отвѣтъ. Чтобы православные хрестьяне въ понедѣльникъ Петрова поста въ рощи не ходили, ізналивкахъ бы бѣсовскихъ потѣхъ не творили, и отъ того бы въ конецъ престали; понеже то все еллинское бѣсование и прелестъ бѣсовская, и того ради православнымъ хрестьяномъ не подобаетъ таковая творити...

О святительскомъ судѣ соборной отвѣтъ. Глава 53. Яко не подобаетъ княземъ и бояромъ и всякимъ мирскимъ судьямъ священническаго и иноческаго чина на судъ привлачати ниже таковымъ судити; да не обладаетъ ими никтоже отъ простыхъ людей, точию великая соборная святая церковь обладаетъ и судитъ таковымъ, по закону священныхъ правилъ. А отъ простыхъ людей ни князь, ни бояринъ, ни всякъ мирскій судья да не обладаетъ иерея, ниже монастыри, ниже мниси... Аще ли кто и покусится что взяти отъ церкви черезъ благословеніе архиерѣево или иерѣево, кроме закона церковнаго, таковый ничему подобенъ есть,

точию священная крадущему, и скверностяжателемъ, и иновѣрнымъ человѣкомъ; и сіи убо татіе суть и хищницы и разбойницы церковніи, наче же и разбойницы церкви Божіи. И сія аще кто состворитъ, и таковіи аще не покаются, пагубу наслѣдуютъ, сице бо и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, заповѣда, рекъ: отдадите кесарева кесарю, а Божія Богови...

Отвѣтъ о святительскихъ и о монастырскихъ денгахъ безъ росту и о хлебѣ безъ наспу. Глава 76. А что святительскіе казенные денги въ росты даютъ и хлѣбъ въ наспы, такоже и монастырскіе казенные денги даютъ въ росты и хлѣбъ въ наспы, и о томъ божественное писание и священные правила не токмо епископомъ, и прозвитеромъ, и диякономъ, и всему священническому и иноческому чину возбраняютъ, но и простымъ не повелѣваютъ резоимьство и лихву истязати. И того ради отнынѣ, по священнымъ правиломъ, святителемъ и всѣмъ монастыремъ денги давати по своимъ селомъ, своимъ хрестьяномъ, безъ росту и хлѣбъ безъ наспу, того для, чтобы за ними христіане жили и села бы ихъ были не пусты. Да о томъ себѣ велятъ писати въ книги, сколько на которомъ денегъ и хлѣба, и сколько въ которомъ селѣ денегъ и хлѣба въ займехъ; да держати тѣ книги въ казнѣ крѣпости для. А у которыхъ у святителей или у монастырей изойдется казенныхъ денегъ и хлѣба у своихъ христіанъ, и опи потому же нужнымъ людемъ даютъ взаймы денги безъ росту, а хлѣбъ безъ наспу, съ поруками и съ крѣпостьми, или въ казенные книги пишутъ; а у которыхъ монастырей... изойдется денегъ, и имъ на тѣ денги купити монастыремъ земли, да тѣмъ питатися; а въ росты однолично денегъ не давати, по священнымъ правиломъ...

Лѣта 7059 маия 11 день. Глава 101. Царь и великій князь Иванъ Васильевичь всея русіи приговорилъ со отцемъ своимъ съ Макаріемъ митрополитомъ всея русіи, и со архиепископы, и епископы, и со всѣмъ соборомъ: что впредь архиепископомъ, и епископомъ, и монастыремъ вотчинъ безъ царева вѣдома и безъ докладу не покупати ни у кого; а княземъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всякимъ людемъ вотчинъ безъ докладу имъ не продати же; а кто купитъ или кто продаетъ вотчину безъ докладу, и у тѣхъ, кто купитъ, денги пропали, а у продавца вотчина, а взяти вотчина на государя и великаго князя безденежно. А которые люди напередъ сего и по ся мѣста вотчины свои давали въ монастыри по своихъ душахъ и родителей своихъ по душахъ въ вѣчный поминокъ, или которые впредь учнутъ потому же вотчины давати въ вѣчный же поминокъ, и тѣхъ вотчинъ у монастырей никому не выкупати...

(Стоглав, Казан. изд. 1912 г.)

---

30. Губная Бѣлозерская грамота.

1539 г. октября 23.

Отъ великого князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Бѣлозерской уѣздъ, княземъ и дѣтемъ боярскымъ, отчинникомъ и помѣсчикомъ, и всѣмъ служилымъ людемъ, и старостамъ, сотцкымъ, и десятцкымъ, и всѣмъ крестьяномъ моимъ великого князя, и митрополичимъ, и владычнимъ, княжимъ, и боярскымъ, и помѣсчиковымъ, и монастырскымъ, и чернымъ, и псаремъ, и осочникомъ, и перевѣстникомъ, и бортникомъ, и рыболовемъ, и бобровникомъ, и оброчникомъ и всѣмъ безомѣны, чей кто ни буди. Били естя намъ челомъ о томъ, что у васъ въ тѣхъ вашихъ волостяхъ многія села и деревни розбойники разбиваютъ, и животы ваши грабятъ, и села и деревни жгутъ, и на дорогахъ многихъ людей грабятъ и розбиваютъ, и убиваютъ многихъ людей до смерти; а иные многіе люди у васъ въ волостяхъ розбойниковъ у собя держатъ, а къ инымъ людемъ розбойники съ розбоемъ пріѣзжаютъ и розбойную рухлядь къ нимъ привозятъ: и мы къ вамъ посылали на Бѣлоозеро обыщиковъ своихъ, и отъ нашихъ-де обыщиковъ и отъ недѣлщиковъ чинятся вамъ великіе убытки, а вы деи съ нашими обыщики лихихъ людей розбойниковъ не имаете для того, что вамъ волокита велика; а сами-деи вы розбойниковъ межъ собя, безъ нашего вѣдома, обыскивати и имати розбойниковъ не смѣете.

И вы бы межъ собя свѣстясь всѣ за одинъ учинили собѣ, въ тѣхъ своихъ волостяхъ, въ головахъ дѣтей боярскыхъ въ волости человѣкы три или четыре, которые бы грамотѣ умѣли и которые пригожи, да съ ними старостъ и десятцкихъ и лутчихъ людей крестіянъ человѣкъ пять или шесть, да промежъ бы есте собя, въ станѣхъ и въ волостяхъ, лихихъ людей розбойниковъ сами обыскивали, по нашему крестному цѣлованью, въ

правду безъ хитрости; да гдѣ которыхъ розбойниковъ обыщете, или кто у себя розбойниковъ держитъ, или къ кому розбойники пріѣзжаютъ, и розбойную рухлядь привозятъ, и вы бъ тѣхъ розбойниковъ вѣдомыхъ межъ собя имали да обыскивали ихъ, и доведчи на нихъ и пытали накрѣпко, и допытався у нихъ, что они розбиваютъ, да тѣхъ бы естя розбойниковъ, бивъ кнутьемъ, да казнили смертью; то есми положилъ на душахъ вашихъ, а вамъ отъ меня опалы въ томъ нѣтъ и отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ волостелей въ томъ продажи вамъ нѣту...

А не учете межъ собя розбойниковъ обыскивати и имати, и тѣхъ людей, къ которымъ розбойники пріѣзжаютъ, или не учете за розбойники ѣздити и имати и казнити, или станете розбойниковъ пущати, или кто станетъ розбойникомъ норовити, и мнѣ велѣти на васъ на всѣхъ имати иски тѣхъ людей, которыхъ въ вашей волости розобьютъ, и безъ суда вдвое; а самимъ вамъ отъ меня быти въ казни и въ продажѣ. А которыхъ розбойниковъ вѣдомыхъ поймаете и обыскавъ ихъ казните, и тѣхъ бы розбойниковъ подворья, животы и статки отдавали бъ естя тѣм людемъ, которыхъ учините у собя въ головахъ, а они бъ отдавали тѣмъ людемъ, которыхъ тѣ розбойники розбивали, въ ихъ иски; а сколько у которого розбойника животовъ возмете и роздадите исцемъ, и вы бъ то себѣ все писали на списки; а что будетъ у исцовыхъ исковъ останется розбойничихъ животовъ, а вы бъ то все переписавъ на списокъ да клали гдѣ будетъ пригоже, да о томъ бы естя отписывали на Москву, къ нашимъ бояромъ, которымъ розбойные дѣла приказаны. А которыхъ дѣтей боярскыхъ и старостъ и десятцкихъ и лутчихъ людей учините въ головахъ, въ которой волости ни буди, и вы бъ о томъ отписали часа того на Москву къ нашему боярину ко князю Ивану Даниловичу Пѣнкову съ товарищи. А сю бы есте нашу грамоту держали у тѣхъ людей, которыхъ учините въ которой волости въ головахъ; а съ сее бы есте грамоты списавъ списки розсылали межъ собя по волостемъ, не издержавъ ни часу. Писана на Москвѣ, лѣта 7048, октября въ 23 день.

(Владимирский-Буданов. Хрест., по истор. рус. права П. с. 109—115.)

---

31. Уставная Важская грамота.

1552 г., марта 21.

Се язъ царь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ есми важанъ, шенкурцовъ и Вельскаго стану посадскихъ людей и всего Важскаго уѣзда становыхъ и волостныхъ хрестьянъ, шенкурцовъ посадскихъ людей и Шенкурскаго стану Ивашка Юрьева сына, да Васюка Максимова сына (всѣхъ 21 чел., по 3 отъ стану), и во всѣхъ людей мѣсто шенкурцовъ и Вельского стану посадскихъ людей и всего Важскаго уѣзда становыхъ и волостныхъ крестьянъ, которые станы приписаны судомъ къ Шенкурьѣ къ посаду и къ Вельскому стану. Что намъ били челомъ, а сказывали, что-де у нихъ въ Шенкурьѣ и въ Вельску на посадѣхъ многіе дворы, а въ станѣхъ и въ волостѣхъ многіе деревни запустѣли отъ прежнихъ нашихъ важескихъ намѣстниковъ, и отъ ихъ тіуновъ, и отъ доводчиковъ, и отъ обыскныхъ грамотъ, и отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ, и отъ костарей; а важского-де имъ намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормити не мочно, и отъ того-де у нихъ въ станѣхъ и въ волостяхъ многіе деревни запустѣли, и крестьяне-де у нихъ отъ того насилства и продажъ и татебъ съ посадовъ разошлись по инымъ городамъ, а изъ становъ и изъ волостей хрестьяне разошлись въ монастыри безсрочно и безъ отказу, а иные-де посадскіе люди и становые и волостные кой-куда безвѣстно розбрелись порознь; и на тѣхъ-де на досталныхъ на посадскихъ людехъ и на становыхъ и на волостныхъ хрестьянѣхъ наши важескіе намѣстники и ихъ тіуны кормъ свой, а праветчики и доводчики поборъ свой емлютъ на нихъ сполна, а тѣмъ-де посадскимъ людемъ и становымъ и волостнымъ досталнымъ хрестьяномъ впередъ отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ ихъ пошлинныхъ людей, отъ продажъ, всякихъ податей тянуть сполна немочно...

И намъ бы ихъ оставити... а велѣти бы намъ учинити, по ихъ челобитью, изъ ихъ посадскихъ людей выборныхъ лутчихъ, людей, кого они излюбили всѣ... (перечислены 20 чел.), кому у нихъ межъ посадскими людми и становыми и волостными въ душегубствѣ, и въ татбѣ, и въ розбоѣ съ поличнымъ, и въ костарѣхъ, и о всякихъ дѣлѣхъ земскихъ управа чинить по нашему Судебнику; а розбойные бы имъ дѣла дѣлать и судить, обыскивая, и вино-

ватыхъ по обыску казнити, и истцомъ съ розбойники и въ татиныхъ дѣлѣхъ и съ костари и во всякихъ земскихъ дѣлѣхъ управа чинити безволокитно по нашему жъ Судебнику; а пошлинъ излюбленнымъ головамъ съ управныхъ дѣлъ со всякихъ и съ розбойныхъ дѣлъ не имати, а за намѣстничь бы и за тіуновъ кормъ, и за присудъ, и за корчму, и за праветчиковъ, и за доводчиковъ поборъ, и за пятно, и за вѣ намѣстничьи и за тіуновы пошлины, и за праветчиковы и за доводчиковы за всѣ поборы и за всякіе доходы... велѣти бы на нихъ положити оброкомъ денгами, а давати бы имъ намъ оброкъ одинова въ годъ, въ нашу казну, денгами, полторы тысячи рублевъ, на одинъ срокъ въ году, за недѣлю до масленаго заговѣйна...

И язъ царь и великій князь Иванъ Васильевичь всея Русіи важанъ, шенкурцовъ и Вельского стану посадскихъ людей и становыхъ шенкурцовъ... пожаловалъ: на Вагѣ, въ Шенкурьѣ на посадѣ и въ Вельску на посадѣ важскому намѣстнику, въ Шенкурьѣ и въ Вельскомъ стану важского намѣстника тіуну и его пошлиннымъ людемъ, и въ станѣхъ и въ волостяхъ, впередъ быти не велѣлъ; а велѣлъ есми у нихъ быти, по ихъ челобитью... излюбленнымъ головамъ, которыхъ людей собѣ излюбили... (перечислены тѣ же лица, о которыхъ просили челобитчики) и оброкъ есми на нихъ по ихъ челобитью... положилъ денгами... полторы тысячи рублевъ на годъ; а давати тотъ оброкъ въ мою цареву и великого князя казну казначеемъ Ивану Петровичу Головину, да Ѳедору Ивановичу Сукину, да діаку нашему Истомѣ Ноугородову одинова въ годъ...

(Владимирский-Буданов, Хрест. по истор. рус. права, II. с. 189—197.)

---

32. Отмена кормлений.

Лѣта 7064 (1556) года, сентября 20 дня, царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Руси со своею братіею и съ бояры приговорилъ о кормленіяхъ и о службѣ всѣмъ людемъ, какъ имъ впредь служити; а по сіе время князи, бояры и дѣти боярскіе сидѣли по кормленіямъ, по городамъ и по волостямъ, для расправы людемъ и всякого землямъ устроенія, и себѣ отъ службъ для покоя и прокормленія. На которыхъ городехъ и волостехъ были въ кои лѣта намѣстники и волостели, тѣмъ градомъ и волостемъ расправу и устрои дѣлати, а отъ всякаго ихъ лиха обращати на благое, а сами были довольны оброкомъ своимъ и пошлинами указными, что имъ государь уложилъ.

И вниде въ слухъ благочестивому царю, что многіе грады и волости пусты учинились, намѣстники и волостели изъ многихъ лѣтъ, презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы, много злокозненныхъ на нихъ дѣлъ учиниша, и не быша имъ пастыри и учители на благое, но сотворились яко волцы гонители и раззорители; тако жъ тѣхъ градовъ горожане и волостей мужики многіе коварства и убивства людемъ содѣяша, и какъ сойдутъ наместники и волостели съ кормленія, и мужики многими иски отыскиваютъ, и много въ томъ кровопролитія и оскверненія душамъ содѣяша, ихъ же не подобаетъ въ христіанскомъ законѣ ни слышати; многіе намѣстники и волостели и старого своего стяжанія лишишася, живота и отчизны избыша. Царю же благочестивому обычай есть, да начало его премудрости страхъ Господень будетъ и да во всемъ предъ Богомъ чиста себя соблюдаетъ, оставя свои царскія вся потѣхи, тщится по Христѣ волю Его сотворити во всемъ и порученныя ему царства соблюсти, и устроити подобающую правду, и оборонити отъ всѣхъ иновѣрныхъ басурманъ и латинъ...

Повелѣ царь и государь въ городахъ и волостяхъ разчинити старосты, и сотскіе, и пятидесятскіе, и десятскіе, со страшнымъ и грознымъ прещеніемъ заповѣдь положити, чтобъ разсуждати въ разбояхъ и татьбахъ всякія дѣла, и отнюдь бы никоторая вражда не именовалася, также ни мзда неправедная, ни ляживое послушенство. А на кого промежъ себя такого лиха найдутъ, таковыхъ велѣлъ казнемъ предавати; а на грады и волости положити оброки по ихъ промыслаѣ и по землямъ, и тѣ оброки собирати въ царскую казну свою дьякомъ; а бояръ, дѣтей боярскихъ и всѣхъ воиновъ устроилъ кормленіями праведными уроки, ему же достоитъ по отечеству и по дородству, а городовыхъ въ четвертый годъ, а иныхъ въ третій годъ денежнымъ жалованьемъ.

(Владимирский-Буданов, хрест. по истор. рус. права, II. с 189—191, прим. 2.).

---

33. Ричард Ченслер.

(Пол. XVI в.)

Московское войско.

Этот князь—повелитель и царь над многими странами, и его могущество изумительно велико. Он может вывести в поле 200 и 300 тысяч людей; сам он никогда не выступает в поле менее, чем с 200.000 людей, и когда он выступает в поход—еще оставляет на границах войска, численность которых не мала. На Лифляндской границе он держит до 40 тыс. человек, на Литовской до 60 т., против Ногайских татар—тоже 60 т. людей—просто удивительно слышать, к тому же он не берет на войну ни крестьян, ни торговцев. Все его военные—всадники, пехоты он не употребляет, за исключением служащих при артиллерии и прислужников, которых будет тысяч 30. Всадники-стрелки, имеют такие же луки и ездят верхом так же, как и Турки. Доспехи их состоят из кольчуги и щита на голове. Некоторые покрывают свои кольчуги бархатом или золотой или серебряной парчей; это их страсть одеваться роскошно в походе, особенно между знатными и дворянами. Как я слышал,—украшения их кольчуги очень дороги, отчасти это я и сам видел, иначе едва ли бы поверил. Сам князь одевается богато выше всякой меры; его шатер покрывается золотой или серебряной парчей, до того усыпанной драгоценными каменьями, что чудно смотреть; я видал шатры королей английского и французского, которые великолепны, однакоже и не походят на этот.

В сражении они без всякого порядка бегают поспешно кучами; почему они неприятелям и не дают бить большею частью, а если и дают, то украдкой, исподтишка. Я думаю, что под солнцем нет людей, способных к такой суровой жизни, какую ведут русские. Хотя они проводят в поле 2 месяца, когда промораживает землю уже аршина на 2 вглубь, но простой солдат не имеет ни палатки, ни чего либо иного над своей головой; обычная их защита против непогоды—войлок, выставляемый против ветра и непогоды; когда навалит снегу, солдат сгребает его, разведет себе огонь, около которого и ложится спать. Так поступает большая часть из них, исключая дворян, доставляющих себе на собственный счет другие припасы. Но и такая жизнь в поле не так удивительна, как их крепость: каждый должен добыть и привезти провизию для себя и своей лошади на месяц или на два; сам он питается водой и овсяной мукой, смешанными вместе [1]), лошадь его ест зелень и ветки и т. п. Несмотря на все это русский работает и служит очень хорошо. Спрошу я вас, много ли найдется между нашими хвастливыми воинами таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы один месяц.

Не знаю ни одной страны около нас, которая бы славилась такими людьми и животными. Теперь, что могло бы быть совершено этими людьми, если бы они были выучены порядкам и познаниям цивилизованных войск. Если бы этот князь имел в своей стране людей, которые могли бы выучить их вышесказанным вещам, то я думаю, что два лучших и сильнейших христианских государя не могли бы соперничать с ним, вследствие его могущества, суровости и выносливости его народа и лошадей и тех незначительных издержек, которых стоят ему войны. Исключая иностранцев, князь не платит никому жалованья (иностранцы получают ежегодное жалованье, но небольшое); воины из его областей служат на собственный счет, исключая, что стрельцам он дает жалованье и порох и пули, т.-е. в его землях никто не получает ни гроша жалованья. Если же кто-нибудь заслужит перед ним, то князь жалует ему поместье или кусок земли, за что получивший обязан быть всегда наготове явиться с таким числом людей, какое укажет князь.

(Ченслер, стр. 5—6).

---

34. Царскій приговоръ,

о испомещеніи въ Московскомъ и окружныхъ уѣздахъ 1000 человѣкъ дѣтей боярскихъ, и о дачѣ тамъ же посыльнымъ боярамъ и окольничимъ помѣстій.

(1550 г.)

Лѣта 7059 Октября въ 1 день, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи приговорилъ съ бояры: учинити въ Московскомъ уѣздѣ, да въ половинѣ Дмитрова, да въ Рузѣ, да въ Звенигородѣ, да въ Числякѣхъ и въ Ординцѣхъ, и въ Перевѣсныхъ деревняхъ, и въ Тетеревичѣхъ и въ

---

[1]) То-есть толокномъ.

оброчныхъ деревняхъ, отъ Москвы верстъ за шестьдесятъ и за семьдесятъ, помѣщиковъ, дѣтей боярских, лутчихъ слугъ, 1000 человѣкъ; а которымъ бояромъ и околничимъ быти готовымъ въ посылки, а помѣстей и вотчинъ въ Московскомъ уѣздѣ у нихъ не будетъ, и бояромъ и околничимъ дати помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ по 200 четвертей; а дѣтемъ боярскимъ въ первой статьѣ дати помѣстья по 200 жъ четьи, а другой статьѣ дѣтемъ боярскимъ дати помѣстья по 150 четьи, а третей статьѣ дѣтемъ боярскимъ помѣстья по 100 четьи; а сѣна имъ давати по толку жъ копенъ, на колко кому дано четвертныя пашни, опричь крестьянскаго сѣна; а крестьяномъ дати сѣна на выть по тридцати копенъ; а которой по грѣхомъ изъ тое тысячи вымреть, а сын его къ той службѣ не пригодится, ино въ того место прибрать иного. А за которыми бояры и за дѣтьми боярскими вотчины въ Московскомъ уѣздѣ или въ иномъ городѣ, которые близко Москвы, верстъ за пятьдесятъ или за шестьдесятъ, и тѣмъ помѣстья не дати.

(Затем слѣдуетъ именная роспись бояръ и дѣтей боярскихъ, которымъ назначаются поместья. Въ заключеніе сказано):

А всѣхъ дѣтей боярскихъ во всѣхъ статьяхъ, Московскія земли, и Новгородскихъ, и Торопецкихъ, и Луцкихъ, и Ржевскихъ, дворовыхъ и городовыхъ, 1050 человѣкъ; а земли имъ дати 112,600 четьи, опричь бояръ; а бояръ и околничихъ и съ казначеи 28, а земли имъ дати 5600 четьи.—И всѣхъ бояръ и околничихъ и дѣтей боярскихъ, 1078 человѣкъ; а земли имъ дати 118.000 четьи.

(А. А. Э. т. I. № 225).

---

35. Грамота по делам поместным.

(1555—56 г.)

Отъ царя и великого князя Ивана Васильевича все Русіи, въ нашу отчину въ Великій Новгородъ, діякомъ нашимъ Ѳедору Еремѣеву, да Казарину Дубровскому. Билъ намъ челомъ Иванецъ Борисовъ сынъ Ярцова, пришедъ съ нашіе службы съ Казани, а сказываетъ, что деи онъ нашіе службы служитъ всякіе, а нашего деи жалованья помѣстья за нимъ нѣтъ нигдѣ, а за отцомъ деи его за Борисомъ было нашего жалованья помѣстья одиннадцать обежъ безъ трети обжы, и то деи отца его помѣстье, въ нашей опале, по зимушнимъ по Казанскимъ нѣтомъ, отписано на меня царя и великого князя и въ роздачю роздано; а отецъ деи его старъ и боленъ, и нашіе деи ему службы впередъ служити немочно, а у отца деи его жена, а ему мати, да двѣ дочери дѣвки, а ему сестры, и отцу деи его и матери съ дочерми, а съ его сестрами, прожити негдѣ и прокормитися нечѣмъ, а ему Иванцу впередъ нашіе службы служити не съ чего: и намъ бы его пожаловати, въ отца его помѣстья место велѣти ему помѣстья дати и порожнихъ помѣстей, чтобъ ему было съ чего наша служба служити, и отца своего и матерь и сестры кормити, и вскормивъ сестры замужъ выдати. А воевода нашъ князь Ѳедоръ Ивановичь Троекуровъ намъ сказывалъ, что Иванецъ на нашу службу пріѣхалъ на срокъ, на конѣ, въ доспѣсѣ, да съ нимъ человѣкъ съ конемъ съ простымъ.

И ожъ будетъ такъ, какъ намъ Иванецъ Ярцовъ билъ челомъ... и вы бъ послали кого пригоже, а велѣли бы естя Иванцу Ярцову нашего жалованья помѣстья отдѣлити десять обежъ, изъ порожнихъ помѣстей, гдѣ будетъ пригоже, съ ряду съ одного, а не въ розни, до помѣстного верстанья, и наши службы велѣли бы ему естя служити, и отца и матеръ и сестры велѣли ему кормити, до ихъ живота, а сестры вскормивъ и замужъ выдати; а гдѣ Иванцу десять обежъ изъ порожнихъ помѣстей отдѣлятъ, и вы бы тѣ обжы велѣли за Иванцомъ написати въ отдѣлные книги, да тѣ бы книги къ вамъ привезли, а вы бъ съ тѣхъ книгъ велѣли списати книги, противень слово въ слово, да тѣ бъ книги съ своими приписми и запечатавъ прислали къ намъ на Москву, съ иными нашими дѣлы, а не нарокомъ. Писана на Москвѣ, лѣта 7064, февраля въ 12 день.—А подпись на грамотѣ діака Василья Степанова.

(Доп. къ А. И. т. I, № 52, XXXII).

---

36. Грамота объ отпискѣ помѣстій.

Отъ царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русіи, въ нашу отчину, въ Великій Новгородъ, дьякомъ нашимъ Ѳедору Борисову сыну Еремѣева да Казарину Юрьеву сыну Дубровского. Которые дѣти боярскіе, Ноугородцкіе и Лутцкіе

и Ржевскіе помѣщики, къ бояромъ и къ воеводамъ нашимъ ко князю Петру Михайловичу Щенятеву, да ко князю Дмитрею Ѳедоровичу Палетцкому и къ иным нашимъ воеводамъ, къ Спасу на Неву къ смотрилью не пріѣхали, и тѣхъ дѣтей боярскихъ, по имяномъ, привезли къ намъ списки Володимеръ Заболотцкой да дьякъ Богданъ Логиновъ: и мы съ тѣхъ списковъ послали къ вамъ противень, за дьячею приписью и запечатавъ.—И вы бъ по тому списку велѣли у тѣхъ дѣтей боярскихъ помѣстья отписати на меня царя и великого князя, по нашему приказу. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7064, февраля въ 15 день.—А подпись на грамотѣ дьяка Василья Степанова.

(Доп. къ Акт. Ист. т. I, № 100).

---

37. Правая грамота царя Ивана IV кравчему Годунову на боярина князя Сицкаго в мѣстничествѣ.

(1578 г. декабря 25.)

По Государеву Цареву и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи приказу, бояринъ князь Иванъ Ѳедоровичь Мстиславской, да князь Иванъ Юрьевичь Булгаковъ, да дьякъ Андрей Мясной, сей судъ судили. Тягался въ отечествѣ кравчей Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ съ бояриномъ со Княземъ Васильемъ Андреевичемъ Сицкимъ, а сказалъ: Царь и Великій Князь велѣлъ стояти со мною у своего Государева стола Князю Ивану Васильевичу Сицкому, и Князь Иванъ Сицкой билъ челомъ Царю и Великому Князю, что ему со мною быти невмѣстно, и меня тѣмъ безчестилъ; и мнѣ бы Государь велѣлъ дати счетъ съ отцомъ его, съ бояриномъ своимъ, со Княземъ Васильемъ Андреевичемъ Сицкимъ.

И на судѣ подалъ кравчей Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, почему ему быти больши боярина Князя Василья Андреевича Сицкого, въ отечествѣ. Князь Васильевъ Андреевича большой дѣдъ, меньши былъ Василья Овцына Володимерова; а Василей Овцынъ меньши былъ Князя Петра Елецкого; а Князь Петръ меньши былъ Князя Ѳедора Васильевича Телепня-Оболенского; а дѣдъ мой Василей Григорьевичь Годуновъ, меньшой братъ родной Ивану Григорьевичу, былъ больши Князя Ѳедора Телепня Васильевича Оболенского и въ Государевыхъ розрядѣхъ написано, велѣлъ бы Государь того сыскати своими государевыми розряды. А въ памяти за приписью дьяка Андрея Щелкалова, написано: повыписано изъ Государевыхъ розрядовъ, 23 году походъ былъ воеводамъ съ Лукъ съ Великихъ, въ передовомъ полку Князь Ѳедоръ Васильевичь Телепень-Оболенской, въ правой рукѣ первой Василей Григорьевичь Годуновъ; а въ 23 году, на Лукахъ Великихъ, были воеводы по полкомъ, въ большомъ полку другой Князь Александръ Володимеровичь Ростовской, въ передовомъ полку Князь Андрей Дмитріевичь Ростовской, да Князь Ѳедоръ Васильевичь Телепень-Оболенской, въ сторожевомъ полку первой воевода Василій Григорьевичь Годуновъ большой, въ сторожевомъ полку третей воевода Князь Петръ Ивановичь Елецкой; а въ 22 году на Лукахъ на Великихъ, воеводы были по полкомъ, въ правой рукѣ большой Князь Петръ Ивановичь Елецкой, въ правой же рукѣ другой Василей Овцынъ Володимеровъ; а въ 24 году, въ правой рукѣ другой Василей Овца Володимеровъ, въ сторожевомъ полку другой Князь Александръ Ѳедоровичь Сицкой; и по тѣмъ розрядомъ, Василей Григорьевичь Годуновъ, кравчего Бориса Ѳедоровича Годунова въ памяти, написанъ. Тотъ Василей, въ розрядѣ, писанъ дѣду его Ивану Григорьевичу меньшой родной братъ, больши Князя Ѳедора Телепня Васильевича Оболенского, а Князь Ѳедоръ Васильевичь Телепень больши былъ Князя Петра Елецкого; а Князь Петръ Елецкой больши былъ Василья Овцы Володимерова, а Василей Овца Володимеровъ больши былъ Князя Александра Ѳедоровича Сицкого. Князь Александръ Ѳедоровичь Сицкой, у отца своего первой сынъ, другой Князь Семенъ, третей Князь Андрей; а у Князя Андрея первой сынъ бояринъ Князь Василей Андреевичь Сицкой.

И мѣсяца Декабря въ 22 день Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, сего суда слушалъ, и велѣлъ бояромъ Князю Ивану Ѳедоровичу Мстиславскому, да Князю Ивану Юрьевичу Голицыну, да дьяку Андрею Мясному, по суду и по счету, кравчего своего Бориса Ѳедоровича Годунова оправитъ, а боярина Князя Василья Андреевича Сицкого обинитъ; а велѣлъ учинить кравчего Бориса Ѳедоровича Годунова больши боярина Князя Василья Андреевича Сицкого многими мѣсты, и правую грамоту кравчему Борису Ѳедоровичу Годунову на боярина на Князя Василья Андреевича Сицкого велѣлъ брати.

Къ сей грамотѣ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи печать свою приложилъ, лѣта 7087, Декабря въ 25 день.

(С. Г. Гр. и Дог. ч. II № 47).

---

38. Рассказ неизвестного англичанина о русских монастырях.

(1557 — 58 г.).

В России очень много монахов и монахинь, очень много больших и богатых монастырей, которые оказывают величайшее гостеприимство и постоянно много помогают бедному люду. Я был в одном из монастырей, называемом Троицким; он обнесен каменной оградой, очень прочной, на подобие замка; на стенах очень много бронзовых орудий. Сами монахи мне рассказывали, что до 700 братьев принадлежит этой обители. Кругом на 40 миль монастырю принадлежит большая часть земель, городов и деревень. Мне показывали церковь, в которой столько образов, сколько только можно повесить на стенах, даже потолок весь разрисован образами. Главный образ Богородицы с золотою ризою, украшенный обильно рубинами, сапфирами и другими дорогими каменьями. Посреди церкви стояло до 13 восковых свечей, в 2 аршина длины и около сажени в толщину; тут же стоит котел с воском, около 100 ф. воску, в котором постоянно горит светильня, как бы лампада, не погасимая ни днем, ни ночью.

Затем монахи свели меня в погреб и заставили попробовать различных напитков: вин, пива, меду и квасов различных цветов и способов выделки. В их погребах такое множество напитков, что, полагаю, немного и государей имеют больше или столько же. Здешние посудины или бочки неизмеримой величины; некоторые имеют по 3 и более аршина в высоту и 2 и больше аршин в диаметре на дне; каждая бочка содержит от 6 до 7 тонн, в погребах нет бочки собственного их изделия, которая содержала бы меньше тонны. В монастыре 9 или 10 подвалов, наполненных такими бочками: бочки эти редко сдвигаются с места; у них есть трубы, проходящие сквозь своды подвалов в различные места, по ним-то они и льют питья вниз, подставляя бочку под трубой для приема напитков; было бы очень трудно стаскивать бочки вниз по лестницам.

Монахи раздают хлеб, мясо и питье всем приходящим к ним, не только во время пребывания их в монастыре, но и на дорогу. Таких монастырей в государстве очень много, и Царь часто ездит из одного монастыря в другой, проживая в каждом дня 3 или 4. Здешние монахи не уступят никому из русских в торговле, они занимаются столько же, сколько и другие покупкой и продажей, держат суда, плавающие с товарами с места на место, где только есть кто-нибудь из их области. Говорят, что в течение всей своей жизни монахи не едят мяса; по воскресеньям, понедельникам, вторникам, четвергам и субботам им по закону дозволяется есть яйца, масло, сыр, молоко; рыбу во всякое время. Вот как монахи проводят свою жизнь.

Носят они черное платье, и никто другой во всей стране не носит такого, а только в монастырях.

(Неизвестный англичанин, 22—24 стр.).

---

39. Посланіе царя Іоанна Васильевича Кирилло-Белозерского монастыря игумену Козьмѣ с братіею.

(Около 1578 г.).

Въ пречестную обитель Пречистыя Владычица нашея Богородица честнаго и славного ея Успения, и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Кирила Чюдотворца, иже о Христѣ божественаго полка наставнику и вожу и руководителю къ пренебесному селенію, преподобному игумену Космѣ яже о Христѣ съ братіею, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи челомъ бьетъ. Увы—мнѣ грѣшному! Горе мнѣ окаянному! охъ мне скверному! кто есмь азъ на таковую высоту дерзати? Бога ради, господіе и отцы, молю васъ престаните отъ таковаго начинанія. Азъ братъ ваш недостоинъ есмь нарещися, но по Еуангельскому словеси, сотворите мя, яко единаго отъ наемникъ своихъ; тѣмъ же припадаю честныхъ ногъ вашихъ стопамъ и милъ ся дѣю, Бога ради престаните отъ таковаго начинанія. Писано бо есть: «свѣтъ инокомъ Ангели, свѣтъ же миряномъ иноки», ино подобает вам, нашим государем, и насъ, заблуждьшихъ во тьмѣ гордости и сѣни смѣртней прелести тщеславія, ласкосердьства же и ласкосердія, просвѣщати; а мнѣ псу смердящему кому учити, и чему наказати, и чѣм просвѣтити?..

Паче же въ настоящемъ семъ многомятежномъ и жестокомъ времяни кому мнѣ нечистому и скверному и душегубцу учителю быти? Да негли Господь Богъ, вашихъ ради святыхъ молитвъ, сіе писаніе въ показаніе мнѣ вмѣнитъ. И аще хощете, есть у васъ, дома, учитель, среди васъ великій свѣтилникъ Кирилъ: и на его гробъ повсегда зрите, и отъ него всегда просвѣщайтеся; потомъ же великіи подвижницы, ученицы его, а ваши наставницы и отцы, по пріятію рода духовнаго даже и до васъ, и святый уставъ великого Чюдотворца Кирила, яко жъ у васъ ведется. Се у васъ учитель и наставникъ! отъ сего учитеся, отъ сего наставляйтеся, отъ сего просвѣщайтеся, о семъ утвержайтеся; да и насъ, убогихъ духомъ и нищихъ благодатію, просвѣщайте, а за дерзость. Бога ради, простите...

Якоже Апостоли Христу распинаеми и соумерщвляеми, и совоскрешаеми будутъ, тако и вамъ подобаетъ усердно последствовати великому чюдотворцу Кирилу, и преданіе его крѣпко держати, и о истинѣ подвизатися крѣпцѣ, и не быти бѣгуномъ, пометати щитъ и иная: но вся оружія Божія воспріимѣте, и не предавайте чюдотворцова преданія, никтожъ отъ васъ, яко Юда Христа сребра ради, тако и нынѣ сластолюбія ради. Есть бо у васъ Анна и Каіяфа, Шереметевъ и Хабаровъ; и есть Пилатъ, Варламъ Собакинъ, понеже отъ царскія власти посланъ; и есть Христосъ распинаемъ, чюдотворцово преданіе преобидимо. Бога ради, отцы святіи, и мало въ чемъ ослабу попустите, то и велико будетъ.

Видите ли, какого послабленіе иноческому житію плача и скорби достойно? И потому вашему ослабленію, ино-то Шереметева для и Хабарова для, такова у васъ слабость учинилася и чюдотворцову преданію преступленіе. И толко намъ благоволитъ Богъ у васъ пострищися, ино то всему Царскому Двору у васъ быти, а монастыря уже и не будетъ. Ино почто въ черньцы, и какъ молвити: «отрицаюся міра и вся яже суть въ мірѣ», а міръ весь въ очѣхъ? и како на мѣстѣ семъ святѣмъ со братіею скорби терпѣти и всякія напасти приключшаяся, и въ повиновеніи быти игумену, и всей братіи въ послушаніи и въ любви, якоже во обѣщаніи иноческомъ стоитъ? А Шереметеву какъ назвати братіею? ано у него и десятой холопъ, которой у него въ келѣ живетъ, ѣстъ лучше братій, которые въ трапезѣ ѣдятъ. И велицыи свѣтилницы, Сергій и Кирилъ, и Варламъ, и Димитрій, и Пафнутій, и мнози преподобніи въ Рустѣй земли, уставили уставы иночьскому житію крѣпостныя, якоже подобаетъ спастися; а бояре къ вамъ пришедъ, своя любострастные уставы ввели: ино не они у васъ постриглися, вы у нихъ постриглися; не вы имъ учители и законоположители, они вамъ учители и законоположители. Да, Шереметева уставъ добръ, держите его; а Кириловъ уставъ не добръ, оставите его. Да сегодня тотъ бояринъ ту страсть введетъ, а иногды иной иную слабость введетъ, да помалу, помалу весь обиходъ монастырьской крѣпостной испразнится и будутъ всѣ обычаи мірскіе. Вѣдь по всѣмъ монастыремъ, сперва, начальники уставили крѣпкое житіе, да опослѣ ихъ раззорили любострастные. И Кирилъ Чюдотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ его Сергѣй; а законъ каковъ былъ, прочтите въ житіи чюдотворцовѣ, и тамо извѣстно увѣсте; да тотъ маленько слабость ввелъ, а послѣ его иные по болши, да помалу, помалу, и до сего, якоже и сами видите, на Симоновѣ, кромѣ сокровенныхъ рабъ Божіихъ, точію одѣяніемъ иноцы, а мірская вся совершаются, якоже и у Чюда быше, среди царьствующаго града, предъ нашима очима, намъ и вамъ видима...

А нынѣ у васъ Шереметевъ сидитъ въ келѣ что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ да и иные черньцы, да ѣдятъ, да піютъ что въ міру; а Шереметевъ розсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастыремъ дворъ, а на немъ запасы годовые всякіе; а вы ему молчите о таковомъ великомъ, пагубномъ монастырскомъ безчиніи. Оставимъ глаголати: повѣрю вашимъ душамъ. А иніи глаголютъ, будто де и вино горячее, потихоньку въ келью къ Шереметеву приносили; ино по монастыремъ, и Фрязскія вина зазоръ, нетокмо, что горячее. Ино то ли путь спасенія, то ли иноческое пребываніе?..

Сія мала отъ многихъ изрекохъ вамъ, любви ради вашея и иноческаго для житія, ихъ же сами множае насъ вѣсте, и аще хощете, обрящете много въ божественномъ Писаніи. А намъ къ вамъ болши того писати невозможно, да и писати нечего; се уже конецъ моихъ словесъ къ вамъ. А впередъ бы есте о Шереметевѣ и о иныхъ о такихъ безлѣпицахъ намъ не докучяли: намъ въ томъ отвѣту никако не давати. Сами вѣдаете: коли благочестіе непотребно, а нечестіе любо, и вы Шереметеву хотя и золотые сосуды скуйте и чинъ Царьской устройте

то вы вѣдаете; уставьте съ Шереметевымъ своя преданія, а чюдотворцово отложите, такъ будетъ добро; как лутче, такъ дѣлайте, сами вѣдаете, какъ собѣ съ нимъ хотите, а мнѣ до того ни до чего дѣла нѣтъ: впередъ о томъ не докучяйте; воистину, ни въ чемъ не отвѣчивати. А что весну сю къ вамъ Собакины, отъ моего лица, злокозненную прислали грамоту, и вы бы съ нынѣшнимъ моимъ писаніемъ сложили, и по слогнямъ уразумѣли, и по тому и впередъ безлѣпицамъ не вѣрили. Богъ же мира и Пречистыя Богородица милость, и Чюдотворцэ Кирила молитвы, буди со всѣми вами и нами! Аминь. А мы вамъ, господіе мои и отцы, челомъ біемъ до лица земнаго.

(А. И. т. I, № 204).

---

40. Соборный приговоръ о запрещеніи Духовенству пріобрѣтать отчины.

1581, янв. 15.

Лѣта 7089 Генваря въ 15 день, Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, съ сыномъ своимъ съ Царевичемъ Ивэномъ Ивановичемъ и съ отцомъ своим Онтоніемъ Митрополитомъ всеа Русіи и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣми бояры, приговорили о земляхъ, которые за монастыри вотчины куплены и вклады даваны, и грамота по тому приговору написана, и по той грамотѣ и по уложенью въ Помѣстной Избѣ дьякомъ и дѣлати...

Собрахомся въ преименитомъ градѣ Москвѣ, нѣкоихъ ради церковныхъ вещей и паки же отъ надлежащаго варварскаго ради прещения, отъ Турского, и отъ Крымского, и отъ Нагай, и отъ Литовского Короля, съ нимъ же совокупившеся ярымъ образомъ Полша, Угры и Нѣмцы Лифлянскіе и другіе Свѣйскіе; сіи вси совокупишася дивіи звѣри, роспылахуся гордостію дмящеся, хотяху потребити православіе: мы же, сихъ ради, съ благочестивымъ Царемъ нашимъ поболѣхомъ зѣлне, и многое попеченіе о семъ благочестивый Царь нашъ, съ сыномъ своимъ Царевичемъ со княземъ Иваномъ и со своими бояры и со всѣмъ своимъ синклитомъ, сотвори яко довлѣетъ его царская власть

Въ нихъ же сильного внесена бывша пѣкая и яко возложенія благословися села и пожни или иная земленая угодья, еже по священнымъ епископьямъ и святымъ монастыремъ въ пустошьяхъ изнуряются, ради пьянственного и непотребного слабого житія многообразнѣ, многая же и въ запустѣнія пріидоша, яко же бо по монастыремъ сія запустѣваху, а къ тому отъ мирскихъ живущее прилагаху, нетокмо же по благословенія винѣ, но и съ ухищреніемъ, и тяжею, и прибытка никоего же нѣтъ, но развѣе токмо по монастыремъ въ пустошъ изнуряется и на ѣственная и на иные проторы, якоже нетокмо инокъ, но и монастырскихъ свыше потребъ не подобаетъ творити, и сія убо по монастыремъ въ пустоши и избрахуся паче потребы, и воинственному чину отъ сего оскудѣнья приходитъ веліе.

И сего ради... уложихомъ сице, да церкви Божія священныя мѣста безъ мятежа будутъ, а воинскій чинъ на брань, противъ враговъ креста Христова ополчается крѣпцы, сице устроихомъ: да елико есть земель и земляныхъ угодей, елико недвижимыхъ вещей, иже есть села и деревни и пожни и сѣнажати, что до него даная и возложенія благословися въ митрополіи и въ епископьяхъ и по монастыремъ, да ничто же претворяется, изъ митропольи и изъ епископій и изъ монастырей не исходитъ и вотчины, никоторымъ суломъ и тяжбою, у Митрополита и у владыкъ и у монастырей не емлютъ и не выкупаютъ; а кто которое мѣсто и не утвердили крѣпостьми, и того у монастыря не выкупати и впередъ съ монастыри о вотчинахъ не тягатися.

А съ сего дни впередъ, Генваря мѣсяца съ 15 числа, вотчинникомъ вотчинъ своихъ по душамъ не отдати, а давати за нихъ въ монастыри денги, которые села чего стоятъ, а село имати вотчинникомъ, хотя кто и далече въ роду; а будетъ у кого роду не будетъ и далнего, и та вотчина имати на Государя, а денги за нее платити изъ казны; а Митрополиту и владыкомъ или монастыремъ земель не покупати и въ закладѣ не держати, а кто послѣ сего уложенья купитъ землю или закладную учнетъ за собою держати, и тѣ земли имати на Государя.

(А. А. Э., т. I, № 308).

IX. Войны царя Ивана.

41. К Ливонской войне.

(Из писем польского короля Сигизмунда к английской королеве Елизавете 1566—69 годов.)

1. 1566, июля 13.

Ваше пресветлейшество видите, что мы не можем дозволить плавание в Московию, потому что оно не может быть допущено по причинам, не только лично до нас касающимся, но относящимся к религии и ко всему христианству; ибо, как мы сказали, враг научается посредством пропуска (иностранцев, прибывающих в его страны)—научается, что важнее, владеть оружием, необычным в с е й варварской стране; научается, что почитаем наиболее важным—самими мастерами, так что даже если бы к нему ничего более и не привозили, то уже одними трудами этих мастеров, которые, при существовании этого плавания, будут иметь свободный к нему доступ, легко будет в одно и то же время выделывать и в самой варварской стране его все те предметы, которые требуются для ведения войны и которых даже употребления до сих пор там не знают.

2. 1568, марта 13.

Мы видим, что, благодаря плаванию этому, весьма недавно учредившемуся, Москаль—этот не только временный враг короны нашей, но и враг наследственный всех свободных народов, чрезвычайно преуспел в образовании и в вооружении, и не только в оружии, в снарядах и в передвижении войск, что, хотя и много значит, но что, конечно, легко возбранить,—но и в других предметах, против которых нельзя достаточно предостеречься и которые могут оказать ему большую помощь: говорю о самих мастеровых, которые не перестают переделывать врагу оружие, снаряды и разные тому подобные предметы, доселе невиданные и неслыханные в сей варварской стране.—Кроме сего, следует обратить величайшее внимание на то, что знание всех наших, даже сокровеннейших предприятий, немного времени спустя, доставит ему возможность, зная, чего у нас нет, изготовить погибель всем нашим (союзникам?).—Подлинно не считаем возможным, чтобы можно было ожидать, что мы потерпим такого рода плаванию оставаться свободным...

3. 1569, декабря 6.

... Как мы писали прежде, так пишем и теперь к вашему величеству, что мы знаем и достоверно убеждены, что враг всякой свободы под небесами, Москаль, ежедневно усиливается по мере нашего подвоза к Нарве разных предметов, так как оттуда ему доставляются не только товары, но и оружие, доселе ему неизвестное, и мастера и художники: благодаря сему он укрепляется для побеждения всех прочих (государств?). Этому нельзя положить предела, пока будут совершаться эти плавания в Нарву, и мы хорошо знаем, что вашему величеству не может не быть известно, как жестоко сказанный враг, как он силен, как тиранствует над своими подданными и как они раболепны перед ним. Казалось, мы доселе побеждали его только в том, что он был невежествен в художествах и незнаком с политикой.—Продолжись это плавание в Нарву—что останется ему неизвестным? Поэтому мы, лучше других знающие сие, будучи с ним в пограничном соседстве, не можем, по долгу христианского государя, во время не присоветовать прочим христианским государям, чтобы они не предали в руки варварского и жестокого врага свое достоинство, свободу и жизнь свою и своих подданных; ибо мы ныне предвидим, что, если другие государи не воспользуются этим предостережением,—Москаль, тщеславясь тем, что ему привезли эти предметы из Нарвы, и усовершенствовавшись в военном деле орудиями войны и кораблями—сделает этим путем нападение на христианство, чтобы поработить и истребить все, что ему воспротивится: отчего да сохранит Бог—некоторые государства уже послушались этого нашего предостережения и не посылают (кораблей) к Нарве. Прочие же, которые будут плавать этим путем, будут захватываемы нашим флотом и подвергнутся опасности лишиться жизни, свободы, жен и детей. Итак, если подданные вашего величества воздержатся от этого плавания в Нарву, им ни в чем нами не будет отказываемо.—Пусть ваше величество взвесит и обсудит поводы и причины, побуждающие нас останавливать корабли, идущие в Нарву. В остановке этой, как мы уже писали к вашему величеству, нет никакой вины со стороны наших.

подданных города Гданска (Данцига). Да мы и не обращаемся к ним за советом...

(Ю. Толстой. Россия и Англия 1553—1593, № 9, с. 31—33).

---

42. Записки о Московии XVI века. Сэра Джерома Горсея.

(Был в России с 1572 до 1591, как посол английской королевы Елизаветы: выхлопотал новые привилегии для английской торговой компании).

I. Нашествие Девлет Гирея.

1571.

Скифский царь (Крымский хан), пользуясь обстоятельствами, вошел в пределы России, и расположился с 200 тысячным войском одной конницы, на 50 верстах в окружности, по берегам реки Оки, став лицом к сотне тысяч храбрых воинов и начальников Ивана Васильевича, которые крепко охраняли броды, с замечательной артиллерией, боевыми и съестными припасами, большим количеством людей и оружия. Обнадеженные секретным предуведомлением, татары решились переплыть через рукав реки и переправились без отпора. Царские же войска не осмелились двинуться (за нарушение наказа казнили смертью) за пределы 25-верстного пространства, указанного им для защиты от неприятеля, какие бы выгоды ни представлялись поступить иначе.

Между тем неприятель, перейдя на другую сторону реки, не расположился там, но поспешил к Москве, и был уже в 90 верстах от места, где царь считал себя безопасным. Но, как только неприятель приблизился к великолепному городу Москве, русский царь бежал с 2 сыновьями, сокровищами, слугами, телохранителями и 20 тыс. стрельцов к укрепленному монастырю Троице, в 60 вер. от Москвы. Неприятель зажег высокую колокольню Св. Ивана, в эту минуту поднялась ужаснейшая буря, от которой загорелись все церкви, дома и палаты в городе и предместьях, на 30 вер. в окружности, построенные большей частью из соснового и дубового леса. Все обратилось в пепел; в течение 6 час. погибло несколько тысяч: одни сгорели, а другие задохлись в дымном воздухе в каменных церквах, монастырях под сводами и в подвалах; очень немногие спаслись в 3 обнесенных стенами крепостях и вне их. Река и рвы около Москвы наполнились множеством народа, нагруженного золотом, серебром и драгоценностями, браслетами и сокровищами, который бросался туда для спасения, высовывая одну голову из воды.—Крымский царь со своим войском потешался зрелищем грандиозного пожара, поместившись в красивом монастыре на берегу реки, в 5 верстах от города, именуемом Симоновым.— Хотя татары лишились лучшей добычи, сгоревшей внутри города, но достигли своей цели, и ушли обратно с толпою пленников, нагруженные награбленным, избегая встречи с русским войском у Серпухова. Они увернулись от него, переправясь через реку, и пошли назад прежней дорогой.

Русский царь бежал все дальше с 2 сыновьями и казной в значительный город, называемый Вологдой, в 500 верст. от Москвы, где считал себя в большей безопасности. Постигшее его великое несчастье поразило и ужаснуло Иоанна.

В это время сильный враг Иоаннов Чигилей Мирза (Девлет Гирей) отправил к нему посла, в сопровождении многих мурз и дворян. По своему обыкновению они ехали на породистых лошадях, одетые в овчинных кафтанах с поясами и в таких же черных шапках, с луками, стрелами и вычурными дорогими саблями на боку. Послов поместили под стражей в темных комнатах. Вонючее лошадиное мясо и вода были им пищей; не давали им ни хлеба, ни пива, ни постели. Когда пришло время дать им аудиенцию, с ними дурно обошлись и обесчестили их, а они все переносили, пыхтели и выказывали презрение. Царь сидел во всем царском великолепии; перед ним было три короны; его окружали князья и бояре; он приказал снять с посла овчинное платье и шапку и надеть на него затканную золотом одежду и богатую шапку. Посол был доволен этим; его допустили к царю; но когда спутников его поставили за железную решетку, которая разделяла их от царя, то посланник пришел в ярость, заговорил диким, глухим голосом, смотрел гордо и свирепо. 4 капитана царской стражи подвели его к царскому престолу. Посланник, безобразнейшая тварь, грубо брякнул следующую речь:

«Его государь и господин, Чигилей Мурза, великий государь всех государств и ханств, послал спросить своего вассала, Ивана Васильевича, по милости его—великого князя всея Руси:— как ему понравилось ханское нерасположение, показанное огнем, мечом и голодом. Теперь хан посылает ему следующее утешение (при этом он вынул дрянной простой нож):—пусть царь перережет себе горло».

Посла поспешно вывели из комнаты без ответа и хотели отнять у него пожалованные платье и шапку; но он и его спутники отбивались так мужественно, что не допустили до этого. Отправив послов на прежнее место, царь впал в такую тоску, что послал за своим духовником и в бешенстве рвал на себе волосы и бороду. Главный военачальник просил у Е. В. позволения изрубить всех татар в куски. На это царь ничего не ответил.

Продержав еще несколько времени посла, Иоанн отправил его обратно со следующим ответом:— «Скажи этому язычнику, неверному твоему господину, что не он меня поразил, а бог за грехи мои и моего народа дал ему, сатанинскому отродью, власть и возможность быть орудием моего наказания. Но не сомневаюсь в том, что его же милостью и благодатью отомщу ему и сделаю его своим вассалом; скажи, что я сильно желаю этого». Посол ответил на это, что «не намерен оказывать ему такой большой услуги, выполнив для него подобное поручение». Тогда царь отправил в Крым (своего посла).

2. Царь и монахи.

Теперь царь задумал исполнить то, о чем прежде помышлял; собрал знатнейших архимандритов и игуменов знатнейших и богатейших монастырей и св. обителей в своем государстве и сказал, что он «теперь сообщит, что им уже хорошо известно,— а именно:—он потратил большую часть своего времени, ум, силы и здоровье в войнах за их достояние и безопасность, охраняя и защищая государство и народ; им, как и многим другим, не безызвестно, как много опасностей и смятений он перенес; как они, для которых он столько трудился, пожинали плоды этих благодеяний. Вследствие этого у него сокровищница опустошилась, а у них наполнилась; их безопасность, мир и спокойствие ограждены, а его нарушены; и каждый день он подвергается опасностям от иноземных врагов и от злоумышлений внутренних и внешних, которые он очень близко принимает к сердцу, как это им известно. Может ли он долее оставаться без существенной помощи от них? Готовность их будет оселком и их верности и благочестия, которое ослабело.

Молитвы их недействительны,—за их ли собственные неправды или за грехи царя и всего народа,—он оставляет решить это божественной премудрости. Польза от их богомолия и подвигов может быть в том случае, если они пополнят казну из их беспредельного изобилия; и вот вопиющая необходимость и печальное состояние народа требует теперь доказательства их благочестия. Это повелевают им души их покровителей и вкладчиков, святых и блаженных чудотворцевъ, во искупление их собственных душ от грехов. Пусть же они приготовят свои помышления к святой решимости, безо всяких кривотолков и увертливых отказов».

Было созвано великое со всех провинций собрание—и из опасения заговоров приказано произнести присягу на верность в Москве. После долговременных прений, представления и доводы собрания были подробно изложены и описаны в акте и поданы царю на рассмотрение. У царя были лживые соглядатаи, которые ему обо всем доносили. Он не хотел слышать никаких извинений; и в это время как громом поразил их своими царственными угрозами. Он призвал к себе 40 знатнейших и особенно настойчивых духовных сановников и настоятелей и говорил им, что они слишком долго толкуют о подробностях дела:

«Мы извещены о ваших совещаниях и о том, на что вы решились; вы оказываетесь самыми главными из ваших развратных соумышленников. Трогательное извещение о бедствиях государства и нуждах моего народа, о печальном исходе моих дел, не возбудило в вас ни малейшего сожаления и не смягчило вас. Что же мы воздадим вам за все? Дворянство и народ вопиют к нам со своими жалобами, что вы, для поддержания своей иерархии, присвоили себе все сокровища страны, торгуете всякого рода товарами, налагаете и берете мыта с проезжих всякого рода людей. Пользуясь привилегиями, вы не платите нашему престолу ни пошлин, ни военных издержек; застращали робкую совесть благороднейшего, лучшего и полезнейшего класса наших подданных и захватили себе в собственность третью часть, как оказывается, городов, посадов и деревень нашего государства—вашей хитростью, волшебством и знахарством. Вы покупаете и продаете души нашего народа. Вы ведете жизнь самую праздную, утопаете в удовольствиях и наслаждениях, дозволяете себе ужаснейшие грехи вымогательства, взяточничества и непомерные росты. Ваша жизнь изобилует кровавыми и вопиющими грехами: грабительством, обжорством, праздностью, содомским грехом; вы хуже, гораздо хуже скотов. Ваши молитвы

не могут быть полезны ни мне, ни моему народу. Много мы должны отвечать перед богом за то, что терпим вашу жизнь, и за то, что многих, более достойных, попустили умереть вместо вас. Бог да простит мне пристрастие к вам.—Да, я часто был понуждаем вашими пороками заступаться и восстанавливать права многих тысяч моего древнего и беднейшего дворянства, от предков которых перешла к вам большая часть доходов, которые по справедливости должны принадлежать им, потому что они жертвовали честью, жизнью и трудом за вашу безопасность и за ваше обогащение. Весь мой, некогда зажиточный, народ и подданные обеднели через ваши грабежи и диавольские обманы, тогда как вы должны бы были восстановить и поддерживать цветущее состояние земства. Нам подал благой пример английский король Генрих VIII. Ваши доходы далеко превышают то, что обыкновенно вы можете истратить при вашем роскошном и расточительном образе жизни. Но так как мое дворянство и служилые люди чрез все это в упадке и наша казна истощена, то мы вынуждены, по тайному внушению святых душ и чудотворцев, которых вы испытываете, владея бесчисленными сокровищами, которые у вас лежат на хранении как зарытый талант и не употребляются на духовные нужды. Именем их, как равно именем душ вкладчиков и благодетелей ваших, я заклинаю вас и повелеваю вам, чтобы вы в назначенный день собрали и доставили вернейший и точный инвентарь всех сокровищ и годового дохода, получаемого каждой обителью вашей от всего, что за нею числится во владении, или иначе постигнет вас кара и справедливое наказание от Бога, пожрут вас дикие звери лесов, которые исполнят суд над вами. Нужда не дозволяет никаких отсрочек, ни извинений».

Главные епископы, настоятели, игумены—в большом унынии искали средств и придумывали вместе с недовольным дворянством (боярством) как бы поворотить дело... но у них не было главы или военачальника,—у них недоставало лошадей и оружия. Тут разыгралась своеобразная трагедия.

Царь приказал привести больших медведей, диких, свирепых и голодных, из темных погребов и клеток, хранимых нарочно на случай таких увеселений и забав, в Слободу,—в пространное место, обнесенное высокой стеной. Выведено было около семи главных виновников—толстых, жирных чернецов, одного за другим с крестом и четками в одной руке, и при этом по великой милости царя в другой руке он держал копье в пять футов длины для своей защиты. Выпустили дикого медведя—и тот с ревом и рычанием стал кидаться на стену с открытой пастью, заслыша жертву по чутью, приходя в большую ярость от крика и возгласов в народе, свирепо наскочил на одного чернеца, схватил и смял ему голову, туловище, внутренности, ноги и руки, как кот мышенка, растерзал и платье в куски, пока добрался до тела, крови и костей. и так сожрал первого чернеца, как свою добычу. Медведь был застрелен пушкарем и разнесен на куски, в виде забавы. Затем вывели второго чернеца и нового медведя и остальных, одного за другим: и так все семь были съедены по очереди, как первый.. —Забава эта была настолько же увеселительна для царя и зрителей, сколько ужасна и неприятна для всего сборища монахов, которые на этом месте были одновременно созваны, как мы говорили. Из них еще семь были приговорены к сожжению...

(Тогда) упомянутые (духовные лица)—представляют (царю)—верные и полнейшие инвентари всех сокровищ, денежной казны, посадов, земель и других доходов, составляющих особое достояние каждого святого или основателя, который одарил их и поручил их надзору на вечное сохранение преемственно, для содержания святого учреждения и обителей, в надежде и уверенности, что святая душа его, в память всем летам, не потерпит произвола и нарушения, что завещено ею в свое время, с тем, чтобы они отдавали отчет перед святой Троицей, как и делалось;—в противном случае не благоугодно ли будет царю дать длинное свидетельство для обнародования всем последующим поколениям.

Ласкательства предотвратили совершенное разорение, но не могли изменить царской воли, потребовавшей от них 300 тысяч стерлингов, что он и получил (благодаря своей выдумке), кроме многих округов, посадов, деревень, земель и недвижимостей, под предлогом более достойного распоряжения ими.

Хотя Иоанн и возбудил против себя еще больше зависти и неудовольствия, но успокоил этим многих недовольных дворян.

(Горсей изд. Суворина 1909. с. 27—30, с. 35—40.)

43. Жалованная грамота Григорію Строганову.

1564.

Се азъ царь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, прежъ сего въ лѣтѣ 7000 въ шестьдесятъ шестомъ году въ априлѣ въ четвертомъ числе, пожаловалъ есми Григорья Аникѣева сына Строганова: что мнѣ билъ челомъ, а сказывалъ, что деи въ нашей отчинѣ, ниже Великіе Перми за восмьдесятъ за восемь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы рѣки съ усть Лысвы рѣчки, а по лѣвую деи сторону рѣки Камы противъ Пызноскіе курьи, по обѣ стороны, по Камѣ до Чюсовые рѣки, мѣста пустые, лѣсы черные, рѣчки и озеры дикіе, острова и наволоки пустые, а всего деи того пустого мѣста сто сорокъ шесть верстъ; и преже деи сего, на томъ мѣстѣ, пашни не пахиваны и дворы деи не стаивали, и въ мою деи цареву и великого князя казну съ того мѣста пошлина никакая не бывала, и нынѣ не отданы никому, и въ писцовыхъ де книгахъ и въ купчихъ и въ правежныхъ то мѣсто не написано ни у кого; и Григорей Строгановъ билъ намъ челомъ, а хочетъ на томъ мѣстѣ городокъ поставити, и на городѣ пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищалниковъ и воротниковъ устроити, для береженья отъ Нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, и около того мѣста лѣсъ по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ сѣчи, и пашню росчистя пахати, и дворы ставити, и людей называти неписменыхъ и нетяглыхъ, и росолу искати, а гдѣ найдется росолъ, и варницы ставити и соль варити; и мнѣ бъ Григорья Строганова пожаловати, велѣти бъ ему на томъ мѣстѣ городокъ поставити собою, и на городѣ пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищалниковъ и воротниковъ устроити собою, для береженья отъ Нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, и около бъ того мѣста лѣсъ по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ велѣти сѣчи, и пашни росчистя велѣти пахати, и дворы ставити, и людей велѣти называти, и въ томъ бы мѣстѣ велѣти росолу искати, гдѣ найдется, и соль бы ему тутъ велѣти варити. И здѣся на Москвѣ казначеи наши про то мѣсто спрашивали Пермитина Кодаула, а пріѣзжалъ изъ Перми ото всѣхъ Пермичь съ данью, и казначеемъ нашимъ Пермитинъ Кодаулъ сказалъ: о которомъ мѣстѣ намъ Григорей бьетъ челомъ, и тѣ деи мѣста искони вѣчно лежатъ впустѣ, и доходу въ нашу казну съ нихъ нѣтъ никоторого, и у Пермичь деи въ тѣхъ мѣстѣхъ нѣтъ угожаевъ никоторыхъ.

И ожъ будетъ такъ, какъ намъ Григорей бьетъ челомъ и Пермякъ Кодаулъ сказывалъ... и язъ царь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи Григорья Аникѣева сына Строганова пожаловалъ, велѣлъ есми ему на томъ пустомъ мѣстѣ... на черныхъ лѣсѣхъ городокъ поставити, гдѣ бы было крѣпко и усторожливо, и на городѣ пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищалниковъ и воротниковъ велѣлъ есми ему устроити собою, для береженья отъ Нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, и около бъ того городка ему по рѣкамъ и по озерамъ и до вершинъ лѣсъ сѣчи, и пашни около того городка роспахивати, и дворы ставити, и людей ему въ тотъ городокъ неписменыхъ и нетяглыхъ называти. А... тяглыхъ людей и писменыхъ къ себѣ не называти и не пріимати; а воровъ ему и боярскихъ людей бѣглыхъ, съ животомъ, и татей и разбойниковъ не пріимати жъ...

А гдѣ въ томъ мѣстѣ росолъ найдутъ, и ему тутъ варницы ставити и соль варити, и по рѣкамъ и по озерамъ въ тѣхъ мѣстѣхъ рыба ловити, безоброчно. А гдѣ будутъ найдутъ руду серебряную или мѣдяную, или оловяную, и Григорью тотчасъ о тѣхъ рудахъ отписывати къ нашимъ казначеямъ, а самому ему тѣхъ рудъ не дѣлати, безъ нашего вѣдома; а въ Пермскіе ему ухожеи и въ рыбные ловли не входити. А льготы есми ему далъ на двадцать лѣтъ, отъ Благовѣщеньева дни лѣта 7000—шестьдесятъ шестаго до Благовѣщеньева дни лѣта 7000—восемьдесятъ шестаго: и кто къ нему людей въ городъ и на посадъ, и около города на пашни и на деревни и на починки, придутъ жити неписменыхъ и нетяглыхъ людей, Григорью съ тѣхъ людей, въ тѣ льготные двадцать лѣтъ, не надобѣ моя царева и великого князя дань, ни ямскіе ни ямчюжные денги, ни посошная служба, ни городовое дѣло, ни иные никоторые подати, ни оброкъ съ соли и съ рыбныхъ ловель, въ тѣхъ мѣстѣхъ...

А кто у него учнетъ въ томъ его городкѣ людей жити пашенныхъ и непашенныхъ, и нашимъ Пермскимъ намѣстникомъ и ихъ тіуномъ Григорья Строганова, и что его городка людей и деревеньскихъ, не судити ни въ чемъ;... а вѣдаетъ и судитъ Григорей своихъ слобожанъ, самъ, во всемъ...

А что будетъ намъ Григорей по своей челобитной ложно билъ челомъ, или станетъ не по сей грамотѣ ходити, или учнетъ воровати,—и ся моя грамота не въ грамоту.

(Доп. къ А. И., т. I, № 117).

X. Хозяйство.

44. Из Записок о Московии. Барона Герберштейна.

О монете.

Серебряная монета у них четырех родов: московская, новгородская, тверская и псковская. Московская монета не круглой, а продолговатой и почти овальной формы, называется деньгой и имеет различные изображения: древняя имеет на одной стороне изображение розы, а новая—изображение человека, сидящего на лошади; обе на другой стороне имеют надпись. Сто таких монет составляют один венгерский золотой, шесть денег составляют алтын, двадцать—гривну, сто—полтину, двести—рубль. Новые монеты чеканятся теперь с буквами на обеих сторонах, и в рубле их четыреста.

Тверская с обеих сторон имеет надпись и ценностью равняется московской.

Новгородская с одной стороны имеет изображение князя, сидящего на троне, а против него—кланяющегося человека, с другой стороны—надпись, и ценою она вдвое превышает московскую. Новгородская гривна содержит в себе 14 денег, рубль же—222 деньги...

Едва ли есть сто лет, как они стали употреблять серебряную монету, особенно чеканенную дома. Сначала, как только стали ввозить серебро в эту страну, из него отливались продолговатые серебряные пластинки, без изображения и надписи, ценою в один рубль; ни одной из них не существует ныне. Чеканилась также монета в княжестве галицком, однако, она исчезла, так как не имела одинаковой ценности. Прежде монеты они употребляли мордки и ушки белок и других животных, меха которых привозятся к нам, и на них покупали жизненные потребности, как на деньги...

Если кто-нибудь привезет в Московию какие бы то ни было товары, то он должен немедленно заявить и показать их у сборщиков пошлин или начальников таможни. В назначенный час они осматривают и оценивают их; даже и когда они оценены, все еще никто не смеет ни продавать их, ни покупать, прежде нежели они будут показаны князю. Если князь захочет купить что-нибудь, то в ожидании этого не позволяется, чтобы купец показывал свои вещи, или чтобы кто-нибудь надбавлял цену. От этого происходит, что купцов иногда задерживают очень долго.

Не всякому также купцу можно приезжать в Московию, исключая литовцев, поляков и подвластных им. Шведам, ливонцам и германцам из приморских городов позволено производить торговлю и закупать товары только в Новгороде; туркам же и татарам—в Холопьем-Городе, куда во время ярмарки стекаются люди разных племен из самых отдаленных мест. Когда же отправляются в Москву посланники и полномочные послы, тогда все купцы, откуда бы они ни были, если только они приняты под их защиту и покровительство,—могут свободно и беспошлинно ехать в Москву; это и вошло у них в обычай.

Товары большею частью состоят из серебряных слитков, сукон, шелку, шелковых и золотых материй, жемчугу, драгоценных камней, золотой канители. Иногда купцы привозят во-время иные дешевые вещи и получают от них не мало прибыли...

Товары, которые вывозятся оттуда в Германию, суть меха и воск, в Литву и Турцию—кожи, меха и длинные белые зубы животных, которых они сами называют моржами, и которые живут в Северном море; из них обыкновенно турки искусно делают рукоятки кинжалов. Наши земляки думают, что это рыбьи зубы, и так их и называют. В Татарию вывозятся седла, узды, одежды, кожи, оружие же и железо вывозятся только украдкой или по особому позволению областных начальников, в другие, северо-восточные страны. Однако они возят к татарам суконные и полотняные одежды, ножи, топоры, иглы, зеркала, кошельки и т. п. Торгуют они с большими обманами и хитростями, и не скоро кончают торг, как писали некоторые. Ибо, приценяясь к как й нибудь вещи, они дают за нее меньше половин чтобы обмануть продавца, и не только держат купцов в неизвестности по месяцу или по два, но иногда доводят их до совершенного отчаяния. Впрочем, кто знает их нравы, тот продает свои товары без всякого убытка...

Иностранцам продают они каждую вещь очень дорого, так что просят пять, восемь, десять, иногда двадцать червонцев за то, что в другом случае можно купить за один червонец. Хотя за то сами

они покупают от иностранцев редкую вещь за десять или пятнадцать флоринов, тогда как она едва стоит один или два.

Если при договоре скажешь что-нибудь или не подумавши обещаешь, они хорошо помнят это и заставляют исполнить; если же сами, в свою очередь, что-нибудь обещают, то вовсе не исполняют того. Также, как только они начинают клясться и божиться, то знай, что тут скрывается хитрость, ибо они клянутся с намерением провести и обмануть...

Недалеко от Кремля есть обширный и окруженный стенами дом, называемый двором господ купцов (Curia dominorum mercatorum); в нем живут купцы и хранят свои товары. Там перец, шафран, шелковые материи и т. п. товары продаются гораздо дешевле, нежели в Германии. Это должно приписать обмену товаров. Ибо когда московиты наложат весьма большую цену на меха, которые в другом случае идут по дешевой цене, тогда и иностранцы, в свою очередь, по их примеру, ставят против них свои товары, также купленные дешево, и пускают их дороже; от этого происходит, что, сделав равный с обеих сторон обмен вещей, они могут продавать вещи, преимущественно полученные за меха, посредственной ценою и без прибыли.

В мехах большое различие. Чернота, длина и густота волос на соболе служат признаком его зрелости. Купцы также набивают цену, если соболи пойманы в надлежащую пору. Это наблюдается также и с другими мехами. По сю сторону Устюга и Двинской области соболей находят весьма редко, около же Печоры их множество, и притом превосходнейших.

Куньи меха привозятся из различных стран,— из северной области—хорошие, из Швейцарии—лучше, из Швеции—самые лучшие. Там же (в северной области) их большее количество. Я слышал, что в Московии некогда водились собольи меха, из коих иные продавались за тридцать, другие за двадцать червонцев. Но я не мог увидать ни одного такого меха.

Горностаевые меха привозятся также из различных мест, вывороченные наизнанку; но ими обманывают многих покупателей. У них есть какие-то знаки около головы и хвоста, по которым можно узнать, в надлежащую ли пору они пойманы. Тотчас, как горностай пойман, с него сдирают кожу, выворачивают ее, чтобы она не сделалась хуже от того, что вытрется мех. Если горностай пойман несвоевременно, и оттого мех лишается хорошего и натурального цвета, тогда они вырывают из головы или хвоста те волосы, по которым можно было бы узнать, что он пойман не-впору, и таким образом обманывают покупателей. Каждый мех продается по три или четыре деньги; те меха, которые побольше, лишены той белизны, которая бывает так чиста в маленьких.

Лисьи меха, преимущественно черные, из которых по большей части делают шапки, бывают очень дороги, ибо десяток иногда продается по 15 червонцев. Беличьи шкурки также привозятся из различных стран; те, которые побольше, из области Сибири, а самые лучшие—из Швуаи,— недалеко от Казани. Привозятся также из Перми, Вятки, Устюга и Вологды связками по 10 шкурок вместе; в каждой связке две самых лучших, которые называются личными, три—несколько похуже—красны, четыре—покрасны, последняя, называемая молошною,—хуже всех. Каждая из этих связок продается по одной или по две деньги. Из них лучшие и отборные купцы вывозят в Германию и другие страны с большой для себя выгодой.

Рысьи меха дешевы, а волчьи продаются дорого, с тех пор, как в Германии и Московии они вошли в цену. Кроме того, хребтовые волчьи меха стоят в гораздо меньшей цене, чем у нас.

Бобровые меха у них в большой цене, и почти все делают опушку платья из бобра, потому что у него черный и притом натуральный цвет.

Шкуры домашних кошек употребляются женщинами. Есть одно животное, которое на их языке называется песцом; его мех употребляется в дороге и в путешествиях, потому что он согревает тело больше других.

В казну вносится денежный сбор или пошлина со всех товаров, которые ввозятся или вывозятся. Со всякой вещи, ценою в один рубль, платится семь денег, кроме воска, с которого берется пошлина не только по цене, но и с весу. С каждой меры веса, которая на их языке называется пудом, платится четыре деньги.

Отдача денег на проценты во всеобщем употреблении; хотя они говорят, что это большой грех, однако, почти никто не отказывается от процентов. Проценты почти невыносимы, именно с пяти рублей всегда берут один, т.-е. 20 со ста. Церкви, как было сказано, поступают снисходительнее, получая (как они говорят) десять за сто.

(Герберштейн. Записки о Московии.)

45. Прот. Сильвестра „Домострой".

Из «Послание и наказание от отца к сыну» (гл. 64).

Благословение от Благовещенского попа Селивестра, возлюбленному моему, единородно сыну, Анфиму.

Милое мое чадо, дорогое. Послушай отца своего наказание, рождьшего тя и воспитавшего в добре наказании и в заповедех Господних; и страху Божию и Божественному писанию изучену, и всякому закону христианскому; и промыслу доброму во всяких торговлях и во всяких товарех наказану; и святительское благословение на себе имеешь, Царское Государево жалованье, и Государыни Царицы, и братии его, и всех Боляр. И с добрыми людми водишися; и со многими иноземцы великая торговля и дружба есть; все еси доброе получил, и умей еси совершити о Бозе; яко же начато при нашем попечении, и по нас такоже бы Бог соблюл по тому жити...

Работных своих всех свободих и наделих; и ины окупих из работы, и на свободу попущах. И все те работные наши свободны, и добрыми домами живут, яко же видиши, и молят за ны Бога, и доброхотают нам всегда, а кто забыл нас, Бог его простит во всем. А ныне домочадцы наши все свободны, живут у нас по своей воли.

Видел еси, чадо мое: многих пустошных сирот и работных и убогих, мужеска пола и женьска, и в Новегороде, и зде на Москве вскормих и вспоих, до совершена возраста; изучих, хто чево достоин: многих грамоте, и писати и пети; иных иконного писма, инех книжного рукоделия; овех серебреново мастерства, и иных всяких, многих, рукоделей; а иных всякими многими торговли изучих торговать. А мати твоя многие девицы и вдовы пустошные и убогие воспитала в добре наказании, изучила рукоделию, и всякому домашнему обиходу, и, наделив, за мужь давала; а мужеский пол поженили у добрых людей. И все те, дал Бог, свободны: своими добрыми домами живут; многи во священническом и во дьяконском чину, и в дьяцех и в подьячих, и во всяких чинех; кто чево дородился, и в чем кому благоволил Бог быти. Овии рукодельничают всякими промыслы, а многие торгуют в лавках; мнози и гостьбы деют, в различных землях, всяки торговлями. А, Божиею милостью, во всех тех наших скормленикех и послуживцех, ни соромота, ни убыток, никакая продажа от людей, ни людем от нас, ни тяжа ни с кем не бывала: во всем Бог соблюл посместа, а от кого нам, от своих скормленников, досада и убытки многи и велики бывали, ино то все на себе понесено, нихто того не слыхал, а нам то Бог исполнил.

И ты, чадо, тому же ревнуй и тако твори; на себе всякую обиду понеси и претерпи: Бог сугубо исполнит...

Вспоминай, сыну, великое Божие милосердие к нам и заступление: от юности, и до сего времени, на поруку не давал никого, ни меня не давывал никто, во всяких вещех: и на суде не бывал ни с кем; ни искивал, ни отвечивал. А видел еси сам: в рукодеях, и во многих, во всяких вещах, мастеров всяких было много: иконники, книжные писцы, серебреные мастеры, кузнецы, и плотники и каменьщики, и всякие и кирпичники и стеньщики, и всякие рукоделники; деньги им даваны на рукоделье, напередь, по рублю, и по два и по три, и по пети, и по десяти, и болши; а многи были чмуты и бражники; и, со всеми теми мастеры, в сорок лет, дал Бог, розлезеноса без остуды, и без пристава, и безо всякие кручины. Все то мирено хлебом да солью, да питьем да подачею, и всякою добродетелью, да своим терпением. А сам у кого что купливал, ино ему от мене милая розласка: без волокиды платеж, да еще хлеб да соль сверх. Ино дружба в век: ино всегда мимо мене не проласт, и худого товару не даст, и у всего не доимет. А кому што продавывал, все в любовь, а не в обман, не полюбит хто моего товару, и аз назад возму, а деньги отдам: а о купли и о продажи ни с кем брань и тяжба не бывала; ино добрые люди во всем верили, и зде и иноземцы. Ни кому ни в чем не сьлыгивано, ни манено, ни пересрочено, ни в рукодельи, ни в торговле. Ни кабалы, ни записи на себе ни в чем не давывал, а ложь никому ни в чем не бывала: а видел еси сам, какие великие сплетки со многими людьми были; да все, дал Бог, без вражды кончалося. А ведаешь и сам, что не богатеством жито с добрыми людьми: правдою, да ласкою, да любовию, а не гордостию, и безо всякия лжи...

О запасной прибыли вперед.

(Из главы 44.)

А у доброго человека и у доброй жены у порядливой,—и у смышленых и у разумных и у благорассудных и у богобоязливых

людей, и у годового всякого запасу, и у рухляди, и у питья, и у ествы, и у хлебново, и у воложново, и у мясново, и у полтявово, и у рыбново, и у ветчины, и у солонины, и у вялого, и у ветреного, и у просолу,—и сухари, и мука, и толокно, и иной запас; и мак и пшено, и горох и масло, и конопли, и соль, и дрова, и солод, и хмель, и мыло, и зола, и всякой запас, чему мочно впредь быти,—в бережении, и не сгноено.—У всякого бы году, во всяком обиходе и в запасе сходилося: в ином году чево не родилося, или дорого—ино тем запасом, как даром, проживет, а нужного и больного и недостаточного ссудит; и подможет, кому как пригоже. А коли чево изобилно запасено в дешевую пору, ино в дороговлю и продаст; ино сам ел и пил даром; а денги опять дома: доброго человека и доброй жены николи, ни в чем, меженина не имет, а старой запас держать на много лет, кои не портятся...

LII. Въ житницах и въ закромѣхъ о береженьи.

(Из гл. 52).

А въ житницахъ у ключника, былъ бы всякой запас и всякое жита: солодь и рожь, и овесъ, пшеница не сгноено, и не накапала бы, и не навьялс. не проточено отъ мышей, и не слеглося, и не затхло бы ся. А что въ бочкахъ, или въ коробахъ: мука и всякой запасъ, и горох и конопли, и грѣча, и толокно, и сухари, и ржаные и пшеничные: то бы было все покрыто, и судно свердо, и не намокло бы, и не знило, и не затхлося. А всему бы тому была мѣра и счетъ: сколко чево изъ села или изъ торгу привезутъ,—и записати, а что вѣсовое, то взвѣсити; и колко коли отдастъ чево на росходъ или взаймы и на всякой обиходъ, или кому государь велитъ что дати, то все записати же. И сколко чего сдѣлаютъ, то бы было вѣдомо жъ: и хлѣбы и колачи, и пиво, и вино, и брага, и квасъ, и кислые шти, и уксусъ, и высевъки, и отруби, и гуща всякая и дрожьжь, и хмелины; то бы было все у ключника въ мѣре, и записано, а хмель и медъ, и масло, и соль — вѣшепо.

(Домострой—изд. Д. Голохвастова 1849 г.).

---

46. Ричард Ченслер.

Пол. XVI в.

Торговля в Московии.

Россия—страна богатая землей и населением, в изобилии имеющим находящиеся там произведения. Между жителями очень много рыбаков, ловящих семгу и треску; у них также много масла, ворвани, наибольшее количество которого добывается около р. Двины; добывается оно также и в других местах, но не в таком количестве; жители также много промышляют выварокой соленой воды. В северных частях этой страны есть место, где ловят пушных зверей, соболей, куниц, серых медведей, лисиц белых, черных и красных, выдру, горностаев, белок и оленей; там же добывают клыки от рыбы, называемой морж. Охотники за этими зверями живут у г. Пустозерска; на оленях они привозят свою добычу в Лампожню для продажи, а оттуда ее везут в Холмогоры, где в Николин день бывает большая ярмарка.

К западу от Холмогор находится город Новгород, около которого растет прекрасный лен, конопля, много также воску и меду. Голландские купцы имеют в Новгороде свой складочный дом; очень много в Новгороде и кожи, равно как и в городе Пскове, в окрестностях которого тоже великое изобилие льна, конопли, воску и меду. Новгород отстоит от Холмогор на 120 миль. Находится здесь еще г. Вологда, его предметы торговли: сало, воск и лен, но не в таком большом количестве, как в Новгороде. От Вологды до Холмогор течет река Двина, впадающая затем в море. Холмогоры снабжают Новгород, Вологду и Москву со всеми окрестными областями солью и соленой рыбой. От Вологды до Ярославля 200 миль. Последний очень большой город. Здесь находятся: кожи, сало, хлеб, в очень большом количестве, есть и воск, но его не так много, как в других местах.

От Ярославля до Москвы 200 миль. Между ними область усеяна деревушками, замечательно переполненными народом. Земля эта изобилует хлебом, который обитатели возят в громадном количестве в Москву. Утром можно встретить 700 и 800 саней, везущих хлеб, а некоторые рыбу. Попадаются везущие хлеб в Москву, а также и оттуда, это—живущие, по крайней мере, за 1000 миль; весь их обоз на санях. Они живут в северных частях владений княжеских, где холод не

позволяет хлебу расти; такой жестокий там холод. Они привозят сюда рыбу, меха, шкуры. В этих местах и скота немного.

(Ченслер, 1—2 стр.)

---

47. Посольство Дженкинсона [1]).

1) Первая просьба Ее Кор. Величества, чтоб благоугодно было Царскому Высочеству сообщить мне истинную причину сильного неудовольствия на сэра У. Гаррета и его общество, которые никоим образом не заслуживают этого, по их сведениям.

Ответ на первый пункт: Все неудовольствия и опалы Е. Величества (теперь сложенные с купцов) произошли оттого, что Ее Корол. Величество не исполнила и не окончила с посланником Его Вел. его тайных и важных дел, согласно его ожиданию и обещанию, данному Т. Рандольфом, во время его здешнего пребывания, а также по причине дурного поведения ваших купцов, живущих здесь в нашей стране, как Е. Величество сам вчера объявил вам.

2) Чтоб угодно было Его Высочеству не давать веры ложным и неверным доносам лиц, старающихся посеять раздоры и разорвать дружбу между Ее Кор. Высочеством и Его Величеством.

Его Величеству угодно, чтоб тебе было известно, что он не был и после не будет склонен разрывать дружбу с Ее Кор. Величеством без значительной и справедливой причины.

3) Чтоб благоугодно было Е. Высочеству соизволить оказать снова свои милости с. У. Гаррету и Обществу, восстановить их привилегии, свободу беспошлинной торговли во всех его владениях, вывозить и ввозить, в таком же объеме, как это было прежде, по его царским привилегиям и обычной доброте.

Вы получили уже ответ от самого Царского Величества, что его великая доброта и милость будут возвращены купцам , и это будет известно через его милостивые грамоты и привилегии, теперь опять пожалованные.

4) Чтоб угодно было Е. Высочеству соизволить, чтоб названная компания купцов получила удовлетворение по суду на всех его подданных, как за деньги должные ей, так и за прочие обиды и несправедливости, понесенные ею в его владениях со времени его опалы, во время которой купцы заставляемы были суровым судом отвечать на всякие жалобы, а их жалобы не выслушивались.

Его Величество приказал, чтоб ваши купцы, здесь живущие, представили на письме мне, дьяку Его Величества, все жалобы как о долгах, так и о других обидах, претерпенных ими со времени опалы Его Величества, и что они получат законный суд во всех владениях Его Величества без замедления.

5) Чтоб Его Величеству угодно было узнать, как много должны названной компании многие из его знатных, из которых некоторые заключены в тюрьму, другие казнены, и компания не знает, как ей будет уплачено, разве Его Величество сжалится над их затруднением и укажет порядок для взыскания долгов.

Его Величество не знает ни о каких долгах его знатным купцам, как эти показывают; и справедливо ли это, он не знает; истина будет расследована, и тогда дан ответ. Затем Е. Величество желал бы, чтоб купцы не слишком много ссужали его народ.

6) Чтоб угодно было Его Высочеству приказать заплатить компании все деньги, которые ей должны; и долг Его Величества за Английские и Шемахинские товары, взятые в казну Е. Высочества приставами в разных местах; общество уже долго терпело, это составляет для него большую помеху.

Его Величество приказал сыскать, сколько должны денег за товары, взятые в его казну, как это значится в пункте (большая часть счетных книг сгорела в Москве); то, что найдено будет нужным заплатить, будет выплачено купцам, или их факторам, или прикащикам, которые явятся за деньгами. Что же касается до платежа остальных денег, то дальнейшая воля Е. Величества будет объявлена после.

9) Чтоб угодно было Е. Высочеству соизволить, чтоб с. У. Гаррет и товарищи могли устроить торговый дом в Холмогорах на Двине, и чтоб товары, вывозимые из нашего государства для его казны, осматривались и принимались там его чиновниками; чтоб подданные Его Величества, торгующие с нашими купцами, свозили бы свои товары в Холмогоры, отчего Английские купцы избежали бы больших забот и издержек по перевозке своих товаров в различные далекие города в его владениях и продавали бы то же самое гораздо дешевле к выгоде подданных Его Величества.

---

[1]) Был в России по торг. делам три раза: 1557, 1566, 1572.

Его Величество подумает об этих вещах и впоследствии объявит свою царскую на это волю.

14) Так как здесь на службе Е. Величества находится несколько мастеров и художников, жалующихся, что они добровольно не могут получить дозволения отправиться на родину, то Королев. Величества просьба, сообразно письму к Ее Высочеству по этому делу, чтоб Его Величеству угодно было дозволить не только находящимся здесь на службе, по их просьбе, уехать на родину со мной, но вообще и всем другим, которые и после этого приедут на службу Е. Величества, иметь право отъезжать без задержки и остановки.

Его Величество исполнит все просьбы Ее Кор. Вел. в этом отношении, и теперь даст позволение отправиться на родину всем желающим.

16) Чтоб угодно было Е. Высочеству узнать, что с. У. Гаррет и комп., узнавши о сильном голоде во владениях Его Величества, с соизволения Ее Корол. Величества (иначе нельзя), отправил несколько кораблей, нагруженных хлебом в Двинскую область более для помощи подданным Его Величества, чем какой-нибудь выгоды. Но не обратили внимания на доброе желание общества, а запретили продавать этот хлеб. Поэтому да угодно будет Его Величеству уважить доброе желание купцов, готовых как в отправке хлеба, так и во всем прочем услужить Е. Величеству, и отправить Двинским начальникам грамоту, чтоб они допустили продажу этого хлеба купцами, по желанию, большими и малыми мерами, беспошлинно.

Его Величество очень благодарен купцам за их хороший поступок и приказал дать вам грамоту в защиту их к начальникам на Двине—дозволить купцам вашим продавать ваш хлеб большими и малыми мерами, по желанию и беспошлинно.

(Известия англичан стр. 80—89).

---

48. Посольство Бауса [1]).

Посол теперь вошел в такую милость у Царя, и любовь последнего к Англии была так сильна, что те важные советники, которые до этого времени были большими неприятелями посла, стремились теперь показать послу свое внимание, заискивая перед Царем, потому что незадолго до этого Царь за нанесенные послу обиды (чтоб показать ему свое расположение) приказал наказать плетьми очень сильно дьяка Щелкалова и послал сказать ему что не оставит в живых никого из его рода.

Когда посол приобрел такое сильное расположение Царя, он употребил все усилия не только для скорейшего окончания порученного ему дела, но и всячески старался к пользе своей родины и соотечественников; и немного спустя но добился от Царя не только всего, что ему велеон было просить инструкциями, но и сверх того много полезного и важного для выгоды купцов.

Частные просьбы, уваженные Царем, благодаря послу: 1) Дозволение Рич. Франшему Англичанину, Царскому аптекарю, его жене и детям возвратиться на родину и взять с собой все здесь приобретенное.

2) Такое же дозволение Рич. Эмсу, Англичанину, Царскому хирургу.

3) Тоже для Иоанны Ричардс, вдовы док. Бомеля, Голландца, Царского доктора, казненного в 1579 г. в Москве за переговоры с Польским королем против Царя.

Для купцов посол добился следующего:

1) Обещание вознаградить за товары, отнятые у их факторов разбойниками на Волге.

2) Уплата 500 марок, которые были взяты (в Царскую казну) за 10 лет до приезда посла как аренда за двор купцов в Вологде.

3) Уплата 1500 мар., которые были взяты с них за 2 года до приезда посла сюда.

4) Приказание уплатить купцам старый безнадежный долг в 3 тыс. мар.; долг столь безнадежный, что уже 4 года скинутый со счетов; по мнению всех нечего было и заводить дело, как слишком оскорбительное для Царя и способное потому помешать другим делам посла, которых было, по меньшей мере, достаточно; поэтому это дело было вычеркнуто из данных ему от Ее Величества инструкций.

5) Запрещение всем иностранцам дальнейшей торговли в России; проезд и торговля по всем северным берегам и землям от Вардгутса до р. Оби дозволены одним Англичанам.

Наконец из желания пользы купцам посол без просьб их или агентов их добился от Царя понижения всех пошлин, какие они платили; пошлина эта по отстранении Голландцев и иностранцев, как то было решено, возросла до 2 тыс. фунт. ежегодно.

---

[1]) Был в России по торг. делам 1583.

На все это последовало согласие, нечто было уже уплачено до отъезда посла из Москвы. старые привилегии были подписаны, новые—написаны, подписаны и скреплены печатью и оставалось только передать их послу в ближайший его приезд ко двору. Как вдруг Царь заболел и помер.

(Известия Англичан, стр. 101—102.

XI. Просвещение.

49. Из Стоглава.

О дьяцехъ хотящихъ во дьяконы и въ попы ставитися. Глава 25. О ставленикехъ, хотящихъ во дьяконы и въ попы ставитися, а грамотѣ мало умѣютъ; и святителемъ ихъ поставити—ино сопротивно священнымъ правиломъ, а не поставити—ино святыя церкви безъ пѣния будутъ, а православные хрестьяне безъ покаяния умирати. И святителемъ избирати по священнымъ правиломъ—въ попы ставити 30 лѣтъ, а въ діаконы 25 лѣтъ; а грамоте бы умѣли, чтобы могли церковь Божію содержати и дѣтей своихъ духовныхъ православныхъ хрестьянъ, управити могли по священнымъ правиломъ. Да о томъ ихъ святители истязуютъ съ великимъ запрещеніемъ: почему мало умѣютъ грамоте? и они отвѣтъ чинятъ: мы де учимся у своихъ отцовъ, или у своихъ мастеровъ, а инде намъ учитися негдѣ; сколько отцы наши и мастеры умѣютъ, потому и насъ учатъ, а отцы ихъ и мастеры ихъ и сами потомужъ мало умѣютъ, и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ; а учитися имъ негдѣ. А преже сего въ російскомъ царствіи на Москвѣ, и въ великомъ Новѣгородѣ, и по инымъ городомъ многия училища бывали, грамоте, и писати, и пѣти, и чести учили; и потому тогда грамоте, и писати, и пѣти и чести гораздыхъ много было. Но пѣвцы, и четцы, и добры писцы славны были по всей земли и до днесь.

О училищахъ книжныхъ повсѣмъ градомъ. Глава 26. И мы о томъ по царскому совѣту соборне уложили: въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ тѣмъ же протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ и со всѣми священники и дьяконы, кийждо во своемъ градѣ, по благословенію своего святителя, —избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ и дьяконовъ и дьяковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцы страхъ Божий, могущихъ и иныхъ пользовати, и грамоте бы и чести и писати горазди. И у тѣхъ священниковъ, и у дьяконовъ, и у дьяковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священницы, и дьяконы, и всѣ православные хрестьяне въ коемждо градѣ предавали имъ своихъ дѣтей, на учение грамоте, и на учение книжнаго писма, и церковного пѣнія псалтырнаго, и чтения налойнаго, и тѣ бы священники, и дьяконы, и дьяки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію, и грамоте, и писати, и пѣти, и чести со всякимъ духовнымъ наказаниемъ... А учили бы есте своихъ учениковъ грамоте довольно, сколько сами умѣете, и силу бы имъ въ писаніи сказывали, по данному вамъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе; чтобы ученицы ваши всѣ книги учили, которые соборная святая церковь пріемлетъ, чтобы потомъ и впредь могли не токмо себе, но и протчихъ пользовати и учити страху Божию о всѣхъ полезныхъ; также бы учили своихъ учениковъ чести и пѣти и писати, сколько сами они умѣютъ, ничтоже скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе, а и здѣ отъ ихъ родителей дары и почести приемлюще по ихъ достоинству...

(Стоглавъ, Казан. изд. 1912 г.)

---

50. Домострой.

XVII. Како дѣти учити и страхомъ спасати.

Казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту души твоей. И не ослабляй бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравіе будетъ; ты бо, бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Дщерь ли имаши: положи на нихъ грозу свою, да не посрамиши лица своего, да въ послушаніи ходитъ;... и посреди собора похвалишися: при концы не постонеши на ню. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего изъ-млада и порадуешися о немъ въ мужествѣ: и посреди злыхъ

похвалишися и зависть примутъ враги твоя. Воспитай дѣтище съ прещеніемъ и обрящеши о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велицѣ поболиши, скорбя; и послѣ же яко оскомины твориши души твоей. И не дажъ ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растетъ, а, ожесточавъ, не повинетъ ти ся; и будетъ ти досаженіе, и болезнь души, и тщета домови, погибель имѣнію, и укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, предъ властію платежь и досада зла.

XXIX. Поучати мужу своя жена: какъ Богу угодити, и мужу своему уноровити; и како домъ свой добре строити, и вся домашняя порядня, и рукодѣлье всякое знать, и слугъ учить, и самой дѣлать.

Подобаетъ поучити мужемъ женъ своихъ съ любовію и благоразсуднымъ наказаніемъ; жены мужей своихъ вопрошаютъ о всякомъ благочиніи: како душа спасти, Богу и мужу угодити, и домъ добре строити; и во всемъ ему покарятися; и что мужъ накажетъ, то съ любовію пріимати, и творити по его наказанію.

Перьвіе: имѣти страхъ Божій... Воставъ отъ ложа своего и молебная совершивъ, женамъ и дѣвкамъ дѣло указати дневное всякому рукодѣлию, что работы: дневная ества варити, и которои хлѣбы печи: ситные и решетные; и сама бы знала какъ мука сѣяти, какъ квашня притворити и замѣсити, и хлѣбы валяти и печи, и квасны и бухоны, и вышеклися; а колачи и пироги тако же, и колко муки возмутъ, и колко испекутъ. И колко чево родится исчетверти, или изосмины или изрешота, и колко высевковъ и колко испекутъ: мѣра знати во всемъ: а ѣству мясную и рыбную, и всякіе пироги, и всякіе блины и всякіе каши и кисели, и всякіе приспѣхи печи и варити, все бы сама государыня умѣла: ино умѣетъ и слугъ паучити, и все сама знаетъ.

А коли хлѣбы пекутъ, тогда и платя моютъ: ино содного сѣтрепня и дровамъ не убыточно; и дозирати какъ красные рубаши моютъ, и лучшее пѣлатья; и колко мыла идетъ и золы, и на колко рубашекъ; и хорошо бы вымыти и выпарити и начисто выполоскати, и иссушити и искатати, и скатерти и убрусы и ширинки и утиралники такоже; и всему счетъ самой знати, и отдати и взяти все сполна, и бело и чисто. А ве чаго вѣжливо бы поплачено: ино сироткамъ пригодится.

А коли хлебы пекутъ, ино того же тѣста вѣлети отняти, и пироговъ начинити; а коли пшеничьное пекутъ и семье изъ межьситки велѣти пироговъ зьдѣлати: въ скоромне дни скоромною начинкою, какая лучится; а въ посные дни съ кашею, или съ горохомъ, или съ сокомъ; или рѣпа, или грибы, или рыжіки, или капуста: что Богъ лучит: ино семье потешенье.

И всякую бы ству, и мясную и рыбную, и всякои приспѣхъ скоромной и посной, жена сама бы знала и умѣла здѣлать, и слушку научить. То государыни домовная и домоводицы добрые. И то бы знала же пивной, медовой и винной и бражьной, квасной и уксусной, и кислаштяной, и всякой обиходъ какъ дѣлаютъ, и поваренной и хлѣбной; и въ чемъ что родится, и колко изъ чево будетъ. Коли все знаетъ доброго мужа наказаніемъ и грозою, и своимъ добрымъ разумомъ, ино все будетъ споро и всево будетъ много.

А которая женьщина или дѣвка рукодѣльна, и той дѣла указати: рубашка дѣлати, или убрусъ брати или ткати, или золотное или шелковое пяличное дѣло; и которая чему учена, того всего досмотрити и дозрети и всякой мастери самой: прядено и тафта и камка и золото и серебро отвѣсити и отмѣрити, и смѣтити, и указати сколко чего надобно, и сколко чего дастъ; и прикроити и примѣрити; самой все свое рукодѣліе знати. А малыхъ дѣвокъ учити, которая чево пригоже; а мужнимъ женкамъ, которые черное дѣло дѣлают, избу топятъ, и хлѣбы пякутъ и платья моютъ: тѣмъ ленъ даютъ на себя и на мужа и на дѣти прясти; а одиная жоночка или дѣвка на государя ленъ прядетъ, а изъ гребіи и пачеси на собя, или какъ пригоже. А все бы вѣдала сама государыня, которой дѣло какое дастъ; колко чево дастъ, и колко чево возмѣтъ; и сколко чево сдѣлаетъ кто днемъ: много ли мало, и сколько изъ чево выидет: то бы сама все знала, и въ счетѣ бы было все.

А сама бы государыня, отнюдь, н как же, никоторыми дѣлы, опрично немощи безъ дѣла не была, ино и слушкамъ, на нее смотря повадно дѣлати. Мужь ли придетъ, гостья ли обычная пріидетъ, всегды бы надъ рукодѣліемъ сидѣла сама: то ей честь и слава, и мужу похвала; а николи же бы слуги государыни не будили: государыня бы слугъ будила. А ложася бы спать всегды отъ рукодѣлія, молебная совершивъ.

XXXVIII. Какъ избная парядня устроити хорошо и чисто.

Столъ, и блюда, и ставцы и лошки, и всякіе суды и ковши, и братены, воды согрѣвъ изъ утра, перемыти и вытерьти и высушить; а после обѣда такоже, и вечере. А ведра, и ночвы, и квашни, и корыта, и сита, и решета, и горшки, и кукшины, и корчаги,—такожъ всегды вымыти, и выскресть и вытереть, и высушить, и положить въ чистомъ мѣсте, гдѣ будетъ пригоже быти: всегда бъ всякіе суды и всякая порядня, вымыто и чисто бы было; а по лавке и по двору, и по хоромамъ суды не волочилися бы, а ставцы, и блюда, и братены, и ковши, и лошки по лавке не валялися бы: гдѣ устроено быти, въ чистомъ мѣстѣ лежало бы опрокинуто ниць; а въ какомъ судне што: ества или питіе,—и то бы покрыто было, чистоты ради; и всякіе суды, съ ествою или съ питіемъ, или съ водою, или квашня ростворить,—всегды бы покрыто было, а въ избе и повязано, отъ тороканавъ и отъ всякія нечистоты.

Изба, и стѣны, и лавки, и скамьи, и полъ, и окна, и двери, и зъ сенехъ, и на крылцы,—вымыть и вытереть и выместь и выскресть,—всегда бы было чисто; и лесницы, и нижнее крылце,—все бы то было измыто, и выскребно, и вытерто и сметено; да передъ нижнимъ крыльцомъ сѣна положить: грязные ноги отирать; ино лѣсница не угрязнится, и у сеней передъ дверьми рогошка или войлокъ ветшаной положить, или потирало; ноги грязные отирать, чтобы мосту не грязнить. Въ грязное погодье у нижнего крылца сѣно или солома переменити, а у дверей рогозинка или войлокъ переменити, или потирало чистое положить, а грязное прополоскать и высушить; и опять, туто же, подъ ноги пригодится. Ино то, у добрыхъ людей, у порядливой жены, всегды домъ чистъ и устроенъ; все по чину: и упрятано, гдѣ что пригоже, и причищено и приметено; всегды въ устрои какъ въ рай войти!

Всего того, и всякой порядни жена смотрила,—и учила слугъ и дѣтей, добромъ и лихомъ; не иметъ слово,—ино ударитъ. И увидитъ мужъ, что не порядливо у жены и у слугъ, или не по тому. о всемъ, что въ сей памяти писано,—ино бы умѣлъ свою жену наказывати всякимъ разсуженіемъ и учити. Аще внимаетъ, и по тому все творити, и любити и жаловати. Аще жена по тому наученію и наказанію не живетъ, и такъ того всего не творитъ и сама того не знаетъ, и слугъ не учитъ—ино достоитъ мужу жена своя наказывати, и ползовати страхомъ на едине; и попаказавъ, и пожаловати и примоловити; и любовію наказывати и разсужати; а мужу на жену не гневатися, а жене на мужа: всегды жити въ любви и въ чистосердіи. И слуги и дѣти тако же, посмотря по вине и по дѣлу, наказывати, и раны возлогати; да наказавъ пожаловати; а государыни за слугъ печаловатися, по разсуженію: ино служкамъ надежно. А только жены, или сына или дщери, слово или наказаніе не иметъ, не слушаетъ, и не внимаетъ и не боитца, и не творитъ того какъ мужъ или отецъ или мати учитъ,—ино плетью постегать, по вине смотря; а побить не передъ людми; на едине: поучити да примолъвити и пожаловати; а никако же не гнѣватися ни женѣ на мужа, ни мужу на жену. А про всяку вину: по уху, ни по виденью не бити; ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ; ни посохомъ не колоть ни какимъ железнымъ или деревянымъ не бить: хто съ серца или съ кручины такъ бьетъ,—многи притчи отъ того бываютъ, слепота и глухота, и руку и ногу вывихнутъ, и перстъ; и главоболіе, и зубная болезнь;... а плетью, съ наказаніемъ, бережно бити: и разумно и болно, и страшно и здорова. А толко великая вина и кручинавата дѣло, и за великое и за страшное ослушаніе, и небреженіе,—ино соимя рубашка плеткою вежливенко побить, за руки держа: по винѣ смотря; да поучивъ примолвити; а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не вѣдали и не слыхали; жалоба бы о томъ не была.

А по людцкой ссорѣ, или по оговору, без обыску безъ прямого брань и побои и гнѣвъ никако же бы не было: каково было наношеніе или рѣчи недобрые, или своя примѣта,—того наедине пытати, добромъ: истиннѣ покается безо всякаго лукавства,—милостивно наказать, да и пожаловати, по винѣ смотря; а толко не виновато дѣло, ино оговорщикомъ не попущати: ино бы въ передъ вражда не была; а толко по вине, и по обыску по прямому; а не каетца о грѣхѣ своемъ и о винѣ: то уже наказаніе жестоко надобеть,—што бы былъ виноватой—въ винѣ, а правой—въ правдѣ: поклонны главы мечь не сечетъ: а покорно слово кость ломитъ...

(Домострой Сильвестра, изд. Д. Голохвостова,

---

51. И. Е. Забелин.

Покровский собор в Москве. (Василий Блаженный.)

Известный всему свету Московский соборный храмъ Покрова св. богородицы (Василий Блаженный), по своей оригинальности занявший свое место и в общей истории зодчества, вместе с тем служит как бы типическою чертою самой Москвы, особенною чертою самобытности и своеобразия, какими Москва, как старый Русский город, вообще отличается от городов Западной Европы. В своем роде это такое же, если еще не большее, Московское старинное и притом народное диво, как Иван Великий, царь-колокол, царь-пушка...

Коснемся здесь вкратце самой истории постройки этого дива.

Первоначально, в память взятия Казани, этот храм был построен в 1553 г. деревянный во имя св. Троицы. Потом осенью 1554 г., после взятия Астрахани, была задумана новая постройка храма во имя Покрова с пределами, также деревянного, который торжественно и был освящен в самый праздник Покрова, 1 октября. После того, летом 1555 г., был заложен настоящий храм каменный о девяти верхах, также во имя Покрова с восемью пределами, поставленными «на возвещение чудес божиих о Казанском взятье и Астраханском, в которые дни (празднуемых святых) бысть божия помощь, победа православному царю над бусурманы». Имена этих пределов следующие: 1) Живоначальныя троицы, 2) Вход в Иерусалим, 3) Николая чудотворца Великорецкого, 4) Киприана и Устинии, 5) Варлаама Хутынского, 6) Александра Свирского, 7) Григория епископа Великия Армении, 8) Александра, Иоанна, Павла новых патриархов Цареградских. Постройка храма продолжалась лет пять. Пределы были окончены в 1559 году и 1 октября с торжеством освящены. «А большая церковь,—замечает летописец,—середняя, Покров пресвятые богородицы, тогды не (была) совершена», следовательно, окончательная постройка храма должна относиться к следующему 1560 году.— Святые имена, в честь которых основан главный храм и его пределы, увековечивают важнейшие дела и события Казанского и Астраханского взятья. На самый Покров, 1-го октября 1552 г., царь окончательно решает осаду Казани; на 2 октября, день Киприана и Устинии, в честь которых основан и предел, произошел взрыв городских стен, в ту минуту, когда у царя за обеднею дьякон, читая евангелие, возгласил: «И будет едино стадо и един пастырь». За взрывом стен последовало и взятие города. Другие имена пределов точно так же сохраняют память дней этого славного покорения татарских царств.

Драгоценнейшие свидетельства о постройке храма найдены в летописных сборниках XVII ст. священником собора И. Кузнецовым. Оказывается, что преудивленный храм строили русские мастера, некий по прозванию Барма и другой по прозванию Посник. В одном свидетельстве помянут только Барма с товарищами, в другом оба вместе и впереди Посник—«быша примудрии и удобни таковому чюдному делу».

Новые свидетельства дополняют эту краткую историю храма следующими подробностями:— «Царь Иоанн, пришед в Москву с победы Казанской, совет благ сотворя с митрополитом Макарием и со всеми святителями, рассказавши им свое обещание поставить церкви во имя тех святых, в которые дни их памяти совершились многие великие дела и победы над татарами при взятии града Казани... И в тех святых имена царь вскоре поставил церкви деревянные седмь престолов, которым быть окрест осьмого большого престола церкви каменной. Потом даровал ему бог двух мастеров русских, по прозванию Посника и Барму, и по совету святительскому царь повелел им сооружать церкви каменные заветные (обетные) восемь престолов. Мастеры же, божиим промыслом, основали девять престолов, не якож повелено им, но яко по бозе разум даровася им в размерении основания». Само собою разумеется, что правильно (симметрично) распределить семь престолов вокруг одного среднего было делом очень мудреным и затруднительным. Нечетное число семь вместить в круг целого, не нарушая правильных пропорций в плане, не представлялось возможным и потому рассудительные мастера, по разуму в размерении основания, порешили соорудить восемь престолов вокруг среднего, девятого. Они руководились простым строительным смыслом и распределили престолы таким образом: один с востока от среднего, другой с запада, третий с юга, четвертый с севера, и остальные четыре в промежутках, в четырех углах здания. Оказавшийся излишним восьмой престол очень пригодился для храма во имя Ни-

колы чуд. Великорецкого, которого древний чудотворный образ только что был принесен из Вятки в Москву в июле 1555 г., когда обетный храм Покрова с пределами был возведен мало менее сажени от земли. По случаю многих чудотворений от образа безъименный престол против южных врат большой церкви был наречен во имя св. Николы, «яко самому святому Николе себе угстозившу тот безъименный предел».

Не мало изумлялись Московскому диву и иностранные путешественники старого времени, напр., XVII столетия. Они по большей части называли его Иерусалимом, говоря, что так он прозывался в то время и в народе, вероятно по тому поводу, что в конце XVI и в XVII столетиях к нему совершался в неделю Ваий (Вербное Воскресение) крестный ход с известным обрядом «шествия на осляти», изображавшим вход в Иерусалим Христа Спасителя. В Покровском соборе существует и предел Входа в Иерусалим.

Путешественники, видевшие церковь в первые годы XVII столетия, то-есть спустя лет 50 после ее сооружения, отмечают некоторые подробности, именно об ее главах. Они вообще говорят, что «храм чрезвычайно красив, выстроен с очень многосторонним искусством всякого рода и вида; что его верхи покрыты листовою медью, светлыми блестящими листами, и притом так искусно и разнообразно, что только дивишься». Стало быть главы в первоначальном своем виде были покрыты золоченою, или, как выражаются путешественники, полированною медью и сильно блестели, как и все другие золоченые маковки древней Москвы. Светлые блестящие листы могут также указывать на белое немецкое железо, которым еще в конце XVII ст. были покрыты закомары и алтари. Вообще же, покрытие глав блистающими листами, обработанными вдобавок фигурно, по различному рисунку, придавало всей постройке совсем иной вид и иной характер, более красивый, чем теперь, когда эти блиставшие некогда листы замазаны грязными красками, напоминающими в действительности своего рода татарство. К тому надо еще заметить, что и самая раскраска стен в то время тоже блистала свежею яркостью красок, ибо, как известно, древние, или старинные краски несравненно с нынешними были крепче и сильнее. Впрочем, есть основание полагать, что раскраска стен, как, вероятно, и самых глав, произведена уже в конце XVII ст., когда храм довольно уже обветшал и возобновлялся, хотя и в этом случае указывается, что главы были покрыты луженым железом.

«Церковь Иерусалимская в Москве,—говорит путешественник 1669 года, голландец Стрейс,— бесспорно прекраснее всех прочих. Хотя и полагают, что она построена по образцу храма Соломонова; но я не видывал ничего ей подобного, ни равного». Упоминание о храме Соломоновом еще раз свидетельствует о том чудесном впечатлении, какое наблюдатели-иностранцы испытывали, обозревая Московский памятник. Их воображение, дивуясь оригинальности сооружения, невольно переносилось к мечтательным чудесам библейского зодчества, ибо в старое время храм Соломонов всегда почитался идеалом всего прекрасного в зодчестве.

Те же иностранцы (Олеарий, Таннер) рассказывают предание, что строитель храма, как только окончил здание, по приказанию тирана (Ивана Грозного) был ослеплен, с тою целью, чтобы он уже не мог выстроить где-либо другой подобной церкви. Конечно, это была басня, сложенная или сама собою родившаяся, по примеру подобных басен о других знаменитых храмах, как, напр., о Венецианском соборе св. Марка. Она слишком уже отзывается древним восточным стилем подобных сказаний. Но и эта басня, кем бы она ни была сложена, обнаруживает все то же подивление перед своеобразною красотой памятника.

(И. Забелин. Черты самобытности в русскомъ зодчестве стр. 1—2, 11—19).

XII. Опричнина.

52. Опричнина Грознаго.

Из Александро-Невской Летописи (рук. XVII века).

Поѣздъ болшой государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русіи.

Тоя же зимы, декабря въ 3 день, въ недѣлю, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи съ своею царицею и вел. княгинею Марьею и съ своими дѣтми, со царевичемъ Иваномъ и со царевичем Ѳедором поехал съ Москвы въ

село въ Коломенское и праздникъ Николы чюдотворца праздновалъ въ Коломенскомъ. Подъемъ же его не таковъ былъ, якоже прежъ того ѣзживалъ по манастыремъ молитися, или на которые свои потѣхи въ объѣзды ѣздилъ: взялъ же съ собою святость, иконы и кресты, златомъ и каменіемъ драгимъ украшеные, и суды золотые, и серебряные, и поставцы всѣ всякихъ судовъ золотое и серебряное, и платіе и денги, и всю свою казну повелѣ взяти съ собою. Которымъ же бояромъ и дворяномъ ближнимъ и приказнымъ людемъ повелѣ съ собою ѣхати, и тѣмъ многимъ повелѣ съ собою ѣхати съ женами и съ дѣтми; а дворяномъ и дѣтомъ боярскимъ выборомъ изъ всѣхъ городовъ, которыхъ прибралъ государь быти съ нимъ, велѣлъ тѣмъ всѣмъ ѣхати съ собою съ людми и съ конми, со всѣмъ служебнымъ нарядомъ. А жилъ въ селѣ Коломенскомъ двѣ недѣли, для непогодія и безпути, что были дожди въ рѣкахъ, была поводь велика и кры въ рѣкахъ прошли. И какъ рѣки встали, и царь и государь изъ Коломенского поѣхалъ въ село въ Танинское,—а изъ Танинского къ Троицѣ,—а от Троицы изъ Сергіева монастыря поѣхалъ въ слободу. На Москвѣ же тогда быша (духовные власти, бояре и всѣ приказные люди),—и всѣ же о томъ въ недоумѣніи и во уныніи быша такому государьскому великому необычному подъему и путнаго его шествія не вѣдамо куды бяше.

А генваря въ 3 день прислалъ царь и вел. князь изъ слободы ко отцу своему и богомолцу къ Офанасію, митрополиту всеа Русіи, съ Констянтиномъ Дмитреевымъ сыномъ Поливанова съ товарыщи, да списокъ, а въ немъ писаны измѣны боярскіе и воеводскіе, и всякихъ приказныхъ людей, которые они измѣны дѣлали и убытки государьству его, до его государьского возрасту, после отца его...—и царь и в. князь гнѣвъ свой положилъ на своихъ богомолцевъ, на архіепископовъ, и епископовъ, и на архимандритовъ, и на игуменовъ, и на бояръ своихъ, и на дворецкаго и конюшего, и на околничихъ, и на казначеевъ, и на дьяковъ, и на дѣтей боярскихъ, и на всѣхъ приказныхъ людей,—опалу свою положилъ въ томъ: что послѣ отца его...—въ его государьскіе несовершенные лѣта, бояре и всѣ приказные люди его государства людемъ многіе убытки дѣлали и казны его государьскіе тощили, а прибытковъ его казнѣ государьской никоторой не прибавливали. Также бояре его и воеводы земли его государьскіе себе розоимали и другомъ своим племяни его, государьскіе земли роздавали, и держачи за собою бояре и воеводы помѣстья и вотчины великія, и жалованія государьскіе кормленыя емлючи, и собравъ себѣ великіе богатства, и о государѣ и о его государьствѣ и о всемъ православномъ христіянствѣ не хотя радѣти, и отъ недруговъ его отъ крымскаго и отъ литовскаго и отъ нѣмецъ не хотя крестіянства обороняти, наипаче же крестіяномъ насиліе чинити, и сами отъ службы учали удалятися, и за православныхъ крестіян кровопролитіе противъ безерменъ и противъ латынъ и нѣмецъ стояти не похотѣли; и въ чемъ онъ государь бояръ своихъ и всѣхъ приказныхъ людей, также и служилыхъ князей и дѣтей боярскихъ похочетъ которыхъ въ ихъ винахъ понаказати и посмотрити, и архіепископы и епископы и архимандриты и игумены, сложась съ бояры и съ дворяны и съ дьяки и со всѣми приказными людми, почали по нихъ же государю покрывати. И царь и государь—отъ великіе жалости сердца, не хотя ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣти, оставилъ свое государьство, и поѣхалъ гдѣ вселитися, идѣже его государя Богъ наставитъ. Къ гостемъ же и къ купцомъ и ко всему православному крестіанству града Москвы царь прислалъ грамоту съ Костянтиномъ Поливановымъ, а велѣлъ передъ гостьми и передъ всѣми людми ту грамоту прочести дьякомъ Путилу Михайлову да Ондрею Васильеву; а въ грамоте своей къ нимъ писалъ, чтобы они себѣ никоторого сумнѣнія не держали, гнѣву на нихъ и опалы никоторые нѣтъ.

Слышавъ же сія преосвященный Афонасій, митрополитъ всеа Русіи, и архіепископы и весь освященный соборъ, что ихъ для грѣховъ сія сключишася, государь государьство оставилъ,—зѣло о семъ оскорбѣша, и въ велицѣ недоумѣніи быша. Бояре же, и околничіе, и дѣти боярскіе, и всѣ приказные люди, и священнической и иноческій чинъ, и множества народа, слышавъ таковыя, что государь гнѣвъ свой и опалу на нихъ положилъ, государьство свое оставилъ,—они же отъ многаго захлипанія слезнаго предъ всѣмъ освященымъ соборомъ съ плачемъ глаголюще: увы!—горе, како согрѣшихомъ передъ Богомъ, и прогнѣвахомъ государя своего многими предъ нимъ согрѣшеніи, и милость его велію превратихомъ на грѣхъ и на ярость! Нынѣ къ кому прибѣгнемъ,

и кто насъ помилуетъ, и кто насъ избавитъ отъ нахожденія иноплеменныхъ? како могутъ быти овцы безъ пастыря? Егда волки видятъ овца безъ пастуха, и волки восхитятъ овца; кто измѣтца отъ нихъ? Также и намъ какъ быти безъ государя? Иная многая словеса подобныя изрекоша... и не токмо сія глаголюще, наипаче велѣмъ гласомъ молиша его со многими слезами, чтобы Афонасій митрополитъ всеа Русіи, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, подвигъ свой учинилъ, и плачь ихъ и вопль утолилъ, и благочестиваго государя и царя на милость умолилъ, чтобы государь царь и вел. князь гнѣвъ свой отвратилъ, милость показалъ и опалу свою отдалъ, а государьства своего не оставлялъ, и своими государьствы владѣлъ и правилъ, якоже годно ему, государю. А кто будетъ государьскіе лиходѣи и которые измѣнные дела делали, и въ тѣхъ ведаетъ Богъ да онъ государь, и въ животѣ и въ казни—его государьская воля; а мы всѣ своими головами ѣдемъ за тобою, государемъ святителемъ—государю царю и вел. князю о его государьской милости бити челомъ и плакатися.

Такоже и гости и купцы и всѣ гражане града Москвы потому же биша челомъ митрополиту—и всему осв. собору, чтобы били челомъ государю, чтобы надъ ними милость показалъ, государьства не оставлялъ, и ихъ на расхищеніе волкомъ не давалъ, наипаче же отъ рукъ сильныхъ избавлялъ; а кто будетъ государьскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ, и они за тѣхъ сами не стоятъ и сами техъ потребятъ. Митрополитъ же Афонасій, слышавъ отъ нихъ плачь и стенаніе неутолимое, самъ же ѣхати ко государю не изволи, для градскаго береженія, что всѣ приказные люди приказы государьскіе оставиша, и градъ оставиша, ни кимъ же брегомъ, и послалъ къ благочестивому царю въ Олександровскую слободу—отъ себя того же дни, генваря въ 3,—Пимина, арх. Вел. Новаграда и Пскова, да Михайлова Чюда архимарита Левкію—молити и бити челомъ, чтобы царь надъ нимъ, своимъ отцомъ и богомолцемъ, и надъ своими богомолцы на всемъ осв. соборѣ милость показалъ, и гнѣвъ свой отложилъ; также бы надъ своими бояры и надъ околничими, и надъ казначеи, и надъ воеводами, и надо всѣми приказными людми, и надъ всѣмъ народомъ крестіянскимъ милость свою показалъ, гнѣвъ бы свой и опалу съ нихъ сложилъ, и на государьстве бы былъ, и своими государьствы владѣлъ и правилъ, какъ ему государю годно; и кто будетъ ему государю и его государьству измѣнники и лиходѣи, и надъ тѣми въ животѣ и въ казни—его государьская воля.

Архіепископы и епископы сами по себѣ бити челомъ поѣхали въ слободу царю государю и в. князю о его царской милости...—Бояре: князь Иванъ Дмитреевичь Бѣлской, князь Иванъ Ѳедоровичь Мстиславской, и всѣ бояре, и околничіе, и казначеи, и дворяне, и приказные люди многіе—не ѣздя въ домы своя, поѣхаша съ митрополичья двора изъ города за архіепископомъ и владыками въ Олександровскую слободу; также гости и купцы многіе черные люди, со многимъ плачемъ и слезами, изъ града Москвы поѣхали бити челомъ и плакатися царю о его государьской милости.

Пиминъ же, арх. Вел. Новаграда и Пскова, да Чюдовскій архимарит Левкія, пріѣхавъ въ Слотино, и обослалися въ слободу, какъ имъ государь велитъ очи свои видѣти.

Государь же имъ повелѣ ѣхати къ себѣ съ приставы. Пріѣхаша же въ слободу генваря въ 5 день. Арх. же Пиминъ и арх. Левкія государю отъ митрополита Афонасія благословеніе и челобитье исправили; архіепископы же и епископы, архимандриты и игумены, соборнѣ преже биша челомъ благочестивому царю и в. князю Ивану Васильевичю всеа Русіи о себѣ, чтобы ихъ государь пожаловалъ, очи свои велѣлъ имъ видѣти.

И царь и в. князь ихъ пожаловалъ, очи свои видѣти имъ велѣлъ; они же преже биша челомъ о себѣ, чтобы государь милость свою имъ показалъ, гнѣвъ свой съ нихъ сложилъ; потомъ же биша челомъ царю—отцемъ его и богомолцемъ Афонасіемъ, митрополитомъ всеа Русіи, чтобы государь, для отца своего и богомолца и осв. собора, милость свою показалъ, велѣлъ очи свои видѣти бояромъ и приказнымъ, и опалу бы свою имъ отдалъ, и государьствы своими правилъ, какъ ему государю годно, и многимъ моленіемъ молиша его со слезами о всемъ народѣ крестіянскомъ, якоже преди изрекохом.

Благочестивый же царь и в. князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, милосердуя о всемъ православномъ крестьянствѣ, для отца своего и богомолца—и для (другихъ) своихъ богомолцевъ,—бояромъ своимъ и приказнымъ людемъ, очи свои видѣти велѣлъ, и всему осв. собору милостивое свое жалованное слово рекъ:—для отца своего

и богомолца, Афонасія, митр. всеа Русіи моленія, и васъ для своихъ богомолцевъ—челобитья, государьства свои взяти хотимъ; а какъ намъ свои государьства взяти и государствы своими владѣти, о томъ всемъ прикажемъ къ отцу своему и богомолцу Афонасію митр. всеа Русіи съ своими богомолцы. И тогда же въ слободѣ архіепископъ повелѣ праздновати на Богоявленіе Господне.

И отпустилъ ихъ къ Москвѣ къ отцу своему Афонасію митрополиту; а остави у себя бояръ, князя Ивана Дмитреевича Бѣлского, да князя Петра Михайловича Щенятева, и иныхъ бояръ.

А къ Москвѣ того же дни, генваря въ 5 день, отпустилъ бояръ, князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, князя Ивана Ивановича Пронского и иныхъ бояръ и приказныхъ людей, да будутъ они по своимъ приказомъ и правятъ его государьство по прежнему обычаю.

Челобитье же государь архіепископовъ и епископовъ принялъ на томъ, что ему своихъ измѣнниковъ, которые измѣну ему государю дѣлали и въ чемъ ему государю были непослушны, на тѣхъ опала своя класти, а иныхъ казнити и животы ихъ и статки имати; а учинити ему на своемъ государьствѣ себѣ опришнину, дворъ ему себѣ и на весь свой обиходъ учинити особной. А бояръ, и околничихъ, и дворецкого, и казначеевъ, и дьяковъ, и всякихъ приказныхъ людей да и дворянъ и дѣтей боярскихъ, и столниковъ, и стряпчихъ, и жилцовъ учинити себѣ особно, и на дворцѣхъ на сытномъ, и на кормовомъ, и на хлѣбенномъ,—учинити клюшниковъ, и подклюшниковъ, и сытниковъ, и поваровъ, и хлѣбниковъ, да и всякихъ мастеровъ, и конюховъ, и псарей, и всякихъ дворовыхъ людей на всякій обиходъ—да и стрѣлцовъ приговорилъ учинити себѣ особно.

А на свой обиходъ повелѣлъ государь—да и на дѣтей своихъ, царевичевъ Ивановъ и царевичевъ Ѳедоровъ обиходъ,—городы и волости:—городъ Можаескъ, городъ Вязму, городъ Козелескъ, городъ Перемышль—два жеребья,— городъ Бѣлевъ, городъ Лихвинъ, обѣ половины, городъ Ярославецъ и съ Суходровью, городъ Медынь и съ Товарковою, городъ Суздаль и съ Шуею; городъ Галичь со всѣми пригородки, съ Чюхломою, и съ Унжею, и съ Коряковымъ, и съ Белогородьемъ, городъ Вологду, городъ Юрьевецъ Поволской, Балахну и съ Узолою, Старую Русу, городъ Вышегородъ на Поротвѣ, городъ Устюгъ со всѣми волостьми, городъ Двину, Каргополь, Вагу, а волости: Олешню, Хотунъ, Гусь, Муромское, селцо Аргуново, Гвоздну, Опаковъ на Угрѣ,—Кругъ, Клинской, Числяки, Ординскіе деревни и станъ Пахрянской въ Московскомъ уѣздѣ, Бѣлгородъ въ Кашинѣ, да волости Вселунъ, Ошту, порогъ Ладожской, Тотму, Прибужъ.

И иные волости государь поималъ кормленымъ окупомъ, съ которыхъ волостей имати всякіе доходы на его государьской обиходъ, жаловати бояръ и дворянъ и всякихъ его государевыхъ дворовыхъ людей, которые будутъ у него въ опришнинѣ. А съ которыхъ городовъ и волостей доходу не достанетъ на его государьской обиходъ, и иные городы и волости имати.

А учинити государю у себя въ опришнинѣ князей и дворянъ и дѣтей боярскихъ, дворовыхъ, и городовыхъ, 1000 головъ, и помѣстья имъ подавати въ тѣхъ городѣхъ съ одново, которые городы поималъ въ опришнину.

А вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ опришнинѣ, велѣлъ изъ тѣхъ городовъ вывести, и подавати земли велѣлъ въ то мѣсто въ иныхъ городѣхъ, понеже опришнину повелѣ учинити себѣ особно.

На дворъ же свой и своей царицѣ вел. княгинѣ дворъ повелѣ мѣсто чистити, гдѣ были хоромы царицы и в. княгини, позади Рождества Пречистые, и Лазаря святого, и погребы и ледники и поварни всѣ, и покурятные ворота; также и княже Володимерова двора Ондреевича мѣсто принялъ и митрополича мѣста.

Повелѣ же и на посадѣ улицы взяти въ опришнину:—отъ Москвы-рѣки Чертолскую улицу и съ Семчинскимъ селцомъ и до Всполія, да Арбацкую улицу по обѣ стороны, и съ Сивцевымъ Врагомъ и до Дорогомиловского всполія, да до Новицкой улицы, половину улицы отъ города, ѣдучи лѣвою стороною и до всполія, опричь Новинскаго монастыря и Савинскаго монастыря и Алексѣевскаго монастыря слободы; а слободамъ быти въ опришнинѣ: Ильинской подъ Сосенками, Воронцовской, Лыщиковской.

И которые улицы и слободы поималъ государь въ опришнину, и въ тѣхъ улицахъ велѣлъ быти бояромъ и дворяномъ и всякимъ приказнымъ людямъ, которыхъ государь поималъ въ опришнину; а которымъ въ опришнинѣ быти не велѣлъ, и тѣхъ изъ всѣхъ улицъ велѣлъ перевести въ иные улицы на посадъ.

Государьство же свое Московское, воинство и судъ и управу и всякіе дѣла земскіе приказалъ вѣдати и дѣлати бояромъ своимъ, которымъ велѣлъ быти въ земскихъ: князю Ивану Дмитреевичу Бѣлскому, князю Ивану Ѳедоровичу Мстиславскому, и всѣмъ бояромъ; а конюшему, и дворецкому, и казначеемъ, и дьякомъ, и всѣмъ приказнымъ людемъ, велѣлъ быти по своимъ приказомъ, и управу чинити по старинѣ, а о болшихъ дѣлѣхъ приходити къ бояромъ. А ратные каковы будуть вѣсти или—земскіе великіе дѣла, и бояромъ о тѣхъ дѣлѣхъ приходити ко государю—и государь, приговоря съ бояры, тѣмъ дѣломъ управу велитъ чинить. За подъемъ же свой приговорилъ царь и в. князь взяти изъ земскаго приказа сто тысячь рублевъ. А которые бояре и воеводы и приказные люди дошли до государьскіе великіе измѣны, до смертные казни,—а иные дошли до опалы,—и тѣхъ животы и статки взяти государю на себя. Архіепископы же и епископы и архимандриты и игумены и весь осв. соборъ, да и бояре и приказные люди,—то все положити на государьской волѣ.

Тоя же зимы, февраля месяца, повелѣ царь и в. князь казнити смертною казнію, за великіе ихъ измѣнные дѣла: боярина князя Олександра Борисовича Горбатово, да сына его князя Петра, да околничего Петра Петрова сына Головина, да князя Ивана княжъ Иванова Сухово-Кашина, да князя Дмитрея княжъ Ондрѣева сына Шевырева.

Бояръ же: князя Ивана Куракина, князя Дмитрея Нѣмово повелѣ въ черньцы постричи.

А дворяне и дѣти боярскіе, которые дошли до государьскіе опалы, и на тѣхъ опалу свою клалъ и животы ихъ ималъ на себя.

А иныхъ сослалъ въ вотчину свою въ Казань на житье, съ женами и съ дѣтми.

(Рус. Истор. Библиотека, т. III стр. 246—258.)

---

53. Синодикъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго.

(Найден сенатором К. М. Бороздиным в Кирилловом Белозерском монастыре в 1809 году.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1. Лѣта, седмь тысящь, девятьдесять перваго (1582 или 1583 г.). Царь я Государь. И Великій князь. Иванъ Васильевичь Всеа русіи. Прислалъвъ Кириловъ монастырь сіе поминаніе. И велѣлъ поминати, на литіяхъ на литоргіяхъ и на понахидахъ, по вся дни въ церкви Божіи;

оудѣлная потоплены вгорахъ вшекснѣ

Княгиню Иноку Евдокѣю. Иноку Марію Иноку

повелѣніемъ Царя Іванна.

Александру

Помяни Господи душа оусопшихъ рабъ своихъ и рабынь преже почившихъ вѣка сего, ото Адама и до сего дни; Помяни Господи.

Дубровъ ской.

Казарина и дву сыновъего. да десять человѣкъ. тѣхъ которые приходили на пособь (выручать их). Ишука. Богдана, Іванна. Игнатія. Григорія,

Ростовской.

Феодора. Истому. Князя Василія...

Новгородцевъ [1]).

Помяни Господи душа рабъ своих тысящю пятьсотъ пяти человѣкъ. Данила з, женою и з детьми. Іванна, Стефана, Бурово, Іванна, Іванна.—

Попова.

жену здвема сыны и здвема дочерьми, Филиппова

Зміевъ. Изѣѣковъ.

сына Благовѣщенскаго, Якова, Іванна. ...—

Даниловъ. Безсоновъ. Немчинъ. Литвинъ. люди

Андрея, Ропа, Максима,

Румянцева дважды. Романовъ.

Третьяка, Михаила...

Псари.

Помяни Господи шпинадцати человѣкъ, двадцати человѣкъ, дву человѣкъ, осьми человѣкъ

Намѣѣднѣ Псковичъ з женами издѣтьми [2]).

Іванна. Сто девяносто человѣкъ

Лязвинъ. Серебрянникъ. Тещинъ.

Невзора. Оулана, Григорія, Іванна.

Псковичи. Неклюдовъ Васаевъ.

Тритцати человѣкъ. Игнатія. Михаила.

Новосильцевъ. Нелединской. Сырковъ.

Кирьяка. Ждана. Феодора.

Пѣшкова.

Жену з'двема сыны. Іванна, зженою и снохою

Харламова. Казавицынъ.

Матѳея зженою и здочерью. Симеона зженою,

---

[1]) По Курбскому побито в 1570 в Новгороде более 15000. Таубе и Крузе считают до 2000. Псковской летописец 60000.

[2]) Против псковичей сделан итог: до 700.

Сырковъ. *Плещиевъ.*
Алексея. Второво. зженою. Іванна, Григорія.
Неклюдовъ. *Жаденьской.*
Алексѣя зженою Іванна зженою.Хотѣна зженою
Запорокъ. *Омосовъ.*
Петра зженою и ссыном Романа зженою и
Кротково.
ссестрою и стешею. меньшово зженою...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Помяни Господи душа оусопшихъ рабъ своихъ ірабынь .прежде почивших вѣка сего отъ Адама і до сего дни. Помяни гди ...—
Линевъ. *Дуровинъ.*
Захарія. Маріи Прокопія. Афонасія. Симеона. Інока Митрофана. Архимандрита Печерскаго.
Мальцевъ. *Яринъ.* *Серебряной.*
Емельяна Князя Петра. Смирново. ...—
Никифора зженою іздвема сыны. Симеона зже-
Пывовскіе. *Ширяевъ.*
ною, и стремя дочерми. Андрея. Іванна, зженою, іздвема сыны. Андрея. Чижа зженою, і ссыномъ іздочерью. ...—
Молчановъ. *А сказываютъ вѣдуньи*
Андрея. Вновѣгородѣ пятнадцати бабъ.
Колычевы *Горинской Оболен*
Тимофея. Венедикта. Князя Петра.Князя Никиты.
скіе *Тимофеевъ Салтыковъ Бурцовъ*
Князя Андрея. Леонтия. Феодора. Рудока.
Образцовъ. *Дубровской.* *Хвостовъ.*
Михаила. Вешняка. Игнатія. Вешнякова
Селезнев. *Шишкинъ.*
сына Дубровскаго. Іванна. Петра. Алексія ссыномъ. І всего—3470 человѣкъ [1]).

В большой вкладной книге Кириллова монастыря, на 16 листе, сказано: «царь государь и вел. князь Иван Васильевич пожаловал по опальных людях девятьсот рублей. Имена их в Синодике писаны. Панихиды по них поют и литургию служат собором в субботу сыропустную». — «В кормовых книгах Кириллова монастыря отмечено:—В субботу сыропустную, по опальных, избиенных, потопленных и соженных, с жены их, и чады и домочадцы; А имена их писаны в Синодике. Панихиды поют собором. Даяния по них царя и вел. князя Иоанна Васильевича в двух дачах две тысячи двести рублев». (Замечание К. Бороздина.)

(Сказания Кн. Курбского изд., Устрялова. 409—434.)

[1]) Число всех лиц, поименованных в І части Синодика, простирается до 2668, во 2-й — до 580, итого 3248. Против показанного в Синодике числа менее 222 души.

---

54. Переписка князя Курбскаго съ царемъ Іоанномъ Грознымъ.

1. ЭПИСТОЛИЯ ПЕРВАЯ.

Князя Андрея Курбскаго писана къ Царю и Великому Князю Московскому прелютаго ради гоненія его.

Царю отъ Бога препрославленному, паче же въ православіи пресвѣтлу явившуся, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, сопротивъ симъ обрѣтшемуся. Разумѣваяй да разумѣетъ, совѣсть прокаженну имущій, якова же ни въ безбожныхъ языцѣхъ обрѣтается!.. И больше сего о семъ всѣхъ по ряду глаголати не попустихъ моему языку; гоненія же ради прегорчайшаго отъ державы твоея, отъ многія горести сердца потщуся мало изрещи ти

Прочто, царю, сильныхъ во Израили побилъ еси? и воеводъ, отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предалъ еси? и побѣдоносную святую кровь ихъ во церквехъ Божіихъ, во владыческихъ торжествахъ проліялъ еси? и мученическими ихъ кровьми праги церковные обагрилъ еси? и на доброхотныхъ твоихъ и душу за тя полагающихъ неслыханныя мученія, и гоненія и смерти умыслилъ еси, измѣнами и чародѣйствы и иными неподобными оболгающи православныхъ, и тщася со усердіемъ свѣтъ во тьму прелагати и сладкое горько прозывати? Что провинили предъ тобой, о царю! и чимъ прогнѣвали тя, христіанскій предстателю? Не прегордыя ли царства разорили и подручныхъ во всемъ тобѣ сотворили, мужествомъ храбрости ихъ, у нихъ же прежде въ работѣ быша праотцы наши? Не претвердые ли грады германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тобѣ даны бысть? Сія ли намъ бѣднымъ воздалъ еси, всеродно погубляя насъ? Или безсмертенъ, царю! мнишись? или въ небытную ересь прельщенъ, аки не хотя уже предстати неумытному судіи, благоначальному Іисусу, хотящему судити вселеннѣй въ правду, паче же прегордымъ мучителемъ и не обинуяся истязати ихъ и до власъ прегрѣшенія, яко же словеса глаголютъ? Онъ есть Христосъ мой,

сѣдящій на престолѣ херувимскомъ, одесную Силы владычествія во превысокихъ, судитель между тобою и мною.

Коего зла и гоненія отъ тебя не претерпѣхъ? и коихъ бѣдъ и напастей на мя не подвиглъ еси! и коихъ лжеплетений презлыхъ на мя не возвелъ еси! А приключившіямися отъ тебя различныя бѣды по ряду, за множествомъ ихъ, не могу нынѣ изрещи: понеже горестію еще души моей объятъ быхъ. Но вкупѣ все реку конечнѣ: всего лишенъ быхъ, и отъ земли Божія туне отогнанъ быхъ, аки тобою понужденъ. Не испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ, и не исходатайствовахъ отъ тебя никоеяжъ милости архіерейскими чинами; и воздалъ еси мнѣ злыя за благія, и за возлюбленіе мое непримирительную ненависть! Кровь моя, яко же вода пролитая за тя, вопіетъ ко Господу моему! Богъ сердцамъ зритель: во умѣ моемъ прилежно смышляхъ и обличникъ совѣстный мой свидѣтеля на ся поставихъ, и искахъ и зрѣхъ мысленнѣ и обращаяся, и не вѣмъ себя и не найдохъ ни въ чемъ же предъ тобою согрѣшивша: предъ войскомъ твоимъ хождахъ и не исхождахъ, и никоего же тебѣ безчестія приведохъ; но токмо побѣды пресвѣтлы, помощію ангела господня, во славу твою поставляхъ, и никогда же полковъ твоихъ хребтомъ къ чюждимъ обратихъ; но паче одолѣнія преславныя на похвалу тобѣ сотворяхъ. И сіе ни во единомъ лѣтѣ, ни во дву,—но въ довольныхъ лѣтѣхъ. Потрудихся со многими поты и терпѣніемъ; и всегда отечества своего отстояхъ, и мало родшія мя зрѣхъ; но всегда въ дальноконечныхъ градѣхъ, противъ враговъ твоихъ, ополчахся и претерпѣвахъ нужды многія и естественныя болѣзни, имъ же Господь мой, Іисусъ Христосъ свидѣтель. Паче же учащенъ быхъ ранами отъ варварскихъ рукъ на различныхъ битвахъ, и сокрушенно уже язвамивсе тѣло имѣю; но тебѣ, царю, вся сія аки ничто же бысть, но развѣе нестерпимую ярость и горчайшую ненависть, паче розженныя печи, являешь къ намъ...

Не мни, царю! не помышляй насъ суемудренными мысльми, аки уже погибшихъ избіенныхъ отъ тебя неповинно, и заточенныхъ и прогнанныхъ безъ правды; не радуйся о семъ, аки одолѣніемъ тощимъ хваляся: избіенные тобою, у престола Господня стояще, отмщенія на тя просятъ; заточенные же и прогнанные отъ тебя безъ правды отъ земли ко Богу вопіемъ день и нощь!..

И о семъ даже до сихъ, писаніе сіе, слезами измоченное, во гробъ съ собою повелю вложити; грядуще съ тобою на судъ Бога моего, Іисуса Христа. Аминь. Писано въ Волмерѣ, градѣ государя моего Августа Жигимонта короля, отъ него же надѣюся много пожалованъ и утѣшенъ быти отъ всѣхъ скорбей моихъ, милостію его государскою, паче же Богу ми помогающу...

(Сказанія кн. Курбского, изд. Н. Устрялова, стр. 151 — 154).

---

2. Посланіе Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича Всея Россіи ко Князю Андрею Курбскому

противъ его Князя Андреева письма, что онъ писалъ изъ града Волмера.

Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый, нынѣ есть Отецъ и Сынъ и святый Духъ, ниже начала имать, ниже конца, о немъ же живемъ и движемся есмы, имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду. Иже дана бысть единороднаго слова Божія Іисусъ Христомъ, Богомъ нашимъ, побѣдоносная херугвія и крестъ честный, и николи же побѣдима есть, первому во благочестіи царю Констянтину и всѣмъ православнымъ царемъ и содержателемъ православія, и понеже смотрѣнія Божія слова всюду исполняшеся, Божественнымъ слугамъ Божія слова всю вселенную, яко же орли летаніе отекши, даже искра благочестія дойде и до Русскаго царства: самодержавство Божіимъ изволеніемъ починъ отъ великаго князя Владиміра, просвѣтившаго всю Русскую землю святымъ крещеніемъ, и великаго царя Владиміра Мономаха, иже отъ Грекъ высокодостойнѣйшую честь воспріемшу,—даже дойде и до насъ, смиренныхъ скипетродержанія Русскаго царствія. Мы же хвалимъ за премногую милость, происшедшую на насъ, еже не попусти доселѣ десницѣ нашей единоплемянною кровію обагритися: понеже не восхитихомъ ни подъ кимъ же царства, но Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ свое взяхомъ, а не чюжее восхитихомъ; сего православнаго истиннаго христіанскаго самодержавства, многими владычествы владѣющаго, повелѣ-

ніе, нашъ же христіанскій смиренный отвѣтъ бывшему прежде православнаго истиннаго христіанства и нашего содержанія боярину и совѣтнику и воеводѣ, нынѣ же преступнику честнаго и животворящаго креста Господня, и губителю христіанскому, и ко врагомъ христіанскимъ слугатаю,—князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотѣвшему своимъ измѣннымъ обычаемъ быти Ярославскому владыцѣ, вѣдомо да есть.

Почто, о княже! аще мнишися благочестіе имѣти, единородную свою душу отверглъ еси? Что даси измѣну на ней въ день Страшнаго Суда? Аще и весь міръ пріобрящеши, послѣди смерть всяко восхитить тя! Чесо на тѣлѣ душу продалъ еси?..

И аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволилъ еси отъ меня, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити?..

Како же не усрамишися раба своего Васьки Шибанова? Еже бо онъ благочестіе свое соблюде, и предъ царемъ и предо всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратѣхъ стоя, и ради крестнаго цѣлованія тебе не отвержеся, и похваляя и всячески за тя умерети тщашеся. Ты же убо сего благочестія не поревновалъ еси: единаго ради моего слова гнѣвна, не токмо свою едину душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ еси: понеже Божіимъ изволеніемъ, дѣду нашему, великому государю, Богъ ихъ поручилъ въ работу, и они, давъ свои души, и до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтемъ, приказали служити и дѣда нашего дѣтемъ и внучатомъ. И ты-то все забылъ, собацкимъ измѣннымъ обычаемъ преступилъ крестное цѣлованіе, ко врагомъ христіанскимъ соединился еси, и къ тому, своея злобы не разсмотряя, сицевыми и скудоумными глаголы, яко на небо каменіемъ меща, нелѣпая глаголеши, и раба своего во благочестіи не стыдишися, и подобная тому сотворити своему владыцѣ, отверглся еси...

Аще есть малое согрѣшеніе, но сіе отъ вашегожъ соблазна и измѣны; паче же и человѣкъ есмь: нѣсть бо человѣка безъ грѣха, токмо единъ Богъ; а не яко же ты, яко мнишися быти выше человѣка со ангелы равенъ. А о безбожныхъ человѣцѣхъ что и глаголати! Понеже тіи всѣ царствіи своими не владѣютъ: какъ имъ повелятъ работные ихъ, тако и владѣютъ; а Россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи. И того въ своей злобѣ не могъ еси рассудити, нарицая благочестіе, еже подъ властію нарицаемаго попа и вашего злочестія повелѣнія самодержству быть! А се по твоему разуму нечестіе, еже отъ Бога данной намъ власти самимъ владѣти и не восхотѣхомъ подъ властію быти попа съ вашего злодѣянія! Се ли разумѣваемая сопротивъ, яко вашему злобѣсному умышленію тогда, Божіею милостію и пресвятыя Богородицы заступленіемъ, всѣхъ Святыхъ молитвами и родителей своихъ благословеніемъ, погубити себѣ не дали есми? А какова зла я отъ васъ пострадахъ! Се убо пространнѣйши напреди слова извѣстить...

Или мниши сіе быти свѣтлость благочестивая, еже обладатися царству отъ попа невѣжи, отъ злодѣйственныхъ измѣнныхъ человѣкъ и царю повелѣваему быти. И сіе ли супротивно разуму и совѣсть прокаженна, еже невѣжу взустити отъ Бога данному царю воцаритися? Нигдѣ же бо обрящеши иже не разоритися царству, еже отъ поповъ владому. Ты же убо по что ревнуеши? иже во Грецѣхъ царствіе погубившихъ и Туркомъ повинувшихся? сію убо погибель намъ совѣтуеши? И сія убо погибель на твою главу паче да будетъ!..

Или убо сіе свѣтло, попу и прегордымъ, лукавымъ рабомъ владѣти, царю же токмо предсѣданіемъ и царствія честію почтенну быти, властію же ни чимъ же лучше быти раба? А се ли тьма яко царю содержати повелѣнная? Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?..

Мы же благодатію Христовою, дойдохомъ лѣтъ нарока отча, и подъ повелительми и приставники быти намъ не пригоже...

А еже писалъ еси: «Прочто есмя сильныхъ во Израили побили и воеводъ отъ Бога данныхъ намъ на враги наша, различными смертьми есмя уморили и побѣдоносную ихъ святую кровь въ церквахъ Божіихъ пролили есмя, и мученическими кровьми праги церковные обагрили есмя, и на доброхотныхъ своихъ, душу за насъ полагающихъ, неслыханныя муки, смерти и гоненія умыслили есмя, измѣнами и чародѣйствы ихъ и иными неподобными обличая православныхъ»,— и то еси писалъ и лгалъ ложно, яко же отецъ твой діаволъ тя научилъ есть...

А сильныхъ есмя во Израили не погубили, и не вѣмъ, кто есть сильнѣйшій во Израили, и не

побили и не вѣмъ: земля правится Божіимъ милосердіемъ, и пречистыя Богородицы милостію, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословеніемъ, и послѣди нами, государи своими, а не судьями и воеводы, и еже ипаты и стратиги. И еже воеводъ своихъ различными смертьми расторгали есмя, а Божіею помощію имѣемъ у у себя воеводъ множество, и опричь васъ, измѣнниковъ. А жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя...

Свѣта же во тьму прелагати не тщуся, и сладкое горькое не прозываю. А се ли убо свѣтъ, или сладко, еже рабомъ владѣти? А сели тьма и горько, еже отъ Бога данному государю владѣти о немъ же многа слова пространнѣйши напреди изъявлено? Все бо едино, обращая разными словесы, во своей бѣсосоставной грамотѣ, писалъ еси, похваляя, еже рабомъ мимо господей своихъ владѣти. Тщужеся со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя; а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, ими же царствія растлѣваются. Се ли убо горько и тьма, яко злыхъ престати и благая творити? Но се есть сладко и свѣтъ! Аще убо царю не повинуются подвластные, никогда же отъ междоусобныхъ браней престанутъ. Се убо злоба обычна: сама себѣ хапати! Самъ це разумѣвая, что сладко и свѣтъ, и что горько и тьма, и иныхъ поучаешь! Или се сладко и свѣтъ, яко благихъ престати и злая творити междоусобними браньми и самовольствомъ? Всѣмъ явлена суть, яко нѣсть свѣтъ, но тьма, и нѣсть сладко, но горько...

(Сказания кн. Курбского, изд. Н. Устрялова, с. 155—195).

---

55. Кн. Курбского. Изъ „исторіи князя великаго Московскаго“.

1. Изъ главы III.

Бесѣда царя съ Вассіаномъ.

По оной же преславной побѣдѣ, аки бы на третій день, царь нашъ отрыгнулъ нѣчто неблагодарно, вмѣсто благодаренія, воеводамъ и всему воинству своему; на единого разгнѣвався, таковое слово рекъ: «Нынѣ, рече, боронилъ мя Богъ отъ васъ». Аки бы реклъ: «не возмогли есмя васъ мучити, поки Казань стояла сама въ себѣ: бо ми естя потребны были всячески; а нынѣ уже вольно мнѣ всякую злость и мучительство надъ вами показывати». О слово сатанинское, являемое неизреченную лютость человѣческому роду! О наполнение мѣры кровопійства отческаго!...

Послѣжъ великаго дня воскресенія Христова, аки на третьей или на четвертой недѣлѣ, поѣхалъ первѣе въ монастырь Троицы живоначальныя, глаголемый Сергіевъ, иже лежитъ отъ Москвы двадесять миль, на великой дорозѣ, которая идетъ къ Студеному морю... А въ томъ тогда монастырѣ обиталъ Максимъ преподобный, мнихъ святыя горы Афонскія Ватопеда монастыря, грекъ родомъ, мужъ зѣло мудрый, и не токмо въ риторскомъ искусствѣ многъ, но и философъ искусенъ, и уже въ лѣтѣхъ превосходныя старости умащенъ, и по Бозѣ въ терпѣніи исповѣдалческомъ украшенъ: много бо претерпѣлъ отъ отца его многолѣтныхъ и тяжкихъ оковъ и многолѣтнаго заточенія въ прегорчайшихъ темницахъ, и другихъ родовъ мученій искусилъ неповиннѣ, по зависти Даніила митрополита, прегордаго и лютого, и ото вселукавыхъ мниховъ, глаголемыхъ Осифлянскихъ; а онъ былъ его изъ заточенія свободилъ, по совѣту нѣкоторыхъ сигклитовъ своихъ, исповѣдающихъ ему, иже отнюдь неповиннѣ страждетъ таковый блаженный мужъ. Той предреченный мнихъ Максимъ началъ совѣтовати ему, да не ѣдетъ на такъ далекій путь, наипачежъ со женою и съ новорожденнымъ отрочатемъ...

Он же, яко гордый человѣкъ упрямясь, толико ѣхати, да ѣхати, рече, ко святому Кириллу; къ тому ласкающе его и поджигающе міролюбцомъ и любоимѣннымъ мнихомъ и похваляюще умиленіе царево, аки богоугодное обѣщаніе: бо тѣ мнихи богатолюбные не зрятъ богоугоднаго, а ни совѣтуютъ по разуму духовному, чему были должны суще паче въ мірѣ живущихъ человѣкъ, но всячески со прилежаніемъ слухаютъ, что бы угодно было царю и властемъ, сіе рѣчь, чѣмъ бы выманити имѣнія монастырямъ или богатство многое, и жити въ сладострастіяхъ скверныхъ, яко свиньямъ питающеся, а не глаголю, въ калѣ валяющеся...

Ту ми зри со прилежаніемъ, что врагъ нашъ непримирительный, діаволъ, умышляетъ и къ чему человѣка окаяннаго приводитъ и на что подвижетъ, влагающе ему аки благочестіе ложное и обѣщаніе къ Богу сопротивное разуму! И аки бы стрѣлою по примѣтѣ, царемъ стрѣлилъ до того мона-

стыря, идѣже епископъ, уже престарѣвшійся во днехъ мнозѣхъ, пребывалъ: прежде былъ мнихъ отъ Осифлянскія оныя лукавыя четы, иже былъ великій похлѣбникъ отца его, и вкупѣ со прегордымъ и проклятымъ Даниломъ митрополитомъ предреченныхъ оныхъ мужей многими лжесшиваньми, оклеветаша и великое гоненіе на нихъ воздвигоша...

Что же тогда приключишеся? Таково то воистинну: иже приходитъ царь до онаго старца въ келлію, и вѣдая, яже отцу его единосовѣтенъ былъ и во всемъ угоденъ и согласенъ, вопрошаетъ его: «Како бы моглъ добрѣ царствовати и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти?» И подобало рещи ему: самому царю достоитъ быти яко главѣ, и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды, и иными множайшими словесы отъ священныхъ писаній ему подобало о семъ совѣтовати и наказати царя христіанскаго, яко достоило епископу нѣкогда бывшу, пачежъ престарѣвшемуся уже въ лѣтѣхъ довольныхъ. Онъ же что рече? Абіе началъ шептати ему во ухо, по древней своей обыкновенной злости, яко и отцу его древле ложное сикованціе шепталъ, и таково слово реклъ: «Аще хощеши самодержцемъ быти, не держи собѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго собя: понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ, и все имѣти будеши въ рукахъ своихъ! Аще будеши имѣть мудрѣйшихъ близу собя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ». И сице соплете силлогизмъ сатанинскій. Царь же абіе руку его поцѣловалъ и рече: «О! аще и отецъ былъ бы ми живъ, таковаго глаголъ полезнго не повѣдалъ бы ми»...

О гласъ воистинну діаволій, всякія злости и презорства и забвенія преполонъ! Забылъ ли еси, епископе, во второмъ царствѣ реченнаго...

Царь же аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати доброго и полезного совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ: понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной: убо не зритъ Богъ на могутство и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сирѣчь елико кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ...

Иже всѣмъ еще тамо во устѣхъ обносится, о томъ мало достоитъ воспомянути, сирѣчь дѣда того царя, Іоанна князя великого, такъ далече границы свои разширивша, и къ тому еще дивнѣйшаго, у негожъ въ неволѣ быль, великаго царя ордынскаго изгналъ и юртъ его разорилъ, не кровопійства ради своего и любимаго для грабленія: не буди, но воистинну многаго его совѣта ради съ мудрыми и мужественными сигклиты его: бо зѣло, глаголютъ, его любосовѣтна быти, и ничтоже починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта. Тыжъ, аки сопротивъ всѣхъ оныхъ, не токмо древнихъ оныхъ великихъ святыхъ предреченныхъ, но и новаго того славного вашего сопротивъ сталъ: понеже всѣ тѣ согласнѣ вѣщаютъ: любяй совѣт, любитъ свою душу; а ты рече: «не держи совѣтниковъ мудрѣйшихъ себя!»

О сыне діаволь! прочто человѣческаго естества, вкратцѣ рещи, жилы пресѣклъ еси, и всю крѣпость разрушити и отъяти хотяще, таковую искру безбожную въ сердце царя христіанскаго всѣялъ, отъ нея же по всей Святорусской землѣ таковъ пожаръ лютъ возгорѣлся, о немъ же свидѣтельствовати словесы мню непотреба? Понеже дѣломъ сія прелютѣйшая злость произвелася, якова никогда же въ нашемъ языцѣ бывала, отъ тебя бѣды начало пріемше, яко напреди нами плодъ твоихъ прелютыхъ дѣлъ вкратцѣ изъявится. Воистинну мало по нареченію твоему и дѣло твое показася: бо нареченіе ти Топорковъ; а ты не топоркомъ, сирѣчь малою сѣкеркою: воистинну великою и широкою, и самымъ оскордомъ благородныхъ и славныхъ мужей во великой Руси постиналъ еси. Къ тому яко многое воинство, такъ безчисленное множество всенародныхъ человѣковъ ни отъ кого прежде, по доброму покаянію своему, только отъ тебя Васьяна Топоркова царь будучи прелютостію наквашенъ, всѣхъ тѣхъ предреченныхъ различными смертьми погубилъ...

2. Изъ главы VI.

О побіеніи княжескихъ родовъ.

Скоро по Алексѣевѣ смерти и по Селивестровѣ изгнанію, воскурилось гоненіе великое, и пожаръ лютости въ землѣ Русской возгорѣлся; и гоненіе воистину таковое неслыханное не токмо въ Русской землѣ никогда же бывало, а ни у древнихъ поганскихъ царей: бо и при нечестивыхъ мучителѣхъ христіане, исповѣдающіе вѣровати Христу и богомъ поганскимъ ругающіеся, имаемы и мучимы были, а неисповѣдающихъ и крыемыхъ внутрь себя вѣру, аще и ту стоящихъ, аще и знаемыхъ, аще и братію и сродниковъ, не имано, а ни мучено.

А нашъ новоявленный звѣрь перьѣе началъ сродниковъ Алексѣевыхъ и Селивестровыхъ писати имена; и не токмо сродныхъ, но о комъ послышалъ отъ тѣхъ же клеветниковъ своихъ, и друзей и сосѣдовъ знаемыхъ, аще и мало знаемыхъ, многихъ же отнюдь и не знаемыхъ, ихъ богатствъ ради и стяжанія, оклеветаемо отъ тѣхъ, многихъ имати повелѣлъ и мучити различными муками, а другихъ множайшихъ отъ имѣній ихъ и домовъ изгоняти въ дальные грады. А про чтожъ тѣхъ мучилъ неповинныхъ? Про то: понеже земля возопіяла о техъ праведныхъ въ неповинномъ изгнанію, нарекающе и кленуще тех предреченных ласкателей, соблазнившихъ царя; онъ же вкупѣ съ ними, ово аки оправдаяся предо всѣми, ово яко стрегущесь чаровства, не вѣмъ якого, мучити повелѣлъ оныхъ, не единаго, ни дву, но народъ цѣлъ, ихъ же именъ,тѣхъ неповинныхъ, яже въ тѣхъ мукахъ помроша, множества ради исписати невозможно...

Тогда же убіенъ отъ него князь Михайло, глаголемый Рѣпнинъ, уже въ сигклитскомъ сану сущъ. А за чтожъ убіенъ и за какую вину? Началъ пити, съ нѣкоторыми любимыми ласкатели своими, оными предреченными великими, обѣщанными діаволу, чашамы, идѣже и онъ по прилучаю призванъ былъ: хотяще бо его тѣмъ аки въ дружбу себѣ присвоити, и упившись началъ со скоморохами въ машкарахъ плясати, и суціе пирующіе съ нимъ; видѣвъ же сіе безчиніе, онъ мужъ нарочитый и благородный началъ плакати и глаголати ему: «иже не достоитъ ти, о царю христіанскій, таковыхъ творити». Онъ же началъ нудити его, глаголюще: «веселись и играй съ нами», и взявши машкару класти началъ на лице его; он же отвержеюю и потопталъ, и рече: «не буди ми се безуміе и безчиніе сотворити, въ совѣтническомъ чину сущу мужу». Царь же, ярости исполнився, отогналъ его отъ очей своихъ, и по коликихъ дняхъ потомъ, въ день недѣльный, на всенощномъ бдѣнію стоящу ему въ церкви, въ часъ чтенія евангельского, повелѣлъ воинамъ безчеловѣчнымъ и лютымъ заклати его, близу самаго алтаря стоящa, аки агнца Божія неповиннаго.

И тое же нощи убити повелѣлъ сигклита своего князя Юрія, глаголемаго Кашина, такоже ко церкви грядуща на молитву утреннюю; и закланъ на самомъ празѣ церковномъ, и наполниша помостъ церковный весь кровію его святою.

Потомъ убіенъ того Юрья братъ, князь Іоаннъ. А сродникъ ихъ князь Дмитрій, глаголемый Шевыревъ, на колъ посаженъ; и глаголютъ, его день быти жива, и аки не чювши муки тоя лютыя, на колѣ, яко на престолѣ сѣдящь, воспѣвалъ канонъ изо устъ Господу нашему Іисусу Христу, а другій канонъ благодарственный пречистой Богородицѣ, съ ними же вкупѣ правило немалое, глаголемое акафистъ, и по окончанію пѣнія онаго, духъ святый предалъ Господеви. И тогда же и другихъ княжатъ немало того же роду побито; а стрыя тѣхъ княжатъ Дмитрія, глаголемаго Курлетева, постричи во мнихи повелѣ... неслыханное беззаконіе!.. силою повелѣ всеродніѣ, сирѣчь со женою и съ ссущими малыми дѣтками, плачющихъ, вопіющихъ...

Потомъ убіенъ отъ него Петръ Оболенскій, глаголемый Сребряный, сигклитскимъ саномъ украшенъ и мужъ нарочитъ въ воинствѣ и богатъ...

Паки убіен княжа Петръ, глаголемый Щенятевъ, внукъ княжати Литовскаго Патрикія: мужъ зѣло благородный былъ и богатый, и оставя все богатство и многое стяжаніе, мнишествовати былъ произволилъ, и нестяжательное, христоподражательное жительство возлюбилъ; но и тамо мучитель мучити его повелѣ, на желѣзной сковрадѣ огнемъ разженной жещи и за ногти иглы бити. И въ сицевыхъ мукахъ скончался. Тако же и единоколѣнныхъ братію его, Петра, Іоанна, княжатъ нарочитыхъ, погубилъ...

Потомъ убіенъ славный и между княжаты Русскими Михаилъ Воротынскій и Никита княжа Одоевскій, сродный его, со младенчики дѣтками своими—единъ аки седми лѣтъ, а другій мнѣйшій, и со женою его: всеродніѣ погублено ихъ, глаголютъ; его же была сестра, предреченная Евдокія святая, за братомъ царевымъ, Владиміромъ. А что же сему за вина была княжати Воротынскому? Негли тая точію: егда, по сожженію великаго славного мѣста Московского, многонароднаго, отъ Перекопскаго царя и по спустошенію, умилепномъ и жалостномъ ко слышанію, Русскія земли отъ безбожныхъ варваровъ, аки годъ единъ спустя, той же царь Перекопскій, хотяще уже до конца спустошити землю оную и самого того князя великаго выгнати изъ царства его, и поиде яко левъ кровоядецъ, рыкая, розиня лютую пащеку на пожреніе христіанъ. со всѣми силами своими бу

сурманскими: услышавъ же сіе, наше чудо забѣжалъ предъ нимъ въ Новгородъ великій, а того Михаила Воротынскаго поставилъ съ войскомъ, земли оныя боронити повелѣлъ. Онъ же съ тѣмъ сильнымъ звѣремъ басурманскимъ битву сведе, не далъ ему распростертися, царь же самъ едва въ орду утече...

Что же воздалъ за сію ему службу? Послушай, молю, прилежно прегорчайшія тоя и жалостныя ко слышанію трагедіи. Аки лѣто едино потомъ спустя, онаго побѣдоносца и оборонителя своего и всея Русскія земли изымати и связанна привести и предъ собою поставити повелѣ и обрѣтши единаго раба его, окрадшаго того господина своего (а мню, наученъ отъ него: бо еще тѣ княжата были на своихъ удѣлѣхъ, и велія отчины подъ собою имѣли; а колико тысящъ съ нихъ не чту воинства было слугъ ихъ; имъ же онъ зазрѣчи, того ради губилъ ихъ) и рече ему: «Се! на тя свидѣтельствуетъ слуга твой, иже мя еси хотѣлъ счаровати и добывалъ еси на меня бабъ шепчущихъ». Онъ же, яко княжа отъ младости своея святый, отвѣщалъ: «Не научихся, о царю, и не навыкохъ отъ прародителей своихъ чаровать и въ бѣсовство вѣрити; но Бога единаго хвалити, въ Троицѣ славимаго, и тебѣ, цареви, государю своему, служити вѣрнѣ. А сей клеветникъ, мой есть рабъ, и утече отъ меня, окравши мя, не подобаетъ ти сему вѣрити и ни свидѣтельства отъ таковаго пріимати, яко отъ злодѣя и отъ предателя моего, лжеклевещущаго на мя».

Он же абіе повелѣ, связанна положа на древо между двѣма огни, жещи мужа, въ роду паче же въ разумѣ и въ дѣлѣхъ, наисвѣтлѣйшаго; и притекша глаголютъ самого, яко начальнаго ката къкатомъ, мучившимъ побѣдоносца, и подгребающа угліе горящіе жезломъ своимъ проклятымъ подъ тѣло его святое.

Такожде и предреченнаго Одоевскаго Никиту мучити различнѣ повелѣлъ, ово срачицу его пронзикнувши въ перси его, тамо и овамо торгати: той же въ таковыхъ абіе мученіяхъ скончался. Онаго же преодолѣтеля славнаго, смученна и изженна огнемъ неповинѣ, наполы мертва и едва дышуща, въ темницу на Бѣлое озеро повести повелѣлъ; и отвезенъ аки три мили с того прелютаго пути на путь прохладный и радостный небеснаго восхожденія: ко Христу своему отъиде...

3. Изъ главы VII.

О побіеніи боярскихъ и дворянскихъ родовъ.

О великихъ пановъ родѣхъ, а по ихъ о боярскихъ, аще елико Господь памяти подастъ, покушусь написати...

В началѣ же мучительства своего, мудраго совѣтника своего Іоанна, глаголю Шереметева, о немъ же многажды въ кроницѣ воспомянухъ, мучилъ такою презлою узкою темницею, острымъ помостомъ приправленною, иже вѣрѣ неподобно, и оковалъ тяжкими веригами по выѣ, по рукамъ и по ногамъ, и къ тому еще и по чресламъ обручъ толстый желѣзный, и къ тому обручу десять пудовъ желѣза привѣсити повелѣлъ, и въ таковой бѣдѣ аки день и нощь мужа мучилъ. Потомъ пришелъ глаголати съ нимъ; ему же, наполы мертву сущу и едва дышущу, въ таковыхъ тяжкихъ оковахъ и на таковомъ остромъ помостѣ лежащу повержену, началъ между иными вопросы о семъ пытати его: «Гдѣ, рече, мнози скарбы твои? скажи ми. Вѣмъ бо, яко богатъ еси зѣло: бо не обрѣтохъ ихъ, ихъ же надѣялся въ сокровищницахъ твоихъ обрѣсти». Отвѣщалъ Іоаннъ: «Цѣлы, рече, сокровены лежатъ, идѣже уже не можешь достати ихъ». Онъ же рече: «Скажи ми о нихъ, аще ли не муки къ мукамъ приложу ти». Іоаннъ же отвѣща: «Твори, еже хощеши! Уже бо ми близъ пристанище». Царь же рече: «Повѣждь ми, прошу тя, о скарбѣхъ твоихъ». Іоаннъ отвѣща: «Аще бы и исповѣдалъ ти о нихъ, яко уже рекохъ, не можешь ихъ одержати: принесохъ бо ихъ убогихъ руками въ небесное сокровище,—ко Христу моему»...

Они же яша и приведоша его связанна предъ него въ кровопійственный градъ, глаголемый Слободу: Зверь же словесный, егда узрѣлъ его во ангельскомъ чину, абіе возопилъ, яко сущій ругатель тайнамъ христіанскимъ: «Ой, рече, ангелъ: подобаетъ ему на небо возлетѣти». И абіе бочку пороху, або двѣ, подъ одинъ срубецъ повелѣлъ поставить, и привязавши тамо мужа взорвати..

И что излишнѣ глаголю. Аще бы писалъ по родамъ и по именамъ ихъ, ихъ же памятую добрѣ, мужей оныхъ храбрыхъ и нарочитыхъ благородныхъ въ родѣхъ, и въ книгу пишучи, не вмѣстилъ бы. А что реку о тѣхъ, ихъ же памятью, немощи ради человѣческія, не объяхъ и забвеніе уже погрузило? Но имена ихъ въ книгахъ животныхъ лучше есть приснопамятны; а ни нынѣшнія ихъ

страданія незаовенныя предъ Богомъ, мздовоздаятелемъ благимъ и сердцевидцемъ тайныхъ всѣхъ испытателемъ...

4. Изъ главы VIII.
О страданияхъ священномучениковъ.

По умертвіи митрополита Московскаго Афанасія, или по изшествію его волею отъ престола, возведенъ бысть Филиппъ, Соловецкаго острова игуменъ, на архіепископскій престолъ Русскія митрополіи, мужъ, яко рѣхомъ, славна и велика рода, и отъ младости своея вольною мнишескою нищетою и священнолѣпнымъ жительствомъ украшенъ, въ разумѣ жъ крѣпокъ и мужественнѣйшъ. Егда же епископомъ поставленъ, тогда епископскими дѣлы начать украшатися, паче же апостольски по Бозѣ ревновати. Видѣвъ онаго царя, не по Бозѣ ходяща, всяческими кровьми христіанскими невинными обливаема, всякія неподобныя и скверныя дѣла исполняюща, началъ первѣе молити благовременнѣ, яко апостолъ великій рече, и безвременн належаѣти; потомъ претити страшнымъ судомъ Христовымъ, заклинающе по данной ему отъ Бога епископской власти, и глаголати не стыдяся о свидѣніяхъ Господнихъ такъ прегордому и прелютому безчеловѣчному царю. Онъ же многу съ нимъ брань воздвиже и на потвари презлые и сикованцы абіе устремился. О, неслыханныя вещи ко изглаголанію тяжки! Посылаетъ по всей святорусской землѣ ласкателей своихъ скверныхъ тамо и овамо рыщуще и обтичующе аки волцы разтерзатели отъ прелютѣйшаго звѣря посланные, ищуще и набывающе на святого епископа изметныхъ вещей; лжесвидѣтелей же многими дарами и великихъ властей обѣщаньми, гдѣ бы обрѣсти могли тамо и овамо обзирающе, со прилежаніемъ изыскуютъ...

Но собираетъ на святителя скверныя свои соборища іереевъ Вельзевулиныхъ и проклятое сонмище согласниковъ Кайяфиныхъ, и мируетъ съ ними, яко Иродъ съ Пилатомъ, и приходятъ вкупѣ со звѣремъ въ великую церковь, и садятся на мѣстѣ святѣ и повелѣваютъ... о! смрадящія и проклятыя власти!.. привести предъ ее епископа преподобнаго, во священныхъ одеждахъ облоченна, и поставляютъ лжеклеветателей, мужей скверныхъ, предателей своего спасенія... о! коль тяжко и умиленно ко изреченію!.. и абіе обдираютъ святительские одежды съ него, и катомъ отдаютъ въ руки святаго мужа, отъ младости въ добродѣтелехъ провозсіявшаго, и нага влекутъ изъ церкви, и посаждаютъ на вола... о! паки окаянный и скверный!.. и бичуютъ лютѣ, нещадно, тѣло, многими лѣты удрученное отъ поста, водяще по позорищамъ града и мѣста. Онъ же, боритель храбрый, всякія терпяще, яко не имущій тѣла, хвалами и пѣсньми, въ таковыхъ мученіяхъ, Бога благодаряще, безчисленныхъ же народовъ, плачущихъ горцѣ и рыдающихъ, священномученическою десницею своею благословяще.

Согласующій же во всемъ злостью прелютый звѣрь прелютѣйшему древнему дракону, губителю рода человеческаго, еще не насытился крови священномученика, а ни удовлился неслыханнымъ отъ вѣковъ безчестіемъ онымъ надъ преподобнымъ епископомъ: къ тому повелѣваетъ его по рукамъ и ногамъ и по чресламъ претягчайшими веригами оковати, и вовреши въ узкую и мрачную темницу мужа смученнаго, престарѣвшагося, въ трудѣхъ мнозѣхъ удрученнаго и немощнаго уже тѣла суща, и темницу о ную повелѣлъ твердыми заклепы и замки заключити, и согласниковъ своихъ въ злости къ темницѣ стражей приставилъ...

Потомъ, глаголютъ, епископа отъ мучителя заведенна во единъ монастырь, глаголемый Отрочь, во Тверской землѣ лежащій, и тамъ, глаголютъ его пецыи, пребыша мало не годъ цѣлый, и аки бы посылалъ до него и просилъ благословенія его, такожъ и о возвращеніи на престолъ его; онъ же, яко слышахомъ, отвѣщалъ ему: «Аще, рече, обѣщаешися покаятися о своихъ грѣсѣхъ и отгнати отъ себя оный полкъ сатанинскій, собранный тобою на пагубу христіанскую, сирѣчь кромѣшниковъ, або опришниковъ нарицаемыхъ: азъ, рече, благословлю тя и прощу, и на престолъ мой, послушаазъ тя, возвращуся. Аще ли же ни, да будеши проклятъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ и съ кромѣшники твоими кровоядными, и со всѣми согласующими тебѣ во злостяхъ»! И овши глаголютъ его въ томъ монастырѣ удавленна быти, за повелѣніемъ его, отъ единого прелютого и безчеловечнаго кромѣшника; а друзіи повѣдаютъ, аки бо во опомъ любимомъ его граду, глаголемомъ Слободѣ, еже кровьми христіанскими исполненъ. сожженна бысть на горящемъ углію. Ащелижъ сице, или сице: всяко священномученическимъ отъ Христа вѣнцемъ вѣнчанъ, его же измлада возлюбилъ, за него жъ и на старость пострадалъ...

А всѣмъ тѣмъ служители быша ласкатели его, со онымъ прелютымъ варваровъ полкомъ, нарицаемыхъ кромѣшниковъ, яко и предъ тѣмъ уже многажды о нихъ рѣхомъ: вмѣсто нарочитыхъ, доброю совѣстію украшенныхъ мужей, собралъ себѣ со всея тамошнія Русскія земли человѣковъ скверныхъ и всякими злостьми исполненныхъ, и къ тому еще обвязалъ ихъ клятвами страшными, и принудилъ окаянныхъ не знатись не токмо со други и братіями, а ни съ самыми родители, но точію во всемъ ему угождати и скверное его и кровоядное повелѣніе исполняти и на таковыхъ и паче тѣхъ прелютыхъ, ко крестному цѣлованію принуждаше окаянныхъ и безумныхъ...

5. Изъ главы IX. Заключеніе.

..О безумный и окаянный! забылъ еси прежде себя царей царствовавшихъ, и въ новомъ и въ ветхомъ завѣтѣ, паче же прародителей твоихъ, княжатъ Русскихъ святыхъ, ходящихъ по Христову узкому пути, сирѣчь мѣрнѣ и воздержнѣ живущихъ; но обаче царствующихъ блаженнѣ, яко и ты самъ въ покаянію былъ немало лѣтъ и добрѣ царствовалъ. А нынѣ, егда развратился еси и прельстился отъ ласкателей; тогда таковыя слевеса отрыгнулъ еси, избравши себѣ пространный антихристовъ путь, отринулъ отъ себя всѣхъ предобрыхъ и разумныхъ мужей, и собравши войско діаволе, сирѣчь похлѣбниковъ, и отовсюду злодѣевъ, во всѣмъ согласующихъ злостемъ твоимъ, нарицающесь церковникомъ погналъ церковь Божію.. и яко погналъ и коль страшно и прелюто! Иже рещи и выписати не возможно!.

Христіанскій, речешь, царь? И еще православный, отвѣщаю ти: христіановъ губилъ и отъ православныхъ человѣковъ рожденныхъ и ссущихъ младенцевъ не пощадилъ! Обѣщался, речешь, Христу на крещеніи, отрекшися діавола и всѣхъ дѣлъ и всѣхъ ангелъ его? Реку ти паки: поправши заповѣди Христа своего и отвергшися законоположенія евангельскаго, егда не явственно обѣщался діаволу и ангеломъ его, собравши воинство полковъ діавольскихъ и учинивши надъ ними стратилаты окаянныхъ своихъ ласкателей, и вѣдый волю Царя Небесного, произвелъ дѣломъ всю волю сатанинскую, показующе лютость неслыханную, никогда же бывшую въ Руси, надъ церковью живаго Бога! Не боится, а ни ужасается новыхъ боговъ? Глаголю ти: аще не боится новыхъ, но боится чаровъ, сирѣчь стараго и древняго Веліара, научившися и вѣдуще, иже знаменіемъ честного креста всеужасіе попирается и изгоняется. Къ тому, не яко ли у мучителей древнихъ различныя орудія мученій, такожъ и у нашего новаго? не сковряды ли и пещи? не бичеваніе ли жестокое и ногти острые? не клещи ли разженныя, торганія ради тѣлесъ человѣческихъ? не иголъ ли за ногти біеніе и рѣзаніе по составомъ? не претренія ли вервми наполы не токмо мужей, но и женъ благородныхъ, и другіе безчисленные и неслыханные роды мукъ, на неповинныхъ произведенные отъ него?.. Еще ли не мучитель прелютый!..

(Сказания князя Курбскаго, с. 37—147.)

---

56. Челобитная царя Ивана вел. кн. Симіону Бекбулатовичу.

(30 октября 1575 г.)

Великому князю Симіону Бекбулатовичу всеа Руссіи сю челобитную подалъ князь Иванъ Васильевичъ Московскій и дѣти его, князь Иванъ и князь Ѳедоръ Ивановичи Московскіе, а въ челобитной пишетъ:

Государю великому князю Симіону Бекбулатовичу всеа Русіи Иванецъ Васильевъ с своими дѣтишками сыванцомъ да с Ѳеодорцомъ челомъ бьютъ: чтобъ еси государь милость показалъ, ослободилъ людишокъ перебрать бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишокъ, иныхъ бы еси ослободилъ отослать, а иныхъ бы еси пожаловалъ ослободилъ принять, а съ твоими государевыми приказными людьми ослободилъ о людишкахъ памятьми ссылатися, а ослободилъ бы еси пожаловалъ изо всякихъ людей выбирать и принимать, и которыя намъ не надобны, и намъ бы тѣхъ пожаловалъ еси государь ослободилъ прочь отсылати.

И какъ государь переберемъ людишка, и мы къ тебѣ ко государю имяна ихъ списки принесемъ, и отъ того времени безъ твоего государева вѣдома ни одного человѣка не возмемъ, а которыхъ людишокъ примемъ, и ты бъ государь милость показалъ, вотчинишокъ у нихъ отнимать не велѣлъ, какъ прежъ сего велось у удѣльныхъ князей, а испомѣстишокъ

ихъ имъ хлѣбишко и денженка и всякое ихъ рухлядишко пожаловалъ велѣлъ отдати и людишокъ ихъ не ограбя велѣлъ выпустити, и которые похотятъ къ намъ, и ты бъ государь милость показалъ, ослободилъ ихъ быти у насъ безопально и отъ насъ ихъ имати не велѣлъ, а которые отъ насъ поѣдутъ и учнутъ тебѣ государю бити челомъ, и ты бъ государь пожаловалъ, милость показалъ по ихъ челобитью къ себѣ къ государю тѣхъ нашихъ людишокъ, которые учнутъ отъ насъ отходити, пожаловалъ не принималъ. Да покажи государь милость, укажи свой государской указъ, какъ намъ своихъ мелкихъ людишокъ держати, по нашихъ ли дьячишковъ запискамъ и по жалованьишку нашему, или велишь на нихъ полные имати, какъ государь указъ свой учинишь, и о всемъ тебѣ государю челомъ бьемъ: Государь смилуйся пожалуй.—

(С. Соловьев. Ист. Россин. Нов. изд., т. II., стр. 180—181, прим. 3).

---

57. Повѣсть о приходѣ царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Русіи самодержца, како казнилъ великій Новгородъ, еже опришина и розгромъ именуется.

(1570.)

(Изъ Третьей Новгородской Лѣтописи.)

Бысть посѣщеніе Божіе, Богу попустившу, и врагу дѣйствующу, грѣхъ ради нашихъ:—наущеніемъ зломысленныхъ богоотступниковъ, и злыхъ человѣкъ, вложиша во умъ и во уши царевы непріязненные и сопротивные глаголы, на архіепископа новгородскаго Пимина,—и на его владычныхъ бояръ, и на лутчихъ людей посадскихъ и именитыхъ,—еже о преданіи Великаго Новаграда иноплеменнымъ; и отъ сихъ ложныхъ глаголъ, ожесточися сердце царево гнѣвомъ и яростію великою на отчину свою Великій Новгородъ, и на вся люди, живущіе въ великомъ Новѣградѣ и въ окрестныхъ мѣстехъ около Великаго Новаграда.

Въ лѣто 7078 (1570) генваря во 2 день, государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Русіи, послалъ въ Великій Новгородъ, на предъ себя, изгономъ, предній полкъ свой, воеводъ и бояръ и князей и дѣтей боярскихъ, и всякихъ воинскихъ людей множество многое. Они же, пріѣхавъ, по повелѣнію цареву около всего Новаграда великія крѣпкія заставы учиниша со всякимъ утвержденіемъ, и повелѣша стражемъ крѣпко стрещи градъ, дабы ни единъ человѣкъ изъ града не убѣжалъ; а иные бояре и дѣти боярскіе того же передоваго полку повелѣніемъ государевымъ — розъѣхашася по монастыремъ, иже около Великаго Новаграда, и запечаташа монастырскіе церковные денежные казны, а игуменовъ и черныхъ поповъ и діаконовъ и соборныхъ старцевъ, изъ всѣхъ Новгородскихъ монастырей, взяша съ собою въ Великій Новгородъ, числомъ до пятисотъ человѣкъ старцевъ и болши, и всехъ поставиша на правежъ, до государева пріѣзду; а иные дѣти боярскіе того же передового полку собравши со всего Великаго Новаграда всѣхъ церквей поповъ и діаконовъ, и подаваша ихъ за приставы по десяти человѣкъ приставу, и повелѣша ихъ у себя держати крѣпко во узахъ желѣзныхъ, и по всякъ день повелѣша ихъ бити на правежѣ отъ утра и до вечера, а правити на нихъ числомъ по 20 рублевъ новгородскихъ, до искупу; а иные дѣти боярскіе того же передоваго полку по всѣму Вел. Новугороду, по улицамъ, у всѣхъ приходскихъ церквей подцерковныя и домовныя палаты, у именитыхъ людей у новгородцевъ со имѣніемъ ихъ печаташа, и многіе стражи приставиша крѣпко стрещи, до государева пріѣзду; а иные дѣти боярскія, повелѣніемъ государевымъ, во градѣ гостей и приказныхъ людей государевыхъ именитыхъ и торговыхъ людей, переимаша и передаваша ихъ по приставомъ держати крѣпко во оковахъ желѣзныхъ, а домы ихъ и имѣнія запечаташа, а женъ ихъ и дѣтей повелѣша стражемъ стрещи до государеву пріѣзду и указу.

Того же лѣта, генваря въ 6 день, на вечеръ въ самый праздникъ въ пятокъ, пріѣхалъ въ Великій Новгородъ государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Русія, а съ нимъ сынъ его Іоаннъ Іоанновичъ, и князей, и бояръ, и дѣтей боярскихъ многіе полки, и прочихъ воинскихъ людей множество, да съ нимъ же государемъ тысяча пятсотъ стрѣлцовъ московскихъ; и пріѣхавъ, сталъ со всѣми силами на Торговой сторонѣ, на Городищи отъ града отъ посаду два поприща.

А въ другій день, въ суботу, повелѣ государь игуменовъ и черныхъ священниковъ, и дьяконовъ, и соборныхъ старцевъ, которые прежде его поиманы въ передовомъ полку и поставлены на правежъ, — избивати ихъ палицами на смерть, и бивъ ихъ, повелѣ когождо въ свой монастырь развозити и погребати.

А въ недѣлю, въ 8 день, поѣхалъ государь, съ всѣми своими полки въ Новгородъ къ Софіи Премудрости Божія къ обѣдни, и встрѣчалъ его государя, по обычаю царскому, и по закону, со кресты и съ чудотворными иконами, арх. Новгородскій Пиминъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, у Чудного креста на Волховскомъ мосту, и хотяше его благословити (по обычаю царскому), крестомъ оградити, и сына его, и государь ко кресту не пошелъ, ни сынъ его; а говорилъ государь архіепископу Пимину:

— Ты, убо, злочестиве, имѣеши въ руцѣ своей не крестъ животворящій, но вмѣсто креста оружіе, и симъ убо оружіемъ и зломысліемъ своимъ, и съ своими старцы и единомысленники града сего жители хощете нашей царской державы отчину нашу Великій Новгородъ предати иноплеменникомъ, королю польскому Жигимонту Августу; отселе, убо, впредь не нарѣчешися пастырь и учитель и сопрестолникъ великія церкви св. Софіи Премудрости Божія, но волкъ и хищникъ и губитель нарѣчешися, и измѣнникъ, нашему царскому багру и вѣнцу досадитель.

И таковая яростная словеса изглаголавъ, повелѣ архіепископу со кресты итти въ церковь св. Софіи и литургію служити, со всѣмъ освященнымъ соборомъ; и самъ государь, съ царевичемъ и со князи и съ бояры своими и со всѣми служилыми людми, пойде въ слѣдъ святыхъ иконъ чудотворныхъ къ Премудрости Божіи Софіи и слушалъ обѣдню, и пошелъ ко арх. Пимину въ столовую полату хлѣба ясти, со всѣми воинскими полки и людми.

И какъ государь сѣлъ за столъ и почалъ ясти, и вскорѣ ничтоже помедливъ возопилъ гласомъ великимъ съ яростію бояромъ своимъ царскимъ ясакомъ:—и въ той часъ повелѣ государь архіепископлю казну и дворъ его владычень и всѣ полаты и клѣти пограбити, и бояръ его владычныхъ и всѣхъ слугъ его, до указу своего, въ крѣпи держати, а самого владыку Пимина повелѣ ограбити и за сторожи отдати, и повелѣ крѣпко стрещи его, и давати ему изъ казны на всяко день по двѣ денги на кормъ; а дворецкому своему Льву Андрѣевичу Салтыкову, и протопопу Евстафію, и прочимъ бояромъ своимъ, повелѣ государь итти въ соборную церковь св. Софіи, и взяти ризную казну и прочія драгія освященныя вещи церковныя, и св. Корсунскія иконы, ризы и колокола, и по всѣму Вел. Новуграду и около Новаграда по монастыремъ и по всѣмъ церквамъ, казну и иконы и прочія драгія освященныя вещи и колокола повелѣ такожде имати.

Самъ же государь съ царевичемъ поѣде на Городище, и пріѣхавъ повелѣ приводити изъ Вел. Новаграда владычныхъ бояръ и иныхъ многихъ служилыхъ людей и женъ ихъ и дѣтей, и повелѣ ихъ предъ собой горце и люте и безчеловѣчне различными муками мучити.

И по многихъ неисповѣдимыхъ горкихъ мукахъ, повелѣ государь тѣлеса ихъ нѣкою составною мукою огненною поджигати, и своимъ дѣтемъ боярскимъ повелѣ тѣхъ мученыхъ людей за руки и за ноги и за головы различно тонкими ужи привязывати по человѣку къ санемъ конскимъ, и быстро влещи за санми на великій Волховскій мостъ, и повелѣ ихъ съ мосту мѣтати въ рѣку Волховъ; а женъ ихъ и дѣтей, мужскій полъ и женскій, младенцы съ сущими млекопитаемыми, и всякъ возрастъ, повелѣ государь привозити на Волховскій мостъ и возводити на высоту, иже па то устроена бысть, и вязаху за руки и за ноги опако назадъ, а младенцевъ къ матеремъ вязаху, и съ великія высоты повелѣ государь мѣтати ихъ въ рѣку Волховъ; а иные дѣти боярскіе и воинскіе люди, въ то время, въ малыхъ судехъ ѣздяху по Волхову со оружіемъ и съ рогатинами, и съ копьи, и съ топоры, и съ багры—и кто всплыветъ наверхъ воды, людей они прихватывая багры, людей копьи и рогатины прободающе и топоры сѣкуще, во глубину безъ милости погружаху, предающе горцей смерти.

И таково горе и мука бысть, отъ неукротимыя ярости царевы, паче же отъ Божія гнѣва грѣхъ ради нашихъ, яко на пять недѣль и болши—по вся дни въ воду вмѣташа всякаго возраста человѣкъ до тысячи па день, а иного дни и до полуторы тысящи, а тотъ убо день

благодаренъ, коего дни ввергнутъ въ году пятьсотъ или шестьсотъ человѣкъ.

И по скончаніи того, государь, съ своими воинскими людми, начать ѣздити около В. Новаграда по монастыремъ: повелѣ грабити церковныя и монастырскія казны, и кельи, и служебныя монастырскіи домы и всякіе обиходы, а еже въ житницахъ и на поляхъ въ скирдахъ стоячей не молоченой хлѣбъ—повелѣ огнемъ сожигати, а скотъ всякой, лошади и коровы, повелѣ посѣкати.

Потомъ пріиди во градъ со многимъ воинствомъ и по всѣмъ торгамъ у торговыхъ людей въ лавкахъ всякіе товары повелѣ грабити, и лавки разсѣкати, и до основанія разоряти.

По семъ же государь со всѣми воинскими людми поѣхалъ по всѣму граду, и по всѣмъ посадомъ и повелѣ у всѣхъ градскихъ жителей во всѣхъ домѣхъ и въ подцерковіяхъ и въ полатахъ, имѣнія ихъ грабити и самыхъ мужей и женъ безъ пощаденія и безъ остатка бити и грабити дворы ихъ и въ хоромахъ окна и ворота повелѣ высѣкати.

Въ то же время повелѣ государь своихъ князей и бояръ опричь воинскихъ людей разослати около В. Новаграда на всѣ четыре стороны во вся пятины по станомъ и по волостямъ и по всѣмъ мѣстамъ отъ В. Новаграда верстъ за 200 и за 300 и болши и повелѣ домы ихъ грабити и всячески расхищати и скотъ ихъ убивати безъ пощаденія.

И бысть того колебанія и кровопролитія В. Новуграду и около Новаграда безпрестано шесть недѣль.

И того же 7078 году февраля въ 13 день на второй недѣли Великаго поста въ понедѣльникъ повелѣ государь оставшихъ новгородцевъ изъ всякой улицы по человѣку поставити предъ собою. Они же сташа дряхли и унылы, отчаявшеся живота своего, и стояху яко мертвы. Государь же, воззрѣвъ на нихъ кроткимъ милостивымъ окомъ, глагола имъ:

— Мужіе Новгородстіи, вси, оставшися милостію всесильнаго Господа Бога и пречистыя его Матери и всѣхъ святыхъ его — молите о чашемъ царскомъ благочестивомъ державстве, и о чадехъ нашихъ Іоанне и Ѳеодоре, и о всѣмъ нашемъ христолюбивомъ воинствѣ, чтобъ намъ Богъ даровалъ свыше победу и одолѣніе на вся видимыя и невидимыя враги наша и сопостаты; и судитъ Богъ общему измѣннику нашему и вашему — новгородскому арх. Пимину и его злымъ совѣтникамъ и единомысленникомъ, и вся та кровь взыщется на измѣнникахъ, еже проліяна бысть;—вы же о семъ ныне не скорбите, и живите в градѣ семъ благодарно; се убо оставляю вамъ во градѣ семъ правителя боярина и воеводу князя Петра Даниловича Пропскаго.

И сія рекъ, отпусти ихъ во свояси, а самъ пойде съ царевичемъ и со князи своими и бояры и со всѣю силою во Псковъ.

А владыку новгородскаго и поповъ и дьяконовъ, которые не искупилися отъ правежу, и прочихъ досталныхъ людей новгородцевъ опалныхъ людей—повелѣ отослати за приставы въ Александрову Слободу, до своего царского пріѣзду; и пріѣхавъ къ Москвѣ, повелѣ со владыки святительскій санъ снятии въ заточеніе посла въ Монастырь на Рязань къ Николаю чудотворцу на Деневу,—онъ же не по мнозе времени тамо и преставися; а прочихъ новгородцевъ, опалныхъ людей, по многомъ испытаніи, повелѣ по инымъ градамъ розсылати на жительство.

(П. С. Р. Л. томъ III.)

---

58. Духовное завѣщаніе Царя Іоанна Васильевича.

(1572—78.)

Во имя Отца и Сына и святаго Духа, святыя и живоначальныя Троицы, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь, и по благословенію отца нашего Антонія митрополита всея Росіи. Се азъ многогрѣшный и худый рабъ Божій Іоаннъ пишу сіе исповѣданіе, своимъ цѣлымъ разумомъ. Но понеже разума нищетою содержимъ есмь, и отъ убогаго дому ума моего не могохъ представити трапезы пищи ангельскихъ словесъ исполнены, понеже умъ убо острупися, тѣло изнеможе, болѣзнуетъ духъ, струпи тѣлесны и душевны умножишася, и не сущу врачу исцѣляющему мя, ждахъ, иже со мной поскорбитъ, и не бѣ, утѣшающихъ не обрѣтохъ; воздаша ми злая во благая, и ненависть за возлюбленіе мое...

Се заповѣдую вамъ, да любите другъ друга, и Богъ мира да буди съ вами, аще бо сія сохрани-

те, и вся благая достигнете; вѣру къ Богу твердо и непостыдну держите, и стойте, и научитеся божественныхъ догматовъ, како вѣровати, и како Богу угодная творити, и въ каковѣ оправданіи предъ нелицемѣрнымъ Судіею стати: то всего болше. Знайте православную христіанскую вѣру, держите крѣпко, за нее страждите крѣпко и до смерти. А сами живите въ любви, а воинству поелику возможно навыкните А какъ людей держати и жаловати, и отъ нихъ беречися, и во всемъ ихъ умѣти къ себѣ присвоивати, и вы бъ тому навыкли же; а людей бы есте, которые вамъ прямо служать, жаловали и любили ихъ, ото всѣхъ берегли, чтобы имъ изгони ни отъ кого не было, и онѣ прямѣе служать; а которые лихи, и вы бъ на тѣхъ опалы клали не вскорѣ, по разсужденію, не яростію. А всякому дѣлу навыкайте, и божественному, и священническому, и иноческому, и ратному, и судейскому, Московскому пребыванію и житейскому всякому обиходу, и какъ которые чины ведутся здѣсь и въ иныхъ государствахъ, и здѣшнее государство съ иными государствы что имѣетъ: то бы есте сами знали. Также и во обиходѣхъ во всякихъ, какъ кто живетъ, и какъ кому пригоже быти, и въ каковѣ мѣрѣ кто держится, тому бъ есте всѣму научены были: ино вамъ люди не указываютъ, вы станете людямъ указывати, а чего сами не познаете, и вы не сами станете своими государствы владѣти, а людьми. А что по множеству беззаконій моихъ, Божію гнѣву распростершуся, изгнанъ есмь отъ бояръ, самоволства ихъ ради, отъ своего достоянія, и скитаюся по странамъ, аможе Богъ когда не оставитъ, и вамъ есми грѣхомъ своимъ бѣды многія нанесены: Бога ради не пренемогайте въ скорбѣхъ, возвержите на Господа печаль свою и той васъ препитаетъ...

И были бы есте, ты Иванъ и Ѳедоръ, по моему наказу, оба заединъ и во всемъ бы себя берегли и жили по Бозѣ во всякихъ дѣлахъ; и хотя, по грѣхомъ, што и на ярость пріидетъ въ междоусобныхъ браняхъ, и вы бы творили, по Апостолу Господню: правду и равненіе давайте рабомъ своимъ, послабляюще прощенія, вѣдяще, яко и вамъ Господь есть на небесѣхъ; такъ бы и вы дѣлали во всякихъ опалахъ и казнѣхъ, какъ гдѣ возможно, по разсужденію на милость претворяли и оставливали часть душамъ своимъ, яко долготерпѣнія ради отъ Господа милость пріимите, якоже индѣ речено есть: «подобаетъ убо царю три сія вещи имѣти, яко Богу не гнѣватися, и яко смертну не возноситися, и долготерпѣливу быти къ согрѣшающимъ». Сице аще о Бозѣ благо поживете, и приложатся вамъ лѣта живота. Насъ же родителей своихъ и прародителей, не токмо что въ государствующемъ градѣ Москвѣ или индѣ гдѣ будете, но аще и въ гоненіи и во изгнаніи будете, во божественныхъ литургіяхъ, и въ панихидахъ и въ литіяхъ, и въ милостыняхъ къ нищимъ и препитаніяхъ, елико возможно не забывайте...

А будетъ Богъ помилуетъ, и государство свое доступите и на немъ утвердитеся, и азъ благословляю васъ: ты сынъ Ѳедоръ, держи сына моего Ивана въ мое мѣсто отца своего, и слушай его во всемъ; а ты сынъ мой Иванъ, держи сына моего Ѳедора, а своего брата молодшаго, безъ обиды, и буди ему во всемъ въ мое мѣсто...

(Доп. къ А. И., т. I., № 222.)

59. Пѣсня о Грозномъ.

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозной Царь,
Что Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичь
Какъ ходилъ онъ подъ Казань городъ,
Подъ Казань городъ и подъ Астрахань:
Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ царя и съ царицею;
Выводилъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Ново-города;
И тутъ ли Царь похваляться сталъ,
Что вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Нова-города:
«Ахъ, какъ бы вывесть измѣну изъ каменной Москвы!»
Что взговоритъ Малюта злодѣй Скурлатовичь:
«Ахъ ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичь!
Не вывесть тебѣ измѣнушки до вѣку:
Сидитъ супротивникъ супротивъ тебя,
Онъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,
Цвѣтное платье носитъ съ одного плеча!»
И тутъ Царь догадается
На царевича злобно осержается,
Что возговоритъ Грозной Царь Иванъ Васильевичь:
«Ах вы гой еси, князья и бояра!
Вы берите царевича подъ бѣлы руки,

Поведите во палату особую,
Вы снимайте съ него платье цвѣтное,
Надѣвайте на него платье черное,
Поведите его па болото жидкое,
На тое ли лужу поганую,
Вы предайте его скорой смерти!»
Всѣ бояре испугалися,
Изъ палаты вонъ разбѣжалися,
Большой за меньшова хоронятся:
Одинъ остался Малюта злодѣй:
Онъ бралъ царевича за бѣлы руки
Повелъ во палату особливую,
Снималъ съ него платье цвѣтное,
Надѣвалъ на него платье черное,
Повелъ на болото на жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.
Провѣдалъ слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакалъ къ Никитѣ Романычу,
Какъ кричалъ онъ громкимъ голосомъ.
«Гой еси, ты батюшка, Никита Романовичь!
Ты пьешь и ѣшь—прохлажаешься,
Надъ собой кручинушки не вѣдаешь:
Упадаетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску ярова,—
Не становятся у насъ млада царевича!»
Никита Романовичь испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачетъ на болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую;
Ударилъ онъ Малюту по щекѣ:
— «Ты Малюта, Малюта Скурлатовичь!
Не за свой ты кусъ примаешься:
Ты этимъ кусомъ подавишься!»
Онъ бралъ царевича за бѣлы руки
И повелъ его куда надобно.
Что возговоритъ Грозной Царь:
«Ахъ вы гой еси, князья мои и бояре!
Надѣвайте на себя платье чеоное,
Собирайтеся ко заутренней,
Слушать по царевичѣ понихиду·
Я васъ, бояре, всѣхъ въ котлѣ сварю».
Всѣ бояре испугалися,
Надѣвали они платье черное,
Собирались ко заутренней,
Слушать по царевичѣ понихиду.
Пріѣхалъ Никита Романовичь,
Нарядился въ платье цвѣтное,
Привелъ съ собой млада царевича
И поставилъ за дверьми сѣверны.
Что взговоритъ Грозной Царь:
«Ахъ ты гой еси, Никита Романовичь!
Что въ глаза ли ты мнѣ насмѣхаешься?
Какъ упала звѣзда поднебесная,
Что угасла свѣча воску яраго:
Не стало у меня млада царевича».
Что возговоритъ Никита Романовичь:
— «Ахъ ты гой еси, надежа, православный Царь!
Мы не станемъ пѣть по царевичѣ попихиду
А станемъ пѣть молебенъ заздравный мы!»
Онъ бралъ царевича за бѣлу руку,
Выводилъ изъ сѣверныхъ дверей.
Что возговоритъ Грозной Царь:
— «Ты Никита, Никита Романовичь!
Еще чѣмъ мнѣ тебя пожаловать?
Или тебѣ полцарства дать,
Или тебѣ золотой казны сколько надобно?»
— «Ахъ ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичь!
Не надо мнѣ полцарства, ни золотой казны.
Только дай ты мнѣ злодѣя Скурлатова:
Я сведу на то болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.
Что возговоритъ Царь Иванъ Васильевичь:
«Еще вотъ тебѣ Малюта злодѣй,
И дѣлай съ нимъ, что хочешь ты!»

(Песни, собр П Киреевским, вып. 6.)

XIII. Крестьяне.

60. Уставная грамота

Соловецкаго монастыря села Пузырева крестьянамъ.

(1561 маія 2.)

Благословеніе Филиппа игумена Соловецкого монастыря яже о Христѣ съ братьею, въ Бѣжецкой Верхъ, въ Мещерской станъ, въ село въ Николское Пузырево, крестьяномъ на нимъ, селчаномъ и деревеньщикомъ, лутчимъ и середнимъ и молодымъ и всѣмъ безъ омѣны. Прислали есте къ намъ бити челомъ Николского села крестьянина Ивана Клевцева о томъ, что будтосе на васъ наши приказщики емлютъ нашъ оброкъ и пошлины не по нашимъ жаловалнымъ грамотамъ и не по

окладу, и дѣла дѣлати велятъ, не по уложенію, черезъ нашъ окладъ...

И язъ, игуменъ Филиппъ, о томъ съ братьею соборовавъ, васъ благословилъ есмя и пожаловали: впередъ приказщикомъ своимъ ходити у васъ велѣли по сей нашей жаловалной грамотѣ, и по окладу. Имати у васъ оброкъ хлѣбной, съ тридцати вытей и съ трехъ вытей, на годъ съ выти по четыре четверти ржы да четыре четверти овса, въ новую мѣру въ Городецкую; да съ тѣхъ же вытей на годъ съ выти, на Оспожинъ день, по сыру по сухому, а нелюбъ сыръ и за сыръ двѣ денги; да въ осень, на Покровъ святѣй Богородици по пятидесятъ яицъ да по хлѣбу да по калачу. А пашню пахати на монастырь въ селѣ Николскомъ, а сѣяти сѣмяны монастырьскими, съ выти по четверти ржы да по двѣ четверти овса, и всее пашни пахати на монастырь, сѣяти въ полѣ тридцать четвертей и три четверти ржы, а овса шестьдесятъ четвертей и шесть четвертей; а похощетъ приказщикъ сѣяти пшеницу, или жито, или горохъ, или гречу, или ленъ, и крестьяномъ то пахати, на которыхъ десятинахъ приказщикъ излюбитъ. Такоже волостью на приказщика, и на слугу, и на доводчика, крестьяномъ рожь на хлѣбы и солодъ на квасы молоти. Да съ тѣхъ же съ вытей, съ выти, привозити на монастырьской дворъ по два возы дровъ да полѣненыхъ, по третьему возу съсновыхъ дровъ на квасы, да по десяти полѣнъ лучины, такожъ крестьяномъ. А повозъ везти къ Вологдѣ съ выти по лошади, а на лошади везти по четыре четверти ржы, а овса по шти четвертей; а съ Вологды везти въ село въ Николское или на Городецко, или на Кіасову Гору, на тѣхъ же конѣхъ на выть по полутретьядцати пудовъ соли; а пшеница, и горохъ, и сѣмя, и крупа запарная, и толокно, класти противъ ржы, а солодъ и грѣчневая крупа класти на лошадь по пяти четвертей; а случится повозъ везти къ Москвѣ, или на Бѣлоозеро, или ближе Вологды, или далѣ Вологды, и крестьяномъ съ приказщикомъ въ томъ счетъ противъ Вологды; а не лучится крестьяномъ которого году повозу везти, ино на нихъ взяти за подводу по четыре гривны Московскую.

Такожъ и доводчику имати своя пошлина съ тѣхъ же вытей, съ тридцати вытей и съ трехъ вытей, съ выти праздничныхъ кормовъ: на Великъ день двѣ денги Московская, а на Петровъ день такоже двѣ денги Московская; а на Рожество Христово четыре денги Московская; да съ тѣхъ же вытей доводчику на годъ съ выти по два алтына, то ему и осенчина, и всего доводчикова доходу на годъ съ выти по гривнѣ по Московской; да доводчику же въѣзжего, на всякой годъ, съ всякого дыма по двѣ денги, а кого дастъ на поруку доводчикъ въ селѣ, и ему имати хоженого денга Московская, а по кого поѣдетъ въ волость на поруку давати, и ему имати ѣзду на версту по денгѣ по Московской, а на правду съ суда вдвое.

Такожъ есмя вас благословилъ и пожаловали о судѣ и о пошлинахъ: судити приказщику, а съ ним быти въ судѣ священнику да крестьяномъ пятма или шестмя добрымъ и середнимъ, а на виноватом имати пошлина съ рубля по алтыну; а лучится приказщику ѣхати на межу или на протраву, или кого лучится послати, и на виноватомъ взяти за боранъ алтынъ, и доводчику имати ѣзду на версту по денгѣ, а на правду съ суда вдвое. Случится у кого свадба, выдастъ за волость дочерь, и приказщику куница десять денегъ, да съ отводинъ хлебъ да колачь, а доводчику двѣ денги; а женитъ сына, и приказщику алтынъ новоженой да хлѣбъ да колачь, а доводчику двѣ же денги. А лошадь или корову продастъ за волость, или мѣнит за волостью, и съ лошади и съ коровы явки по московкѣ; а межъ собя купятъ или мѣняют, и приказщику не имати ничего...

А дворъ монастырьской и гумно крестьяномъ подѣловати, и которые хоромины пристарѣютъ, и въ тѣхъ хоромъ мѣсто новые хоромы ставити. И приказщика слушати во всемъ, и на монастырьское дѣло ходити на солнечномъ всходѣ, какъ десяцкой вѣсть подастъ; а кто не придетъ, на томъ заповѣди приказщику двѣ денги, а доводчику съ десяцкимъ двѣ денги; а коли приказщикъ позоветъ на монастырьское дѣло крестьянъ въ честь, сверхъ урочного дѣла, и кто придетъ, и приказщику тѣх людей кормити монастырьскимъ хлѣбомъ. А у которыхъ крестьянъ въ поляхъ рощици, и имъ тѣх рощицъ беречи, а на дрова и на жерды къ изгородамъ не сѣчи; а кому понадобится столпъ, или подпоръ, или перекладъ, и имъ сѣчи тотъ запазъ доложа приказщика; а кто учнетъ сѣчи безъ докладу, и на томъ взяти заповѣди приказщику полполтины на монастырь...

Такожъ есмя васъ благословилъ и пожаловали; впередъ кому будетъ вамъ дѣло до доводчика, или до монастырьскихъ слугъ, и язъ велѣлъ на нихъ вамъ управу давати приказщикомъ въ селѣ въ Пузыревѣ; а будетъ приказщику не мочно учинити управы въ чемъ, и будетъ и мочно въ чемъ управа учинити, а приказщикъ не учнетъ управы давати, и вы къ намъ пишити на приказщиковъ, и мы вамъ управу дадим на приказщиковъ.

(Пам. по ист. крестьянъ, изд. Н. Клочкова. № 22.)

---

61. Указъ о бѣглыхъ крестьянахъ.

1597 г. ноября 24.

Лѣта 7106 Ноября въ 24 день, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи указалъ, и бояре приготорили:

Которые крестьяне изъ за бояръ и изъ за дворянъ и изъ за приказныхъ людей и изъ за дѣтей боярскихъ и изъ за всякихъ людей, изъ помѣстей и изъ вотчинъ, и изъ Патріарховыхъ и изъ Митрополичьихъ и изъ владычнихъ и изъ монастырьскихъ вотчинъ выбѣжали до нынѣшняго 106 году за пять лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они выбѣжавъ живутъ, тѣмъ помѣщикомъ, изъ за кого они выбѣжали, и Патріаршьимъ и митрополичьимъ и владычнимъ дѣтемъ боярскимъ и монастырскихъ селъ приказщикомъ и служкомъ, давати судъ и сыскивати накрѣпко всякими сыски, и по суду и по сыску тѣх бѣглыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ.

А которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 году лѣтъ за шесть и за семь и за десять и болши, а тѣ помѣщики и вотчинники, изъ за кого они выбѣжали... на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣх помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ они изъ за нихъ выбѣжавъ живутъ, до нынѣшняго 106 году, лѣт за шесть и за семь и за десять и болши, Государю Царю не бивали челом: и Государь указалъ и бояре приговорили: на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ они выбѣжавъ живутъ, суда не давати, и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не вывозити.

(Памятники по ист. крестьянъ, изд. Н. Клочкова, № 32.)

---

62. Память окольничему Морозову.

О выходѣ крестьянскомъ.

1601 г. ноября 28.

Лѣта 7110 Ноября въ 28 день, по Государеву Цареву и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи указу, память околничему Василью Петровичу Морозову.

Въ нынѣшнемъ во 110 году, великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи и сын его великій Государь Царевичъ Князь Ѳедор Борисовичъ всеа Русіи пожаловали, во всем своемъ государствѣ отъ налога и отъ продажъ велѣли крестьяномъ давати выходъ. А отказывати и возити крестьянъ дворяномъ, которые служатъ изъ выбору, и жилцом, дѣтемъ боярскимъ городовымъ, и Болшого Дворца дворовымъ людемъ всѣхъ чиновъ, ключникомъ, стряпчимъ, ситникомъ, подключникомъ, Копюшенпого приказу приказщикомъ и конюхомъ стремяннымъ и стряпчимъ, ловчего пути охотникомъ и коннымъ псаремъ, сокольничья пути кречетникомъ и соколникомъ и ястребникомъ, трубникомъ и сурначеемъ... и всѣхъ приказовъ подъячимъ, и Стрѣлецкого приказу сотникомъ стрѣлецкимъ и головамъ казачьимъ, и Посольского приказу переводчикомъ и толмачемъ, и патріаршимъ и митрополичимъ и епископьимъ приказнымъ людемъ, дѣтемъ боярскимъ, промежъ себя. А срокъ крестьяномъ отказывати и возити Юрьевъ день осепнего, да послѣ Юрьева дня двѣ недѣли. А пожилого крестьяномъ платити за дворъ по рублю по два алтына.

А въ дворцовые села и въ черныя волости, и за Патріарха, и за Митрополиты, и за Архіепископы, и за владыкы, и за монастыри, и за бояръ, и за околничихъ, и за дворянъ болшихъ, и за приказныхъ людей и за дьяковъ, и за столниковъ, и за стряпчихъ, и за головъ стрѣлецкихъ, и изъ за нихъ въ нынѣшнемъ во 110 году, крестьянъ возити не велѣти. А въ Московскомъ уѣздѣ всѣмъ людемъ промежъ себя, да изъ иныхъ

городовъ въ Московской уѣздъ потому жъ крестьянъ не отказывати и не возити. А которым людемъ промежъ себя крестьянъ возити, и тѣ возити межъ себя одному человѣку изъ за одного же человѣка, крестьянина одного или дву, а трехъ или четырех одному изъ за одного никому не возити.

(Памятники по ист. крестьян, изд. Н. Клочкова, № 33.)

---

63. Царская грамота

Новгородскому воеводѣ князю Буйносову-Ростовскому, о выходѣ крестьянскомъ.

1602 г. ноября 24.

Отъ Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи, въ нашу отчину въ Великій-Новгородъ, воеводѣ нашему князю Василію Ивановичу Буйносову-Ростовскому, да дьяку нашему Второму Поздѣеву.

Указали есмя всего нашего Московскаго царства дѣтемъ боярскимъ, и иноземцомъ всякимъ, и жилцомъ нашимъ, и сына нашего Царевича Князя Ѳедора Борисовича всеа Русіи жилцомъ же, и нашимъ дворовымъ людемъ всѣхъ чиновъ, и конюхомъ, и охотникомъ, и псаремъ, и кречетникомъ, и соколникомъ, и ястребникомъ, и трубникомъ, и дѣтемъ боярскимъ нашія Царицы и Великія Княгини Марьи Григорьевны всеа Русіи, и всѣхъ приказовъ подьячимъ, — промежъ себя крестьянъ отказывати и возити по томужъ, как и въ прошломъ въ 110 году, въ Юрьевъ день осенней да послѣ Юрьева дни двѣ недѣли.

И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ въ Новѣгородѣ на посадѣ и во всѣхъ пятинахъ въ сельскихъ торжкѣхъ велѣли биричу кликати не по одинъ день: которые крестьяне похотятъ изъ за кого итти во крестьянежъ, и тѣбъ всѣ люди промежъ себя отказывали и возили, по сему нашему указу, въ Юрьевъ день да послѣ Юрьева дни двѣ недѣли, по томужъ, какъ въ прошломъ во 110 году; а изъ за которыхъ людей учнутъ крестьянъ отказывати, и тѣбъ люди крестьянъ изъ за себя выпускали со всѣми ихъ животы, безо всякія зацѣпки, и во крестьянской бы возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей не было, и силно бы дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали и продажъ имъ ни которыхъ не дѣлали; а кто учнетъ крестьянъ грабити и изъ за себя не выпускати, и тѣмъ отъ насъ быти въ великой опалѣ; одноличнобъ есте берегли того накрѣпко, чтобъ во крестьянскомъ отказѣ и въ вывозкѣ ни у кого ни съ кѣм зацѣпокъ и задоровъ и боевъ не было; а что въ 110 году, по нашему указу, патріаршимъ, и митрополичьимъ, и архіепископлимъ, и владычнимъ, и монастырскимъ, и бояръ нашихъ и дворянъ большихъ и приказныхъ людей и дьячимъ приказщикомъ промежъ себя крестьянъ отказывати и возити не велѣно, и выбъ и нынѣ биричу велѣли кликати, чтобъ они промежъ себя и у стороннихъ людей никто ни закого въ нынѣшнемъ 111 году крестьянъ не возили, а изъ за нихъ бы крестьянъ не возилъ никто жъ; а возилибъ крестьянъ промежъ себя тѣ всѣ люди, которымъ велѣно возити въ 110 году; а пожилогобъ платили за дворъ рубль и два алтына, а иныхъ бы продажъ крестьяномъ не дѣлали никто ни въ чемъ.

Писанъ на Москвѣ, лѣта 7111 Ноября въ 24 день.

(Памятники ист. крестьян, изд. Н. Клочкова, № 34.)

---

64. Память Новгородскимъ пятиконецкимъ старостамъ,

о выходѣ крестьянскомъ.

1602 г. ноября 30.

Лѣта 7111 Ноября въ 30 день, по Государеву Цареву и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи указу, память Ноугородскимъ пятиконецкимъ старостамъ, гостю Ѳедору Прокофьеву да Максиму Сапожнику съ товарыщи. Писалъ Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи въ Великій Новгородъ, къ воеводѣ, ко князю Василью Ивановичу Ростовскому-Буйносову да къ дьяку ко Второму Поздѣеву, съ Старичаниномъ съ Ильею съ Мусинымъ, Ноября въ 29 день:

Указалъ Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи всего своего Государева Московского царства дѣтемъ боярскимъ, и иноземцомъ всякимъ, и жилцомъ своимъ Государевымъ, и его Царского Величества сына Царевича Князя Ѳедора Борисовича всеа Русіи жилцомъ же, и своимъ Государевымъ дворовымъ людемъ

всѣхъ чиновъ, и конюхомъ, и охотникомъ, и псаремъ, и кречетникомъ, и соколникомъ, и ястребникомъ, и трубникомъ, и дѣтемъ боярскимъ Государыни Царицы и Великія Княгини Марьи Григорьевны всеа Русіи, и всѣхъ приказовъ подъячимъ, промежъ себя крестьянъ отказывати и возити, по томужъ, какъ и въ прошломъ во 110 году, въ Юрьевъ день осенней да послѣ Юрьева дни двѣ недѣли.

И пятикопецкимъ старостамъ, гостю Ѳедору Прокофьеву да Максиму Сапожнику съ товарыщи тотчасъ въ Великомъ Новѣгородѣ на посадѣ велѣти его память вычитати всѣмъ людемъ вслухъ и биричу велѣти кликати по всѣмъ торгомъ не по однымъ день: которые крестьяне похотятъ изъ за кого итти во крестьянежъ, и тѣбъ всѣ люди промежъ себя отказывали и возили, по сему Государеву указу, въ Юрьевъ день да послѣ Юрьева дня двѣ недѣли, потому жъ, какъ и въ прошломъ во 110 году; а изъ-за которыхъ людей учнутъ крестьянъ отказывати, и тѣбъ люди крестьянъ изъ за себя выпускали со всѣми ихъ животы, безо всякія зацѣпки, и во крестьянской бы возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей не было, и сильно бъ дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали и продажъ имъ ни которыхъ не дѣлали; а кто учнетъ крестьянъ грабити и изъ за себя не выпускати, и тѣмъ отъ него Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи быти въ великой опалѣ; а однолично пятикопецкимъ старостамъ о томъ велѣти биричу кликати, чтобъ во крестьянскомъ отказѣ и въ вывозкѣ ни у кого ни съ кѣмъ зацѣпокъ и задоровъ и боевъ не было.

А что во 110 году, по Государеву Цареву и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи указу, патріаршимъ, и митрополичьимъ, и архіепископлимъ, и владычнимъ, и монастырскимъ, и Государевыхъ бояръ, и дворянъ большихъ, и приказныхъ людей и дьячьимъ приказщикомъ промежъ себя крестьянъ отказывати и возити не велѣно, и вы бъ и нынѣ бричемъ велѣли кликати, чтобъ они промежъ собя и у сторонних людей никто ни изъ за кого въ нынѣшнемъ во 111 году крестьянъ не возили, а изъ за нихъ бы крестьянъ не возилъ никто же; а возили бъ крестьянъ промежъ собѣ тѣ всѣ люди, которымъ велѣно возити во 110 году. А пожилого бъ платили за дворъ рубль и два алтына, а иныхъ бы продажъ крестьяномъ не дѣлали никто ни въ чемъ.

Такова память послана къ пятикопецкимъ старостомъ, съ лубяницкимъ старостою съ Ѳедоткомъ съ мыльникомъ, Ноября въ 30 день.

(Памятники ист. крестьян, изд. Н. Клочкова, № 35.)

---

65. Писцовыя книги.

1. Углицкаго уѣзда, 1593—4 г. Земли Тр.-Серг. монастыря.

Въ Городцкомъ ст.: с. Прилуки, на р. на Волгѣ, да къ тому же селу припущено въ пашню пуст. Дыбино; а въ селѣ церк. Никола чюдотворецъ, теплая, древяна, вверхъ, а въ немъ оброзы, и свѣчи, и книги и ризы мірское строенья; да другая церк. Рожество Христово, древяная-жъ, вверхъ, передѣлываютъ, рубятъ вверхъ, а оброзы тоѣ церкви на золотѣ и на краскахъ перенесены въ теплую церковь; а въ обѣихъ церквѣхъ образы, и свѣчи, и книги, и ризы и всякое церковное строенье мірское. Да въ селѣ-жъ у тѣхъ церквей въ келье игуменъ Еуфимей, въ келье понамарь черной; да въ селѣ жъ дв. монастырской, а въ немъ поселской старецъ Варламъ Мещерской да доводчикъ Микифоръ Дуловъ, да другой дв. монастырской же коровей, а въ немъ дворникъ, да слугъ монастырскихъ 2 дв., да крестьянскихъ 23 дв. [1]), да бобылскихъ 5 дв. [2]), да дв. монастырской конюшенной пустъ, да мѣсто дворовой служне, да 3 мѣста дворов. крестьянскихъ; пашни монастырские сер. земли 250 чети, а пашютъ ту пашню крестьяне с. Прилукъ съ приселки и съ деревнями, которые деревни на прилутцкой сторонѣ р. Волги, всѣ взгоном; да служни пашни паханые 12 четьи, да крестьянскіе пашни паханые 60 четьи, да пер. пашни 78 четьи, да пашни же лѣсом поросло въ колъ и поросникомъ 150 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, луговъ къ с. къ Прилукамъ около села межъ поль и по р. по Волгѣ и по заполью и по врагомъ въ розных мѣстѣхъ 700 коп.; да къ селужъ Прилукамъ лугъ отхожей по р. по Волгѣ от рчк. от Пукши по Павловскую межю по ивовой кустъ, 50 дес., сѣна ставитца 1000 коп.; да къ селужъ къ

---

[1]) Въ томъ числѣ въ 2-хъ дв. по челов., во дв. Богдашко шваль, во дв. Богдашко кузнецъ, во дв. Ѳедка прасолъ.

[2]) Въ томъ числѣ во дв. вдова Окулинка.

Прилукамъ лѣсъ болшой боръ Илинской, елникъ и соснягъ и березникъ; а по роспросу старожилцовъ были на томъ бору истари монастырскіе деревни: пуст. Гонотово, да пуст. Олешково, да пуст. Вахромѣево и иные пустоши, а имянъ имъ не упомнятъ; по смѣтѣ того лѣсу пашенного и непашенного отъ р. Волги и отъ Пукши по Узиковское болото, вдоль на полторы версты, а поперегъ на версту, индѣ болши, индѣ менши; а смежно тотъ лѣсъ сполся съ лѣсомъ же с. Павловского; да въ селѣжъ въ Прилукахъ прудокъ невеликъ, а въ немъ рыба карасишка невелика; да подъ селомъ-же подъ Прилуками на р. на Волгѣ перевозъ, а сбираютъ его на монастырь на вѣру съ иными пошлинами, и писано то подлинно перечнем; да въ селѣ-жъ въ Прилукахъ торжишко, а торгуют съѣзжаяся изъ селъ и изъ деревень съ мелкими товаришки по овторникомъ, а таможу сбирают на государя углитцкіе таможники, а пятинную пошлину съ лошадей и съ животины явку сбирають на монастырь, и писано подъ перечнемъ съ иными пошлинами. Того жъ села деревни...

2. Старицкаго уѣзда 1594 г. Земли Тр.-Серг. монастыря.

Въ Иворовской волости. С. Станишино, а въ немъ церк. Илья Пророкъ, древянъ, вверхъ, а въ церквѣ образы и книги и свѣчи, на колоколницѣ колокола и все церковное строеніе вотчинниково Ѳеонасія Александрова сына Каромчева; а дворовъ въ селѣ: дворъ монастырской, во дв. попъ, во дв. церковный дьячекъ, во дв. понамарь, во дв. проскурница, да 5 кѣлей, а въ нихъ живутъ нищіе старцы, питаютца о церкви Божіи; а крестьянскихъ 19 дв. [1]), мѣсто дворов. пусто, да 3 дв. пусты [2]); пашни монастырскіе паханые сер. земли 40 четьи, да крестьянскіе пашни сер. земли 50 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 53 коп., лѣсу рощи и елнику и березнику въ бревно 15 дес., да лѣсу поросняту 9 дес. съ полудес.; въ живущемъ 6 вытей съ полвытью, а въ пустѣ $1^1/_2$ выти. Того жъ с. деревни...

(Писц. кн. Моск. Гос—ва, под ред. Калачова, т. I, пол. 2).

[1]) Изъ нихъ 7 дв. на полвыти и 12 на чети.
[2]) Въ одномъ жили на выти, а въ двухъ каждый жилъ на чети.

XIV. Перед смутой.

66. Флетчер [1]).

Домашняя жизнь царя (Федора Ивановича).

Домашняя жизнь царя, сколько она известна, состоит в следующем. Обыкновенно встает он около четырех часов утра. Когда оденется и умоется, к нему приходит его отец духовный, или придворный священник с крестом, которым благословляет его, прикасаясь сперва ко лбу, потом к ланитам царя, и дает ему поцеловать конец креста. Затем так называемый крестный дьяк вносит в комнату живописную икону с изображением святого, празднуемого в тот день, ибо каждый день у них имеет своего святого, как бы своего патрона. Образ этот он ставит к прочим образам, которыми уставлена вся комната, сколько можно поместить на стене, с горящими перед ними лампадами и восковыми свечами. Образа богато и пышно украшены жемчугом и драгоценными каменьями. Когда поставят образа на место, царь начинает креститься по русскому обычаю, осеняя сперва голову, потом обе стороны груди и произнося: «Господи помилуй, помилуй мя, Господи, сохрани меня, грешного, от злаго действия». С этими словами он обращается к образу, или к святому того дня, которого поминает в молитве, вместе с Богородицею (называемою у них Пречистою), св. Николаем, или другим святым, в которого более верует, падая перед ним на землю и ударяя об нее головою. Такой молитве царь посвящает четверть часа или около того.

Затем входит опять духовник, или придворный священник, с серебряной чашею, наполненною святою водою и кропилом св. Василия (как они его называют), которым окропляет сперва образа, потом царя. Святую воду приносят каждый день свежую из дальних и ближних монастырей, так что присылает ее царю игумен, от имени того святого, в честь которого построен монастырь, в знак особенного благоволения его к царю.

Окончив этот религиозный обряд, царь посылает к царице спросить, хорошо ли она почивала

[1]) Английский посол по делам тор. компании 1588—9. Книга о Рус. государстве, издан. в Англии в 1591 г.

и проч., и через несколько времени сам идет здороваться с нею в средней комнате, находящейся между ее и его покоями...

После утреннего свидания, идут они вместе в свою домовую церковь или часовню, где читается или поется утренняя служба, называемая заутренею, которая продолжается около часу. Возвратясь из церкви домой, царь садится в большой комнате, в которой для свидания с ним и на поклон являются те из бояр, которые в милости при дворе. Здесь царь и бояре, если имеют что сказать, передают друг другу. Так бывает всякий день, если только здоровье царя или другой случай не заставят его изменить принятому обыкновению.

Около девяти часов утра идет он в другую церковь в Кремле, где священники с певчими отправляют полное богослужение, называемое обеднею, которая продолжается два часа, и в это время царь обыкновенно разговаривает с членами Думы своей, с боярами или военачальниками, которые о чем либо ему докладывают, или же сам отдает им свои приказания. Бояре также рассуждают между собою, как будто бы они находились в Думе. По окончании обедни царь возвращается домой и отдыхает до самого обеда.

За обедом прислуживают ему следующим образом: во-первых, каждое блюдо (как только оно отпускается к накладчику) должен прежде отведывать повар в присутствии главного дворецкого или его помощника. Потом принимают его дворяне-слуги (называемые жильцами) и несут к царскому столу, причем идет впереди их главный дворецкий, или его помощник. Здесь кушанье принимает крайчий, который каждое блюдо дает отведывать особому для того чиновнику, а потом ставит его перед царем. Число блюд, подаваемых за обыкновенным столом у царя, бывает около семидесяти, но приготовляют их довольно грубо, с большим количеством чесноку и соли, подобно тому, как в Голландии. В праздник или при угощении какого-либо посланника приготовляют гораздо более блюд. За столом подают вместе по два блюда и никогда более трех, дабы царь мог кушать их горячие, сперва печенья, потом жареное, наконец похлебки. В столовой есть еще другой стол, за коим сидят некоторые из знатнейших лиц, находящихся при дворе, и духовник царский или капеллан. По одну сторону комнаты стоит стол с прекрасною и богатою посудою и большим медным чаном, наполненным льдом и снегом, в коих поставлены кубки, подаваемые к столу. Чашу, из которой пьет сам царь, в продолжение всего обеда держит особый чиновник и подносит ее царю с приветствием всякий раз, как он ее потребует. Когда поставят кушанье на стол, то обыкновенно раскладывают его на несколько блюд, которые потом отсылает царь к тем дворянам и чиновникам, кому он сам заблагорассудит. Это почитается великим благоволением и честью.

После обеда царь ложится отдыхать, и обыкновенно почивает три часа, если не проводит один из них в бане или на кулачном бою. Спать после обеда есть обыкновение общее как царю, так и всем русским. После отдыха идет он к вечерне и, возвратясь оттуда, большею частью проводит время с царицею до ужина. Тут увеселяют его шуты и карлы мужского и женского пола, которые кувыркаются перед ним и поют песни по-русски, и это самая любимая его забава между обедом и ужином. Другая особенная потеха есть бой с дикими медведями, которых ловят в ямах и тепетами и держат в железных клетках, пока царь не пожелает видеть это зрелище... Травлею царь забавляется обыкновенно по праздникам. Иногда проводит он время, рассматривая работу своих золотых дел мастеров и ювелиров, портных, швей, живописцев и т. п., а потом идет ужинать. Когда приходит время спать, священник читает несколько молитв, и царь молится и крестится, как и по утру, около четверти часа, после чего ложится.

(Флетчер, 119—122 стр.)

---

67. Слѣдственное дѣло о убіеніи Царевича Димитрія Іоанновича, произведенное въ Угличѣ, по повелѣнію Государя Царя Ѳеодора Іоанновича, Бояриномъ Княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, Окольничимъ Андреемъ Петровичемъ Клешнинымъ и Дьякомъ Елизаріемъ Вылузгинымъ.

Писано 1591 года, въ Маѣ. Допросъ Василисы Волоховой.

... И вдова Василиса Волохова в розпросе сказала: «что разболѣлся Царевичъ Дмитреи в середу, нынешнего 99 году, Мая въ 12 день, падучею болѣзнью, і в пятницу де-и ему маленко стало полехче, и Царица де-и его Марья взяла

с собою к обѣдне. и от обѣдни пришотчи, велѣла ему на дворѣ погулять; а на завтрее, в суботу, пришотчи от обѣдни, Царица велѣла Царевичю на дворъ итить гулять; а с Царевичемъ были: опа, Василиса, да кормилица Орина, да маленкие робятка жилцы, да постелница Марья Самоилова, а игралъ Царевичь ножикомъ, и тутъ на Царевича пришла опять тажъ чорная болѣзнь, и бросило его о землю, и тутъ Царевичь самъ себя ножомъ покололъ в горло, и било его долго, да туто его и не стало. А и прежъ того, сего году в великое говѣнье, тажъ надъ нимъ болѣзнь была падучеи недугъ, и онъ покололъ сваею и матерь свою Царицу Марью; а в другорядъ на него была тажъ болѣзнь передъ Великимъ днемъ, и Царевичь объѣлъ руки Ондрѣеве дочкѣ Нагово, одва у него Ондрѣеву дочь Нагово отнели. И какъ Царевичь в болѣзни в чорнои покололся ножомъ, и Царица Марья збежала па дворъ, и почала еѣ Василису Царица Марья бити сама полѣномъ, и голову еи пробила во многихъ мѣстехъ, и почала еи Василисе приговаривать, что будтосе сынъ еѣ Василисинъ Осипъ с Михаиловымъ сыномъ Битяговского, да Микита Качаловъ Царевича Дмитрея зарѣзали; и она, Василиса, почала еи бить челомъ, чтобъ велѣла Царица дати сыскъ праведнои, а сынъ еѣ и на дворѣ не бывалъ; и Царица де велѣла еѣ тѣмъ же полѣномъ бити по бокомъ Григорью Нагово, и тутъ еѣ толко чють живу покинули замертва. И почали звонити у Спаса в колокола, и многие люди посадцкие і всякіе люди прибежали на дворъ; и Царица де Марья велѣла еѣ, Василису, взяти посадцкимъ людемъ, и мужики де еѣ взяли и еѣ ободрали и простоволосу еѣ держали передъ Царицею; и прибежалъ де на дворъ Михаило Битяговскои, и почалъ былъ розговаривать посадцкимъ людемъ и Михаилу Нагому, и Царица де Марья и Михаило Нагои велѣли убити Михаила Битяговского и Михаилова сына, и Микиту Качалова и Данила Третьякова; а говорила де Царица миру, то де душегубцы Царевичю.

А сынъ еѣ Осипъ втѣпоры былъ у себя; и какъ почалъ шумъ быти великои, и сынъ еѣ Осипъ прибежалъ к Михаилове женѣ Битяговского, и тутъ его и поимали посадцкие люди и привели его ещо жива передъ Царицу, и Михаилову жену Битяговского з дочерми передъ Царицужъ привели; и Царица де миру молыла. то де-и убоица Царевичю сынъ еѣ Осипъ Волоховъ, и сына еѣ Осипа тутъ до смерти и убили; а убивъ, и прохолкали что надъ заицемъ. А человѣкъ сына его, Васкою звали, и онъ кинулся и палъ на сыне еѣ на Осипе, чтобъ его не убили до смерти, и человѣка его Васку тутожъ надъ сыномъ еѣ убили; а другово человѣка Василисина убили, что увиделъ Василису, что она простоволоса стоитъ, и онъ на неѣ положилъ свою шапку, и посадцкие люди за то его убили до смертижъ. Да была жоночка уродливая у Михаила у Битяговского, и хаживала от Михаила к Ондрѣю к Нагому, и сказали про неѣ Царице Марье, и Царица еи велѣла приходить для потѣхи, и та жоночка приходила к Царице; и какъ Царевичю смерть сталася, и Царица и ту жонку, после того два дни спустя, велѣла добыть и велѣла еѣ убитижъ, что будтось та жонка Царевича портила...»

(С. Г. Гр. и Д., т. II, № 60.)

---

68. Наказъ воеводамъ Богд. Бѣльскому и Сем. Алферьеву

о постройкѣ города Царевоборисова

1600 года [1])

Лѣта 7108 июля во 5 день гос. царь и вел. князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіі велѣлъ окольничему и воеводамъ Богдану Яковлевичу Бельскому да Семену Романовичу Олфереву ѣхати для своего государева дѣла и земскаго на поле на Донецъ на устье Оскольское к рѣчке Бахтину колодезю, на томъ мѣсте велѣлъ имъ государь поставить городъ; а чертеж и роспись тому мѣсту имъ дана, а которые головы Ѳедоръ Чюлковъ да Истома Михновъ того мѣста смотрили и чертили, и тѣ головы съ ними же посланы, а которымъ людемъ велѣлъ Государь съ ними быть на поле, и дворянамъ, и дѣтемъ боярскимъ, и стрельцамъ, и казакамъ, и литвѣ, и нѣмцамъ, и черкасомъ, и всякимъ людямъ, и списки и росписи тѣх всѣх людей окольничему и воеводамъ Богдану і Семену даны на Москвѣ; да сними же посланъ наряд, и зелье, и ядра, и всякие пушечные запасы, и пушкари, и кузнецы, и городовые мастеры, и плотники, и государевы хлѣбные запасы: сухари, и крупы, и толокно съ Оскола да изъ Бѣлгорода; да съ ними жъ послано церковное строенье, образы, и антиминсъ, и книги, и ризы, и всякое

[1]) Исправлены знаки препинания.

церковное строенье, а тому всему дана имъ роспись за дьячею приписью. А срокъ имъ... стать на Ливнахъ за недѣлю до Ильина дня нинешнего 107 года.

А велѣти имъ идти съ великимъ береженьемъ, а на станѣхъ велѣти имъ ставитца въ крѣпкихъ мѣстехъ и сторожи крепкіе учинить... чтобы на них на походѣ и на стану татаровя и черкасы безвѣстно не пришли, а болше всего велѣти имъ беречися ночью, чтоб на них татаровя и черкасы украдомъ и обманомъ безвѣстно не пришли... "

А какъ на Донецъ придутъ, і то мѣсто, которое присмотрили головы Ѳедоръ Чюлковъ да Истома Михневъ, по чертежу и по росписи измѣрити... и велѣти плотникомъ городъ рубити и дѣлати на спехъ, а дѣлати имъ городъ образцомъ, какъ пригоже то государь положилъ, а башни дѣлати круглые или четвероугольные, смотря по мѣсту, какъ государеву дѣлу прибыльнѣе и крѣпче и прочнѣе, впередъ такъ и дѣлать, а дѣлать имъ городъ и зъ загородью въ две стѣны, а меж бы тѣхъ стѣнъ была саженъ косая, да третяя стена дѣлати внутри города, а дѣлати имъ городъ такъ, чтоб ево глиною обмазать мочно, а самимъ имъ у городоваго дѣла быть неотступно день и ночь безпрестанно, чтобы имъ городъ здѣлати крѣпко вскоре, да и тайникъ имъ въ городѣ здѣлати, присмотря мѣста къ озеру или к реке гдѣ пригож, а будет льзя колодезь здѣлати въ городе, и имъ здѣлати колодезь въ городе, чтобъ в приходное время однолично бъ безъ воды не было, да и слухи имъ в городе подѣлати для осадного и приступного времени и подкоповъ; а на указъ с ними к городовымъ крѣпостямъ и к слухамъ и къ наряду посланъ служивой пушкарь и подкопщикъ Поспѣлъ Неклюдовъ да нѣмчинъ Юшко Аммонъ, а къ городовому дѣлу послан съ ними городовой мастеръ Михайло Кирдешовъ; да и ровъ имъ около города выкопать съ трехъ сторонъ, а съ приступную сторону оставити мѣсто под валъ, сколко пригож, а меж города и рву бить чеснокъ не высокъ и тынъ во рву ставить дубовой, и всякие крѣпости здѣлати, смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ въ тотъ въ приходъ крымскаго царя и царевичевъ и большихъ людей сидѣти безстрашно; а здѣлавъ городъ со всѣми крѣпостьми здѣлати имъ съ приступную сторону валъ земленой крѣпкой, и башни съ обводными рукавы и з бои съ потайными и съ верхними— здѣлати земляные крѣпкіе, по чертежу, а около башенъ выкопати ровъ, а та земля изо рву выкласти в валъ... да дать тому городу имя Царевъ Борисовъ городъ, да поставить имъ в городе гдѣ пригож церкви Пресв. Троицы, а другой храмъ святыхъ Бориса и Глѣба, а церковное строенье, образы и книги послано, и попы и дьяконы съ ними посланы...

А сдѣлавъ городъ, и наряду по городу и по башнямъ поставить, какой пригож, и пушкарей къ наряду росписати, и зелье и ядра приготовить... да и сторожи имъ въ городѣ учинить крепкие, росписавъ головъ и людей, сколько гдѣ пригоже, да и самим имъ надъ головами и над сторожи надзирать в денѣ и в ночь перемѣняясь... и станицы имъ и сторожи на Муравскую и на Изюмскую и на Колмиусскую дорогу и на Донцы и на Осколѣ, гдѣ пригоже, посылати, чтоб татаровя и большіе люди на государевы украйны безвѣстно не пришли...

А однолично воеводамъ Богд. Як. Бѣльскому съ товарищы въ томъ городе въ приходъ крымскаго царя сидѣти крѣпко и съ крымскимъ царемъ и съ турскими людьми битца и гос. царя дѣломъ промышлять, сколько милосердый Богъ помочи подастъ и какъ ихъ Богъ вразумить;... а какъ у нихъ государево дѣло учнетъ дѣлатца и что ихъ будетъ промыслъ, и имъ государя безъ вести не держать, писать о всемъ почасту.

(Багатѣй. Матеріалы по исторіи колонизаціи Слободской Украйны, № 2.)

---

69. Изъ дѣла о ссылкѣ бояръ Романовыхъ.

(1601—2 г.

Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи, холопъ твой Государевъ, Богдашко Воейковъ челомъ бьетъ. Въ твоемъ Государевѣ наказѣ мнѣ, холопу твоему, написано: будетъ на твоемъ Государевѣ измѣнникѣ, на Филаретѣ Романовѣ, платье износится, и сапоги и шуба, и мнѣ ему платье дати новое; и по твоему Государеву наказу я, холопъ твой Государевъ, твоему Государеву измѣннику, старцу Филарету Романову, скуфью и рясу и шубу новую далъ

изъ монастырской казны потому что старое платье изодралось...

Да велѣлъ я, холопъ твой Государевъ. сынъ боярскому Петру Болтину малого распрашивать, которой живетъ въ кельѣ у твоего Государева измѣнника, что съ нимъ коли старецъ разговариваетъ ли, и про кого разсуждаетъ ли? И малой де ему сказывалъ: со мною де ничего не разговариваетъ, лише де коли жену спомянетъ и дѣти, и онъ де говоритъ: «милые де мои дѣтки, маленки де бѣдные осталися; кому де ихъ кормить и поить? таково ли де имъ будетъ нынѣ, каково имъ при мнѣ было? а жена де моя бѣдная, наудачу уже жива ли? чаетъ де она гдѣ близко таково жъ де замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ; мнѣ де ужъ что надобно? лихо де на меня жена да дѣти, какъ де ихъ помянешь, ино де что рогатиной въ сердце толкнетъ; много де иное они мнѣ мѣшаютъ; дай, Господи, слышать, чтобы де ихъ ранѣе Богъ прибралъ, и язъ бы де тому обрадовался; а чаю де, жена моя и сама рада тому, чтобъ имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы де ужъ не мѣшали, я бы де сталъ промышляти одною своею душою; а братья де уже всѣ, далъ Богъ, на своихъ ногахъ».

А что будетъ твой Государевъ измѣнникъ со мною станетъ впередъ говорить, и я къ тебѣ къ Государю тотчасъ отпишу...

(А. И. т. II, № 38 XXXIII.)

---

70. Сказаніе Авраамія Палицына.

1. О началѣ бѣды во всей Росіи.

И яко сихъ ради Никитичевъ Юрьевыхъ вскорѣ, тогожде лѣта 7111, и за всего міра безумное молчаніе, еже о истинѣ къ царю не смѣюще глаголати о неповинныхъ погибели, омрачи Господь небо облаки, и толико дождь пролися, яко вси человѣцы во ужасть впадоша...

И преста всяко дѣло земли, и всяко сѣмя сѣянное, возрастши, разсѣдеся отъ безмѣрныхъ водъ, ліемыхъ отъ воздуха, и не обвѣя вѣтръ травы земныя за десять седмицъ дней, и прежде простертія серпа поби мразъ сильный всякъ трудъ дѣлъ человѣческихъ въ полѣхъ и въ виноградѣхъ, и яко отъ огня поядена бысть вся земля. Году же сему прешедшу, охъ! охъ! горе! горе! всякому естеству восклицющу, и во вторый злѣйши бысть, такоже и въ третьее лѣто...

По отцѣхъ же богоносныхъ реченію, мнози тогда ко второму идолослуженію обратишася, и вси имущеи сребро и злато и сосуды и одежда отдаяху на закупы, и собираху въ житница своя вся сѣмена всякаго жита, и прибытковъ воспріемаху десятирицею и вящши. И во всѣхъ градѣхъ во всей Росіи и велико торжество сребролюбное къ бѣсомъ бываше! Мнози бо имущеи къ раздѣленію къ братіи не прекланяхуся, но зряще по стогнамъ града царствующаго отъ глада умершихъ, и ни во что же вмѣняху. И не толико бревнъ и дровъ на возилѣхъ, яко же мертвыхъ нагихъ тѣлесъ всегда влечаще по всему граду, и за два лѣта и четыре мѣсяца счисляюще по повелѣнію цареву, и погребоша въ трехъ скудельницахъ сто тысящъ и двадесятъ и седмъ, и еще къ симъ, во единой Москвѣ...

Въ тая же лѣта мнозіи имущеи глаголаху къ просящимъ: не имамы ничто же; во время же плѣненія отъ всѣхъ околнихъ языкъ, наипаче же отъ своихъ, то обрѣтеся безчислено расхищаемо всякого хлѣба, и давны житницы не истощены, и поля скирдъ стояху, гумна же пренаполнены одоней и копонъ и зародовъ до четырехъ-надесять лѣтъ отъ смятенія во всей Руской землѣ, и питахуся вси отполъ старыми труды; ораніе бо и сѣятва и жатва мятяшеся, мечю бо на выи у всѣхъ всегда надлежащу. Се убо да разумѣется грѣхъ всей Росіи, чесо ради отъ прочихъ языкъ пострада: во время бо искушенія гнѣва Божея не пощадѣша братію свою, и жита благая своя заключиша себѣ и врагу человѣкоубійцѣ; и яко же мы не пощадѣхомъ, тако и насъ не пощадѣша врази наши.

2. О зачалѣ разбойничества и ворѣхъ во всей Росіи.

...Въ правленіи же при семъ велицѣмъ государѣ (Ѳедорѣ Ив.) Борисъ Годуновъ и иніи мнози отъ велможъ, не токмо родъ его, но и блюдоміи ими, многихъ человѣкъ въ неволю къ себѣ введше служить, инѣхъ же ласканіемъ и дарми въ домы свои притягнувше,—и не отъ простыхъ токмо ради нарочитаго рукодѣлства или какова хитра художества, но и отъ чествующихъ издавна многимъ имѣніемъ и съ селы и съ винограды, наипаче же избранныхъ меченосцовъ и крѣпцихъ со оружіи во бранѣхъ, и свѣтлы и красны образомъ и взрастомъ лишествующи. И мнозіи иніи, начал-

ствующемъ послѣдствующе, въ неволю и работивающе кого мощно и написаніе служивое силою и муками емлюще, инѣхъ же винца токмо испити взывающи—и по трехъ или по четырехъ чарочкохъ достовѣренъ неволею рабъ бываше тѣмъ.

Во время же великаго глада сего озрѣвшеся вси, яко не мощно питати многую челядь, и начаша рабовъ своихъ на волю отпускати, и иніи убо истинно, иніи же и лицемѣрствомъ: истинствующеи убо съ написаніемъ и за утверженіемъ руки своея, лицѣмерницы же не тако, ино токмо изъ дому изгонитъ. И аще хъ кому прибѣгнетъ, той злѣ продаваемъ бываше и много сносъ убытокъ платяше; иніи же ради воровства нигдѣ не пріемлемы бываху, иніи же отъ неразумія и безремества погибаху, и иніи срама ради скончавахуся бѣднѣ, за отечества ради. Мнози же и имуще, чѣмъ препитати и на много время домашнихъ своихъ, но восхотѣвше многа богатства притяжать и того ради челядь свою отпускающе; и не токмо челядь, но и родъ, и ближнихъ своихъ не пощадѣша и гладомъ скончающихся туне презрѣша. Бяше же и се зло во многихъ: лѣто убо все тружаются, зиму же и главы не имѣютъ гдѣ подклонить, и паки въ лѣто, и не хотя, въ дѣлѣхъ страждутъ; въ сицевыхъ же озлобленіихъ разлучахуся мужа отъ жены, и братъ отъ брата, и отецъ отъ чадъ, и другъ отъ друга...

Прежде же великого того глада мнози многа несвойственная начаша чинити отъ полатъ царьскихъ и отъ инѣхъ градовъ всея Росіи, умнѣніи честію и имѣніми, но хотяще широцѣ и пространцѣ величатися въ суетѣ міра сего, и во всемъ подобящеся перьвымъ велможамъ и въ сродечемъ царевымъ украшеніемъ злата, и сребра, и одеждей, и коней, и яздилъ, и рабовъ множествомъ,—не токмо же таковіи, но и отъ купцовъ сущеи и отъ земледѣлецъ. И толико гордѣніе бысть, яко не познати во украшеніихъ женъ и чадъ, чьи суть: въ блещаніихъ злата и сребра и бисерѣхъ ходяще, вси бо боярствоваху...

И не явно ли бысть всѣмъ намъ праведное гнѣвобыстрое наказаніе отъ Бога за вся таа сотворенная отъ насъ злаа.

О ненасытиміи имѣніемъ и въ прочихъ злыхъ возрастъшеи! Помянѣмъ сіа и престанемъ отъ злыхъ. Научимся добро творити. Видимъ общую погибель смертную и гонзнемъ сихъ, да же и насъ самѣхъ таа же не постигнетъ лютаа смерть и здѣшняго живота да не лишимся злѣ и вѣчнаго не погрѣшимъ!..

(Рус. Ист. Библ. т. XIII, с. 482—3, 1018—1020.)

---

71. Дж. Флетчер. О государстве русском.

1) Из посвящения английской королеве.

... В образе тамошнего правления Ваше Величество изволите усмотреть не только весьма удивительную, но и действительно существующую, форму государства тираннического (далеко не сходную с образом Вашего правления), без истинного познания о боге, без письменных законов, без общего правосудия, кроме того, которому источником служит закон изустный, т.-е. правительственные власти, имеющие сами крайнюю нужду в законе для того, чтобы обуздать их собственную несправедливость. Поступки их, в какой степени они тягостны и бедственны для несчастного угнетенного народа, населяющего эту страну, в такой же мере могутъ подать мне и другим верноподданным Вашего Величества справедливый повод признать себя счастливыми и благодарить бога за истинно королевское и милостивое правление Вашего Величества, Вам же доставить более утешения и радости тем, что в Вашем Королевстве Вы повелеваете не рабами, а подданными, которые исполняют свои обязанности из любви, а не из страха...

2) Из главы VII. Образ правления.

...Образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, повидимому, стараются подражать, сколько возможно, по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических.

Правление у них чисто тиранническое; все его действия клонятся к пользе и выгодам одного царя и, сверх того, самым явным и варварским образом. Это видно из Софизм, или тайн их образа правления, описанных ниже, и угнетения дворянства и простого народа, без всякого притом соображения их различных отношений и степеней, равно как из податей и налогов, в

коих они не соблюдают ни малейшей справедливости, не обращая никакого внимания как на высшее сословие, так и на простолюдинов. Впрочем, дворянству [1]) дана несправедливая и неограниченная свобода повелевать простым или низшим классом народа и угнетать его во всем государстве, куда бы лица этого сословия ни пришли, но в особенности там, где они имеют свои поместья, или определены царем для управления...

...Оба класса, и дворяне и простолюдины, в отношении к своему имуществу, суть не что иное, как хранители царских доходов, потому что все нажитое ими рано или поздно переходит в царские сундуки, как будет видно из средств, употребляемых к обогащению его казны и способов взимания налогов, которые излагаются ниже, в главе о царских податях и доходах...

...Кроме своей Думы, царю не с кем советоваться о предметах, по которым уже предварительно сделано было постановление, за исключением немногих епископов, архимандритов и монахов, и то для того только, чтобы воспользоваться суеверием народа (притом всегда к его вреду), который считает святым и справедливым все, что ни сделано с согласия их епископов и духовенства. Вот почему цари, пользуясь для своих выгод теперешним упадком церкви, потворствуют ему чрезвычайными милостями и привилегиями, дарованными епископиям и монастырям, ибо они знают, что суеверие и лжеверие лучше всего согласуются с тиранническим образом правления и особенно необходимы для поддержания и охранения его...

... Еще недавно были здесь некоторые лица из древнего дворянства, которые владели по наследству различными областями с неограниченною властью и правом судить и рядить все дела в своих владениях без апелляции и не давая никакого отчета царю; но все эти права были уничтожены и отняты у них Иваном Васильевичем, родителем нынешнего государя.

3) Из главы IX.

О дворянстве и средствах, употребляемых к ослаблению его согласно с видами правительства.

Степени лиц или званий в России (кроме власти верховной или самого царя), по порядку их следующие: 1. Дворянство которое разделяется на четыре степени. Самые знатные по роду, власти и доходам называются удельными князьями, то-есть, князьями выделенными или привилегированными. Они-то имели некогда в своих областях особую расправу и неограниченную власть подобно дворянам или чинам немецким; но впоследствии (сохранив условно свои права) подчинились дому Белы [1]), когда он стал усиливаться и распространяться на счет соседей. Сначала они были обязаны служить только царю во время войны, выставляя известное число конных, но покойный царь, Иван Васильевич, отец нынешнего царя, человек высокого ума и тонкий политик в своем роде, желая более усилить свое самодержавие, начал постепенно лишать их прежнего величия и прежней власти, пока, наконец, сделал их не только своими подчиненными, но даже холопами, т.-е. настоящими рабами или крепостными. В самом деле, они сами не иначе себя называют как в государственных бумагах, так и в частных просьбах, подаваемых ими царю, так что теперь они, относительно своей власти, своих владений, жизни и всего прочего, зависят от воли царя, наравне с другими подданными.

Средства и меры, употребленные для этого царем как против князей удельных, так и других дворян (сколько я мог заметить, судя по рассказам о его действиях), были следующие или тому подобные: во-первыхъ, он посеял между ими личное соперничество за первенство в чинах и званиях и с этой целью подстрекал дворян, менее знатных по роду, стать выше или наравне с теми, которые происходили из домов более знатных. Злобу их и взаимные распри он обращал в свою пользу, принимая клеветы и доносы касательно козней и заговоров, будто бы умышляемыхъ против него и против государства. Ослабив таким образом самых сильных и истребив одних с помощью других, он, наконец, начал действовать открыто и остальныхъ принудил уступить ему права свои.

Во-вторых, разделил он своих подданных на две части или партии, разъединив их совершенно между собой. Одни из них были названы им опричными или отборными людьми. Сюда принадлежали те из лиц высшего сословия

[1]) Дворянством автор всюду называет бояр.

[1]) По мнению Флетчера, московские государи были из венгерского дома Белы.

и мелких дворян, коих царь взял себе на часть, чтобы защищать и охранять их, как верных своих подданных. Всех прочих он назвал земскими или общими. Земские были самый низкий и простой класс людей с теми из дворян, которых царь думал истребить, как будто бы недовольныхъ его правлением и имеющих против него замыслы. Что касается до опричников, то он заботился, чтобы они своим числом, знатностью, богатством, вооружением и проч. далеко превосходили земских, коих он, напротив, как бы лишил своего покровительства, так что, если кто из них был ограблен или убит кем-нибудь из опричников, которых он причислял к своей партии, то нельзя уже было получить никакого удовлетворения ни судом, ни жалобою царю. Те и другие по порядку были вносимы и записываемы в книгу, почему всякий знал, кто был земским, и кто принадлежал к разряду опричников. И эта свобода, данная одним грабить и убивать других без всякой защиты судебными местами или законами (продолжавшаяся семь лет), послужила к обогащению первой партии и царской казны и, кроме того, способствовала к достижению того, что он имел при этом в виду, т.-е. к истреблению дворян, ему ненавистных, коих в одну неделю и в одном городе Москве было убито до трех сот человек. Такие тиранские его поступки, с целью произвести всеобщий раздор и повсеместное разделение между подданными, произошли (как должно думать) от чрезвычайной мнительности и безнадежного страха, возникших в нем ко многим из туземного дворянства во время войны с поляками и крымскими татарами, когда он впал в сильное подозрение (родившееся в нем вследствие худого положения дел), что они состоят в заговоре с поляками и крымцами. На основании этого, некоторых из них он казнил, и означенное средство избрал для того, чтоб отделаться от остальных.

Столь низкая политика и варварские поступки (хотя и прекратившиеся теперь) так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что (повидимому) это должно окончиться не иначе, как всеобщим восстанием.

3. Овладев всем их наследственным имением и землями, лишив их почти всех прав и проч. и оставив им одно только название, он дал им другие земли на праве поместном (как оно здесь называется), владение коими зависит от произвола царя, и которые находятся на весьма дальнем расстоянии и в других краях государства, и этим способом удалил их в такие области, где бы они не могли пользоваться ни милостью, ни властью, не будучи тамошними уроженцами или хорошо известными в тех местах; почему теперь знатнейшие дворяне (называемые удельными князьями) сравнялись с прочими, с той только разницей, что во мнении народа и относительно привязанности его к ним они стоят выше, и что во всех общественных собраниях они постоянно занимают свое первое место.

Средства, коими стараются препятствовать возвышению этих домов и возвращению себе прежнего значения, суть следующие, вместе с другими, им подобными: во-первых, многим из наследников не дозволяется вступать в брак, дабы род прекратился вместе с ними. Иных отправляют в Сибирь, в Казань и в Астрахань, под предлогом службы, и там умерщвляют или же сажают в темницу. Некоторых заключают в монастыри, где они постригаются в монахи, под видом обета, данного добровольно и по собственному желанию, но на самом деле по неволе, из опасения, что их обвинят в каком-нибудь взведенном на них преступлении. Здесь они находятся под столь бдительным надзором особенной стражи и самих монахов (которые отвечают головою за их побег), что им не остается никакой надежды, как кончить дни свои в заточении...

4) Из главы X
Об управлении областями и княжествами.

... Князья и дьяки определяются на места самим царем и в конце каждого года обыкновенно сменяются, за исключением некоторых, пользующихся особенным благоволением или расположением, для коих этот срок продолжается еще на год или на два. Сами по себе они не могут похвалиться ни доверием, ни любовью народа, которым управляют, не принадлежа к нему ни по рождению, ни по воспитанию и не имея притом собственного наследственного имения ни в его округе, ни даже в другом месте. Только от царя получают они за свою службу по большей мере около 100 марок в год, а некоторые только пятьдесят, другие же всего тридцать. Народ еще более

недоверчив к ним и ненавидит их за то, что, не имея никакой собственности и являясь каждый год свежие и голодные, они мучают и обирают его без всякой справедливости и совести. Главные начальники Четвертей не обращают внимания на такие поступки для того, чтоб, в свою очередь, обирать их самих и получить большую добычу, когда потребуют от них отчета, что обыкновенно делают при истечении их службы, извлекая, таким образом, свои выгоды из их несправедливости и притеснений бедного народа. Немногие, однако, из них доходят до пытки или кнута по окончании срока, в который они, большею частью, уже сами по себе приступают к отчету. И потому во время своего управления стараются они приобресть столько, чтобы можно было поделиться с царем и управляющим Четвертью, и, кроме того, оставить хорошую частичку и для себя...

... Угнетение и рабство так явны и так резки, что надобно удивляться, как дворянство и народ могли им подчиниться, имев еще некоторые средства, чтобы избежать их, или же от них освободиться, равно как и тому, каким образом цари, утвердившись в настоящее время на престоле так прочно, могут довольствоваться прежним правлением, соединенным с столь явною несправедливостью и угнетением их подданных, тогда как сами исповедуют веру христианскую.

Из всего сказанного здесь видно, как трудно изменить образ правления в России в настоящем ее положении. Во-первых, там нет никого в числе дворянства, кто бы мог стать во главе прочих. Сановники, управляющие Четвертями, или тетрархиями,—не природные дворяне, а дьяки, пожалованные в это звание царем, находящиеся в полной зависимости от его милостей и собственно служащие только ему. Что же касается до князей, управляющих под ними областями, то это люди важные только по названию (как было сказано выше), без всякой власти, силы и доверия, за исключением того значения, которым пользуются по своей должности, пока ее занимают. Но и здесь приобретают они не любовь, а, напротив, ненависть народа, который видит, что они поставлены над ним не столько для того, чтобы оказывать ему справедливость и правосудие, сколько с тем, чтобы угнетать его самым жалким образом и снимать с него шерсть не один раз в год (как каждый владелец с своей овцы), а, напротив, стричь его и обрывать в продолжение всего года. Кроме того, власть и права их раздроблены на множество мелких частей, потому что в каждой большой области их находится по несколько человек, и притом время, на которое они назначаются, весьма ограничено. Таким образом им невозможно сколько бы то ни было усилиться или привести в исполнение какое-либо предприятие в этом роде, если бы они даже возымели счастливое намерение сделать что-нибудь новое. Что касается до простого народа, то, кроме недостатка в оружии и неопытности в ратном деле (от которого удаляют его с намерением), у него беспрестанно отнимают и бодрость духа и деньги (кроме других способов), иногда под предлогом какого-нибудь предприятия для общественного благосостояния, а иногда вовсе даже не ссылаясь ни на какую потребность в пользу государства или царя. Итак, ни дворянство, ни простой народ не имеют возможности отважиться ни какое нибудь нововведение до тех пор, пока войско (которого число простирается, по крайней мере, до 80.000 человек, получающих постоянное жалованье), будет единодушно и беспрекословно подчинено царю и настоящему порядку вещей, а оно, очевидно, должно быть усердно к своей должности как по самым свойствам солдат, так и потому, что они пользуются всюду полною свободою обижать и грабить простой народ по своему произволу, что им нарочно дозволено для того, чтоб им нравилось настоящее положение дел. Заговора между войском и простым народом опасаться также нельзя, потому что цели их слишком между собой различны и противоположны. Это безнадежное состояние вещей внутри государства заставляет народ, большею частью, желать вторжения какой-нибудь внешней державы, которая, (по мнению его) одна только может его избавить от тяжкого ига такого тиранского правления.

5) Из главы XII.
О податях и других доходах царских.

... К доходам можно присовокупить также конфискации имуществ тех, которые подвергаются опале, простирающиеся на большую сумму, кроме других чрезвычайных налогов и поборов с должностных лиц, монастырей и проч., не для какой-нибудь видимой надобности, или потребности царя и государства, но по одному произво-

лу и обычаю, впрочем, под некоторым предлогом скифской, т.-е. грубой и варварской, политики, как показывают немногие софизмы, или ложные политические меры, употребляемые русскими царями с целью грабить свой народ и обогащать свою казну. По этому случаю покойный царь Иван Васильевич обыкновенно говаривал, что народ сходен с его бородою: чем чаще стричь ее, тем гуще она будет расти, или с овцами, которых необходимо стричь, по крайней мере, один раз в год, чтоб не дать им совершенно обрасти шерстью...

О мерах к обогащению царской казны имуществом подданных.

1.

Не препятствовать насилиям, поборам и всякого рода взяткам, которым князья, дьяки и другие должностные лица подвергают простой народ в областях, но дозволять им все это до окончания срока службы, пока они совершенно насытятся; потом поставить их на правеж (или под кнут) за их действия и вымучить из них всю или большую часть добычи (как мед высасывается пчелою), награбленной ими у простого народа, и обратить ее в царскую казну, никогда, впрочем, не возвращая ничего настоящему владельцу, как бы ни была велика или очевидна нанесенная ему обида...

2.

Показывать иногда публичный пример строгости над должностными лицами (грабившими народ), если кто из них особенно сделается известным с худой стороны, дабы могли думать, что царь негодует на притеснения, делаемые народу, и таким образом сваливать всю вину на дурные свойства его чиновников...

3.

Явно показывать нужду в случае предстоящей новой значительной подати или налога...

8.

В каждом большом городе устроен кабак или питейный дом, где продается водка (называемая здесь русским вином), мед, пиво и проч. С них царь получает оброк, простирающийся на значительную сумму: одни платят 800, другие 900, третьи 1.000, а некоторые 2.000 или 3.000 рублей в год. Там, кроме низких и бесчестных средств к увеличению казны, совершаются многие самые низкие преступления. Бедный работник и мастеровой часто проматывают все имущество жены и детей своих. Некоторые оставляют в кабаке двадцать, тридцать, сорок рублей или более, пьянствуя до тех пор, пока всего не истратят. И это делают они (по словам их) в честь государя, или царя. Вы нередко увидите людей, которые прошли с себя все и ходят голые (их называют нагими). Пока они сидят в кабаке, никто и ни под каким предлогом не смеет вызывать их оттуда, потому что этим можно помешать приращению царского дохода.

9.

Заставлять некоторых из приближенных бояр или дворян (пользующихся доверием царя), у коих есть в Москве дома, делать объявление, что они ограблены; потом посылать за земскими, или ольдерменами города, и отдавать им приказание, чтобы они отыскали похищенное; если же оно не найдется, брать или взыскивать с города за худое их управление 8, 9 или 10 тысяч рублей вдруг. Это делается весьма часто.

10.

Чтобы показать свое самодержавие при таких поборах, они употребляют иногда весьма простые, но довольно странные уловки. Вот как, например, поступал Иван Васильевич, отец нынешнего царя. Он отправил в Пермь за несколькими возами кедрового дерева, зная, что оно там не растет; когда же жители отвечали, что не могут найти такого дерева, то царь велел взыскать с них 12.000 рублей, как будто бы они с намерением его скрывают. В другой раз он послал в Москву добыть ему колпак или меру живых блох для лекарства. Ему отвечали, что этого невозможно исполнить, и если бы даже удалось наловить столько блох, то ими нельзя наполнить меру, оттого что они распрыгаются. За это царь взыскал с них штраф, или выбил из них правежом 7.000 рублей.

Подобной же уловкой отнял он у своих бояр 30.000 рублей за то, что, отправившись на охоту за зайцами, не изловил ничего, как будто бы бояре вытравили и перебили всех зайцев, а они (по

обыкновению) тотчас обратили этот правеж на мужиков, или простой народ. Как ни странным должен казаться такой забавный способ грабить бедных подданных без основательного повода, но он совершенно согласен со свойствами тамошних царей и с жалким рабством этого несчастного государства. Такие-то и подобные способы употребляют русские цари для обогащения казны своей.

(Флетчер. О государстве русском, стр. 3—53).

XV. Литва и Западная Русь.

72. Дневник люблинского сейма 1569.

1. Речи сенаторов польских и литовских—об унии.

24 Января. Понедельник. (Польские) сенаторы надеялись, что литовцы теперь уже сядут с ними в заседание. Послы тоже дожидались этого. Литовцы, прибыв в замок, пошли в свою залу, а не в сенат. Польские сенаторы послали сказать им, что дожидаются их прибытия к ним, согласно их обещанию. Литовские сенаторы отвечали, что прибыли только за тем, чтобы получить ответ, обещанный в субботу, и не намерены приступать ни к каким другим делам.

Видя, что дело принимает такой оборот, сенаторы расселись так, чтобы Литве пришлось занять место в сенате ни по правой, ни по левой стороне, но против польских сенаторов. Когда пришли литовские сенаторы и с ними их послы, епископ Краковский дал им ответ в таком смысле: он высказывал сожаление, что «такие великие дела замедляются и колеблется постановление предков, между тем все пошло бы и скорее и лучше, если бы нам сойтись и составить одно заседание. Домогаться унии с вами, давно решенной, побуждает нас не какая-нибудь неволя. Польское королевство не на столько мало, чтобы нам в нем было тесно и тяжело. Нам нужно, чтобы исполнено было то, что постановлено нашими и вашими предками, и что в эти времена нужнее вам, нежели нам».

«Вы, господа, говорите, что вам нужно поправить ваши законы. Мы ознакомились несколько с этими исправлениями. Мы желаем вам самых лучших законов и очень рады бы помочь вам в этом, только бы эти законы не мешали нашему единению с вами или унии и не были им противны. — Между тем, присмотревшись немного к тем законам, которых утверждения вы, господа, добиваетесь у короля, мы видим, что некоторые из них противны унии и братству нашему,—вы точно решеткою отгораживаетесь ими от нас. Вы хотите считать нас чужеземцами, отстраняете народ польский от должностей и других дел и уже у вас отнимают должности у поляков без всякого основательного повода, и этим-то начинается этот сейм!»

«Видит Бог, с какою любовию мы относимся к вам; поляки всегда хорошо относились к вам, не щадили имущества, издержек и здоровья (и теперь вы имеете у себя ясные доказательства этого), они не загораживают дороги к единению с вами, господа. Мы видим, что совсем иначе поступали ваши и наши предки, как это открывается из обоюдных их договоров, и потому теперь еще больше должны мы удивляться вашему образу действий,—именно тому, что в настоящее время, когда мы начали приводить к концу дело унии с вами, вы, господа, насочинили себе каких-то постановлений и законов, противных унии. Мы с своей стороны об этой унии не иначе можем говорить и постановлять, как только на основании привилегий, договоров, издавна утвержденных присягой».

«Согласитесь, господа, заседать вместе с нами и присмотреться к этим древним актам, а также к нашим законам. Если вы в них увидите что-либо противное унии, то мы охотно отступимся от них; точно так же и вы, господа, не домогайтесь того, что может разрывать унию».—Литовцы взяли все это на обсуждение до завтрашнего дня.

25 Января. Вторник. Воевода Виленский говорил: «вы, господа, делаете нам внушение, чтоб мы не теряли даром времени, но потеря времени нас беспокоит больше, чем вас. На наших хребтах был неприятель, когда мы уезжали сюда, желая постановить с вами унию, которая бы объединяла нас взаимною любовью,

и, если сказать правду, мы устремились к ней почти бегом, тогда как предки наши шли к ней тихим шагом. Они рассуждали с вами об ней посредством послов, мы же теперь сносимся с вами не через послов, а сами—все чины великого Литовского княжества приехали устроять эту унию».

«Мы знаем, что получили от вас много добра. Во-первых, наши предки, по милости Божией, пришли к познанию веры, и отсюда вырастала надежда, что во всех делах будет хорошо. Далее, отсюда умножалась взаимная любовь, потому что мы породнились между собою. Но хотя таким образом устроилась великая уния двух народов,—вас, господа, с нами;—чтобы довершить ее, мы еще должны подумать, как бы нам в чем-либо не сделать вреда нашему государству, а поставить его твердо. Об этом-то мы имеем совещанія с королем, и еще не кончили их»...

«Зная это, мы все и стараемся с нашею братьей, чтобы нам соединиться с вами, господа, не как-нибудь, но наперед устроить хорошо нашу Речь Посполитую, которой служить, пока у нас есть силы, мы обязаны, как честные и добрые ее слуги и сенаторы»...

2. Проект унии, который сенат и послы королевства дали литовским сенаторам согласно их желанию,—составлен он епископом краковским, а исправлен земскими послами.

(12 февраля.)

...Прежде всего: Польское королевство и великое княжество Литовское, согласно прежней инкорпорации между ними, составляют из обоих вышесказанных народов одно, неразличное, нераздельное тело, одно собрание, один народ, так что отныне у этого из двух народов одного собрания, соединения, нераздельного народа и почти единого, однородного, неразличного и нераздельного тела будет на вечные времена одна глава, не особые государи, а един—король польский, который, согласно давнему обычаю и привилегии, общими голосами поляков и литвы будет избираться в Польше, а не в ином месте. Этому избранию не может препятствовать отсутствие каких-либо лиц как из сената, так и из других чинов польских и литовских, особенно, если все, имеющие право участвовать в избрании короля, будут обвещены сенаторами королевства и в узаконенное время. Местом для этого избрания будет... (место не написано здесь, потому что эта запись еще не принята, а только предположена). Избранный таким образом на Польское королевство, будетъ миропомазан и коронован в Кракове. Что же касается до избрания, возведения его на стол великого княжества Литовского, то оно должно прекратиться так, чтобы уже отныне не было никакого следа его и подобия.

Главный сеймъ всегда долженъ быть один, а не отдельные, кроме того, должен быть один, никогда не разделяющийся сенат для всех дел и нужд тех народов и никогда уже не должен быть он иным, т.-е. не должен состоять лишь из сенаторов того или другого народа. Сенат должен состоять при нас, кроме того времени, когда будет сейм в Литве и в Польше; он всегда должен быть приглашаем ко всем делам, обо всем знать и советовать, согласно своему долгу. А если бы случились важные дела, когда бы при нас не было сенаторов, то в силу давнего обычая будет дано знать обо всем как в Польшу, так и в Литву, и ничто никогда не будет постановлено и решено без ведома сенаторов обоих народов. Эти главные сеймы имеют быть... (место для сеймов не написано, потому что запись эта еще не принята), а в случае какой-либо важной нужды сейм может быть и в ином месте, с согласия всех сенаторов. На этих сеймах литовские сенаторы будут обязаны заседать между польскими сенаторами, на местах назначенных нами[1]), а земские их послы—между польскими послами. На этих сеймах,—отныне единственных сеймах королевства, все, что будет нужно, будет обсуждаться, делаться и решаться общим совещанием и по общему согласию всех чинов, имеющих право быть на сейме...

Все законы и постановления, какие бы то ни было и по какой бы то ни было причине изданные в Литве против польского народа, касательно занятия высших и каких бы то ни было должностей, вверяемых и поручаемых нами, также касательно имений и земель, касательно приобретения земель и владения ими в великом княжестве Литовском, приобретаемых за женой или по выслуге, покупкой, по наследству или по дару и каким-либо другим способом, сообразным с законом и обычаем,—все такие законы, по согла-

---

[1]) Королем.

сию всех чинов, разрушаем и обращаем в ничто. Отныне они не должны иметь никакой силы и значения, как законы, противные справедливости и взаимной любви и унии. Отныне как поляк в Литве, так литовец в Польше может приобретать имение и поселиться всяким законным способом и может по закону занимать должность в той земле, в которой будет иметь оседлость. Что же касается до духовных должностей, то вольно нам будет раздавать их безразлично, как было и до сих пор, не обращая внимания на оседлость лица в той стране...

3. Литовский ответ.

(15 февраля.)

... «В самом деле, братская любовь должна допускать равенство, должна быть такою, чтобы приносить равную пользу обоим народам, а если слить Литовское княжество с королевством, то не будет никакой любви, потому что в таком случае Литовское княжество должно поникнуть перед Польшей, литовский народ должен был бы превратиться в другой народ, так что не могло бы быть никакого братства. Тогда бы недоставало одного из братьевъ, т.-е. литовского народа, что явно из самой записи вашей, господа, данной нам. Там в одном пункте говорится и об уничтожении обряда возведения на княжеский стол великого князя Литовского, и об утверждении наших прав печатью королевства, и о сеймах тоже только польского королевства. Все это ничего другого нам не обещает, как только то, что говорится в известном выражении: crescit Ausonia Albae ruinis».

«Видя такие дела, мы должны думать, что кто бросил эту записку между вами и нами, тот сам отталкивает нас от соединения с вами, господа, указывает нам итти таким путем, чтобы из всего дела не вышло ничего, потому что он тянет нас к тому, чего мы никак не можем сделать с доброю совестью, при нашей верности нашему государю, как великому князю Литовскому, и к нашем Речи Посполитой, как нашей матери, и чего нам не следует делать, чего мы никогда и не желаей делать. Эта записка уничтожает нам государя и его титул— великий князь Литовский, уничтожает нашу Речь Посполитую и ее честь, все наши вольности, должности, награды, милости, о чем мы с вами, господа, ни письменно, ни устно не желаем рассуждать, а тем более подвергать что-либо подобное сомнению, да по доброй совести не можем и думать об этом. Мы приехали к вам, господа, за братством, за братскою любовью, а не за тем, чтоб потерять нашу Речь Посполитую и нашего государя, великого князя, лишив его титула—великий князь Литовский. Если бы мы это сделали, то поступили бы против нашей присяги, против нашей совести. Если же мы обманули бы в этом деле Бога, обманули бы нашего государя, нашу Речь Посполитую, то в чьих глазах мы достойны были бы веры впоследствии? О нас судили бы по пословице, кто не верен себе, может ли быть верен другим?»

«Притом, со времени нашего приезда сюда— в Люблин, мы часто слышали от вас, что вы, господа, не желаете отнимать у нас наших почестей, наших должностей: между тем эта записка сильно противоречит таким заверениям вашим, потому что, когда мы потеряем нашу Речь Посполитую, великого князя и сольем с вашими наши чины, то какие же это будут должности великого княжества Литовского, когда не будет ни этого княжества, ни литовского князя? Они вдруг должны были бы прекратиться, пасть в самом основании, против чего люди мудрые всегда принимают меры, так как ничто насильственное не может быть прочно. Так как никто не обязан делать невозможное, то просим вас, господа, не тянуть нас к таким делам; они нам очень прискорбны; вы нас унижаете, предлагая их...»

(Дневник Люблинскаго Сейма 1569 г. Изд. Арх. Комиссии. Заседания 24 и 25 января и 12 и 15 февраля.)

Часть II. Революция в Московском Государстве.

XVI. Эпоха Названнаго Димитрия.

73. Окружная грамота Димитрія, о войнѣ съ Борисомъ Годуновымъ.

1604 г., въ ноябрѣ.

Отъ Царевича и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи (въ койждо градъ именно) воеводамъ и діакомъ и всякимъ служилымъ людемъ, и всѣмъ гостемъ и торговымъ и чернымъ людямъ.

Божіимъ произволеніемъ, его крѣпкою десницею покровеннаго насъ отъ нашего измѣнника Бориса Годунова, хотящаго насъ злой смерти предати, и Богъ милосердый злокозненнаго его помысла не восхотѣ исполнити и меня, Господаря вашего прироженнаго, Богъ невидимою рукою укрылъ и много лѣтъ въ судбахъ своихъ сохранилъ; и язъ Царевичъ и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ, нынѣ приспѣлъ въ мужество, съ Божіею помощію иду на престолъ прародителей нашихъ, на Московское государьство, на всѣ государьства Россійскаго царьствія.

И вы бъ, наше прироженіе, попомнили православную христіяньскую истинную вѣру и крестное цѣлованіе, на чемъ есте крестъ цѣловали отцу нашему, блаженныя памяти Государю Царю и Великому Князу Ивану Васильевичу всеа Русіи, и намъ чадомъ его, что хотѣти добра во всемъ: и вы нынѣ нашего измѣнника Бориса Годунова отложитеся къ намъ и впредь уже намъ. Государю своему прироженному, служите и прямите и добра хотите, какъ отцу нашему, блаженныя памяти Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи; а язъ васъ начну жаловати по своему царьскому милосердому обычаю, и наипаче свыше въ чести держати, и все православное христіяньство въ тишинѣ и въ покои и во благоденственномъ житіи жити учинити хотимъ.

(Пам. по ист. см. времени, изд. Н. Клочкова, № 2.)

74. Грамота Димитрія къ Сендомирскому Воеводѣ Юрью Мнишкѣ, извѣстительная: о прибытіи своемъ въ Москву.

Писана 1605, августа 16.

Мы, пресвѣтлѣйшій и непобѣдимѣйшій Монархъ Димитрій Ивановичь, Божіею милостію, Цесарь и Великій Князь всея Россіи, и всѣхъ Татарскихъ Царствъ и иныхъ многихъ Московской монархіи покоренныхъ областей Государь и Царь.

Признавали мы то всегда, что всякое приключающееся намъ веселіе и вамъ обрадованіе приносило; не меньше и нынѣ надѣемся, что по благословенію Божію и за щастливымъ прибытіемъ нашимъ въ государствующій городъ нашъ, въ которомъ отъ пресвѣтлѣйшей Цесаревы Государыни матери нашей принявъ благословеніе, отъ св. отца нашего Патріарха, по древнему обычаю нашему, коронованы мы и миромъ св. помазаны, не токмо на одно пространное отечество наше, но и на всѣ тѣ Татарскія государства, которыя издревле Монархіи нашей были послушны, о чемъ вы, увѣдомясь надлежаще, какъ отецъ, порадоваться можете. А нынѣ посылаемъ къ Королевскому Величеству въ посольствѣ подскарбія нашего надворнаго Аѳанасія Ивановича Власьева, которому повелѣла пресвѣтлѣйшая Цесарева Государыня мать наша и мы о заключенныхъ прежде сего и крѣпко постановленныхъ съ вашею милостію дѣлахъ нашихъ говорить; а для лучшаго увѣренія, Государыня Цесарева посылаетъ чрезъ онаго отъ себя къ вашей милости писанныя письма, дабы милость ваша, о семъ вѣдая, немедленно въ Краковъ, или гдѣ нынѣ Король обрѣтается, ѣхать изволилъ, ибо отъ того вся сила зависитъ. Дана изъ царствующаго града нашего Москвы, Августа 16 дня, 1605, государствованія нашего перваго года.

Преданнѣйшій сынъ Димитрій.

(Собр. Г. Грам. и Дог., т. II., № 95.)

75. Боярскій приговоръ о бѣглыхъ крестьянахъ.

1606, февраля 1.

Лѣта 7114, Февраля въ 1 день, по Государеву Цареву и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи слову, бояре приговорили: которые бояре и дворяне и дѣти боярскіе, и владычнихъ и монастырскихъ вотчинъ, бьютъ челомъ Государю о судѣ въ бѣглыхъ крестьянѣхъ, до 110 году, до голодныхъ годовъ за годъ, на посады и въ Государевы въ дворцовые села и въ черныя волости, и за помѣщиковъ и за вотчинниковъ, во крестьяне и въ холопи, и тѣхъ приговорили сыскивая отдавати старымъ помѣщикомъ. А которые крестьяне бѣжали во 110 и во 111 году, въ голодные годы, съ животы, а прожити было имъ мочно, а пришли за иныхъ помѣщиковъ или за вотчинниковъ жити во крестьяне и въ холопи, и тѣхъ сыскивая отдавати старымъ помѣщикомъ и вотчинникомъ.

А которые бѣгали съ животы въ далные мѣста изъ-за Московскихъ городовъ на Украйны, а съ Украйны въ Московскіе городы, или изъ города въ городъ, верстъ за двѣсти и за триста и болши, а пошли отъ старыхъ своихъ помѣщиковъ съ животы и ростерявъ животы пришли къ инымъ помѣщикомъ въ бѣдности, и про то сыскати около тѣхъ помѣстей, откуды тотъ крестьянинъ пошелъ: да будетъ въ сыску околніе люди скажутъ, что онъ былъ не бѣденъ и сбѣжалъ отъ своего помѣщика или отъ вотчинника съ животы, а прокормитися было ему мочно, а нынѣ за кѣмъ во крестьянѣхъ или у кого служитъ по кабалѣ, и того по сыску отдати старому помѣщику или вотчиннику, изъ-за кого онъ сбѣжалъ, каковъ есть; а про которого крестьянина скажутъ, что онъ, въ тѣ голодные лѣта, отъ помѣщика или отъ вотчинника сбрелъ отъ бѣдности, что было ему прокормиться не мочно, и тому крестьянину жити за тѣмъ, кто его голодные лѣта прокормилъ, а исцу отказати: не умѣлъ онъ крестьянина своего кормити въ тѣ голодные лѣта, а нынѣ его не пытай...

А на бѣглыхъ крестьянъ, по старому приговору, далѣ пяти лѣтъ суда не давати.

(Пам. по ист. крестьян, изд. Н. Клочкова, № 36.)

76. Маржерет [1]).

О царе Димитрии.

Бояре, не смевшие в правление Борисово заключать брачных союзов, получили от Дмитрия разрешение. Мстиславский женился на двоюродной сестре царской матери, которая два дня сряду пировала на свадьбах; Василий Шуйский, освобожденный из заточения и столь же милостиво принятый при дворе, как и прежде, успел обручиться с девицею, также из рода Нагих; свадьбе его надлежало быть через месяц после царской. Только и слышно было о пирах и браках; все радовались и веселились; Дмитрий мало по малу давал чувствовать Россиянам, сколь счастлив народ свободный, управляемый милосердым государем. Ежедневно раз или два он посещал царицу, мать свою. Сей государь иногда, казалось, слишком ласково обходился с вельможами, которые воспитывались и вырастали в таком унижении и страхе, что при царе почти не смели сказать слова без приказания: впрочем, в случае надобности, он умел являть величие и достоинство, свойственные государю; весьма был разумен и столько смышлен, что среди членов своего Совета казался учителем среди школьников...

Димитрий Иоаннович, сын царя Иоанна Васильевича, прозванного Мучителем, погиб на 25 году; роста он был среднего, вовсе без бороды, крепкого, сильного сложения, цветом смугловатый, с бородавкою подле носа, под правым глазом; имея ум быстрый и проницательный, душу добрую, милосердую, характер весьма вспыльчивый, но только на минуту, он пылал честолюбием, уважал людей с душею благородною и хотел прославиться в потомстве; в конце Августа 1606 года, он думал послать во Францию на Английском корабле Секретаря своего, в намерении приветствовать Короля Французского [2]) и с ним познакомиться: Димитрий часто разговаривал со мною о Его Величестве с великим уважением. Христианство много потеряло гибелью сего государя, если только он умер, хотя смерть его кажется несомнительною. Говорю так потому, что я не видал его трупа своими глазами, быв тогда болен.

(Н. Устрялов. Сказания о самозванце т. III, стр. 89—97.)

---

[1]) Французс. начальник телохранителей при Годунове и Дмитрии.

[2]) Генриха IV.

77. Дневник Марины Мнишек.

(1609.)

Конец Димитрия.

27 (17) мая вспыхнул несчастный бунт, давно уже приготовленный. Начальником мятежников был князь Василий Иванович Шуйский, который в награду своим помощникам обещал раздать города, царства и доставить другие выгоды. Они склонили на свою сторону знатнейших купцов и много простого народу, сверх того много бояр и воинов из Великого Новагорода, чтобы одержать верх над Русскими, преданными Димитрию. Цель замысла была известна только главным заговорщикам. В субботу утром ударили тревогу; раздался крик: в Кремль, в Кремль! Горит Кремль! Молвою о пожаре хотели отвлечь внимание поляков от мятежа.

Между тем, как одни обступили польские квартиры, и никого из них не выпускали, другие ворвались в крепость. Ударили во все колокола; на рев набата сбежалось бесчисленное множество вооруженного народа. Прежде всего рассеяли алебардщиков, потом вломились во дворец. Сам Шуйский с своими клевретами вбежал в сени и там умертвил Басманова, который спал при царе. Царица была еще не одета; ее камерфрейлины не причесаны: они успели только надеть юбки, бросились к окнам, увидели тревогу и спешили узнать, что случилось.

Скоро сведала царица о смерти Димитрия Не зная, на что решиться, она сбежала вниз под своды, но видя, что здесь грозила ей опасность, воротилась в палаты: ее не узнали и столкнули с лестницы. Однакожь она добралась до своих комнат и тут осталась с придворными дамами. Скоро бунтовщики бросились к палатам и стали ломать двери. Царицын камердинер Ян Осмульский бросился на них с саблею и до тех пор сражался в тесноте, удерживая напор мятежников, доколе не выбился из сил: его изрубили в куски. Ружейный выстрел ранил старую панью Хмелевскую: она умерла через несколько дней. Вломившись в комнату, где была царица с дамами, мятежники прекратили убийства и бросились грабить спальни. Между тем подоспели сюда старшие бояре, которые, разогнав чернь, приставили стражу чтобы никто не оскорблял камерфрейлин. Все вещи их спрятали в кладовые за печатью; царицу же со всеми дамами отвели в другую комнату и старались уверить ее в безопасности. Между тем, как сие происходило во дворце, другая толпа овладела конюшнями, бывшими также в крепости, за двором пана воеводы чрез улицу: там побито 25 форейторов и кучеров панских и челядинских; а лошади числом 95 уведены. Одна лошадь была хромая: ее убили, кожу содрали и, рассекши на четыре части, унесли с собою.

Пан воевода еще ничего не знал о царе; но весьма беспокоился как об нем, так и о царице, тем более, что не мог подать им помощи. Ворота его двора с улицы были завалены всякой всячиною, а мы заперлись изнутри. Нас было весьма немного: караул, состоящий из 50 человек пехоты, с рассветом дня разошелся по квартирам. Мятежники, выставив пред нашим домом знамя, старались в оный войти: мы их не пустили. Жолнеры наши выстроились в боевой порядок под штандартом и хотели пробиться на конях в крепость, но никак не могли: улицы заставлены были рогатками и усеяны многочисленным народом который, однако, не смел напасть на жолнеров. Чернь бросилась в их квартиры, захватила лошадей, слуг и все вещи. Воевода имел при себе немногих слуг, коморников и других дворовых людей: мы решились, при всей малочисленности защищаться, ожидая и себе того же, что делали, с другими в глазах наших. Уже наведены было на нас пушки: одни в окна, другие в стену; но как в нашем дворе были каменные подвалы, то без великих усилий нельзя было одолеть нас. Между тем посыпались камни к нам на двор, и несколько стрельцов готовились войти к нам из монастыря чрез проломы, о коих мы ничего не знали, как вдруг прискакали к воротам нашим бояре, требуя, чтобы пан воевода послал кого-нибудь из старших для переговоров с думными боярами. Мы не верили; но когда они дали нам в залог одного боярина, начальствовавшего 500 стрельцов, пан воевода послал старшего служителя своего, Станислава Гоголиньского. Мы пересадили его чрез забор, не смея отпереть ворота Русские, увидев Гоголиньского, обвешенного оружием, заключили, что у нас много людей вооруженных. Его привели к думным боярам Один из сенаторов, не последний зачинщик заговора и предводитель бунтовщиков, по имени Татищев сказав Гоголиньскому: «Всемогущий бог взирает на все царства и по воле своей располагает ими; без воли же его ничто не может быть. Сие должно

сказать и о настоящем происшествии. Господь не восхотел, чтобы хищник, не царской крови, овладев нашим государством, долго утешался своею добычею. Господство его кончилось. И твой пан, по всей справедливости, заслуживает равной участи: он покровительствовал самозванцу, привел его в наше государство, был виною всех минувших бедствий и кровопролития; наконец, в спокойной земле нарушил мир и произвел мятеж. Но бог сохранил его до настоящего часа; да восхвалит теперь благость господню: опасность его миновала. Дочь его со всею челядью спасена. Иди и возвести о сем господину твоему».

По возвращении Гоголиньского, мы удостоверились, что царь убит. Мы вместе и печалились и радовались, получив надежду на безопасность. Чернь, между тем, опять стала приступать к нашему двору: многие уже лезли на заборы. Пан воевода снова выслал Гоголиньского сказать, чтобы чернь удалилась от дома; в противном же случае он умрет с оружием в руках. Мятежников разогнали, и около дома поставили стрельцов.

Едва мы успокоились, как вдруг ударили тревогу во все колокола: толпы народа вламывались в дом князя Вишневецкого. Князь, не зная что делать, со своими слугами и дворовыми сел на коней и хотел ускакать в крепость, или ускользнуть в поле; но сведав о смерти царя и гибели многих поляков, решился остаться в доме и упорною защитою спасти себя...

(Н. Устряловъ. Сказанія современниковъ о Димитрии самозванце, т. IV, стр. 50—55.)

XVII. Время Царя Василия Шуйскаго.

78. Грамота Царя Василія Іоанновича въ Пермь Великую о восшествіи его на престолъ.

(1606, мая 20.)

Отъ Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи, въ Пермь Великую, Князю Семену Юрьевичу Вяземскому да подъячему Ивану Ѳедорову.

Праведнымъ судомъ Божіимъ, а за нашъ грѣхъ и всего православнаго крестіянства, богоотступникъ, еретикъ, ростригa, воръ Гришка Богдановъ, сынъ Отрепьевъ, своимъ воровствомъ и чернокнижествомъ назвавъ себя Царевичемъ Димитриемъ Ивановичемъ Углецкимъ, омраченьем бѣсовскимъ прельстилъ многихъ людей, а иныхъ устращалъ смертнымъ убойствомъ, былъ на Московскомъ государьствѣ Государемъ, и церкви Божіи осквернилъ, и хотѣлъ истинную крестіянскую вѣру попрати и учинить Люторскую и Латынскую вѣру, и по своему злокозненному умыслу всѣхъ крестьянъ хотѣлъ отъ Бога отвести: и Богъ милосердый, не хотя злокозненнаго помысла исполнити, всѣмъ людемъ его воровство и еретичество объявилъ, и за то Гришка, противъ своего злодѣйственнаго дѣла, принялъ отъ Бога возмездіе, злѣ животъ свой скончалъ; а насъ всѣхъ православныхъ крестьянъ милосердый Богъ, по своей неизреченной милости, отъ его злодѣйственнаго умыслу и отъ осквернѣнья избавилъ.

А умыслъ его бѣсовской былъ таковъ: взяты въ хоромѣхъ его грамоты многія ссылочныя, воровскія, съ Полшею и Литвою, о разореньѣ Московскаго государьства, да тутожъ грамота къ нему, къ вору, отъ римскаго Папы, а въ грамотѣ писано, чтобъ онъ держалъ крѣпко свою Латынскую вѣру и дѣти бъ его, которые будутъ впредь по немъ, также въ той вѣрѣ были; а для укрѣпленья Римскія вѣры прислалъ къ нему законника своего попа, а писалъ объ немъ, что онъ его вѣру утвердитъ, и тотъ Папинъ попъ, по своимъ дѣломъ, также злую смерть принялъ. Да послѣ смерти жъ того вора Гришки, объявилъ Полякъ, который жилъ у него близко, что было тому вору ростригѣ вести нарядъ пушечной болшой съ города и изъ казны весь, для стрелбы и ѣхать было ему за посадъ, а бояромъ и дворяномъ и всякимъ людемъ быти было съ нимъ же всѣмъ вооруженнымъ, съ копьи и съ пищалми, будто для потѣхи, и пріѣхавъ было къ наряду всѣхъ бояръ и думныхъ людей и болшихъ дворянъ побить, и росписано было у него имяна всѣхъ, кому кого побить указано; а побивъ и пріѣхавъ въ городъ роз-

давати было ему тестю своему, воеводѣ Сандомірскому, и его родству многіе городы и наша царьская казна, что осталась за его воровскимъ расточеньемъ, и всѣхъ было православныхъ крестьянъ приводити въ Люторскую и въ Латынскую вѣру; да, по своему злодѣйскому умыслу, нарядъ весь пушечной вывезъ, и то знатно, что было такъ ему чинити. Да намъ же и бояромъ нашимъ сказывалъ Золотой Квашнинъ, которой измѣнилъ, отъѣхалъ отъ великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Литву, умыслъ того вора Гришки, что онъ, будучи въ Литвѣ, поступился Королю Смоленска и Сѣверскія земли всеѣ, а тестю своему воеводѣ Сандомирскому и родству его многіе городы въ вотчину, и на томъ на всемъ ему присягалъ, и хотѣлъ разорити Московское государьство. И мы, слыша и видя то, всесилному Богу хвалу воздаемъ, что отъ такова злодѣйства избыли.

И послѣ того, прося у Бога милости, Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и весь освященный соборъ, также и бояря, и дворяня и дѣти боярскіе, и всякіе люди Московского государьства, избирали всемъ Московскимъ государьствомъ, кому Богъ изволитъ быти на Московскомъ государьствѣ Государемъ: и били намъ челомъ... чтобъ намъ быти на Московскомъ государьствѣ Государемъ...

И мы, великій Государь, Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи... учинились есмя на Московскомъ государьствѣ Государемъ, и съ Божіею помощію хотимъ держати Московское государьство по тому жъ, какъ прародители наши великіе Государи Російскіе Цари, а васъ всѣхъ хотимъ жаловати и любити свыше прежняго и смотря по вашей службѣ; на томъ на всемъ язъ Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, въ соборной церквѣ Пречистыя Богородицы, предо всѣми людми цѣловалъ Животворящій крестъ всѣмъ людемъ Московского государьства...

(Нам. по ист. см. врем.; изд. Н. Ключкова, № 6.)

---

79. Крестоцѣловальная запись Царя Василія Шуйскаго.

(1606 г.)

Божіею милостію, мы, великій Государь, Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ всеа Русіи, щедротами и человѣколюбіемъ славимаго Бога, и за моленіемъ всего освященнаго собора, и по челобитью и прошенью всего православного христіянства, учинилися есмя на отчинѣ прародителей нашихъ, на Російскомъ государьствѣ Царемъ и Великимъ Княземъ, его же дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, иже бѣ отъ Римского Кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего Великого Князя Александра Ярославича Невского на семъ Російскомъ государьствѣ быша прародители мои, и по семъ на Суздалской удѣлъ роздѣлишась, не отнятіемъ и не отъ неволи, но по родству, яко же обыкли болшая братья на болшая мѣста сѣдати: и нынѣ мы, великій Государь, будучи на престолѣ Російского царьствія, хотимъ того, чтобъ православное христіянство было нашимъ царьскимъ доброопаснымъ правителствомъ въ тишинѣ и въ покоѣ и благоденствѣ, и поволилъ есми язъ Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ, великому Государю, всякого человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отъимати, будетъ которые съ ними въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ и у черныхъ людей, хоти которой по суду и по сыску доидетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отъимати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны; да и доводовъ ложныхъ мнѣ,—великому Государю, неслушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіянство безвинно не гибли; а кто на кого солжетъ и сыскавъ того казнити, смотря по винѣ его, что былъ взвелъ неподѣлно, тѣмъ самъ осудится.

На томъ на всемъ, что въ сей записи писано, и язъ Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ крестьяномъ, что мнѣ ихъ, жалуя, судити истиннымъ праведнымъ судомъ, и безъ вины ни на кого опалы своей не класти, и недругомъ никому нико

го въ неправдѣ не подавати и ото всякого насилства оберегати...

(Пам. по ист. см. вр., изд Н. Клочкова, № 6.)

---

80. Изъ грамоты патріарха Ермогена, о мятежѣ въ сѣверскихъ и рязанскихъ городахъ.

Филарету, митр. Ростовскому и Ярославскому.

(1606, ноября 30.)

Нынѣ, по своимъ грѣхомъ, забывъ страхъ Божій, воста плевелъ, хощетъ поглотити пшениценосные класы: окопясь, разбойники и тати и бояръ и дѣтей боярскихъ бѣглые холопи, въ той же прежепогибшей и оскверненной Сѣверской Украйнѣ, и сговорясь съ ворь съ казаки, которые отступили отъ Бога и отъ православныя вѣры и повинулись сатанѣ и дьяволскимъ четамъ, и оскверня всякими злыми дѣлы Сѣверскіе городы и пришли въ Рязанскую землю и въ прочая городы, и тамо тако жъ святыя иконы обесчестиша, церкви святыя конечно обругаша, домы разграбиша, и многихъ смерти предаша.

Московскій же, Богомъ соблюдаемый народъ, Государевы бояре, и князи, и христолюбивое воинство, и вси православные крестьяня, отъ мала и до велика, слышавше таковую Богомъ ненавистную прелесть, еже мертваго живымъ нарицаху, и святымъ Божіимъ иконамъ и святымъ церквамъ таковое злое безчестіе творяху, и братію свою православныхъ крестьянъ не токмо конечному студу, но и смерти предаяху, и о всемъ умилишася и вси единодушно укрѣпишася цѣлованіемъ животворящаго креста Господня, еже отъ таковыхъ крѣпко стояти, даиже и до смерти, и быти во всѣхъ любви и въ мирѣ съ одного на враговъ Божіихъ и на всѣхъ супостатовъ стояти, и не попускати таковымъ злодѣемъ таковыхъ скаредныхъ и богоненавистныхъ дѣлъ содѣвати,—еже окаянныи, забывъ страхъ Божій и часъ смертный и судный страшный день, не преставша сами собя воевати, пришли къ царьствующему граду Москвѣ, въ Коломенское, и стоятъ и розсылаютъ воровскіе листы по городомъ и велятъ вмѣщати въ шпыни и въ боярскіе и въ дѣтей боярскихъ люди и во всякихъ воровъ всякіе злые дѣла, на убіеніе и на грабежъ, и велятъ цѣловати крестъ мертвому злодѣю и прелестнику ростригѣ, и сказываютъ его проклятаго жива...

(Пам. по ист. см. врем., изд. Н. Клочкова № 10.)

---

81. Указъ о заповѣдныхъ лѣтахъ.

(1608 г.)

...Которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 году положены, и тѣмъ быть за тѣми, за кѣмъ писаны; а буде тѣ крестьяне вышли оа кого иного, и въ томъ есть на крестьянъ тѣхъ, или на тѣхъ, кто ихъ держитъ, челобитье, и тѣ дѣла не вершены, или кто Сентября по 1 число сего года будетъ бить челомъ, и тѣхъ крестьянъ отдавати по тѣмъ книгамъ со всѣми ихъ животы тѣмъ, за кѣмъ они писаны, до сроку (Рождества Христова 116 года) безъ пожилаго; а не отдастъ кто на тотъ срокъ, ино на немъ брати за пріимъ и пожилое по сему уложенію; а не было о которыхъ крестьянахъ челобитья по сей день, и Сентября по 1 не будетъ, и тѣхъ послѣ того срока по тѣмъ книгамъ не отдавати, а написати ихъ въ книги, за кѣмъ они нынѣ живутъ, и впредь за пятнадцать лѣтъ о крестьянахъ суда не давати, и крестьянъ не вывозити (не возвращати).

А буде которые отнынѣ и за кого вышедъ перейдутъ къ иному кому бы то ни было, и тотъ приметъ противо сего нашего соборнаго уложенія, и у того крестьянина взявъ перевести ему со всѣми того крестьянина пожитки, откуда онъ перебѣжалъ; а дворъ естьли тотъ крестьянинъ строилъ, заплатити чего судитъ, а двора не возити; да съ него же на Царя Государя за то, что принялъ противо уложенія, доправити 10 рублевъ, не принимай чужаго, да съ него же за пожилое тому, чей крестьянинъ, за дворъ на всякой год по три рубли, и за холостаго тоже на годъ по три рубли...

А которые послѣ сего уложенія крестьяне, или холопи, или раба побѣжитъ отъ своего государя и придетъ къ иному, и государю искати своего холопа, и рабу и крестьянина въ пятнадцати лѣтахъ отъ побѣга, а за пятнадцать лѣтъ не искать.

А въ городахъ воеводамъ и Дьякамъ и всякимъ приказнымъ людемъ навѣдыватись во всемъ ихъ уѣздѣ чрезъ старость, и сотскихъ и священниковъ, нѣтъ ли гдѣ пришлыхъ людей вновь, и гдѣ ему скажутъ, оныхъ брати и спрашивати накрѣпко, чей онъ, откуда, куда бѣжалъ, и гдѣ сколько жилъ, и не подговорилъ ли его кто; и буде скажетъ кто подговорилъ и доведетъ на него, и того подговорщика казнити торговою казнію и взять съ него поруку, что ему того бѣглаго отвести къ его государю, да съ него же въ казну взяти пѣни 10 рублевъ; а съ пріемщиковъ со всякого, кто его принималъ и въ селѣ болѣе 7 дней держалъ, доправити въ казну по 10 рублевъ за дворъ и за одинокаго мужика, а за бабу и за дѣвку по 3 рубли за пріемъ...

А которой Намѣстникъ, или Судья, или Дьякъ и иной приказной человѣкъ о пришлыхъ въ его уѣздѣ провѣдывать, и сыскивать и допрашивать не будетъ, и за приемъ деньги брать не станетъ, а доведутъ на него въ томъ, и съ него тѣ деньги доправити вдвое, и отъ дѣла отбросити, и впредь ему ни у какова Государева дѣла не быти.

(Пам. по ист. крестьян, изд. Н. Клочкова, № 37.)

---

82. Челобитная самозванцу крестьянъ Переяславскаго уѣзда Закубежской волости, о запрещеніи Литовцамъ разорять означенную волость.

(1609—10 г.)

Царю и государю и великому князю благовѣрному Димитрею Ивановичу всеа Руси біютъ челомъ и плачутца и повинуютца Божіи сироты да твоѣ государевы, Переславского уѣзда Залѣсского, Закубежскіе волости, старостишко Курбатко Павловъ, да Матюшка Яковлевъ деревни Кошелева, да Шестачко Курбатовъ деревни Овчинникова... (еще 21 имя) и всѣ крестіяне Закубежскіе волости.

Благовѣрной царь, государь и великій князь Дмитрей Ивановичь всеа Руси! пощади сиротъ своихъ государевыхъ, не вели насъ Литовскимъ людемъ воевати и на смерть побивати, и женишекъ и дѣтишекъ нашихъ въ полонъ имати, и животишекъ нашихъ грабити, и своихъ, государь, вотчиныхъ деревень Закубежскіе волости пожигати; твоѣ, государь, Литовскіе люди насъ, сиротъ тво-ихъ, въ Закубежской волости многихъ людей на смерть пересѣкли и животишка наши всѣ поимали; а кои, государь, досталные твоѣ государевы крестьянишка осталися, и онѣ съ страху и съ ужасу скитаюца по лѣсу и болоту душею и тѣломъ, хлѣбишко наше рожь и ярь не жата и озимная не сѣяна.

Благовѣрной царь, государь и великій князь Дмитрей Ивановичь всеа Русіи! пощади насъ сиротъ своихъ государевыхъ, не вели насъ воевати, и на смерть побивати, и животишекъ нашихъ грабити; а мы, государь, сироты твоѣ...

(Доп. къ А. И, т. I, № 159.)

---

83. Отписка Устюжанъ къ Вычегодцамъ, о разореніи Ростова Литовскими людьми, 1608, Ноября 27.

Нынѣшняго, 117 году Ноября въ 26 день пріѣхалъ къ намъ на Устюгъ, изъ Ярославля, Устюжской кабацкой откупщикъ, Михалко Ивановъ; да съ Вологды пріѣхалъ здѣшной Устюжской приставъ Поспѣлко Усовъ. И кабацкой откупщикъ Михалко сказывалъ намъ на совѣтѣ, при всемъ народѣ, что Божіимъ изволеніемъ, грѣхъ ради нашихъ, сдѣлалось надъ Ростовомъ: пришедъ Литовскіе люди въ Ростовъ, ихъ плоштвомъ, потому что жили просто, совѣту де и оберегатья не было, и Литовскіе де люди Ростовъ весь выжгли и людей присѣкли, и съ Митрополита съ Филарета санъ сняли и поругалися ему, посадя де на возокъ съ женкою да въ полки свезли; а изъ Ярославля де лутчіе люди, пометавъ домы своя, разбѣжалися, а чернь со княземъ Ѳеодоромъ Борятинскимъ писали въ полки повинныя и крестъ де цѣловали, сказываютъ, Царевичу Князю Дмитрею Ивановичу; и оттуда де, изъ Ярославля князь Ѳеодоръ Борятинской прислалъ на Вологду наказъ и цѣловалную запись, и на Вологдѣ де Никита Пушкинъ съ товарыщи крестъ цѣловалъ же и Вологжанъ ко кресту приводилъ, и къ Тотьмѣ съ того наказу списокъ и цѣловалную запись прислалъ же, и Тотмичи, сказываютъ, отъ нужи со слезами крестъ цѣловали...—

Да приставъ Поспѣлко Усовъ намъ, при всемъ же народе, сказывалъ: при немъ же де присланы изъ полковъ два сына боярскіе, и чли при всемъ

народѣ, а писана къ мірскимъ людемъ ко всей землѣ, на Вологду, грамота, и ту де грамоту онъ слышалъ как чли, недѣли съ двѣ, и въ грамотѣ писано: велѣно собрати съ Вологды съ посаду и со всего Вологодского уѣзда, и со архіепископскихъ и со всякихъ монастырьскихъ земель, съ сохи по осми лошадей, съ саньми, и съ веретеи, и съ рогожами, да по осми человѣкъ съ сохи, а тѣ лошади и люди велѣно порожжіе гонити въ полки; да въ той же де грамоте написано: велѣно собрати съ Вологды же съ посаду и со всего Вологодского уѣзда, съ выти со всякія, сколько въ Вологодскомъ уѣздѣ вытей есть, столового всякого запасу, съ выти, по чети муки ржаной, по чети муки пшеничной, по чети крупъ грешневыхъ, по чети крупъ овсяныхъ, по чети толокна, по чети сухарей, по осминѣ гороху, по два хлѣба бѣлыхъ, по два ржаныхъ, да по тушѣ по яловицѣ по болшой, да по тушѣ по бараньѣ, по два полти свинины свѣжія да по два ветчины, да по лебедю, да по два гуся, по два утятъ, по пяти куровъ, по пяти ососовъ, по два зайца, по два сыра сметанныхъ, по ведру масла коровья, по ведру конопляного, по ведру рыжиковъ, по ведру груздей, по ведру огурцовъ по сту рѣтекъ, по сту моркови, по чети рѣпы, по бочкѣ капусты, по бочкѣ рыбы, по сту луковицъ, по сту чесноку, по осминѣ снѣдковъ, по осминѣ грибковъ, по пуду икры черныя, да по осетру по яловцу, да по пуду красныя рыбы, да питей по ведру вина, по пуду меду, по чети солоду, по чети хмѣлю; то столко всякого запасу съ одной выти, а съ иныхъ со всякія выти потому же; а тѣ запасы велѣно провадити Вологодскимъ уѣздомъ, мірскимъ людемъ, старостамъ и цѣловалникомъ, на мірскихъ подводахъ, опричь тѣхъ, что по осми лошадей съ сохи. А по другой грамоте велѣно на Вологдѣ же, переписати у торговыхъ людей, которые торгуют рыбою, рыбу всякую и рыбныхъ ловцовъ и ловли рыбныя всякія, а ловити велѣно свѣжую рыбу ловцомъ на него, которой ся называетъ Княземъ Дмитреемъ, пять дней и пять ночей; а шестой день велѣно ловити на дворецкого его, на князя Семена Звѣнигородского; а ловля рыбная всякая велѣно имати на посадѣ и въ волостехъ и ловцовъ. И какъ тѣ обѣ грамоты въ народѣ прочли, и Вологжане противъ тѣхъ грамотъ ничего не сказали, а иные многіе заплакали, а говорятъ де тихонько другъ съ другомъ: хоти де мы ему и крестъ цѣловали, а токобъ милосердый Бог праведный свой гнѣвъ отвратилъ и далъ бы побѣду и одолѣніе на враги Государю Василью Ивановичу всея Русіи, и мы де и всею душею ради всѣ головами служити, токо буде иные городы, Устюгъ и Усолье и Поморскіе, намъ помогли, и намъ всѣмъ также было безделно помереть же будетъ...—

И мы, господине, поговорили съ Устюжаны съ посадскими людми и съ волостными крестьяны: как, коимъ обычаемъ, тѣмъ дѣломъ промыслити, токо къ намъ на Устюгъ также, какъ и къ Вологдѣ и къ Тотьмѣ, пришлютъ наказы и цѣловалную запись, и намъ цѣловать ли крестъ или стояти крѣпко? И Устюжане, господине, посадскіе люди и волостные крестьяне съ нами говорили накрѣпко. что креста цѣловати тому, которой называется Царемъ Дмитреемъ, не хотятъ; а хотятъ стояти накрѣпко, и людей сбирати хотят тотчасъ со всего Устюжскаго уѣзда поворотно головами. А про Московское Государьство они же и иные люди сказывали, что Московское Государьство. дал Богъ, стоитъ по старому здорово...

А наша мысль то: будет вы къ намъ пріѣдете и стоять съ нами заодинъ похотите, и намъ вамъ въ томъ крестъ цѣловати межъ собя, а вамъ также крестъ цѣловати, что намъ съ вами, а вамъ съ нами и ожить и умереть вмѣстѣ

(Пам. по ист. см. вр. изд. Н. Клочкова, № 12.)

XVIII. Междуцарствие.

84. Окружная грамота бояръ, окольничихъ и всѣхъ чиновъ Московскаго государства въ Пермь Великую, о сведеніи Царя Василія Іоанновича с престола.

(1610 г., іюля 20.

За грѣхъ всего православнаго крестьянства въ Московскомъ государьствѣ многое время кровь крестьянская льется межусобною бранью и, видя межъ православныхъ крестьянъ межусобье, Полские и Литовские люди пришливъ землю государьства Московского и многую крестьянскую кровь пролили, и церкви Божіи и монастыри разорили, и образомъ Божьимъ поругаются, и хотятъ православную крестьянскую вѣру въ Латынство превратити; и нынѣ Полской и Литовской король стоитъ подъ Смоленскомъ, а гетманъ Желтовскій съ Полскими и съ Литовскими людми стоитъ въ Можайску, а иные Литовские люди и Руские воры пришли съ воромъ подъ Москву и стали въ Коломенскомъ, а хотятъ Литовские люди, по ссылкѣ съ гетманомъ съ Желтовскимъ, государьствомъ Московскимъ завладѣти и православную крестьянскую вѣру разорити, а свою Латынскую вѣру учинити.

И дворяне и дѣти боярские всѣхъ городовъ, и гости, и торговые люди, и стрѣлцы, и казаки, и посадскіе, и всякихъ чиновъ люди всего Московского государьства, поговоря межъ себя и услыша украинныхъ городовъ ото всякихъ людей, что Государя Царя и Великого Князя Василія Ивановича всеа Русіи на Московскомъ государьствѣ не любятъ, и къ нему, къ Государю, не обращаются, и служити ему не хотятъ, и кровь крестьянская межусобная льется многое время, и всталъ отецъ на сына и сынъ на отца, другъ на друга, и видя всякіе люди Московскому государьству такое конечное разоренье,—били челомъ ему, Государю, всею землею, всякіе люди чтобъ Государь государство отставилъ для межусобныя брани и для того, которые отъ него Государя боясь опалы, или которые его Государя не любя, и къ нему къ Государю и ко всему Московскому Государьству не обращаются, и тѣ бъ всѣ были въ соединеньѣ и стояли бъ за православную крестьянскую вѣру, всѣ заодно.

И Іюля въ 17 денъ Государь, Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ всеа Русіи, по челобитью всѣхъ людей, государьство отставилъ и съѣхалъ на свой на старой дворъ и нынѣ въ чернцѣхъ. И мы... цѣловали животворящей крестъ на томъ, что намъ всѣмъ противъ воровъ стояти всѣмъ государьством заодно и вора на государьство не хотѣти; и вамъ бы всѣмъ, всякимъ людемъ, стояти съ нами вмѣстѣ заодно и быти въ соединеньѣ, чтобъ наша православная крестьянская вѣра не разорилась, и матери бы наши и жены и дѣти въ Латынской вѣрѣ не были; а на Московское бъ государьство выбрати намъ Государя всею землею, сослався со всѣми городы, кого намъ Государя Богъ дастъ, а до тѣхъ мѣстъ правити бояромъ князю Ѳеодору Ивановичу Мстиславскому съ товарыщи; и промежъ бы всѣхъ православныхъ крестьянъ убивства и бою и грабежу и всякого воровства не было, ни кому ни каковы недружбы не мстити, и противъ вора и Литовскихъ людей стояти всѣмъ заодно, чтобъ государьства Московского Полскіе и Литовскіе люди до конца не разорили.

(А. А. Э., т. II, № 162.)

---

85. Договорныя статьи Польскаго короля Сигизмунда III-го съ Московскими боярами.

[1610, февраля 14. (4).]

Отказъ (отвѣтъ) наяснѣйшого Жикгимонта третьего, Божьею милостью короля Польского и великого князя Литовского, Московского господарства бояромъ, околничимъ, дворяномъ, дьяком думнымъ и всимъ станомъ, на артыкулы и прозбы их:

1. Написали есте: кгды дасть Богъ, великій господаръ король его милость въ Московскомъ господарстве и на всихъ преславныхъ и великихъ господарствахъ Російскихъ захочетъ великимъ господаремъ царемъ и великимъ княземъ учинити сына своего Владыслава, абы его милость великій господаръ царь и великій князь на Московское госпо-

дарство короновался або вѣнчался вѣнцомъ царскимъ и дiядемою, въ Москвѣ, отъ руки патрыарха Московского, стародавнымъ обычаемъ, якъ прошлые великiе господары Московскiе на преславное господарство Московское короновалися.—На то его королевская милость позволяти рачитъ, кгды Господь Богъ волю и часъ свой за упокоеньемъ досконалымъ того господарства пошлетъ.

2. Абы святая православная Греческая вѣра и святая апостольская церковь мѣла свою цѣлость и красоту по первшому, и въ апостольскихъ и всепенскихъ научителевъ науцѣ и поданью ни въ чомъ не нарушена была, и абы учители Римскiе и Люторскiе и иныхъ вѣръ розорванья церковного не чинили; а которые Римскоѣ вѣры люди захочутъ приходить до церкви Греческоѣ вѣры, тые абы приходили со страхомъ, яко пристоитъ правдивымъ христiяномъ, а не гордостью и не въ шапкахъ, и псовъ бы съ собою не водили въ церковь, и не водлуг часу въ церкви не сѣдѣли.— И на то его королевская милость позволяти рачитъ: вѣдьже, ижъ для людей Римскоѣ вѣры потреба мѣтъ костелъ (яко о томъ еще за Бориса мовы были), а при томъ костелѣ каплановъ або поповъ Лядскихъ, и о томъ съ патрыархомъ и со всимъ господарствомъ и съ бояры думными намова быти маетъ, абы для людей католицкихъ костелъ хотя одинъ могъ быти въ мѣстѣ столечномъ Москвѣ, для набоженства людей Польскихъ и Литовскихъ, при которыхъ естли бы зъ Русскихъ людей кому быти трафилося, абы съ такою же учтивостью въ костелѣ яко и въ Рускихъ церкваяхъ справовался. Отводити тежъ отъ Греческой вѣры въ Римскую и ни въ которую иную вѣру король его милость и сынъ его королевской милости не кажетъ: кгдыжъ вѣра есть даръ Божый, и никого отъ вѣры силою отволити альбо примушати не годится, але Русину Руская, а Польскимъ и Литовскимъ людемъ Лядская вѣра вольна быти маетъ. А Жидомъ въ Московскомъ господарствѣ съ торгомъ и съ никоторыми дѣлы бывать не позволятъ и овшемъ закажутъ.

3. Цѣлбоносные гробы и тѣла Святыхъ король его милость яко истинный господаръ христiанскiй съ сыномъ своимъ у великой учтивости мѣти хочет. Патрыарха тежъ Московского, также митрополитовъ, архiепископовъ, епископовъ и весь духовный станъ хочутъ шановати и въ милости ховати, такъ якъ Римского костела архiепископовъ, епископовъ и всихъ каплановъ, слугъ Божiихъ шануютъ и милуютъ. Въ справы тежъ духовные вдаваться не будутъ, и въ духовные дѣла мимо уставы Отцовъ святыхъ и апостольской церкви вступоватися не хочутъ: а хто чого не достоинъ и иныхъ вѣръ людей на духовный станъ епископства господаръ его милость подавати не будетъ.

4. Наданья вси прошлыхъ господаровъ Московскихъ, и боярскiе и всякихъ людей наданья на церкви Божiи и на манастыры въ дѣлости при церквяхъ и манастырахъ зоставати будутъ, ни въ чомъ ихъ не нарушаючи; такожъ до которыхъ церквей священникомъ и дьякономъ и всякимъ церковнымъ слугамъ, съ звычаю и щодробливости даваны зъ господарскихъ росходовъ отчизны и оброки: тое господаръ его милость росказал рачитъ давати завжды зъ господарскихъ росходовъ и над то, съ побожности своее, для хвалы Божой, церквямъ Божiимъ и манастырамъ отчизнъ и оброковъ прибавляти будетъ.

5. Бояръ и окольничихъ и всякихъ думныхъ и ближнихъ и приказных людей господаръ его милость хочетъ мѣти въ учтивости и въ ласцѣ своей господарской, яко хто годенъ и яко было съ початку, и звычаи вси давные добрѣ хочетъ заховати; а жалованье, денежные оброки, и помѣстья и отчизны, хто што мѣлъ передъ тымъ, тое и впередъ мѣти маетъ, а господарь его милость зъ ласки и щодробливости своее, и надъ то водлугъ заслугъ кождого прибавляти и причинятися будетъ рачити.

6. Служивымъ людемъ, дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ господаръ его милость господарское жалованье давати велитъ зъ четверти кождого году, водлугъ звычаю давного; а естли што прибавлено не отъ властныхъ господарей и не водлугъ ихъ достойности, або естли у которыхъ убавлено безъ вины; о томъ господаръ его милость будетъ рачити нарадиться и намовити зъ бояры думными, и якая рада альбо намова ихъ будетъ, его господарская милость такъ въ томъ поступовати будетъ рачити яко ся годитъ, и льготу тежъ гдѣ спустошены отчизны и помѣстья учиняти будетъ рачити, нарадившися зъ бояры; а дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ, которые жалованье господарское берутъ зъ городовъ, господаръ его милость давати имъ жалованье господарское кажетъ водлугъ службы, якъ передъ тымъ бывало за первшихъ господарей.

8. Суды маютъ быти сужены и отправованы водлугъ звычаю и Судебника; а будутъ ли хотѣти въ чомъ поправы для укрѣпленья судовъ на справед-

ливости, ино тое вольно будетъ бояромъ и всей земли, а господарь его милость поправы судомъ позволяти рачит, што бы было до святоѣ справедливости потребно.

11. Естли ся хто въ чомъ провинитъ зъ якогокольвекъ стану и каранье заслужитъ въ господарскихъ и земскихъ дѣлѣхъ, того господарь его милость водлугъ вины и выступку карати маетъ, осудивши первѣй справедливо съ бояры и съ думными людми; а жоны, дѣти, братья, которые того учинку не помогали и не вѣдали, альбо не призволяли, казнены быти не маютъ, и овшемъ при своихъ отчизнахъ и помѣстьяхъ и маетностяхъ зоставати маютъ; а не дошедши выступку и не осудивши судомъ съ бояры всими, никого не карати, чести зъ нихъ не брати, на вязенье не засылати, помѣстья и отчизны не отыймовати. А великихъ становъ людей невинне не понижати, а меньшіе станы подносити водлугъ заслугъ. Отчизнъ тѣхъ и маетностей ни въ кого не брати: але естли хто безъ потомства зъ сего свѣта зойдетъ, ино на близкихъ повинныхъ спадати мают. А все то господарь его милость чинити будетъ съ порадою и намовою бояр думныхъ, а безъ рады и намовы бояръ думныхъ господарь его милость ничого чинити не будетъ рачить. До Литвы тежъ и до Польши никого поневолѣ господарь его милость отводити не будетъ рачить. А для науки вольно кождому зъ народу Московского людемъ ѣздити въ иншые господарства хрестіянскіе, опрочь бусурманскихъ поганскихъ, а господарь его милость отчизнъ и маетностей у нихъ за то отыймовати не будетъ.

13. Польскимъ и Литовскимъ паномъ на Москвѣ и по городахъ воеводствъ и урядовъ не давати, а тыхъ што при великомъ господарѣ зостать будуть мусѣли, денежнымъ жалованьемъ и поместьями и отчизнами нагорожати, однакъ, зъ спольною обоихъ господарствъ радою; а яко бы на украиныхъ замкахъ для людей спольныхъ народовъ уряды певные, до досконалого успокоенья господарства того, и при людехъ нашихъ зоставали, о томъ зъ бояры думными намовитися будетъ рачить господарь его милость на часѣ своемъ.

14. Пожитки и доходы господарскіе всякіе зъ городовъ и волостей, также съ кабаковъ и съ тамги грошы велитъ господарь его милость отбирать по давному, як было за прошлыхъ великихъ господарей; а надъ давные звычаи не кажетъ ничого нового господарь его милость прибавляти. А которые городы отъ войны спустошѣли, до тыхъ пошлетъ господарь его милость списати и довѣдатися, много ль чого убыло. А доходы брати зъ осѣлыхъ роскажетъ водлугъ описанья и дозору. А на незавоеванный городъ естли што надобѣ надъ первшіе податки прибавити, о томъ зъ бояры и зъ думными людми господарь его милость намовитися будетъ рачить.

15. Купцомъ Польскимъ и Литовскимъ в Московскомъ господарствѣ, а Рускимъ Московскимъ въ Польшѣ и въ Литвѣ торги маютъ быти вольные, и не только въ своихъ господарствахъ во всихъ всякими товарами торговати, але и до чужихъ земль черезъ Польшу и Литву купцомъ Рускимъ для торговъ ѣздити позволяти рачитъ его королевская милость; а тамги зъ нихъ на Москвѣ и во всихъ городахъ Московского господарства, также въ Польше и въ Литвѣ роскажетъ король его милость брати водлугъ стародавного обычаю, якъ бирано было передъ тымъ, ничого большъ надъ то не прибавляючи, ани упоминковъ черезъ мусъ не вымогаючи.

16. Мужикомъ хрестьяномъ до Литвы зъ Руси а зъ Литвы до Руси, и на Руси всякихъ становъ людемъ Рускимъ промежъ себе выходу не кажетъ король его милость допущати.

17. Холоповъ невольниковъ боярскихъ заховывати рачитъ его королевская милость при давныхъ звычаѣхъ, абы бояром альбо паномъ своимъ служили по первшому: а вольности имъ господарь его милость давати не будетъ рачить.

18. На Волзѣ, на Дону, на Яикѣ и на Теркѣ козаковъ естли надобѣ, або не надобѣ, намовитися о том будетъ рачить господарь его милость зъ бояры и зъ думными людми.

А чого въ тыхъ артыкулѣхъ не доложено, а дасть Господь Богъ, его королевская милость будетъ подъ Москвою и на Москвѣ, и будутъ его господарской милости о которые артикулы бити чоломъ Московского господарства патрыархъ и весь освященный соборъ, и бояре и дворяне и всихъ становъ люди: тогды о тыхъ артыкулѣхъ его господарская милость мовити и становити и конецъ учинити рачить будетъ зъ Московского господарства звычаю, съ патрыархомъ и со всимъ освященным соборомъ и съ бояры и со всею землею.

Писанъ на стану нашомъ подъ Смоленскомъ, лѣта отъ нароженья сына Божого 1610, мѣсяца Феварля 14 дня. — Sigismundus rex. — Janusz Tyszkiewicz Skumin, pisarz W. X-wa Lit.

(Пам. по ист. см. вр., изд. Н. Клочкова, № 14.)

86. Челобитная Польскому королю Сигизмунду и сыну его Владиславу — Захарія Ляпунова, о помѣстьяхъ, отчинахъ и жалованьѣ.

(1610—11 г.).

Наияснѣйшему Великому Государю Жигимонту Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, бьетъ челомъ подданной холопъ сына твоего, Королевича, Государя нашего Царя и Великого Князя Владислава Жигимонтовича всеа Руси, Захарей Лѣпуновъ.

Сидѣли, Государь, на Москвѣ, отъ вора въ осадѣ, изъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе; и за мою службу, бывшей Царь Василей далъ мнѣ на Резани, измѣнничье помѣстье Ондрея Ржевскаго селцо Дядково да деревню Горайнову да Боврамово, да изъ волости на Резани селцо Козарь; а тотъ, Государь, Ондрей Ржевской крестному цѣлованью измѣнилъ, отъѣхалъ къ вору, и въ воровствѣ его убили. И Царь Василей, поговоря съ Потреархомъ и съ бояры, которые на Москвѣ въ осадѣ сидѣли, а къ вору не отъѣзжали и не измѣняли, приговорили: давати боярамъ, и розныхъ городовъ дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ, за службу и за осадное сидѣнье, помѣстьи въ вотчины; а мнѣ бывшей Царь Василей помѣстья въ вотчину не далъ.

Наяснѣйшій Великій Государь Жигимонтъ Король Польской и Великій Князь Литовской! пожалуй подданнаго холопа сына своего, Королевича, Государя нашего Царя и Великого Князя Владислава Жигимонтовича всеа Руси, тѣмъ измѣнничьмъ Ондреевскимъ помѣстьемъ Ржевскаго да селцомъ Козарью, за мою службу, мнѣ въ вотчину. Наяснѣйшій Великій Государь Жигимонтъ Король Полской и Великій Князь Литовской, смилуйся!

(А. И. т. II, № 311, III.)

---

87. Земельные пожалованія при королевичѣ Владиславѣ.

1610—1611 г.г.

1. Царю г. и в. к. Владисл. Жигим. в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой Гришка Сунбуловъ. Билъ язъ челомъ тебе, государю, въ Бежецкамъ Верьху а (-о) князь Иванавскай вотчине Шуйскова а сельцо Поречьи зъ деревнями, и то, государь, сельцо мимо меня, холопа твоего, отдано князю Юрью Еньшину зъ братамъ. А нынече, государь, тотъ князь Юрья зъ братамъ тебе, государю, изменилъ, стоитъ противъ тобя, великова государя. А язъ, холопъ твой, на Москве въ осаде, и работишка моя извесна старасте Александру Ивановичу Корвину-Госевскому и боярамъ и всему рыцерству. Милосердый государь ц. и в. к. В. Ж. в. Р., смилуйся, пожалуй меня, холопа своего, темъ сельцомъ Поречьемъ зъ деревнями. Царь государь, смилуйся.

На оборотѣ челобитной написано: Господину Ивану Тарасьевичу, чоломъ бью вашой милости, штобы ваша милость бояромъ, князю Федору Ивановичу съ товарищми, ету челобитную прочолъ и мой совѣтъ известилъ, что приклгожо Кгрикгорью Федоровичу Самбулову, который верне служитъ асударю, дать тое село по изменнику по Ямшине и дать бы ему тотчасъ кграмоту царскую. Вашой милости работникъ Александро Корвинъ-Кгосевскій рукою.

Помѣта: 119-го маія въ 26 день бояромъ сказывалъ,—велѣли дать грамота...

2. Списокъ съ королевского листа.

Божіею милостью, великій государь и великій князь Жигимонтъ третій, король польскій и великій князь литовскій, рускій, прускій, жомотскій, мазоветцкій, кіевскій, волынскій, подольскій, подлятцкій, виѳлянскій, кготцкій, а шветцкій, подольскій, вондольскій дедичный король, княже виѳлянскій и иныхъ, и сынъ нашъ наяснѣйшій великій государь королевичъ Владиславъ Жигимонтовичъ, великого государства Московского бояромъ нашимъ, слузе и конюшему и намѣстнику володимерскому князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому съ товарыщи. Пожаловали есмя дворянина нашего Олексѣя Романовича Безобразова за его къ намъ вѣрную службу и князя Ондрѣевскимъ помѣстьемъ Васильевича Голицына на Вологдѣ на восмьсотъ четвертей въ его окладъ до воли и ласки нашее государьское. И данъ ему на то нашъ государьскій листъ, водл (ъ) которого вамъ бы бояромъ нашимъ велѣти ему тѣмъ помѣстьемъ на Вологдѣ владѣти. Писанъ на нашомъ стану подъ Смоленскомъ лѣта Божіи Нароженю 1611 мѣсяца апрѣля въ 23 день.

Приписьу листа: Левъ Сопѣга канцлѣръ господарскій. А назади у листа написано: великого государьства Московского боя-

ромъ нашимъ, слузе конюшему и намѣстнику володимирскому князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому съ товарыщи...

3. Наяснѣйшему великому государю Жигимонту королю польскому и великому князю литовскому и государю ц. и в. к. Владисл. Жигим. в. Р. бьетъ челомъ вѣрноподданный вашіе государскіе милости Гришка Орловъ. Милосердые великіе государи, пожалуйте меня, вѣрноподданного холопа своего, въ Суздальскомъ уѣздѣ измѣнничымъ княжъ Дмитреевымъ помѣстейцомъ Пожарского сельцомъ Ландехомъ Нижнимъ зъ деревнями; а князь Дмитрей вамъ государемъ изменилъ, отъѣхалъ съ Москвы въ воровскіе полки и съ вашими государевыми людьми бился въ тѣ поры, какъ на Москвѣ мужики изменили, и на бою въ тѣ поры раненъ. Милосердые великіе государи, смилуйтеся, пожалуйте.

На обороте челобитной написано: Милостивый пане Иванъ Тарасьевичъ! Доложа бояръ князя Федора Ивановича съ товарищми и извѣстивъ мой саветъ, прикгожо по ихъ приговору дать грамоту асударскую жаловальную. Александро Корвинъ-Кгосевскій челомъ бьетъ.

Помѣта (Грамотина) стерта...

Помѣта по склейкам: По приговору бояръ, князя Федора Ивановича съ товарыщи, и Александра Ивановича дати Григорью Орлову княжъ Дмитреево помѣстье въ Суздале село Ландехъ зъ деревнями, 316 чети, о чемъ бьетъ челомъ.

4. Царю г. и в. к. Владисл. Жигим. в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой Ярославля Большова СавкаУлташевъ. Милостивый царь г. и в. к. В. Ж. в. Р., пожалуй меня холопа своего въ Ярославскомъ уѣзде Олѣксеевскимъ помесьецомъ Обрескова, а тово, государь Алѣксея въ воровскихъ полкехъ не стала, а детей нѣ осталось. Царь г. и в. к. В. Ж. в. Р., смилуйся, пожалуй.

На оборотѣ челобитной написано: Пане Иванъ Тарасьевичъ! Посоветовавъ зъ бояры, вели ваша милость, челомъ бью, тое дело выписать и тому сыну боярскому тое помѣстье отдать. А мой советъ таковъ, што тыхъ, которіе государю прямо служатъ и которіи въ теперешное время съ нами нужу терпятъ, годно жаловать. Писано 9 сентября року 1611. Александро Корвинъ-Кгосевскій вашой милости челомъ бьетъ.

Помета: 119-го августа въ 30 день выписать и поднести.

5. Царю г. и в. к. Владисл. Жигим. в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой Иванько Грамотинъ. Милостивый государь ц. и в. к. В. Ж. в. Р., пожалуй меня, холопа своего, за мою службу въ Невельскомъ уѣздѣ Никольскою волостью Плесково. Царь государь, смилуйся.

На оборотѣ челобитной написано: Царского Величества бояромъ князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому съ товарищи. Мой саветъ въ томъ таковъ, что прикгожо Ивана Тарасьевича за его къ осударю верную службу темъ поместьемъ пожаловать, и вашемъ бы милостямъ, покговоря зъ сабою, то и делать велеть. Александро Корвинъ-Кгосевскій вашемъ милостямъ челомъ бьетъ.

Отъ царя и в. к. В. Ж. в. Р. въ Новельской уѣздъ въ Никольскую волость Плескую, что она была въ нашихъ въ дворцовыхъ селехъ, въ села и въ деревни и въ починки и въ пустоши старостамъ и цѣловальникомъ и всѣмъ крестьяномъ, которые въ той Никольской Плеской волости и въ деревняхъ и въ починкахъ живутъ и на пустошахъ учнутъ жити. Пожаловяли есмя тою Никольскую волостью, селы и деревнями и починками и пустошми печатника нашего и думного діака Ивана Тарасьевича Грамотина со всѣми угодьи, и вы бъ, всѣ крестьяне, которые въ той волости и въ деревняхъ и въ починкахъ живутъ и на пустошахъ учнутъ жити, печатника нашего и думного діака Ивана Тарасьевича Грамотина слушали, пашню на него пахали и доходъ ему помѣщиковъ платили, чѣмъ онъ васъ изоброчитъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7120-го сентября въ 27 день...

(Зем. пожалования въ Моск. Гос-ве при царе Владиславе, подъ ред. Л. Сухотина, с. 42—4, 54—5, 72, 75—6.)

88. Изъ „Новой Повѣсти“.

1. Патріархъ Гермогенъ.

...Великій же онъ столпъ и твердый адамантъ и крепкій воинъ Христовъ, не имѣя ни поула, ни меча, ни шлема, ни копія, ни воинъ вооруженныхъ, понеже ему не дано то, ни повелѣно отъ Сотворшаго вся того держати,—къ тому же ни стѣнъ крѣпко огражденныхъ, и словомъ Божіимъ, аки нѣкимъ изряднымъ оружіемъ, препоясався, или яко изящными воины ополчився, или нѣкими

крѣпкими стѣнами оградився: не бойтеся,— рече,—отъ убивающихъ тѣла, души же коснутися не могутъ.—И молитвенныя своя словеса отъ желаннаго своего сердца къ Богу и Причистѣй Его Матери, аки благовонный ѳиміянъ, всегда возсылая о себѣ и о всѣхъ насъ, паче же о святѣй и непорочнѣй христіяньстѣй нашей вѣрѣ, чтобы православная христіяньская наша вѣра отъ тѣхъ враговъ нашихъ и губителей не погибла, и слезы отъ очію своею, аки рѣчныя быстрины, испущая предъ образомъ Господа нашего Іисуса Христа и предъ Пречистою Его Матерію и великихъ чудотворцовъ, иже въ Руской землѣ просіявшихъ, и всѣхъ святыхъ, и надѣяся тѣми своими силными слезами и молитвеными словесами, аки острыми стрѣлами, отъ себя и отъ всѣхъ насъ тѣхъ общихъ нашихъ видимыхъ враговъ отгоняти и погубити и все великое государство отъ нихъ свободити.

О столпѣ крѣпкій и непоколебимый, о по Бозѣ и по Пречистѣй Его Матери крѣпкая стѣна и забрала, о твердый адамантъ, о поборникъ непобѣдимый, о непреклонный въ вѣрѣ стоятель, о воистину пастырь неложный! въ лѣпоту речено бысть къ таковымъ великимъ и крѣпкодушнымъ: «пастырь добрый: пастырь добрый душу свою полагаетъ за овца». Во-истинну, во-истинну пастырь добрый себѣ, а не наемникъ: душу свою полагаетъ за овца, иже ему преданы пасти и на выи его вложены всѣ мы, православни христіяне, и поминаетъ Божественое писаніе: подобаетъ словесъ ради Божіихъ и до смерти стояти. Видимъ же вси,—не дастъ тому Божію слову пасти на землю и всегда близъ смерти стоитъ отъ тѣхъ общихъ нашихъ враговъ и губителей, обаче же на Сотворшаго вся и на Рождьшую Его и на великихъ чюдотворцовъ, на общихъ нашихъ заступниковъ и богомолцевъ, надежду держитъ: аще ему, государю, случится за слово Божіе и умрети,—не умретъ, но живъ будетъ во вѣки.

Вѣстно и дерзостно достоитъ рещи: аще бы такихъ великихъ и крѣпкихъ и непоколебимыхъ столповъ было у насъ не мало, никакоже бы въ нынѣшнее злое время отъ такихъ душепагубныхъ волковъ, отъ видимыхъ враговъ, отъ чюжихъ и отъ своихъ, святая и непорочная вѣра наша не пала, наипаче бы просіяла, и великое бы наше море безъ поколебанія и безъ волненія стояло. А нынѣ единъ уединенъ стоитъ и всѣхъ держитъ и врагомъ сурово претъ, а иному некому пособити ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ; кромѣ Бога и Пречистыя его Матери и великихъ чюдотворцовъ, способниковъ себѣ не имѣетъ никаго же. Которые его были сынове и богомолцы, той же санъ на себѣ имѣютъ, и тѣ славою міра сего прелестнаго прелстилися, просто рещи, подавилися, и къ тѣмъ врагомъ приклонилися и творятъ ихъ волю. А сами наши земледержцы, яко же преже рѣхъ,—землесъѣдцы, тѣ и давно отъ него отстали, и умъ свой на послѣднее безуміе отдали, и къ нимъ же, ко врагомъ, пристали, и ко инымъ, къ подножію своему припали, и государьское свое прироженіе премѣнили въ худое рабское служеніе, и покорилися и поклоняются невѣдомо кому,—сами вѣдаете. И смотрятъ изъ рукъ и изъ скверныхъ устъ его, что имъ дастъ и укажетъ, яко нищіи у богатаго проклятаго...

И тако тѣ наши благородніи зглупали и душами своими пали и пропали навѣки, аще отъ того зла и худа на добро не обратятся. Горши же намъ всего учинили, что насъ всѣхъ выдали, да не токмо выдали, ино заедино съ ними, со враги, вооружилися вкупѣ и хотятъ насъ всѣхъ погубити и вѣру христіянскую искоренити. Аще будетъ и есть избранніи, сердцемъ желанніи, по христіяньстѣй вѣрѣ и по всѣхъ по насъ жалѣютъ и радятъ, отъ тѣхъ же чиновъ и болярскихъ родовъ, но не могутъ ничево учинити и не смѣютъ стати, что не съ кѣмъ поборати, и своего величества отбыти, а имъ, врагомъ, ничего не сотворити, понеже силно обовладѣли и многихъ маловременнымъ богатествомъ и славою прелстили, и иныхъ закормили, и вездѣ свои слухи и доброхоты поистоновили и поизнасадили. Ина толка у насъ нынѣ по Бозѣ и по Пречистѣй Его Матери стѣны и забрала, что онъ, государь и великій святитель и крѣпкій заступитель. Аще которою мѣрою отъ тѣхъ враговъ нашихъ что надъ нимъ, государемъ, учинитца и тѣлеснѣ разрѣшитца и отъ свѣта сего прелестного въ вѣчныя обители преселится,—конечно вѣра наша изгубится настоящихъ нашихъ губителей, аще ваше противленіе къ нимъ не явится; аще ли его, государя, отъ нихъ Богъ соблюдетъ, и невреженъ поживетъ,—тогда Бога и Пречистую Его Матерь и великихъ нашихъ чюдотворцовъ и всѣхъ святыхъ умолитъ, к себя и насъ всехъ спасетъ, и вѣру удержитъ, и враговъ побѣдитъ молитвою своею...

(Русская Историческая Библиотека, Т. XIII стр. 206—209.)

2. Самые худые люди.

...Паки реку: охъ, за безчисленныя грѣхи наша чимъ насъ Господь не смиряетъ, и какихъ казней не посылаетъ, и кому нами владѣти не повелѣваетъ! Сами видите, кто той есть, неѣси человѣкъ и невѣдомо кто: ни отъ царскихъ родовъ, ни отъ болярскихъ чиновъ, ни отъ иныхъ избранныхъ ратныхъ головъ; сказываютъ,—отъ смердовскихъ рабовъ [1]). Его же, окаяннаго и треклятаго, по его злому дѣлу не достоитъ его во имя Стратилата, но во имя Пилата назвати, или во имя преподобнаго, но во имя неподобнаго, или во имя страстотерпьца, но во имя землѣдца, или во имя святителя, но во имя мучителя и гонителя и разорителя и губителя вѣры христіяньскія; и по словущему реклу его такоже не достоитъ его по имяни святаго назвати, но по нужнаго прохода людцкаго—Аѳедроновъ. Такимъ именитымъ государствомъ владѣетъ, аки великимъ моремъ колеблетъ: что хощетъ, то творитъ, а никто ему не возбранитъ.

А сами наши земледержьцы и правители, нынѣ же,—якоже и преже рѣхъ,—землесѣдцы и кривители, тѣ яко ослѣпоша или онѣмотѣша, паче же рещи, не смѣютъ ни единъ тому врагу воспретити и великому государству ни въ чемъ пособити; а иніи молчатъ и не говорятъ и ни въ чемъ ему не претятъ, понеже съ нимъ же, со врагомъ, всѣхъ насъ погубити хотятъ. И полцы велицы, всякихъ чиновъ люди за тѣмъ врагомъ ходятъ и милости и указу отъ него смотрятъ: не токмо простіи и неимянитіи люди, но и сами болярскіе и дворянскія дѣти, и сами дворяне доброродни и изрядни всѣмъ, иже иному онъ, врагъ креста Христова и всѣхъ православныхъ христіянъ, и въ подножіе ногъ негожъ.

И еще же врагъ и лютый злодѣй нашъ не въ свое достояніе вниде, аки Ихнилатъ, въ цареву ризницу въѣся казити и губити то великое царское сокровище, отъ многихъ лѣтъ многими государи самодержьцы великими князи и цари всеа Русіи собрано и положено; онъ же окаянный, аки вышереченный Ихнилатъ, во единомъ часѣ, или паки не во мнозѣ времяни, все хощетъ изъѣсти и расточить и погубить, и ту цареву ризницу хощетъ пусту до конца оставити, аки пустую и бездѣльную храмину. А уже и оставилъ, и нынѣ тѣ великія сокровища, тяжкоцѣнныя камыки и портища и всякія вещи, иже нами невѣдомы и незнаемы, съ своими единомысленники разбиваетъ и вещь къ вещи прибираетъ, къ тому же злата и сребра и бисерія велія ковчеги насышаетъ, и къ тому прежереченному сопостату, нашему врагу, королю и похитителю, подъ оный заступный нашъ градъ посылаетъ. А мыслятъ окаянныя то во умѣ своемъ: коимъ Божіимъ промысломъ и вашимъ надъ ними, надъ враги, домысломъ что добрая намъ учинится, и надъ ними, враги, побѣда явится, и имъ, врагомъ, отъ насъ убѣжати случится,—и имъ бы у сатаны у своего величества своего не отщетится, и тѣмъ бы многочисленнымъ и дорогоцѣннымъ сокровищемъ къ нему примирится, и смертію бы отъ него не скончатися, что будетъ Божіею милостію не на ихъ хотѣніи здѣсь у насъ добро сотворится...

(Русская Историческая Библиотека Т. XIII, стр. 213—215.)

[1]) Речь идет о Федьке Андронове, кожевнике из Таганки, получившем большую власть при Гонсевском.

---

89. Изъ „Псковской лѣтописи".

1. 1605 годъ.

Во 7113 (1605) году іюня въ 24 день Божіимъ попущеніемъ, и на отмщеніе крови неповинныя, пріиде изъ Литвы воръ Гришка Рострига, назвався Царевичемъ Дмитріемъ Углецкимъ, и пріиде на Сѣверу; и прельстишася людіе воровскому имени его, и крестъ цѣловаша ему. Царь же Борисъ противу ему много ратовавъ, и ничтоже успѣ. Послѣди посла любимаго своего Боярина, ближняго пріятеля Петра Басманова, и съ нимъ рати 40.000. Онъ же прельстився вору отъѣха къ нему со всѣми людьми. Царь же Борисъ слышавъ вельми печаленъ бысть, яко не имѣ кромѣ того иного вѣрна къ себѣ, кого послати противо вора, а многимъ досадникъ. А людіе восколебашася въ Руси отъ его имени, чающе подлинно, яко укрылся отъ него убійства Борисова. И отъ печали великія Борисъ ошився, умре. И воръ пришедъ къ Москвѣ, и сѣде на Царьство, называючися Царевичемъ Дмитреемъ, и облада всею Рускою землею; и всѣмъ землямъ страшенъ бывъ Тотарскимъ и Нѣмецкимъ. И приведе собѣ Панью Литовскую, и оженися, и годъ царьствовалъ; и убиша его послѣ Вознесеньева дни.

И сѣде царьствовати Князь Василей Шуйской безъ избранія земскаго; того ради многимъ бысть не возлюбленъ; и къ сему на собя бѣду отпустилъ бѣ Царицу Панью съ Литвой въ Литву. А Литва, не доѣхавъ рубежа, побили провожатыхъ, и завели новаго Царя собѣ, и начаша къ нему копитися всякіе люди, и поидоша подъ Москву. И бысть Царство Васильево мятежно и кровопролитно; понеже людіе смятошася, и гріди многи отложишася отъ Москвы, а Бояре многіе отъѣхаша къ ложному Царю, и въ Руси бысть великое смятеніе и кровопролитіе и межеусобіе по градомъ; понеже Царьство Руское раздѣлися на два начала, и двѣмъ Царемъ и двои люди стали въ домѣхъ и во градѣхъ къ семужъ и поганіи Нѣмцы и Литва и свои воры, убійцы и грабители и мучители, и бысть Московское Государство въ разореніи и въ осадѣ 9 лѣтъ. А хлѣбъ былъ вшолъ цѣною въ 9 рублевъ четверть, и Царь Василей, которые въ полонъ иманы Рускіе люди отъ вора, къ Москвѣ всѣхъ палицею прибилъ, имъ же несть числа; многое множество въ воду пометаны. Того ради не возлюбиша его, и постригши въ Литву отдаша.

И послаша Бояре Москвичи звати Королевича на Царство. И Король Литовскій пословъ всѣхъ засадилъ, Митрополита Филарета, да Князь Василья Голицына съ товарыщи; а Королевича не далъ, и послалъ Гетмана Пана Желтовского съ Польскими людьми вмѣстѣ къ Москвѣ; велѣлъ крестъ цѣловати Москвичамъ себѣ. И онѣ въ томъ отказали, и Литва Москвою завладѣли; и въ самое Воскресенье Христово Царьство Московское выжгли, и высѣкли грѣхъ ради нашихъ. Царьства Царя Василья полчетверта лѣта...

Во 7113 бысть въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ Соборномъ храму, идѣже лежаху Царіе и Князи, во Архангелѣ шумъ, и гласи и плачь передъ самымъ разореніемъ Царьства Московскаго...

Тогожъ году іюня въ 9 день во Псковѣ погорѣша торги всѣ и Петровской конецъ весь и Брода по Благовѣщене и по Николу Песецкого. Въ тужъ пору и Литву отпустиша на Псковской рубежъ съ Москвы съ провожатыми; а иныхъ на иные мѣста порубежные. Съ тѣхъ мѣстъ померче всякая добродѣтель, а вся злая покрыша землю Рускую, и церквамъ и монастыремъ и градомъ и всему Христіянству потребленіе всюду несказанно всякимъ паденіемъ отъ мнящихся вѣрныхъ, а злѣе невѣрныхъ сотворившихъ и отъ Литвы и отъ Нѣмецъ всякое разореніе грѣхъ ради нашихъ.

А во Псковѣ начальное развращеніе, нелюбовное житіе стало: Государь Василей Шуйской прошалъ денегъ съ гостей, славныхъ мужей, и великихъ мнящихся предъ Богомъ и человѣки, богатствомъ кипящихъ, хто сколько порадѣетъ Царю Василью. И онѣ собрали девять сотъ рублевъ со всего Пскова зъ большихъ и съ меньшихъ и со вдовиць по раскладу. А зъ деньгами послали къ Москвѣ не по выбору Самсона Тифинца, Ѳедора Умойся-Грязью, Ерему Сыромятника, Овсейка Ржову, Илюшку мясника, которые люди въ правдѣ противъ ихъ говорили о грацкомъ житіи и строеніи, и за бѣдныхъ сиротъ при Никитичѣ Шереметевѣ и при Иване Тарасьевиче Грамотинѣ. Да отписали за ними отписку въ Новгородъ къ Москвѣ: мы тебѣ Гости Псковскіе радѣемъ, а сіи пяти человѣкъ тебѣ Государю добра не хотятъ. А и мелкіе люди казны тебѣ недали.

И первое въ Новѣгородѣ по той отпискѣ четырехъ человѣкъ въ тюрьму посадили, а пятого Еремку въ тюрьму не посадили, потому что его имени въ отпискѣ нѣтъ. А добра ему похотѣлъ Петръ Шереметевъ, не написалъ ево, что на его много всякого рукодѣлья дѣлалъ безъ найму. И во всемъ въ Новѣгородѣ заказъ, чтобъ нихто ни каковъ на Псковичъ грамотокъ во Псковъ никакихъ, чтобъ вѣсти не было во Псковѣ Псковичемъ. И гостъ Григорей Щукинъ похвалился словомъ: которые де поѣхали съ казною, и тымъ Живоначальные Троицы верха не видать и во Псковѣ не бывать. А въ тюрьмы сидѣли, какъ мочно имъ проѣхати съ казной къ Москвѣ отъ воровскихъ людей. И на Москвѣ по той же отпискѣ 4 человѣкъ, что написана на нихъ измѣна, выведоша казнити смертію. И быша на Москвѣ стрѣльцы Псковскіе Приказомъ взяты противъ воровского страху, и Приказомъ всѣмъ били челомъ и выручили въ томъ, что тебѣ Царю не измѣнники, ниединъ во Псковѣ, а наши головы въ ихъ головы. И едва ихъ отъ казни отпрошали до обыску.

А какъ изъ Новагорода Еремка во Псковъ пришелъ, и Псковичи спрошали: гдѣ де твои товарищи? И Еремка сказалъ все бывшее по ряду, что исъ тюрьмы къ Москвѣ съ казной послали; а писана на нихъ измѣна. И за то восташа всѣмъ Псковомъ на Гостей

на семь человѣкъ Алексѣя Хозина, Семена Великого, Григория Щукина, Ивана Стойкова, Никиту Резанова и протчихъ, и биша челомъ Петру Шереметеву. И онѣ въ томъ заперлися во всемъ, и Петръ ихъ посажалъ въ тюрьму, и прошалъ на нихъ мзды великія. И писали къ Москвѣ, чтобъ тѣхъ людей ничїимъ не вредили, и отпустили бы во Псковъ вскорѣ; а за тѣхъ людей Гости посажены въ тюрьмы, и смятеніе великое во Псковѣ о томъ за нихъ. А они не будутъ во Псковѣ и Гостѣмъ быть побитымъ напротивъ ихъ. Ись Москвы вскорѣ послали 4 человѣкъ, и во Псковъ пріѣхавъ сказали, какъ стрѣльцы отъ казни выручили, и на Москвы за приставами были по отписку Псковскую. А Михайло Дѣтковъ большой Гость въ той Думѣ не былъ, и ево Богъ помиловалъ отъ всѣхъ бѣдъ. И съ тѣхъ мѣстъ развращеніе бысть зеліе во Псковѣ: болшіи на меншихъ, менші на большихъ; и тако бысть къ погибели всѣмъ...

2. 1609 годъ.

На четвертый день по пожарѣ пріидоша Новгородцы ратію подо Псковъ, Шаровъ съ казаками, и Дѣти Боярскіе Новгородцкіе и Псковскіе съ Нѣмцами, и много шкоты учиниша; къ Слободы Стрѣлецкой въ нощи прступали за Мирожею, и отбилися стрѣльцы. И пришедше Завеличье выжгли, и храмъ Пречистые Богородицы и прочїи церкви на Завеличьи, и коровъ отгнали. А съ тѣхъ мѣстъ всякая несказанная творилася во Псковѣ отъ несовѣтїя: и игумени и священники и болшіе люди, Дѣти Готрскіе, люди, кои во Псковѣ осталися, тѣ по Новгородцахъ хотяще соединитися: ратные люди, стрѣльцы и казаки, и мелкіе люди, и поселяне, по крестномъ целованіи хотяще накрѣпко стояти. И измѣны для у Бояръ коней отняли и стрѣльцамъ дали выѣзжати противъ Новгородцовъ, а отъѣзжихъ Боярынь въ полаты пересажали, и животы переписали. И Новгородцы прочь пошли, и Бояромъ кони отдали, и Боярынь выпустили исъ полаты.

Во время приходу образа Пречистыя Богородица Печерского монастыря, Атаманъ козачей прислалъ во Псковъ языка, да сказалъ, что Новгородцы будутъ подо Псковъ. И то все утаили. На утреи пошли всѣмъ городомъ Псковомъ стрѣчати образа Богородицына на Труоину гору, а городъ отпертъ весь, и людіе всякіе вышли за Великую рѣку. А нихто ни каковъ ничего не вѣдаетъ, что казаки бьются отводомъ съ Новгородцы верстъ за десять поченъ и до Пскова и съ Нѣмцами. Тогда у ѣдаше какъ у Великихъ воротъ изъ наряду по Нѣмцамъ ударили, и стрѣльба великая стала. Атаманъ Ефимъ Карсяковъ. А чтобъ не казаки, во Псковѣ бы Нѣмцы были, никтобъ не слыхалъ, доколѣ Богородицынъ образъ стречали изгономъ. А языка нашли, что казаки прислали, въ тюрмы всаженъ; а все по заводу Дѣтей Боярскихъ и болшихъ людей, хотяще Псковъ отдати и кровь неповинную пролити.

И сташа Новгородцы на Любятовѣ, и много шкоты учиниша. Въ тожъ время діаконъ Стефанъ Тетеринъ Николы Чюдотворца со Усохи и священникъ Иларіонъ тогожъ храму побѣжали за стѣну, и дьяконъ ушолъ къ Нѣмцамъ на Любятово, а Ларіона священника поимали. И онъ на пытки сказалъ многихъ людей и отца того дьякона Ивана Тетерю; и многихъ на пыткахъ мучили, и другъ друга оказывали. И многая кровь пролилася болшихъ людей и Бояръ Прокофья Окунева, а братъ Михаило, прочихъ на пыткахъ, съ Нѣмцамъ былъ подо Псковомъ, и вси Дѣти Боярскіе. А у пытокъ стояли Воевода Александръ Жировой и Засѣкинъ, да Иванъ Луговской, и старосты Псковскіе и Посадцкіе, мелкіе люди и стрѣльцы. И былъ мужикъ простой именемъ Тимоѳей, прозвищемъ Кудекуша Трепецъ, и тому далося пущи всѣхъ, и Воеводамъ указывалъ, и стоялъ крѣпко у пытокъ.

И иные къ нему таковыежъ присташа, и овладѣша градомъ. А звонили въ одинъ край въ колоколъ, и соберутся всякіе люди. А пытали у Смердьихъ воротъ. И коихъ имали въ языкахъ, и онѣ на пыткахъ сказывали, что де изо Пскова пишутъ, и велят приходить ратію на Псковъ. И Бояръ многихъ мучили и жгли и ребра ломали; понеже Бояре ссылалися изо Пскова въ Новгородъ и большіе люди. И пытали священниковъ и Семена Великаго и Омельяна Титова и иныхъ. И часто приходили Новгородцы съ Нѣмцами и съ Казаками и Дѣти Боярскіе Новгородцкіе и Псковскіе и Тотарове и стрѣльцы; и многіе битвы быша и кровопролитіе, и христіаномъ грабленіе и пригородамъ, и всякіе великіе шкоты Псковичамъ...

Тогожъ году много смуты было и кровопролитіе по правдѣ и по неправдѣ, а иные воровствомъ, продажами и посулами, а иные простотою, ничимъ невинны; а того зла не дѣлали, и смотря на тех прикливали и многихъ перемучили. А хто молвитъ про то, что неповинно мучатъ, и тово прихватятъ, глаголюще: и ты такойже, за измѣнника стоишь. И у Петра и у Павла на бую палату полну насажали всякихъ людей. И тѣ люди, кои въ полатѣ, образъ завѣтной построиша Іоанна Богослова, и написали сорокоустные памяти, а имена немногихъ писали, Тимоху стрѣльца, и иныхъ полдесятка, и въ поповскую избу приносили, и Бога молили за ихъ здравіе священники за просвиромисаніемъ.

Августа 18 день поведоша казнити стрѣльцы Алексѣя Хозина своимъ самовольствомъ. И Божіимъ строеніемъ поднялися всякіе люди болшіе и меншіе, и тѣже, кои прикликивали, въ невѣдомѣ на своихъ же корыстовалися, и посулы имали, и людей продавали, и на стрѣльцовъ, что безъ городцкого вѣдома владѣти хотятъ и казнити ведутъ не со всѣхъ думы, сами умысля, самоволіемъ улучаючи, а Псковомъ того не вѣдаютъ. И напустили на нихъ, хотяще отъяти Алексѣя у стрѣльцовъ; а стрѣльцы со оружіемъ и зазвониша въ колоколъ на Романихѣ; и промчеся слово, что стрѣльцы Псковичь стрѣляютъ; и поидоша на нихъ всякіе люди посадцкіе. А стрѣльцы, ухватя Алексѣя Хозина у Великихъ Воротъ, главу ему отсѣкоша, и за городъ побѣжаша отъ Псковичь во слободу свою во Егорьевскія ворота. И Псковичи городъ заперли отъ стрѣльцовъ.

И бысть волненіе больши старово. Тюрьмы роспустиша, и восташа игумны, и священники, и болшіе люди всѣ, и Бояре, на Тимошку и на иныхъ кликуновъ на семи человѣкъ; и побиша ихъ каменіемъ, и всѣхъ меншихъ людей называючи кликунами и неповинныхъ. И сташа священники пытати на пыткѣ накрѣпко во всегородной избѣ, а иныхъ по торгамъ кнутьемъ бити, а 10 человѣкомъ головы отсѣкли, и въ ровъ вметаша и виннымъ и неповиннымъ, и хотѣли многихъ казнити. И нѣмцы отъ народа возбранишъ имъ отъ пролитія крови, и насажали полату мелкихъ людей полну; а иные разбѣжалися по пригороломъ и по селомъ отъ убійства ихъ; чтобы имъ мочно, и опѣ бы многихъ побили, и съ Новымъ городомъ и съ Нѣмцами соединилися за одно. И потомъ многи крови отъ нихъ быша мелкимъ людемъ и стрѣльцомъ и казакомъ, ищучи какъ бы имъ измѣнити мочно, и Царю Василью приступити...

3. 1610 годъ.

Тожъ зимы на масляницы пріидоша два человѣки съ лыжами во Псковъ исъ Порхова и зъ грамотой, что табары разорены, и иные многіе прелести и соблазны. И тому всему игумены и священики, и Бояре и гости повѣрили, и городъ заперше, и сами всѣ вооружилися, аки на противныхъ, мужески Дѣти Боярскіе и слуги монастырскіе и гости вси на конѣхъ, и прочіи помощницы ихъ и хлѣбосольцы всѣ скопишася. И бѣ ихъ видѣти множество вооруженныхъ, конныхъ и пѣшихъ; площадь и Кремъ полонъ всякихъ чиновъ людей. И зазвониша во всѣ колоколы Троицкіе, и пѣша молебенъ за царя Василѣя, и здравствующе другъ другу, цѣловахуся любезно, и хотяще крестъ цѣловати, и мелкихъ людей и до конца смирити, и силою приводити, а непокорныхъ побити и стрѣльцовъ въ слободѣ.

И вѣдшежъ мелкіе люди погибель свою и скорое измышленіе, ужасошася, и поидоша на Запсковье всѣхъ чиновъ люди, и зазвониша въ колоколъ у Чюдотворцовъ Козмы и Даміана, и скопишася множество человѣкъ. И слышавше Полонищане, и въ помощь пріидоша Запсковью и въ думу. И Бояре послаша, и повелѣша стрѣляти съ Покровскіе башни по Стрѣлецкой слободѣ, и Полонищане не даша имъ стрѣляти; зъ башни сбиша. И то видѣвше восхотѣша итти на бой на Запсковье; и Запсковляне поставиша полковую пушечку на Званицы по Рыбницкимъ воротамъ, что на площадь, и збиша замокъ у Возвоскихъ воротъ; и послаша вѣсть къ стрѣльцамъ въ слободу, чтобъ были на помощь къ мелкимъ людѣмъ на Запсковье. То слышавше, что къ стрѣльцамъ послали за городъ Запсковляне, и начаша ссылатися, пословати, и биша челомъ, чтобъ стрѣльцовъ въ городъ не пріимати, и жити по старому вмѣстѣ, и Новегороду креста не цѣловати, и зла никому никакова не творити. И Запсковляне сказаша имъ: намъ де стрѣльцы не измѣнники; почто вы ихъ въ городъ не пущаете?

И пріѣхаша 5 человѣкъ стрѣльцовъ на Завеличье съ вѣстію; и выѣхаша Дѣти

Боярскіе конные во Власьевскіе ворота, и убиша стрѣльца конново. А иные прибѣжаша ко Звоскимъ воротамъ, и ослаше Бояре на Полонище, чтобъ стрѣльцовъ въ городъ не пустили. И Полонищане Бояръ отъ воротъ отбили, и стрѣльцовъ хотятъ впустити во Псковъ. И убоявшися Воевода Александра и другій съ нимъ, и дѣти Боярскіе, и гости, и владычни, Семенъ Порываевъ, и прочіи, всякое ихъ многое собраніе. 300 человѣкъ выѣхаша во Власьевскіе ворота на Великую рѣку на Снятую Гору и въ Новгородъ; а иные въ Печоры, а многіе по домомъ сохранилися до времени; и стрѣльцовъ въ городъ пустиша; и милостію Святыя Троица и благовѣрныхъ Князей Гавріила и Тимоѳея далъ Богъ бесъ крови разшедшеся. А чтобъ ихъ воля сотворилася, быти было крови много! И кои въ Новгородъ отъѣхали, и тѣ животы переписали; а кои въ Печорахъ и во Псковѣ крылися тѣхъ живота не писали...

(Псковская Лѣтопись.)

---

90. Записки Маскевича [1]).

Московская разруха.

Во вторник поутру, когда некоторые из нас еще слушали обедню, в Китае-городе наши поссорились с Русскими. По совести, не умею сказать, кто началъ ссору: мы ли, они ли? Кажется, однако, наши подали первый повод к волнению, поспешая очистить Московские домы до прихода других: верно кто-нибудь был увлечен оскорблением,—и пошла потеха. Дали знать Гонсевскому о начавшейся битве; он тотчас прискакал на коне: но развести сражающихся было уже трудно, и с Русской стороны уже многие пали убитые. Гонсевский долженъ был оставить их в покое, чтобы кончили начатое дело.

И так 29 (19) Марта, во вторник на страстной неделе, завязалась битва сперва в Китае-городе, где вскоре наши перерезали людей торговых (там одних лавок было до 40.000); потом в Белом-городе; тут нам управиться было труднее: здесь посад обширнее и народ воинственнее. Русские свезли с башень полевые брудия, и расставив их по улицам, обдавали нас огнем. Мы кинемся на них с копьями; а они тотчасъ загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить ихъ из-за ограды; они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только замѣтят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу, и, под защитою своих загородок, стреляют по нас из ружей; а другие, будучи в готовности, с кровель, с заборов, из огон, бьют нас самопалами, камнями, дрекольем. Мы, т.-е. всадники, не в силах ничего сделать, отступаемъ; они же нас преследуют и уже припирают к Кремлю. Тут мы послали к Пану Гонсевскому за пехотою; он отрядил только 100 человек: помощь слабая, в сравнении с многолюдством неприятеля, но не бесполезная. Часть наших сошла с коней и, соединясь с пехотою, разбросала загороды; Москвитяне ударились в бегство; только мы мало выиграли; враги снова возвратились к бою и жестоко поражали нас из пушек со всех сторон: ибо по тесноте улиц, мы разделились на четыре или на шесть отрядов.

Каждому из нас было жарко; мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: огня! огня! жги домы! Наши Пахолики подожгли один дом: он не загорелся; подожгли в другой раз, нет успеха, в третий раз, в четвертый, в десятый — все тщетно. Сгорит только то, чѣм поджигали; а дом цел. Я уверен, что огонь был заколдован. Достали смолы, прядева, смоленой лучины, и тут едва успели запалить этот дом; то же делали и с другими домами, где кто мог. Наконец, занялся пожар; ветер, дуя с нашей стороны, погнал пламя на Русских и принудил их бежать из засад: а мы следовали за разливающимся пламенем, пока ночь не развела нас с неприятелем. Все наши отступили к Кремлю и Китаю-городу. Я стоял в Белом-городе, и едва успел выбрать из своей квартиры в Кремль, что было получше; все прочее пошло к чорту: одно разграбили, другое сгорело; съестные припасы истреблены...

Отдан был приказ: завтра, т.-е. в среду, зажечь весь город, где только можно. В назначенный день, часа за два до рассвета, мы вышли из Кремля, распростившись с теми, которые остались в крепости, почти без надежды когда-либо увидеться. Жечь город поручено было 2000 Немцев, при отряде пешпх гусар наших, с двумя хоругвями конницы...

---

[1]) Польский шляхтич, родом литвин, был с поляками под Смоленском, под Клушином, приводил Москву к присяге кор. Владиславу, вернулся в Польшу перед движением Пожарского. Вел дневник 1591—1621.

Пламя охватило домы и, раздуваемое жестоким ветром, гнало Русских; а мы потихоньку подвигались за ними, беспрестанно усиливая огонь, и только вечером возвратились в крепость. Уже вся столица пылала; пожар был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день; а горевшие домы имели такой страшный вид и такое испускали зловоние, что Москву можно было уподобить только аду, как его описывают. Мы были тогда безопасны: огонь охранял нас.

В четверток мы снова принялись жечь город, коего третья часть осталась еще неприкосновенною: огонь не успел так скоро всего истребить. Мы действовали в сем случае по совету доброжелательных нам Бояр, которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрепиться. И так мы снова запалили ее, по изречению Псалмопевца: «Град господень измету, да ничтоже в нем останется». Смело могу сказать, что в Москве не осталось ни кола, ни двора...

(Сказания современников о Димитрии Самозванце, изд. Н. Устрялова, ч. V, стр. 76—82.)

---

91. Записки Гетмана Жолкевского.

Пожар Москвы.

...Ляпунов, желая привести в действие замыслы свои касательно изгнания наших из столицы, собрав ожидаемых им людей, согласясь с Заруцким и с расположенными к предприятию его Москвитянами, рассылал тайно во время ночи стрельцов, которых скрывали соумышленники в домах своих. Что усмотрев, наши (было также, много доброжелательствовавших нам Москвитян, которые нас предостерегали), не рассудили ожидать большей бури; потому что приближался уже и сам Ляпунов, стянулось сильное войско бояр...

Тогда определили наши между собою: выжечь Деревянный и Белый город и запершись в Кремле и в Китае-городе, перебить, как помянутых стрельцов, так и всех кого ни попало. В самом деле, в среду перед Пасхою и сделали следующим образом: расположив и устроив полки, зажгли вдруг Деревянный и Белый город...

Множество Москвитян (не взирая на то, что скорою решительностью наших и пожаром были встревожены), бросились к оружию и овладели было воротами и большою частью Белого-города, но Мартын Казановский выгнал и вытеснил их оттуда; схватывались также с нашими в нескольких местах по улицам, однако были везде преодолеваемы нашими. В чрезвычайной тесноте людей происходило великое убийство: плач, крик женщин и детей представляли нечто, подобное дню страшного суда; многие из них с женами и детьми сами бросались в огонь и много было убитых и погоревших; большое число также спасалось бегством к войскам, о которых знали, что находятся близко...

Таким образом столица Московская сгорела с великим кровопролитием и убытком, который и оценить нельзя. Изобилен и богат был этот город, занимавший обширное пространство; бывавшие в чужих краях говорят, что ни Рим, ни Париж, ни Лиссабон величиною окружности своей не могут равняться сему городу. Кремль остался совершенно цел, но Китай-город, во время такого смятения, негодяями и кучерами разграблен был и расхищен; не пощадили даже и храмов: церковь св. Троицы, бывшая у Москвитян в величайшем почитании, которая весьма искусно построена квадратом, и находится в Китае-городе, тут же направо пред воротами Кремля, также была ободрана и ограблена негодяями.

(Записки гетм. Жолкевского о Московской войне, изд. П. А. Мухановым, гл. XI, стр. 122—124.)

---

92. Изъ временника дьяка Ивана Тимоѳеева.

(1617—1619.)

1. Объ оскудѣніи покорности и порядка.

Иже рукою Божіею древле праотцы наши сотворены быша, супругъ первый Адамъ со Еввою, овъ отъ земля, ова же отъ того ребра; тѣмъ же сей надо всѣми бывшими яко царь самовластенъ поставися твари всей, ему же птицы, звѣріе и гади вси страхомъ повиновахуся въ покореніе, якоже своему Сотворителю, Владыцѣ всѣхъ и Господу. И донелиже первозданный не запятся всѣмъ врагомъ губителемъ къ первѣй заповѣди преступленію, тогда безсловестная вся, иже по сихъ нынѣ и страшащая ны, созданнаго оного трепетаху повелѣнія. Егда же змія Еввѣ прелесть

во уши пошепта, она же наученіемъ тоя и мужа ся сопрелсти, абіе оттуду самъ новозданный всего царь міра животныхъ онѣхъ ужасатися начатъ. И отъ преслушанія паденію по нихъ быхомъ оттуда вси причастни донынѣ.

И якоже Адамови прежде преступленія ему дивіи вси быша самопокорни о всемъ, сице, сему подобнѣ, во временахъ послѣднихъ и наша самодержавніи во своихъ державахъ обладаху нами всѣми, отъ вѣка рабы своими, дондеже они сами держахуся повелѣній, данныхъ Богомъ, егда къ Нему не у еще въ конецъ согрѣшиша. Къ нимъ же быхомъ отъ всѣхъ многъ вѣкъ доселѣ непрекословни, елико по Писанію быти достоитъ ко своимъ владыкомъ рабомъ повиннѣмъ; во всѣхъ служебнѣ, не уже до крове токмо, но и до самоя смерти быхомъ имъ самопослушни, яко же скотъ водящему и даже до заколенія сопротивитися не совѣсть; тако и безотвѣтни быша къ нимъ, яко рыбы безгласни, всяко со тщаніемъ кротцѣ рабское иго ношахомъ, повинующеся имъ во страсѣ подобнѣ, честь страха ради творяще, вмалѣ яко не равну зъ Богомъ; аще Того тако боимся, ни убо унѣе бо, аще се было тако бы. Егда же къ концу лѣта грядаху, предержателе наша поелику начаша древняя благоуставленія законная и отцы преданая превращати и добрая обычая на новосопротивная измѣняти, потолику и въ повинующихся рабѣхъ естественный страхъ къ покоренію владыкъ оскудѣваше исчезая, якоже и земля къ первому угобзенію сѣмянъ нынѣ по премногу своимъ несравняема плодоносіемъ...

Сопротивна бо древнихъ царей уставнымъ закономъ начаша вся во всѣхъ бывати: малая великихъ одолѣвати, юныя же старыхъ, и бесчестныя честныхъ, рабы своихъ имъ владыкъ; и купно всяко вся честная на бесчестная прелагаема, бесчестное же, сему сопротивнѣ, въ честное, яко въ ризу, несвойственѣ и чрезъ естество облечеся нелѣпотнѣ. Яко же у свиньи въ ноздрѣхъ усерязь драгая видима, сице у недостойныхъ въ руку началствія власть зрима, и имъ же повелѣваяй и прежде, тѣмъ нынѣ сопротивъ повелѣвая бываше, и господинъ рабови предстоя; по всему подобнѣ, яко нога вѣнчеваема, глава же смиряема, и долния убо яко на престолѣ выспрь, горняя же долу бысть, и первыя убо быша посаждаеми богоданными цари, днешніи же богомерскими враги. Разумѣетъ же ся умъ имущимъ, яко бываетъ сребро, при ногахъ валяемо всяко, непримѣнно скверны и злато, погребаемо въ калѣ, существа своего въ тимѣніи не погубляетъ свойства, порхъ лица же не смѣетъ многоцѣненъ нарещися бисеръ, аще и честь вмало неблагословно пріятно.

2. О причинахъ побѣдъ иноземцевъ.

...Аще бо и многолѣтно множицею ратоваху, наступаху, не престая, землю нашу языцы мнози, но никогда толико, якоже днесь, премогаша, ниже таковы отвсюду пакости ей сотворити успѣша, якоже нынѣ. Тогда бо они безъ нашихъ съ ними на ны сложенья копія своя они сломиша, сражающеся, и щиты сотроша, сопротивство свое, мнимое одолѣніе велми осрамиша, егда не бяше въ преложеніи способства измѣнишихъ намъ къ нимъ споможеньемъ. Аще не бы нынѣ изшедшая отъ насъ самоизволно боготступницы и благочестію предателя, скорыя христианопревратницы и пребогатае новое отпадницы нашія вѣры, отторгшаяся самохотнѣ тѣла церкве Христовы соединеній! Своимъ они со языки смѣшеніемъ вкупнаго на ны съ ними свѣщанія ко онѣхъ смѣсному сподобію паки оружія ихъ обновленіемъ своихъ прилогъ наострися и меча она своя обоюдны остротою содѣлаша;... одолѣваемы сихъ ради отъ туждихъ, по всему побѣдихомся ими. И се убо явѣ: егда не соприсмѣсишася наша на ны, они едины таковыхъ намъ своихъ побѣжденій содѣяти не возмогоша никогда же, аще и многи прежде сихъ въ насъ съ ними сраженія быша...

Мужественныя же крѣпости не бѣ въ насъ отдавна, яко ни о коемъ бо смѣяхомъ тайномысліи когда иже многолюднаго бы собранія ликъ составити къ возбраненію на неугодно нѣкая Богови и человѣкомъ, иже что нововводна и чрезъ законы бываемо обладателѣхъ нашихъ повелѣнія, еже неподобная начинанія ихъ намъ мощи возразити бы...

Толикъ въ насъ отъ слабости страхованія несогласнаго нашего разгласія и набратолюбнаго разстоянія возгнѣздился недугъ: яко же градъ отъ града отстоимъ, или мѣста нѣкая многими между себе поприщи разни, тако и мы другъ другъ любовнымъ союзомъ растояхомся, къ себѣ кождо насъ хрепты обращахомся, овіи къ востоку зрятъ, овіи же къ западу.

Но сія наша разность многу на ны врагомъ нашимъ подаде крѣпость...

Не чюждци земли нашей разоритили, но мы есмы сами той потребитили.

(Рус. Ист. библ., т. XIII, с. 261—5, 364—5, 462—5.)

---

93. Сказаніе Авраамія Палицына.

(16.5—1618.)

(2-й редакціи.)

1. Исторія въ память предидущимъ родомъ.

И нынѣ всякъ возрастъ да разумѣетъ и всякъ да приложитъ ухо слышати, како грѣхъ ради нашихъ попусти Господь Богъ нашъ праведное свое наказаніе отъ конецъ до конецъ всея Росіа.

Тогда убо во святыхъ Божіихъ церквахъ скотъ свой затворяху и псовъ во олтарехъ питаху; освященныя же ризы не токмо на потребу свою предираху, но и на обуща преторгахуся прагими багры на плещу носимыхъ священныхъ іереевъ афедроны покрываху...

И никто же отъ всего Російского языка не избысть отъ тѣхъ бѣдъ. Чинъ иноческій и священническій не вскорѣ смерти предааху, но прежде злѣ мучаще всячески и огнемъ жгуще, и испытующе сокровищъ и потомъ смерти предааху. А ихъ же свѣдятъ иноковъ непреходимыхъ отъ мѣста на мѣсто, но во единомъ обѣщаніи живуща, и таковыхъ работами облагаху; и стражи бяху имъ, и вина и пива варяху имъ, тако же и кормы людскія и конскія готовяще и пасаху стада ихъ. Такожде и іереевъ у мелива, и у возовъ, и у дровосѣчества моряху...

И премѣнишася тогда жилища человѣческаа на звѣрскаа. Дивіе бо некроткое естество: медвѣди, и волцы, и лисицы, и зайцы на градскаа пространнаа мѣста пришедше, тако же и птицы отъ великихъ лѣсовъ на велицѣй пищи, на трупѣ человѣческомъ вселишяся. И звѣри и птица малыя въ главахъ и въ чревѣхъ, и въ трупѣхъ человѣческихъ гнѣзда содѣлаша: горы бо могилъ тогда явишася побіенныхъ, по правдѣ и не по правдѣ ратовавшася, ихъ же не лѣтъ изрещи подробну, но мало токмо помянути, яже быша велицыи бои; на прошествіи отъ Тулы въ Колугу, и подъ Кромами, и на Восмѣ подъ Коширою, и подъ Орломъ, и подъ Нижнимъ Новымъ-градомъ, и во многихъ мѣстехъ. И крыяхуся тогда человѣцы въ дебри непроходимыя и въ чащи темныхъ лѣсовъ и въ пещеры невѣдомыя и въ водѣ между кустовъ, отдыхающе и плачющеся къ Содѣтелю, дабы нощь сихъ постигла и поне мало бы отдохнути на сусѣ. Но ни нощь, ни день бѣгающимъ не бѣ покоя ни мѣста къ скрытію, и вмѣсто луны многіа пожары поля и лѣса освѣщеваху нощію и никому же не мощно бяше двигнутися отъ мѣста своего: человѣкъ бо ожидаху, аки звѣрей отъ лѣсовъ исходящихъ. И оставиця злодѣй тогда за звѣрьми гоньбу, но женуще за своею братіею, и со псы, аки лютыхъ звѣрей, пути пытаху...

Мнози убо мы и до днесь въ скверне лихоимства живуще и кабаками печемся, и грабленіемъ и посулы церкви Божіа созидающе и красно образы строяще и колокола великіа сливающе, да гласомъ тѣхъ славни будемъ. А еже вышши тѣхъ звону восходитъ гласъ во уши Господа Саваофа бѣдныхъ и нищихъ и обидимыхъ отъ насъ и въ судѣ неправедно-осужденыхъ по посулом, и о томъ не брегутъ. И яко не сотворшимъ милости здѣ, нѣсть имъ и отъ Бога милости...

2. Сказаніе вкратцѣ о разореніи царьствующаго града Москвы.

Кто не восплачется и не возрыдаетъ и теплыхъ слезъ источники не изліетъ, аще есть и каменосердеченъ и жестокосердъ, о велицѣмъ семъ царьствующемъ градѣ, иже прежде бысть великъ и превысокъ, непобѣдимъ же и прекрасенъ, и всѣмъ прелюбезенъ во очію зрящимъ его? И благочестивыми и великими царьми царьствуемъ и обладаемъ бѣ. И не токмо крѣпкими и высокими стѣнами, но и многими крѣпкими оружіеносцы и храбрыми ратоборцы и премудрыми мужи огражденъ сый. Паче же святыми церквами и многоцѣлебными мощми святыхъ цвѣтяше, и молитвами ихъ отъ вся Содержащаго укрѣпляемъ, растяше и возвышашеся и отъ многихъ государьствъ поклоняемъ; богатствомъ же и славою и многонароднымъ множествомъ и превеликимъ пространствомъ, не токмо въ Росіи, но и во многихъ ближнихъ и далнихъ государствахъ прославляемъ и удивляемъ бысть царьствующій сей градъ Москва, паче же реку Новый Римъ. И како толикъ предивенъ бысть, во единъ часъ падеся, огнемъ и мечемъ потребленъ бысть!..

(Русск. Ист. Библ., т. XIII, 1038—1043, 1193—4.)

---

94. Плачъ о плѣненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства.

Откуду начнемъ плакати, увы, толикаго паденія преславныя ясносіяющія превеликія Росіи? которымъ началомъ воздвигнемъ пучину слезъ рыданія нашего и стонанія? О, коликихъ бѣдъ и горестей сподобилося видѣти око наше! Молимъ послушающихъ со вниманіемъ: О христоименитіи людіе, сынове свѣта, чада церковніи, порожденніи банею бытія! разверзите чювственныя и умныя слухи ваша и вкупѣ разпространимъ арганъ словесный, вострубимъ въ трубу плачевную, возопіемъ къ Живущему въ неприступнѣмъ свѣтѣ, къ Царю царьствующихъ и Господь господьствующихъ, къ херовимскому Владыцѣ, съ жалостію сердець нашихъ, въ перси біюще и глаголюще: Охъ, увы, горе! како падеся толикій пиргъ благочестія, како разорися богонасажденный виноград, его же вѣтвіе многолиственною славою до облакъ вознесошася, и гроздъ зрѣлый всѣмъ въ сладость неисчерпаемое вино подавая? Кто отъ правовѣрныхъ не восплачетъ, или кто рыданія не исполнится, видѣвъ пагубу и конечное паденіе толикаго многонароднаго государьства. христіянскою вѣрою святаго Греческаго отъ Бога даннаго закона исполненаго и, яко солнце на тверди небеснѣй, сіяющаго и свѣтомъ Илектру подобящася? и многими лѣты основанъ, вскорѣ пріятъ разореніе и всеядным огнемъ погорѣ!

Весь благопріятный о Христѣ народъ вѣсть высоту и славу великія Россіи, како возвысися и коликъ страхъ бысть бесерменомъ, и германомъ, и прочимъ языкомъ. Преславна вещь зрящимъ бысть утворенна кафолическая соборная церковь и въ ней живописанныя святыя иконы, къ сему же и столпи благочестия, и по успеніи рѣки чюдесъ православнымъ изливающе. Колико быша царскія многоцѣнныя полаты, внутри златомъ украшени и шары доброцвѣтущими устроены! колико сокровищь чюдныхъ, царскихъ діадимъ, и пресвѣтлыхъ царскихъ багряницъ и порѳиръ, и каменія предрагаго, и всякаго бисера многоцѣннаго бысть преисполнено! какови быша доми благородныхъ двоекровныя и троекровныя, богатствомъ и честію кипящая! Симъ пресвѣтлымъ и предивнымъ государьствомъ преславни быша велицыи царіе, величащася благородніи князи; и во всемъ, дерзновенно рещи, толикаго учрежденія бысть преисполнено, и свѣтомъ и славою превзыде, яко невѣста на прекрасный бракъ жениху уготована...

(Рус. Ист. библ., т. XIII.)

XIX. Ополчения.

95. Приговоръ Ляпуновскаго ополченія.

(30 іюня 1611 года.)

Лѣта 7119-го году іюня въ 30-й день, Московскаго Государства разныхъ Земель царевичи и бояре и окольничіе и чашники и стольники, и дворяне и стряпчіе и жильцы и приказные люди, и князи и мурзы и дворяне изъ городовъ, и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, и атаманы и казаки и всякіе служилые люди и дворовые, которые состоятъ за Домъ Пресвятыя Богородицы и за православную христіанскую вѣру противъ раззорителей вѣры христіанскіе, Польскихъ и Литовскихъ людей, подъ Москвою, приговорили и выбрали всею Землею, бояръ и воеводъ, князя Дмитрия Тимофѣевича Трубецкаго да Ивана Мартыновича Заруцкаго да Думскаго Дворянина и воеводу Прокофья Петровича Ляшунова, на томъ, что имъ, будучи въ правительствѣ, Земскимъ и всякимъ ратнымъ дѣломъ промышляти и расправа всякая межъ всякихъ людей чинити въ правду, а ратнымъ и земскимъ всякимъ людемъ ихъ бояръ во всякихъ земскихъ и въ ратныхъ дѣлахъ слушати всѣмъ. А помѣстьямъ за бояры быти боярскимъ, а взяти имъ себѣ помѣстья и вотчины боярскіе, и окольничихъ и думныхъ дворянъ, боярину боярское, а окольничему окольническое, примѣряся къ прежнимъ большимъ бояромъ, какъ было при прежнихъ Россійскихъ прироженныхъ Государехъ...

А въ Помѣстномъ Приказѣ для помѣстныхъ дѣлъ посадити дворянина изъ большихъ дворянъ, а съ нимъ дьяковъ, выбравъ всею Землею, и велѣти испомѣстити напередъ дворянъ и дѣтей бояр-

скихъ бѣдныхъ разореныхъ безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ, которые помѣстьями своими не владѣютъ от Литовскаго раззоренья; а за которыми были въ помѣстьяхъ дворцовыя села и черные волости, нынѣшняя боярская новая дача, и тѣмъ помѣстей напередъ не отдавати до тѣхъ мѣстъ, покамѣста бѣдныхъ и раззоренныхъ всѣхъ не помѣстятъ.

А которые атаманы и казаки служатъ старо, а нынѣ похотятъ верстатися помѣстными и денежными оклады и служить съ городы, и тѣхъ за ихъ службы помѣстными и денежными оклады поверстать, смотря по ихъ отечеству и по службѣ; а которые атаманы и казаки верстаться не похотятъ, и тѣмъ атаманомъ и казакомъ и стрѣльцомъ давати хлѣбной кормъ съ Дворца, а деньги изъ Большова приходу и изъ Четвертей во всѣхъ полкехъ равно. А съ приставства изъ городовъ и изъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей атамановъ и казаковъ свесть, и насильства ни котораго по городамъ и въ волостяхъ и на дорогѣ грабежевъ и убивства чинити не велѣти; а посылати по городомъ и въ волости для кормовъ дворянъ добрыхъ, а съ ними для россылки дѣтей боярскихъ и казаковъ и стрѣльцовъ и велѣти кормы збирать по указу, почему приговорятъ и укажутъ бояре, а мимо указу никакого насильства и раззоренья крестьяномъ не чинити. А только на Москвѣ въ полкѣхъ и подъ Москвою и по городомъ и въ волостяхъ или по дорогамъ дѣти боярские и казаки и стрѣльцы и холопи боярскіе, или какіе люди ни буди учнутъ воровать, разбивати и грабити и душегубство чинити, и про то сыскивати всякими мѣрами, и отъ всякаго воровства унимать и наказанье и смертную казнь чинити, а на то устроить Разбойной и Земской приказъ потому жъ, какъ прежъ сего на Москвѣ было.

А строить Землю и всякимъ земскимъ и ратнымъ дѣломъ промышлять бояромъ, которыхъ изобрали всею Землею, по сему всѣе Земли приговору. А смертною казнью безъ земскаго и всей Земли приговору бояромъ не по винѣ не казнити, и по городомъ не съсылати и семьями и заговоромъ ни кому ни кого не побивати и недружбы ни которые ни кому не мстити. А кому до кого какое дѣло, и о томъ о управѣ бити челомъ бояромъ и всей Землѣ. А хто учнетъ ходити скопомъ и заговоромъ, и кого хто убьетъ до смерти по недружбѣ, или на кого хто скажетъ какое измѣнное земское дѣло,—и про то сыскивать въ правду, а по сыску наказанье и смертную казнь надъ ними чинити бояромъ, поговоря со всею Землею, смотря по винѣ; а не объявя всей Землѣ, смертныя казни никому не дѣлать и по городомъ не съсылать; а хто кого убьетъ безъ земскаго приговору, и того самаго казнити смертью...

А которые дворяне и дѣти боярскіе въ нынѣшнее смутное время и въ раззоренье вывозили у своей же братьи у дворянъ и у дѣтей боярскихъ крестьянъ и людей, и которые, отъ нихъ выбѣжавъ, живутъ по городомъ по посадомъ, и про то по ихъ челобитью сыскивати, а по сыску крестьянъ и людей отдавать назадъ старымъ помѣщикамъ.

А буде бояря, которыхъ выбрали нынѣ всею Землею для всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ въ правительство, о земскихъ дѣлахъ радѣти и расправы чинити не учнутъ во всемъ въ правду, и по сему земскому приговору всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ дѣлати не станутъ, и за ними всякіе земскіе дѣла постановятся, или которые воеводы бояръ во всякихъ дѣлахъ слушати не учнутъ, и намъ всею Землею вольно бояръ и воеводъ перемѣнити, и въ то мѣсто выбрати иныхъ, поговоря со всею Землею, хто будетъ бою и земскому делу пригодится.

(Пам. по ист. смутн. вр., изд. Н. Клочкова, № 21.)

---

96. О сборѣ шубъ для ополченія 1611 г.

1. Боярскій приговоръ.

Лѣта 7119-го августа въ 22 день.

По совѣту всей земли бояре и воеводы, князь Дмитрей Тимоѳѣевичъ Трубецкой да Иванъ Мартыновичъ Зарутцкой приговорили собрати въ городѣхъ ратнымъ людемъ, казакомъ и стрельцомъ, которые подъ Москвою въ полкѣхъ, на одежу шюбы, съ сохи по двадцати по семи шюбъ, а съ трехъ вытей по шюбе.

И дьяку Григорью Витоѳтову по боярскому приговору послати въ городы и въ волости, которые у него въ четверти, зборщиковъ, а велѣти собрати ратнымъ людемъ на одежю съ сохи по двадцати по семи шюбъ, а зъ дворцовыхъ селъ и съ черныхъ волостей съ трехъ вытей по шюбе. Да тѣ шюбы велѣти привести въ полки къ бояромъ и воеводамъ къ Москвѣ тотчасъ, а збирати шубы просторны и не ветчаны. Діякъ Тимоѳѣй Витоѳтовъ.

2. Челобитная отъ Тарусскаго уѣзда.

Лѣта 7120, ноябрь—декабрь.

Великіе Російскіе державы Московскаго государьства бояромъ бьютъ челомъ Торуского уѣзду архимариты, и игумены, и тарушеня, дворяня и дѣти боярскіе, и торускіе посадцкіе людишка, и дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей крестьянишка, всѣмъ городомъ.

Въ прошломъ, государи, во 118 и во 119 году, приходили, государи, крымскіе, и нагайскіе и литовскіе люди, посадъ Тарусу и Торуской уѣздъ вывоевали и животину всякую выгнали безъ остатку. И какъ городъ Олексинъ сожгли черкасы, и нашихъ людишекъ и крестьянишекъ многихъ побили и въ полонъ поимали, а иные многіе погорѣли. Да у насъ же, государи, черезъ посадъ Тарусу и Торуской уѣздъ лежитъ большая колужская дорога, и ѣздятъ отъ васъ бояръ ис полковъ многіе гонцы, и въ украинные городы и съ украинъ къ вамъ бояромъ, и у насъ, и у людишекъ нашихъ и у крестьянишекъ емлютъ подводы, и тѣ подводы проподаютъ безвѣсно. Да тутъ же, государи, ѣздятъ всякіе ратные и всякіе проѣзжіе люди и, ѣздя, людишекъ и крестьянишекъ нашихъ грабятъ, и хлѣбецъ весь потравили. Да въ нынешнемъ же, государи, во 120-мъ году присланы отъ васъ бояръ ис полковъ казаки Тихановы станицы Чюлкова да Тарасовы станицы Чорного съ товарыщи на 500 человѣкъ збирать кормы. И, собравъ первой кормъ, отвезли въ полки, а ныне збираютъ на тѣ-жъ станицы на 500 человѣкъ другой кормъ по прежнему збору. Да по вашему боярскому указу на нашихъ же крестьянишкахъ правитъ Микита Сомовъ по двадцати по семи шубъ съ сохи бораньихъ, а з дворцовыхъ селъ съ трехъ вытей по шубе. И отъ тое, государи, крымскихъ, и нагайскихъ и литовскихъ людей войны, и отъ ратныхъ и ото всякихъ проезжихъ людей грабежей и отъ многихъ зборовъ помѣсьишка наши и вотчины запустѣли многіе безъ остатку, крестьянишка и послѣдніе розбрелись по рознымъ городомъ, а мы сами съ матерьми, и з женишками и з детишками волочимся межъ дворъ.

Государи бояря, смилуйтеся надъ нами, для нашіе бѣдности, и разоренья и войнѣ, не велитѣ съ нашихъ помѣсьишекъ, и вотчинъ, и съ монастырьскихъ вотчинъ, и съ посадцкихъ съ черныхъ людишекъ и з дворцовыхъ селъ иматъ казачьихъ кормовъ и шубъ; и впередъ съ нашихъ помѣсьишекъ не велите кормовъ иматъ, и казаковъ велите ис помѣсьишекъ выслать вонъ; а в-ныхъ во многихъ городехъ по вашей милости для такого-жъ разоренья и войны казачьихъ кормовъ и въ одинъ рядъ иматъ не велѣно. Государи, смилуйтесь.

На оборотѣ помѣта. 120-го году ноября въ 30 день кормовъ и шубъ съ нихъ имати не велеть, сыскать...

(Смутн. время Моск. Гос-ва, Материалы, собр. И. О. И. и Др. Р., вып. 5, №№ 13 и 51.)

---

97. Грамота Патріарха Гермогена въ Нижній-Новгородъ о непризнаваніи сына Марины Мнишекъ Государемъ.

(1611 г., авг. 30.)

Благословеніе архимаритомъ, и игуменомъ, и протопопомъ, и всему святому собору, и воеводамъ и діакомъ, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всему міру отъ Патріарха Ермогена Московскаго и всеа Русіи, миръ вамъ, и прощеніе, и разрѣшеніе. Да писати бы вамъ изъ Нижнего въ Казань къ Митрополиту Ефрему, чтобъ Митрополитъ писалъ въ полки къ бояромъ учителную грамоту, да и казацкому войску, чтобъ они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и бояромъ бы говорили и атаманьѣ безстрашно, чтобъ они отнюдъ на царьство проклятого Маринкина паньина сына [1],... не благословляю. И на Волгду ко властемъ пишите жъ, такъже бы писали въ полки; да и къ Рязанскому пишите тожъ, чтобы въ полки такъже писали къ бояромъ учителную грамоту, чтобъ уняли грабежъ, корчму, и имѣли бы чистоту душевную и братство, и промышляли бы, какъ реклись души свои положити за Пречистыя домъ и за Чудотворцевъ и за вѣру, такъ бы и совершили; да и во всѣ городы пишите, чтобъ изъ городовъ писали въ полки къ бояромъ и атаманьѣ, что отнюдъ Маринкинъ на царьство ненадобенъ: проклятъ отъ святого собору и отъ насъ.

Да тѣ бы вамъ грамоты съ городовъ собрати къ себѣ въ Нижней Новгородъ, да прислати въ полки къ бояромъ и атаманьѣ; а прислати прежнихъ же, коихъ естя присылали ко мнѣ съ совѣтными челобитными, безстрашныхъ лю-

---

[1]) Пропуск в тексте.

дей, Свіяженина Родіона Мосѣева да Ратмана Пахомова, а имъ бы въ полкѣхъ говорити безстрашно, что проклятый отнюдъ ненадобе; а хоти буде и постражете, и васъ въ томъ Богъ простить и разрѣшитъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ; а въ городы для грамотъ посылати ихъ же, а велѣти имъ говорити моимъ словомъ. А вамъ всѣмъ отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно; а язъ долженъ за васъ Бога молити.

(Пам. по ист. Смутн. вр., изд. Н. Клочкова, № 24.)

---

98. Окружная Грамота Военачальника Князя Д. М. Пожарскаго.

(Писана 1612, въ іюнѣ.)

Въ Путивль. Московскаго Государства бояре и воеводы, по избранію всѣхъ чиновъ людей, у ратныхъ и земскихъ дѣлъ стольникъ и воевода Князь Дмитрій Пожарскій съ товарищи, и (всѣхъ чиновъ люди) челомъ бьютъ. По праведному прещенію Божію, за грѣхи наша неутолимъ гнѣвъ наведе Богъ на землю нашу: сталъ на Государство Московское Жигимонтъ Король Польскій...

Московскагожъ Государства бояре и воеводы, и думный дворянинъ Прокофій Ляпуновъ, сослався съ вами, со всѣми городы, и собрався съ ратными людьми всѣхъ городовъ Московскаго Государства пришли подъ царствующій градъ Москву, и Польскихъ и Литовскихъ людей и Рускихъ воровъ въ Москвѣ осадили, и цѣловали всѣ крестъ, что было за домъ пресвятыя Богородицы и за Московское Государство помереть, и выбратибъ Государя всею землею, кого милосердый Богъ дастъ. Старыежъ заводчики всякому злу, атаманы и козаки, холопи боярскіе, умысля съ своимъ начальникомъ съ Иваномъ Заруцкимъ, Прокофья Ляпунова убили, и всчали въ полкѣхъ и по дорогамъ многіе грабежи и убійства, а дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ смертные позоры учинили, а бѣдныхъ полоняниковъ, которые отъ смертнаго олона изъ города выходятъ, немилостивно обругали и смерти предали; да Иванъ же Заруцкій многіе городы и дворцовыя села и черныя волости и монастырскія отчины себѣ поималъ, и совѣтникомъ своимъ бояромъ и воеводамъ и дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ и атаманомъ и козакомъ роздалъ; а которую многую денежную казну изъ городовъ привозили въ полки, а Иванъ Заруцкій тое казну поималъ себѣ, а ратнымъ людемъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и атаманомъ и козакомъ, которые прямо за домъ пречистыя Богородицы умирали, не даваль; стольники жъ и стряпчіе и дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, увидя его неправедное начинаніе, отъ грабежевъ и отъ позоровъ и отъ великія скудости изъ полковъ разъѣхалися по городамъ.

И въ Нижнемъ Новѣгородѣ гости и посадскіе люди и выборный человѣкъ Косма Мининъ, ревнуя пользѣ, не пощадя своего имѣнія, учали ратныхъ людей сподоблять денежнымъ жалованьемъ, и присылали по меня, Князя Дмитрія изъ Нижняго многажды, чтобъ мнѣ ѣхати въ Нижній для земскаго совѣта; и я, по их прошенію, пріѣхалъ къ нимъ въ Нижній, и учали ко мнѣ въ Нижній пріѣзжати бояре, и воеводы, и стольники, и стряпчіе, и дворяне большіе, и дворяне и дѣти боярскіе, Вязьмичи, Дорогобужане и Смоляне и иныхъ розныхъ городовъ; и я, прося у Бога милости, учалъ съ ними со всѣми и съ выборнымъ человѣкомъ съ Космою Мининымъ и съ посадскими людьми совѣтовать, чтобъ намъ противъ враговъ и разорителей вѣры Христіанскія, Польскихъ и Литовскихъ людей, за Московское Государство стояти всѣмъ единомысленно, и вору, который во Псковѣ, и Маринѣ и сыну ея не служити и противъ ихъ и тѣхъ, которые имъ учнутъ служить, стояти, а Государя выбрати всею землею, кого милосердый Богъ дастъ; и совѣтовавъ, дали мы въ томъ Богу души свои, а ратнымъ всякимъ людемъ денежное жалованье дали неоскудно...

И вамъ бы. господа, про то было вѣдомо, и прислати бы вамъ къ намъ, для общаго земскаго совѣта, изо всякихъ чиновъ человѣка по два и по три, и противъ сея грамоты совѣтъ свой къ намъ отписати за своими руками, какъ намъ противъ общихъ враговъ Польскихъ и Литовскихъ людей стоять, и как намъ въ нынѣшнее злое настоящее время безгосударнымъ быть, и выбратибъ намъ Государя всею

землею, кого милосердый Богъ, по своему праведному человѣколюбію, дастъ; а будетъ, господа, вы къ намъ на совѣтъ вскорѣ не пришлете, и отъ вора и отъ Марины и отъ сына ея не отстанете, и съ нами и со всею землею не соединитесь, и общимъ совѣтомъ на Московское Государство Государя не учнете съ нами выбирати, и намъ, господа, съ сердечными слезами съ вами ростався, всемірнымъ совѣтомъ съ Поморскими и съ Понизовыми и съ Замосковными городы выбирати Государя, кого намъ Богъ дастъ, чтобъ намъ въ нынешнее злое время безгосударнымъ не быть, и Государство Московское и всѣ городы Московскаго Государства безъ Государя до конца не разорились...

(С. Г. Гр. и Дог., ч. II, № 281.)

---

99. Собор 1613 года.

Об избрании царя Михаила Федоровича.

1613, в феврале.

Лѣта 7121, какъ по милости всемогущаго и всесильнаго, въ Троицѣ славимаго Бога и пречистыя Его Богоматери, Христіанскіе надежи и заступницы, и великихъ чудотворцевъ молитвами, просіявшихъ въ Россійскомъ Царствіи, и службою и промысломъ и радѣньемъ ко всей земли бояръ и воеводъ и всякихъ ратныхъ людей, которые за православную истинную Христіанскую вѣру Греческаго закона, и за чудотворный образъ пречистыя Богородицы Владимірскія, и за многоцѣлебныя мощи Московскихъ чудотворцевъ и за Московское Государство своимъ мужествомъ и храбростію стояли противъ Польскихъ и Литовскихъ людей крѣпко и неподвижно,—Московское Государство, и царствующій градъ Москва, отъ Польскаго и отъ Литовскаго Короля и отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей, отъ ихъ злаго плѣненія, очистилося и учинилося свободно; и Московскаго Государства бояре и воеводы и всякихъ чиновъ всякіе люди, которые въ то время были на Москве, писали во всѣ городы всего великаго Россійскаго Государства,... чтобъ изо всѣхъ городовъ изо всякихъ чиновъ послали къ Москвѣ, для земскаго совѣта и для Государскаго обиранья, лучшихъ и разумныхъ людей, и съ ихъ бы земскаго совѣта выбрати... на всѣ великія Россійскія Государства Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ, всея Русіи Самодержцемъ, кого Богъ дастъ, чтобъ великое Россійское Государство, послѣ Московскаго разоренья, впередъ безгосударно не было, и православная бъ Крестьянская вѣра отъ Латынъ и отъ Люторскихъ богомерзскихъ вѣръ въ разореньи и во обруганьи и досталь не учинилась.

И какъ изо всѣхъ городовъ всего великаго Россійскаго Царства... для Государскаго обиранья съѣхалися, и всещедрый въ Троицѣ славимый Богъ нашъ, по умоленію пречистыя Своея Богоматери и великихъ Московскихъ чудотворцевъ, не хотя видѣти всего православнаго Крестьянства въ конечной погибели, а православной истинной Крестьянской вѣры Греческаго закона отъ Латинъ и отъ Люторскихъ и богомерзскихъ вѣръ во обруганіи, по Своему человѣколюбію, послалъ Свой святый Духъ въ сердца всѣхъ православныхъ Крестьянъ всего великаго Россійскаго Царствія отъ мала и до велика, не токмо въ мужественномъ возрастѣ, и до ссущихъ младенецъ, единомышленной и нерозвратной совѣтъ, что быти на Владимірскомъ и Московскомъ и на Новгородскомъ Государствахъ, и на Царствахъ Казанскомъ и Астраханскомъ и Сибирскомъ, и на всѣхъ великихъ и преславныхъ Россійскихъ Государствахъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ, всея Русіи Самодержцемъ,—прежнихъ Великихъ благородныхъ и благовѣрныхъ и Богомъ вѣнчанныхъ Россійскихъ Государей Царей, отъ ихъ Царскаго благороднаго племени, блаженныя славныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всея Русіи сродичу, Михаилу Ѳеодоровичу Романову-Юрьеву; а мимо его Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьева, из иныхъ Государствъ и изъ Московскихъ родовъ на Московскомъ Государствѣ Государемъ никакъ иному никому не быти...

(С. Г. Гр. и Дог., ч. III, № 1.)

---

100. Об избрании Михаила Федоровича Романова.

(Новые документы.)

1. Показаніе сына боярскаго Ивана Философова, взятаго въ пленъ поляками, о положеніи дѣлъ въ Москвѣ въ ноябрѣ 1612 г.

...А въ роспросѣ, господари, намъ и полковникомъ сынъ боярской (именно Иванъ Философовъ) сказалъ, что на Москвѣ у бояръ, которые вамъ

великимъ господарямъ, служили, и у лучшихъ людей хотѣніе есть, чтобъ просити на господарство васъ, великаго господаря королевича Владислава Жигимонтовича, а имянно-де о томъ говорити не смеютъ, боясь казаковъ, а говорятъ, чтобы обрать на господарство чужеземца; а казаки-де, господари, говорятъ, чтобъ обрать кого изъ русскихъ бояръ, а примѣриваютъ Филаретова сына и Воровского Колужского. И во всемъ деи казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ, что хотятъ; а дворяне-де и дѣти боярскіе разъѣхалися по помѣстьямъ, а на Москвѣ осталось дворянъ и дѣтей боярскихъ всего тысячи съ двѣ, да казаковъ полпяты тысячи человѣкъ (т.-е. 4.500), да стрѣльцовъ съ тысячу человѣкъ, да мужики чернь. А бояръ-деи, господари, князя Ѳедора Ивановича Мстиславского съ товарищи, которые на Москвѣ сидѣли, въ Думу не припускаютъ, а писали объ нихъ въ городы ко всякимъ людемъ: пускать ихъ въ Думу, или нѣтъ? А дѣлаетъ всякія дѣла князь Дмитрей Трубецкой да князь Дмитрей Пожарской, да Куземка Мининъ. А кому впередъ быти на господарствѣ, того еще не постановили на мѣрѣ...

(Ж. М. Н. П. 1913, февраль, 185-188).

2. Разспросныя рѣчи двухъ купцовъ.

10 февраля 1613 года два знатныхъ русскихъ купца, недавно прибывшихъ (в Новгородъ) изъ Москвы, сообщили слѣдующія свѣдѣнія:

— После того, какъ польскій король не могъ склонить русскихъ, снова взявшихъ Москву, признать его сына ихъ Великимъ Княземъ—он направился с сыномъ в Польшу, потому что бывшее с нимъ войско не могло здѣсь получить какого-либо продовольствія, потому что крестьяне по ту сторону Москвы по большей части изрублены и разбѣжались; из-за этого войско начало сильно болѣть, а также потому, что теперь зимой в Польшѣ будет созванъ сеймъ, который, главнымъ образомъ, должен решить, как полякамъ вести войну съ русскими и турками. И говорятъ, что польскій король будущей весной ожидается здѣсь, в России, с большимъ войскомъ, такъ какъ они и Москвичи постановили и написали—или поставить его сына здѣсь великимъ княземъ, или милосердно опустошить русскихъ и совершенно разорить страну, если русскіе не пожелают принять его сына, и для этого король оставилъ здѣсь, в странѣ, несколько тысячъ человѣкъ...

— Русскіе казаки, которые въ Москве, пожелали въ великіе князья боярина, по имени князь Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, отецъ которого, по имени князь Ѳедоръ Романовичъ, поступилъ въ монастырь и затѣмъ сделался митрополитомъ и два года тому назадъ отправился вмѣстѣ съ другими русскими послами въ Польшу и тамъ задержанъ до сихъ поръ. Но бояре были совершенно противъ этого и отклонили это на соборѣ, который недавно был созванъ въ Москвѣ. Точно также онъ самъ (Михаилъ Ѳедоровичъ) не пожелалъ принять такое предложеніе, и такъ бояре съ другими земскими чинами согласились, что они, съ бывшими у нихъ раньше туземными государями, не имѣли никакого счастья, ни мира, и еще меньше вѣроятія, что врожденная ихъ рознь здѣсь, въ странѣ, теперь можетъ быть успокоена, особенно по той причине, что никто из здѣшнихъ знатнѣйшихъ людей не хочетъ в чемъ-либо уступить другому, но всѣ считают свое мнѣние одинаково разумнымъ. Почему они всѣ на бывшемъ у нихъ собраніи решили, что они будут просить великаго князя изъ чужого государства и королевскаго рода, и такъ какъ его княжеская милость герцогъ Карлъ Филиппъ сюда позже прибудетъ, согласно договору, установленному съ Новгородскимъ государствомъ, и обѣщанію нынешняго шведского короля, то они поэтому признаютъ его и окажутъ ему подобающую честь, повиновеніе и службу; если это такъ не будетъ, то они будут искать другого вел. князя из чужого государства и да хранитъ ихъ богъ...

3. Приложеніе къ листу Делагарди (рапортъ шведскому королю) отъ 3 августа 1613 г.

Слуга боярина Ѳедора Боборыкина, бывшего въ Швеціи съ русскимъ посольствомъ, 28 июня 1613 г. бѣжалъ изъ Москвы и 16 іюля прибылъ сюда, въ Новгородъ, съ письмомъ къ родственникамъ упомянутого Ѳедора Боборыкина.

В этомъ письмѣ сообщается, какъ онъ и устно разсказывалъ, что московскіе простые люди и козаки по собственному желанію и безъ общего согласія другихъ земскихъ чиновъ выбрали великимъ княземъ Ѳедорова сына, Михаила Ѳедоровича Романова, который теперь въ Москвѣ; но онъ не желаетъ принять на себя управленіе, но приводитъ множество извиненій—и между прочимъ сказалъ, что не хочетъ короноваться раньше, чемъ его отецъ, ростовскій митрополитъ, который былъ

отправленъ въ числе пословъ въ Польшу и еще держится тамъ, будетъ освобожденъ, чтобы онъ могъ благословить его на царство, потому что у москвичей нетъ никакого патріарха, который могъ бы короновать его и благословить. Земскіе чины и бояре его (Михаила Ѳедоровича) не уважаютъ, и такъ какъ они были совершенно несогласны съ русскими козаками и относительно выбора великого князя, и относительно другихъ дѣлъ, то они вмѣстѣ съ знатнѣйшими, находящимися тамъ, господами, отослали большую часть ихъ изъ Москвы въ другіе города; но они отправились къ Ивану Заруцкому, ихъ прежнему начальнику, женой которого состоитъ супруга ихъ бывшего вел. князя Дмитрія, такъ что теперь въ Москвѣ мало войска, дороговизна и мало запасовъ для продовольствія. И поэтому знатнѣйшіе русскіе желаютъ прибытія его Княж. Милости Герцога Карла-Филиппа, такъ что можно ожидать, что они будутъ на его сторонѣ, когда они узнаютъ навѣрное о прибытіи Его Кн. Милости. Но князь Димитрій Трубецкой и Ѳедоръ Шереметевъ послали тайныхъ гонцовъ польскому королю, которые по дорогѣ были пойманы и сознались, что дядя ихъ, вел. князь Иванъ Никитьевичъ Романовъ по имени, былъ за одно с ними и написалъ польскому королю обо всѣхъ обстоятельствахъ— и о состояніи страны, и при этомъ высказывалъ желаніе, чтобы онъ теперь со своимъ сыномъ, не теряя времени, прибылъ сюда въ Россію, потому что они сомнѣваются въ прибытіи Его Кн. Милости герцога Филиппа, изъ-за происшедшихъ проволочекъ; почему они лишены своихъ прежнихъ должностей и властей...

4. Разспросныя рѣчи одного дворянина (августъ 1613, въ Выборгѣ).

Одинъ бояринъ, который пять недѣль тому назадъ выѣхалъ изъ Москвы и былъ посланъ на помощь своимъ, русскимъ, шедшимъ со своими сродичами, которые теперь въ Тихвинѣ—былъ потомъ захваченъ нашими (шведскими) людьми, и разсказалъ нижеслѣдующее: Упомянутый сынъ Ѳедора, признанный московскими козаками ихъ великимъ княземъ, по ихъ просьбамъ принялъ этотъ титулъ; онъ самъ будетъ писаться великимъ княземъ, и живетъ въ зданіяхъ прежнихъ вел. князей въ Кремлѣ, но он еще не коронованъ, и бояре не желали бы его признавать, но должны согласоваться съ волей козаковъ, потому что они слишкомъ сильны. И бояре думали соединиться противъ нихъ, но потомъ рѣшили, что если они такъ поступятъ противъ нихъ, то они, пожалуй, перейдутъ отъ нихъ къ полякамъ, что ослабитъ ихъ (бояръ). Бояре въ Москвѣ и въ другихъ сосѣднихъ городахъ очень желали бы прибытія сюда въ страну Его Кн. Милости герцога Карла-Филиппа, по сомнѣваются, потому что в этомъ ихъ разочаровали нѣкоторые люди, прибывшіе отсюда...

5. Отрывки листа земских людей Новгорода Великого к королевичу Карлу-Филиппу (августъ 1613).

... но мы можемъ признать, что въ Московскомъ государствѣ воры одолѣли добрыхъ людей, мы также узнали, что въ Московскомъ государствѣ козаки, безъ согласія бояръ, воеводъ, дворянъ и лучшихъ людей всехъ чиновъ, своимъ воровствомъ поставили государемъ московского Государства— Михаила Романова...

6. Разспросныя рѣчи Никиты Калитина (члена Новгородского посольства къ шведамъ, февраль 1614).

12 февраля 1614 г. разсказалъ бояринъ (сынъ боярскій) по имени Никита Калитинъ, который былъ посланъ съ первымъ посольствомъ къ Его Кор. Величеству въ ту самую осень, когда мы (шведы) лѣтомъ взяли Новгородъ; на своемъ обратномъ пути сюда, онъ (Калитин) былъ захваченъ партіей воровскихъ казаковъ и отведенъ въ Псковъ, гдѣ бѣжалъ изъ тюрьмы и тотчасъ отправился сюда, въ Новгородъ...

1. Нѣкоторые князья, бояре и козаки, какъ и простые люди, знатнѣйшіе изъ нихъ—князь Иванъ Никитьевичъ Юрьевъ (Романовъ), дядя теперь выбранного великого князя, князь Иванъ Голицынъ, князь Борисъ Лыковъ и Борисъ Салтыковъ, сынъ Михаила Салтыкова, подали свои голоса за Ѳедорова сына и выбрали и поставили его своимъ великимъ княземъ; они теперь очень держатся за него и присягнули; но князь Димитрій Пожарскій, князь Димитрій Трубецкой, князь Иванъ Куракинъ, князь Федоръ Мстиславскій, как и князь Василій Борисовичъ Черкасскій, твердо стояли противъ и не хотѣли соглашаться ни на что, что другіе такъ сдѣлали. Особенно князь Димитрій Пожарскій открыто говорилъ въ Москвѣ боярамъ, козакамъ и земскимъ чинамъ, и не хотѣлъ одобрить выбора сына Ѳедора, утверждая, что, как только они примутъ его своимъ вел. княземъ,

недолго сможетъ продолжаться порядокъ, но имъ лучше бы стоять на томъ, что всѣ они постановили раньше, именно, не выбирать въ вел. князья никого изъ своихъ единоплеменниковъ, такъ какъ съ ними не было никакого счастья и удачи, и безъ чужой помощи никакъ нельзя будетъ стоять противъ враговъ и оборонять страну, но надо взять вел. князя изъ чужихъ государей и государствъ, кого угодно будетъ Богу; и такъ какъ шведскій король по ихъ желанію предложилъ имъ въ вел. князья своего брата, которого признало Новгородское государство, и онъ долженъ находиться на пути сюда, чтобы принять на себя царское званіе, то тѣ, кто его отклонили и выбрали себѣ другого изъ своихъ природныхъ господъ, не только получатъ себѣ на шею шведовъ, но и поляковъ, съ которыми они находятся въ открытой войнѣ, но противъ которыхъ московское царство при настоящихъ обстоятельствахъ не можетъ бороться, но будетъ всѣми ими подавлено и раззорено; поэтому онъ всѣмъ совѣтовалъ никоимъ образомъ не выбирать сына Ѳедора. И эти речи не понравились тѣмъ, кто держался сына Ѳедора, почему они приказали посадить названного Пожарского за пристава, какъ и самъ вел. князь приказалъ привезти въ Москву князя Димитрія Трубецкого (бывшего въ Торжкѣ, соратника Пожарского, при чемъ оба они были во всемъ за одно, словомъ и дѣломъ), чтобы онъ ему присягнулъ, но никто не знаетъ, сдѣлалъ ли это кто-нибудь изъ упомянутыхъ князей.

2. Названный сынъ Ѳедора еще не коронованъ, потому что земскіе чины еще не пришли къ соглашенію, и особенно потому, что Казань и Астрахань совершенно отдѣлились отъ Московского государства и сдѣлались независимыми; этими землями начальствуетъ одинъ князь Иванъ Воротынскій. Къ тому же въ странѣ нѣтъ никакого патріарха, который могъ бы короновать и благословить великого князя.

7. Разспросныя рѣчи стольника Ивана Ивановича Чепчугова, московскаго дворянина Никиты Остафьевича Пушкина и дворянина Романовца Фоки Дурова (приложены к рапорту Делагарди швед. королю, іюль 1614).

17 іюня (1614) эти нижепоименованные русскіе бояре были взяты въ плѣнъ и доставлены въ Новгородъ, именно: стольникъ Иванъ Ивановичъ Чепчуговъ, московскій дворянинъ Никита Остафьевичъ Пушкинъ, дворянинъ изъ Романовца—Фока Дуровъ; они сообщили слѣдующее:

Сначала они всѣ трое разсказали по очереди, каждый отдельно, и ихъ разсказы совпали, что знатнѣйшіе бояре, сидѣвшіе съ поляками въ Москвѣ, осажденной русскими, выѣхали изъ Москвы и поѣхали въ разные мѣста, подъ предлогомъ, что они хотятъ съѣздить на богомолье, согласно ихъ вѣрѣ, какъ они должны бы были сдѣлать еще во время осады, но больше по той причинѣ, что къ нимъ враждебно относятся всѣ простые люди страны изъ-за поляковъ, съ которыми были заодно. Поэтому имъ надо нѣкоторое время не показываться, но скрыться съ глазъ и въ настоящее время въ Москвѣ не осталось никого изъ бояръ и думныхъ людей, лишь князь Димитрій Трубецкой и князь Димитрій Пожарскій, которые покорили Москву. Затѣмъ козаки не могутъ долѣе оставаться безъ государя, который могъ бы награждать ихъ за ихъ службу, но хотятъ государя изъ собственного народа, почему рѣшили вызвать въ Москву всѣхъ знатнѣйшихъ бояръ и думцевъ, уѣхавшихъ отсюда, а также нѣкоторыхъ людей духовного и свѣтского званія, изъ всѣхъ городовъ и провинцій, для выборовъ. Нѣкоторые говорили, что надо помолиться Богу и затѣмъ бросить жребій между тремя лицами, княземъ Димитріемъ Трубецкимъ, княземъ Иваномъ Голицынымъ и Михаиломъ Романовымъ, кого изъ нихъ Богъ пожелаетъ дать имъ въ государи.

Но когда затѣмъ собрались земскіе чины, они задумались надъ этимъ и обсуждали, какъ имъ лучше приступить къ дѣлу, выбрать ли государя изъ своего народа, или изъ иностранныхъ государей,—но казаки и чернь сбѣжались и съ большимъ шумомъ ворвались въ Кремль къ боярамъ и думцамъ, напустились на нихъ съ сильными ругательствами и обвиняли ихъ, что бояре потому не выбирают въ государи никого изъ здѣшнихъ господъ, чтобы самимъ править и однимъ пользоваться доходами страны, и, какъ случилось ранѣе, снова отдать Государство подъ власть чужого народа; но они, козаки, выдержавшіе осаду Москвы и покорившіе ее, теперь должны терпѣть нужду и погибать совершенно. Поэтому хотят они немедленно получить государя, чтобы знать кому они служатъ и кто долженъ награждать ихъ за ихъ службу. Къ этому они добавили, что такъ какъ правящій нынѣ вел. князь Михаилъ Романовъ преж-

нему вел. князю Ѳедору Ивановичу ближе всѣхъ сродни и упомянутый царь Ѳедоръ Ивановичъ, умирая, поручилъ и приказалъ царство отцу этого Михаила—Филарету, который теперь въ плѣну въ Польшѣ, и его потомкамъ, то поэтому надо и должно присягнуть этому Михаилу и выбрать его государемъ.

Тогда бояре и думцы—родственники упомянутого Михаила, высказали имъ нѣкоторые затрудненія, а также указывали на его молодость; сверхъ того, такъ какъ вышеупомянутый Михаилъ, ныне правящій вел. князь, тогда еще не былъ въ Москвѣ, а жилъ въ Костромѣ въ своемъ имѣніи, то бояре желали отложить рѣшеніе вопроса до его прибытія, чтобы можно было еще лучше подумать надъ этимъ. Но подобные оправданія не были приняты козаками и чернью, но они вели себя попрежнему и не хотели ни на одинъ часъ отойти отъ Кремля, пока дума и земскіе чины въ тотъ же день не присягнутъ ему (Михаилу Ѳедоровичу). Когда же они присягнули, князь Димитрій Мастрюковъ (Черкасскій) с большей частью лучшихъ бояръ, козаковъ и стрѣльцовъ былъ посланъ къ Смоленску чтобы осаждать его...—

Относительно козаковъ всѣ согласно разсказали, что ихъ слишкомъ много въ странѣ и они самовольно разъѣзжают повсюду и стоятъ порознь тутъ и тамъ, держа сторону то вел. князя Московского, то Заруцкого, то сохраняя нейтралитетъ; всюду они грабятъ, жгутъ, убиваютъ и творятъ такіе жестокости съ боярами, горожанами, крестьянами, женщинами и детьми, о какихъ никогда не слыхано отъ язычниковъ. Затѣмъ, говорятъ, они сожгли крѣпость и городъ Романовъ близъ Ярославля, и перебили тамъ жителей.

Также говоритъ Фока Дуровъ, что онъ видѣлъ и читалъ одно письмо, полученное костромскими боярами изъ своихъ костромскихъ помѣстьевъ отъ своихъ родственниковъ; тамъ сообщается, что козаки такимъ же образомъ сожгли и разграбили крѣпость и городъ Костому и перебили тамъ жителей, что продолжаютъ дѣлать ежедневно во многихъ местахъ...

(Сборник Новгородскаго Общества любителей древности», вып. 5. 1911 г., Арсеньевские Шведские бумаги, №№ V—X; стр. 20—30).

IV. Реставрация и реакция.

XX. После смуты.

101. Окружная грамота Королевича Владислава, о правахъ его на россійскій престолъ.

1616, Дек. 15.

Отъ Царя и Великого Князя Владислава Жигимонтовича всеа Русіи, въ Московское государьство, бояромъ нашимъ... и всякимъ людемъ Московского Государьства.

Вѣдомо вамъ, какъ судбами Божіими въ Московскомъ государьствѣ прироженный корень Великихъ Государей Російскихъ извелся, и по нихъ не по своей мѣрѣ изъ боярскихъ родовъ на Царьскій престолъ посягати не устрашилися, какія отъ нихъ были бѣды и напасти и гоненіе, а въ васъ было воздыханіе и плачъ. И Московского государьства патріархъ, архіепископы и весь духовный чинъ, по томужъ бояре и вы всѣ всякихъ чиновъ люди всего Московского государьства, поразумѣвъ то, что не отъ Царьского корени Государю быть трудно, земля вся будетъ въ междусобицѣ. цѣловали есте межъ собя крестъ, что впередъ изъ Московскихъ родовъ на государьство не избирати, а выбрати бы изъ иныхъ государьствъ отъ Царьского корени, и склонили есте все посполу, и выбрали на Московское государьство насъ Великого Государя Королевича Владислава, и крестъ намъ Великому Государю цѣловали всею землею, и съ гетманомъ Желковскимъ, воеводою Кіевскимъ... укрѣпилися, что быти намъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ... всеа Русіи, и послали бити челомъ къ Великому Жигимонту Королю пословъ своихъ, отъ всеа земли, Филарета митрополита Ростовского и Ярославского, да князя Василья Васильевича Голицына съ товарыщи, чтобъ онъ Великій

Государь пожаловалъ, далъ на Царьскій престолъ Владимерскій, Московскій и всеа Русіи, насъ Великого Государя; и Филаретъ митрополитъ почалъ дѣлать не по тому наказу, каковъ данъ былъ имъ отъ васъ, прочилъ и замышлялъ на Московское государьство сына своего Михаила. И послѣ того присланы отъ васъ другіе послы, Князь Юрьи Никитичъ Трубецкой съ товарыщи, бити челомъ отцу нашему Великому Государю объ насъ Великомъ Государѣ. И отецъ нашъ наяснѣйшій Государь Король прошенья всего Московского государьства не отмолылъ, и дати насъ Великого Государя на Московское царьство обѣщалъ; и замѣшкался нашъ походъ въ Московское государьство для того, что въ многомятежныхъ непокоѣхъ царьство Московское зыбалося, а мы Великій Государь были не въ совершенныхъ лѣтѣхъ... И нынѣ мы Великій Государь, по милости Всемогущего Бога, пришли есмя въ совершенный возрастъ къ скипетродержанію, и хотимъ за помочью Божіею свое государьство Московское, отъ Бога данное намъ и отъ всѣхъ васъ крестнымъ цѣлованіемъ утвержденное, отыскать, и ужъ въ совершенномъ такомъ возрастѣ можемъ быти самодержцомъ всеа Русіи, и неспокойное государьство, по милости Божіей, покойнымъ учинити. И вамъ бы всякимъ людемъ Московского государьства притти къ дознанію и попамятовати свое крестное цѣлованіе, намъ Великому Государю добити вскорѣ челомъ, и служити съ радостію...

И будетъ въ познаніе придете, намъ Великому Государю, по своему крестному цѣлованію, челомъ вскорѣ добьете, всѣ себѣ и всему Московскому государьству миръ и тишину немятежную воспримете, и отъ всѣхъ непріятелей околныхъ безстрашно жити учнете, и вся дни живота своего въ радости пребывати будете; а вѣра крестьянская стародавного закону Греческого отнюдь ни въ чемъ не будетъ нарушена, и церкви и монастыри имѣти будутъ красоту свою и устроеніе попрежнему неподвижно; а вотчины, и помѣстья, и денежное жалованье, всѣмъ будетъ такъ, какъ и прежъ, а наипаче отъ насъ Великого Государя по заслугам своимъ всѣ будутъ пожалованы, и дѣтемъ боярскимъ будетъ въ службѣ волность, и всякимъ людемъ будетъ отъ насъ милосердое призрѣніе, и въ судѣхъ справедливость, и все будетъ исполнено по договору гетмана Желковского воеводы Кіевского...

...А о Михаилѣ, Филаретовѣ сынѣ, какъ аже дастъ Богъ будемъ на Царьскомъ своемъ престолѣ, на Москвѣ, и въ тѣ поры наше Царьское милосердіе будетъ по прошенью всей земли...

(А. И. т. III, № 72.). —

102. Капитан Маржерет.

Борьба со степью и охрана границ.

Намереваясь открыть неприятеля в обширных степях Татарских, Русские поступают следующим образом: там пролегают дороги, именуемые царскою, крымскою и путем великого хана; сверх того, изредка растут одинокіе, рассеянные дубы, удаленные один от другого на 8, 10 и до 40 верст. По большей части при каждом из них становятся два ратника с готовыми конями: один сторожит на вершине дерева, а товарищ его кормит коней, совсем оседланных. Всадники сменяются через четыре дня. Сидящий на вершине дуба, заметив в отдалении пыль, слезает немедленно, не говоря ни слова, садится на коня, скачет во весь опор к другому дереву, кричит издали и показывает рукою, где видел неприятеля. Страж второго дерева, находясь на вершине, уже издали замечает скачущего вестника и, едва поймет из слов его или из знаков, с которой стороны поднимается пыль, велит своему товарищу, смотревшему за конями, скакать к третьему дереву. Так, уведомляя друг друга, дают знать ближайшей крепости и, наконец, самой Москве, не принося иной вести, кроме того, что видели непріятеля; а нередко вместо людей, открывается конский степной табун, или стадо диких животных. Но когда страж, оставшийся при первом дереве, также прискачет и подтвердит слова своего товарища, тогда, с прибытием вестника, войско берет оружие, а воеводы соединяются и посылают нарочных разведать о силах неприятеля.

О числе врагов русские полководцы узнают иногда следующим образом: недалеко от пути, которым идут татары, скрываются рассыпанные в разных местах дозоры; выждав время, когда минует неприятель, они выходят на следы и угадывают довольно верно силы его по широте дороги, протоптанной в степях конями. На степях растет высокая трава, в которой самих лошадей бывает не видно: русские зажигают ее каждою весною, отчасти для того, чтобы татары не

могли найти корма для своих коней, отчасти и для того, чтобы самая трава росла выше. Но если враги идут по дорогам вышеупомянутым, русские столь же верно узнают число их по глубине следа, или по вихрям отдаленной пыли: вообще татары избирают пути известные и неохотно прокладывают новые, по степной траве, из опасения утомить лошадей. Когда сторожевые дозоры, пробравшись тайными, знакомыми тропинками, принесут вѣсть о силах неприятельских, русские отступают к какой-нибудь реке, или к лесу, в намерении остановить врага. Но татарин очень ловок и проворен: забавляя русских перестрелкою 20.000 или 30.000 всадников, в то же время посылает несколько отрядов другими дорогами опустошать царские владения. Эти отряды столь быстро исполняют свое дело, что наносят удар прежде, нежели русская армия узнает о их вторжении. Впрочем татары не обременяют себя другой добычей, кроме пленников, и не имеют никакой поклажи, хотя у каждого есть одна или две запасные лошади, отлично выезженные и послушные. Эти наездники столь искусны, что на всем скаку прыгают с одной лошади на другую; кроме лука, стрел и сабли, другого оружия не знают; стреляют крепче и вернее на бегу, нежели стоя неподвижно; для пищи запасаются мясом, высушенным на солнце и в мелкие кусочки изрезанным; к седельному арчаку привязывают длинную веревку. Сотня татар всегда разгонит двести русских, исключая отборнейших воинов; встретив же русскую пехоту, или стрельцов, укрепившихся на речном берегу или в засеке, татары поспешно удаляются, хотя русские, в самом деле, умеют лучше пугать их, нежели вредить им. Ежели отряд русских всадников, тысяч в пятнадцать или двадцать, решится преследовать татарских наездников, они рассыпаются во все стороны, и под пушечным выстрелом остается из них не более 3 или 4 тысяч человек; да и те сходствуют более с привидениями на ослах, нежели с воинственными всадниками. Посему татары обыкновенно возвращаются во-свояси без большого урона, если только русские не успеют пресечь им пути на переправах через реки или не займут проходов в лесу, где могут напасть на неприятеля. Но это редко случается...

(Маржерет. 278—280).

---

103. Царская грамота Строгановымъ, объ уплатѣ следующихъ съ нихъ въ казну доходовъ и объ отпускѣ въ займы денегъ и разныхъ припасовъ на войско.

1913 г. мая 24.

Отъ Царя и Великого Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, къ Соли-Вычегоцкой, Максиму Яковлевичу на Микитѣ Григорьевичу, Андрею да Петру Семеновичамъ, Строгановымъ. Б ь ю т ъ н а м ъ ч е л о м ъ, на Москвѣ, дворяне и дѣти боярскіе, и атаманы и казаки, и стрѣльцы и всякіе ратные люди, что они, будучи подъ Москвою, отъ Московскаго разоренья многія нужи и страсти терпѣли и кровь проливали, и съ Полскими и съ Литовскими людми, съ городскимъ сѣдѣльцы, и которые приходили къ нимъ въ помощь, билися, не щадя головъ своихъ, и Московского Государьства доступали, и отъ многихъ службъ оскудѣли; и помѣстья и вотчины, у дворянъ и у дѣтей боярскихъ, отъ многія войны стали в великомъ разореньѣ и запустѣли, и службы своей всякой пополнить нечѣмъ; а атаманы, и стрѣльцы и казаки, служивую рухлядь проѣли и на нашей службѣ имъ быти, за великою бѣдностью, не мочно; а в ъ н а ш е й к а з н ѣ, на Москвѣ, денегъ и хлѣбныхъ запасовъ въ житницахъ нѣтъ, и служивымъ людемъ жалованья дати нечего... А выходцы и языки въ распросѣ бояромъ нашимъ сказываютъ, ч т о Л и т о в с к и е л ю д и х о т я т ъ и т т и п о д ъ М о с к в у; а въ нашей казнѣ денегъ и въ житницахъ хлѣба, на Москвѣ, нѣтъ ни сколко; а что вы, съ своихъ вотчинъ, въ нашу казну какихъ денежныхъ доходовъ платите, и намъ про то подлинно невѣдомо.

И нынѣ, по нашему указу, посланъ къ вамъ Андрей Игнатовичь Вельяминовъ, а велѣно ему съ вашихъ вотчин, на прошлые годы и на нынѣшней на 121-й годъ, по книгамъ и по отписямъ, наши денежные доходы в з я т и с п о л н а и привезти къ намъ, къ Москвѣ, на жалованье ратнымъ людемъ. Да у васъ же указали есмя п р о с и т и в ъ з а й м ы; для крестьянского покою и тишины, денегъ и хлѣба, и рыбы, и соли, и суконъ, и всякихъ товаровъ, для дачи ратнымъ людемъ, которые стоятъ за образъ пречистыя Богородицы, и за православную крестьянскую вѣру, и за насъ, и за васъ, и за всѣхъ православныхъ крестьянъ...—Хотя нынѣ и про-

мысловъ убавите, а ратнымъ людемъ на жалованье дадите, сколко мочно дати, а какъ въ нашей казнѣ денги въ сборѣ будутъ, и мы вамъ тѣ денги велимъ заплатити тотчасъ...—А будетъ вы въ займы намъ денегъ и хлѣба и товаровъ, что дати ратнымъ людемъ, не дадите, а грѣхомъ ратные люди, не терпя голоду и нужи, съ Москвы разойдутся, и вамъ отъ Бога не пробудетъ, что православная крестьянская вѣра разорится!..

И по той Государевѣ грамотѣ, во 122-мъ году, на Москвѣ, дали Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи, Максимъ да Никита, да Ондрей, да Петръ, 3000 рублевъ.

(А. А. Э., т. III, № 3.)

---

104. Десятни служилых людей.

1622 года.

1) Лѣта 7130 декабря въ 16 день. По государеву, цареву и великого Князя Михаила Федоровича всеа Русіи указу стольникъ князь Федоръ Семеновичъ Куракинъ да подьячей Ондрѣй Ботвиньевъ розбирали во Твери дворянъ и дѣтей боярскихъ тверичъ, выпрашивая окладчиковъ и всего города, какъ которые дворяне и дѣти боярскіе на государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи службу ѣздятъ,— а) сколь конны, и людны, и доспѣшны, и сколько за кѣмъ живетъ простыхъ лошадей и служилыхъ людей; б) и каковы за кѣмъ помѣстья и вотчины, и сколько за кѣмъ въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ крестьянъ и бобылей; в) и какъ имъ съ тѣхъ своихъ помѣстей и съ вотчинъ нынѣ на государевѣ службѣ мочно быть, сколько за кѣмъ будетъ простыхъ лошадей и служилыхъ людей; г) или которымъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ, за бѣдностью и за худобою, на государевѣ службѣ нынѣ быти немочно; д) и которые живут по приказомъ и у дѣлъ, а государевы службы не служатъ, а служить имъ мочно; е) а которые дворяне и дѣти боярскіе стары и увѣчны и отъ полковые службы отбыли, и про тѣхъ допрашивали окладчиковъ и городомъ сыскивали, впередъ имъ мочно ли быти на государевыхъ на ближнихъ службахъ или кому служити осадная служба; ж) и которые вдовы и недоросли живутъ на прожиточныхъ помѣстьяхъ и на вотчинахъ родственныхъ или на купленыхъ; з) и каковы за тѣми старыми и за увѣчными дворяны и за дѣтьми боярскими, и за вдовами и за недорослями помѣстья и вотчины, и сколько за кѣмъ крестьянъ и бобылей, и что съ нихъ доведетца взяти даточныхъ людей; и) а новиковъ служилыхъ и неслужилыхъ, которые изъ недорослей въ службу поспѣли, и тѣхъ, которые въ службу не поспѣли, а въ службѣ имъ данъ срокъ, верстали государевымъ, царевымъ и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи жалованьемъ, помѣстными и денежными окладами, противъ государева наказу по указнымъ статьямъ, выпрашивая окладчиковъ, каковъ хто отечествомъ и собою, и хто въ которую статью пригодитца, и какъ тѣмъ новикомъ нынѣ на государевѣ службѣ быть или кому за чѣмъ быти немочно.

2) Ѳеонасей Даниловъ сынъ Блохинъ — окладчики и городомъ сказали: Ѳеонасей головою своею и службою добръ, и прежъ сево государеву службу служивалъ на добромъ конѣ, въ панцырѣ и въ шишакѣ, и простой конь за нимъ бывалъ, а служилыхъ людей за нимъ бывало по два человѣка; а помѣстья де за Ѳеонасьемъ въ Тверскомъ уѣздѣ сельцо Новое зъ деревнями и съ пустошми въ дачахъ 374 чети, а крестьянъ у нево въ томъ помѣстьѣ 8 человѣкъ да бобылей 15 человѣкъ, и тѣ крестьяне и бобыли съ литовского розоренья скиталися по городомъ межъ дворъ, а поселилися за нимъ во 127 году, а иныхъ свозилъ изъ Нижнево, и изъ Ѳрзомаса; да за Ѳеонасьемъ же де во Тверскомъ уѣздѣ родовая вотчина пустошь, что было сельцо Волпино съ пустошми, да купленые двѣ пустоши Денисово да Киселево, и тѣ вотчины пусты отъ литовского розоренья. И нынѣ де Ѳеонасей бьетъ челомъ государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи изъ того своего помѣстья за московское осадное сидѣнье царя Василья въ вотчину о 130 четвертяхъ, и только государь Ѳеонасья пожалуетъ, велитъ ему изъ тово ево помѣстья дати въ вотчину, и за нимъ останетца въ помѣстьѣ въ дачахъ 244 четверти, а крестьяне и бобыли всѣ будутъ въ вотчинѣ; и съ тое де вотчины Ѳеонасью на государевѣ службѣ мочно быти безъ государева жалованья на конѣ, безъ доспѣха, а служилого человѣка и простого коня за нимъ не будетъ.

А Ѳеонасей самъ про себя и про свою службу сказалъ тожъ, что на государевѣ службѣ безъ государева жалованья будетъ на конѣ, безъ до-

спѣха, а простово коня и служилаго человѣка за нимъ не будетъ; а государева де жалованья ему изъ чети 50 рублевъ, и только де государь пожалуетъ ево, велитъ ему дати свое государево жалованье, окладъ ево сполна, и онъ будетъ на государевѣ службѣ на конѣ, да за нимъ же будетъ простой конь доброй, да подъ человѣкомъ, которой съ простымъ конемъ, будетъ кожень (Тверск. уѣздъ).

3) Михаило Даниловъ сынъ Озеровъ — окладчики и городомъ сказали: головою своею и службою добръ, служивалъ на добромъ конѣ въ доспѣхѣ, и простой конь за нимъ бывалъ, а служилыхъ людей за нимъ не бывало, а помѣстья де за нимъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ деревня Кроткая съ пустошьми въ дачахъ сто десять чети, а въ помѣстье одинъ крестьянинъ да три бобыля; и Михаилу де на государевѣ службѣ съ того помѣстья своево безъ государева жалованья быти не съ чево.

А Михаило самъ про себя и про свою службу и про помѣстья сказалъ тожъ,—а на государевѣ де службѣ ему безъ государева жалованья съ помѣстья своего быти не съ чево, а государева де ему жалованья изъ чети двадцать четыре рубли. и только де государь ево пожалуетъ, велитъ ему дать свое государево жалованье, окладъ ево, и онъ на государевѣ службѣ будетъ на середнемъ конѣ въ латахъ, да въ шишакѣ съ пищалью, а служилого человѣка и простого коня за нимъ не будетъ. Къ той своей сказкѣ Михайло Озеровъ руку приложилъ... (Зубц. у.).

4) Нарядчикъ Олексѣй Васильевъ сынъ Басовъ — окладчики и городомъ сказали: Олексѣй собою добръ, а былъ въ нарядѣ двадцать лѣтъ, и на государевѣ де службѣ бывалъ съ ними всегда, и служилъ на добромъ конѣ и на службѣ живалъ безъ съѣзду и на срокъ пріѣзживалъ, а до сроку не съѣзживалъ, и на бояхъ съ ними бывалъ; а нынѣ де старъ и мало видитъ, и впередъ ево съ нарядъ и зъ дальнюю службу не станетъ, а служить ему ближняя рядовая служба, а на службу ему и на ближнюю поднятца нечѣмъ, бѣденъ; помѣстья де за нимъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ пусто.

А Олексѣй самъ про себя, и про свою службу сказалъ тожъ, что онъ въ нарядѣ былъ двадцать лѣтъ, а нынѣ старъ и очми увѣченъ и впередъ ево съ нарядъ не будетъ. а помѣстья де за нимъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ два жеребья въ пустоши, что было селцо Дарки съ пустошми, въ дачахъ на его долю сто тридцать шесть чети, пусто и лѣсомъ поросло, да за нимъ же де въ Старицкомъ уѣздѣ приданая вотчинишка, деревнишко Резаново съ пустошми на двадцать пять чети, а въ ней всего одинъ бобыль; да билъ челомъ государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи Олексѣй Басовъ, чтобъ его государь пожаловалъ, велѣлъ за старость и за увѣчье отъ наряду отставить и велѣлъ бы государь ему служить свою государеву ближнюю службу зъ городомъ, а за далнюю де ево службу не будетъ, а на государеву де ему службу и на ближнюю поднятца нечѣмъ, бѣденъ; а государева де ему жалованья зъ городомъ одинатцать рублевъ, и тѣмъ де ему государевымъ жалованьемъ на государеву службу поднятца нечѣмъ.

А окладчики и городомъ противъ Олексѣева челобитья сказали тожъ,—и по сказкѣ окладчиковъ и всего города Олексѣй Басовъ отъ наряду отставленъ, а велѣно ему служить зъ городомъ рядовая ближняя служба, а на его мѣсто въ нарядчики окладчики и городомъ выбрали зубчанина жъ сына боярского Степана Олексѣева сына Лопакова; а у сказки его Олексѣева рука... (Зубц. у).

5) Замятня Ивановъ сынъ Волковъ — окладчики и городомъ сказали: головою своею и службою бывалъ добръ, а нынѣ Замятня старъ и увѣченъ, былъ у Литвы въ полону и литовскіе люди ево изувѣчили, изсѣкли голову и руку, и Замятню де съ службу ни съ какую не будетъ, и дѣтей у нево нѣтъ; а помѣстья за нимъ во Тверскомъ уѣздѣ пустошь, что было сельцо Василево съ пустошми, въ дачахъ 183 чети съ полуосминою, а взято было изъ порозжихъ земель, и то помѣстье пусто, запустѣло съ большого мору, да за Замятнею жъ де во Тверскомъ уѣздѣ родственная вотчина четверть сельца Ромашкова съ пустошми 137 чети, а въ ней всего одинъ бобыль.

А Замятня самъ про себя, и про свою службу, и про помѣстья, и про вотчины сказалъ тожъ, что онъ старъ и увѣченъ, изсѣченъ весь, съ службу ево не будетъ. И билъ челомъ государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи Замятня Волковъ, чтобъ ево государь пожаловалъ, за старость и за увѣчье велѣлъ отъ службы отставить, а помѣстья бъ велѣлъ государь взять на себя государя... (Тверск. у.).

6) Иванъ Клементьевъ сынъ Озеровъ — окладчики и городомъ сказали: собою молодъ и малъ, и съ службу ево съ полковую не будетъ, а служить ему осадная служба, покамѣсть подростетъ, а помѣстья и вотчины за нимъ нѣтъ; а у сказки его въ его Иваново мѣсто Петръ Чашниковъ руку приложилъ... (Зубц. у.).

7) Филипъ Ивановъ сынъ Епифановъ—зъ городомъ не служитъ со 121-го году за раною: раненъ подъ Городетцкимъ, какъ былъ бой съ казаками, и за ту рану отставленъ, и впередъ ево съ полковую службу не будетъ, безъ ноги, а служить ему осадная служба; а за нимъ въ прожиточномъ помѣстьѣ три крестьянина да пять бобылей. У скаски ево Филипова рука.

8) Илья Третьяковъ сынъ Кувшиновъ—увѣченъ, безъ руки, съ полковую службу ево не будетъ, а служить ему осадная служба; а за нимъ семь человѣкъ крестьянъ да пять бобылей. У скаски брата ево Федорова рука Кувшинова.

9) Иванъ Ондрѣевъ сынъ Непейцынъ, увѣченъ, безъ ногъ, служить ему за увѣчье осадная служба; а за нимъ въ помѣстьѣ два бобыля. У скаски ево Иванова рука.

10) Григорей Ивановъ сынъ Еремѣевъ—увѣченъ безъ ногъ; а крестьянъ и бобылей за нимъ нѣтъ; съ полковую ево службу не будетъ, а служить ему осадная служба. У скаски ево Григорьева рука...

11) Иванъ Борисовъ сынъ Кисловской—старъ и увѣченъ: безъ зубовъ и безъ ноги; и служивалъ съ городомъ мало; а за нимъ одинъ бобыль; и нынѣ ево съ полковую и зъ ближнюю службу не будетъ; а служить ему осадная служба.

12) Семой Васильевъ сынъ Гребенкинъ—боленъ, отъ службы отставленъ давно за болѣзню, и впередъ ево съ службу ни съ какую не будетъ; безъ ногъ и безъ рукъ, а за нимъ два крестьянина да бобыль... (Кашин. у.).

(Тверское дворянство XVII в., под ред. В. Сторожева. Вып. I, стр. 3, 103; вып. II, стр. 11—12, 15—17, 36; вып. III, стр. 9—20).

105. Писцовыя книги 1620-хъ годовъ. Углицкаго уѣзда.

За бояриномъ за княземъ Алексѣемъ Юрьевичемъ Ситцкимъ въ вотч. [1]), по приправочнымъ книгамъ письма и мѣры князя Дмитрія Бѣльскаго 104 и 105 году, старая родственная ихъ вотч., полъ села Рожественнаго съ дер. [2]) и съ пст. [3]) да по памяти изъ Помѣстнаго Приказу, за приписью дьяка Венедикта Махова 138 году, дяди его боярина князя Андрея Васильевича Ситцкаго родственная жъ вотч., что выкупилъ бояринъ князь Алексѣй Юрьевичъ Ситцкой по государеву указу изъ Троицкаго Сергіева монастыря другую пол. того же села Рожественнаго съ дер. и съ пст., и обоего. село Рожественное, на рчк. [4]) на Нелгерѣ, а въ селѣ церковь Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа древянъ, клѣтцки, да мѣсто церковное, что была церковь Афонасей и Кирилъ, а въ церквѣ образы и книги, и колокола, и всякое церковное, строеніе вотч., а у церкви: во дв. [5]) попъ Еуфимей Якимовъ, во дв. церковной дьячокъ Ивашко Лукьяновъ во дв. пономарь, вдовой попъ Федоръ Лаврентьевъ, во дв. просвирница Дарьица; паш. пах. [6]) церковныя серед. земли [7]) 10 чтв. [8]) въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 10 коп. [9]). Да въ томъ же селѣ: 2 дв. боярскихъ, а въ нихъ живутъ дѣловые люди; паш. пах. боярскіе серед. земли 20 чтв. да перелог. 38 чтв., да л. пор. [10]) 42 чтв. въ полѣ. а въ дву потомужъ; сѣна по рчк. по Нелгерѣ 50 коп.

Да къ тому жъ селу Рожественному дер. Муханова на рчк. на Кадкѣ, а въ ней: кр. [11]) во дв. Сенка Кондратьевъ съ дѣтьми съ Гришкою да съ Левкою, во дв. Автамонко Калентьевъ съ дѣтьми съ Гришкою да съ Пятункою; да бб. дв. [12]): во дв. Еремка Дмитріевъ

---

[1]) Вотч.—вотчина.
[2]) Дер.—деревня.
[3]) Пст.—пустошь.
[4]) Рчк.—рѣчка.
[5]) Дв.—дворъ
[6]) Паш. пах.—пашня пахатной.
[7]) Сер. земли—середней (по качеству) земли.
[8]) Чтв.—четвертей.
[9]) Коп.—копенъ.
[10]) Л. пор.—лѣсом поросло.
[11]) Кр.—крестьянъ.
[12]) Бб. дв.—бобыльи дворы.

съ сыномъ съ Сергѣйкомъ, во дв. Коняшко Якимовъ, во дв. Ивашко Антамоновъ; да пус. бб. дв.: дв. пус. [1]) Серешки Левонтьева, дв. пус. Матюшки Кузмина, а тѣ бб. сошли въ міръ во 136 году кормиться Христовымъ именемъ, мѣсто дв. Осипка Минина, сбѣжалъ въ Архангельскую волость за рохмистра за капитана; паш. пах. серед. земли 6 чтв., да перелог. чтв., да л. пор. 3 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна по рчк. по Кадкѣ 12 коп.

Дер. Поповичи Большіе, на рчк. на Кадкѣ, а въ ней: кр. во дв. Нечайко Лукьяновъ съ сыномъ съ Данилкомъ, во дв. Рыкачко Ширяевъ съ зятемъ съ Борискомъ, прозвище Корова, во дв. Пятунка Левонтьевъ, во дв. Антонко Матвѣевъ; да бб. дв.: во дв. Ивашко Прохоровъ, во дв. Евтифѣйко Прохоровъ съ пріемышемъ съ Ивашкомъ Кузьминымъ, во дв. Титко Парфентьевъ, во дв. Федка Афонасьевъ, во дв. Игнашко Ширяевъ съ сыномъ съ Петрушкою, во дв. Терешка; да 4 дв. пус.: дв. пус. Филатка Прохорова да шурей его Назарка да Ивашки Ивановыхъ, дв. пус. Игнашка Юрьева, дв. пус. Федки Афонасьева, дв. пус. Томилки Алексѣева, сошли въ прошломъ во 135 году, кормятся Христовымъ именемъ; паш. пах. серед. земли 13 чтв. да перелог. 4 чтв., да л. пор. 10 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна по рчк. по Кадкѣ и около поль 30 коп.

Дер. Маурино, на рчк. на Кадкѣ, а въ ней: кр. во дв. Тренка Тимофѣевъ съ сыномъ съ Петрункою, во дв. Неупокойко Ивановъ съ пасынки съ Нестеркомъ да съ Трофимкомъ Логиновыми, во дв. Алексѣйко Ивановъ да сынъ его Ивашко; да бб. дв.: во дв. Васка Федоровъ да пріемышъ Тренка Федоровъ, во дв. Тимошко Устиновъ, во дв. Карпунка Семеновъ, во дв. Ларко Федоровъ; да 3 дв. пус. кр.: Гурки Федорова да Евтифѣйки Алексѣева, да Спирки Федорова, сошли безвѣстно въ прошломъ во 135 году, мѣсто дв. Олферка Поспѣлова, кормится Христовымъ именемъ; паш. пах. серед. земли 8 чтв. да перелог. 2 чтв., да л. пор. 5 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна по рчк. по Кадкѣ 10 коп.

Пст., что была дер., Лисино, паш. л. пор. серед. земли 14 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 10 коп. Пст. Татьянино, паш. л. пор. серед. земли 12 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 10 коп. Пст., что была дер., Лиственка, а Стеблевъ—Поч. тожъ, паш. л. пор. серед. земли 10 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 10 коп. Пст. Лиственка, паш. л. пор. серед. земли 15 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ. Пст., что была дер., Палкино, паш. л. пор. серед. земли 20 чтв. въ полѣ, а въ (дву) потомужъ; сѣна 15 коп. Пст., что была дер., Гаврилово, паш. л. пор. серед. земли 14 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 7 коп. Пст., что была дер., Зайцово, паш. л. пор. серед. земли 13 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ. Пст. Стенино, паш. л. пор. серед. земли 25 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ. Пст. Волково, паш. л. пор. серед. земли 15 чтв., а въ дву потомужъ... (и т. д.).

И всего за бояриномъ за княземъ Алексѣемъ Юрьевичемъ Ситцкимъ родственныя вотч. и съ купленною вотч., 2 села, 10 дер. живущихъ да 12 пст., а въ нихъ: дв. попов да дв. дьячковъ, да дв. пономаревъ, дв. просвирницынъ да 2 дв. боярскихъ да 2 дв лдск., 31 дв. кр., а людей въ нихъ 80 чел., 52 дв. бб., а людей въ нихъ 84 чел., 19 дв. пус., 5 мѣсть дв. пус.; паш. пах. церковныя серед. земли 10 чтв. да перелог. 8 чтв., да паш. жъ пах. боярскія 20 чтв., да кр. 115 чтв., да л. пор. 521 чтв...

(Временникъ Демидовскаго лицея, т. 45, с. 332—5).

---

106. Писцовый наказъ о переписи Московскаго уѣзда.

1646.

...И Ивану да подьячему Семену, пріѣхавъ въ Московской уѣздъ, по ту сторону Москвы рѣки въ станы и въ волости,... и въ вотчины и въ помѣстья, и въ тѣхъ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ сесь государевъ указъ вычитать, и не по одинъ день, дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ, и приказщикомъ, и старостамъ, и цѣловалникомъ, чтобъ дворяне и дѣти боярскіе, и ихъ приказщики и старосты и цѣловалники приносили къ нимъ сказки за своими и за отцовъ своихъ духовныхъ руками, что въ тѣхъ селехъ и въ деревняхъ и въ починкахъ дворовъ и въ нихъ крестьянъ и бобылей, и ихъ дѣтей, и братьи, и племянниковъ,

---

[1]) Дв. пус.—двор пустой

и сосѣдъ, и подсосѣдниковъ, по имяномъ съ отцы и съ прозвищи, и чтобъ они изъ дву и изъ трехъ дворовъ и болши въ одинъ дворъ крестьянъ не переводили и жилыхъ бы дворовъ пустыми не писали.

А взявъ у нихъ сказки за ихъ руками, и тѣхъ дворовъ и во дворехъ людей по имяномъ пересмотрѣть и переписать самимъ всѣхъ на лицо: и будетъ по ихъ переписи сверхъ тѣхъ ихъ сказокъ тѣхъ дворовъ и въ нихъ людей лишекъ, и Ивану да подьячему Семену тѣмъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ, и приказщикомъ, и старостамъ, и цѣловалникомъ сказать противъ сего государева указу, что они воровали, въ сказкахъ своихъ дворы и людей таили, писали все не сполна, а по ихъ переписи тѣхъ дворовъ сверхъ ихъ сказокъ объявилось въ лишкѣ; и Ивану да подьячему Семену тѣ ихъ сказки отдавать имъ назадъ, а имать у нихъ сказки за ихъ же и за отцовъ ихъ духовныхъ руками, противъ переписныхъ книгъ, иные, что въ переписныхъ книгахъ дворовъ обьявится на лицо.

А у переписки Ивану да подьячему Семену то всѣмъ людемъ сказывать и самимъ того беречь накрѣпко, чтобъ никто крестьянъ и бобылей не таили и не воровали, изо многихъ дворовъ въ одинъ дворъ людей не переводили, и чужихъ бы крестьянъ и бобылей ничьихъ заочно за собою не писали, и крестьянъ своихъ людми [1]) не называли; а кто учнетъ дворы крестьянскіе называть людскими, и про тѣхъ людей тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ роспрашивати, какіе у кого люди старинные или крѣпостные: и будетъ скажутъ крѣпостные, и Ивану да подьячему Семену на тѣхъ людей крѣпостей досматривать, а которыхъ людей назовутъ старинными, и тѣхъ людей ставить передъ собою и про старину роспрашивать, сколь давно тѣ люди за ними живутъ, и изъ которыхъ мѣстъ и изъ за кого имяны они пришли, и въ книги тѣхъ людей писать имянно, себѣ статьею...

А то имъ Ивану да подьячему Семену сказывать: кто чужого крестьянина напишетъ за собою въ бѣгахъ, а послѣ про то сыщется, и имъ быть отъ Государя въ опалѣ въ жестокомъ наказаньѣ...

[1]) Людьми—холопами.

Да Ивану и подьячему Семену, для подкрѣпленья, сверхъ того имать по селамъ и по деревнямъ старожилцовъ, приказщиковъ и старостъ и цѣловалниковъ и лутчихъ крестьянъ человѣка по три и по четыре, и велѣти имъ ѣздить за собою, тѣмъ, которые въ селѣхъ и въ деревняхъ за кѣмъ крестьянъ и бобылей имяны знаютъ, и Ивану бъ и подьячему Семену про нихъ сказывали правду, чтобъ однолично помѣщики и вотчинники крестьянъ и бобылей за собою не таили, и людскихъ дворовъ крестьянскими дворы не писали, и изъ дву или изъ трехъ дворовъ въ одинъ дворъ крестьянъ не переводили, и жилыхъ бы дворовъ пустыми дворы не писали...

А подводы Ивану и подьячему Семену имати, по государеву указу, въ уѣздѣ отъ села до села и отъ деревни до деревни, гдѣ имъ по наказу надобно, съ тѣхъ же селъ и деревень: Ивану по осми подводъ, а подьячему Семену по двѣ подводы. Въ селѣхъ и въ деревняхъ и въ починкахъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы и въ нихъ крестьянъ и бобылей, и дѣтей, и братью, и племянниковъ, и сосѣдъ, и подсосѣдниковъ,—писать прямо, вправду, по государеву крестному цѣлованью, неоплошно, безо всякого мотчанья, не мѣшкая, наспѣхъ, чтобъ совсѣмъ отдѣлаться вскорѣ, по сему государеву наказу, не норовя никому никоторыми дѣлы, и отъ того посуловъ и поминковъ не имать...

(А. А. Э. т., IV, № 14).

---

107. Наказъ полковнику Лесли, стольнику Племянникову и подьячему Аристову, отправленнымъ въ иностранныя государства, для найма въ Россійскую службу ратныхъ людей и для покупки военныхъ снарядовъ.

1631. Генваря 25.

Лѣта 7139 Генваря въ 25 день Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичь всея Русіи велѣлъ старшему полковнику своему и рыцарю Александру Ульяновичу Лесліи ѣхати въ Свею, къ Свейскому къ Густаву Адольфу Королю, для того: указалъ Государь ему Александру наняти въ Свеѣ охочихъ солдатовъ пѣшихъ; да въ Свеюжъ посланы отъ Государя посланникъ стольникъ Ѳедоръ Племянниковъ да подьячій Аѳа-

насій Аристовъ, а велѣпо имъ купить на тѣхъ наемныхъ людей ратныя збруи десять тысячь мушкетовъ съ заряды да пять тысячь шпагъ, а изъ Государевы казны послано съ ними, на наемъ ратнымъ людямъ и на мушкетную покупку, золотые и ефимки...

Да какъ Король солдатовъ наймовать въ Свеѣ ему поволитъ, и Александру призывать къ себѣ полковниковъ и капитановъ добрыхъ, которые въ полковникахъ и въ капитанахъ служать невновѣ и которымъ бы ратное дѣло было за обычай, и ихъ наймовать; а нанять бы, по Государеву указу, солдатовъ добрыхъ пять тысячь человѣкъ, а у нихъ бы два или три полковника, а капитановъ сколько пригоже какъ ведется въ ихъ землѣ, а наймовать солдатовъ Свейскаго Государства и иныхъ Государствъ, которые тутъ есть, опричь Французскихъ людей, а Французанъ и иныхъ, которые Римскія вѣры, однолично не наймовать. Да кого полковниковъ и капитановъ имяны найметъ, и ему съ ними о всемъ договоръ учинить подлинной и радѣть накрѣпко, какъ бы Государевѣ казнѣ было прибыльнѣе, по скольку ефимковъ или золотыхъ полковнику и капитану на мѣсяцъ давать, и по скольку давать пятидесятнику и десятнику и рядовымъ солдатамъ, да по тому уговору и наемъ давати помѣсячно, и имъ тѣми полковники и съ капитаны укрѣпиться с къ вѣрѣ ихъ привести по ихъ закону во всемъ накрѣпко, и записи межъ себя написать и руки свои приложить, да и солдатовъ наемныхъ къ вѣрѣ потомужъ привести: что имъ Государю служить всею правдою, и противъ Государева недруга стояти и биться, не щадя живота своего, а хитрости и измѣны никакія не учинить...

Да память полковнику Александру Лесліи: какъ онъ будетъ въ Свейской или въ иныхъ въ которыхъ Нѣмецкихъ земляхъ, и Александру приговорити Нѣмецкихъ мастеровыхъ охочихъ людей къ пушечному къ новому дѣлу, что дѣлаетъ на Москвѣ пушечный мастеръ Галанецъ Юлисъ Куетъ, кузнеца да станочника да колесника да мастера, кто бы умѣлъ лить пушечныя желѣзныя ядра, а приговаривати ему тѣхъ мастеровыхъ людей, которые будутъ похотятъ ѣхати Государю служить на его Государевѣ имени. А будетъ которые похотятъ Государю тѣмъ своимъ ремесломъ послужить навремя, и Александру съ тѣми людьми договориться о наймѣ, по чему кому давать на мѣсяцъ, и давать имъ, какъ бы Государевѣ казнѣ прибыльнѣе, и въ томъ имъ иматься: какъ они Государю послужатъ и похотятъ ѣхать назадъ въ свою землю, и ихъ Царское Величество пожалуетъ велитъ отпустить со всѣми своими животы безо всякаго задержанья и зацѣпки...

(С. Г. Г. и Д., т. III, № 83).

---

108. Роспись иностранныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, назначенныхъ для обученія людей въ солдатскихъ полкахъ, расположенныхъ въ Заонѣжскихъ погостахъ.

(1649, февр. 18.)

Иноземцы, которымъ, по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу, быти на его государевѣ службѣ съ полковники и съ Олександромъ Гамолтовымъ да съ Мунгою Кормихелемъ, для ученья салдатцкого строю въ Заонѣжскихъ погостехъ, 157 февраля въ 18 день, по смотру боярина Ильи Данниловича Милославскаго.

Полкъ полковника Александра Гамолтова; полковые и ротные урядники:

Полковникъ Александръ Гамолтовъ, помѣстной.

Кормовые: маеоръ Корниліюсъ Фроліюсъ; кормовые ему денги дѣютъ капитанскую статью по 11 рублевъ на мѣсяцъ, а полковникъ Александръ Гамолтовъ бьетъ челомъ государю объ немъ маеорѣ о Корниліусѣ и подалъ въ росписи, что годенъ онъ быть у него въ полку въ подполковникахъ.

Капитаны, корму по 11 рублевъ на мѣсяцъ человѣку: Михайло Лицконъ; кормовые ему денги даютъ капитанскую статью, полковникъ же Александръ Гамолтовъ бьетъ челомъ государю и въ росписи написалъ, что годенъ онъ быть у него въ полку въ маеорахъ. Робертъ Еллетъ, Яковъ Реттихъ, Индрикъ Андерсонъ; по государеву указу, по подписной челобитной, велѣно ему быть въ маеорахъ въ старомъ корму; корму по 5 рублевъ по 4 гривны на мѣсяцъ. Прапорщикова статья капитанъ же Еремѣй Фалентиновъ сынъ Росформъ...

(Далѣе идутъ поручики, прапорщики, сержанты; послѣ нихъ:)

Рядовые, корму по полу—2 рубли на мѣсяцъ человѣку: Христофоръ Трейденъ, Джонъ Жонстанъ, Ондрей Фалентиновъ; кормовые имъ денги даютъ рядовую статью, а полковникъ Александръ Гамолтовъ бьетъ челомъ государю объ нихъ и въ росписи своей написалъ, что они годны быть у него въ полку въ сержантахъ.

Корму по полу—2жъ рубли на мѣсяцъ, барабанщики: Ондрей Юрьевъ, Александръ Гоконовъ, корму 40 алтынъ на мѣсяцъ, Каширъ Ферманъ, корму по 7 денегъ на день, Анцъ Андерсонъ, Яковъ Барташевъ, Марко Ондрѣевъ сынъ Туровъ; по росписи полковника написанъ онъ изъ Тулского драгунского строю, кормовыхъ ему денегъ даютъ по 40 алтынъ на мѣсяцъ...

Да въ Иноземскомъ Приказѣ, по государеву указу, выписаны къ верстанью, а корму имъ не указано, дохтуровы Фалентиновы дѣти Денисъ да Яковъ Билса; а полковникъ Александръ Гамолтовъ бьетъ челомъ государю объ нихъ, что годны они быть у него въ полку въ прапорщикахъ.

(Доп. къ А. И., т. III, № 49).

109. Описаніе города Царево-Борисова.

1683 г.

(Изъ доклада воеводы Ив. Подымова—государямъ Петру и Ивану Алексѣевичамъ):

Городъ Царевъ Борисовъ построенъ съ правой стороны рѣки Оскола на горѣ, острогъ ставленъ дубовой, съ той же стороны Бохтинъ колодезь впалъ въ рѣку Осколъ подлѣ города, а по мѣрѣ острожная стѣна въ вышину полутора саженя, обламовъ и котковъ и кроватей и тарасовъ нѣтъ.

По городу проѣзжихъ и глухихъ 8 башенъ. Въ томъ числѣ башня проѣзжая отъ московскія стороны, мѣрою стѣны по 3 сажени безъ четверти, въ ней два моста, верхъ свалился и гнила.

Отъ той проѣзжей башни до наугольной глухой башни 33 саж. Башня наугольная мѣрою саженя съ полусаженью, въ ней одинъ мостъ безверху, не покрыта и гнила.

Отъ той наугольной башни до проѣзжей водяной башни 60 саж. Башня проѣзжая по полтретьи сажени, въ ней 2 моста, верхъ огнилъ и обвалился...

И всего по мѣрѣ около города съ башенными мѣсты 397 сажень.

Къ осадному времени для малолюдства въ томъ же городѣ внутрѣ здѣланъ малой городокъ...

Около города ровъ глубины сажень...

Тайниковъ и колодезей и въ зборѣ великихъ государей денежной казны неокладныхъ доходовъ и житницъ и хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ.

По городу наряду 4 пищали желѣзныхъ...

На отъѣзжихъ сторожахъ и на вѣсти ни въ которые городы царевоборисовскіе жители не посылаются за малолюдствомъ, и на сторожахъ не стоятъ.

Да отъ Царева Борисова города зачатъ валъ валить, вверхъ противъ рѣки Оскола, прямо полемъ, по мѣрѣ в длину 1035 саж., вверхъ сажень, поперегъ 3-хъ саж., а подлѣ валу ровъ, въ ширину полтретья сажени.

Царевоборисовскіе жители русскіе люди: на коняхъ съ пищалями 5 человѣкъ, съ пищалями 9 человѣкъ, съ рогатинами 4 человѣка, безовсего 2 человѣка; итого 20 человѣкъ. Черкасы: на коняхъ съ пищалями 4 человѣка, съ пищалями 39 человѣкъ, съ рогатинами 48 человѣкъ, съ бердышами 2 человѣка, безовсего 31 человѣкъ. Итого черкасовъ 124 человѣка...

(Д. И. Багалей. Матеріалы для ист. колонизаціи и быта степной окраины Моск. Гос-тва, № 31.)

110. Отписка воеводы Дурново о г. Харьковѣ.

(1691 г.)

Великимъ гос. царемъ и вел. кн. Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу всея вел. и мал. и бѣл. росиі самодержцамъ холопъ вашъ Сенька Дурново челомъ бьетъ. Въ прошломъ гос. во 198 году в марте мѣсяце, по вашему вел. гос. царей указу и по наказу изъ приказу Великия Росиі, велено мнѣ холопу вашему быть на вашей вел. гос. службе в Харькове, на Иваново мѣсто Кобякова воеводою, и по вашему указу ево Ивана в Харькове перемѣнилъ я холоп вашъ в марте мѣсяце прошлого 198 года. А городъ гос. Харьковъ и по городу башни и острогъ вѣтхъ, и во многихъ мѣстехъ огнилъ и обвалился, и в приходъ непріятельскихъ людей в Харькове быть страшно и ненадежно; а городъ государи Харьковъ украин-

ной, и приходъ непріятельскихъ воинскихъ людей вѣсти бываютъ непрестанные, и около города крѣпостей никакихъ нѣтъ, а безъ вашего указу того города, гдѣ обвалялось, построить вновь и ветхое починить я холопъ не смѣю, и о томъ мнѣ холопу своему что укажете? А сю гос. отписку велѣл я холопъ вашъ подать в приказе Вел. Росиі думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову с товарищи.

(Д. Багалей. Матеріалы для исторіи колонизации и быта степной окраины моск. Гос-ва. № 38.)

XXI. Земские соборы.

111. Фокеродт. [1])

Об избрании Царя Михаила Феодоровича.

Благоговение всего русского народа к потомкам первого его Великого Князя Рюрика было так велико, что пока они владели Русским престолом, ни один русский не дозволял себе когда-нибудь мысли, что его отечество может управляться иначе, а не совершенно неограниченнымъ Государем. Это дошло до того, что когда, по убиении Лжедимитрия, выбран был в цари князь Шуйский, хоть и из старинного рода, но уже с давнего времени отстраненного от царствующего и считавшегося подданным, хотел было по собственной воле присягнуть при своем венчании в том, что не казнить ему ни одного боярина без согласия его собратий, все боярское сословие умоляло его с земными поклонами не выпускать столь легко из рук такого драгоценного алмаза и украшения русского скипетра, каким было самодержавие.

Когда же вышеупомянутый царь Шуйский должен был смириться перед польскою властью и, по успокоении смут, сословия русского царства хотели приступить к новому избранию, многие из самых знатных лиц между ними напали на мысль, что им нет надобности уступать больше власти, нежели сколько захотят они сами, будущему их Государю, который не в состоянии похвалиться никаким преимуществом над ними, и что они в праве предписать ему законы, по которым он должен царствовать, да и их собраты, сидевшие в то время еще в плену у поляков и, благодаря обхождению с этим народом, понабравшиеся, без сомнения, республиканских правил, утверждали в этом бояр своими письмами, в особенности тогдашний ростовский епископ и после бывший патриарх Филарет, который еще не мог предполагать, что выбор падет на его сына. Они составили между собою род сената, который назвали собором: не только бояре, но и все другие, находившиеся в высшей государственной службе, имели там место и голос, и единодушно решились не выбирать себе в цари никого, кроме того, который под присягой обещается предоставить полный ход правосудию по старинным земским законам, не судить никого государскою властью, не вводить новых законов без согласия собора, а тем менее отягощать подданных новыми налогами, или решать что бы то ни было в делах войны и мира. А чтобы тем крепче связать нового Государя этими условиями, они положили еще между собой не выбирать в цари такого, у которого сильное родство и сильные приверженцы, так как с помощью их в состоянии он будет нарушить предписанные ему законы и присвоить опять себе самодержавную власть.

В таких видах они выбрали себе в цари молодого 15-летнего дворянина, Михаила Романова, у которого не было ни одного искреннего друга и никаких других заслуг, кроме той, что отец его с большим усердием и твердостью противился польской стороне, за что поляки и посадили его в заключение и увели из края. С старинным царским родом он имел только ту связь, что царь Иван Васильевич IV женат был на его бабушке, Анастасии Романовне, дочери мелкого дворянина, род которого был так еще нов, что не имел и родового имени, называясь по отцу, как обыкновенно водится у людей простого звания в России.

Царь Михаил, не колеблясь, принял и подписал вышеупомянутые условия, хотя мать его и казалась несколько недовольной будто бы от того, что охотно увидала бы сына уволенным от ниспосланной ему чести, из-за соединенной с нею опасности. Несколько времени правление продолжалось на предложенных основаниях. Но

---

[1]) Секретарь Прусского посольства. Записка „Россия при Петре Вел.“ 1737 г. писана для Вальтера.

только что отец его, Филарет, возвращен был из польского плена и сделан патриархом, этот умел превосходно воспользоваться уважением, какое доставлял ему сан его... неудовольствием, замечаемым у низшего дворянства на властолюбивых бояр, также и возникшею между этими последними завистью и несогласием, так что он один завладел опекою над сыном и удержал ее в своих руках на все время своей жизни. В этом качестве он самовластно распоряжался всеми делами: сбыл с рук под разными предлогами республиканские умы, и ничего больше не оставлял собору, кроме чести одобрять его меры и распоряжения. В помощь этому самовластию он утвердил под именем стрельцов (schützen) особенных телохранителей, дал им большие льготы и права, однако ж не вверял начальства над ними никому из знатного рода, а определял выслуженцев, отличившихся в польскую войну, от того-то и вышло, что дворянство, которое в то время еще гораздо более нынешнего было напыщено своим происхождением, донельзя презирало этот отряд и считало для себя позорным и унизительным служить в нем; зато и упомянутый отряд ненавидел все знатные роды и всегда был в готовности исполнять царские приказания против них.

Это войско дало возможность царю Михаилу продолжать правление по кончине отца его, патриарха, с такою же властью и значением, а сын его, царь Алексей, зашел в этом так далеко с такими пособниками, что не имел уже больше надобности щадить дворянские роды, а отважился уменьшать их льготы, лишь только найдет это выгодным для блага царства. По смерти Алексея старший его сын, сколько ни был слабый и болезненный Государь, решился, однако, сжечь все дворянские родословные книги, хранившиеся въ особенном приказе в Москве, и совершенно уничтожить разницу между низшим и высшим дворянством.

(Чт. в О. И. и Др. Рос. 1874 г., т. 2, отд. 4., с. 20—23.)

112. Окружная грамота государя царя Михаила Ѳеодоровича въ Новгородъ, о присылкѣ въ Москву выборныхъ людей, писана на 1619, іюля 5.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи въ нашу отчину, въ Великій Новгородъ, боярину нашему и воеводамъ Князю Ивану Андреевичу Хованскому, да Мирону Андреевичу Вельяминову да дьяку нашему Третьяку Копнину... Великій Государь нашъ отецъ и богомолецъ святѣйшій Партіархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Русіи съ Митрополиты и съ Архіепископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ приходили къ намъ, и совѣтовали съ нами Великимъ Государемъ о томъ:—что судьбами Божьими, а за грѣхъ всего православнаго Христіанства, Московское Государство отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей и отъ воровъ разорилось и запустѣло, а подати всякія и ямскимъ охотникамъ подмоги емлютъ съ иныхъ по писцовымъ книгамъ, а съ иныхъ по дозорнымъ книгамъ, и инымъ тяжело, а другимъ легко; а дозорщики, которые после Московскаго разоренья посыланы, по городамъ будучи, дозирали и писали по дружбѣ за иными легко, а за иными по недружбѣ тяжело, и отъ того Московскаго Государства всякимъ людямъ скорбь конечная;...— а изъ иныхъ Украинныхъ и разоренныхъ городовъ посадскіе и всякіе люди бьютъ челомъ о льготѣ, чтобы имъ, для разоренья, во всякихъ податѣхъ дати льготы, а иные посадскіе и уѣздные люди заложились въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей, а податей никакихъ съ своею братьею съ посадскими и съ уѣздными людьми не платятъ, а живутъ себѣ въ покоѣ. А иные многіе люди намъ бьютъ челомъ на бояръ и всякихъ чиновъ людей въ насильствѣ и въ обидахъ, чтобъ ихъ пожаловати велѣти отъ сильныхъ людей оборонить.

И мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Феодоровичъ всея Русіи,...—учиня соборъ, о всѣхъ статьяхъ говорили, какъ бы то исправить и земля устроить? И усовѣтовавъ мы Великій Государь...—со всѣми людьми Московскаго Государства, приговорили: во всѣ городы, которые не были въ разореньи, и въ тѣ городы послати писцовъ; а которые городы отъ Литовскихъ людей и отъ Черкасъ были въ разореньи, и въ тѣ городы послати дозорщиковъ добрыхъ, приведчи къ крестному цѣлованью, давъ имъ полные наказы, чтобъ они описали и дозрили всѣ городы вправду безъ посуловъ... А которые посадскіе и уѣздные люди заложились за всякихъ чиновъ людей, и тѣмъ закладчикамъ всѣмъ указали есмя быть по прежнему, гдѣ кто былъ напередъ сего;— а про сильныхъ людей во всякихъ обидахъ велѣли есмя сыскивать, и указъ по сыску учинити боярамъ своимъ Князю Ивану Борисовичу Черкаскому

да Князю Данилѣ Ивановичу Мезецкому съ товарищи...

А изъ городовъ изо всѣхъ, для вѣдомости и для устроенья указали есмя взять къ Москвѣ, выбравъ изъ всякаго города изъ духовныхъ людей по человѣку, да изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ по два человѣка, добрыхъ и разумныхъ, да по два человѣка посадскихъ людей, которыебъ умѣли разсказать обиды и насильства и разоренье, и чѣмъ Московскому Государству полниться и ратныхъ людей пожаловать, и устроить бы Московское Государство, чтобы пришло все въ достоинство...

(С. Г. Гр. и Дог., ч. III. № 47.)

---

113. Соборъ 1642 года.

150, Генваря въ 3 день, Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичь всея Русіи указалъ быти собору...—и сказати всякихъ чиновъ людямъ, что идеть ко Государю Турской посолъ, а въ вѣстяхъ пишутъ, что идетъ посолъ говорити о Азовѣ: и онибъ выбрали изо всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ и изъ середнихъ и изъ молодчихъ людей, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ о томъ дѣлѣ говорити; а кого выберутъ ,и тѣмъ людямъ принести имена.

И по Государеву указу, соборъ былъ въ Столовой избѣ;—а въ то время, по Государеву указу, въ Столовой избѣ были бояре и окольничіе и думные люди, и о Азовскомъ дѣлѣ и о войнѣ всѣмъ людямъ вслухъ чтено при боярѣхъ по сему письму:

Писали ко Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи Донскіе атаманы и казаки Осипъ Петровъ и все Донское войско, и прислали съ отпискою въ станицѣ атамана Наума Васильева да ясаула Федора Порошина съ товарищи, а въ отпискѣ ихъ написано: приходили къ нимъ подъ Азовъ войною отъ Турскаго Царя паши и Крымской Царь съ воинскими со многими людьми разныхъ земель, съ большимъ нарядомъ, и осадили ихъ накрѣпко и бои съ ними были великіе, и подкопы подъ Азовъ и валы земляные для приступовъ подводили, и милостію Божіею и Государскимъ счастьемъ, городъ Азовъ отсидѣли и многихъ воинскихъ людей побили; а сидѣли де они Іюня съ 7 числа 149 года до Сентября по 26 число 150 года, а отсидѣлися отъ нихъ въ четвертомъ въ земляномъ городѣ и въ земляныхъ избахъ съ великою нужею и терпѣніемъ; а нынѣ де они атаманы и казаки всѣ скудны, и запасовъ де у нихъ и пороху нѣтъ, а люди де у нихъ вольные, великую такую нужу терпѣвъ, многие пошли врознь, а иные многіе побиты и переранены; а держать де имъ того мѣста нечѣмъ да и некому, все разорено до основанья. И Государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ то мѣсто у нихъ принять, и послалъ бы своего Государева воеводу съ ратными людьми; а только Государь не изволитъ послати своего Государева воеводу и ратныхъ людей, и имъ то мѣсто покинуть, держати имъ невозможно, и пойдутъ по старымъ своим юртамъ; а въ приходъ Турскихъ и Крымскихъ и всякихъ воинскихъ людей, ради они съ Государевымъ воеводою и съ ратными людьми тотчасъ за Государя головами и всею душею помереть вмѣстѣ заодинъ.

И Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичь всея Русіи, за тое службу, Донскихъ атамановъ и казаковъ пожаловалъ своимъ Царскимъ жалованьемъ, которые на Москвѣ; а которые на Дону, и къ тѣмъ посланъ дворянинъ да подъячій съ Государевою грамотою и съ Государевымъ жалованьемъ и съ милостивымъ словомъ; а городового Азовскаго разбитаго мѣста велѣно досмотрить, и написать на роспись и на чертежъ начертить и привезти ко Государю къ Москвѣ.

А нынѣ писали ко Государю изъ Царягорода Богданъ Лыковъ да Афанасій Буколовъ: что навесну везирь самъ хочетъ идти подъ Азовъ со многою силою, и разосланы изъ Царягорода гонцы по всѣмъ городамъ, чтобъ служилые люди одноконечно, безо всякія оплошки и безъ выбора, всѣ тѣхъ городовъ были готовы навесну подъ Азовъ; а естьли будетъ который ослушникъ, тотъ безъ пощады смертною казнью будетъ кажненъ. А къ Крымскому де Царю послано Ибрагимъ Салтаново повелѣнье, а велѣно всѣмъ Татарамъ лошади кормить, чтобъ навесну всѣ были готовы, для того, что весною везирь хочетъ идти подъ Азовъ; съ великимъ собраньемъ; и будетъ де вскоре Азова не возметъ, и опять де хочетъ, Азовъ осадя накрѣпко, Турское и Крымское войско многихъ людей послать войною на Государство Московское. Да и въ иныхъ во многихъ вѣстяхъ Государю вѣдомо, что Турские люди навесну хотятъ идти под Азовъ и въ Московское Государство войною, и промышлять всякими мерами, чтобъ Азовъ взять, а Московское Государство воевать

И Государю за Азовъ съ Турскимъ и съ Крымскимъ Царемъ разрывать ли, и Азовъ у Донскихъ атамановъ и казаковъ пріимать ли? И будетъ пріимать и съ Турскимъ и съ Крымскимъ разорвать, и ратные люди надобны будутъ многіе, и на городовое Азовское дѣло и ратнымъ людямъ на жалованье деньги надобны многіяжъ, и хлѣбные и пушечные всякіе запасы надобны не на одинъ годъ, потому что война бываетъ у Турскихъ людей не по одинъ годъ; и такія великія деньги и многіе запасы на тѣ годы гдѣ имати?

Рѣчь отъ властей [1]): А Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи! то, Государь, дѣло, за Божіею помощью, твое Государево и твоего Царскаго синклита; а мы твои Государевы богомольцы, должни Бога молити о устроеніи всего міра, и о благостояніи святыхъ Божіихъ церквахъ, и о твоемъ Царскомъ многолѣтномъ здоровьи и о всей твоей Государевѣ палатѣ; а на то дѣло ратное разсмотрѣніе твоего Царскаго Величества и твоихъ Государевыхъ бояръ и думныхъ людей, а намъ, Государь, то все не за обычай. А будетъ, Государь, по настоящему нынѣшнему времени твое Царское Величество изволитъ рать строить; и мы, твои Государевы богомольцы, ратнымъ людямъ въ подможеніе ради помогать, елико сила наша можетъ.

Отвѣтъ Московскихъ дворянъ и ихъ мысль: В пріимкѣ города Азова, что тотъ городъ у Донскихъ атамановъ и казаковъ принятъ и воеводу и ратныхъ людей въ него послать, въ томъ его Государева воля, какъ ему Государю о томъ Богъ извѣститъ. А нынѣ бы тотъ городъ держать по прежнему Донскимъ атаманамъ и казакамъ, а Государь велѣлъ бы имъ помочь, чтобъ они того города не покинули, людьми и деньгами и хлѣбными и пушечными запасы; а людей велѣлъ бы Государь прибрать охочихъ въ украинныхъ городѣхъ изъ своего Государева денежнаго жалованья, что тѣхъ городовъ многіе люди прежъ сего на Дону бывали и имъ та служба заобычай: а только охочихъ людей будетъ мало, а Государь велѣлъ бы имъ людьми помочь изъ украинныхъ же городовъ, изъ которыхъ онъ Государь укажетъ; а деньги и хлѣбные и пушечные запасы тѣмъ людямъ, которые въ Азовѣ будутъ, отколѣ Государь укажетъ...

Лѣта 7150, Генваря въ 10 день. Сказали дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ...—И тебѣ благочестивому Государю велѣть Азовъ у Донскихъ атамановъ и казаковъ принять, и съ Турскимъ и съ Крымскимъ Царемъ велѣть разрывать, за ихъ многую предъ тобою Государемъ неправду...—И тебѣ, Государю, велѣть въ Азовѣ атаманамъ и казакамъ сидѣть, и къ нимъ своихъ Государевыхъ пѣшихъ ратныхъ людей велѣть послать, для скораго Азовскаго укрѣпленья, своихъ Государевыхъ стрѣльцовъ да стараго сбора солдатовъ, сколько ты, Государь, укажешь; а тѣхъ своихъ Государевыхъ людей, коихъ ты, Государь, укажешь послати въ Азовъ, вели, Государь, пожаловать своимъ Государскимъ жалованьемъ, для поспѣшенья, изъ своей Государевы казны; а пушечныя, Государь казны у тебя Государя въ казнѣ много; а хлѣбныхъ, Государь, запасовъ для скораго подъема тѣхъ ратныхъ людей вели, Государь, взять съ украинныхъ съ Зарѣцкихъ городовъ, со всѣхъ безъ выбора, и съ своихъ Государевыхъ дворцовыхъ селъ;—а для великаго поспѣшенья вели, Государь, запасовъ взять тѣмъ своимъ Государевымъ людямъ съ Троицкаго Сергіева монастыря, сколько ты, Государь, укажешь на ихъ подводахъ, и съ иныхъ монастырей.

А твои Государевы діаки и подьячие пожалованы твоимъ Государскимъ денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и вотчинами, и будучи безпрестанно у твоихъ Государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатествомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ, и покупили многія вотчины и домы свои строили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь-сказаемыя;—при прежнихъ Государѣхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было достойно въ такихъ домахъ жити:—вели, Государь, съ ихъ вотчинъ и помѣстій взять ратныхъ, конныхъ и пѣшихъ людей; а противъ домовъ ихъ и пожитковъ вели ихъ обложить деньгами, и вели съ нихъ взять денегъ ратнымъ своимъ людямъ на жалованье, по чему ты, Государь, укажешь...

А вмѣсто, Государь, тѣхъ людей, коихъ ты, Государь, изволишь послать въ Азовъ и въ Польскіе и въ Украйные и въ Повольскіе городы, вели, Государь, прибрать на Москвѣ и въ своихъ городѣхъ и во всей землѣ ратныхъ людей стрѣльцевъ и солдатовъ, сколько ты, Государь, изволишь, окромѣ нанихъ, холопей твоихъ, крѣпостныхъ и

[1]) От духовенства.

старшиныхъ людишекъ и крестьянишекъ; а пожаловать тебѣ Государю тѣхъ ратныхъ людей будетъ чѣмъ. А мы, холопи твои, ради за истинную вѣру, и за тебя благочестиваго Государя и за твою Государскую великую къ намъ, холопамъ твоимъ, милость,—противъ нашествія такихъ нечестивыхъ бусурманъ, работать головами своими и всею душею; а бѣдныхъ, Государь, насъ, холопей своихъ, и разоренныхъ и безпомощныхъ и безпомѣстныхъ и пустомѣстныхъ и малопомѣстныхъ вели, Государь, взыскать своею Государскою милостію, помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ, какъ тебѣ милостивому Государю Богъ извѣститъ, чтобъ было чѣмъ твоя Государская служба служить...

То наша, холопей твоихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ мысль и сказка! И тебѣ, благочестивому Государю, сверхъ той нашей сказки, какъ Богъ извѣститъ и твоя Государская дума одержитъ и твоихъ Государевыхъ бояръ...

И гостишка и гостиныя и суконныя сотни торговые людишка сказали: Въ томъ твоя Государева воля, какъ тебѣ Государю о томъ Богъ извѣститъ, о Азовѣ городѣ и о ратныхъ людѣхъ; а какъ, Государь, Азовъ былъ за Турскимъ Царемъ, и въ то время въ украинныхъ городѣхъ Турскіе и Крымскіе и Нагайскіе Татарове ходили войною по вся годы безпрестани, и кровь Крестьянскую проливали многую и въ полонъ сводили Крестьянскаго народа много же, а въ томъ Азовѣ тѣхъ полоненныхъ людей продавали въ свою и въ иные во многія земли, и Крестьянской православной вѣрѣ поругались, и въ тѣ годы твои Государевы украинные городы и съ уѣзды пустѣли. А о ратныхъ людѣхъ стройствѣ и о запасѣхъ, и о томъ какъ тебѣ Государю Богъ извѣститъ; а то дѣло служилыхъ людей, за которыми твое Государево жалованье, вотчины многія и помѣстья есть; а мы, холопи твои, гостишка и гостиныя и суконныя сотни торговые людишка городовые и питаемся на городѣхъ отъ своихъ промыслишковъ, а помѣстій и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ, а службы твои Государевы служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ по вся годы безпрестани, и отъ тѣхъ твоихъ Государевыхъ безпрестанныхъ службъ и отъ пятинныя деньги, что мы, холопи твои, давали тебѣ Государю въ Смоленскую службу, ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу, многіе люди оскудѣли и обнищали доконца; а будучи мы, холопи твои, на твоихъ Государевыхъ службахъ на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ сбираемъ твою Государеву казну, за крестнымъ цѣлованьемъ, съ великою прибылью;...—а торжишка, Государь, у насъ холопей твоихъ, при прежнихъ годѣхъ стали гораздо худы, потому что всякіе наши торжишка на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ отняли многіе иноземцы, Нѣмцы и Кизылбашцы, которые пріѣзжаютъ къ Москвѣ и въ иные городы со всякими своими большими торгами и торгуютъ всякими товары; а въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали доконца от твоихъ Государевыхъ воеводъ, а торговые людишка, которые ѣздятъ по городам для своего торговаго промыслишка, отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ проѣздѣхъ торговъ своихъ отбыли. А при прежнихъ Государѣхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судилися сами промежъ себя, а воеводъ въ городѣхъ не было; а воеводы были посыланы, по прежнихъ Государей указу, съ ратными людьми только въ украинные городы, для береженья отъ тѣхъ же Татаръ, отъ ихъ разоренья...

А мы, холопи твои, гостишка и гостиныя и суконныя сотни торговые людишка ради тебѣ, Государю, служити своими головами и за твое Государево многолѣтное здоровье и за православную Христіанскую вѣру помереть. То за нами гостишекъ и гостиныя и суконныя сотни торговыхъ людишекъ речи...

(С. Г. Гр. и Дог., ч. III, № 113.)

XXII. Управление.

114. Григорій Котошихинъ.

1. О сидѣніи царя съ боярами

И какъ царю лучится сидѣті съ тѣмі бояры и думнымі людмі въ думѣ о иноземскихъ и о своихъ государственныхъ дѣлехъ, і въ то время бояре и околничие и думные дворяне садятца по чиномъ, отъ царя поодаль, на лавкахъ: бояре подъ боярами, кто кого породою ниже, а не тѣмъ, кто выше и прежъ въ чину; околничие подъ боярамі противъ того жъ; подъ околничими думные дворяне потомужъ, по породе своей, а не по службе; а

думные дьяки стоятъ, а инымъ времянемъ царь велитъ имъ сидѣтъ; и о чемъ лучитца, мыслити, мыслятъ съ царемъ, яко обычай и инде въ государствахъ. А лучитца царю мысль свою о чемъ объявити, и онъ имъ объявя, приказываетъ, чтобъ они, бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ: и кто исъ тѣхъ бояръ поболши и поразумнѣе, или кто і изъ меншихъ, и они мысль свою къ способу объявливаютъ; а иные бояре брады свои уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породе, и многие изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованые, однако сыщется и окромѣ ихъ кому быти на отвѣты разумному изъ болшихъ и изъ меншихъ статей бояръ. А на чомъ которое дѣло быти приговорятъ, приказываетъ царь и бояре думнымъ дьякомъ помѣтить, и тотъ приговоръ записать. А лучится писати о чемъ грамоты во окрестные государства, и тѣ грамоты прикажутъ готовить посолскому думному дьяку, а думной дьякъ пріказываетъ подьячему, а самъ не готовитъ, толко чернитъ и прибавливаетъ что надобно і ненадобно. А какъ изготовятъ, и тѣхъ грамотъ слушаютъ напередъ бояре, и потомъ они жъ, бояре, слушаютъ въ-другорядъ съ царемъ всѣ вмѣстѣ; такъ же и иные дѣла, написавъ, взнесутъ слушать всѣмъ же бояромъ; и слушавъ, бояре учнутъ слушать въ-другорядъ съ царемъ же. А на всякихъ дѣлахъ закрепляютъ и помѣчаютъ думные дьяки, а царь и бояре ни хъ какимъ дѣламъ, кромѣ того, что послы прикладываютъ руки къ договорнымъ записямъ, руки своей не прикладываютъ, для того устроены они, думные дьяки; а къ меншимъ ко всякимъ дѣламъ прикладываютъ руки простые дьяки, и приписываютъ подьячие свои имена.

А какъ царю лучится о чемъ мыслити тайно, і въ думѣ бываютъ тѣ бояре и околничіе, ближніе, которые пожалованы изъ спальниковъ, или которымъ приказано бываетъ приходити; а иные бояре, и околничіе, и думные люди, въ тоѣ полату, въ думу, и ни для какихъ нибуді дѣлъ не ходятъ, развее царь укажетъ.

2. Московскіе приказы.

Посолской Приказъ; а въ немъ сидитъ думной дьякъ, да два дьяка, подьячихъ 14 человѣкъ. А вѣдомы въ томъ Приказе дѣла всѣхъ окрестныхъ государствъ, и пословъ чюжеземскихъ принимаютъ и отпускъ имъ бываетъ; такъ же и Рускихъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ посылаютъ, въ которое государство прилучится, отпускъ имъ бываетъ исъ того жъ Приказу; да для переводу и толмачества переводчиковъ Латинского, Свѣйского, Немецкого, Греческого, Полского, Татарского, і иныхъ языковъ, съ 50 человѣкъ, толмачей съ 70 человѣкъ. А бываетъ тѣмъ переводчикомъ на Москвѣ работа по вся дни, когда прилучатца изъ окрестныхъ государствъ всякие дѣла; такъ же старые писма и книги для испытания велятъ имъ переводити, кто каковъ къ переводу добръ, и потому и жалованіе имъ даетца: а переводятъ, сидячи въ Приказѣ, а на дворы имъ самыхъ великихъ дѣлъ переводити не даютъ, потому что опасаются всякие порухи отъ пожарнаго времяни и иные причины.

А дается имъ царское жалованье годовое: переводчикомъ рублевъ по 100 и по 80, и по 60, и по 50, смотря по человѣку; толмачемъ рублевъ по 40 и по 30, и по 20, и по 15 и менши, смотря по человѣку; да поденного корму: переводчикомъ по полтине и по 15 алтынъ и по четыре гривны и по 10 алтынъ и по 2 гривны на день, смотря по человѣку; толмачемъ по 2 гривны и по 5 алтынъ и по 4 и по 3 и по 2 алтына, и по 10 денегъ на день человѣку, смотря по человѣку жъ помѣсечно, исъ Приказу Болшого Приходу. Да они жъ, толмачи, днюютъ и начюютъ въ Приказе, человѣкъ по 10 въ судки, и за дѣламі ходятъ и въ посылки посылаются во всякие; да они жъ, какъ на Москвѣ бываютъ окрестныхъ государствъ послы, бываютъ приставлены для толмачева и кормового и питейного збору.

Да въ томъ же Приказе вѣдомы Московские и пріѣзжие иноземцы всѣхъ государствъ торговые и всякихъ чиновъ люді; и судятъ торговыхъ иноземцевъ, и расправу имъ чинятъ съ Рускимі людмі въ одномъ въ томъ Приказѣ.

Да въ томъ же Приказе вѣдомы 5 городовъ, и для приказного строения, и на всякие покупки на росходъ, и на жалованье подьячимъ и сторожемъ, собираютъ денги съ тѣхъ городовъ, которые въ томъ Приказе вѣдомы; съ кабаковъ и съ таможенныхъ доходовъ, погодно; а соберетца тѣхъ денегъ въ годъ болши полу—3 рублевъ. Да въ тотъ же Приказъ со всего Московского государства, зъ царскихъ дворцовыхъ и черныхъ волостей, и съ помѣщиковыхъ вотчинниковыхъ крестьянъ и бобылей, собираются денги плѣнными

на окупъ, которые бываютъ въ Крыму і въ Турецкой землѣ, погодно, по указу, а указная статья збору написана подлинно въ Уложенной книге; и соберется тѣхъ полоненичныхъ денегъ съ полтораста тысячъ рублевъ въ годъ, и окромѣ выкупу, тѣхъ денегъ не даютъ ни въ какие росходы.

Да въ томъ же Приказе вѣдомы печаті: болшая государственная, которою печатаютъ грамоты, что посылаютъ во окрестные государства; другая, что печатаютъ грамоты жаловалные на вотчины всяких чиновъ людемъ; тою же печатью печатаютъ грамоты хъ Крымскому хану и хъ Калмыкамъ, какъ о томъ писано выше сего.

Да въ томъ же Приказе вѣдомы Донские казаки, Татаровя крещеные и некрещеные, которые въ прошлыхъ годѣхъ взяты въ полонъ исъ Казанского и Астраханского и Сибирского и Касимовского царствъ, и даны имъ вотчины и помѣстья въ Подмосковныхъ ближнихъ городѣхъ. Греческие власти і Греченя, какъ приѣзжаютъ для милостыни и для торговлі, вѣдомы въ томъ же Приказе...

Приказъ Болшаго Дворца; а въ немъ бывает и сидитъ бояринъ и дворецкой, да околничей, да думной человѣкъ, да два или трі діака, и тотъ бояринъ честію бываетъ другой человѣкъ, подъ конюшимъ первой; а когда дворецкого не бываетъ, и тогда вѣдаетъ околничей. А вѣдомы въ томъ Приказе дворы: Сытенной, Кормовой, Хлѣбенной, Житенной и дворовые люді; и указъ и досмотръ тѣмъ дворамъ чинятъ во всемъ они.

Да въ томъ же Приказе вѣдомы болши 40 городовъ посадцкие люді, тягломъ и податмі, да съ кабаковъ и съ таможень и съ водъ, и съ мелницъ и съ рыбныхъ ловель откупы і вѣрной зборъ, ежегодъ; дворцовые села и черные волости, и рыбные угодья, и бобровые гоны, и бортные ухожы, и сенные покосы, въ царскихъ угодьяхъ, и тѣхъ селъ и съ волостей дворцовые податі, хлѣбомъ и денгами, і всякими податми и сѣномъ, а съ рыбныхъ и с-ыныхъ угодей откупы, и съ перевозовъ и съ мостовщины откупы жъ, денгамі; да Московские слободы, восмь слободъ, торговые и ремесленые люді: котелники, оловянишники, кузнецы, плотники, рыбники, шатерники, горшешники, и печники, и кирпишники, и съ нихъ податі берутъ противъ того жъ, что и с-ыныхъ посадцкихъ людей, да они жъ повинни работать всякие дѣла на царскомъ дворѣ, что прилучится, безденежно. И соберется зъ городовъ и съ селъ и съ волостей и съ слободъ, и со всякихъ угодьевъ и промысловъ, денежныхъ доходовъ, окромъ иныхъ податей, со сто зъ двадцать тысечь рублевъ въ годъ.

Да въ томъ же Приказе вѣдома печать, и собираютъ печатные пошлины зъ грамотъ и с-ыныхъ дѣлъ, которые посылаются, по челобитью всякихъ чиновъ людей, въ городы і въ дворцовые села і волості, противъ того жъ, что і въ Печатномъ Приказе; а соберется тѣхъ пошлинъ въ годъ съ 2000 рублевъ; а вырезано на той печаті инърог зверь.

Да исъ того жъ Приказу, на Москвѣ откупаютъ на Москвѣ-рекѣ и на Яузе зимою ледъ, и пролубное платяное мытье, і весною перевозъ; а будетъ съ того откупу денегъ въ годъ съ 3000 рублевъ.

А росходъ тѣмъ денгамъ бываетъ: на церковные строения, и какъ царь ходитъ по монастыремъ и по церквамъ і въ тюрмы і въ богадѣлни, и нищимъ и убогимъ людемъ на милостыню и на погребения, и на дворцовые на всякие росходы, и на покупки дворцовыхъ запасовъ, и на жалованье подьячимъ и трубникомъ и работникомъ. А будетъ трубниковъ, и литаврщиковъ, и суренщиковъ, въ царскомъ дому всѣхъ человѣкъ со 100; і въ Приказѣ они бываютъ, и днюютъ и начюютъ, для розсылки всякихъ дѣлъ, человѣкъ по 10, и посылаются по службамъ въ полки і въ посолства съ послы; а прямыхъ истинныхъ добрыхъ трубачѣевъ выберется въ царскомъ дому человѣкъ съ шесть, или мало болши.

А какъ царь ходитъ въ походы и по монастыремъ и по церквамъ, и для его выѣздовъ і выходовъ, наготавливаютъ денги въ бумаги, по 2 гривны, и по полуполтине и по полтине, и по рублю и по два и по 5 и по 10 и по 20 и по 30, кому сколко прикажетъ даті, чтобъ было готово. Такъ же какъ и царица ходитъ и ѣздитъ и за нею денги возятъ и носятъ противъ того жъ обычая, и раздача бываетъ всякимъ людемъ, кому что прикажетъ даті...

А судиті указано въ приказѣхъ бояромъ; и околничимъ, и столникомъ, и дворяномъ, и дьякомъ, кому въ которомъ приказѣ вѣдаті приказано, всѣмъ вмѣсте и безъ единаго и единому безъ всѣхъ, въ правду по святой еуангелской заповѣді Христове, не стыдяся лицъ силныхъ, понеже, по Писанию божественному, вкупѣ богатъ и убогъ, и другу не дружіті, а недругу не мстіті ни для чего, и по посуломъ и по поминкомъ не дѣлаті; а кто будетъ судья возметъ посулъ и дѣло учнетъ дѣлать по посуломъ, а про то сыщется, и о такихъ

судьяхъ о наказаніи подлинно писано въ Уложенной книге. Однако жъ, хотя на такое дѣло положено наказание, и чинятъ о тѣхъ посулахъ крестное целование зъ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ не иматі и дѣлаті въ правду, по царскому указу и по Уложению: ни во что ихъ есть вѣра и заклинателство, и наказания не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержаті не могутъ и руки свої ко взятию скоро допущаютъ, хотя не самі собою, однако по задней лѣсницѣ черезъ жену, илі дочерь, или черезъ сына и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, бутто про то и не вѣдаютъ.

(Котошихин. О России въ цар. Алексея Мих., стр. 24—5, 86—89, 117—118.)

---

115. Григорій Котошихинъ.

О царской власти.

Вопросъ. Какъ прежние царі, послѣ Івана Васильевича, обираны на царство: и на нихъ были иманы писма, что имъ быть не жестокимъ и непалчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнить, ни за что, и мыслиті о всякихъ дѣлахъ зъ бояры и зъ думными людмі сопча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлать. А нынешняго царя обрали на царство, а писма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе царі давывалі, и не спрашивалі потому что разумѣлі его гораздо тихимъ, и потому наивышшее пишетца «самодержцемъ» и государство свое правитъ по своей волі,—и съ кѣмъ похочетъ учиниті войну и покой, по покою что кому подружбе отдаті, или какую помочь чиниті, или и иные всякие великие и малые своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учиниті, зъ бояры и зъ думными людмі спрашиваетца о том мало; въ его воле, что хочетъ, то учиниті можетъ. Однако, кого изъ бояръ и изъ думныхъ и исъ простыхъ людей любитъ и жалуетъ, спрашиваетца и совѣтуетъ съ нимі о всякихъ дѣлахъ. А отецъ его блаженныя памяті царь Михайло Федоровичъ, хотя «самодержцемъ» писался, однако, безъ боярского совѣту не могъ дѣлаті ничего...

— А которому боярину и воеводѣ и приказнымъ людемъ, или посломъ, и посланникомъ и гонцомъ или кто къ какому дѣлу будетъ уставленъ—лучитца писаті къ царю противъ всякихъ дѣлъ отписки, и они пишутъ такимъ обычаемъ: «Государю царю і великому князю», имя его царское и титла противъ такого жъ обычая, какъ і въ грамотахъ царскихъ пишется къ нимъ, а по титлѣ: «холопъ твой Янка Черкасской, Івашко Воротынской», или кто нибудь, «съ товарыщі (или и единъ), челомъ бьютъ (челомъ бьетъ)»;—потомъ дѣло;—а княжествомъ ся не пишутъ, и чину своего не поминаютъ.

А кому лучитца о какихъ дѣлехъ биті челомъ царю самому, і въ приказѣхъ судьямъ, і въ городѣхъ і въ войнѣ воеводамъ или посломъ, и въ челобитныхъ своихъ пишутъ бояре и околничие и думные и всякого чину служилые люді: «царю государю і великому князю» имянованье и титла его царская противъ того жъ, что і въ отписке, а потомъ «бьетъ челомъ холопъ твой князь илі бояринъ», и— простой человѣкъ полуимянемъ жъ, безъ княжества, и безъ чину; а посадцкие люді и крестьяне пишутца въ челобитныхъ своихъ «рабами и сиротамі», а не холопами. Такъ же и жены и дочері всякихъ чиновъ людей пишутца въ челобитныхъ своихъ «рабами и сиротамі», полуимянемъ жъ, а отцовъ своихъ и мужей пишутъ въ челобитныхъ своихъ цѣлами имянами, и имянуютъ прозвище и чинъ.

(Гр. Котошихин. О России в цар. Алексея Мих.).

---

116. Царская грамота въ Муромъ о томъ, чтобы воеводы и приказные люди воздержались отъ насильства и взятокъ, а жители не давали имъ кормовъ, посуловъ и проч.

(1620 г. авг. 19.)

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, въ Муромъ...—

Вѣдомо намъ учинилось, что въ городѣхъ воеводы и приказные люди наши всякіе дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, и монастырямъ и служилымъ и посадскимъ и уѣзднымъ и проѣзжимъ всякимъ людемъ чинятъ насилства и убытки и продажи великіе, и посулы и поминки и кормы емлютъ многіе: и мы Великій Государь, совѣтовавъ о томъ со отцемъ своимъ, съ Великимъ Государемъ святѣйшимъ Патріархомъ приговорили съ бояры: послать въ городы къ воеводамъ и къ приказнымъ людемъ наши грамоты, чтобъ въ городахъ воеводы и приказные люди наши всякіе дѣла делали по

нашему указу, и служилымъ бы и посадскимъ и уѣзднымъ и проѣзжимъ никакимъ людемъ насилствъ и продажъ не дѣлали, и посуловъ и поминковъ ни отъ какихъ дѣлъ и кормовъ на себя не имали,...—и на дворѣ у себя денщикомъ, дѣтемъ боярскимъ, и стрѣльцомъ, и казакомъ, и пушкаремъ, и затиньщикомъ, и съ посадовъ бы и изъ слободъ водовозомъ и всякимъ деловымъ людемъ быть, и хлѣба молоть и толочь и печь, и никакого издѣлья дѣлати на себя не велѣли, и городскими и уѣздными людми пашень не пахали и сѣна не косили: а будетъ въ которыхъ городѣхъ воеводы учнутъ дѣлати не по нашему указу, самовольствомъ, а на кого въ чѣмъ будутъ челобитчики, и то все велѣли взять на нихъ вдвое, да имъ же от насъ быть въ великой опалѣ.

И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ, архимариты и игумены и весь освященный чинъ, и дворяне и дѣти боярскіе, и старосты и цѣловальники, и посадскіе и уѣздные всякіе люди,—воеводамъ и приказнымъ людемъ, которые будутъ въ Муромѣ, посуловъ и поминковъ и кормовъ не давали, и къ воеводамъ и къ приказнымъ людемъ во дворы (никого) не отпускали, и хлѣба молоть и толочь и печь и иного какого издѣлья дѣлати не велѣли, и пашень на воеводъ не пахали и сѣна не косили; а будетъ учнете воеводамъ отъ какихъ дѣлъ посулы и поминки, или съ посадовъ и съ уѣздовъ кормы давать; а послѣ про то сыщется, и тѣ убытки велимъ на васъ доправити вдвое да вамъ же отъ насъ быть въ опалѣ...

(А. А. Э., т. III, № 115.)

---

117. Наказъ Якутскому воеводѣ Михайлу Лодыженскому объ отправленіи имъ воеводской должности.

(1651.)

..— А напередъ всего, съ пріѣзду своего, велѣти имъ быти къ себѣ въ съѣзжую избу Ленскимъ дѣтемъ боярскимъ. и казакомъ и стрѣльцомъ и пушкаремъ и затинщикомъ, и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людемъ, и сказати имъ государево жаловалное слово: что государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ давати свое государево жалованье по окладомъ ихъ сполна, и велѣлъ ихъ служилыхъ и жилецкихъ людей беречь и нужъ ихъ розсмотрить, чтобъ имъ ни отъ кого ни въ чемъ нужи и тѣсноты, и убытковъ, и продажи и налоговъ не было, и они бъ служилые и всякіе люди его царьскимъ милостивымъ призрѣньемъ и жалованьемъ жили въ тишинѣ и въ покоѣ, безо всякіе нужы, и промыслы своими всякими промышляли безъ опасенья...

А торговыхъ и промышленныхъ всякихъ людей Верховыхъ городовъ, собравъ къ себѣ въ съѣзжую избу, потомужъ сказати имъ государево жаловалное слово: что имъ на Ленѣ преже сего Сибирскіе воеводы и дьяки чинили многіе продажи, и обиды и тѣсноты, самоволствомъ, не по государеву указу, и нужъ ихъ не розсматривали, и управы межъ ихъ прямой не чинили, и посулы и поминки у нихъ имали, и ихъ продавали, и государь своимъ царскимъ милостивымъ осмотрѣньемъ, велѣлъ ихъ ото всякихъ обидъ, и отъ насилства и отъ продажъ беречь накрѣпко, и на торговлю велѣлъ имъ государь ѣздить поволно, безо всякаго задержанья, и во всемъ нужъ ихъ велѣлъ розсматривати, чтобы имъ ни въ чемъ нужи и продажи и убытковъ ни отъ кого никакихъ не было, и жили бъ въ его царскомъ милостивомъ призрѣньѣ, безо всякіе нужи и обидъ, и насилства и продажи и убытковъ ни отъ кого не опасались; а кто ихъ чѣмъ изобидилъ, и насилство и продажу имъ какую чинилъ, и посулы и поминки у нихъ ималъ, и они бъ на тѣхъ людей приносили къ намъ къ столнику и воеводѣ къ Михайлу и къ дьяку Ѳедору челобитные, а они имъ по царскому повелѣнью во всемъ управу учинятъ и впредь ихъ учнутъ беречь...

(Доп. къ А. И., т. III, № 83.)

---

118. Из Олеария.

Из Главы X.

О светской власти и полицейском управлении русских.

Что касается до образа правления русских, то оно монархическое, неограниченное,—где государь, именно царь или великий князь, достигая короны по наследству, один управляет всей страной, и все подданные его, как дворяне и князья, так и простой народ, граждане и крестьяне, суть его холопы и рабы, которыми он управляет и распоряжается, как глава семьи своими слугами. Так как обыкновенное различие между правлением надлежащим или правомерным и тирани-

ческим полагают в том, что в первом имеется в виду благо подданных, а во втором—собственная польза государя, то на этом основании образ правления русских близко подходит к тираническому.

Большие господа не считают постыдным для себя, с употреблением своего имени в уменьшительном виде, называть себя рабами, равно не стыдятся и того, что с ними обращаются как с рабами. В прежнее время гости или знатные купцы и большие господа, долженствующие являться на службу всякий раз при торжественных представлениях в драгоценных одеждах, в случае неявки без уважительных причин наказывались таким же образом, как наказываются рабы, а именно кнутом по обнаженной спине;—теперь же за такой проступок подвергают их на два либо на три дня тюремному заключению, если только при дворе они имеют своих покровителей и заступников.

Молодым людям с самого раннего детства накрепко внушают, что об Е. Ц. В. должны говорить и почитать его, как самого бога. Поэтому они часто выражаются так: «Про то знает только бог да великий князь». Отсюда происходят и другие обычные их выражения, как, напр.: вместо того, чтобы сказать: «явиться пред царя»,—они говорят: «видеть светлые очи Е. Ц. В.». Чтобы выразить свое глубокое смирение и покорность царю, они говорят, что все, чем они владеют, принадлежит не столько им, сколько богу и вел. князю. «Все божье да государево».—

— Русский царь заботливо старается поддерживать все высокое значение своего Величества. Он не подчиняется никакому закону, но сам по своему усмотрению и воле может давать и устанавливать разного рода законы и указы. Все эти законы и указы, каковы бы они ни были, должны быть принимаемы и соблюдаемы без всякого противоречия и с такой покорностью, как бы их дал сам бог;—русские полагают, что вел. князь все делает по воле божьей...

(Олеарий, кн. III, гл. X.)

---

119. Барон Майерберг. Воеводское управление.

(1661.)

Царства, области и города, подвластные Московскому владычеству, управляются наместниками, называемыми у Москвитян воеводами, которых управление, однакоже, продолжается редко больше 3 лет. Они управляют во всем согласно с постановлениями, которые в 1647 году Алексей велел составить по древним неписанным обычаям и, напечатав, хотел сделать общим законом; а так как лица, пользующиеся расположением государя, получают даром его милости, точно водопроводные трубы воду, но никому не отводят ее даром, то необходимо нужно располагать этих любимцев к себе множеством подарков для получения должности.

А чтобы воротить с лихвою свои убытки на это, воеводы, не уважая предписаний закона, не довольствуются стрижкою народного стада, им вверенного, но не боятся сдирать с него еще и шкуру, в той уверенности, что жалобы его имеют такой сиплый голос, что не дойти ему до царского слуха, только бы стало добычи с ограбленных как для собственной жадности, так и на приобретение расположения к себе тех любимцев, для новой безнаказанности. Дело не стоит у них и за остроумной выдумкой для обирания втихомолку своих овечек, которые пожирнее: они задают пиры и с каждым годом чаще зовут на них областных дворян и купцов, позажиточнее, чтобы, удостоившись такой необыкновенной почести, эти лица приносили им щедрые подарки по отеческому обычаю. Приговоры продают с торга; решают в пользу той стороны тяжущихся, которая принесет больше. Преступники покупают себе безнаказанность; злодеи притупляют лезвие меча правосудия, подставляя под удары его золотые щиты. Да и сами судьи для затруднения улики себе в несправедливости своих приговоров закрывают на суде глаза, чтобы подкупленные свидетели тем смелее делали свои ложные показания, или для оправдания правдивого обвинения, или для подтверждения несказанной клеветы, чем богаче награду получают за свою ложь...

(Бар. Майерберг. Пут. в Московию, стр. 91—2.)

---

120. Кормления XVII в. по С. М. Соловьеву.

Мы видели, что посадские и уездные люди дают деньги на кормление воевод и подьячих. Земский староста расходует этими мирскими деньгами; каждый день вносит в книгу, что издержано. 1-го сентября несено воеводе.

пирогъ въ пять алтынъ, налимовъ на 26 алтынъ; подъячему пирогъ въ 4 алтына 2 деньги, другому подъячему пирогъ въ 3 алтына 4 деньги, третьему пирогъ въ 3 алтына 2 деньги. Воевода для Новаго года позвалъ обѣдать; за эту честь надобно заплатить, и староста несетъ ему въ бумажкѣ 4 алтына, боярынѣ его 3 алтына 2 деньги, сыну его 8 денегъ, боярскимъ боярынямъ 8 денегъ, жильцамъ верховымъ 6 денегъ. На другой день, 2-го сентября, опять староста идетъ къ воеводе—несетъ четверть говяжью въ 12 алтынъ 4 деньги, да щуку въ 6 алтын. Подъячему—четверть говяжью въ 9 алтынъ 4 деньги. 3-го сентября староста несетъ воеводѣ щукъ на 19 алтынъ, да на воеводскій дворъ купилъ лопату въ 2 деньги, 100 свѣчъ сальныхъ—далъ 8 алтынъ 2 деньги; купилъ въ съѣзжую избу бумаги 5 дестей, заплатилъ 11 алтынъ 4 деньги. 5-го сентября воеводе—четверть говяжью на 12 алтынъ 4 деньги; подъячему—четверть говяжью въ 9 алтынъ 4 деньги; другому подъячему то же, 6-го сентября воеводе четверть говяжью. 7-го сентября староста и мірскіе посыльщики ходили обѣдать къ подъячему, отнесли въ бумажкѣ 16 алтынъ 4 деньги, женѣ его 8 алтынъ 2 деньги, матери его 3 алтына 2 деньги. 8-го сентября воеводѣ отнесено щукъ по 12 алтынъ. 9-го—воеводѣ четверть говяжья и подъячему столько же. 10-го—воеводѣ щуки. 11-го—опять обѣдъ у подъячаго; отнесено ему въ бумажкѣ 13 алтынъ двѣ деньги, женѣ 6 алтынъ, матери 3 алтына, дочери 10 денегъ; на другой день, 12-го числа, ходили къ нему на похмелье, отнесли въ бумажкѣ 20 алтынъ. 13-го числа—воеводѣ четверть говяжья. 14-го—воеводѣ рѣпы четверикъ на 3 алтына 4 деньги. 16-го—воеводѣ рыбы, щукъ и налимовъ на 11 алтынъ; подъячему рыбы на 3 алтына, да поставили почесть подъячимъ съѣзжей избы—вина и пива на 6 алтынъ 4 деньги. 17-го—на именины царевны Софіи воеводѣ пирогъ въ 5 алтынъ и подъячимъ пироги; да воеводѣ и подъячему рыба. 19-го—воеводѣ четверть говяжья и т. д.

Мы видѣли расходныя книги земскаго старосты. Теперь заглянемъ въ росписи, что издерживали мірскіе посыльщики, присылаемые въ городъ изъ волостей для платежа денегъ: «Ходилъ къ воеводѣ, несъ хлѣба и калачей на 2 алтына, въ бумажкѣ денегъ три алтына, людямъ его далъ двѣ деньги. Ходилъ къ воеводѣ,—несъ хлѣбъ да калачъ въ 2 алтына, да мяса задъ говяжью 26 алтынъ 4 деньги, да свиную тушу въ рубль, да баранью тушу 13 алтынъ; деньгами 3 рубля; племяннику его рубль, другому племяннику 10 алтынъ, боярынѣ рубль, дворецкому 21 алтынъ, людямъ на весь дворъ 21 алтынъ, ключнику 10 денегъ, малымъ ребятамъ 2 алтына, деньщику два алтына, подклѣтнымъ 3 алтына. Подъячему хлѣбъ да калачъ, деньгами 2 рубля съ полтиною, женѣ его 16 алтынъ, двоимъ племянникамъ рубль, людямъ на весь дворъ 10 алтынъ, ключнику 3 алтына, деньщику 2 алтына, привороткику алтынъ, малымъ ребятамъ 8 денегъ, блаженному 4 деньги. Приставамъ далъ всѣмъ въ братью 6 денегъ, да, стоявъ на правежѣ, далъ приставу 2 деньги, да когда платилъ деньги, далъ сторожу въ мѣшокъ 2 деньги, да что писалъ книгу цѣловальникъ—взялъ 2 деньги, да староста взялъ за сѣно, что міромъ сулено воеводѣ, 4 гривны».

(С. Соловьев. Ист. России, т. III, с. 711—4.)

---

121. Издержечныя книги Тотемскаго земскаго старосты Андрея Выдрина.

(1691—1692 гг.)

Книга воеводская.

Месяцъ декабрь.

Декабря въ 1 день столнику и воеводе Василью Ивановичю Кошелеву несено рыбы палтусины на 11 алтынъ на 4 ден., куплена у Василья Губы; да семги у Никиты Анѳалова на 7 алтынъ на 4 ден., трески у него-жъ на 5 алтынъ, щуку у Никиты Цыкина на 2 алтына на 4 ден., рѣпы на 5 алтынъ у Захара Самыловскаго, толокна полпуда у Данилы Кускова дано 3 алтына, палтусины сухие на 2 алтына на 2 ден. У покупки і у носки были цѣловальники: Аверкий Анѳаловъ, Дмитрей Трусовъ, Игнатей Плюгинъ.

Декабря въ 2 день столнику і воеводе Василью Ивановичю Кошелеву несено рыбы палтусины на 10 алтынъ на 4 ден., куплена у Василья Губы; семги у Никиты Анѳалова на 7 алтынъ на 2 ден., трески у негожъ на 4 алтына на 2 ден. налимов на 4 алтына на 4 ден. у Івана Охорзы, харюзовъ на 2 алтына 4 ден. у Василья Губы, елцовъ на 10 ден. у Ивана Неклюдова, судаковъ на 3 алтына у Василья Выдрина, муки

пшеничные полчетверика, дано 5 алтынъ у Аверкия Анѳалова, крупы пол-пуда у Естюнки Конка 2 алтына 4 ден., палтусины сухой у Никиты Анѳалова на 2 алтына на 4 ден. У покупки и у носки были цѣл.: Аверкій Анѳаловъ, Дмитрей Трусовъ, Іванъ Прокопьевъ, Захаръ Самыловскій, Прокопей Карповъ.

Декабря 3 день столнику і воеводе Василью Івановичю Кошелеву несено рыбы палтусины на 10 алтынъ, куплена у Никиты Анѳалова; семгу у него жъ на 7 алтынъ на 2 ден., трески у него жъ на 4 алтына 1 ден., налимовъ у Ивана Крушкова на 3 алтына 2 ден., щукъ на 8 ден. у Уварка Іванова, чесноку на 8 ден. у Івана Вологжанина, муки пшеничные пол-четверика 5 алтынъ у Аверкия Анѳалова. У покупки і у носки были цѣл.: Аверкій Анѳаловъ, Дмитрей Трусовъ, Ігнатей Плюгинъ, Прокопей Карповъ, Іванъ Прокопьевъ, Захаръ Самыловский.

Декабря въ 4 день столнику і воеводе Василью Івановичю Кошелеву несено рыбы палтусины на 9 алтынъ на 4 ден., куплена у Никиты Анѳалова; трески у него-жъ на 4 алтына 4 ден., семги у него-жъ на 5 алтынъ 4 ден., налимовъ у Ивана Охорзы на 3 алтына 4 ден., окуней у Якова Шапатры на 3 алтына, палтусины сухой на 2 алтына 2 ден. у Никиты Анѳалова, хлѣба печеного на 2 алтына у Івашка Кулнина. У покупки і у носки были цѣл.: Аверкій Анѳаловъ, Дмитрей Трусовъ, Ігнатей Плюгинъ, Захаръ Самыловскій, Прокопей Карповъ.

Декабря въ 5 день столнику і воеводе Василью Івановичю Кошелеву несено рыбы палтусины на 9 алтынъ, куплена у Василья Губы; у него-жъ голова палтусья, дана 4 алтынъ 2 ден.; трески у Никиты Анѳалова на 4 алтына на 4 ден., налимовъ у Леонтья Кулешова на 3 алтына 2 ден., харюзовъ у него-жъ на 4 алтына, окуней на 2 алтына 2 ден. у Якова Шапатры, судаковъ у Василья Выдрина на 3 алтына, муки пшеничные пол-четверика, дано 5 алтынъ у Аверкия Анѳалова, палтусины сухой на 2 алтына 4 ден. у Никиты Анѳалова. У покупки і у носки были цѣл. (тѣ же).

Декабря въ 6 день въ праздникъ Николы Чюдотворца столнику і воеводе Василью Івановичю Кошелеву несено рыбы палтусины на 10 алтынъ, куплено у Якова Юдина; трески у Никиты Анѳалова на 4 алтына на 4 ден., семги у него жъ на 7 алтынъ на 4 ден., судаковъ на 3 алтына 2 ден. у Василья Выдрина, щук на 3 алтына 2 ден. у Якова Шапатры; щука жъ свѣжая, дана 2 алтына 4 ден., куплена у Василья Кашникова; харюзовъ на 3 алтына 2 ден. у Івана Неклюдова, окуней на 2 алтына у Якова Шапатры, налимовъ на 4 алтына 4 ден. у Гаврила Кускова, колачей на обѣдъ на 4 ден. у Ѳедора Бабкина. У покупки і у носки были цѣл.: Аверкій Анѳаловъ, Дмитрей Трусовъ, Ігнатей Плюгинъ...

Декабря въ 25 день столнику і воеводе Василью Івановичю Кошелеву на праздникъ Рожества Христова несенъ задъ говядины, данъ 20 алтынъ, куплен у Алексѣя Кузовникова; туша свиная, дана 16 алтынъ 4 денги, куплена у Галечанина; боранья туша, дана 4 алтына у Галечанина-жъ; гусь у Ѳедора Словянинова, данъ 3 алтына 2 денги; двѣ утки у Ивана Хороброго, даны 2 алтына 2 денги; два тетеревя у Савки Прокопьева, даны 8 денегъ; да два-жъ тетеревя у Ивана Кузнецова, даны 8 денегъ; студень у Хороброго, дана 2 алтына 4 денги; яицъ у Аѳонасья Зуева на 2 алтына на 4 денги; масла коровья 25 ѳунтовъ у Алексѣя Кузовникова, дано 16 алтынъ 4 денги; луку на 10 денегъ у Івана Вологжанина; двѣ грудинки бораньи, даны 10 денегъ у Якова Шапатры; два легкие бораньи у Михаила Рослякова, даны 10 денегъ; муки пшеничные пол-четверика у Михайла Кузовникова, дано 4 алтына 2 денги. У покупки і у носки были цѣл.: Аверкій Анѳаловъ, Дмитрей Трусовъ, Ігнатей Плюгинъ, Прокопей Карповъ.

Декабря въ 26 день столнику і воеводе Василью Івановичю Кошелеву несено четверть говядины, дана 11 алтынъ 4 денги, куплена у Ивана Хороброго; боранины передокъ у Якова Шапатры, дана 2 алтына 4 ден., грудка боранья съ обертышемъ у него-жъ, дана 6 денегъ; студень у него-жъ 2 алтына; два тетеревя у Дениса Выдрина, даны 8 денегъ; гусь у Ѳедора Словянинова, данъ 2 алтына 4 денги; яицъ на 10 ден. у Аѳонасья Зуева; муки пшеничные пол-четверика у Аверкия Анѳалова 5 алтынъ; чесноку у Ивана Вологжанина на 5 алтынъ 2 денги. Чернымъ попомъ Сумороковскимъ за славу дано 6 денегъ, Аѳонасьевскому попу за славу-жъ 4 денги. У покупки і у носки были цел.: (тѣ же). Къ воеводе-жъ колачей къ обѣду на 2 алтына у Івана Макарова.

Декабря въ 27 день столнику і воеводе Василью Івановичю Кошелеву несенъ задъ говядины, данъ 18 алтынъ 2 денги, купленъ у Алексѣя Кузовникова; туша боранья, дана 5 алтынъ 2 денги, куплена у Якова Шапатры; студень у него-жъ, дана

2 алтына 4 денги, двѣ курицы да двѣ утки у Хороброго, дано 4 алтына; 4 тетерева у Дениса Выдрина, дано 2 алтына 4 денги; гусь у Ѳедора Словянинова 2 алтына 4 денги; яиць на 10 денегъ у Трошки Пестерева; два ососа у Ульяны Портомойницы, даны 2 алтына 4 денги; муки пшеничные пол-четверика, дано 5 алтынъ у Аверкия Анѳалова; рыбы налимовъ на 2 алтына на 4 денги у Ивана Черепанова; колачей къ обѣду на 10 денегъ у Михайла Кузовникова.

В тотъ день звалъ воевода хлѣбъ есть, несено ему въ бумашке 16 алтынъ 4 денги, бояроне 8 алтынъ 2 денги, сыну 3 алтына 2 денги, дочере болшей 3 алтына 2 денги, двемъ дочеремъ малымъ 3 алтына 2 денги, племяннику 6 денегъ, боярскимъ бояронямъ 10 денегъ, людямъ на весь дворъ 3 алтына 2 денги, жилщамъ 10 денегъ, позовного 4 денги, малымъ робятамъ 4 денги. Хлѣба ѣли і у носки были цѣл. (тѣ же)...

Мѣсяцъ апрѣль.

Апрѣля въ 1 день на ангелъ государыни благовѣрные царевны и великие княжны Маріи Ивановны столнику і воеводе Ѳедору Ивановичю Бакину несенъ колачь столовой, данъ 3 алтына 2 ден., пекъ Герасимъ Попугаевъ. Ему же утокъ у Кузмы Архипова на 2 алтына на 2 ден., рыбы свѣжие налимовъ і харюзовъ у Гаврила Кускова на 5 алтынъ.

Въ тотъ же день звалъ воевода хлѣба есть; несено ему въ бумашке 16 алтынъ 4 ден., бояроне 8 алтынъ 2 ден., Селиверсту 2 алтына 2 ден., Андрѣю Яковлеву 6 ден., татарченку 4 ден., боярскимъ бояронямъ 10 ден., жилщамъ 10 ден., людемъ на весь дворъ 3 алтына 2 ден., позовного 4 ден. У покупки і у носки были цѣловальники: Аверкій Анѳаловъ, Дмитрей Трусовъ, Ігнатей Плюгинъ, Прокопей Карповъ...

Маия въ 8 день на празникъ Іоанна Богослова столнику і воеводе Ѳедору Ивановичю Бакину несено свинины полтора пуда, дано 12 алтынъ 3 ден., куплено. Въ тотъ день звалъ воево(да) хлѣба есть, несено ему въ бумашке 16 алтынъ 4 ден., бояроне 8 алтынъ 2 ден., Селиверсту 3 алтына 2 ден., Андрѣю Яковлеву 6 ден., боярскимъ бояронямъ 10 ден., жилщамъ 10 ден., людямъ на весь дворъ 3 алтына 2 ден., позовного 4 ден. Хлѣба ѣли і у носки были цел.: Аверкий Анѳаловъ, Дмитрей Трусовъ, Ігнатей Плюгинъ. Въ тотъ день подано говядины въ тюрму на 6 ден., куплено у Якова Шапатры. Дано Кузмѣ Сабурову отъ спуска отъ бани 8 ден. Дано отъ подсѣвки отъ трехъ четвертей ото ржи 6 ден., да от толченья отъ четверти овса Оксенье Бабушкина 8 ден. Естюнке Конке съ товарыщи дано за работу 2 алтына, починивали воеводцкой огородъ. В-вымянины воеводцкого человѣка Іева хлѣба ѣли, дано ему 10 ден., а женѣ ево 6 ден. Дано попу Егорьевскому 4 ден., приходилъ со святыней въ Никулинъ день. Дано Карпу Торговкину 8 ден., что убавилъ цены провожатымъ. Куплено виниковъ на воеводцкой дворъ на 4 ден. у Трошки Пестерева. На отпуске казны несено Якову Рязанову хлѣба і колачей на 10 ден., куплены у Костянтина Гурьянова. Дано отъ подсѣвки отъ ржи ото инти четвертей Оксинье Бабушкина 2 алтына, да отъ пшеницы отъ чищенья же дано 6 ден...

(Чтенія въ О. И. и Др. Р. 1908 г., кн. IV, с. 21—29).

---

122. Земскіе выборы на русском Сѣверѣ.

1. Выборы земскаго разрубного цѣловальника.

(1630 г.)

Списокъ съ выбору слово въ слово. Лѣта 7136 сент. въ 29 д. Се язъ выборной земской судья Черевковскіе волости Лобанъ Гавриловъ да прошлой земской цѣловальникъ Замятня Харитоновъ да крестьяне (20 имен)... излюбили есмя и выбрали тое жъ волости въ земскіе въ данные разрубные цѣловальники на нынѣшней на 136 годъ съ Семеня дни да до Семенова жъ дни до 137 году человѣка добра, душою пряма и животомъ прожиточна Томила Ананьина сына Дмитрова. И дань ему цѣловальнику государева разрубать въ трапезѣ на столѣ, съ тяжелаго снимать, а на легкаго прибавливати, смотря по животомъ и по промысломъ, и верста крестьяномъ давать; а намъ крестьяномъ засадчиковъ изъ сохъ давати, съ кѣмъ ему цѣловальнику дань разрубати... И дань государева собравъ у сборщиковъ и судьѣ отдать, и ямскія деньги, и ружныя къ Устюгу В. отвозить и старостамъ платити, и для государевыхъ дѣлъ и мірскихъ ему цѣловальнику къ Устюгу В. ѣздити и къ бояромъ на дворы ходити, и почесто носити мірское... Или когда будетъ понадобятся деньги для государева скораго дѣла и мірского,

и ему цѣловальнику деньги займовать съ мірского совѣту и кабалы давати, и росты сулити, какъ пригодитъ; а намъ крестьяномъ Черевковскіе волости его цѣловальника изъ кабалъ выимати и изъ ростовъ. А найму ему цѣловальнику міромъ рядили во весь годъ шесть руб. денегъ, и тѣ наемныя деньги ему цѣловальнику взять и дьячку, и приставу дать изъ нашихъ мірскихъ денегъ.

А какъ ему цѣловальнику годъ отойдетъ, и намъ крестьяномъ его цѣловальника изъ кабалъ изъ ростовъ, что будетъ займовано въ мірской расходъ, вынять и убытка ему въ его цѣловальничествѣ намъ крестьяномъ ему цѣловальнику не учинити. А ему цѣловальнику по своимъ приходнымъ и расходнымъ книгамъ, и по отписемъ съ нами съ крестьянами счестися вправду по государеву крестному цѣлованью и прошлыхъ цѣловальниковъ земскихъ, кого міромъ велятъ ему цѣловальнику, съ мірскими людьми въ ихъ издержкѣ считать вправду. Въ томъ ему цѣловальнику міромъ и выборъ дали...

2. Выборъ земскихъ судьи и судецкаго старосты.

(1636 г.)

Се язъ прошлой земской судья Сухонскаго Нововышлаго стану Ѳедотъ Ивановъ сынъ Корякинъ да староста судецкой Пятой Митрофановъ, да цѣловальники розрубные (попы, посадскіе и крестьяне), и во всѣхъ крестьянъ мѣсто того жъ стану выбрали осмя и излюбили, и поставили въ своемъ же стану людей добрыхъ и животомъ прожиточныхъ, душою прямыхъ Микиту Арефьева сына Осиновскаго въ земскіе судьи, да въ старосты судецкіе Кирилла Лазарева сына Биричевскаго на нынѣшной на 143 г. сент. съ 1 числа до 144 до такого жъ числа до Семена жъ дни Лѣтопроводца по тожъ число. И будучи имъ у насъ въ стану всякое государево дѣло дѣлать и мірское по государеву цареву крестному цѣлованью вправду, другу не дружить, а недругу не мстить, дань и оброкъ съ насъ крестьянъ собирать и къ Москвѣ ко государю въ казну отвезть. И намъ крестьяномъ деньги судьѣ давати на всякіе государевы четвертные и денежные доходы и на отвозъ, и суды судить и во всякомъ мірскомъ дѣлѣ вправду, и прошлыхъ старостъ и цѣловальниковъ, и поборщиковъ, и судей считать, кто былъ въ сборѣ деньги сбирали, и начетчи тѣ начетныя дѣла править безпенно по сему нашему выбору. Къ бояромъ ему судье и старостѣ на дворы ходить о всякомъ мірскомъ дѣлѣ и праздничныя почести носить мірскими деньгами, съ мірского жъ совѣту, какъ міромъ приговорятъ.

И кто изъ насъ крестьянинъ или посадской человѣкъ, кто именемъ ни будь, на немъ судьѣ Микитѣ или на старостѣ Кирилѣ со товарищи почнутъ какого дѣла отыскивать мірского счетнаго или суднаго, или правежнаго, о томъ намъ міромъ сыскивать вправду; и буде на нихъ мірского дѣла отыскиваютъ, и тѣ намъ крестьяномъ убытки съ судьи Микиты и старосты снимать всѣмъ міромъ, въ томъ судьѣ Микитѣ и старостѣ Кирилу убытковъ не привести никотораго, кромѣ своего дѣла. А въ кабалы судьѣ и старостѣ безъ мірского вѣдома денегъ не заимывать на мірское дѣло. А будетъ гдѣ денегъ съ совѣту займутъ на мірское дѣло, и тѣхъ имъ кабалъ безъ мірского совѣту не выкупать, и ростовъ на нихъ безъ міру не подписывать... А намъ міру къ судьѣ на всякіе совѣты ходить и совѣтовать о всякомъ мірскомъ дѣлѣ, и деньги судьѣ на всякое мірское дѣло розрубать, и деньги давать, а безъ денегъ не держать, и во всякомъ мірскомъ дѣлѣ судьи и старосты намъ не подать, кромѣ ихъ своего дѣла.

А выбравъ ихъ и ко кресту привести.

(М. Богословский. Земское самоуправление на русск. севере, т. I. Прилож. V, № 14 и 17).

XXIII. Соборное Уложение.

123. Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича.

(1649 года.)

Введеніе

Въ лѣто 7156, июля въ 16 день, государь царь великий князь Алексѣй Михаиловичь, всея Русіи самодержецъ въ двадесятое лѣто возраста своего, въ третье лѣто Богомъ хранимыя своея державы, совѣтовалъ съ отцемъ своимъ и богомольцемъ, святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ Московскимъ и всея Русіи, и съ митрополиты, и со архіепископы, и съ епископомъ, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и говорилъ съ своими государевыми бояры, и съ окольничими и зъ думными людьми: которые ста

тьи написаны въ правилѣхъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и въ градцкихъ законѣхъ греческихъ царей, а пристойны тѣ статьи къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ, и тѣ бы статьи выписать, и чтобы прежнихъ великихъ государей, царей и великихъ князей Російскихъ, и отца его государева указы и боярскіе приговоры на всякіе государственные и на земскіе дѣла собрать, и тѣ государьскіе указы и боярскіе приговоры съ старыми судебниками справити. А на которые статьи въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ государей въ судебникахъ указу не положено, и боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было: и тѣ бы статьи по тому же написати и изложити, по его государеву указу, общимъ совѣтомъ, чтобы Московского государьства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меншаго чину, судъ и росправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна. И указалъ государь то все собрати, и въ докладъ написати бояромъ, князю Никитѣ Ивановичю Одоевскому, да князю Семену Васильевичю Прозоровскому, да окольничему князю Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому, да дьякамъ Гаврилу Левонтьеву, да Ѳедору Грибоѣдову.

А для того своего государева и земского великого царьственного дѣла указалъ государь, по совѣту съ патріархомъ и бояре приговорили выбрати изъ стольниковъ, и изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ московскихъ и изъ жильцовъ, исъ чину по два человѣка; также всѣхъ городовъ изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ взяти изъ большихъ городовъ, опричь Новагорода, по два человѣка; а изъ Новгородцевъ съ пятины по человѣку; а изъ меньшихъ городовъ по человѣку; а изъ гостей трехъ человѣкъ; а изъ гостиные и изъ суконные сотенъ по два человѣка; а исъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ, и изъ городовъ съ посадовъ по человѣку, добрыхъ и смышленыхъ людей, чтобы его государево царьственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити, и на мѣрѣ поставить, чтобы тѣ всѣ великіе дѣла, по нынѣшнему его государеву указу и соборному уложенью, впредь были ни чѣмъ нерушимы.

И по государеву указу, бояре князь Никита Ивановичь Одоевскій съ товарищи, выписавъ изъ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и изъ градскихъ законовъ греческихъ царей, и изъ старыхъ судебниковъ прежнихъ великихъ государей, и изъ указовъ блаженные памяти вел. государя, царя и вел. кн. Мих. Ѳед. всея Руси,— и изъ боярскихъ приговоровъ, и которыхъ статей въ прежнихъ судебникахъ, и во указѣхъ прежнихъ государей, и въ боярскихъ приговорѣхъ не написано, и тѣ статьи написавъ вновь къ государю приносили.

И въ нынѣшнѣмъ во 157 году, октября съ третьего числа, государь (съ духовными властями) и зъ думными людьми того собранья слушалъ, и выборнымъ людемъ, которые къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ, чтено, чтобы то все уложенье впредь было прочно и неподвижно. И указалъ государь то все уложенье написать на списокъ и закрѣпити тотъ списокъ (всѣмъ чинамъ собора). А закрѣпя то уложенье руками, указалъ государь списати въ книгу, и закрѣпить тое книгу дьякомъ Гаврилу Левонтьеву, да Ѳедору Грибоѣдову; а съ тое книги, для утвержденья на Москвѣ во всѣ приказы и въ городы, напечататъ многіе книги, и всякія дѣла дѣлать по тому уложенію.

И по государеву указу, то уложеніе на списокъ написано. И (всѣ чины собора) къ тому уложенію на спискѣ руки свои приложили. И съ того уложенія списанъ списокъ въ книгу, слово въ слово. А съ тое книги напечатана сія книга.

А как то уложеніе чтено выборнымъ людемъ: и въ то время въ Отвѣтной полатѣ по государеву указу сидѣлъ бояринъ князь Юрьи Алексѣевичь Долгорукой, да съ нимъ выборные люди.

ГЛАВА I.

О богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ.

А въ ней 9 статей.

1. Будетъ кто иновѣрцы, какія ни буди вѣры, или и русской человѣкъ возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, или на рождшую Его пречистую Владычицу нашу Богородицу и приснодѣву Марію, или на честный крестъ, или на святыхъ Его угодниковъ: и про то сыскивати всякими сыски накрѣпко. Да будетъ

сыщется про то допряма, и того богохульника обличивъ казнити, зъжечь.

3. А будетъ кто во время святыя литургіи и въ иное церковное пѣніе, вшедъ въ церковь Божію, учнетъ говорити непристойные рѣчи патріарху, или митрополиту, или архіепископу и епископу, или архимариту, или игумену и священническому чину, и тѣмъ въ церкви Божественному пѣнію учинитъ мятежъ, а государю про то вѣдомо учинится, и сыщется про то допряма: тому бесчиннику за ту его вину учинити торговая казнь.

8. А въ церкви во время церковнаго пѣнія, государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всея Русіи, и великому господину святѣйшему Іосифу патріарху Московскому и всея Русіи, и митрополитомъ и архиепископом и епископомъ, никому ни о какихъ своихъ дѣлехъ не бити челомъ, чтобы отъ того въ церкви Божіи церковному пѣнію смятенія не было, понеже церковь Божія устроена приходити на молитву, и православнымъ христіанамъ подобаетъ въ церкви Божіи стояти и молитися со страхомъ, а не земная мыслити.

9. А будетъ кто, забывъ страхъ Божій, и презрѣвъ царское повелѣніе, учнетъ ему государю или патріарху, или инымъ властемъ, в церкви Божіи во время церковнаго пѣнія о какихъ своихъ дѣлехъ бити челомъ: и того челобитчика за то вкинути въ тюрьму, на сколько государь укажетъ.

ГЛАВА XI.

Судъ о крестьянахъ.

2. Будетъ кто вотчинники и помѣщики учнутъ государю бити челомъ о бѣглыхъ своихъ крестьянехъ и о бобыляхъ, и скажутъ, что ихъ крестьяне и бобыли, выбѣжавъ изъ-за нихъ, живутъ въ государевыхъ въ дворцовыхъ селехъ, и въ черныхъ волостяхъ, или на посадѣхъ въ посадскихъ людехъ...—за всякими вотчинники и помѣщики: и тѣхъ крестьянъ и бобылей по сыску отдавати по писцовымъ книгамъ... А отдавати безъ урочныхъ лѣтъ.

3. А кому доведутся бѣглыя крестьяне и бобыли по суду и по сыску отдать: и тѣхъ крестьянъ отдавати зъ женами и зъ дѣтьми и со всѣми ихъ животы, и съ хлѣбомъ стоячимъ и съ молоченымъ.

10. А будетъ кто съ сего государево уложенья учнетъ бѣглыхъ крестьянъ, и бобылей пріимать и за собою держать, а вотчинники и помѣщики тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ за нимъ сыщутъ...—и на тѣхъ, за кѣмъ учнутъ жити, за государевы подати и за помѣщиковы доходы, взяти за всякого крестьянина по десяти рублевъ на годъ, и отдавати исцомъ, чьи тѣ крестьяне и бобыли.

27. А кто на судѣ въ чьемъ крестьянинѣ запретца и отцѣлуетца, а послѣ тотъ крестьянинъ, въ которомъ онъ отцѣлуетца, объявитца у него: и того крестьянина взявъ у него, отдать исцу со всѣми животы противъ исковой челобитной, а ему за вину, что онъ крестъ поцѣлуетъ не на правде, учинить жестокое наказаніе, бить его кнутомъ по торгомъ по три дни, что бы про то было вѣдомо многимъ людемъ, за что ему такое наказанье указано учинить, и бивъ его по торгомъ кнутомъ по три дни, посадить его въ тюрму на годъ, и впредь ему ни въ чемъ не вѣрить, и ни въ какихъ дѣлехъ ни на кого суда не давать.

30. А за которыми помѣщики и вотчинники крестьяне и бобыли написаны на помѣстныхъ ихъ и на вотчинныхъ земляхъ порознь: и тѣмъ помѣщикомъ и вотчинникомъ крестьянъ своихъ съ помѣстныхъ своихъ земель на вотчинныя свои земли не сводити, и тѣмъ своихъ помѣстей не пустошити.

ГЛАВА XVII.

О вотчинахъ. А въ ней 55 статей.

42... Государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь всея Русіи, совѣтовавъ со (всѣми духовными властями и думными и соборными чинами), указалъ, и соборомъ уложили: впредь съ нынѣшняго уложенія патріарху, и митрополитомъ, и архіепископомъ, и епископомъ, и въ монастыри ни у кого родовыхъ, и выслуженыхъ, и купленыхъ вотчин не покупати и в закладъ не имати, и за собою не держати, и по душямъ въ вѣчной поминокъ не имати никоторыми дѣлы; и въ помѣстномъ приказѣ за патріархомъ, и за митрополиты, и за архіепископы и епископы, и за монастыри такихъ вотчинъ не записывати; а вотчинникомъ никому вотчинъ въ монастыри не давати.

А кто и напишетъ вотчину въ монастырь въ духовной, и тѣхъ вотчинъ въ мона-

стыри по духовнымъ не давати; а дати въ монастырь родителемъ ихъ денги, чего та вотчина стоитъ, или что умершій вотчинѣ цѣну напишетъ въ духовной.

ГЛАВА XIX.

О посадскихъ людехъ. А въ ней 40 статей.

1. Которыя слободы на Москвѣ патріарши, и митрополичи, и владычни, и монастырскія, и бояръ и окольничихъ и думныхъ и ближнихъ, и всякихъ чиновъ людей, а въ тѣхъ слободахъ живутъ торговые и ремесленные люди, и всякими торговыми промыслы промышляютъ и лавками владѣютъ, а государевыхъ податей не платятъ, и службъ не служатъ: и тѣ всѣ слободы, со всѣми людми, которые въ тѣхъ слободахъ живутъ, всѣхъ взяти за государя въ тягло и въ службы безлѣтно и безповоротно...

15. А которые боярскіе и иныхъ чиновъ люди и крестьяне на Москвѣ, и по городомъ покупили себе и въ заклады поимали тяглые дворы, и лавки, и анбары, и погребы каменныя, и соляныя варницы, и торгуютъ всякими товары: и тѣмъ бояръскимъ и иныхъ чиновъ людемъ и крестьяномъ, тѣ тяглые дворы, и лавки, и погребы, и анбары, и варницы продати тяглымъ торговымъ и посадскимъ людемъ, а ими впредь не владѣть, и впредь ничьимъ людемъ и крестьяномъ опричь государевыхъ торговыхъ посадскихъ людей тяглыхъ дворовъ, и лавокъ, и погребовъ, и анбаровъ, и варницъ ни у кого не покупати. А будетъ впредь чьи люди и крестьяне у кого купятъ тяглые дворы, или лавки, и погребы и анбары, и варницы: и у нихъ тѣ дворы, и лавки, и погребы, и анбары, и варницы взяти на государя безденежно; да имъ же за то быти отъ государя въ великой опалѣ, и въ торговой казни

ГЛАВА XXI

О розбойныхъ и о татиныхъ дѣлахъ. А въ ней 104 статьи.

9. А приведутъ татя, а доведутъ на него одну татьбу: и того татя пытать и въ иныхъ татьбахъ и въ убійствѣ. Да будетъ съ пытки въ иныхъ татьбахъ и въ убійствѣ не повинится, а скажетъ что онъ кралъ впервые, а убійства не учинилъ: и того татя за первую татьбу бити кнутомъ и отрѣзать ему лѣвое ухо, и посадити его въ тюрму на два года, а животы его отдати исцомъ въ выть, и исъ тюрмы вынимая его посылать въ кандалахъ работать на всякія издѣлья, гдѣ государь укажетъ...

10. А будетъ того же изымаютъ на другой татьбѣ: и его по тому же пытать и въ иныхъ татьбахъ. Да будетъ онъ повинится только въ дву татьбахъ, а убивства он не учинилъ же: и его после пытки бить кнутомъ, и урѣзавъ у него праваго уха, посадить въ тюрму на четыре года; а исъ тюрмы вынимая его посылать на всякія государевы издѣлья по тому же въ кандалахъ...

12. А приведутъ татя, а доведутъ на него татьбы три, или четыре, или больши: и того татя пытавъ казнити смертью, хотя онъ убійства не учинилъ, а животы его отдать исцомъ въ выть.

13. А будетъ татъ учинитъ и на первой татьбѣ убійство: и его казнить смертью.

14. А церковныхъ татей казнить смертью же безо всякаго милосердия, а животы ихъ отдавати въ церковныя татьбы.

ГЛАВА XXII.

А в ней 26 статей. Указъ, за какія вины кому чинити смертная казнь и какія вины смертію не казнити, а чинити наказаніе.

1. Будетъ которой сынъ или дочь учинитъ отцу своему, или матери смертное убійство: и ихъ за отеческое или за матерне убійство казнити смертію же безо всякія пощады.

3. А будетъ отецъ, или мати сына, или дочь убіетъ до смерти: и ихъ за то посадити въ тюрму на годъ, а отсидѣвъ въ тюрмѣ годъ приходити имъ къ церкви Божіи, и у церкви Божіи объявити тотъ свой грѣхъ всѣмъ людемъ въ слухъ, а смертію отца и матери за сына и за дочь не казнити.

4. А будетъ кто сынъ или дочь, не помня закона христіанского, учнетъ отцу или матери грубыя рѣчи говорить, или отца и матерь зъ дерзости рукою зашибетъ, и въ томъ на нихъ отецъ или мать учнутъ бити челомъ: и такихъ забывателей закона христіанского за отца и матерь бити кнутомъ.

9. А будетъ чей человѣкъ того, кому онъ служитъ, убьетъ до смерти: и его самого казнити смертію же безо всякія же пощады.

14. А будетъ жена учинитъ мужу своему смертное убійство, или окормитъ его отравою, а сыщется про то допряма: и ея за то казнити, живу окопати въ землю, и казнити ея такою казнію безо всякія пощады, хотя будетъ убитого дѣти или иныя кто ближнія роду его того не похотят, что ея казнити, и ей отнюдь не дати милости, и держати ея въ землѣ до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ она умретъ.

(Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, изд. М. Выс. Жен. Курс.)

XXIV. Крепостное право.

124. Порядная грамота.

(1627 г.)

Маія въ 10 д. передъ стольникомъ и воеводами передъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ Туренинымъ, да передъ княземъ Никитою Никитичемъ Гагаринымъ да передъ дьякомъ Третьякомъ Копнинымъ Иванъ Чиркинъ положилъ порядную запись, а за записью поставилъ крестьянина Ортюшку да Сеньку Михѣевыхъ. И Ортюшка и Сенька сказали, что они такову порядную запись на себя дали. И стольникъ и воеводы и дьякъ велѣли тое порядную запись написати въ книги.

И въ записи пишетъ: се азъ Артемей да язъ Семенъ Михѣевы дѣти старые Ивановы крестьяне Чиркина съ Рожницкой засады съ Нахлицкой губы, съ деревни, что нынѣ пустошь Купиково, Острецово тожъ, дали есми на собя запись государю своему Ивану Григорьевичу Чиркину въ томъ, что впредь намъ Ортемью и Семену жити за государемъ своимъ за Иваномъ во крестьянѣхъ, гдѣ онъ насъ посадитъ въ своей въ деревнѣ на пустомъ жеребью или на пустоши, и, живучи, хоромы поставитъ и пашня пахати, поля огородити, пожни и луги росчищати, какъ у прочихъ жилецкихъ крестьянъ, и съ живущие пашни государевы всякія волостныя подати платити, и помѣщицкое всякое дѣло дѣлати, и пашню на него пахати, и денежный оброкъ, чѣмъ онъ изоброчитъ, платити, и со всякаго хлѣба изо ржи и изъ яри пятина давати ежегодъ, и жити тихо и смирно, корчмы не держати, и никакимъ воровствомъ не воровати, и съ его помѣстной деревни, гдѣ онъ Иванъ насъ посадитъ, не сойти и не сбѣжати, и во крестьянство и въ бобыльство ни на которую землю ни за монастыри ни за церкви ни за помѣщики никудѣ не переходити.

А печто мы Ортемей и Семенъ впредь за государемъ своимъ за Иваномъ въ его помѣстьѣ, гдѣ онъ насъ посадитъ, жити не учнемъ, и хоромъ не поставимъ, и пашни пахати и поль огородити и поженъ и луговъ росчищать, и государевыхъ всякихъ волостныхъ податей платити, и помѣщицкаго дѣла дѣлати, пашни на него пахати и денежнаго оброку и изо всякаго хлѣба пятины давати не учнемъ, или съ его помѣстной земли за монастыри или за церкви или за помѣщики или на которую ни буди землю во крестьянство или въ бобыльство перейдемъ или сойдемъ или сбѣжимъ, и гдѣ насъ Иванъ съ сею жилецкой записью сыщетъ, и мы Семенъ и Ортемей крѣпки ему во крестьянстве въ его помѣстьѣ, на тое деревню, гдѣ онъ насъ посадитъ, да ему жъ взяти на насъ заставы 4 рубли московскихъ. А на то послуси: Богданъ Панкратьевъ да Иванъ Тимоѳѣевъ.

А запись писалъ Ѳедка Самойловъ съ площади подьячей. Лѣта 7135 маія въ 8 д. Пошлинъ 4 алтына взяты у Никиты.

(Пам. ист. крестьян, изд. Н. Клочкова. Прилож. II, № 2.)

---

125. Царская грамота.

О сыскѣ и отдачѣ владельцамъ бѣглыхъ ихъ крестьянъ по писцовымъ книгамъ, безъ срочныхъ летъ.

(1649 января 24.)

Въ прошломъ во 156 году били намъ челомъ дворяне Московскіе и жилцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскіе, и всѣхъ городовъ служилые люди: ихъ же крестьяне бѣгаютъ отъ нихъ и живутъ въ нашихъ дворцовыхъ селахъ

и волостяхъ, и за бояры нашими, и за околничими, и за ближними и за всякими силными людми, и за монастыри; а нашъ указъ, велѣно имъ тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ сыскивать въ десять лѣтъ; а они де по вся годы бываютъ на нашихъ службахъ, и имъ де въ тѣ указные лѣта тѣхъ своихъ крестьянъ сыскивать и провѣдать не мочно, потому что де тѣ ихъ бѣглые крестьяне, вѣдаючи указные лѣта и живучи за сильными людми и за монастыри, переходятъ изъ вотчины въ вотчину, хотя указные лѣта выжить и отъ нихъ старинного крестьянства отбыть: и намъ бы пожаловать. велѣть крестьянъ ихъ отдавать имъ по суду. сыскивая по писцовымъ книгамъ, безъ урочныхъ лѣтъ,и велѣть урочные лѣта отставить и впередъ бы бѣглыхъ крестьянъ пріимати никому не велѣть; а кто учнетъ чужихъ крестьянъ и бобылей впередъ за себя пріимать, и намъ бы велѣти тѣмъ людемъ за то учинить наказанье, чтобъ въ нашемъ Московскомъ государствѣ промежъ всякихъ чиновъ людей въ томъ ссоръ и продажи не было...—

И по тому челобитью, по докладу бояръ нашихъ, князя Никиты Ивановича Одоевскаго да князя Семена Васильевича Прозоровскаго, да околничего нашего князя Ѳедора Ѳедоровича Волхонскаго, да діаковъ нашихъ Гаврила Левонтіева да Ѳедора Грибоѣдова, мы Великій Государь— указали и соборомъ уложили: Генваря со 2-го числа нынѣшняго 157 году, бѣглыхъ крестьянъ и бобылей изъ бѣговъ отдавать всякихъ чиновъ людемъ, сыскивая писцовыми книгами, безъ срочныхъ лѣтъ.

(Пам. ист. крестьянъ, изд. Н. Клочкова, № 48.)

---

126. Из переписки боярина Б. И. Морозова с его прикащиками.

1. Из письма боярина к прикащику.

Взять со всѣхъ крестьянъ съ выти окладъ въ 1650 г. по пуду, а въ 1651 г. по-полпуду свиныхъ мясъ добрыхъ и хлѣбныхъ; имать не само тяжелые, а въ вѣсу-бъ было туша пуда въ полтора или въ 60 гривенокъ, а пудовыхъ бы полтей отнюдь не имать; полоть въ полтретьядцать гривенокъ или въ силахъ, что въ 20 гривенокъ полоть. Да со всѣхъ крестьянъ съ дву вытей взять по гусю да по ососу по доброму. А гуси-бъ имать передъ поѣздомъ, свѣжіе и не лежалые, съ потрохами; а велѣть бы гуси и потрохи везть бережно, чтобъ дорогою неизвѣтрѣли... Гуси, и утки, и поросята прислать мерзлыми, а не живыми, построить чисто; и потрохи да и перье, и пухъ, и крылья, все прислать имянно; да взять бы со всѣхъ крестьянъ по курицѣ съ дыму, а имать куры добрыя и старыя, жирныя; а молодыхъ куръ и пѣтуховъ не имать; и велѣть пластать, и натирая солью пересушить. Да взять бы передъ поѣздомъ же со всѣхъ крестьянъ съ дыму по три яйца свѣжихъ, а не гнилыхъ, и беречь ихъ накрѣпко, чтобъ не перегнили, и, переморозя, привезть ко мнѣ. Взять съ дыму по полугривенкѣ масла коровья; и масло имать доброе, свѣжее и велѣть въ кади наливать, или набивать, какъ лучше, съ солью, а соли бъ класть въ мѣру, чтобъ не добре было солоно, и масло бъ было чисто, не порошно, и подонья бъ не было...

2. Из челобитной прикащика к боярину. Въ твоей государевой въ рязанской вотчинѣ въ Селецкой слободкѣ крестьяне августа по 13-й день далъ Богъ здорово, а рыбы твоей государевой оброчной теперь въ саду нѣтъ, а сказываютъ крестьяне вода-де теперь малая, улову рыбѣ нѣтъ; о томъ, какъ государь укажешь, какъ мнѣ на крестьянахъ твою оброчную рыбу имать?

Ответ боярина: Писалъ ты ко мнѣ, что оброчной моей рыбы и по се число въ саду нѣтъ, а сказываютъ-де крестьяне, что вода малая, для-де того улову рыбѣ и нѣтъ. И то твоимъ нерадѣньемъ рыбы въ уловѣ нѣтъ, а не за малою водою. Какъ они, крестьяне, были за Государемъ и у нихъ не токмо-што оброшная рыба, почему они платили во Дворецъ, и сверхъ оброчной рыбы много было, оттого они и сыти и богати были и за своимъ обиходомъ, и на сторону и къ Москвѣ возя, продавали; а какъ за меня достались и у нихъ будто и рыбы въ Окѣ не стало; а Ока рѣка течетъ по старому, зашто рыбѣ не быть? И то знатно, что твоею дуростью и понаровкою ко крестьянамъ, по се число оброчной моей рыбы въ саду нѣтъ. Обрадуешься ты малому, что съ нихъ, со крестьянъ, посулу возьмешь, и имъ потакаешь и во всемъ укрываешь, а у меня тѣмъ большое теряешь. За толь я тебя пожаловалъ, что тебѣ у меня для своей бездѣльной корысти терять. Надобно было тебѣ за мою милость мнѣ порадѣть и прибыли поискать; а ты лишо мнѣ вездѣ убыль чинишь. И какъ къ

тебѣ ся моя грамота придетъ и тебѣ бъ однолично оброчною моею рыбою промышлять не оплошно и крестьянамъ приказывать, чтобъ у нихъ моя оброчная рыба противъ прежнего моего указу была готова; а нынѣ та пора ужъ приспѣла, что рыба къ Москвѣ присылать; а у тебя по се число и въ уловѣ нѣтъ, не то што присылать! Однолично бы тебѣ рыбою осетрами и стерледми и лещами промышлять не оплошно и къ Москвѣ присылать. А будетъ можно добыгца и бѣлыхъ рыбицъ, и тебѣ бъ потому жъ промышлять не оплошно! А будетъ твоимъ и ихъ крестьянскимъ нерадѣньемъ оброчная моя рыба не вся будетъ готова, и я велю на нихъ крестьянехъ за ту рыбу взять втрое да имъ же отъ меня быть въ большомъ наказаньѣ: а тебя велю съ приказу перемѣнить и вѣкъ тебѣ у меня моей милости не видать и на приказѣ не бывать...

3. От Бориса Ивановича в Коломенскую вотчину в село Ивановское:

Писалъ ты ко мнѣ, что поставлено сѣна 800 копенъ, а сѣно де не красное, а себѣ де крестьяне ставили сѣно красное; а тово ты ко мнѣ не пишешь, для чего у крестьянъ красное сѣно, а у меня не красное? И то твоимъ нерадѣньемъ. Ты у меня то сѣно испортилъ. Можно было тебѣ мое сѣно велѣть покосить и сгрести и въ стоги сметать, въ красные, въ ведреные дни. И будетъ то сѣно добре худо и лошади его не станутъ ѣсть, и я за то сѣно велю на тебѣ деньги взять. Ты-жъ ко мнѣ писалъ, что писано де отъ меня къ тебѣ, велѣно хлѣбъ строить въ пору; и ты де велѣлъ рожь жать восьмоенадесять число (іюля), и крестьянинъ де мой Игнашка Романовъ тебѣ отказалъ, что де у нихъ нынѣ праздникъ, пекутъ пироги. И съ того де числа жать не хаживали по 26 число; а рожь де гораздо поспѣла и скрючилась. И то ты мнѣ другую не малую убылъ учинилъ, что хлѣбъ обронилъ своею глупостью и недогадкою; одинъ тебѣ мужикъ сдуровалъ, отказалъ, и ты и всей ржи не жалъ. Коли онъ указу моего не послушалъ, и ты бы и опричь его крестьянъ заставилъ рожь мою жать, а его долю оставить; и будетъ бы онъ ту свою долю не сталъ жать и хлѣбъ обронилъ бы, и я бы ему велѣлъ большое наказанье учинить и тотъ хлѣбъ доправить вдвое. А будетъ бы тебѣ и всѣ крестьяне отказали и жать не пошли, и тебѣ было можно ко мнѣ отписать того жъ часу, а не восьмой день. И тотъ хлѣбъ пропалъ у меня отъ тебя...

4. Из челобитья крест. Миронка боярину Морозову.

Въ нынѣшнемъ, государь, 1650-мъ г. іюля 11, пилъ я сирота твой въ селѣ Мурашкинѣ на твоемъ государевѣ кабакѣ,—и напився пьянъ, говорилъ я небылыя скаредныя и бранныя слова про тебя, государя. И я спрота твой въ томъ тебѣ государю виноватъ. И я сирота твой до твоего государева указу за свою я страдничью вину посаженъ въ тюрьму. Умилосердися государь Борисъ Ивановичь, пожалуй меня сироту своего, вели меня изъ тюрьмы свободна учинить, не вели голодною смертію уморить. А въ моей страдничьей винѣ воленъ ты государь. Государь Борисъ Ивановичъ, смилуйся пожалуй!

Отвѣтъ боярина. Тѣ сказки передо мною чтены... И тебѣ бъ того вора Миронка бить кнутомъ безъ пощады, чтобъ инымъ воровать, незабытныхъ словъ говорить было неповадно; и бивъ его Миронка кинуть въ тюрьму, и державъ его въ тюрьмѣ небольшое время, какъ кожа подживетъ и вынявъ, велѣть въ другорядь бить кнутомъ же безъ пощады, чтобъ ему плуту, вору впредь воровать и незабытныхъ словъ говорить было неповадно. И бивъ его Миронка, кинуть опять въ тюрьму. А въ заводѣ его распросить накрѣпко, а будетъ не скажетъ, ино его и пытать, не отъ заводу ль онъ какова такія рѣчи говорилъ, и не научалъ ли его кто и не думалъ ли онъ съ кѣмъ?

(И. Е. Забѣлинъ. Большой боярин. «Вестникъ Европы» 1871 янв.—февр.

---

127. Из Котошихина.

О крестьянахъ.

О царскихъ, і властелинскихъ, и помѣщиковыхъ, і вотчинниковыхъ крестьянехъ. І. Царскихъ дворцовыхъ селъ і волостей крестьянъ судятъ ихъ и расправу чинятъ на Москвѣ, во Дворцѣ, і въ селехъ і въ волостяхъ приказщики, по грамотамъ, во всякихъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ и розбойныхъ и татиныхъ и пожегныхъ дѣлъ. А въ ныхъ царскихъ черныхъ волостяхъ, гдѣ приказщиковъ не бываетъ, учинены судейки, человѣкъ съ 10, выборные люді, тѣхъ жъ волостей крестьяне: и судятца межъ себя по царскимъ грамотамъ, и безъ грамотъ, кромѣ уголовныхъ же и розбой-

ныхъ дѣлъ. А доходы денежные и иные собираютъ они сами промежъ себя, сколко съ кого доведется, смотря по ихъ промысламъ, и животамъ, и по землѣ, сколко подъ кѣмъ лежітъ землі и сѣетца хлѣба и коситца сѣнныхъ покосовъ.

Патріархъ, и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и монастырі, вѣдаютъ своихъ подданныхъ крестьянъ противъ того жъ, какъ вѣдаютъ въ царскомъ дому его крестьянъ во всякихъ дѣлахъ, и податѣхъ, кромѣ розбойныхъ и иныхъ великихъ уголовныхъ дѣлъ.

Бояре, и думные, и ближніе, і всякихъ чиновъ люді, помѣщики і вотчинники, вѣдаютъ и судятъ своихъ крестьянъ, во всякихъ ихъ крестьянскихъ дѣлехъ, кромѣ разбойныхъ же и иныхъ воровскихъ дѣлъ. А податі царские съ крестьянъ своихъ велятъ собираті старостамъ и людямъ своимъ и отдавать въ царскую казну, по указу царскому; а свои податі кладутъ они на крестьянъ своихъ самі, сколко съ кого что взяті.

А какъ тѣмъ бояромъ и инымъ вышеписаннымъ чиномъ даются помѣстья і вотчины, и имъ пишутъ въ жалованныхъ грамотахъ, что имъ крестьянъ своихъ отъ стороннихъ людей отъ всякихъ обидъ и налогъ остерегаті и стояті, а податі съ нихъ иматі по силе, съ кого что мочно взяті, а не черезъ силу, чтобъ тѣмъ мужиковъ своихъ и съ помѣстей и изъ вотчинъ не разогнать і въ нищие не прівесть, и насилствомъ у нихъ скота и животины никакой и хлеба всякаго и животовъ не иматі, и исъ помѣстныхъ деревень въ вотчинные деревни на житье не переводіті, чтобъ одно мѣсто опустошить, а другое обогатить. А будетъ который помѣщикъ і вотчинникъ, не хотя за собою крестьянъ своихъ держати, и хочетъ вотчинныхъ крестьянъ продаті, и напередъ учнетъ іматі поборы великие, не противъ силы, чѣмъ бы привести къ нуждѣ и къ бѣдности, а себя станетъ напалнивать для покупки иныхъ вотчинъ—і будетъ на такого помѣщика і вотчинника будетъ челобитье, что онъ надъ ними такъ чинилъ и сторонние люді про то вѣдаютъ и скажутъ по сыску правду, и у такихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ помѣстья ихъ і вотчины, которые даны будутъ отъ царя, возмутъ назадъ на царя; а что онъ съ кого ималъ какихъ поборовъ черезъ силу и грабежемъ, и то на немъ велятъ взять и отдать тѣмъ крестьяномъ; а впредь тому человѣку, кто такъ учинитъ—помѣстья і вотчины не будутъ даны до вѣку. А будетъ кто учнетъ чинить такимъ же обычаемъ надъ своими вотчинными купленными мужикамі: и у него тѣхъ крестьянъ возмутъ безденежно, и отдадутъ сродственникамъ его, добрымъ людемъ, безденежно жъ, а не такимъ разорителемъ.

А будетъ которой боярінъ и думной и ближней человѣкъ, или і всякой помѣщикъ і вотчинникъ, учинитъ надъ крестьяны своимі убойство—смертное, или какое наругательство, нехристиянскимъ обычаемъ, и будутъ на него челобитчики:—и такому злочинцу о указѣ написано подлинно въ уложенной книгѣ. А не будутъ на него въ смертномъ дѣле челобитчики, и такимъ дѣломъ за мертвыхъ людей бываетъ истецъ самъ царь.

(Котошихин. О России, гл. 8 и 11).

---

128. Из Рейтенфельса.

Холопы.

Кроме земледельцев, в Московии есть также и рабы—редкое и несправедливое явление между христианами, из которых некоторые несут рабское иго до самой смерти, а некоторые—в течение известного срока. Дело в том, что многие добровольно продают самих себя в рабство, многие делаются таковыми или из-за долгов, или по какой-либо другой причине. Мало того, отцы имеют право, полное и законное, продавать своих сыновей четыре раза на известный срок, а мужья—жен (это называется кабалою), при чем сыновья освобождаются из-под родительской власти и становятся сами полноправными лишь после четвертой продажи. Но вышеупомянутые (продающиеся въ кабалу и должники), и многие иные, будучи отпущены на волю, по заявлению их владельца, или другимъ каким-либо способом, снова отдают себя во власть новых господ, так что, переходя постоянно из одной рабской зависимости в другую, не становятся свободными никогда. Таким образомъ у знатныхъ и несколько зажиточныхъ людей кормятся по домам целые полчища рабов обоего пола, у коих нарождаются дети, имеющие быть также под властью хозяина; они служат посыльными, управляющими, надсмотрщиками над работами всякого рода. Они же поочередно караулят, в то время, когда господа их крепко спят, извещают ударами дубины, который час ночи, и высматривают с домовых вышек, нет ли где пожара. Кормят же их обыкновенно пищею до того гнусною, что в издевательство о них говорят, что они

питаются похлебкою из личных скорлуп. Если же они, в свою очередь, позволяють себе что-либо дурное, то их господа, с разрешения закона, могут назначить им какой угодно род наказания, за исключением только смертной казни...

Рейтенфельс, Сказания о Московіи, 139.

XXV. Мятежи XVII века.

129. Адам Олеарий.

О Московском мятеже 1648 г.

1. (Особенно отличался своею жадностью)— Леонтий Степанович Плещеев, который посажен был главным судьею в Земском Дворе или Приказе. Он без меры драл и скоблил кожу с простого народа; подарками не насыщался, но когда тяжущиеся приходили к нему в Приказ, то он высасывал у них мозг из костей до того, что обе стороны делались нищими. Он завел при себе негодных молодцов, чтобы они взводили какое нибудь показание на честных людей, имѣвших состояние, доносили на них и обвиняли в воровстве, убийстве, или ином каком преступлении. По этим доносам бедных людей брали в темницу, содержали их самым скверным образом и не выпускали их так по нескольку месяцев, пока те впадали почти в отчаяние. Между тем безбожные слуги Плещеева являлись к друзьям заключенного, втайне делали им предложение, как освободить их друга. Через таких-то мошенников он торговался с этими друзьями несчастного и назначал, что они должны дать за освобождение его. Иначе он никого не удостаивал допускать к себе, ни из обвиненных, ни из приятелей их.

В числе таких безбожных чиновников был еще один, по имени Петр Тихонович Траханиотов, шурин Плещеева.. Тихонович этот был уже возведен в Окольничьи и посажен Управляющим Пушкарского Приказа; под его управлениемь находились стрельцы, оружейники, полицейские чины и все те, которые служили при Оружейной палате, и со всеми этими людьми он поступал самым жестокосердым образом и удерживал у них заслуженную ими заработную плату...—

Другой чиновник, из желания оказать услугу казне Его Царского Величества, и тем снискать себе его благосклонность, дал предложение, чтобы по всей России соль, которой пуд стоил две гривны или 10 грошей, обложить добавочной пошлиной в одну гривну или в пять грошей. Он даже высчитал, сколько тысяч доходу ежегодно может приносить такой налог в казну. Но по прошествии года сделан был расчет, и тогда оказалось, как много тысяч потеряно было на соленой рыбе, которая по причине вздорожания соли, была недостаточно просолена и погнила, и как значительно меньше прежнего продано было самой соли, так как она осталась в складочных амбарах, испортилась там и растаяла.

На такие великие тягости и невыносимые мучения вознегодовал простой народ; утром и вечером он собирался у церквей и толковал, как бы избавиться от такого бедствия. Все видели, что те, которые ближе всего были к Его Царскому Величеству, не хотели выслушивать их жалоб, а тем менее желали облегчить их тягости, и по тому единогласно порешили: сторожить всякий раз, когда Его Царское Величество будет выезжать, или во время какого-нибудь торжественного хода будет проходить из Дворца в городскую церковь, и от имени всего общества подать самому Его Царскому Величеству несколько просьб, пожаловаться ему на несправедливости и ежедневно совершаемые злоупотребления Плещеева, и просить, чтобы он отрешен был от должности, а на его место посажен был другой честный человек. Но хотя недовольным и удалось несколько раз выждать царя и подавать просьбы, но просьбы эти всегда принимали от них бояре, которые по обыкновению сопровождали Его Царское Величество, и так как сам царь не читал их, а приказывал боярам сообщать ему об их содержании, то естественно, что бедствия угнетенных подданных передавались ему неверно, и по жалобам не воспоследовало никакого решения.

Между тем негодование народа все более и более разжигалось, с громкими жалобами собирался он снова перед церквами, и на этих сборищах было порешено, при первом же случае, который мог представиться, выждать Его Царское Величество, принести ему словесно свои жалобы и заявить о своем бедствии.

Случай этот скоро представился, именно: 1648 года, Июля 6 дня, был праздник, в который Его Царское Величество со всеми боярами и знатными господами отправлялся в лежащий в городе Сретенский монастырь. В этот день собралось несчетное множество народа на большом рынке и по всем улицам, через которые должен был проходить крестный ход. Когда по окончании службы господней, Его Царское Величество возвращался верхом домой, народ с силою протеснился к нему, некоторые из толпы схватили за узду коня Его Царского Величества, молили его выслушать их, жаловались и громко вопили на Плещеева и его несправедливости, и неотступно просили отрешить его и на место его назначить честного, совестливого человека, добавляя, что, в противном случае, народ должен окончательно погибнуть. Его Царское Величество ужаснулся от такого неожиданного нападения и таких отчаянных жалоб всего народа, обратился к нему с дружелюбною речью, чтобы он успокоился, что он разведает все дело и удовлетворит их просьбы. Народ успокоился, услышав такое милостивое обещание, благодарил Его Царское Величество и желал добраго здравия и долгой жизни, с чем Его Царское Величество и отправился к себе.

Некоторые же из бояр, преданных Плещееву и бывших тут же в поезде, начали бранить народ, били некоторых из его среды кнутьями по головам, а иных даже сшибли с ног на землю. Народ озлобился, схватился за каменья и начал бросать их в обидчиков. Эти последние, не привыкшие к такому тяжкому граду, который посыпался на их спины, мигом обратились в бегство и помчались во дворец. А так как и у дворца они приняты были таким же образом народом, толпившимся на дворе, то, соскочивши с лошадей, они едва успели взбежать на большую лестницу, ведущую в покои Его Царского Величества; озлобившаяся чернь с силою двинулась туда же за ними, но стрельцы, ежедневно державшие стражу у лестницы, успели сдержать народ, пока преследуемые бояре могли укрыться в покоях великого князя. Тогда народ, как бы обезумев от ярости, начал неистовствовать, шуметь, звать и кричать, чтобы ему выдали Плещеева. На крик этот боярин Борис Иванович Морозов вышел на верхнее крыльцо к народу и именем Его Царского Величества увещевал его, чтобы он отказался от такого требования своего, но народ закричал и ему: «Мы и тебя хотим взять!» И Морозов, чтобы избежать собственной опасности, поспешно должен был удалиться. Вслед за тем толпа бросилась к дому Морозова, к этим богатым палатам, бывшим тут же в Кремле, разбила в нем ворота и двери, все расшибла и разломала, растащила и разграбила в доме его, что нашла, чего же не могла захватить, то разрушала и ломала. Одного из важнейших слуг Морозова, хотевшего было оказать сопротивление разъяренной черни, схватили и выбросили из верхних покоев в окно, так что несчастный тотчас же и умер, расшибшись от падения...

---

2. Когда теперь стало видно, что писанная в высшей степени страшная гроза и буря достаточно поутихла, и можно было думать, что все приведено уже в мирное и лучшее положение, Его Царское Величество приказал, в один из дней торжественного шествия своего, созвать народ на известное место вне Кремля, куда и вышел к народу в сопровождении боярина Никиты Ивановича Романова. Его Царское Величество обратился здесь к народу с речью, в которой прежде всего сказал, что «ему в высшей степени прискорбно, как жестоко поступали и обращались с народом, неведомо для Его Царского Величества, безбожные Плещеев и Тихонович, которые за то получили уже вполне заслуженное ими возмездие, и на места их назначены теперь мужи богобоязливые, которые будут править народом с кротостию и справедливостию, будут блюсти пользу и благо народное, о чем и сам он, Его Царское Величество, будет отныне иметь бдительное смотрение. Увеличенная пошлина на соль, продолжал царь, вместе с этим будет отменена; выданные до сего милостивые грамоты на исключительную торговлю, смотря по обстоятельствам, будут отобраны, а некоторые льготы народные и прежде дарованные вольности, он, Его Царское Величество, желает теперь расширить и умножить и во всем поступать впредь, как отец подданных своей страны, с царским милосердіем». В ответ на это народ низко кланялся Его Царскому Величеству, благодарил его и желал долголетней жизни.

Затем царь продолжал: «Что касается до боярина Бориса Ивановича Морозова, которого он также обещал выдать им, то хотя он и не может, конечно, во всем оправдать его, но точно также не находит его виновным во всем. При этом Его Царское Величество желал быть уверенным,

что, так как он никогда еще ни о чем особенном не просил своих подданных, они уважут эту первую его к ним просьбу, и на этот раз простят Морозову то, что он сделал им недоброго; он же, царь, ручается, что отныне Морозов, напротив, будет оказывать им всю свою любовь, верность и доброе расположение. Если народ желает, чтобы Морозов не занимал более места государственного советника, то он, царь, отставит его от этой должности, но только чтобы он, царь, не выдавал народу головою его, своего второго отца, воспитавшего и возрастившего его. Его сердце не может вынести этого, и потому он хочет думать, что народ не потребует от него такой жертвы, как прежде». Когда при этом слезы, как свидетельство великой любви к Морозову, выступили на глазах Его Царского Величества и прервали речь его, весь народ преклонил головы и громко закричал: «Боже, сохрани Его Царское Величество в добром здравии, на многие лета! Как угодно Богу и Его Царскому Величеству, так и да будет!»

При таком заявлении народа Его Царское Величество также сердечно возрадовался, как прежде сердечно скорбел, когда народ требовал головы Морозова. Он поблагодарил народ за такое решение и увещевал его успокоиться и быть послушным, уверяя его притом, что сам он всегда и без отмены будет исполнять все то, что теперь обещал народу. За тем Его Царское Величество, в сопровождении своих придворных людей, бывших при его шествии, мирно возвратился в Кремль.

(Олеарий. Опис. пут. голштин. посол. в Московию, кн. III, гл. 16.)

---

130. Григорий Котошихин.

О медном бунте 1662 г.

Да въ прошлыхъ годѣхъ, і какъ учинилося у Московского царя съ Полским Яномъ Казимиромъ королем недружба і война, а потомъ и съ королевскимъ величествомъ Свѣйскимъ: и за продолженіемъ Полские войны, и для пополнения казны, и для поспѣшения ратнымъ людемъ на жалованье, дѣланы денги, рублевики серебряные...

Да въ то жъ время дѣлали денги полтинники мѣдные съ еемокъ, и крестьяне, увидевъ такие въ одну пору худые дѣланые денги, неровные и смѣшаные, не почалі въ городы возить сѣна и дровъ и съѣстныхъ запасовъ, и почала быть отъ тѣхъ денегъ на всякие товары дороговь великая. А служилымъ людемъ царское жалованье давано полное, а они покупалі всякие запасы и харчь и товары вдвое ценою, и отъ того у нихъ въ году жалованья не доставало, и скудость почала быть большая. Хотя о тѣхъ денгахъ былъ указъ жестокой і казни, чтобъ для нихъ товаровъ и запасовъ никакихъ ценою не подвышалі: однако на то не смотрілі. І видя царь, что въ тѣхъ денгахъ не учало быті прибыли, а смута почала быть большая, велѣлъ дѣлаті на дворехъ своихъ денги мѣдные, алтынники, грошевики, копейки, противъ старых серебрянныхъ копеекъ, и отъ тѣхъ денегъ межъ крестьянъ потому жъ была смута; и тѣ прежние денги, и алтынники, и грошевики, велѣлъ царь гриниматі въ казну и передѣлывать въ мѣлкие копейки. И дѣланы послѣ того денги мѣдные жъ мѣлкие, и ходили тѣ мѣлкие денги многое время съ серебряными заровно; і возлюбили тѣ денги всѣмъ государствомъ, что всякие люді ихъ за товары принималі и выдавалі.

І въ скоромъ времяни, на Москвѣ і въ городѣхъ, объявилися въ тѣхъ мѣдныхъ денгахъ многие воровские, и тѣхъ людей хваталі и пыталі всячески... И кто до чего довелся, казнили смертною казнью, и отсѣкали рукі и прибивалі у денежныхъ дворовъ на стенахъ, а домы ихъ и животы ималі на царя безденежно. Однако, тѣ люді на такие великие мучения и смерті и разорения не смотрилі, дѣлалі такие воровские денги ажъ до скончания тѣхъ денегъ; и мало кто исъ такихъ воровъ не пойманъ и не казненъ. И которые воры былі люді богатые, и они отъ своихъ бѣдъ откупались, давалі на Москвѣ посулы болшие боярину, царскому тестю, Илье Даниловичю Милославскому, да думному дворянину Матюшкину, за которымъ была прежнего царя царицына родная сестра, да дьякомъ, а въ городѣхъ посулы жъ воеводамъ и приказнымъ людемъ; и они, для тѣхъ посуловъ, тѣмъ воромъ помогалі и изъ бѣдъ избавливалі...

И на того боярина царь былъ долгое время гнѣвенъ, а думного человѣка отставилі прочь отъ Приказу, а казни имъ не учинилі никакой; а дьякомъ, и подъячимъ, и головамъ, и целовальникомъ, и денежнымъ воромъ, учинилі казни, отсекали руки и ноги и палцы отъ рукъ и отъ ногъ, и ссылалі въ ссылку въ далние городы.

И тѣхъ воровъ товарыщі, видя, что тому боярину и думному человѣку, за ихъ воровство, не учинено ничего, умыслилі написать на того боя-

рина и на иныхъ трехъ воровскіе листы, чѣмъ бы ихъ известь і учинить въ Москвѣ смуту для грабежу домовъ, какъ и прежъ сего бывало, бутто тѣ бояре ссылаются листамі съ Полскимъ королемъ, хотя Московское государство погубить и поддать Полскому королю; и тѣ воровские листы прибилі, въ ночи, на многихъ мѣстехъ по воротэмъ и по стенамъ.

А царь въ то время былъ въ походе, со всѣмъ своимъ домомъ, и съ нимъ бояре и думные и ближние люді, въ селѣ Коломенскомъ, отъ Москвы 7 верстъ. И наутрее всякого чину люді, идучі въ городъ, тѣ писма члі і взялі къ себѣ; і принедъ на площадь, къ Лобному мѣсту, у рядовъ, стали тѣ писма честь вслухъ всѣмъ людемъ. И собралось къ тому мѣсту всякого чину людей множество, и умыслилі итті въ городъ, къ царю, и просіті тѣхъ бояръ, чтобъ имъ царь выдалъ ихъ головою на убиение; и увѣдалі, что царя въ Москвѣ нѣтъ, и они, скопяся вмѣстѣ, тысечь съ пять, пошлі къ царю въ походъ; а съ Москвы въ то время бояре послалі къ царю съ вѣстью, что на Москвѣ учинилась смута и почалі домы грабить. А въ то время царь былъ въ церквѣ, у обѣдни, празновали день рождения дочери его царской; и увидѣлъ царь изъ церкви, идутъ къ нему въ село и на дворъ многие люді, безъ ружья, съ крикомъ и шумомъ; і видя царь тѣхъ людей злой умыслъ, которыхъ они бояръ у него спрашивалі, велѣлъ имъ сохранитися у царицы и у царевенъ, а самъ почалъ дослушивать обѣдни; а царица, въ то время, и царевичи, и царевны, запершися сидѣли въ хоромехъ въ великомъ страху і въ боязни. И какъ тѣ люді пришли, и били челомъ царю о сыску измѣнниковъ, и просили у него тѣхъ бояръ на убиение: и царь ихъ уговаривалъ тихимъ обычаемъ, чтобъ они возвратилися и шли назадъ къ Москвѣ, а онъ, царь, кой часъ отслушаетъ обѣдни, будетъ въ Москве, і въ томъ дѣлѣ учинитъ сыскъ и указъ; и тѣ люді говорилі царю и держалі его за платье за пуговицы: «чему де вѣритъ?» и царь обещался имъ Богомъ и далъ имъ на своемъ словѣ руку, и одинъ человѣкъ исъ тѣхъ людей съ царемъ билъ по рукамъ, и пошли къ Москвѣ всѣ; а царь имъ за то не велѣлъ чиниті ничего, хотя и было кѣмъ противитися. И послалъ царь къ Москве ближнего своего боярина князя Івана Ондрѣевича Хованского, і велѣлъ на Москвѣ уговаривать, чтобъ они смуты не чинилі и домовъ ни чьихъ не грабилі; а которые листы объявилися писаны о измене, на бояръ и думныхъ людей, приѣдетъ онъ, царь, самъ для сыску, того жъ дни...

И какъ тѣ злые люді, которые отъ царя шли къ Москвѣ, встрѣтились съ тѣмі людми, которые шли къ царю, (и) собрався вмѣсте, пошли къ царю. А царь въ то время садился на лошадь, хотѣлъ ѣхать къ Москвѣ... И они почалі у царя просить для убиства бояръ, и царь отговаривался, что онъ для сыску того дѣла ѣдетъ къ Москве самъ; и они учалі царю говорить сердито и невѣжливо, зъ грозамі: «будетъ онъ добромъ имъ тѣхъ бояръ не отдастъ, и они у него учнутъ имать самі, по своему обычаю». Царь, видя ихъ злой умыслъ, что пришлі не по добро и говорятъ невѣжливо, за грозамі, і провѣдавъ, что стрелцы къ нему на помочь въ село пришлі, закричалъ і велѣлъ тѣхъ людей биті и рубіті до смерті и живыхъ ловіті. И какъ ихъ почалі бить и сѣчь и ловить, а имъ было противитися не умѣть, потому что въ рукахъ у нихъ не было ничего, ни у кого, почали бѣгать и топитися въ Москву реку, и потопилося ихъ въ рекѣ болши 100 человѣкъ, а пересѣчено и переловлено болши 7 тысячъ человѣкъ, а иные розбежались...—

(Котошихин. О России, с. 99—105

---

131. Царская грамота о Стеньке Разине.

Отъ Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, въ нашу отчину въ Астарахань, боярину нашему и воеводамъ князю Ивану Андрѣевичу Хилкову, да Ивану Ѳедоровичу Бутурлину да Якову Ивановичу Безобразову, да дьякомъ нашимъ Ивану Ѳомину да Григорью Богданову. Въ прошломъ во 174 году Мая во 2 числѣ, да въ нынѣшнемъ во 175 году Марта во 30, да Апрѣля въ 12 да Мая въ 31 числѣхъ, посланы къ вамъ наши Великого Государя грамоты, о провѣдываньѣ воровскихъ казаковъ и о промыслу надъ ними, которые хотятъ итти съ Дону на Волгу воровать, чтобъ одноличо воровскихъ казаковъ отнюдь на море и на морскіе проливы не пропустить и чтобъ они на Волгѣ для воровства не были.

И Іюня въ 12 день писалъ къ намъ Великому Государю съ Царицына Андрей Унковской: Мая де въ 3 день писалъ къ нему съ Дону

атаманъ Корнило Яковлевъ и все Донское войско: жили де они съ Азовскими людми въ миру, и за ихъ миромъ хотѣлъ было ихъ войсковой казакъ Стенка Разинъ съ товарищи своровать, итти на море; и по ихъ де отнискѣ, онъ съ моря въ большихъ лодкахъ воротился и ничего не учинилъ, и прогребли мимо ихъ Черкаского городка вверхъ по Дону; и они де атаманъ и казаки посылали за ними, и ихъ не нашли; а вѣдомо де имъ въ войску учинилось, что де тотъ Стенка съ товарищи пошолъ на Волгу рѣку воровать. И онъ Андрей, для провѣдыванья и уговаривать техъ казаковъ, посылалъ служилыхъ людей, и тѣ де служилые люди пріѣхавъ сказали, что тотъ Стенка въ сборѣ съ товарищи своими съ воровскими казаки, съ шесть сотъ человѣкъ и болши, пріѣхали къ Паншинскому городку; а сбираются де къ нему безпрестанно, и ѣдучи де вверхъ по Дону, многіе казачьи городки розоряютъ, и пріѣзжихъ торговыхъ людей и казаковъ грабятъ и побиваютъ до смерти; и живетъ де онъ отъ тѣхъ казаковъ въ болшомъ опасеньѣ, чтобъ над городомъ какого дурна не учинили...

(А. И., т. IV, № 202, § 3).

---

132. Роспросныя речи о Стеньке Разине и о его бунте.

1) Гулящей человѣкъ Савка Онофрѣевъ сказался, родиною Казанского уѣзду, Закамской черты, села Челновъ крестьянинъ; а въ роспросѣ сказалъ: какъ де село Челны разорены, и онъ де Савка изъ села Челновъ сошолъ въ Казань, и жилъ въ Казани въ гулящихъ людехъ лѣтъ съ семь, кормился работою, и послѣ де того жилъ въ бобыляхъ за Спаскимъ монастыремъ съ годъ; и въ прошломъ де во 178 году, как пришелъ изъ Нижнего-Новагорода Государевъ насадъ, и онъ де Савка на томъ насадѣ пошолъ въ гулящихъ людехъ въ Астарахань, и дошелъ до Царицына; и въ тое де пору пришелъ на Царицынъ воръ Стенка Разинъ съ воровскими казаками, и его де Савку и иныхъ его братью многихъ съ того насаду воръ Стенка Разинъ взялъ съ собою подъ Астарахань, по неволѣ; и Астарахань взялъ и боярина и воеводу князя Ивана Семеновича Прозоровского велѣлъ свесть на роскатъ и бросилъ съ роскату, а товарищевъ его, и дьяковъ, и дворянъ, и головъ, и подъячихъ велѣлъ побить, а за что, того онъ Савка не вѣдаетъ; а Приказные де полаты подъячего Алексѣя Алексѣева онъ воръ Стенка Разинъ за ребро повѣсилъ; и послѣ де походу изъ Астарахани вора Стенки Разина, того подъячего Алексѣевская жена Алексѣева, Олена Тимофѣева дочь, вышла за него Савку замужъ доброволно. А какъ де воръ Стенка Разинъ пошелъ изъ Астарахани подъ Симбирскъ, и онъ де Савка съ нимъ воромъ подъ Симбирскъ не ходилъ, остался въ Астарахани и кормился работою.

А какъ де воровской атаманъ Ѳедка Шелудякъ, послѣ похода вора Стенки Разина, на другой годъ ходилъ подъ Симбирскъ, и онъ де Савка съ нимъ Ѳедкою подъ Симбирскъ не ходилъ же, а былъ въ Астарахани жъ; и какъ де изъ-подъ Симбирска воръ Ѳедка Шелудякъ пошелъ въ Астарахань, и съ Царицына напередъ себя прислалъ иноземца Алешку Коченовского; и какъ де тотъ иноземецъ отъ Ѳедки Шелудяка въ Астарахань пріѣхалъ, и воровской атаманъ Васка Усъ собралъ воровской кругъ, и велѣлъ преосвященного Іосифа, Митрополита Астараханского и Терского, прив... [1]) въ кругъ, и изъ круга велѣлъ взвести на роскатъ и бросилъ съ роскату, а за что, того онъ Савка не вѣдаетъ, потому что де онъ Савка въ тое пору былъ въ рядовыхъ казакахъ и въ кругу не былъ, а былъ дома... [1]) онъ слышалъ отъ людей; а которые де въ томъ заводѣ были, и тѣ де воры кажнены. А его де Савку воръ Ѳедка Шелудякъ выбралъ въ есаулы, по неволѣ, въ то время, какъ пришелъ къ Астарахани бояринъ и воевода Иванъ Богдановичъ Милославской Великого Государя съ ратными людми; и онъ де Савка въ тое пору стоялъ на городѣ, а на бою и на высылкѣ не бывалъ, и живетъ онъ въ Астарахани своимъ дворомъ въ гулящихъ людехъ.

Подъ распросомъ отмѣчено: Отъ роспросу Савка посланъ въ черную... съ денщикомъ... и велѣно его заковать въ кандалы.

2) Соборные церкви ключарь попъ Ермола Юрьевъ, да соборные жъ попы Кононъ Васильевъ, Петръ Ивановъ, Кирило Елисѣевъ, дьяконъ Василей Ивановъ, въ роспросѣ сказали: въ прошломъ де во 179 году, какъ были въ Астарахани воровскіе казаки атаманъ Васка Усъ съ то-

---

[1]) Пропуск в тексте.

варищи (а Стенки де Разина и Ѳедки Шелудяка въ Астарахани не было, а гдѣ были, того не вѣдаютъ), и послѣ де убіенія митрополичья на другой день, тѣ воровскіе казаки написали приговоръ въ кругу, а онъ де ключарь Ермола то видѣлъ какъ зачали писать, и его де казаки прочь оттерли, и что въ томъ приговорѣ написано тоге де не вѣдаетъ, смотрить не дали: а какъ де они тотъ приговоръ написали, и протопопа де Ивана, и протодьякона Ѳедора, и его Ермолу изъ круга не выпустили, и послали де въ соборную церковь по досталныхъ поповъ, и ихъ де поповъ Конона и Кирила и Петра, и дьяконовъ Василья и Ивана, который нынѣ на Москвѣ, привели тутъ же въ кругъ, и велѣли имъ къ тому воровскому приговору руки прикладывать: и протопопъ де Иванъ взявъ тотъ ихъ воровской приговоръ и прочолѣ не вслухъ, да къ тому приговору руку приложилъ и во всѣхъ мѣсто соборныхъ поповъ и дьяконовъ, а они де ему прикладывать руки въ свое мѣсто не веливали; и тотъ де ихъ воровской приговоръ отнесли казаки въ Троецкой монастырь.

И въ прошломъ де во 179 году, до пріѣзду въ Астарахань боярина Ивана Богдановича Милославского, за три дни, прислалъ атаманъ Ѳедка Шелудякъ по протопопа Ивана ясаула Олешку Качановского да казака Ермолку Власьева, и взявъ де они протопопа привели къ Ѳедкѣ Шелудяку; и атаманъ де Ѳедка послалъ протопопа съ тѣми казаками въ Троецкой монастырь по тотъ воровской приговоръ, и онъ де Кирило попъ въ тѣ поры былъ у обѣдни въ Троецкомъ монастырѣ; и при немъ де Кирилѣ протопопъ Иванъ взялъ, съ тѣми казаками и съ Троецкими попами съ Гурьемъ да съ Никандромъ, тотъ ихъ воровской приговоръ и понесли къ атаману Ѳедкѣ: то де онъ Кирило попъ одинъ видѣлъ, а ключарь де Ермола съ товарищи того не видали, какъ изъ монастыря взяли воровской приговоръ и понесли къ атаману. И тогожъ де числа протопопъ Иванъ того воровского приговору принесъ съ треть столбца, отодранъ, за его протопоповою рукою, и у соборные церкви казалъ имъ всѣмъ соборнымъ попамъ розвернувъ, а изъ рукъ имъ не отдалъ; и они де тотъ отдирокъ чли у протопопа въ рукахъ, и въ томъ де приговорѣ было написано, что имъ воровскимъ казакамъ Донскимъ, и Астраханскимъ стрѣлцамъ и пушкарямъ и затинщикамъ, стоять противъ измѣнниковъ бояръ заодно и помирать имъ другъ за друга;— а се въ зиму ли де было зачато, или лѣтомъ, того де въ томъ отдиркѣ не написано; и тотъ де отдирокъ протопопъ Иванъ при нихъ изодралъ...—

Гулящей попъ Михайло Васильевъ въ роспросѣ сказалъ: въ прошломъ де во 179 году, какъ въ Астрахани были воровскіе казаки атаманъ Васка Усъ съ товарищи, и написали де тѣ воровскіе казаки приговоръ, а въ томъ де ихъ приговорѣ написано было, чтобъ итти къ Москвѣ и побивать измѣнниковъ князей и бояръ; то де онъ слышалъ отъ людей, и самъ де онъ Михайло того ихъ воровского приговору не видалъ и руки къ тому ихъ воровскому приговору не прикладывалъ...

Къ сему допросу попъ Михайло Васильевъ руку приложилъ.

3) 179 году октября въ 29 день, на Лисенской перевозъ изъ за Оки рѣки попъ Иванъ Алексѣевъ пришолъ въ полки, а въ распросѣ сказалъ; ушолъ де онъ у воровскихъ людей изъ закараулу изъ Избылецкіе слободы боярина князя Якова Никитича Одоевскаго. А сказалъ, какъ де послали его изъ полковъ въ Избылецкую слободу къ старостамъ и ко всѣмъ крестьяномъ, ихъ уговаривать, чтобъ они не бунтовали и къ ворамъ не приставали, и велѣли бъ Государевымъ ратнымъ людемъ на перевозъ поромы дать; и въ тожъ де число въ Избылецкую слободу пріѣхали воровскихъ казаковъ человѣкъ съ двадцать, да черни ста съ четыре, и его де попа Ивана схватили и били и увѣчели и ограбили и домъ весь разграбили и попадью мучели, пытали денегъ, и къ казни де его попа Ивана двожды приводили въ кругъ, за что де ты на Лисенской перевозъ къ ратнымъ людемъ въ полки вѣсти подаешь и письмо наше отвезъ...— а ты де измѣняешъ Царевичу Государю Алексѣю Алексѣевичю и Никону Патріарху и батюшку нашему Степану Тимофеевичю, и за то де ты довелъ ся казни; и черныю де его неболшіе люди упросили, и такъ де онъ изувѣченъ. И говорили при немъ козаки, что у нихъ идетъ силы козаковъ много, и какъ де Нижней возмемъ, и во то де число увидятъ Царевича всѣ крестьяня, а то де у насъ и ясакъ Нечай, что вы нечаете Царевича, и вы де чайте.

Да къ нему жъ де попу Ивану съ товарыщи и къ старостамъ и ко всѣмъ крестьяномъ прислана грамота съ Москвы отъ бояръ отъ князь Никиты Ивановича и отъ князя Якова Никитича Одоевскихъ, чтобъ имъ священникомъ крестьянъ своихъ уговаривать, чтобъ они не бунтовали и къ воровскимъ козакомъ не приставали, и ихъ прелестнымъ воровскимъ писмамъ не вѣрили, и будетъ не станутъ слушать, и намъ священникомъ велѣно ихъ проклинать; и онъ де попъ на сходѣ боярскую грамоту велѣлъ прочитать, и они де, выслушавъ грамоты, ни во что поставили и боярскаго указу не послушали, и онъ де попъ Иванъ своихъ дѣтей духовныхъ проклиналъ, и за проклятіе де его воровскіе козаки и чернь, которые стояли на Лисенскомъ перевозѣ, хотѣли изрубить; и съ перевозу де дьячокъ церковной пришодъ сказалъ попу Ивану, и онъ де отъ нихъ изъ закараулу ночью ушолъ въ полки съ вѣдомостью за Оку рѣку.

(А. И., т. IV, № 202, §§ 68, 107.—Мат. по ист. возмущения Ст. Разина, № 37).

XXVI. Присоединение Малороссии.

133. Прошеніе гетмана Богдана Хмельницкаго къ царю Алексѣю Михайловичу съ приложеніемъ договорныхъ пунктовъ.

Божіей милостію, великій государю царю и великій княже, Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя Россіи самодержче, и многихъ государствъ государю и обладателю, твоему царскому величеству.

Мы, Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго, и все войско запорожское, и весь міръ христіанскій россійскій, до лица земли челомъ бьетъ:

Обрадовався вельми съ пожалованья великаго и милости неисчетныя твоего царскаго величества, которую намъ изволилъ твое царское величество показать, много челомъ бьемъ тебѣ, государю нашему, царскому величеству, и служити прямо и вѣрно во всякихъ дѣлѣхъ и повелѣніяхъ царскихъ твоему царскому величеству будемъ по вѣки, только просимъ вельми, яко и въ грамотѣ просили есмы, изволь намъ, твое царское величество, въ томъ всемъ пожалованьѣ и милость свою царскую указати, о чемъ посланники наши отъ насъ твоему царскому величеству будутъ челомъ бити.

1) Вначалѣ, изволь, твое царское величество, подтвердить права и вольности наши войсковыя, какъ изъ вѣковъ бывало въ войскѣ запорожскомъ, что своими правами суживалися и вольности свои имѣли, въ добрахъ и въ судахъ чтобъ ни воевода, ни бояринъ, ни стольникъ въ суды войсковые не вступались, но отъ старшихъ своихъ чтобъ товарищество суждены были: гдѣ три человѣка казаковъ, тогда два третьяго должны судити.

Подъ сими статьями помѣта думнаго дьяка Алмаза Иванова:

Сей статьѣ указалъ государь и бояре приговорили: быть такъ по ихъ челобитью.

2) Войско запорожское въ числѣ 60 тысячи чтобъ всегда полно было.

Указалъ государь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью 60 тысячъ человѣкъ.

3) Шляхты, которые въ Россіи обрѣтаются и вѣру, по непорочной заповѣди Христовой, тебѣ, великому государю нашему, твоему царскому величеству, учинили, чтобъ при своихъ шляхецкихъ вольностяхъ пребывали и межъ себя старшихъ на уряды судовые обирали, и добра свои и вольности имѣли, какъ при королѣхъ польскихъ бывало, чтобъ и иные, увидя такое пожалованье твоего царскаго величества, склонилися подъ область и подъ крѣпкую и высокую руку твоего царскаго величества со всѣмъ міромъ христіанскимъ. Суды земскіе и градскіе черезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами себѣ добровольно оберутъ, исправлены быти имѣютъ какъ и прежде сего; тако-жъ шляхта которые казну свою имѣли по крѣпостямъ на маетностяхъ тогда и нынѣ, любо чтобъ имъ поплачено, или на маетностяхъ довладѣти дано.

Симъ статьямъ указалъ государь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

4) Въ городѣхъ урядники изъ нашихъ людей чтобъ были обираны на то достойные, которые

должны будутъ подданными твоего царскаго величества, исправляти или удержати, и приходъ належащей въ правду въ казну твоего царскаго величества отдавати.

Указалъ великій государь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитію, а быти бъ урядникомъ, войтомъ, бурмистромъ, райцомъ, лавникомъ, и доходы денежные и хлѣбные и всякіе на государя збирать имъ и отдавать въ государеву казну тѣмъ людямъ, которыхъ государь пришлетъ и тѣмъ людемъ, ково для тое зборныя казны государь пришлетъ, надъ тѣми зборщиками смотрѣть, чтобъ дѣлали правду.

5) На булаву гетманскую, что надано со всѣми принадлежностями староство чигиринское, чтобъ и нынѣ для всего ряду прибывало.

Указалъ государь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

6) Сохрани Боже смерти на пана гетмана (понеже всякъ человѣкъ смертенъ, безъ чего не мочно быти),—чтобъ войско запорожское само межъ себя гетмана избирали и его царскому величеству извѣщали, чтобъ то его царскому величеству не въ кручину было, понеже тотъ давной обычай войсковой.

Государь указалъ и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

7) Имѣній козацкихъ, чтобъ никто не отнималъ; которые землю имѣютъ, и всѣ пожитки съ тѣхъ земель чтобы при тѣхъ имѣніяхъ добровольно имѣли; вдовъ послѣ козаковъ остальныхъ чтобы и дѣти такія жъ вольности имѣли, какъ предки и отцы ихъ.

Быть по ихъ челобитью.

8) Писарю войсковому чтобъ, по милости его царского величества, одна тысяча золотыхъ для подписковъ также и мельницу для прокормленія, что великій расходъ имѣетъ.

Быть по ихъ челобитью, давать изъ тамошнихъ доходовъ.

9) На всякаго полковника, чтобъ по мельницѣ было, для того, что расходъ великій имѣютъ, но когда милость будетъ твоего царскаго величества, и больше того, чѣмъ твое царское величество пожаловать изволишь.

Государь пожаловалъ по ихъ челобитью.

10) Также на судей войсковыхъ по 300 золотыхъ, и по мельницѣ, а на писаря судейскаго по 100 золотыхъ.

Государь пожаловалъ по ихъ челобитью, а про судей допроситъ сколько судей.

11) Также асауламъ войсковымъ и полковымъ, что на услугахъ войсковыхъ завсегда обрѣтаются и хлѣба пахать не могутъ, по мельницѣ бъ имъ было, просить твоего царскаго величества.

Государь пожаловалъ по ихъ челобитью.

12) На подѣлку снаряду войскового и пушкарей и на всѣхъ людей работныхъ у снаряду, просимъ твоего царскаго величества, изволь имѣти свое царское милостивое призрѣніе, яко о зимѣ, такъ и о станахъ, такожде на обозного по 400 золотыхъ.

Государь пожаловалъ, велѣлъ давать изъ тамошнихъ доходовъ.

13) Права, наданыя изъ вѣковъ отъ княжатъ и королей какъ духовнымъ и мірскимъ людемъ, чтобъ ни въ чемъ не нарушены были.

Государь пожаловалъ велѣлъ быть по тому.

14) Послы, которые изъ вѣка изъ чужихъ земель приходятъ къ войску запорожскому, чтобъ пану-гетману и войску запорожскому, которые къ добру-бъ были, вольно приняты, чтобъ то его царскому величеству въ кручину не было, а что бъ имѣло противъ его царскаго величества быти, должны мы его царскому величеству извѣщати.

Государь указалъ и бояре приговорили: пословъ о добрыхъ дѣлѣхъ пріимати и отпускать, а о какихъ дѣлѣхъ приходили и съ чѣмъ отпустятъ, о томъ писать къ государю; а которые послы присланы отъ кого будутъ съ противнымъ дѣломъ государю, и тѣхъ задерживать и писать объ ихъ государю; а безъ государева указу ихъ не отпускати, а съ турскимъ салтаномъ и съ польскимъ королемъ безъ государева указу не ссылаться.

15) Какъ по польскимъ землямъ дань вдругъ отдается, воли бы есмя и мы, чтобъ цѣною вѣдомою давать отъ тѣхъ людей, которые твоему царскому величеству належатъ; а если бы инако быти не могло, тогда ни на единаго воеводу не позволятъ, о томъ договариваться развѣ бы изъ тутошныхъ людей обравши воеводу, человѣка достойнаго, имѣетъ тѣ всѣ доходы въ правду его царскому величеству отдавать.

Сей статьѣ государь указалъ и бояре приговорили быть по тому, какъ выше сего написано, збирать войтомъ, и бурмистромъ, и райцомъ и лавникомъ, а отдавать въ государеву казну тѣмъ людемъ, кого государь пришлетъ, и тѣмъ людемъ надъ зборщики смотрѣть, чтобы дѣлали правду.

16) А то для того имѣютъ посланники наши договариваться, что наѣхавъ воевода права бы

ломати имѣлъ и установы какія чинилъ, и тобъ быти имѣло съ великою досадою, понеже праву иному не могутъ вскорѣ навыкнуть и тяготы такія не могутъ носити; а изъ тутошнихъ людей когда будутъ старшіе, тогда противъ правъ и установъ тутошнихъ будутъ исправляться.

О правахъ государевъ указъ и бояръ же приговоръ написанъ въ иныхъ статьяхъ.

17) Прежде сего отъ королей польскихъ никакого гоненія на вѣру и на вольности наши не было, всегда мы всякаго чину свои вольности имѣли, и для того мы вѣрно и служили; а нынѣ, за наступленія на вольности наши, побуждены его царскому величеству подъ крѣпкую и высокую руку поддаться. Прилѣжно просити имѣютъ послы наши, чтобъ привилеи его царское величество намъ на хартіяхъ писанныя съ печатьми вислыми, единъ на вольности козацкіе, а другіе на шляхетскіе, далъ, чтобъ на вѣчныя времена непоколебимо было; а когда то одержимъ, мы сами смотръ межъ себя имѣти будемъ, кто козакъ, тотъ будетъ вольность казацкую имѣтъ, а кто пашенной крестьянинъ, тотъ будетъ должность обыклую его царскому величеству отдавать, какъ и прежде сего; такоже и на люди всякіе, которые его царскому величеству подданные, на какихъ правахъ и вольностяхъ имѣютъ быти.

Государь указалъ и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

18) О митрополитѣ помянути имѣютъ, какъ будутъ разговаривати, и о томъ посломъ нашимъ изустный наказъ далъ есмь.

Государь указалъ и бояре приговорили: митрополиту на маетности его, которыми нынѣ владѣетъ, дать жалованную грамоту.

19) Такожде просити прилѣжно послы наши имѣютъ его царскаго величества, чтобъ его царское величество рать свою вскорѣ прямо къ Смоленску послалъ, не отсрочивая ничего, чтобъ непріятель не могъ исправиться и съ иными совокупиться для того, что войска нынѣ принуждены, чтобъ никакой ихъ лести не вѣрили если бъ они имѣли въ чемъ дѣлать.

Указалъ государь и бояре приговорили: про походъ ратныхъ людей объявить посланникамъ, съ котораго числа государь самъ и бояре, и ратные люди, съ Москвы пойдутъ, а къ гетману не писать.

20) И то надобное дѣло припомнити, чтобы наемнаго люду здѣ по рубежу отъ ляховъ, для всякаго безстрашія, съ 3000, или, какъ воля его царскаго величества будетъ, хотя и больше.

Допросить въ коихъ мѣстахъ по рубежу стоятъ.

21) Обычай тотъ бывалъ, что всегда войску запорожскому платили; просить и нынѣ его царскаго величества, чтобъ на полковника по 200 золотыхъ, на асауловъ войсковыхъ по 400 золотыхъ, на сотниковъ по 100 золотыхъ, на козаковъ по 30 золотыхъ.

Отговаривать. Великій государь, его царское величество, для православныя христіанскія вѣры, хотя ихъ отъ гонителей и хотящихъ разорити церкви Божія и искоренити вѣру христіянскую, отъ латынъ оборонити, собралъ рати многія и идетъ на непріятелей, и свою государеву казну для ихъ обороны ратнымъ людемъ раздалъ многую. А какъ были у гетмана, у Богдапа Хмельницкаго, государевъ ближній бояринъ и намѣстникъ тверской, Василій Васильевичъ Бутурлинъ съ товарищи, и говорилъ съ гетманомъ о числѣ войска запорожскаго, и гетманъ говорилъ: хотя число войска запорожскаго и велико будетъ, а государю въ томъ убытка не будетъ, потому что они жалованья у государя просить не учнутъ; а говорилъ гетманъ при ихъ, при судѣ и при полковникѣ, и имъ о томъ говорить не доводится.

22) Орда естьли бы имѣла вкинуться, тогда отъ Астрахани и отъ Казани надобно на нихъ наступати, такожде и донскимъ казакамъ готовымъ быть; а нынѣ еще въ братствѣ дати сроку а ихъ не задирать.

Сказать: на Донъ къ казакамъ государево повелѣнье послано будетъ: буде крымскіе люди задору никакого не учинятъ, на нихъ не ходить, а буде задоръ учинятъ, и въ то время государь укажетъ надъ ними промыслъ чинить.

23) Кодакъ городъ, который есть сдѣланъ на рубежу отъ Крыму, въ которомъ панъ гетманъ всегда по 400 человѣкъ тамъ имѣетъ и кормы всякіе имъ даетъ, чтобъ и нынѣ его царское величество какъ кормами, такъ и порохомъ къ наряду изволилъ построити; также и на тѣхъ, которые за порогами Коша берегутъ, чтобъ его царское величество милость свою изволилъ показать, понеже нельзя его самого безъ людей оставити.

Допросить: по скольку корму человѣку на тѣхъ 400 человѣкъ даютъ и за порогами для Коша сколько человѣкъ, и о чемъ за нихъ бьютъ челомъ.

Доложить государю, бояре говорили: которые государевы всякихъ чиновъ люди учнутъ бѣгати въ государевы черкасскіе города и мѣста, и тѣхъ бы сыскавъ отдавати.

(Н. Костомаров, Богданъ Хмельницкій, т. III.)

---

134. Жалованная грамота Малороссии.

Божіею милостію, мы великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя Руссіи самодержецъ, пожаловали есмя нашего царскаго величества подданныхъ Богдана Хмельницкаго, гетмана войска запорожскаго, и писаря Ивана Виговскаго, и судей войсковыхъ, и полковниковъ, и ясауловъ, и сотниковъ и все войско запорожское, что, въ нынѣшнемъ во 162 (1654) году, какъ, по милости Божіей, учинились подъ нашею государскою высокою рукою онъ—гетманъ Богданъ Хмельницкій, и все войско запорожское, и вѣру намъ великому государю, и нашимъ государскимъ дѣтямъ, и наслѣдникамъ на вѣчное подданство учинили, и, въ мартѣ мѣсяцѣ, присылали къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству онъ гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско запорожское посланниковъ своихъ, Самойла Богданова судью войсковаго, да Павла Тетерю полковника переяславскаго; а въ листѣ своемъ къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, гетманъ писалъ и посланники били челомъ, чтобъ намъ, великому государю, его гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское пожаловати, велѣти прежнія права и вольности войсковыя, какъ издавна бывали при великихъ князѣхъ русскихъ и при королѣхъ польскихъ, что суживались и вольности свои имѣли въ добрахъ и судахъ, и чтобъ въ тѣ ихъ войсковые суды никто не вступался, но отъ своихъ бы старшинъ судились, подтвердити и прежнихъ бы ихъ правъ, каковы даны духовнаго и мірскаго чина людямъ отъ великихъ князей русскихъ и отъ королей польскихъ, не нарушить и на тѣ бъ ихъ права дати нашу государскую жалованную грамоту, за нашею государскою печатью; и чтобъ число войска запорожскаго списковое учинить шестьдесятъ тысячъ, а было бъ то число всегда полно. А будетъ судомъ Божіемъ смерть случится гетману, и намъ бы великому государю поволить войску запорожскому, по прежнему обычаю, самимъ, межъ себя гетмана обирати, а кого оберутъ, и про то намъ великому государю объявляти; имѣній козацкихъ и земель, которыя имѣютъ для пожитка, чтобъ у нихъ отнимать не велѣть, также бы и вдовъ, послѣ козаковъ осталыхъ, дѣти повольности имѣли, какъ дѣды и отцы ихъ.

И мы, великій государь, наше царское величество, подданнаго нашего, Богдана Хмельницкаго, гетмана войска запорожскаго, и все наше царскаго величества войско запорожское пожаловали, велѣли имъ быти подъ нашего царскаго величества высокою рукою, по прежнимъ ихъ правамъ и привиліямъ, каковы имъ даны отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, и тѣхъ ихъ правъ и вольностей нарушивати ничѣмъ не велѣли, и судитись имъ велѣли отъ своихъ старшинъ по своимъ прежнимъ правамъ, а число войска запорожскаго указали есмя, по ихъ же челобитью, учинить списковаго 60000 всегда полное. А буде судомъ Божіимъ смерть случится гетману, и мы великій государь поволили войску запорожскому обирати гетмана, по прежнимъ ихъ обычаямъ, самимъ межъ себя, а кого гетмана оберутъ и о томъ писати къ намъ великому государю, да тому жъ новообранному гетману на подданство и на вѣрность вѣру намъ, великому государю, учинити, при комъ мы, великій государь, укажемъ. Также и имѣній козацкихъ и земель, которыя имѣютъ для пожитка, отнимати у нихъ и вдовъ послѣ козаковъ осталыхъ и дѣтей не велѣли, а быти имъ за ними по прежнему. И по нашему царскаго величества жалованью, нашимъ царскаго величества подданнымъ Богдану Хмельницкому, гетману войска запорожскаго, и всему нашему, царскаго величества, войску запорожскому быти подъ нашею, царскаго величества, высокою рукою, по своимъ прежнимъ правамъ и привиліямъ, и по всѣмъ статьямъ, которыя писаны выше сего, и намъ, великому государю, и сыну нашему государю царевичу князю Алексѣю Алексѣевичу и наслѣдникамъ нашимъ служити и прямити и всякаго добра хотѣти, и на нашихъ государскихъ непріятелей, гдѣ наше государское повелѣнье будетъ, ходити и съ ними

битись, и во всемъ быти въ нашей государской волѣ и послушаньи навѣки.

А о которыхъ о иныхъ статьяхъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству тѣ вышемянованные посланники Самойло и Павелъ, именемъ Богдана Хмельницкаго, гетмана войска запорожскаго, и всего нашего царскаго величества войска запорожскаго били челомъ и подали нашимъ, царскаго величества, ближнимъ боярамъ... статьи, и мы, великій государь, тѣхъ статей выслушали милостиво, и что на которую статью наше царскаго величества изволенье, и то велѣли подписать подъ тѣми жъ статьями, да тѣ статьи съ нашимъ царскаго величества указомъ велѣли дать тѣмъ же посланникамъ Самойлу и Павлу и хотимъ его, гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское держать въ нашемъ, царскаго величества, милостивомъ жалованьи и въ призрѣньи, и имъ бы на нашу государскую милость быть надежнымъ.

(Н. Костомаров. Богдан Хмельницкий, т. III.)

XXVII. Реформа Никона и раскол.

135. Павел, диакон Алепский. О русской вере.

Мы дивились на порядки в их церквах, ибо видели, что все они, от вельмож до бедняков прибавляли к тому, что содержится в законе, канонах и постановлениях типикона, прибавляли постоянные посты, неуклонное посещение служб церковных, непрестанные большие поклоны до земли даже по субботам и воскресеньям хотя это не дозволено, пост ежедневный почти до девятого часа или до выхода от обедни, а не так, как повелевает закон поститься только по средам и пятницам. Выходят они (из церкви) в одно время, будет ли это воскресенье, или в господский праздник, или в будний день...

Войдя в церковь, долго молятся перед иконами, ибо у них нельзя молиться иначе, как перед иконой, устремив на нее взоры, то-есть, они действительно преклоняются перед ней, а не так, как мы (молимся) кое-как. По причине великой любви своей к иконам, они, если не видят издали иконы или купола церковного, не молятся. Такова их вера. Помолившись на иконы, они оборачиваются и делают поклон головой присутствующим на все четыре стороны. Так они дѣлают не только в церквах, но и в своих домах, ибо в каждом доме непременно есть иконы, не только внутри. но и снаружи над дверьми, как мы выше сказали. Стоят они в церкви неподвижно, как камни, и все с открытыми головами, от священников и властей до простого народа. Их крестное знамение совершается ударом пальцами о лоб и плечи на самом деле, при чем они делают поклон, а не так, как мы чертим каракули. Так (крестятся) не только мужчины и женщины, но и маленькие мальчики и девочки, которые научены (поступать) так же, и мы дивились на них, что они делают поклоны головой присутствующим, как делают их отцы.

А что касается нас, то душа у нас расставалась с телом, оттого что они очень затягивают обедни и другия службы: мы выходили не иначе, как разбитые ногами и с болью в спине, словно нас распинали. Но да совершится воля Божия!..

(Пут. в Москву ант. патр. Макария, кн. VI, гл. IV.)

---

136. Челобитная Нижегородскихъ поповъ, въ лѣто 7144.

(1636 г.)

Великому государю святѣйшему Іоасѳу патріярху московскому и всеа Русіи бьютъ челом нищіе ваши государевы богомолцы, Нижнево Новаграда приходных прьквей попы: поповской староста Успенской поп Симеон, да Вознесенской поп Анофрей, да Николской поп Мелентей Емельянов, да Происхожденской поп Тит Емельянов, да Сергиевской поп Андрей Трофимов, да Георгиевской поп Василей Никитин, да Покровской поп Иван Гавріилов, да Казанскія Богородицы поп Трифон Алексѣев, да Воскресенской поп Иван Неронов—о мятежи церковнем и о лжи христіянъства: за лѣность

и нерадѣніе поповское отъ многаго піянъства и безчинства, по Давидову Государь слову, погибе благоговѣйныи, и умалишас истинны и нѣсть исправленія, потому государь, что стало, от вас государей великих святителей и наставников заочно, по своей воли без страха повыкли жити, яко заблуждьшая, не имуще пастыря.

Въ церквах государь зѣло пóскору пѣніе, не по правилом святых отець ни наказанію вас государей, говорятъ голосов в пять и в шесть и боле, со всяким небрежением, пóскору. Ексáпсалмы государь такоже говорят с небреженіемъ не во един ж голос и в ту ж пору и псалтырь и каноны говорятъ, и в ту ж пору и поклоны творят невозбранно. А священницы государь о том мир не наказывают, чтоб стояли в церькви со страхом и благочинно по правилом святыхъ апостолъ и святыхъ отець и вас государей, и о поклонех, како подобает во время поклонитис, а се государь литоргіи Божіи служатъ без часов, толко отпустом начинают; и в соборных церькварх—у Спаса Всемилостиваго и у Архангела—протопопы не часами же начинаютъ, и на них государь смотря, и по иным церькварм такожде часов пред обѣднею не говорят же... А которой государь священник по преданію святых апостолъ и святых отець и вас государей похощет творити, и прихоцкіе люди з гордостію возбраняют и запрещаютъ и говорят так: Таво не повелос у нас и в соборных церькварх, а ты де затѣваеш новыя уставы и, коли де так годно, и ты де привези указъ с Москвы, чтоб по всѣм церькварм такъ творили. И то государь безчинное и незаконное дѣло, что не часами начинают обѣдни, стало повычно, а обѣдня без часов, аки птица без крыл.

Да еще государь неисправленія и лжа церьковная повычна, тако ж по многим церькварм в постныя дни, государь, великаго поста, в них же должни православніи христіяне, яко в жатвеное время, с трудом великим и воздержаніем плоды добродѣтельныя собирати в житницу душевную, и в тѣ государь в великія дни не по преданію святых апостолъ и святых отець совершаютъ службы црьковныя, но по своему государь умышленію, лѣности ради, и небреженіемъ великимъ изнуряют время постное и лжут в церькварх: вечерни государь отпѣвают многія попы по церькварм до перваго часа дни на разсвѣте, а иніи до солнечного возходу, и в молитвах государь не ощущаютъ, поют по утру: пришедшу солнцу на запад, а солнце еще въсходит, и возвышают глас к Богу: видѣвше свѣт вечернии, поем Отца и Сына и Святаго Духа Бога, и говорят: сподоби Господи в вечер сей без грѣха... а еще государь и солнце в дневныя чрéды не постигло. И тава государь обычая въ началах у православнаго христіянъства ни у вас великих святителей не бывало, и в том государь неисправленіи лжа явис пред Богом, а вѣрным государь людем смута и о вѣре поврежденіе. Видим государь в наставницех и в церькварх неисправленіе, и оттого им смущается умъ и скудѣет вѣра, потому что государь вожди ослепоша лѣностію и нерадѣніем исправленія церьковная погасиша...

Въ самое государь великое и страшное время, в него ж закалается незлобивыи Владыка за мирскіи живот и спасеніе раздробляется всѣм вѣрным, еж есть именуется литоргія страшных таин, в неи ж невидимо содѣлываются неизреченная; да и во иныя государь црьковныя службы в заутреннія и вечернія службы псальмопѣнія, в нихже должни суть со страхом и трепетом стояти, наипаче ж во время страшных таин—прокураты государь и шпыни не дадут в црькви со страхом и в безмолвіи со вниманіем божественных послушати. Ходятъ государь чрез всю церков невозбранно со всяким безъстрашіемъ и нечистотою, яко разбойницы неистовии, разоряюще црьков клопоты и кличи, и писканія и мятежи творяще великія в церькварх; ходятъ государь толпами человѣк по сятку и болѣ, да тѣ государь толпы выдутъ а иніи внидут, и безпрестани государь от них в церькварх велика смута и мятеж, иногда дерутся в церькварх и бранятся; а иніи государь прокураты ходятъ, повѣся на выю образ Божіи, а иніи полагают пелены на блюде и свещи, собирают, ркуще: на созиданіе црькварм, а потом их мнози видят со піяницами; а иніи проданными себе называют и на окуп просят, а сказываются розными имены и грады; а иніи творятся бѣшеными, и потом их видятъ цѣлоумных; а иніи государь ходятъ во образѣ пустынническом и во одеждах черных и веригах, разтрепав котыни, а иніи помазывают нозѣ гноем, кров сливаючи с мозгомъ и ползаютъ по црькварм, пискъ творяще, и велик соблазнъ полагаютъ в простыхъ человецех. И от того государь мятежа и прокуратства

цръковъ в великом разореніи и несмиреніи, по Господню словеси: Дом Мой, дом молитвы, сотворипа вертеп разбойник.

Да еще государь о празницех Господьцких— о Рождествѣ Христовѣ и о Богоявленіи, ихже святіи отцы уставиша православным христіяном духовно празновати и со страхом и благоговѣніем стояти и духовныя словеса божественных писаніи со вниманіем послушати, на се бо нас и созываютъ божественніи праздницы, и писанія повелеваютъ духовно вселитися и удивлятис милосердію Божію, от невидимых существъ сошедшаго и неприступнаго дому Жител, нань ж не смѣют зрѣти чинове небесніи, человѣкъ изволи быти человѣка ради. В нас ж государь пренебрегома и, яко что неистинно дѣло, презираемо, и вся противно творим и ругателно праздником Господьскимъ: вмѣсто радости духовныя, и воздѣланіе творят радости бесовской, многими государь еллинскими и бесовскими играми дни сія провожаютъ. От Рожества Христова и до Богоявленія дѣлают государь по домох игрища и собираются на тои злои зѣръ зѣло по многу мужи и жены, і игры творят всякого бесовскаго мечтанія многими образы злыми, ругаются милосердію Божію и Пречистыя Его праздником...

Да в седмыи ж государь четверток по Пасцѣ собираются жены и девицы под древа, под березы, и приносят, яко жертвы, пироги и каши и яичницы, и поклоняс березам, и учнутъ походя пѣсни сатанинскія приплетывая пѣти и дланми плескати, и всяко бесяся, сѣдчи, поядят тѣ приносы; и востав от яди, кояждо их поимутся двѣ—двѣ, и пришед к той березе, и зовъютъ тоя березы вѣтви в колца и сковѣ тѣ колца творятъ целованіе, и от того целованія беззаконнаго зовутся кумами и росходятся, а на праздник Сошествія Святаго Духа паки сходятся тѣмъ же обычаемъ; тако ж пѣсни сатанинскія с плескою поют і тако, поѣдчи приносы, паки целованіе творятъ в тѣх же колцех, и поломав тоя березы вѣтви вершее, промеж кои целовались, и свивъ вѣтки, полагают их на главах своих и сносятъ на воду.

И тѣми государь затѣи бесовскими не токмо отъ простых людей неуков повыкли дѣлати, но и честных людей жены и дѣти и от поповскаго чину научил враг противлятис Богу и праздником Христовым.

Да на праздник же государь Рожества Христова і Иванна Предтечи по селом по деревнямъ кладут огни по полямъ и чрез всю нощъ и до самого солнечнаго возхода и через тѣ огни скачют жонки и дѣвки и тако творятъ от Рожества Иванна Предтечи и до Петрова дни...—

Да о празднице государь великую Свѣтлую недѣлю ходятъ медвѣтчики и скоморохи по двором и по улицам и творят игры безчинныя, ругаются празднику Воскресенію Христову, да на той же государь недѣли поставляют на лобных мѣстех качѣли, и многія люди приходя качаются и с качѣлей убиваются до смерти и пропадаютъ меж собою також без покаянія; и всякого государь неистовства зѣло много, а ником же государь возбраняеми ни обличаеми, ни запрещаеми, ни от священник наказаеми, ни от сосѣдей устрашаеми, таковая творятъ неподобная.

Великій государь, святѣйшій Иоасаѳ патриярхъ Московский и всеа Руси, смилуис, подай темным в невѣденіи свѣт и слепым прозрѣніе и немощным целбу: тебе государь избра Богъ вмѣсто себе на земли и показа тя воинствовати и соблюдати грады душевныя и тѣлесныя, государь, якож рече Господь: се Аз и дѣти, яже ми даде Богъ. П милуй государь нас, подобнич Божіи и страдалче душевныи, о неисправленіи цръковнемъ: о часѣхъ со обѣдними и о постных безвременных вечерних и о мятежи церковнем от шпыней, о безстудствѣ христіянства; учини государь свой святителской указъ, чтоб по преданію святых апостолъ и святых отецъ истинно славился Богъ и до конца бы церкви Божія в лѣности и в небреженіи не разорилась, и нам бы в неисправленіи и въ скудости вѣры до конца не погибнути, и вели государь на тѣ дѣла о церковнем исправленіи... дати свои государевы святителскія грамоты.

Великий государь смилуйся, пожалуй!

(Чтения в О. И. и Др. Росс. 1902, ч. II, отд. IV, с. 18—31.)

---

137. Павел, диакон Алеппский

Гонение на фряжские иконы.

1. Когда престол был покрыт, патриарх Никон вышел и поднялся на амвон, а мы и прочие служащие разместились вокруг него. Мало ему

было этой продолжительной службы и стояния на ногах до наступившей уже вечерней поры, но вот диаконы открыли перед ним Сборник отеческих бесед, по которому он стал читать положенную на этот день беседу об иконах. Он читал не только медленно, но еще со многими поучениями и пояснениями, при чем царь и все присутствующие мужчины, женщины и дети стояли все время с открытыми головами при таком сильном холоде, соблюдая полное спокойствие, молчание и тишину.

Во время проповеди Никон велел принести иконы старые и новые, кои некоторые из московских иконописцев стали рисовать по образцам картин франкских и польских. Так как этот патриарх отличается чрезмерною крутостью нрава и приверженностью к греческим обрядам, то он послал своих людей собрать и доставить к нему все подобные иконы, в каком бы доме ни находили их, даже из домов государственных сановников, что и было исполнено. Это случилось летом пред появлением моровой язвы. Никон выколол глаза у этих образов, после чего стрельцы, исполнявшие обязанность царских глашатаев, носили их по городу, крича: «кто отныне будет писать иконы по этому образцу, того постигнет примерное наказание». Это происходило в отсутствие царя...—

2. В этот день патриарху представился удобный случай для беседы в присутствии царя, и он много говорил о том, что такая живопись, какова на этих образах, недозволительна. При этом он сослался на свидетельство нашего владыки патриарха Макария антиохийского и в доказательство незаконности новой живописи указывал на то, что она подобна изображениям франков. Патриархи предали анаѳеме и отлучили от церкви и тех, кто станет изготовлять подобные образа, и тех, кто будет держать их у себя. Никон брал эти образа правою рукою один за другим, показывал народу и бросал их на железные плиты пола, так что они разбивались, и приказал их сжечь. Царь стоял близ нас с открытою головой, с видом кротким, в молчании внимая проповеди. Будучи человеком очень набожным и богобоязненным, он тихим голосом стал просить патриарха, говоря: «нет, отче, не сжигай их, но пусть их зароют в землю». Так и было сделано.

Никон, поднимая правою рукой икону, всякий раз при этом восклицал: «эта икона из дома вельможи такого-то, сына такого-то», т.-е. царских сановников. Целью его было пристыдить их так чтобы остальной народ, видя это, принял себе в предостережение. После того Никон стал говорить о крестном знамении, ибо русские не крестятся подобно нам сложенными тремя пальцами, но складывают их подобно как архиерей, когда он благословляет. При этом Никон также сослался на свидетельство нашего владыки патриарха. Об этом предмете наш учитель еще раньше говорил Никону, что такое крестное знамение недозволительно; и теперь всенародно через переводчика сказал следующее: «в Антиохии, а не в ином месте, верующие во Христа (впервые) были наименованы христианами. Оттуда распространились обряды. Ни в Александрии, ни в Константинополе, ни в Иерусалиме, ни на Синае, ни на Афоне, ни даже в Валахии и Молдавии, ни в земле казаков никто так не крестится, но всеми тремя пальцами вместе...»

Затем лица, несшие иконы, пошли перед царем при звоне всех колоколов. Мы же вернулись в алтарь и сняли свои облачения. Патриархи простились друг с другом, и мы в санях возвратились в свой монастырь, пораженные и изумленные выносливостью и усердием, присущими этому народу от царя до малых детей, ибо мы вошли в церковь, после того как часы пробили три, а вышли только в десятом часу; таким образом мы простояли с ними на ногах целые семь часов на железном полу, при сильном холоде и пронизывающей сырости. Но мы почерпали себе отраду в том, что видели у этого народа. Мало было патриарху продолжительной службы и длинного синаксария: он еще прибавил в конце проповедь и многие поучения. Бог да даст ему чувство меры! Он не пожалел царя, ни даже нежных детей.

Я хотел бы знать, что бы у нас сказали и стали ли бы так терпеть... Но нет сомнения, что творец (да будет прославлено имя его!) даровал русским царство, которого они достойны и которое им приличествует, за то, что все заботы их духовные, а не телесные. Таковы все они.

Царь и патриарх прислали нам кушанья, но только что мы сели за стол, полумертвые от усталости и пораженные изумлением, как ударили к вечерне...

Павел, диакон Алепский. Путешествия ант патр. Макария в Московию, кн. IX, гл III.)

---

138. Житіе протопопа Аввакума, написанное им самим.

1. Въ Юрьевцѣ.

...Божіею волею государь меня велѣлъ въ протопопы поставить въ Юрьевцѣ повольскомъ. И тутъ пожилъ не много, только 8 недѣль. Діаволъ научилъ поповъ, и мужиков и бабъ: пришли къ патріархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и вытаща меня изъ приказа (собраніемъ человѣкъ съ тысячу и полторы ихъ было), среди улицы били ботожьемъ и топтали; и бабы были съ рычагами; грѣхъ ради моихъ замертво убили и бросили подъ избной уголъ. Воевода съ пушкарями прибѣжали и, ухватя меня, на лошади умчали въ мой дворишко; а пушкарей воевода около двора поставилъ. Людіе же ко двору приступаютъ и по граду молва велика, наипаче же, попы и бабы вопять: «убить вора... да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ». Азъ же отдохня въ 3-й день ночью, покиня жену и дѣти, по Волгѣ самъ третій ушелъ къ Москвѣ; на Кострому прибѣжалъ, ано и тутъ протопопа же Даніила изгнали. Охъ горе! нигдѣ отъ діавола житья нѣтъ! Прибрелъ къ Москвѣ; духовнику Стефану показался; и онъ на меня учинился печаленъ: на что де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ другое горе. Царь пришелъ къ духовнику благословитися ночью, меня увидѣлъ тутъ;—опять кручина: на что де городъ покинулъ? И жена и дѣти и домочадцы человѣкъ съ двадцать въ Юрьевцѣ остались невѣдомо живы, невѣдомо прибиты,—тутъ паки горе!..

2. Аввакумъ и Никонъ.

Въ постъ великій прислалъ память къ казанской къ Неронову Іоанну...—Въ памяти Никонъ пишетъ годъ, число,—«по преданію святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще и тремя персты бы крестились».—Мы же задумалися, сошедшися между собою: видимъ, яко зима хощетъ быти; сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ приказалъ мнѣ церковь, а самъ единъ скрылся въ Чудовъ, седмицу въ палаткѣ молился, и тамъ ему отъ образа гласъ бысть во время молитвы: «время приспѣ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати». Онъ же мнѣ, плачучи, сказалъ таже коломенскаму епископу Павлу, егоже Никонъ напослѣдокъ огнемъ исжегъ въ новгородскихъ предѣлѣхъ, потомъ Даніилу, костромскому протопопу, таже сказалъ и всей братіи. Мы съ Даніиломъ написахомъ изъ книгъ выписки о сложеніи перстъ и о поклонѣхъ и подали Государю. Много писано было. Онъ же, не вѣмъ гдѣ. скрылъ ихъ, мнитъ ми ся, Никону отдалъ...—

3. Тюрьма и ссылка.

Таже меня взяли отъ всенощнаго—Борисъ Нелединскій со стрѣльцами, человѣкъ со мною до шестьдесятъ взяли, ихъ въ тюрьму отвели, а меня на патріарховѣ дворѣ на цѣпь посадили ночью. Егда же разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря и тутъ на цѣпи кинули въ темную палатку, ушла въ землю, и сидѣлъ три дня, не ѣлъ ни пилъ во тьмѣ, сидя, кланяяся на цѣпи, не знаю на востокъ, не знаю на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. Бысть же я въ третій день пріалченъ, сирѣчь ѣсть захотѣлъ, и послѣ вечерни ста предо мною не вѣмъ ангелъ, не вѣмъ человѣкъ,—и по се время не знаю,—токмо въ потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ цѣпію къ лавкѣ привелъ, и посадилъ и ложку въ руки далъ, хлѣбца немножко и штецъ далъ похлѣбать, зѣло превкусны хороши, и реклъ мнѣ: «полно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію». Да и не стало его, двери не отворились и его не стало, дивно только человѣкъ, а что же ангелъ? ино нечему дивиться, вездѣ ему не загорожено. На утро архимандритъ съ братіею пришли и вывели меня; журятъ мнѣ, что патріарху не покорился, а я отъ писанія его браню да лаю. Сняли большую цѣпь да малую наложили, отдали черницу подъ началъ: велѣли волочить въ церковь. У церкви за волосы дерутъ, и подъ бока толкаютъ, и за чепь торгаютъ, и въ глаза плюютъ. Богъ ихъ проститъ въ сей вѣкъ и въ будущій! не ихъ то дѣло, но сатаны лукаваго. Сидѣлъ тутъ я 4 недѣли...

Таже послали меня въ Сибирь съ женою и дѣтьми, и колико дорогою нужды бысть, того всего много говорить, развѣ малая часть помянуть... 3000 верстъ недѣль съ тринадцать волокли телѣгами и водою, и саньми половину пути.

4. Возвращеніе изъ Сибирской ссылки.

Таже въ русски грады приплылъ и уразумѣлъ о церкви, яко ничтоже успѣваетъ; но паче молва бываетъ. Опечалясь, сидя, разсуждаю: что сотворю? проповѣдую ли слово Божіе, или скрыюся? Жена и дѣти связали меня. И видя меня печальна, протопопица моя приступи ко мнѣ с опрятствомъ и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Азъ же подробну извѣстихъ: «Жена! что сотворю? зима еретическая на дворѣ; говорить ли мнѣ или молчать? связали вы меня!» Она же мнѣ говоритъ: «Господи помилуй! Что ты, Петровичь, говоришь? Слыхала я, ты же читалъ апостольскую рѣчь: «привязался ли женѣ, не ищи разрѣшения, егда отрѣшишися, тогда не ищи и жены»,—азъ тя и съ дѣтьми благословляю, дерзай проповѣдати слово Божіе по прежнему, а о насъ не тужи, дондеже Богъ изволитъ; тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай; силенъ Христосъ и насъ не покинуть. Поди, поди въ церковь, Петровичь! обличай лжу еретическую!» Я су ей за то челомъ и, отрясши отъ себѣ печальную слѣпоту, началъ по прежнему слово Божіе проповѣдати и учити по градамъ и вездѣ, еще же и ересь никоновскую со дерзновеніемъ обличалъ.

Въ Енисейскѣ зимовалъ и паки, лѣто плывши, въ Тобольскѣ зимовалъ и, до Москвы ѣдучи, по всѣмъ городамъ и по селамъ, въ церквахъ и на торгахъ, кричалъ, проповѣдуя слово Божіе, и уча и обличая безбожную лесть. Таже пріѣхалъ къ Москвѣ. Три годы ѣхали изъ Дауръ, и туда волокся пять лѣтъ противъ воды.

5. Въ Москвѣ.

Таже къ Москвѣ пріѣхалъ и, яко ангела Божія пріяша мя, Государь и бояра всѣ мнѣ рады. Къ Ѳеодору Ртищеву зашелъ; онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ меня и учалъ говорить много: три дни и три нощи домой меня не отпускалъ и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: «здорово ли де, протопопъ, живешь? еще де видѣться Богъ велѣлъ». И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: «Живъ Господь, жива и душа моя, царь государь! а впредь, что повелитъ Богъ». Онъ же миленькой вздохнулъ да и пошелъ, куда надобѣ ему; и иное кое что было, да что много говорить? прошло уже то. Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ и, въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько таки, а самъ говоритъ: «благослови де меня и помолися о мнѣ»; и шапку въ иную пору мурманку снимаючи, съ головы уронилъ, ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ, тоже и вси бояра послѣ его челомъ да челомъ: «Протопопъ! благослови и молися о насъ». Какъ су мнѣ царя того и бояръ тѣхъ не жалѣть? Жаль о су видѣть каковы были добры, давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ; и въ духовники звали, чтобъ я съ ними соединился въ вѣрѣ.

Паки реку московское дѣло. Видятъ они, что я не соединяюся съ ними; приказалъ Государь уговаривать мене Родіону Стрѣшневу, чтобы я молчалъ. И я потѣшилъ его: Царь то есть, отъ Бога учиненъ и добренекъ до мене. Чаялъ либо по маленьку и справиться, а се посулили мнѣ Симеонова дни сѣсть на печатномъ дворѣ, книги править и я радъ сильно: мнѣ то надобно лучше и духовничества. Пожаловалъ, ко мнѣ прислалъ 10 рублевъ денегъ, царица 10 рублевъ денегъ, Лука, духовникъ, 10 рублевъ же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублевъ же, а дружище наше старое Ѳеодоръ Ртищевъ тотъ и 60 рублевъ казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть, а про иныхъ нечего и сказывать! Всякъ тащитъ да несетъ всячиною. У свѣта моей, Ѳедосьи Прокофьевны Морозовы не выходя жилъ во дворѣ, понеже дочь мнѣ духовная; и сестра ея, княгиня Евдокія Прокофьевна, дочь же моя. Свѣты мои, мученицы христовы! И у Анны Петровны Милославскія покойницы всегда же въ дому былъ; и къ Ѳедору Ртищеву браниться съ отступниками ходилъ, да такъ то съ полгода жилъ. Да вижу, яко церковное ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ,—паки заворчалъ, написалъ царю многонько таки, чтобъ онъ старое благочестіе взыскалъ и мати нашу общую, святую церковь, отъ ереси оборонилъ и на престолъ бы патріаршескій пастыря православнаго учинилъ вмѣсто волка и отступника, Никона, злодѣя и еретика...

Онъ же паки ко мнѣ пришелъ и съ тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиноватъ сталъ; не любо стало, какъ опять сталъ я говорить; любо имъ, какъ молчу, да мнѣ не сошлось. И власти яко козлы пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже ради Христа многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвше истину, не стали къ прелестной службѣ ихъ ходить. И мнѣ

6. Осужденіе Аввакума.

Таже, проживъ 10 недѣль въ Пафнутьевѣ на печи, взяли меня паки на Москву и въ крестовой стяжашася власти со мною: ввели меня въ соборный храмъ и стригли по переносѣ меня и діакона Ѳеодора, потомъ опроклинали, а я ихъ проклиналъ сопротивъ: дѣло было ми тяжко въ обѣдню ту. И, подержавъ на патріарховѣ дворѣ, повезли насъ ночю на Угрѣшу къ Николѣ въ монастырь, и бороду враги Божіи отрѣзали у меня; чему быть? волки то есть, не жалѣютъ овецъ: оборвали, что собаки, одинъ хохолъ оставили, что у Поляка на лбу...

Держали меня у Николы въ студеной палаткѣ 17 недѣль. Тутъ мнѣ Божіе присѣщеніе бысть; чти въ царевѣ посланіи, тамо обрящеши. И царь приходилъ въ монастырь, около темницы моея походилъ и, постонавъ, опять пошелъ изъ монастыря; кажется по тому, и жаль ему меня, да что воля Божія такъ лежитъ. Какъ стригли, въ го время великое нестроеніе вверху у нихъ бысть съ царицею съ покойницею: она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня, о томъ много говорить: Богъ ихъ проститъ! Я своего мученія на нихъ не спрашиваю ни въ будущій вѣкъ, молитися мнѣ подобаетъ о нихъ о живыхъ и о преставльшихся; діаволъ между нами разсѣченіе положилъ, а они всегда добры до меня. Полно того.

7. Заключеніе.

И прочихъ нашихъ въ Москвѣ жарили да пекли: Исаію сожгли и послѣ Авраамія сожгли и иныхъ поборниковъ церковныхъ многое множество погублено, ихъ же число Богъ изочтетъ. Чудо! какъ го въ познаніе не хотятъ прійти: огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостоли научили такъ? не знаю! Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить. Смотри, слышателю: волею зоветъ Христосъ, а не приказалъ апостоламъ непокоряющихся огнемъ жечь и на висѣлицѣ вѣшать. Татарскій Богъ Магметъ написалъ въ своихъ книгахъ сице: «Непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ главы ихъ мечемъ подклонити». Нашъ Христосъ своимъ ученикамъ никогда такъ не повелѣвалъ, а тѣ учители явны яко и сами антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предаютъ: по вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковы же...

Нутко, правовѣрне! нарцы имя Христово, стань среди Москвы, прекрестися знаменіемъ Спасителя нашего Христа двѣма персты, якоже пріяхомъ отъ святыхъ отецъ! Вотъ тебѣ—царство небесное дома родилось: Богъ благословитъ, мучися за сложеніе перстъ, не разсуждай много, а я съ тобою за еже о Христѣ умрети готовъ. Аще я и несмысленъ, гораздо неученый человѣкъ, да то знаю. что вся церкви отъ святыхъ отецъ преданная свята и непорочна суть; держу до смерти, якоже пріяхъ; не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ; до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ.

(Житіе прот. Аввакума, с. 3, 5—8, 15—18, 22.)

---

139. Челобитная о вѣрѣ соловецкихъ иноковъ царю Алексѣю Михайловичу, поданная чрезъ архимандрита Іосифа.

Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержцу, бьютъ челомъ богомолцы твои, Соловецкаго монастыря келарь Азарей, казначей Геронтей, и священницы, и діяконы, и соборные черицы, и вся рядовая и болнишная братія, и слушки и трудники всѣ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 176-мъ году, сентября въ 15 день, по твоему, великаго государя, указу, и по благословенію и по грамотамъ святѣйшаго патріарха Іоасафа московскаго и всея Русіи, и преосвященнаго Питирима митрополита новгороцкаго и великолуцкаго, присланъ къ намъ въ Соловецкій монастырь въ архимариты, на Вореоломеево мѣсто архимарита, нашего монастыря постриженикъ священноинокъ Іосифъ, а велѣно ему служить у насъ по новымъ Служебникамъ; и мы, богомолцы твои, преданія апостольскаго и святыхъ отецъ измѣнить отнюдь не смѣемъ, боясь царя царьствующихъ и страшнаго отъ него прещенія, и хощемъ вси скончатися въ старой вѣрѣ, въ которой отецъ твой государевъ, и прочіе благовѣрные цари и великіе князи богоугодиѣ

препроводиша дни своя: понеже, государь, та прежняя наша христіянская вѣра извѣстна всѣмъ намъ, что богоугодно и святыхъ Господу Богу угодило въ ней многое множество, и вселенскія патріархи, Іеремія и Ѳеофанъ, и протчія палестинскія власти книгъ нашихъ русскихъ и вѣры православные ни въ чемъ до сего времени не хулили, наипаче же и доконца тое нашу православную вѣру похвалили, и тѣмъ ихъ свидѣтелствомъ извѣстно надѣемся въ день страшнаго суда предъ самымъ Господемъ Богомъ не осуждены быти, наипаче же и милость получити.

Милосердный государь!.. Молимъ твою благочестивую державу и плачемся вси со слезами, помилуй насъ, нищихъ своихъ богомолцевъ и сиротъ, не вели, государь, у насъ преданія и чину преподобныхъ отецъ Зосимы и Саватія перемѣнить, повели, государь, намъ быти въ той же нашей старой вѣрѣ, въ которой отецъ твой государевъ и вси благовѣрные цари и великія князи и отцы наши скончались, и преподобные отцы Зосима, и Саватей, и Германъ, и Филиппъ митрополитъ и вси святіи отцы угодили Богу.

Аще ли ты, великій государь нашъ, помазанникъ Божій, намъ въ прежней, святыми отцы преданѣй, въ старой вѣрѣ быти не благоволишь и книги перемѣнити изволишь, милости у тебя, государя, просимъ: помилуй насъ, не вели, государь, болши того къ намъ учителей прислать напрасно, понеже отнюдь не будемъ прежней своей православной вѣры премѣнить, и вели, государь, на насъ свой мечъ прислать царьской, и отъ сего мятежнаго житія преселити насъ на оное безмятежное и вѣчное житіе; а мы тебѣ, великому государю, не противны; ей, государь, отъ всея души у тебя, великаго государя, милости о семъ просимъ и вси съ покаяніемъ и съ воспріятіемъ на себя великого ангельского чину на той смертный часъ готовы. Великій государь царь, смилуйся—пожалуй.

(Старообр. Хрестоматия. «Старая вѣра» с. 196—7.)

---

140. Стихъ пустынножителей.

Прекрасная мати пустыня,
Любезная моя дружина!
Пришелъ азъ тебя соглядати.
Потщися мя воспріяти,
И буди мнѣ яко мати,
Отъ смутного міра пріими мя,
Со усердіемъ въ тя убѣгаю.
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вертепамъ,
Да гдѣ бы въ тебѣ водвориться.
Поставлю въ тебѣ малую хижу,
Полезное въ ней азъ увижу.
Кокушка въ тебѣ воскокует,
Умильный гласъ испущаетъ,
И та мене поучаетъ.
Пойду азъ въ лѣса разгуляться,
Плодовитыя древа соглядати,
И тѣ мнѣ пользу показуютъ,
Труды любить прообразуютъ.
На которомъ деревѣ плода нету,
И тѣ мене поучаютъ.
Прекрасная мати пустыня,
Отъ смутнаго міра пріими мя,
Аще изъ тебя и погонятъ,
Прекрасная мати пустыня,
Любезная, не изжени мя.
Не знаю себѣ, что́ и быти,
Да гдѣ главу подклонити,
Понеже антихристовы дѣти
Всюду простираютъ на насъ сѣти.
Хотятъ они насъ уловити,
Антихристу покорити,
А вѣру Христову перемѣнити.
Прекрасная мати пустыня!
Отъ сего лукаваго изми мя,
Потщахся въ тебе убѣжати.
О прекрасная пустыня,
Любимая моя другиня!
Пришли тебя зажигати,
Со мной тебя, мати, разлучати,
Огню ты, мати, предаешися,
Ты со мною нынѣ растаешися,
Душевное мое спасеніе,
Плотское мое оскорбленіе!
За то я тебя почитаю,
И матерью называю,
Что ты льстивую мою плоть оскорбляешь,
Души моей грѣхи очищаешь.
Безмолвная мати пустыня,
Безмолвная и репраздословная,
Безропотная нестроптива,
Смиренномудреная, терпѣлива.
Теперь ты меня покидаешь.

Въ которую страну посылаешь,
Прекрасная мати пустыня,
Любимая моя другиня?

(Старообряд. Хрест., «Старая вѣра». с. 288—9).

141. Керженскіе скиты.

Что на югѣ и на сѣверѣ,
На восточной на странѣ,
Протекала рѣка быстрая,
Рѣка быстрая—славный Керженецъ.
Какъ по той рѣкѣ по Керженцу
Много было скитожителей,
Къ правой вѣрѣ ревнителей.
Какъ цвѣла тутъ вѣра старая,
Вѣра старая-христіанская,
Не менѣе двухсотъ лѣтъ;
Изо всѣхъ странъ собирались,
Невозбранно жить поселялись;
Пустыня была всѣмъ прибѣжища,
А нынѣ нѣту намъ убѣжища.
Первой былъ по всѣмъ лѣсамъ
Славный скитъ Оленевской;
Не мѣстами онъ былъ славенъ,
Не приволіемъ былъ украшенъ.
Онъ славенъ былъ и украшенъ
Всѣмъ духовнымъ благолѣпіемъ:
У насъ были здѣсь моленны,
Подобны онѣ были раю.
Уряжены святыми иконами,
Украшены духовнымъ пѣніемъ.
Служба была ежедневная,
Молитва къ Богу непрестанная;
У насъ былъ звонъ удивленный,
Удивленный, аки громъ гремѣлъ;
У насъ не было мѣстъ привольныхъ,
А всѣмъ было изобильно;
У насъ было мѣсто блатное,
Но намъ вездѣ казалось раемъ:
Въ рощахъ птицы распѣвали,
Соловьи насъ утѣшали,
Примѣръ намъ подавали...—
Увы, прекрасный нашъ раю,
Прелюбезный и драгій скиту!
Знать намъ въ тебѣ не живати,
Святыя службы не стояти,
Такія радости не видати,
Духовныхъ пѣсенъ не пѣвати!

(«Старая вѣра», с. 294—5).

142. Иванъ Филипповъ.

(1714—1744.)

Выговская пустынь. О зачалѣ всей Выговской пустыни.

...Егда же благодатію Божіею и благословеніемъ отецъ совокупишася въ сіе общежительство богоизбранніи мужіе Даніилъ златое правило Христовы кротости, Петръ оустава церковнаго бодрое око, Андрей мудрости многоценное сокровище и Симеонъ сладковѣщательная ластовица [1]) и немолчная богословія оуста, и прочіи дивніи мужіе свѣтильницы истинного благочестія и честная добродѣтели хранилища. Тогда въ таковыхъ пустыхъ и хлѣбонородныхъ мѣстѣхъ, въ толикихъ буряхъ и волнахъ неисчисленныхъ, въ толикихъ ратехъ и напастехъ непрестанныхъ: О коликихъ трудовъ и потовъ въ строительствѣ сего общежительства потреба бяше, о коликихъ подвиговъ бѣдовметныхъ и попеченій многопечальныхъ востребова киновія сія богопрославленная:—тѣлесное житіе состроити и душевное спасеніе устроити, въ неплодныхъ прекормленіе примыслити и душевную трапезу (да не гладомъ помрутъ) всегда уготовити, нивы лѣсораслыя с трудами пахати и терновидныя нравы со многими поты истерзати, одеждами в нищихъ мѣстѣхъ одѣяти, и общежительными обычаи ненавыкшихъ людей украсити, горы своевольныя поравняти, чащи миролюбныхъ обычаевъ искореняти... Колики же и каковы противности и злодыхательныя рати на церьковь же и братство сіе быша и суть, отъ дьявольскаго злорыканія, отъ бѣсовскія зависти, отъ гонителей лютія, отъ раздорниковъ лукавствія, отъ іодоподражательныхъ злодыхательства, отъ безчинныхъ свирѣпства, отъ своевольныхъ шатанія, отъ злообычныхъ роптанія, отъ гладныхъ случаевъ, отъ нужды потребныхъ... Мнится сіе, отъ самыя преисподнія геены, волны сія на корабль благовѣрія грѣмѣша и гремятъ, отъ самыхъ челюстей чернаго зміа бурливыя воды сія на церковное благочестіе восклокташа; о коликою ужастію прошедшія рати тыя помыслити.

О с коликимъ жалостнымъ плачемъ о оныхъ пророчески возошти, яко аще не бы Господь в насъ

[1]) Даніилъ Викуловъ, Петръ Прокофьевъ, Андрей и Семенъ Денисовы—главные дѣятели старообрядческой общины на р. Выгу (въ Онежскомъ краю).

(помогая намъ), внегда возстати человѣкомъ и бѣсомъ на ны, убо живы пожерли быша насъ, внегда прогнѣватися ярости ихъ на ны, убо вода потопила бы насъ. Во всѣхъ же сихъ нужныхъ братскихъ строеніяхъ и ратехъ, отъ діавола наносимыхъ, безчисленныхъ веліи бяху ревнители, и усердніи подвижницы, и тепліи молитвенницы, и духовніи ратоборцы, и премудріи совѣтницы, и боголюбіви учители и украсители церковніи, сіи достохвалніи мужіе Даніилъ, Петръ, Андрей и Симеонъ, четверица богосочетанная и четыремъ Евангелистомъ равночисленніи, благочестія учители, и церковныхъ преданій столпи не преклонніи...

...Но краткости ради сія вся молчаніемъ минуемъ; обаче не премолкнутъ нивы и горы древнія труды ихъ возвѣщати, идѣже они, братства ради и сиротъ, ово в сѣченіи лѣсовъ, ово же в собираніи и пожиганіи древія усердно потрудишася; не помолчатъ дебри и блата, крошенъ и кережъ хлѣбовъ ношенія ихъ въ нужная времена, да братство препитается: не потаятъ горы и холми, въ трудѣхъ ихъ древихъ молитвеннаго славословія и праздниковъ торжествія, по мѣстамъ, путемъ и лѣсомъ возсылаема; жалостнѣ возглаголютъ древлетрудники братскія и сироты, насладившыяся в нуждах и трудѣхъ словесъ духовныхъ и праздньственныхъ торжествій утѣшенія духовнаго; не потаятъ и древлемолитвенных храмов и всебратственное строеніе, идѣ же не совѣтомъ токмо и усердіемъ, но и сѣченіемъ древія и на себѣ вожденіемъ в нужныя случаи потрудишася; явитъ транеза братская нужныхъ хлѣбовъ, благодарное ихъ яденіе...

...И бѣ тогда въ пустыни, молитва непрестанная, славословіе к Богу немолчное, чтеніе святыхъ книгъ всегдашнее, воздержаніе крѣпкое, цѣломудріе изрядное, смиреніе высокое, братолюбіе нелицемѣрное, во всякомъ скитѣ бѣ едино все доброе тщаніе; еже молитвенныя храмы устроити и служителей учинити и книги собрати и службу церковную тщательно совершати, во всякой келіи бѣ чистоты многоцѣнное сокровище. Благочинія всекрасное благолѣпіе; всюду надзиратели благочинныхъ обычаевъ; всюду пѣснословцы Божія величества, всюду церковніи славіи, ихъ же усты славословяшеся всѣхъ творецъ: всюду добровѣщательныя ластовицы всекрасную покаянія весну и всежеланное пролѣтіе богоугоднаго житія всесладостно возвѣщающя: всюду обученіе к духовнымъ подвигомъ, желаніе неувядаемыхъ вѣнцевъ, а неугасимое раченіе ко всесладчайшему Спасителю Христу. Прихождаше вечеръ, и абіе вечерняя молитвы, аки кадило благовонно, Богу приношахуся; наставаше нощь, и кѣлейное правило и частая колѣнопреклоненія, с воздыханіемъ и умиленіем и со источники слезными, аки главное дѣло, у всякого пустынножителя совершашеся; являшеся утро, и абіе полунощныя молитвы и утреннее славословіе с теплою любовію всѣх содѣтелю возсылашеся; приближашеся время обѣда, и бѣ у коегождо попеченіе— воздати Господеви молитвы своя, яже святая церковь уставила есть совершати въ часъ третій и шестый и девятый, да прежде воздасться славословіе и благодареніе Владыцѣ, и потомъ пищи вкушеніе предложится. Прихождаху воскресныя дни—и бяше вездѣ хваленіе и пѣснословіе, пострадавшему за насъ Христу, и умершему, и воскресшему, и свѣтъ воскресенія всѣмъ языкомъ показавшему; и по таковомъ славословіи бываше чтеніе словесъ Божіихъ и поученіе в законѣ вышняго всесладчайшія бесѣды о спасеніи душѣвнемъ и о полученіи нетлѣнныхъ онѣхъ благъ яже уготова Богъ любящимъ его; прихождаху владычнія праздники—и бѣ в пустыни аки на небеси гласъ празднующих и шумъ торжествующихъ, бяше во всякой души свѣтлая радость и красное веселіе о неизреченнѣй благодати Божіей, ею же обновися человѣческій родъ и отъ тли въ нетлѣніе преведеся Господомъ нашим Іисусъ Христомъ; являхуса лѣтняя торжества Пресвятыя Богоматере и честныя памяти великихъ угодниковъ Божіихъ—и паки словословіи Божіи, паки хвала Богоматери, и память праведныхъ с похвалами, и веселіе люлемъ и обновленіе душамъ; храмовъ ли молитвенныхъ лѣтніи прихождаху праздницы,— с веліемъ желаніемъ и теплою любовію призываху скитяне общежительныхъ настоятелей и нѣкіихъ отъ клириковъ во своя скиты к свѣтлому торжеству, и бываше сладкая радость и красное ликованіе, и Ангельскія воспевахуся пѣсни и слово Божіе, аки многоцѣнная трапеза, премудрыми предлагашеся проповѣдники, и питахуся души всебогатно небесною пищею, не гиблющею, но пребывающею в животъ вѣчный.

И тако пустыня другое небо показовашеся, вмѣсто солнца вещественнаго—разумное солнце Христа имущи, вмѣсто же звѣздъ таковыми до-

бродѣтельными и благодатными мужи всекрасно сіяющи; но и жены бяху боголюбивыя, и елико вѣрою просвѣщахуся свѣтозарно, толико и дѣлы благими украшахуся изрядно, и бѣ украшеніе ихъ—не плетенія златая, не каменій многоцѣнныхъ сіяніе, не бисер драгихъ имство. не ризы шелковыя, но всекрасная добродѣтель, ею же удооряется душа, ею же внутренній украшается человѣкъ и представляется всекрасенъ и благолѣпенъ небесному Царю Христу...

(И. Филлиповъ. Ист. Выг. старообрядч. общины, гл. 29.)

IV. Абсолютизм и меркантилизм.

XXVIII. Меркантилизмъ XVII века.

143. Челобитная торговыхъ людей разныхъ городовъ о притѣсненіяхъ иноземцевъ, живущихъ въ Русскихъ городахъ, по торговымъ дѣламъ.

1646 г.

Царю Государю Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Росіи бьютъ челомъ, холопи и сироты твои государевы, гостишка и гостинныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговые людишка, и многихъ твоихъ государевыхъ розныхъ городовъ, Казанцы, Нижегородцы, Ярославцы, Костромичи, Суздалцы, Муромцы, Вологженя, Псковичи, Устюжане, Романовцы, Галичаня, Угличаня, Бѣлозерцы, Каргополцы, Колмогорцы, и иныхъ многихъ твоихъ государевыхъ городовъ торговые людишка.

Жалоба намъ, Государь, на иноземцевъ, на Агличанъ и на Голандцовъ торговыхъ людей и на Бараборцовъ и на Анбурцовъ, которые ѣздятъ торговать къ Москвѣ. Преже, Государь, сего, при прародителяхъ твоихъ государевыхъ, блаженныя памяти при Государехъ Царехъ и Великихъ Князехъ Російскихъ, прадѣды и отцы наши торговали изстари съ иноземцы, розныхъ окрестныхъ государьствъ съ Нѣмцы, у корабелной пристани въ Иванѣгородѣ, всякіе Рускіе товары на заморскіе товары мѣняли;... а Аглинскіе и иныхъ земель иноземцы изъ Иванягорода Московскаго государьства ни въ которые городы съ торговыми промыслы не отъѣзжали, и отъ тѣхъ торговыхъ промысловъ прадѣды и дѣды и отцы наши полнились и богатѣлися, и ваше государьское государьство множилось и богатѣло, и всякіе люди полнилися... И блаженныя, Государь, памяти Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь всеа Руси Аглинской компанѣи гостей дву человѣкъ да одного человѣка писаря пожаловалъ, поволилъ имъ въ Московское государьство ѣздить съ товары своими, которые ведутся въ ихъ государьствѣ, тѣми товары торговать безпошлинно. И съ тѣхъ, Государь, мѣстъ и по Московское разоренье торговали тоѣ компанѣи Нѣмцы въ Московскомъ государьствѣ толко гостей два человѣка да съ ними третей человѣкъ писарь; а торговали, Государь, они на одномъ дворѣ, что у Максима Исповѣдника на Варварскомъ крестцѣ; а иныхъ окрестныхъ государьствъ Нѣмецъ далѣ Архангельского города ни съ какими товары не пропускали, а торговали съ тѣми иноземцы Московского государьства торговые люди у Архангельского города.

А какъ, Государь, Московское государьство Полскіе и Литовскіе люди и Черкасы и Рускіе воры разорили: и насъ, холопей твоихъ, въ полонъ и въ расхищеніе поимали, а иные по рознымъ городомъ отъ скудости розбрелись и всякихъ торговъ своихъ отбыли. И послѣ, Государь, Московского разоренья, какъ воцарился отецъ твой, государевъ, блаженныя памяти Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи, и Аглинскіе Нѣмцы, зная то, что имъ въ торгѣхъ отъ Московского государьства прибыль многая, и хотя всякимъ торгомъ завладѣть, подкупя думного дьяка Петра Третьякова многими посулы, и взяли изъ Посолского Приказу грамоту, что торговать Аглинскимъ гостемъ, у Архангельского города и Московского государьства въ городѣхъ, двадцати тремъ человѣкомъ; а намъ было, холопемъ и сиротамъ твоимъ, въ то время челобитья ихъ встрѣтить и грамоту остановить некому, потому что всѣ были разорены до конца и отъ разоренья бродя скитались по инымъ го-

родомъ. А какъ взяли они Нѣмцы грамоту изъ Посолского Приказу, и съ тѣхъ мѣстъ почали пріѣзжать въ Московское государьство Агличанъ торговыхъ людей человѣкъ по штидесять, и по семидесять, и болши, и построили и покупили себѣ у Архангелского города, и на Колмогорахъ, и на Вологдѣ, и въ Ярославлѣ, и на Москвѣ, и въ иныхъ городѣхъ, дворы многіе и анбары, и построили полаты и погребы каменныя, и почали жить въ Московскомъ государьствѣ безъ съѣзду, такъ же какъ и въ своей земли, у Архангельского города Рускимъ людемъ товаровъ не учали продавать и на Рускіе товары мѣнять, а учали свои всякіе товары къ Москвѣ и въ иные городы привозить: и какъ который товаръ будетъ подороже и они тотъ товаръ учнутъ продавать, а которой товаръ подешевле и на которой товаръ походу нѣтъ, и они тотъ товаръ держатъ у себя въ домѣхъ года по два и по три, да какъ тотъ товаръ подымется цѣною, такъ и продавать учнутъ. А Рускіе товары въ Московскомъ государьствѣ, которыми мы холопи и сироты твои меняли на ихъ товары, они покупаютъ нынѣ сами, своимъ заговоромъ и розсылаютъ покупать по городомъ и въ уѣзды, закабаля и задолжа многихъ бѣдныхъ и должныхъ Рускихъ людей, и тѣ товары покупя Рускіе люди привозятъ къ нимъ, а они привозятъ въ свою землю безпошлинно; а иные Рускіе товары они Аглинскіе Нѣмцы у города продаютъ на денги Галанскимъ и Бараборскимъ и Анбурскимъ Нѣмцомъ, а вѣсятъ у себя на дворѣ въ свои телези, и возятъ на Галанскіе и на Бараборскіе и на Анбурскіе корабли тайно, и твою государеву пошлину крадутъ, и всѣми торгами, которыми искони вѣчными мы холопи и сироты твои торговали, завладѣли Аглинскіе Нѣмцы, и отъ того мы, холопи и сироты твои, своихъ искони вѣчныхъ старыхъ торговыхъ промысловъ отстали и къ Архангельскому городу ѣздить перестали.

Да не токмо, Государь, тѣ Нѣмцы, что насъ холопей и сиротъ твоихъ безъ промысловъ учинили, ино, Государь, и все Московское государьство оголодили: покупая, Государь, на Москвѣ и въ городѣхъ мяса и всякій харчь и хлѣбъ вывозятъ изъ Московскаго государьства въ свою землю... Да они же, Государь, Нѣмцы привозятъ всякіе товары хуже прежняго. А какъ, Государь, преже сего приваживали въ Московское государьство сукна добрые, не тянутые, и у тѣхъ суконъ у портища, у моченья, толко убѣгивало по полувершку, и по вершку, и болше что по два вершка; а какъ, Государь, нынѣ почали вывозить сукна худые и тянутые ,и у тѣхъ суконъ у всякого портища, у моченья, стало убѣгать вершковъ по шти, и по полуаршину, и по десяти вершковъ; и отъ того, Государь, ихъ Нѣмецкого лукавства всего твоего государева государьства всякихъ чиномъ людемъ въ покупкѣ чинятся убытки многіе. А въ иные, Государь, окрестные государьства они Нѣмцы сукна вывозятъ противъ прежнего, не тянутые, по старому; и тѣ, Государь, сукна чрезъ иные государьства въ твое государево государьство которые придутъ, и у тѣхъ суконъ убѣжитъ такожде по полувершку и по вершку у портища, или по два: такая, Государь, ихъ неправда; а въ иные, Государь, государьства тѣ Нѣмцы возятъ сукна не тянутые, а тянутыхъ суконъ возить не смѣютъ. ...

Да они же, Государь, живучи на Москвѣ и въ городѣхъ, ѣздятъ черезъ Новъгородъ и Псковъ въ свою землю на годъ, по пять, и по шестья, и по десятья, съ вѣстми, что дѣется въ Московскомъ государьствѣ, почему какіе товары покупаютъ, да которыхъ товаровъ на Москвѣ дорого купятъ, и они тѣ товары учнутъ готовить, и все дѣлаютъ по частымъ своимъ вѣстямъ и по грамоткамъ, сговорясь заодно; а какъ пріѣдутъ торговать на ярманку къ Архангельскому городу, и они про всякіе товары цѣну роскажутъ, а заморскіе товары выбравъ лутчіе и тѣ закупятъ всѣ сами на денги и на Рускіе товары промѣняютъ, и сговоряся меже себя заодно нашихъ товаровъ покупать не велятъ, и заморскимъ товаромъ цѣну держатъ болшую, чтобъ намъ у нихъ ничего не купить и впредь на ярмонку не ѣздить; и мы, Государь, товаренки свои отъ Архангелского города возимъ назадъ, а иной оставляетъ на другой годъ у Архангелского города, и которые, Государь, должные людишка плачючи отдаютъ товаръ свой за бѣзцѣнокъ, потому что имъ держать у собя не лзѣ, люди должные, и отъ того, Государь, ихъ умыслу и заговору мы, холопи и сироты твои, ѣздить къ Архангелскому городу перестали, потому что отъ ихъ заговору стали въ великихъ убыткахъ, а твоимъ государевымъ пошлинамъ годъ отъ году чинится недоборъ болшой...

А ихъ, Государь, Нѣмецкое злодѣйство къ намъ, холопемъ и сиротамъ твоимъ, всего государьства торговымъ людемъ, и лукавый умыслъ тебѣ праведному Государю мы, холопи твои, объявляемъ. При державѣ, Государь, отца твоего госу-

дарева...—Ярославецъ торговый человѣкъ Онтонъ Лаптевъ ѣздилъ съ товаромъ, черезъ Ригу, въ Галанскую землю, въ Астрадамъ, съ соболми и съ лисицами и съ бѣлками, чтобъ ему тѣ товары испродать, а ихъ товаровъ въ ихъ землѣ закупить: и проѣхавъ онъ Онтонъ ихъ Нѣмецкія три земли, и они де Нѣмцы, сговоряся и сослався о томъ заодно, у него Онтона ничего не купили ни на одинъ рубль, и онъ Онтонъ изъ Немѣцкія земли поѣхалъ на ихъ Нѣмецкихъ кораблѣхъ, съ ними Нѣмцы вмѣстѣ, къ Архангелскому городу; и какъ онъ Онтонъ пріѣхалъ изъ заморя къ Архангелскому городу, и у него Онтона тѣ же Нѣмцы, которые за моремъ были и у него Онтона торговали и ѣхали съ нимъ вмѣстѣ, и тѣ его товары, соболи и лисицы, купили у него болшею цѣною. И Московского государьства торговые люди, которые въ то время были на ярмонкѣ, Нѣмцомъ почали говорить в разговорныхъ рѣчехъ: какая то правда, что Государя нашего торговой человѣкъ заѣхалъ съ товары въ ваше государьство, и вы у него сговорясь товару не купили, и его мало съ голоду не поморили, и торговавъ у него въ своей землѣ соболи и лисицы самою дешевою половою цѣною, а здѣся купили болшою цѣною? а въ Московскомъ государьствѣ вы иноземцы торгуете, по милости Государя нашего многіе люди всякими товары поволно; а заговоровъ у насъ торговыхъ людей никакихъ нѣтъ и такія неправды намъ торговымъ людемъ, по милости Государя нашего, къ вамъ сдѣлать не смѣть; вамъ было достойно, за милость Государя нашего къ вамъ, также правда чинить и торговать безо всякія хитрости.

И Нѣмцы, Государь, говорили: для де того у Онтона Лаптева товару не купили, чтобъ инымъ Рускимъ торговымъ людемъ ѣздить въ наши государьства не повадно; а толко де въ нашихъ государьствахъ Рускіе люди учнутъ торговать, такъ же какъ мы у васъ, и мы де всѣ станемъ безъ промысловъ, такъ же оскудѣемъ какъ и вы торговые люди; да не токмо де вы Рускіе люди въ наши государьства пытались пріѣзжать,—Кизылбаши съ товары своими, съ шолкомъ сырцомъ, и мы де у нихъ по тому же товаровъ не купили, и они де живучи долгое время и опять назадъ съ товаромъ своимъ поѣхали къ себѣ и послѣ того ѣздить не стали; и вамъ бы де торговымъ людемъ и то поставить себѣ въ болшую находку, что его Онтона и съ голоду не уморили. Такъ, Государь, они намъ, холопемъ и сиротамъ твоимъ, насмѣхаются.

Милосердный Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи, пожалуй насъ, холопей и сиротъ своихъ, всего государьства торговыхъ людей: возри, Государь, въ насъ бѣдныхъ и не дай намъ, природнымъ своимъ государевымъ холопемъ и сиротамъ, отъ иновѣрцовъ быть въ вѣчной нищетѣ и въ скудости; не вели, Государь, ископи вѣчныхъ нашихъ промыслишковъ у насъ бѣдныхъ отнять. Вели, Государь, Аглинскимъ и Анбурскимъ и Бараборскимъ и Галанскимъ и Датцкимъ Нѣмцомъ, гостемъ и торговымъ людемъ, торговать у корабелной пристани у Архангелского города; а къ Москвѣ, Государь, и въ иные городы всего Московского государьства пущать не давали бъ, такъ же какъ напередъ сего при прародителяхъ вашихъ государьскихъ... Царь Государь, смилуйся, пожалуй!

(А. А. Э., т. IV № 13).

---

144. Торговый Уставъ Государя Царя Алексѣя Михайловича.

(Писанъ 1667 г., мая 7.)

Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, слушавъ докладныя выписки и торговыхъ статей съ своими Великаго Государя бояры и съ думными людьми, указалъ, а Его Царскаго Величества бояре приговорили, по челобитью Московскаго Государства гостей и гостиныхъ сотенъ и черныхъ слободъ торговыхъ людей:—

42. На Москвѣ и въ городѣхъ всѣмъ иноземцамъ никакихъ товаровъ врознь не продавать; а будетъ учнутъ врознь продавать, и тѣ товары имать на Великаго Государя.

56. А буде которые иноземцы похотятъ товары свои отъ города возить къ Москвѣ и въ иные городы, и имъ платить съ тѣхъ заморскихъ товаровъ у Архангельскаго города проѣзжихъ пошлинъ по гривне съ рубля золотыми и ефимками для того, что Рускіе люди и Московскіе иноземцы пятину и десятину и всякія подати платятъ и службы служатъ, а иноземцы ничего не платятъ.

60. А чтобъ иноземцы пріѣзжимъ торговымъ людямъ товаровъ своихъ не продавали и у нихъ ничего не покупали, а продавалибъ въ тѣхъ го-

родѣхъ купецкимъ людямъ того города, в коихъ они станутъ торговать, и у нихъ такожъ товары всякіе покупали, а не у пріѣзжихъ, и подрядовъ и записей иноземцы съ пріѣзжими людьми никакихъ не чинили и тѣмъ бы у тѣхъ Московскихъ и городовыхъ купецкихъ людей промысловъ не отымали.

61. А Московскимъ купецкимъ людямъ въ порубежныхъ во всѣхъ городѣхъ и на ярманкахъ торговать съ иноземцы всякими товары вольно.

62. А будетъ иноземцы товары свои заморскіе, мимо тѣхъ гражанъ, пріѣзжимъ людямъ инаго города учнутъ продовать или у нихъ какіе покупать, хотя и сваломъ, и тѣ товары имать на Великаго Государя.

63. Учинить заказъ крѣпкой, чтобъ иноземецъ съ иноземцемъ никакими товары не торговали и не продавали и не мѣняли, понеже Великому Государю въ таможнѣхъ въ сборѣхъ его Великаго Государя казнѣ чинятся большіе недоборы, а Русскимъ людямъ въ торгахъ ихъ помѣшка и изнищеніе чинится; и будетъ иноземцы межъ себя учнутъ торговать, а сыщется про то допряма, и тѣ товары взять на Великаго Государя.

83. На Москвѣ и въ городѣхъ всѣхъ земель иноземцамъ никакихъ заморскихъ товаровъ врознь не продавать, и по ярманкамъ имъ ни въ которые городы съ товары своими и съ деньгами не ѣздить и прикащиковъ не посылать.

84. А будетъ станутъ они иноземцы товары свои продавать врознь, или учнутъ ѣздить съ товары и съ деньгами по ярманкамъ, и тѣ товары и деньги имать на Великаго Государя.

88. Для многихъ волокитъ во всѣхъ приказѣхъ, купецкихъ людей пристойно вѣдать въ одномъ пристойномъ приказѣ, гдѣ Великій Государь укажетъ своему Государеву боярину, который бы приказъ былъ купецкимъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городѣхъ и въ иныхъ Государствахъ о проѣздахъ обороною, и во всѣхъ городѣхъ отъ воеводскихъ налогъ купецкимъ людямъ былъ защитою и управою.

89. А кому купецкимъ людямъ лучится побити челомъ Великому Государю о своихъ обидахъ на кого-ниесть на всякихъ чиновъ людей, и чтобъ всѣмъ купецкимъ людямъ давати судъ и управа на тѣхъ людей въ томъ же въ одномъ приказѣ непремѣнно, чтобъ купецкимъ людямъ, волочась по многимъ приказамъ, промысловъ своихъ не отбыть и чтобъ всякой торговый промыслъ безъ волокитъ множился, и въ томъ Великаго Государя казнѣ будетъ въ пошлинахъ немалое пополненіе...

(С. Г. Гр и Дог., т. IV, № 55).

---

145. Адам Олеарий. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах.

О природных свойствах русских, об их нравах и обычаях.

Если рассматривать русских со стороны нравов, обычаев и образа их жизни, то, по справедливости их должно отнести к варварам...

Так как русские не любят никаких высших знаний, то и остаются невежественны и грубы...

Большинство русских, когда что-либо узнают от чужестранцев о высоких знаниях и известных им естественных науках и искусствах, произносят самые грубые и неразумные суждения: так, астрономию и астрологию считают волшебными науками. Они никак не думают, чтобы было естественно знать наперед и предсказать затмение солнца и луны, равно как движение какой-либо другой планеты...—Хотя русские любят и уважают врачей и их искусство, но никак не одобряют и не допускают тех обыкновенных средств, которые употребляются в Германии и других странах и которыми наглядным образом только и можно совершенствоваться в деле лечения, как, напр., анатомирование тела человеческого, или делания скелетов, к которым русские питают величайшее отвращение.

Немного лет тому назад один искусный цырюльник, по имени Квирин, голландец — находился на службе у вел. князя и в своем жилище имел человеческий скелет, который висел у него на стене позади стола. Однажды, когда он, по своему обыкновению, сидя за столом, играл на лютне, пришли, на звук музыки, стрельцы, которые тогда еще держали постоянную стражу на немецком дворе, и ради любопытства заглянули в дверь. Когда они увидели висевшие на стене человеческие кости, то перепугались, тем еще более, когда заметили, что кости эти двигались; в ужасе они разбежались и распустили слух, что немецкий цырюльник повесил у себя на стене мертвеца.

и когда сам играет на лютне, то мертвец двигается. Слух этот тотчас же дошел до великого князя и патриарха, которые послали немедленно нарочных посмотреть и разузнать все обстоятельства, особенно наблюдая за тем, когда цырюльник будет играть на лютне. Посланные не только подтвердили первое показание, но еще уверяли, что мертвец на стене просто плясал под лютню.

Русским показалось это великим дивом: они начали держать совет, и порешили, что цырюльник непременно должен быть колдун и что его следует сжечь вместе с его костями мертвеца. Как только Квирин узнал об этом, тотчас послал одного знатного немецкого купца (к боярам)— объяснить настоящее значение дела... Купец объяснил боярам, что в Германии уж такой обычай, что все лучшие врачи и цырюльники имеют у себя человеческие кости, которые и стараются изучать... что же касается до того, что висевшие кости двигались, то происходило это не от игры цырюльника на лютне, а от ветра, который дул в открытое окно и качал кости. Хотя после такого объяснения сказанное решение было отменено, но все-таки Квирин должен был немедленно выехать из России, а его скелет выволокли за Москву-реку, и там сожгли...

Что касается до ума русских, то хотя они остроумны и хитры, но способности эти употребляют не на добрые и похвальные дела, а для достижения каких нибудь личных выгод, пользы для себя и для удовлетворения своих желаний. Поэтому они, как говорит Якоб, посланник датского короля, в сочинении своем—«коварны, своенравны, необузданы, строптивы, изворотливы, безстыдны и на всякое зло склонны». Силу употребляют они вместо права, и вообще распрощались со всеми добродетелями и потеряли всякий стыд...

Свою смышленность и хитрость русские, между прочим, проявляют в торговом деле, весьма хорошо понимая, что и как купить или продать повыгоднее, и придумывают при этом все способы обмануть ближнего, чтобы получить себе всякого рода выгоду и барыш. Кто захотел бы их обмануть, тот должен обладать не малым умом. Скрывая сами истину, употребляя на каждом шагу ложь, они очень подозрительны и весьма нелегко верят другим. Если же кому удастся обмануть их самих как-нибудь, то они хвалят такого и считают мастером своего дела. Поэтому однажды несколько московских купцов очень просили одного голландца, который в торговле надул их на огромную сумму, чтобы он вступил в их общество и вел бы с ними вместе торговлю...

Вообще русский народ пресварливый, обзывают друг друга самыми грубыми и неприличными словами, как, напр., «собака» и проч. На улицах беспрестанно слышишь такую перебранку между ними, даже старые бабы грызутся часто одна с другой с таким ожесточением, что непривыкший к этим выходкам думает, что они тотчас же вцепятся друг другу в волосы. Но до драки редко у них доходит, а если и дойдет, то дерутся просто кулаками, которыми они колотят друг друга изо всей силы по бокам и под брюхо. Не было еще примера, чтобы русские вызвали друг друга биться на саблях, или огнестрельным оружием, как это нередко делается в Германии и других странах Европы. Но известно, что вместо того знатные русские господа и даже князья, выезжая на лошадях, отстегивают друг друга нещадно плетьми... —

Порок пьянства распространен в русском народе одинаково во всех состояниях, между духовными и светскими, высшими и низшими сословиями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми—до такой степени, что если видишь на улице там и сям пьяного, валяющегося в грязи, то не обращаешь на него и внимания, как на явление самое обычное... Русские никогда не пропускают случая выпить, или опохмелиться, чем бы то ни было, но большею частью просто водкою. Они считают за великую честь, если кто в гостях, или собраниях их поднесет чарку или более водки, а простой народ, холопы, или крестьяне, так ценят такую честь, что если какой-нибудь знатный боярин поднесет им из собственных рук 3 и 4 и т. д. чарокъ, то они все будут пить, из опасения оскорбить отказом до тех пор, пока не свалятся на месте, при чем иногда отдают тут и душу богу...

Так как русские по природе своей грубы и как бы рождены для рабства, то ихъ и держат всегда в суровом и строгом подчинении и покорности, и даже на работу сгоняют их палками или плетью...—Все русские суть рабы и крепостные. У нихъ уже такой обычай и образ унижаться перед другими и выказывать свое рабское унижение: когда имеют дѣло с каким-нибудь важным господином, они приветствуют его земным поклоном, а иногда просто валяются у него в ногах и таким образом благодарят даже за побои и на-

казания, которым он подвергал их. Подобно тому, как все подданные высшего и низшего состояния считаются холопами и рабами и крепостными царя и дорожат этим названием, так и бояре русские и знатные их люди, в свою очередь, имеют своих рабов, крепостных слуг и крестьян. Князья и великие бояре, чтобы выразить свое рабство и ничтожество перед царем, между прочим в подписях на просьбах своих и других бумагах к царю подписывают обыкновенно имена свои уменьшительными словами, как, напр., Ивашка вместо Иван, Петрушка холоп твой и т. д. Сам великий князь, когда разговаривает с кем, употребляет такие же уменьшительные имена. Случается также, что великие бояре за преступления свои подвергаются таким же варварским наказаниям, каким подвергают они своих собственных рабов. Вследствие этого они говорят даже, что все, что они имеют, принадлежит богу и их великому князю.

Что касается рабов и холопов, принадлежащих великим и другим знатным господам, то их бесчисленное множество, у иных более 50, у других даже по сотне и более в имении и дворе. Живущие в Москве не имеют обыкновенно обеда при дворах господ своих, а получают на прокорм деньги, столь, впрочем, ничтожные, что едва могут поддерживать свое существование, отчего в Москве такая бездна воров и разбойников. Во время нашего там пребывания не проходило почти ни одной ночи, чтобы воры не проникали в дома наших людей и не утащили чего нибудь. Часто случается, что воры, забравшись в дом, запирают в нем, в какой ни есть комнате, хозяина, и берут себе, что хотят, и если хозяин не имеет достаточно силы для сопротивления, то, видя все это, должен сидеть молча, буде не хочет подвергать опасности свою жизнь, или не желает, чтобы дом его был сожжен. Поэтому-то при дворах знатных господ приставляется особая стража, которая ночью должна постукивать, как бы в барабан, в повешенную доску палкой с набалдашником, и бить часы. Но так как нередко случалось, что такая стража или караульные не столько оберегали господ, сколько воров, указывая им более безопасные пути к воровству и помогая воровать, а затем скрывались,—то теперь постановлено, что никто не может быть взят в караульные или въ слуги (кроме рабов, слуги могут быть и наемные), без того, чтобы он не представил ручательства за себя какого-нибудь известного и почтенного гражданина. Сказанные выше рабы делают самые улицы Москвы, особенно по ночам, небезопасными, такъ что без хорошего оружия или без проводников того и гляди, что подвергнешься нападению...—Если господские рабы или крепостные люди отпускаются на волю—по смерти своих господ, или по доброте их, то отпущенники сии скорехонько снова продают себя в крепость. У них обыкновенно не бывает ничего, чем бы они могли жить, и потому они нисколько не дорожат свободою, и даже не знают как ею пользоваться. Как говорит умный Аристотель о варварах: «Натура их такова, что они не могут и не должны жить иначе, как в «рабстве». То, что сказал Аристотель о народах Малой Азии, можно применить и к русским: «в свободе они злые, а в рабстве—добрые люди». Всякий господин может продать, или подарить, своего раба другому. Но в отношениях отца к детям касательно рабства существует следующее узаконение: никакой отец не может продать своего сына, а теперь этого уже никто не делает...—Но если отец кому задолжает, и не имеет чем уплатить долга, то он может заложить своих детей, или в уплату долга отдать их в услужение на известное число лет, пока не уплатит долга...—

По причине рабства и грубой суровой жизни, русские весьма терпеливы в войне и могут твердо стоять в ней. В известных случаях, когда настает в этом надобность, они поставляют из себя смелых и отважных воинов.

...—Русские рабы строго повинуются своим господам и военачальникам, верно и крепко стоят за них, и если бы у них были опытные чужеземные полковники и вожди (а в этом то у них большой недостаток), то они способны оказать подвиги великой храбрости и богатырского духа, хотя более в крепостях и городах, чем в открытом поле... В битвах в открытом поле, в осадах городов и крепостей русские хотя тоже подвизаются, но уже не так храбры и стойки...—

Хотя русские, особенно простой народ, живя в рабстве и под тяжелым гнетом, из любви к господам своим могут сносить и вытерпливать весьма многое, но если гнет этот переходит меру, то про них можно сказать: «Patientia saepe laesa fit tandem furor»,—«От частых обид само терпение обращается в ярость». Тогда в них возбуждается опасное восстание, которое грозит гибелью, если не высшему, то ближайшему их начальству.

Так бывает, напр., тогда, когда их чересчур уже притесняют их непосредственные начальники или даже люди из их же среды и они не видят защиты от высшего начальства. Если же однажды они вышли из терпения и возмутились, то не легко бывает усмирить их. Тогда они пренебрегают всеми, предстоящими им опасностями, становятся способными на всякое насилие и жестокость и делаются совершенно безумными людьми...

О домашнемъ быте русскихъ, об обычной их жизни, пище их и содержаніи.

Хозяйство русских устраивается каждым сообразно его состоянию. Вообще они живут плохо и на домашнее обзаведение их требуется весьма немного. Хотя в настоящее время большие бояре и богатые купцы живут в богатых палатах, которые, впрочем, начали строиться в России не более 30 лет тому назад, зато прежде они тоже довольствовались своими плохими домишками. Большая часть русских, особенно из простонародья, расходует на свое житье-бытье весьма мало. Какъ жилища ихъ, какъ сказано, плохи и бедны, точно такъ запасы и домашняя утварь, находящаяся в этих жилищах, крайне ничтожны и необильны, хотя и достаточны для них. У большей части хозяевъ найдется 3,4 глиняных горшка и столько же глиняных или деревянных блюд; редко встретишь оловянную, а тем менее серебряную посуду, и то разве одни чарки для водки,, или меду. Русские также не привыкли прилагать труд держать чище свою посуду. Даже и в великокняжеской оловянной и серебряной посуде, на которой подавались кушанья посланникам, попадалась почерневшая и помятая, точно посуда та и кружки принадлежат какой-нибудь ленивой хозяйке, которая целый год, а может быть и никогда, их не чистила...

Хотя даже и знатные господа, по всей вероятности, издерживают весьма много, при желании вести себя достойно занимаемых ими мест и при своих широких домохозяйствах, но для этого, кроме больших жалований, они имеют еще и богатые поместья и крестьян, ежегодно приносящих им громадные доходы. Купцы и ремесленники добывают себе пропитание и ежедневные заработки только своими промыслами, при чем купцы довольно хитры и ловки в извлечении барышей из своей торговли. Торгующие внутри страны торгуют предметами, составляющими необходимую жизненную потребность; те же, которые с дозволения Его Царского Величества ездят в соседственные земли, как, напр., в Ливонию, Швецию, Польшу и Персию, торгуют большей частью соболями и разными другими мехами, льном, коноплей и кожей (юфтью). Эти же купцы у английских купцов, которые в Москве ведут большую торговлю, покупают иногда сукно по 4 талера за локоть, а сами продают его по $3^1/_2$ и даже по 3 талера, за тот же локоть, и получают при этом еще порядочный барыш. Это делается так: Они берут одну или несколько штук сукна за условленную цену, с уплатой всего количества через полгода, или даже через год,—и затем тотчас распродают это сукно мелким торговцам в розницу, по аршинам, на чистые деньги, и на эти вырученные чистые деньги они закупают другие товары, которые опять тотчас же продают, и таким образом в продолжение всего времени, которое имеют они до срока уплаты,—они делают денежный оборот три и даже более раза, и оттого получают, наконец, себе чистую прибыль.

Ремесленники по простой жизни своей, не требующие многого, добывают трудами рук своих весьма достаточно для того, чтобы иметь надлежащее неприхотливое содержание и чарку водки, чтобы без нужды прокормить себя и свои семейства. Люди эти очень способны к разным ремеслам, легко перенимают все, что увидят у немцев, и в немного лет они научились и переняли у последних много такого, чего прежде совсем и не знали. Поэтому, в настоящее время, они улучшенные изделия свои продают уже за гораздо высшую цену, в сравнении с прежними ценами. Особенно удивили меня русские золотых дел мастера, которые делают теперь серебряную с разными украшениями посуду с таким искусством и изяществом, что не уступают в том нисколько немцам...—

— Поэтому, если кто в каком нибудь ремесле обладает особенным знанием или приемом, которым хотел бы пользоваться он один, то он не должен показывать своего искусства никому русскому. Так вначале и поступал знаменитый литейный мастер Ганс Фальк, который требовал, чтобы во время отливки им и выделки значительнейших пушек и других предметов, русские подмастерья его оставляли его одного и уходили прочь. Теперь, впрочемъ, русские уже сами умеют лить большие пушки и колокола. Так, в прошлом году в Кремле, близ колокольни Ивана Великого выученики

Ганса Фалька вылили огромный колокол, который весил 7.700 пудов;—но этот колокол, когда его повесили и начали звонить, дал трещину, или раскололся. В настоящее время его разбили снова, и Его Царское Величество приказало вылить еще больший колокол, который бы на веки оставил память об его имени...—

(Олеарий, кн. III, гл. VI, VII.)

---

146. Де-Родеса.

Размышления о русской торговле в 1653 году.

Блаженной памяти комиссара И. де-Родеса—«Размышления о Московской торговле», написанные в 1653 г. и состоящие из следующих 3 пунктов:

1. Об истинных основах русской торговли, как она теперь по всей стране и через Архангельск производится, и какие виды товаров, и в каком каждый из них количестве вывозится и ввозится.

2. О трудностях как вывоза, так и доставки товаров, потому что почти все они идут до Вологды сухим путем, а оттуда уже по верхней и нижней Сухоне в Архангельск, равно как и товары, привозимые в Архангельск, должны отправляться тем же путем.

3. Как и каким образом, при настоящих обстоятельствах, торговля может быть перенесена из Архангельска опять на Балтийское море.

Что касается 1 пункта, т.-е. в чем собственно состоят основы русской коммерции, достаточно всем известно, что все постановления этой страны направлены на коммерцию и на торги, в чем нас удостоверяет ежедневный опыт, потому что все здесь от высшего до низшего только и думают, только и стараются, как бы здесь, либо там нажиться. Нет сомнения, что в этом отношении русская нация гораздо деятельнее всех остальных, взятых вместе...—Они из всего умеют извлечь пользу, как бы это ни было ничтожно. Кто только домогается милости и ласки Его Царского Величества, достигает своей цели скорее всего; когда сумеет придумать новую монополию или другой какой-нибудь уловкой доказать, что тот или другой товар доставит большую пользу казне Его Царского Величества, как, напр., персидский шелк сырец, который Е. Ц. В. выменивает в Персии через своих купцов на холсты, медь, соболей и деньги. А дабы более получить отсюда выгоды, то торговля с Персией означенными предметами запрещена всем вообще купцам... Русские гости, избираемые из значительнейших купцов, это—факторы Е. Ц. В., и так как они продают шелк только тогда, когда цена на него возвышается, то и хотят получить за него всегда высокую цену... Оттого-то нередко случается, что товар по нескольку лет залеживается прежде, нежели его продадут, и купцы не рассчитывают, что теряют проценты капитала, затраченного на товар. Они только хотят получить самую высокую цену, а товар пускай себе лежит, сколько придется... А все это оттого, что они жадны к большим барышам, не обращают внимания и не понимают, что маленький барыш при частомъ обороте приносит несравненно более выгоды...

Ревень доставляется точно так же, как и шелки, Е. Ц. В.-ву, и никому из частных лиц не дозволяется им торговать. Этот предмет, как говорят достоверные люди, нигде не растет, кроме Бухары, и бухарцы продавали его персиянам, которые вывозили его в Александрию, частью же в Ормус. Но вот уже несколько лет продают его бухарцы русским, русские же, полагая, что ревень нигде более не растет, дорожатся, и ежели они захватят, наконец, со временем этот предмет в свои руки, то будут назначать произвольную цену, если только сама Персия тому не воспрепятствует, притянув торговлю опять к себе, к чему русские сами подают повод, потому что весьма дурно ведут себя с бухарцами и скупают у них почти насильно товары по такой цене, какую сами хотят назначить.

Всеми прочими товарами, привозимыми из Персии, может торговать каждый, а именно всякого рода крашеными сырцем, камками, выбойками, бархатом и дорочами, между которыми многие бывают весьма красиво вышиты золотом и серебром, но не более как по 7, $8^1/_2$ и 9 аршин в куске...

Там (в Персии) есть прекрасные фабрики для всех сортов, которые почти равняются итальянским, особенно в рисунке цветов. Их можно было бы вывозить и в европейские земли, если бы только куски были длиннее, и если бы в куске было столько, чтобы из него можно было делать, что в этих землях употребляется. Причина, почему они не делают более длинных кусков заключается в том, что только такая длина и потребна на персидский, турецкий, польский или русский кафтан,

потому что эти народы только такое платье и носят. То же самое можно сказать о киндяке и других хлопчатобумажных и набивных материях, которые выделываются такой же длины, потому что их носит обыкновенно простой народ. На одеяла требуется столько же, сколько и на кафтан, и из этих материй приготовляются различные унаваченные и вышитые одеяла.

Дозволяется также торговать всякому различными коврами и сафьяном, которые вывозятся в большом количестве из Персии,—индиго и ладаном. Частным лицам дозволяется этим торговать потому единственно, что означенного товару вывозится весьма мало, и потребляется он большей частью на месте. Товары, отпускаемые русскими в Персию, состоят по большей части в меди, парусине, соболях и другом пушном товаре, а также и в звонкой монете, по большей части в червонцах. Означенные товары, впрочем, не могут быть открыто вывозимы в Персию частными людьми, это запрещено, и Е. Ц. В. вывозит их оттуда через своих гостей...

Вот все, что я мог заметить относительно персидской торговли с Россией. Затем следует, какие отрасли торговли имеет еще Е. Ц. В., какие дозволены и производятся в подвластной ему стране.

В Астраханской области у Каспийского моря вываривается ежегодно большое количество соли и ловится там различных сортов большая рыба, как-то: осетры, белорыбица, белуга и стерляди, которые там же и солятся: из них добывается также икра.

Соль и рыба в руках у гостей Е. Ц. В., они грузят соль и рыбу на большие насады (суда), из которых некоторые так велики, что на каждом можно отправлять по 100 ластов. Они не ходят однакоже далее Нижнего, и разве только при высокой воде—до Ярославля. Но все, что идет в Москву, отправляется на судах другого рода, смотря по тому, как того требует глубина Оки и другие обстоятельства.

Хотя означенные насады велики и на них бывает до 6,7 и 8 сот чел. рабочих, но на них часто нападают и берут их на пространстве между Астраханью и Нижним донские казаки, шайками не более 50 и 60 человек. Тогда они (хозяева и рабочие) должны давать за себя большой выкуп...

И развозят товары по всей земле и благодаря им только потребляется во всех больших и малых городах, куда они могут только дойти и пристать; соль и рыба продаются ими небольшими партиями мелким купцам, которые распродают их уже по мелочи...

Что касается икры, то торговля ею находится в руках Е. Ц. В., и ежегодно получается ее от 300 до 400 бочек, один год менее, другой—более. Каждая бочка содержит в себе от 40—60 пудов. Прежде скупали икру у Е. Ц. В. англичане и отправляли ее в Италию; теперь же ее взяла на несколько лет компания голландцев и итальянцев, и Е. Ц. В. получает от нее ежегодно также значительный доход. Икра доставляется также, как соль и рыба, на означенных выше больших насадах в Нижний, здесь свежая перегружается и развозится отсюда по всей стране. Точно так же поступают с испорченной паюсной икрой, и дабы Е. Ц. В. не потерпел никакого убытку на испортившейся икре, то ее навязывают самым значительным купцам по рублю за 10 пуд., а те уже сами должны заботиться, как бы ее сбыть, а так как бедный народ постом ее обыкновенно покупает и ест, то она и сбывается бедным, и, разумеется, за деньги. Лучшая икра паюсная, приготовленная по армянскому способу, идет с места сухим путем до Вологды, потом верхней и нижней Сухоной в Двину, а потом до Архангельска. Здесь ее сдают подрядчикам, которые обязаны платить за нее только талерами.

Что касается хлебной торговли по всей России, то она также в руках Е. Ц. В., и ни одному частному лицу не дозволяется торговать хлебом. Эта торговля доставила Е. Ц. В. во время неурожайных годов большие доходы, особенно в последние 4 года, в продолжение которых он ежегодно приказывал заготовлять до 200.000 четвертей, которые закупались по всей земле, и свозились со всех сторон в Вологду.

В Казанской, Нижегородской и в близ лежащих областях покупается четверть по 12 и 25 копеек, в Московской—по рублю; в Ярославской, Ростовской и Вологодской—от 36 до 50 коп. Весь хлеб, собираемый в Новгородской и Псковской областях, не вывозится. Таким образом со всеми издержками четверть ржи приходится в Архангельске не дороже рубля. Но так как в продолжение 4 вышеупомянутых годов брали за четверть всякий раз по $2^1/_2$ и по $2^3/_4$ талера, то доходы Е. Ц. В. с хлеба доставили ему в короткое время слишком миллион талеров. Уплата за хлеб, равно как и за другие товары, покупае-

мые в казне Е. Ц. В. должна производиться специес-талерами по 14 на русский фунт, при чем каждый раз получается от 2 до $2^1/_2$% барышу. По самым верным исследованиям оказывается, что ежегодно получается обыкновенно слишком 600.000 талеров, которые сдаются все на монетный двор Е. Ц. В., где они переливаются в копейки, при чем кроме 2 или по крайней мере $1^1/_2$%, получаемых на весе при принятии талеров, приходится еще на монетном дворе барыша до 30%, что составляет немалую выгоду. Ежели Е. Ц. В. покупает что-либо через своих гостей, то уплата производится, в случае когда купцы не берут в обмен товаров, копейками, что доставляет также немалый доход казне.

Что касается пушного товару, то торговать им дозволяется каждому. Со всего пушного товару, доставляемого из Сибири, предоставляется десятая часть Е. Ц. В. Большая и лучшая часть пушного товару добывается в Сибири, как-то: белки, горностаи и норки. В Казанской области преимущественно, но и вообще во всей стране, добывается, правда, всякого рода пушной товар, кроме соболей, но он гораздо хуже и не может сравниться с добываемыми в Сибири, что весьма заметно в цене.

Е. Ц. В. получает в свою казну с пушного товара ежегодно от 20 до 30 тысяч рубл., собираемых частью с десятины, частью из других источников. Часть получаемого товара продается ежегодно грекам, которые привозят из Турции, Персии, Аравии и Греции разного рода драгоценные товары, как-то: превосходные богатые золотые ткани, ковры, затканные серебром и золотом, одеяла, бархаты и т. п.; также разного рода богатые шелковые товары, камлоты и верблюжью шерсть. Едва они успеют приехать в Москву, как тотчас же и запрещают показывать товары кому бы то ни было прежде, чем не осмотрят их нарочно для того отряженные гости Е. Ц. В. Затем товары везут к Е. Ц. В.—Е. Ц. В. выбирает, что ему понравится, и для вида выбирают также и гости, что им покажется, остальное могут уже продавать потом купцы, кому пожелают. В обмен выдают им из казны соболей и другой пушной товар. Но так как они берут больше мехов, нежели чем сколько их товары стоят, то уплачивают остаток арабскими червонцами, большое количество которых привозят они с собою. Меха везут они в Грецию и Турцию...

За сим привожу извлечение из архангельских таможенных книг, из которого можно усмотреть, какие виды товаров вообще и сколько их в течение года было вывезено из Архангельска, а также на какие суммы и как каждый из этих видов закупается и выменивается.

Начну с хлеба, именно со ржи и др. сортов, которые не каждый год вывозятся, но только при высоких ценах

Хлеба.

10.000 ластов ржи, ячменя и пшеницы по 25 р. ласт	250.000
600 ласт льняного семени по 24 р.	14.400
Всего	264.400

Меха.

579 сороков соболей разного сорта круглым числом по 100 р. за сорок	57.900
335.950 штук белок по 16 р. за 1000	55.688
360 сороков куниц по 18 р. »	6.840
287 » норок » 16 р. »	4.592
15.970 лисиц вс. сорта по $7^1/_2$ р. за дес.	11.978
288 сороков горностаев	864
18.748 собол. хвостов и брюшек	4.687
598 собольих опушек по $2^1/_2$ р.	1.495
15.500 собольих пупков по 50 р. 1000	775
28.795 шт. разного рода кошек по 5 р. за сорок	3.600
Всего	98.059 р.

Различные кожи.

5.925 шт. различных невыделанных лосиных шкур по 4 р.	23.700
75.000 тюков юфти, т.-е 225.000 пар по $1^1/_2$ пуда в тюке по $3^1/_2$ р.	335.125
9.878 козлиных кож по 36 р. за 1000	2.922
4.500 соленых бараньих кож по 70 р. за сотню	3.150
300 воловьих кож по 70 р. за сотню	220
1.170 пар сафьяну по 80 р. за 100 пар	940
31.060 шт. тюленьих шкур по 5 алтын	4.809
Всего	370.866 р.

Москательные товары.

70 пуд. бобровой струи по 100 р	7000
150 пуд. ревеню, иногда более, иногда менее, по 50 р. за пуд	7.500
60 пуд. ангарику по 5 руб.	300
Всего	14.800

Различного рода товары.

168.500 аршин русского холста или ватмана по 4 р. за 100	6.700
325.980 аршин полотен по 5 р. за 100 ар.	16.299
389.000 шт. рогож по 16 р. за 2.000	3.104

3.500 пуд. воску по $4^1/_2$ р.	15.757
115.080 пуд. сала по 11 р. за 10 пуд. . .	126.588
5.700 пуд. свиной щетины по $4^1/_2$ р. . .	25.650
600 бочек ворвани по $1^1/_2$ р.	900
5.500 короб. фунт. шпеку по 6 р. . . .	33.000
250 пуд. слюды в чрезвычайно тонких кусках по 12 руб.	3.000
20.000 пуд. икры в 400 бочках по $1^1/_2$ р. .	30.000
3.000 лист. фунт. хлопчатой бумаги по $3^1/_2$ р.	9.750
Всего	270.781 р.

За каждые три года получается обыкновенно персидского шелка от 120 до 150 кип по 90 талеров за пуд., весом всего около 900 пуд., что вместе стоит 40.500 р. треть же этой суммы составляет 13.500 р....—

Следовало бы здесь также приложить извлечение из таможенных книг относительно привозных товаров, но до сих пор я не в состоянии был их достать, и потому коснусь их в общих чертах. Привозится ежегодно в Архангельск большое количество как нашего тонкого полотна, так равно и других сортов; также и шелковые товары, в особенности: атласы, даматы (штофы), кармазины, камлоты, бархаты, цветные тафты; золото, серебро, золотая и серебряная проволока, золотые и серебряные кружева и позументы. Также различного рода шерстяные шагрины, рашеты, перпетуры, дамасты, камлоты, бомазеи, мишура и всякого рода бакалеи, различного рода краски, в числе которых более всего индиго и фернамбуку или бразильского дерева; затем медь, латунь, железо, разного рода железная проволока и белая жесть. Таковы виды привозимыхъ товаров. Количество этих товаров ценностью почти равняется ценности вывозимых и означенных выше товаров, за исключением одного хлеба.

Все товары, закупаемые в Голландии и назначаемые в Москву, отправляются в июне и в июле, но на место своего назначения приходят не ранее, как около Рождества, т.-е. через 6 месяцев. Товары же, покупаемые в Москве и назначаемые в Голландию, лежат еще долее, прежде, нежели прибудут на место своего назначения,—п. ч. они скупаются в разных местах России и свозятся зимним путем в Вологду; здесь должны они лежать до вскрытия рек и потом уже идут они далее в Архангельск и грузятся на корабли, которые редко приходят в Гамбург или Голландию ранее последних чисел октября месяца, а чаще еще в ноябре, т.-е. через 9 месяцев. Напротив того товары, закупаемые в России и доставляемые зимним путем к Балтийскому морю, могут быть отправляемы в марте и апреле месяце и должны в три месяца, считая со времени закупки, приходить на место своего назначения в Голландию, Англию или Гамбург, что гораздо выгоднее.

Точно то же должно сказать и о товарах, привозимых из означенных мест в Россию через Балтийское море, и в особенности о закупаемых в октябре месяце, которые привозятся в Лифляндию и оттуда уже отправляются в Россию. Я умолчу об опасностях и других тяжких неудобствах, которым подвергаются вышеупомянутые товары, в сравнении с отправляемыми Балтийским морем. Последние выменивaются в России так скоро, что на Балтийском море можно легко пустить капитал в тот же год в другой раз в оборот, тогда как в Архангельске капитал обращается один только раз, и то с большим затруднением. Этого мало— на Балтийском море можно сделать обороты почти три раза в год и я могу заверить в этом каждого, ежели только исправят летнюю дорогу из Москвы до Новгорода и Пскова, и устроят на болотах хорошие мосты.

(Магазин землеведения и путешествий, географический сборник Николая Фролова. Том 5, 1858 г., стр. 234—250.)

---

147. Иог. Ф. Кильбургер.

Краткое известие о русской торговле, каким образом оная производилась чрез всю Россию в 1674 г

(Автор—швед, член шведского посольства, бывшего в Москве при царе Алексее Михайловиче).

I. Из Предисловия.

Мне кажется, что господь бог, по неисповедимым причинам, сокрывает еще от понятия русских и не показывает им выгод, которые имеет земля их более всех земель вселенныя для заведения торговли. Ибо, 1) есть ли другая какая земля, которую бог поставил бы, как русское царство, между всех морей света? 2) есть ли где другая земля, которую бог наделил бы таким множеством прекрасных рек и источников? 3) есть ли другой народ, который так покойно и с меньшей опасностью и издержками мог бы торговать из пер-

вых рук с столь многими народами вселенныя, как то делают и могут делать русские? 4) Руссия имеет у себя много хороших товаров,—и в 5) она имеет то преимущество, что все ее жители, начиная от знатнейших до последних, любят торговлю; отчего также в городе Москве более лавок, нежели в Амстердаме, или даже в целом ином государстве. Не спорю, что эти лавки малы и скудны, и что не надобно делать никакого сравнения, а не то из иной Амстердамской лавки выйдет 10 и более московских; но они доказывают только то, что русские любят торговлю. 6) русские в пище и одежде не только умереннее и неприхотливее прочих европейских народов; но они и для малого прибытка не жалеют трудов и не боятся затруднительных поездок. Наконец, 7) нет ничего такого дурного и малого, чего русский не умел бы обратить в деньги и пользу, что доказывают лоскутный и живодерный ряды в Москве. Но несмотря на все сии выгоды, нельзя сказать, чтобы торговля и мануфактуры процветали в Руссии, или чтобы русские получали теперь десятую часть той выгоды, какую по здравому рассудку могли бы получать от торговли.—

Торговлю можно сравнить с птичкою в руках человека: ежели ее подавить слишком, то она умрет; а ежели дать ей волю, она улетит, и хозяин ее в том и другом случае останется с убытком. Но последнего русские никогда не делали, а первое слишком много. Они стесняют и давят торговлю всевозможным образом; ибо заводят много казенных монополий и верят дурно образованной и для государственной выгоды вредной коммерц.-коллегии, то-есть тем корыстолюбивым гостям, о которых буду я говорить (дальше), также налагают на иностранцев большие пошлины и стесняют торговлю тяжкими условиями. Кораблей у них не строят, хотя Е. Ц. В. все нужные к тому вещи имеет в своем государстве. Не слишком много стараются о дорогах в такой болотной земле... Иностранные художники боятся приезжать в Руссию, потому что после удерживают их насильно, а подданным не дозволяют ездить в чужие земли и учиться у других. Купцы принуждены платить на почте за пересылку писем дорого. Людям, которые умели бы завести мануфактуры, не помогают надлежащим образом; и есть множество других еще вещей, затрудняющих торговлю. К этому примолвить надобно и то, что русские купцы по большей части от природы склонны к обманам, и так в этом искусны, что и опытнейшие иностранные купцы попадаются от них в дураки.—Здесь есть пословица: на то щука в море, чтобы караси не дремали...

2. Из главы о товарах, которые Руссия имеет в таком множестве, что может снабжать оными другие государства. Меха. И так, вот какие меха отпущает Руссия. Из оных многие идут из Сибири и Перми вниз по Югу, который у Устюга впадает в Двину, прямо в Архангельск, минуя Москву. В одно лето отпущено из Архангельска мехов:

579	сороков соболей.
335.950	штук белок.
300	сороков куниц.
.81	сороков минкен.
15970	штук всяких лисиц.
288	сороков горностаев.
15742	штуки собольих хвостов.
598	собольих опушек.
15550	собольих кончиков.
18795	штук всяких кошек.

3. Список товаров, которые в 1673 году с открытия воды до половины октября отпущены из Нарвы за море.

2009	шиффунтов	чистой пеньки.
3273	»	чистого льна
143	»	сырцовой пеньки.
332	»	льна
65	»	пакли.
492	»	поташа
49	»	сала
2988	десятков	юфти.
27	»	воловьих кож
178	»	козлиных кож
24	»	сафьяна
64	»	сырых кож
136	»	хвостов.
47	штук	лосиных кож.
728	ластов	ржи.
64	»	ячменя.
132	»	овса.
89	»	солода.
663	тонны	муки
44	»	круп
39	»	гороха.
2	сорока	соболей
2	»	куниц.
141	»	минкен
3	штуки	собольих брюшек.
1719	сороков	белок.
29	штук	мехов

753 сорока кошек
5 штук кошачьих мехов.
43 » заячьих.
111 сороков горностаев.
38 штук лисиц
1540 фунтов рыбьего клея.
55 тонн коровьего масла.
431 тонна того же пришедшего из Выборга.
43 тонны солонины.
38 шиффунтов копченой говядины.
73 куска свиного сала.
4685 тонн ингерманландского дегтя.
19 тонн ворвани.
4300 пар русских перчаток.
58 досок мыла.
2080 штук рогож
12700 сухих щук.
8 шиффунтов хмеля.

4. Цена отпускаемым товарам в январе и феврале 1674 г. в Москве.

Поташ лучший шиффунт (берковец) $5^1/_2$—$5^3/_4$ руб.
» нижней доброты шиффунт . . . 4—$4^1/_2$ руб.
Пенька сырцовая лучшая шиф . . . $2^1/_2$—3 руб.
» обыкновенная. . . . . 2—2 р. 10 коп.
Сала здесь в Москве мало, а в Ярославле и Вологде шиф. . . . . $8^1/_2$—9 руб.
Юфть в Переяславле. 31
» Москве. . . . . 35 гривны пуд.
Башкирские куницы сорок. . . . . 17—18 руб.
Казанские » » . . . . . 14—15 »
Горностаи казанские. . . . . 4—5 »
» обыкновенные . . . . . $3^1/_2$ руб.
Соболи с брюшками сорок. . . . . 20—25 »
Лисицы сибирские десяток. . . . . 9 »
» Уфимские . . . . . 8 »
» Русские . . . . . $8^1/_2$ »
Собольи хвосты, по доброте, сотня. . . 10—30 руб.
Белки русские тысяча. . . . . 17—18 »
» Казанские. . . . . 19—22 »
» Сибирские. . . . . 25—27 »
Рыбий клей пуд. . . . . 6— 9 руб.
Рогожи тысяча. . . . . 25 »

5. Цена тем товарам, которые хотя и находятся в России, но потребляются там же.

В Москве на 30 мая 1674 г.

Соль лучшая 2 гривны пуд
Рожь 6 гривен. } Четверть.
В феврале 7 гривен.
Ячмень 6 коп.
Солод 45 коп.
Гречневая крупа 120 коп.
Овес 32 коп.
Пшенная крупа 160 коп.

Свиное сало и мясо копченое 40 коп. пуд.
Соленая рыба.
Хмель лучший 11—12 р. шиффунт.
Мед 110 коп. пуд.
Полосовое железо грубого разбора у Марселиса. . . . . 5—$5^1/_2$ грив пуд.
У Акмана . . . . . 6—$6^1/_2$ руб. пуд.
Железо лучшего разбора у Акмана 7 гривен пуд.
Листовое железо у Марселиса . . . . . 1 р. пуд.
» » у Акмана . . . . 110 коп. пуд.
Листовое железо двойное. . . . . 120 коп. пуд.
Литые вещи. . . . . $^1/_4$ рубля пуд.
Селитра . . . . . 2—$2^1/_2$ р. пуд.
Порох лучший. . . . . 3 р. 6 к.—4 р. пуд.
Моржевая кость . . . . . 17 р. пуд в казне.
Гусиный пух лучший и самый белый. . . 8 р. пуд.
» » » серый . . 4 р. пуд.
Солодковый корень. . . . . 240 коп. пуд.

6. О стеклянных заводах. Около Москвы есть два стеклянных завода: один из них казенный, и называется Измайловским (в селе Измайловском). Сим заводом управляет один итальянец, по имени Мингот, который славится своим искусством и делает довольно чистое стекло. Другой завод называется Духанинским, в 40 верстах от города и заведен одним человеком, по имени Юлием Койтетом. Сначала хотя и принужден он был нужные материалы выписывать из немецкой земли с большими издержками, но, наконец, трудом и неутомимостью все сии вещи найдены в Руссии. Теперь пучные камни ломают за 15 верст от Москвы, а глину, которая крепостью превосходит иностранную, роют и зимой в 50 верстах от Москвы в Вокжеле (Акжельская волость), и все в назначенное время привозится на заводы. Как в сих местах нет букового дерева, то вместо оного употребляют осиновую и еловую кору, которую жгут близ живущие крестьяне и во множестве привозят на заводы, где и продают по 12 коп. бочку. Годный для завода песок достают на речке Истре, которая в 12 верстах от города впадает в Москву реку. Заводы построены в лесных местах; на каждом из них издерживается ежегодно от 5 до 600 саж. березовых дров, которые рубятся летом. Работа производится в году только от 25 до 30 недель, потому что зимою за великою стужею работать нельзя. На каждом заводе есть от 6 до 8 мастеров, не считая других работников. На Духанинском делают только простое стекло, а именно оконное и всякие стклянницы, которые большей частью зимою отвозятся в Москву на продажу,

ежегодно от 80 до 90000. Но на обоих сих заводах стекла делается не слишком много: почему зимою привозят в Москву из Черкассии очень много простого, а особливо синего разного рода, которое и продают круглый год на гостинном дворе; также и из Ливонии привозится много оконного стекла и хрустальной посуды. В 1671 г. провезено чрез Архангельск 64 дюжины стклянниц и 170 бутылок и сверх того много стеклянных корольков.

7. Реестр немецким товарам, которые в 1671 г. привезены в Архангельск морем.

6846 золотников жемчугу.
133 маса жемчугу в 7 коробочках.
4419 штук крупного жемчугу.
185 фунтов и 27 штук и еще 4 ящика золотой и серебряной бахромы.
3931 фунт волоченого золота и серебра
5 пуд. серебряной посуды
64 штуки перстней с сапфирными печатями.
5 штук бриллиянтов, роз.
63 штуки сафирных камней и много фальшивых цветных камней.
32 куска серебряной объяри.
84 куска толстой шелковой объяри.
28 » толстого шелк. бархата.
342 » цветного атласа.
2 ящика с разным товаром, продаваемым на аршины.
204 штуки камки.
1 ящик камеди амстердамской.
54 штуки шерстяной камки.
34 штуки брикс-атласа.
441 штука всякой цветной волнистой и гладкой тафты.
1 штука шелк. гробгрюна.
218 штук и 2 ящика камлота.
2 штуки драгета.
22 кипы и 287 половинок кармазин. сукна.
8 кип и 248 пол. полукарм. сукна.
81 кипа и 64 пол. такого же англинского.
9 кип и 22 пол. такого же голланд.
41 кипа и 267 пол. Гамб. сукна.
18 ящиков и 666 штук бумазеи и саржи.
4 штуки трипа.
8 кип и 13 бунтов суконных обрезков и лоскутьев.
4 штуки плиса.
6 кип и 1217 штук рапа и байки.
62 штуки постельных наволочек.
367 штук льняного тканья и 6 ковров.
2999 штук бобровых шкур.
25 стоп бумаги бол. формата.
28454 стопы бумаги обыкн. формата.
401 бочка и 13 ящиков ладана.
6176 пуд. и 5280 штук бразил. дерева.
265 бочек и 3 ящика индиго.
123 бочки кармина.
5 боченков, 4 ящика, 6 связок яри медянки.
84 боченка, 3 ящика, 8 коробок разных красок.
230 тонн белил.
267 кусков и 2 бочки слоновой кости.
25 бочек и 6 пуд. медных котлов, тазов и проволоки.
57 боченков англинских оловянных блюд и тарелок.
131 дюжина олов. стаканов.
15 боченков олова в кружках.
18 ящиков того же.
516 кусков свинцу.
300 » мелкого.
4000 листов шумихи.
64 пуда красной меди.
833 дюжины медных колокольчиков.
54 куска медных блях.
27 штук больших колоколов.
300 пар медных подсвечников.
407 боченков жести.
1957 полос шведского железа.
13728 свертков ножей или очищенного серебра.
2 штуки фальшивой бахромы.
37 кусков шелк. лент.
42 свертка и 41 короб медных струн.
150 фунт. мишуры.
3 ящика с бобрами.
7 штук больших медн. фонарей.
100 бочек квасцов.
5 бочек и 1 ящик гумми.
603 штуки пил.
2 куска флера.
2 » квинетту.
1 ящик с лекарствами.
15 тонн улитковых головок и раковин которыми унизывают хомуты и шлеи.
25 кип и 70 мешков хлопчатой бумаги.
2 кипы, 1 связка, 6 тонн, 6 мешков бумажных светилень.
115 дюж. 2, тонны, 9 ящ. бухшпигель.
22 штуки больших зеркал.
14 штук сабель.
2 штуки карабинов.
2 » шитых чепраков
1 ящ. с пистолетами.
10250 штук немецких шляп.
42 » выделанных лосиных кож.
1184 » красного и желтого сафьяна.
64 пары шелковых чулок.

314 дюжин шерстяных чулок.
64 дюжины фляг и 170 бутылок.
2 ящ., 2 боч., 31 ф., 12 ластов красных корольков.
20 боченков серы.
25 пуд., 28 ф. ртути.
3 боченка, 2 мешка целибухи.
4 бочки мышьяка.
2 » купороса.
16 бочек, 2 короба гиспанской каменной посуды.
491 дюжина очков.
5 тюков, 1 связка, 30 бочек, 9 ящ. с разной мелочью и Нюренбержским товаром.
5 бочек, 1 ящ. с ножницами и ножами.
4860 дюжин игральных карт.
683000 иголок.
154000 булавок.
35 мешков, 25 бочек шпиаутора.
5 бочек, 66 мешков рису.
666 » деревянного масла.
2477 тонн сельдей.
162 связки перцу.
4 боченка, 3 ящ., 2 п. шафрана.
3 бочки, 2 мешка кардамона.
1 ящик, 5 бочек, 3 связки коринки.
11 бочек гвоздики.
1 бочка сухого инбиря.
11 бочек, 17 связок, 2 ящика миндаля.
14 » фиников.
18 ящ., 2 боченка сахарных заедок.
10 бочек конфект
20 ящиков леденца.
47 бочек горшечного сахара.
3 бочки цукатов.
98 бочек вареного в сахаре инбиря.
1 ящик сушеных слив.
2 бочки мушкатн. ореха.
943 » винных ягод.
367 бочек длинного изюма.
200 коробок того же.
37 бочек слив.
6 бочек и 4 связки аниса.
130 пип гиспанск. вина.
109 оксофтов белого франц. вина.
720 » красного.
2 бота мальвазии.
6 бочек мускателя.
2 бота аликантского.
5 ботов вейн-де-тинто.
1 бот бастерта.
8 пип петерсцемен.
26 оксофтов уксуса винного.
157 пип соленых лимонов.
1 бочка лимонного сока.
8 больших и 9 малых мешков хмеля.
15 тонн люнабург. соли.
6 тонн меда.
27839 червонцев.
50000 рейхсталеров.
16000 рублей русских, которые идут из Украйны через Польшу в Данциг, и по большей части там меняются.

8. Из реестров других годов:

1672 г.

8 бочек 1 ящик 14 ф. всяких цветных бус.
10 связочек, 2360 пуд., 1195 кусков бразильского, фернамбукового и кампешевого дерева.
71 тонна крахмала.
2 ящика с хрустальной посудой.
10 зеркал, 7 тонн, 556 ящиков, 330 коробов, 8 дюжин зеркального стекла.
37 немецких стульев.
3709 стоп бумаги.
3 рукомойника.
550 связок медных наперстков.
5 тонн, 1 ящик булавок.
9 ящиков и 545000 штук иголок.
166 дюжин стальных ножниц.
25 кусков наволочей.
29 кип и 2 узла хлопч. бумаги.
87 пар шелк. чулок
5 дюж. шелк. и бумажных чулок.
15 штук одеял.

1673 г.

1 дюж. серебр. стаканов.
66 кусков камлота.
75 » бумазеи.
15 » атласа.
2 куска тика на постели.
2 платка, коими женщины накрывают головы.
2044 стопы бумаги.
141 бочка дерев. масла.
1367 тонн сельдей.
2969 катушек волоченого золота и серебра.
33 шт. шелкового галуна.
30 пар шелк. чулок.
6 бочек конфетного сахара.
21 боченок цукатов
639000 игл.
720000 булавок.
8 боченков белил для притиранья.
244 дюжины нюренбергских чернильниц.
30 ф. сургуча.
56 штук нем. стульев.
197 дюжин шелк. пуговиц.
32 куска скатертного полотна.
248000 иголок.
994000 булавок.
1176 дюжин замков.
920000 иголок.

9. Из списка цен иностранным товарам в Москве 30 мая 1674 г.

Венецийский бархат, лучший руб. $2^1/_2$.
Болонский атлас коп. 75.
Турецкий камлот в 24 арш. руб. 3.
Голл. бумазея кус. коп. 150.
Бумага писчая лучшая стопа коп. 120.
» обыкн. к. 90.
Карты игральные коп. 24.
Иголки лучшие тысяча коп. 40.
Волоченое золото тяжеловесное руб. 11.
» гамбург. легкое руб. 8.
Сахар мелюс р. $4^1/_2$.
Белый сахар леденец $6^1/_2$
Рис коп. 90.
Медная проволока пуд р. 5.
Шведское железо шиф. р. $5^1/_2$.
Белое франц. вино окс. р. 25.
Красное вино р. 14.
Флам. сельди тонна р. 5.

10. О пошлинах. Все иностранцы, какой бы нации ни были, платят с своих товаров равную пошлину, а именно со ввозимых, ежели они будут продаваться в пограничных городах Архангельске, Новегороде и Пскове—6 на сто. Но ежели кто не захочет или не может там продать,—а поплет в Москву,—тот должен теперь платить сперва 10 на сто проезжей пошлины, а после в Моск. большой таможне еще 6 на сто... Вывозить обратно товары можно беспошлинно на такую сумму, на какую привезено, а за излишние по 6 на сто...

11. Ведомость, сколько с 1654 собрано пошлин в Арх. таможне:

1654 г.	54031 р.	62,5 коп
1658 г.	91742 р.	34,5 »
1662 г.	58090 р.	19,5 »
1666 г.	72601 р.	95 »
1670 г.	66021 р.	12 »

12. О почте и почтовой плате. Как почта есть такое дело, без которого занимающиеся торговлею обойтиться не могут в рассуждении переписки,—то об оной должно дать мне краткое известие. В 1663 г. первый завел почту в Руссии Иоганн фон Шведен, а до того времени писма посылались не инако, как с нарочными. Во вторник вечером отходит почта в Новгород, Псков, Ригу и проч. Из Москвы в Ригу ходит она от 9 до 11 дней. За золотник или $^1/_3$ лота платят в Новгород 6, в Псков 8, а в Ригу 10 коп. Почта эта приходит опять в Москву по четвергам. Польская почта в Вильну отходит в середу вечером; с оною можно посылать писма во все места Римской Империи чрез Кенигсберг. За отправляемые в Гамбург платятся до Берлина по 25 к. за золотник. Почта эта ходит 21 день, двумя днями скорее рижской в Гамбург; возвращается в середу поутру. Между Новгородом и Нарвою нет обыкновенной почты; но почти каждую неделю находятся случаи посылать писма. По приходе почты пакеты тотчас посылаются в замок (Кремль), в посольский приказ, и там распечатываются, чтобы ни один частный человек не узнал прежде двора того, что происходит внутри государства и за границею, а более для того, чтобы каждый остерегался писать что-нибудь непозволительное и для государства вредное. С почтою еженедельно получаются все голландские, гамбургские, кенигсбергские и другие как печатные, так и письменные ведомости, столь же исправно, как и здесь в Швеции. Ведомости сии всегда переводятся на русский язык и читаются царю.

13. О кораблеплавании в Архангельске. Архангельским кораблеплаванием не занимаются руссы, а некоторые голландцы, гамбуржцы и бременцы, которые беспрестанно содержат в Москве своих служителей и приказчиков, в чем участвуют некоторые оседлые в Москве немецкие купцы, как-то: Даниил Гартман, Гейнрих Буденант, Адольф Гаутман, Вернер Миллер и Конрад Канненгиссер и пр. Из других же, находящихся там немцев, как Томас Келлерман, Петр Арсениус, Герман фон Троя, Гейнрих Минтер, Ердман Швеллингтрефвер, Нордман Газенкруг и многие другие, сколько мне известно, не занимаются морскою торговлею, а производят только оную между Архангельска и Москвы. Ежегодно приходит кораблей 30, 40 и более, между которыми обыкновенно 9 или 10 нагружаются Филиппом Ферпоортеном, посредством служителя его Яна Фергуиса. Около половины июля все купцы из Москвы отъезжают на Архангельскую ярманку на почтовых лошадях, и в дороге бывают 14 дней. Теперь имеют они то преимущество, что дорогою не предъявляют нигде своих паспортов и воеводы не могут задерживать или останавливать их по какому бы то ни было делу, кроме явного уголовного. В июле приходят корабли и ярманка продолжается до сентября месяца, так что корабли отходят опять иногда не прежде октября. Из сего видно, что вышесказанные купцы в Голландии, Гамбурге и Бремене совершают свою русскую тор-

говлю в продолжение почти пяти месяцев; ибо в июне закупают они товары за границею, в августе меняют их в Архангельске, а капитал возвращают в октябре. Товары, посылаемые из Москвы в Архангельск, идут 40 миль сухим путем до Вологды и обыкновенно зимою; здесь лежат они до полой воды и тогда вниз по верхней и по нижней Сухоне и Двине могут в 10 дней дойти до Архангельска.

14. О гостях или царских коммерции советниках. Гости суть царские коммерции советники и факторы и неограниченно управляют торговлею во всем государстве. Корыстолюбивое и вредное это сословие состоит из довольного числа людей купеческого звания и имеет голову или старшину; между ими есть несколько немцев, а именно: Клинк Бернгард и Фогелер в Амстердаме, и Томас Келлерман в Москве. Они рассеяны по разным местам государства и везде, по своему званию, имеют право покупать первые, хотя это не всегда делается для казенной выгоды. Как они одни не в состоянии объять столь рассеянные торговли, то во всех больших городах определяют они по одному, по два и по три человека из живущих там лучших купцов, которым под видом царских факторов, дают привилегию гостей. По корыстолюбию своему стесняют они везде большею частью торговлю. Простые купцы замечают и знают это очень хорошо; почему и говорят дурно о гостях. В случае какого возмущения опасаться надобно, чтобы народ не сломил шеи всем гостям. Они оценивают казенные товары в Москве, также располагают соболиным промыслом и соболиным ясаком в Сибири, равно и Архангельскою заморскою торговлею, и дают царю советы и проекты к учреждению казенной монополии. Они беспрестанно стараются подрывать торговлю Балтийскую и не давать ей нигде свободы, чтобы им только одним быть господами и набивать свои карманы.

15. О заводах железных. Около Москвы находятся теперь три железных завода. Первый и самый большой принадлежит собственно и наследственно Петру Марселису. Родом он датчанин, но родился и воспитан в Москве, и в нынешнем году заплатил своему зятю Томасу Келлерману за $^3/_4$ в заводе 20.000 р. Завод сей лежит рассеянно слишком на 30 верстахъ, и большею частью в трех разных местах за Окою между городом Сирпековым (читай Серпухов) и дорогою, туда лежащею, близ города Тулы и по ту сторону оного. Начинается в 20 верстах от Чирпекова и знатнейшая часть называется dewols. Отсюда в 20 верстах есть речка, по которой водой можно ездить в Москву. Весь завод состоит из трех плавильных печей и 10 молотов с двойными горнами. Две печи стоят вместе, а третья—особенно. Лучшая руда находится за Тулою в том месте, которое большею частью отдалено от Москвы. На сем заводе делают:

1) Полосовое железо, низкого, среднего и высшего разбора. Низкое очень много употребляется для стен в церквах, монастырях и домах. Среднее вытягивается на 16 фут. Из лучшего делают они, между прочим, также пороги к железным дверям и ставни, а как теперь день ото дня более строится каменных домов, в которых все наружные двери и оконные люки, по причине частых пожаров, делаются из железа, то на это выходит немало полосового и листового железа.

2) Пушки, самые большие льют в 18 шифф; но Марселис говорит, что скоро может делать 24-фунтовые. Перед сим отослали их через Архангельск в Голландию, где они на пробе разорвались. Каким же образом пробуют они их у себя дома, и какие у них пушки, мне неизвестно; но наверное знаю то, что у Марселиса нет красноломкого железа, а напротив того, много холодноломкого, из чего заключить можно, что и пушки его не могут быть хороши.

3) Куют пушки различной длины и калибра с шурупами и внутри очень гладкие, которые заряжаются свинцовыми ядрами и делаются только напоказ и для любопытства знатным господам, потому что обходятся очень дорого. Теперь сделаны две для Датского короля, длиною в 7 пяденей и обошлись (по словам Марселиса) в 150 руб. За несколько лет до сего умер один иностранец, который сии кованые пушки умел хорошо набивать обручами. Из таковых видел я еще несколько между стрелецкою артиллериею: на них было по 18 обручей. Теперь однакоже никто более не умеет сего делать.

4) Двери и ставни. Обыкновенно бывают в $2^1/_2$ пядени длины и такой же ширины; довольно толсты и в большом употреблении.

5) Цирены. Величины оных я точно не заметил; но на соляных варницах в деревне Мшаге мерил некоторые цирены и нашел в них длины 9 шведских локтей, 8 ширины и $^3/_4$ вышины. Такие цирены, видно, не слишком много сходят с рук, потому что у Марселиса много их в запасе.

Пуд обыкновенно продается 1 и $1^1/_2$ гривнами дороже дверей и ставней.

6) Сабельные клинки. Делаются не так много, и они очень дурны.

7) Тонкие двойные и одинакие листы. Употребляются на латы, сковороды и очень много на котлы и горшки разной величины. Для сих котлов и горшков листы разрезываются и сколачиваются железными гвоздями так, как в других местах делают это медники.

8) Льют большие толстые плиты, которые в каменных домах кладутся вместо порогов.

Прежде сего Марселис делал также немецкие заказные клинки и отпускал их за море. Также ковал небольшие якори, употребляющиеся на Оке и на Волге: но как по причине холодно-ломкого железа его, вещи сии мало сходили с рук, то он и перестал их делать. Все якори теперь делаются у Тильмана Акемы и в разных местах кузнецами.

На этом заводе построены разные плотины с немалыми издержками. Подовую плиту должно брать и привозить за 90 верст. Марселис до сего времени не платил за свой завод никаких пошлин и податей, напротив того, царь приказал приписать к оному в наследственное и потомственное владение 400 душ крестьян из около живущих, которые большую доставляют помощь. Привилегия кончилась в нынешнем году, но по прошению возобновлена еще на 20 лет. Величайшее затруднение состоит в том, что мастеровые стоят дорого, а разумеющих хорошо горное дело и достать нельзя, от сего многое упускается и большие деньги тратятся по пустому. Марселис надзирателю своему платит по 300 руб. в год, сверх содержания.

Другой железный завод принадлежит также одному немцу, по имени Тильману Акеме, и называется Проддева (читай Протва) по реке, на которой стоит. Он расстоянием от Москвы по Калужской дороге 90 верст, и зимою доезжают туда в сутки. На нем две суточные плавильные печи и 4 молота. Здешнее железо лучше Марселисова так, что всегда пуд продается гривною дороже. На сем заводе делается разное полосовое и листовое железо; но не делают более ни пушек ни горшков, потому что Акема не может достать форм. Делаются якори и большею частью четырезубные от 7 до 8 пуд. Полосовое железо очень хорошо, мягко и тягуче, так что каждую полосу без труда можно согнуть в обруч. Руда добывается, как и у Марселиса, из голой земли. Она немного синевата или железновата, но руду здесь находят и в камнях. Сей завод также избавлен от всяких податей и также имеет приписных 200 душ.

Третий завод называется Павловским, и есть казенный. Он находится от Москвы в 52 верстах по дороге в Клин. Здесь одна суточная плавильная печь и два молота. Завод сей очень дурен, потому что руду достают из болот. Мастер на нем нанятый и служил прежде у Марселиса.

Сверх того железная руда найдена за 90 верст по сю сторону Архангельска на Двине в болотах; но теперь не употребляется.

На сих заводах уголь употребляют березовый, липовый, осиновый и еловый; но березовый считается лучшим. Его покупают коробами. Кузнецы не берут его счетом, но сколько им вздумается, даже по 5 коробов (а особливо у Марселиса) на одну печь, хотя бы довольно было трех. Дров всегда достаточно и привозятся из Галича крестьянами, которые летом сотнями приезжают на заводы. Квадратная сажень или $3^1/_2$ аршина (по словам Марселиса и Акемы) стоит от 11 до 14 коп. Рудники находятся в чистом поле, только в глине или земле без камня. Гидравлика здесь неизвестна; но как скоро рудник наполняется водою, то начинают рыть в другом месте, и почти каждый год переменяют таким образом рудники. Они кладут разом по четыре куска руды в печь и получают по большей части сто пуд. На одном горне вытягивается в день 25 полос, длиною обыкновенно в 6 аршин; весом же в пуд, а иногда более, и большею частью также они сгибаются вместе. Бревно, поднимающее молот, есть дубовое, а в молоте весу от 18 до 21 пуда. Мастер получает платы за пуд алтын, работник 2 коп., а кочегар — деньгу.

Здесь надобно заметить, что в Руссии столь же прекрасная земля, как в Голландии или во Франции; даже уверяли меня в Москве кузнецы, что русские горшки могут гораздо более выдержать огонь, нежели некоторые другие. Такая земля очень пригодна для плавилень.

Ни на одном из сих заводов не делают стали; но крестьяне в разных местах делают и железо и сталь небольшими ручными мехами и тем причиняют не малый подрыв Марселису и Акеме. По такой же причине перестали они ковать гвозди,

потому что крестьяне могут делать их дешевле. Но такое железо очень дурно и совсем холодноломкое, так что гвозди ломаются, как стекло. Тоже получается с шилами, кочадыгами и другими мелочами, делаемыми крестьянами и продающимися в Москве.

Всякая жесть привозится чрез Архангельск, однако уже не в таком множестве, как за несколько лет до сего, потому что они начинают покрывать церкви свои муравлеными кирпичами.— Железная проволока привозится из Швеции чрез Новгород, также несколько чрез Архангельск, а в Руссии совсем не делается.

16. О съестных припасах.

1 четверть ржи 70 коп., а в мае 60 коп.
» » гречневых круп, в мае 120 к.
1 четверть пшеных, в мае 160 коп.
1 пуд говядины, 28 коп.
» » свежего сала, 24 коп.
1 овца, от 30 до 36 коп., а по сию сторону Новогорода на реке Луге, от 12 до 14 коп.
1 поросенок, от 5 до 6 коп.
1 жирный гусь, от 9 до 10 коп.
1 утка, 5 коп.
1 индейка, от 15 до 16 коп.
1 простая курица, 3 коп.
1 пара молодых кур, в мае 2 коп.
» » голубей, 2 коп.
1 заяц, от 3 до 4 коп.
1 глухой тетерев, от 8 до 9 коп.
1 полевой тетерев, 3 коп.
1 рябчик, 1 коп.
1 пуд копченого сала, 40 коп.
1 пуд трески, 80 коп.
1 пуд масла коровьего, 1 рубль.
1 фунт голландского масла коровьего, от 16 до 18 коп.
1 пуд соли лучшей, 20 коп.
1 пуд белой муки, 1 рубль.
5 яиц, в мае 1 коп., в июне в Твери от 14 до 15, за 1 коп.

(Кильбургер, краткое известие о русской торговле.)

---

148. Юрій Крижаничъ.

Изъ „Политичныхъ Думъ“.

(Писано въ Сибири, въ ссылкѣ, 1661—1676 г.)

1. Инородцы торговцы. А отъ всего горшій промыселъ и земли разореніе есть, инородское торгование, то есть аще кій краль препуститъ инороднымъ торговцемъ во своей державе пребывать или жить, своды и склады держать: и вездѣ по землѣ торговать. Тѣ бо вездѣ въ дешеву пору нашіе товары выкунаютъ: и иноземцемъ своимъ нарожаномъ всякія нашія тайности проявляютъ, не токмо въ торговныхъ, но и во владательскихъ тайныхъ дѣлѣхъ: и народные нашіе законы разоряютъ и во свое распутные погибельные законы нашъ народъ заводятъ, и въ благочестію многихъ соблазняютъ, и въ душевную погибель заводятъ: за что все кралю будетъ треба отвѣтъ дать предъ Богомъ. Едною рѣчію, неоцѣннымъ тѣлеснымъ и душевнымъ накладомъ, убыткомъ, срамотами, тщетамъ тѣ торговцы есуть причина. А корысти отъ нихъ нѣсть, опрочь нѣкоихъ подарковъ, кое даютъ царю либо боляромъ. Коихъ подарковъ нѣмаемъ нужи ни во что почитать: або сколько они своего блага намъ подаруютъ, зъ десять тысучь кратъ толико нашего блага изъ нашія земли вонъ извозятъ.

А въ нужно время отсылаютъ изъ господарства свое товары: и тѣмъ драгость велику творятъ въ господарству. А домашни торговцы терпятъ съ ними зло и добро: и не высылаютъ инамо своихъ товаровъ, для мѣденыхъ пѣнязь. А еще и отъ того пуще есть, аще тѣ инородны торговцы не будутъ сами свои господари, но иныхъ большихъ торговцевъ слуги и оправники: каковы есуть всѣ Нѣмцы кои по Руси торгуютъ. Тѣ бо и сами себе съ челядьми своими зъ нашего пота кормятъ и богатятъ; и своимъ государемъ отсылаютъ нашіе товары, что найдешевлею цѣною въ найдешевлю пору могутъ быть куплены: и сверхъ всякаго торгованія отсылаютъ имъ еже годъ уговоренъ оброкъ въ пѣнязехъ, или въ товарехъ. И тою хитростію, безпотребно, и не вѣдомо за что, сіе преславное государство творятъ подбирно илити ясачно своимъ Англичаномъ, Барабанцемъ и Хамбуржаномъ. И нынечь добро суть тѣ намъ дали Нѣмцы знать. Всю шубную казну суть покупили за мѣденые пѣнязи; а за тѣмъ привезли ее опять на Русь, и спустили въ пусту цѣну на серебреные пѣнязи: и тѣмъ царской казнѣ и всему народу несцѣнну щету учинили.

О честитый государю, ни отнюдь не вѣруй волку, еже бы ти онъ хотѣлъ твое ягнецы створить жирны. И во вѣки вѣчные не вѣруй инороднику торговцу: еже бы ти онъ кую корысть принеслъ. Неможно бо есть, да онъ твое богатство умножитъ, кій самъ всѣ земли и моря обтичетъ, и весь

свой животъ есть отлучилъ на путование и на страхоты и погибельности для ради пѣнязь, и кій лакомѣе зіяетъ па сребро, неже волкъ на ягня. Кто въ воду мечетъ вудицу, онъ мыслитъ изтягнуть рыбу. Кто въ землю сѣетъ жито, онъ мыслитъ нажать десятеро толико. Инородникъ торговецъ, аще тебѣ господарю либо твоимъ бояромъ дастъ сребренъ стоканъ или кую ли будь иную корысть, безъ сумлѣнію сто кратъ съ толико блага извержетъ вонъ изъ твоея земли и проѣстъ. Право адда́ намъ пророкуетъ Варухъ: «припусти къ себѣ инородника и разоритъ тя»...

2. Краль мораетъ сице думать:

1) Некралество для краля, но краль для кралества. Еже не кралества зарадъ кралевъ; но крали зарадъ кралестовъ есуть наряжены и поставлены. Нѣсть Богъ мнѣ даровалъ сего народа: да быхъ ихъ я притискалъ, и трапилъ, и давилъ, и чинилъ изъ нихъ все по своей волѣ; но мене есть далъ нимъ въ пастыря: да бы ихъ на всякое добро управлялъ и водилъ...

4) Настояніе кралево. Краль мораетъ людство учинить блажено. Кралево настояніе есть, Людство учинить блажено. То-есть, Богочестія бречь и поспѣшать е: Правду судить: Миръ проскорблять: дешевину промыслить: Объ чести народной, и объ всякомъ поспѣшенію общего добра печаль носить и промышлять. Или речѣмъ: Душевнымъ богочестіемъ отъ бѣсовъ: а Животовъ и иманія всего народа, Судомъ, отъ домашнихъ воровъ, и напастниковъ: Ратію отъ извонскихъ враговъ обранять; Обиліе и дешевину вещей гъ житію потребныхъ въ кралеству проскорблять. Кратко говорячъ: Вѣра, Правда, Миръ, Дешевина, и Прецѣнба народная есуть кралевскія печали. Краль бо приспособленію ся зоветъ Глава и Пастырь. За то чѣмъ глава своему тѣлу, и пастырь своимъ овцамъ, тѣмъ и краль есть долженъ своему народу: рекши, Судомъ, Обранюю, и Дешевиною потребныхъ вещей. Потому горѣ грѣшитъ онъ краль, кій безо всякія общія потребы, токмо по своей лакомости, неправеднымъ выдорамъ изобидитъ кого; неже грѣшитъ разбойникъ, кій бы онолико же пѣнязь сильнымъ грабежемъ кому оторвалъ. Або нѣмаютъ отонлѣ обиды изходить, отколѣ ся судъ и правда ражаетъ..

(В. Пичета. Юрій Крижаничъ, с. 18—20; 64—5).

---

149. Из Якова Рейтенфельса. Сказания о Московии 1680.

1. Характерные особенности и приемы торговли.

Царь чуть ли не один ведет все наиболее важные торговые дела в государстве, или, иногда, входит в товарищество со своими подданными или чужестранцами, ради обоюдной выгоды. Мало того, если мосхи заключат, как-нибудь, с чужестранцами какой-либо договор, то царь, как бы постоянный опекун их, по желанию может все нарушить и все утвердить. Не имеют подданные также права продать что-либо раньше, чем будут разобраны царские товары, разве, что он кому-нибудь дарует преимущественное особое право свободной продажи. Благодаря этому они не могут спокойно заниматься беспрепятственной наживой, а те, к которым счастье было более благосклонно, те принуждены наслаждаться своимъ богатством лишь в тайниках, среди сундуков, ибо в Московии подданным можно безопасно хвастаться всем иным, кроме богатства. Что касается торговли драгоценнейшими собольими мехами, то сами русские обязаны покупать их не иначе, как у царя из сибирского приказа, по цене, какую будет ему угодно назначить. Иностранцамъ, впрочем, предоставлены кой-какие незначительные преимущества: они покупают товар у продавцов из первых рук, как кредиторы, они предпочитаются русским, из которых приходится долги выколачивать, и пользуются разными льготами от царя при уплачивании пошлин и таможенных сборов. Могут, однако, и русские купцы выезжать за пределы отечества, но непременно с разрешения царя и с обязательством вернуться обратно. Они имеют даже, вне своего отечества, несколько складочных мест, пользующихся необычайной свободой, как, напр., в Гольме—въ Швеции, въ Вильне—в Литве, в Ревеле и Риге—в Ливонии и других соседних городах, куда они свозят товары и продают их без всякого стеснения. Для вывоза в разные места морским путем своих товаров, они обыкновенно нанимают за большую цену иностранные суда,—так как у них судов, сделанных у себя, немного, да и те непрочны...

(Рейтенфельс, Сказания о Московии 133.

---

2. Промышленность в Московском государстве.

Число искусных мастеров, некогда весьма небольшое в Московии, в наше время сильно увеличилось и самые мастерства в высокой степени усовершенствовались. Этого русские достигли благодаря становящемуся с каждым днем все более свободным обращению с иностранцами, а также и природной понятливости и способности их ума. И, действительно, они не только радушно принимают иностранных мастеров, европейских и азіатских, являющихся к ним по собственному желанию, но и приглашают их к себе, предлагая через послов и письменно большое вознаграждение, при чем так успешно подражают им, что нередко превосходят их новыми изобретениями. В кузнечном мастерстве, в искусстве приготовлять порох и тканье сукна они уже стали весьма опытны. В более сложных же и требующих знания и опытности делах, как-то добывание металлов и приготовление их на дело, они более полагаются на знание и опытность французов и немцев, чем на свои собственные.

Последние добывают в округе г. Тулы, расположенного близ источников р. Волги, и в иных местах железо, а близ Новгорода медь с большой выгодой для государства. Не так давно царь послал некоторых из них за Казань по направлению к Сибири, откуда незадолго перед этим были доставлены в Москву прекрасные образцы скрытых там сокровищ, для обстоятельного исследования недр тех гор, что отстоят недалеко от Рифейских и заключают в себе серебряную и золотую руду. Я полагаю, что без сомнения из глубины холодной Московской земли можно вырыть обильнейшие богатства, если только для этого будут призваны несколько опытных иностранцев, и сами русские отнесутся к этому делу с большим рвением.

Что касается прочих ремесл, то Мосхи обладают особенно им свойственным наследственным уменьем строить чрезвычайно изящные деревянные дома, вытачивать из дереза разного рода утварь, искусно ткать полотно, идущее на исподнее платье, и некоторыми другими, требующими усидчивости. Не буду здесь говорить о мастерствах, требующих постоянного сидения, но живопись у них совершенно своеобразна, обращена на священные предметы, ибо, кроме некоторых цвѣточков и животных, они пишут исключительно одних давно умерших святых, по греческим образцам. Мало того, считается поступком, не только не благочестивым, но заслуживающим наказанія, если торговец изображениями блаженных небожителей выставит на продажу рядом с ними картины светского содержания. В случае желания иметь изображения светских лиц, они поручают иностранным художникам написать таковые (зато этим последним строго запрещено писать изображения святых), хотя Мосхи, не знаю почему, кроме изображений святых, не любят изображений человеческих лиц и иных картин.

Цырюльники (дабы не подумали, что я умолчал об них из презрения, ибо я много раз видел их в Москве не без ощущения тошноты) сидят на рынках старых вещей, и потому называемом Вшивым, в низеньких лавочках, крытых древесною корою, и обрезывают простому народу волосы на голове теми же ножами, которыми разрезают хлеб и прочую пищу. Бороды Мосхи, считая ее украшением, не бреют, а напротив, как бы она ни была длинна, постоянно желают, чтобы она была еще длиннее.

3. Московскіе ряды.

(На Красной площади) и на сосѣдних площадяхъ постоянно производится торговля съестными припасами и иными предметами, необходимыми в жизненном обиходе, при густейшем стечении народа.

К этому рынку примыкает другой, полукругом расположенный, тянущийся почти на полмиллиария, где лавки для разного товара устроены так, что каждый отдельный, какой угодно, товар выставлен для продажи только в назначенном для него месте. Так, напр., в одном месте видишь шелковые ткани, в другом—шерсть, в третьем—полотно; в одном—золотые и серебряные вещи и драгоценные камни, в другом—благовония, в третьем—иностранные вина, при чем до двухсот погребов расположено в ряд под землею, в четвертом—разные, иного рода, напитки, приготовленные из меда, вишен и других ягод. Одним взглядом можно увидеть здесь в одном месте дорогие меха разного рода, в другом—колокола, топоры, подсвечники и иные металлические изделия, в третьем—кожи, рукавицы, чулки, ковры, завесы и разные ткани. Особый ряд занимают масло, сало и ветчина, особый—свечи и воск,

особый, наконец, разные изделия из дерева. В кожаном ряду лежат кожаные изделия: вожжи и прочая конская сбруя; в меховом—шубы и шапки. В одном месте выставлены лечебные разные зелья и травы, в другом запоры, ключи, гвозди, далее—шелк нитками, канитель для украшения девиц, браслеты,—все в особом месте. Также продаются, каждое в своем особом месте рынка, и обувь, и поножи, и хмель, и ячная крупа, и рыба соленая, и сено, и овес. Не говоря уже о многом другом еще, и муке, и зерновому хлебу, и иным всякого рода вещам, и чинящим обувь и низеньким лавочкам цырюльников—всему точно определен свой ряд, и все они прекрасно и удобно расположены так, что покупателю дается полная возможность выбрать наилучшее из всех, собранных в одном месте, тех или других товаров.

Не мало увеличивает красоту рынка то, что на нем нет ни одного жилого помещения, дабы, таким образом, держать огонь, сильно свирепствующий, обыкновенно, въ этомъ городе, как можно далее. По этой же причине рынок тщательно оберегается сторожами, и те мастера, кои работают с огнем, живут в отдаленном от рынка месте.

(Я. Рейтенфельс. Сказания о Московии с. 96—7, 135—7).

---

150. Марпергер (1705).

Московский купец.

Первое издание «Московского купца» заключает в себе 11 глав, из коих, изложивши в 1-й и 2-й главах краткие данные по истории и географии России, автор переходит в главе 3-й к описанию экономического положения нашего отечества в конце XVII века, тогда как позднейшее издание это описание значительно сокращает, сливая его притом с первой главой. «Что такая обширная, богатая и многолюдная (??) страна, как Московия,—говорит автор,—должна заключать в себе изобилие всяких потребных для человека товаров, уже можно заключить и по предшествовавшему географическому ее описанию». Прежде всего скот, который доставляет мясо, сало, кожи сырье, волос и шерсть, которые каждый год в огромном (неисчислимом) количестве вывозится чрез Нарву, Ригу, Кенигсберг, Архангельск в Европу. Леса в изобилии доставляют пушной товар: соболи, горностаи, куницы, лисицы, медведи, зайцы и прочее. Между соболями замечается огромная разница—от 3 и до 100 рублей за пару, и великий князь лишь от вывозной пошлины с мехов выручает много бочек с золотом, не говоря о натуральных сборах мехами, которыми он награждает министров и рассылает в подарок иностранным дворам. Далее леса доставляют мед, воск, поташ, смолу, строительный для судов материал и пр. «Реки на Руси,—по выражению Марпергера,—доставляют неописанное множество крупной и мелкой рыбы... Кроме карпии, осетров, семгу, тарань, сазан, стерлядь («лакомый кусочек»—замечает автор), белугу, моржей» и пр.: при этом он довольно подробно описывает приготовление осетровой и белужьей икры и пр.

Земля в России доставляет разного рода произрастания и продукты: во-первых, всякие хлеба, прекрасные садовые плоды, особенно яблоки (из коих автор отмечает сорт «налив», соединяющий приятный вкус и прозрачность стекла). Эти плоды заменяют де недостаток винограда, который в России, при 8 месячном царствующем холоде, от которого часто отмораживают носы и уши (и самая земля трескается)—произрастать здесь не может. «Рост злаков отличается быстротой, и посеянное в июне—в августе уже собирается»... Далее следует краткое упоминание о минеральных богатствах России, отдел значительно увеличенный во втором издании, благодаря успехам горнозаводской деятельности Петра: он в первом издании упоминает только вываренную и каменную соль, «которая де в Уфе копается в земле, и добывается из морской воды близ Астрахани; селитра и сера добывается в Сибири; железо получается недалеко от Москвы, слюда и горный хрусталь получается из Уфы» и пр. При реке Енисее,—замечает автор,—находят род руды, похожей на золото, как по цвету, так и по весу, но «но своей легкоплавкости, не может выдержать огня, между тем,—добавляет он,—рудоведы утверждают, что если бы эту руду как следует обработать, то получилось бы лучшее золото» (??).

Кроме пеньки и льна русские отправляли за границу также и некоторые мануфактурные произведения, из коих Марпергер наиболее распространяется с видом знатока о кожах и специально об юфти, «в приготовлении которой,—замечает он,—по мягкости, запаху и окраске русские превосходят все народы; отсюда поэтому все страны

Европы делают свои запасы этой кожи... Между юфтью различаются,—по словам автора», несколько сортов по местностям выработки, из коих—юфть ярославская, костромская и псковская—лучшая, но нужно значительную опытность, чтобы ее различать», при чем Марпергер входит в технические подробности, доказывающие близкое его знакомство с кожевенным делом, и предупреждает против различных обманов, при покупке, очевидно, частых. Кроме кож, в первом издании своего «Московского купца» автор упоминает еще о вывозе полотна, «которое также имеется в России в изобилии». «Но Россия чем дальше, тем больше цивилизуется,—добавляет Марпергер,—сношения ее с другими странами растут, и мало можно сомневаться, что она выступит уже скоро с серьезными пробами шелковых и шерстяных товаров...»

За всеми этими товарами голландцы ежегодно присылают до 60 судов в Архангельск, англичане—немного менее, французы, гамбургцы и бременцы присылают от 10—20 судов каждый год; Дания также начала эту торговлю.

Ввозу товаров в Россию посвящена специальная (4-я) глава сочинения под названием: «О тех товарах и мануфактурах, которые ввозятся в Москву из других стран, и каким товаром каждая страна с нею торгует, и с приложением прейс-куранта различным товаром за 1704 год».

В Россию ввозились разнообразные товары: голландцы, напр., кроме своих собственных произведений, ввозили ежегодно на 60 кораблях много и французских товаров; главные же предметы их ввоза были: соль, вино, бумага, стекло, шелковые и шерстяные ткани, золотую и серебряную проволоку, свои ост- и вест-индские товары. Англичане доставляли: сукна, табак (которого монополию они имели в Московии), разного рода мануфактуры, а также свои ост- и вест-индские товары. Любекские и гамбургские купцы: сукна, оружие, разные металлические товары, тонкое полотно, аугсбургскую серебряную посуду, миланскую, нюренбергскую и гамбургскую канитель (золотую и серебряную), зеркала, бумагу, вино, индиго, парики, много ящиков итальянской тафты и атласа. Французы: соль, вино, сироп, шафран, фрукты, бумагу, грубое (?..) сукно и в особенности бобров из Канады, у которых московиты выдергивают волос и опять перепродают англичанам, французам и голландцам для выделки касторовых шляп.

Из Индии в Астрахань доставляются туземцами индийские товары, а сами русские привозят из Китая шелковые одежды, чай, который употребляется ими, как лекарство, и другие продукты. Калмыки осенью пригоняют в Москву стада лошадей, и продают своих детей, почему в Москве можно встретить в числе прислуги много татарчат, купленных за деньги...

За сим в заключение приложен прейс-курант европейских товаров, из коего наглядно можно заключить, как дорого должны были обходиться нашим предкам услуги европейских торговых посредников: сахар, напр., стоил за пуд 110 рублей на тогдашние деньги, даже мелюс обходился 7 рублей, свинец—12 рублей, мускатные орехи—34 рубля и т. д.

Наиважнейшею для нас частью книги «Московский купец» является 5-я глава, посвященная «способам и обычаям московской торговли».

Торговля эта, как описывает Марпергер, производилась в разных местах, в разное время и разными способами... Так, для юга и Украйны торговым центром служил Азов; для Поволжья и Каспийского моря—Астрахань; в Ригу приходят товары по реке Двине на так называемых «стругах». Нарва была долго крупным остзейским торговым портом, лишавшим короля шведского многих сотен тысяч талеров пошлины; со времен лифляндских беспорядков, однако, значение Нарвы утратилось, и торговля значительно перешла в Архангельск, куда обыкновенно отправляются две партии судов—ранние, выходящие из Гамбурга, Бремена и Голландии в апреле и возвращающиеся в августе, и поздние, выходящие в июле и остающиеся вплоть до октября во время ярмарки, продолжающейся сентябрь и октябрь месяцы. Первые суда имеют задачею забрать товары от прошлогодней ярмарки, которых не имела возможность захватить партия поздних судов и которые потому перезимовали в Архангельске.

«Способ, по которому ведется торговля в Московии, следующий: или она ведется исключительно на ярмарке в Архангельске, не вступая дальше в страну, или посылают товары дальше в страну вплоть до Москвы даже, но все негоцианты того мнения, как сообщает Савари, что вести торговлю только в Архангельске всего выгоднее, потому что те неприятности, которым подвергаются купцы, едущие дальше в страну, а именно: неоплатные долги, которые там приходится иметь. высокоме-

рие, непостоянство, себялюбие и коварство русской нации, а равно и дурное обращение с иностранцами,—служат причиной тому, что немногие находят выгодным торговать внутри страны, разве только они принуждены к тому, подобно голландцам и англичанам, которые, несмотря на большую практику и знание страны, имеют, однако, большие долги на русских покупателях...»

Торговля в Архангельске, сообщает Марпергер, происходила большею частью путем мены товара на товар, при чем часто прибавляется некоторая доля деньгами. Очень часто, замечает автор, то, что покупается у русских, выплачивается им наличными деньгами, то же, что им продается, должно быть дано в кредит, на срок. При меновой торговле может иногда случиться, что в Германии и Голландии не получишь за русскую юфть ту цену, за которую она пошла в обмен; но, добавляет Марпергер, впрочем, так как привезенный иностранцами в Архангельск товар поставлен в цену высокую и на него уже нажит хороший барыш, то одно покрывается де другим.

Всего лучше и выгоднее торговать и сбыть свой товар, когда имеешь достаточно наличных денег, чтобы иметь возможность приплачивать за купленный у русских товар... Дело в том, что этот съезд является настоящим рандеву для всех торгующих с Московией купцов в Архангельске, на котором в течение 6 недель оборачиваются многие миллионы. Кто привезет достаточно наличных денег, тот всегда найдет хороший рынок и лишними, конечно, деньги никогда не могут оказаться, ибо, что останется из них, всегда может быть отдано под хорошие проценты нуждающимся в деньгах; в конце декабря—срок, на который пишется большинство векселей, выдаваемых на ярмарке—деньги получаются обратно через банк в Гамбурге или Амстердаме. При этом сам товар, разумеется, обходится гораздо дешевле, если имеешь наличные для приплаты и, напротив, дороже, когда приходится на ярмарке занимать деньги под большие проценты. Наконец, некоторые торговцы, не имеющие достаточного количества наличных денег, берут обыкновенно, в марте, еще прежде поездки в Архангельск, товаров или денег на вексель (сроком до декабря), а эти векселя иногда перепродаются (т.-е. учитываются) их собственниками, у себя же на родине богатым и хорошо снабженным наличными деньгами купцам за вычетом известных процентов. «Кроме того, некоторые немецкие и иные товары,—поясняет далее Марпергер,—ввозимые в Москву, продаются русским только на наличные деньги и, напротив, редко выменивоются, как, например, канадский бобер. Точно так же, по предварительно объявленному прейс-куранту, следует смотреть, какие товары продаются пудами и какие иначе...»

Излагая всю организацию московской торговли, Марпергер не забывает, однако, практический характер своей книги, как руководства для купцов, желающих вести торговлю с Москвою, а потому и считает нужным прерывать свои описания следующими предостережениями: «Необходимо, однако, как уже было упомянуто выше, быть очень осторожным в сношениях с русскими, ибо они обнаруживают в купле и продаже большую хитрость и ловкость»... «Мы не хотим, впрочем,—оговаривается автор,—согласиться с тем, что о них сообщает Олеарий на странице 186 третьей книги своего «Персидского путешествия». а именно: что они очень коварны, упрямы и бессовестны (??) и часто берут силою то, чего не могут взять по праву, но, несомненно, одно: кто хочет русского обмануть, тот должен рано встать»... Вообще, русские правду не чтут, а некоторые из них весьма легко прибегают ко лжи (хотя большею частью не обижаются, когда им об этом заметить, т.-е. выразить недоверие), так как, будучи, в свою очередь, очень подозрительны, они редко другим дают веру, а, напротив, даже восхваляют и берут себе в образец того человека, который сумеет их ловко обмануть и провести».

«Так однажды,—поясняет автор примером,—некоторые московские купцы, обойденные на большую сумму одним голландцем, предлагали ему вступить с ними в компанию, так как он де мастер на такие штуки и с ним, наверное, выгодно торговать заодно». «Странно впрочем,—считает он долгом добавить,—что хотя москвиты и не считают обман за что-либо постыдное, а скорее за ловкий кунштюк, в то же время, однако, многие из них смотрят как на преступление—не вернуть лишние деньги, если кто-либо при денежном расчете ошибся и заплатил более, нежели следует. Все же остальное они делают с спокойной совестью, ибо, по их мнению, торговать надо с умом и с ловкостью, а иначе не нужно и соваться...»

В заключение своей интересной книги, Марпергер приводит краткий русский словарь (на 7 страницах), или собрание важнейших русских слов, необходимых для немецкого купца, торгующего с Москвой; тут же, на 4 странице, приводится также и весьма любопытное в бытовом отношении собрание фраз и разговоров по-русски, латинскими буквами, и с немецким переводом. Фразы эти характеризуют как нравы, так и приемы тогдашней торговли, несомненно, мало отличающейся в этом отношении и от теперешней. Приведем образцы:

«Как тебя Бог милует».—«Спасибо, я давно тебя не видал».— «Дома ли твой брат?»—«Он дома и тотчас у тебя будет...»—«А, здорово, дружок, для чего ты ко мне пришел?»—«Я хочу с тобою торговать».—«Какие же товары у тебя?»—«У меня немецкие товары».—«А у меня русские товары».—«Станем менять».—«Я продаю на готовые деньги».—«Что же ты хочешь за это?»—«Столько-то».—«Это слишком дорого».—«Сколько тебе надобно, столько ты и покупай».—«Мне еще неспешно надобно...» (?).—«Ну, а сколько тебе нужно, столько я тебе и продам».—«Нет, нельзя так продать: мне самому дороже стоило...»—«Ну, возьми деньги».—«Еще ты не одумался?...»—«Я уже продал...» (?).—«А я у другого человека купил». (Разговор в ином роде, когда сделка, очевидно, заключена благополучно, или немец пришел в гости к русскому): «Коликожде я в гостях на пиру был, на другой день вставать не могу...» «Которые часто пиршествуют, и часто в убожество, в скудость впадают». «Гуляшек я не люблю, а ученого человека насилу найдешь...» (?) «Завтракал ли ты?»—«Я поздно ужинал вчерась. Сверх того, я редко ем прежде обеда...»—«Позволишь ли с нами хлеба откушать».—«Челом бью, дело у меня...»—«Да обед тотчас будет готов; эй, девка, стели скатерть». «Пожалуйста кушай, не побрезгай нашим кушаньем. Изволишь ли чарку водки»?—«Водки не уважаю». (??)—«Чем же тебя потчевать».—«Пивом»...—«Парень, налей пива...» Пожалуйте кругом».—«Будь здоров, твое здоровье».—Челом бью, сначала пить за здоровье хозяина». «Как тебе покажется наше пиво».—«Хорошо. Дай мне, пожалуйста, немного от того гуся».—«Крыло или ногу?»—«Это мне все равно».—«Наше кушанье разве не по—вашему приготовлено?»—«Я не лакомка. Пора домой! Я довольно ел, слава Богу. Челом бью за любовь, прости...»

Это любопытное собрание русских фраз, составляющих целую беседу, знание которой, очевидно, необходимо было для иностранцев, торгующих с москвичами XVII века, прекрасно рисует и самую картину тогдашней торговли... Как автор и раньше объяснял, с русскими купцами необходимо было, во-первых, торговаться, так как они любили запрашивать цены выше обычных и спускать лишь помаленьку...(«Еще ты не одумался)...» Во-вторых, с ними нужно было хитрить, например, показывать вид, что вовсе де не нуждаешься в данном товаре («А я у иного человека купил»)... Затем, из этих разговоров, знание коих было важно для всякого немца-купца, необходимо сделать еще два вывода: русская торговля, хотя и была меновая, но уже постепенно утрачивала этот характер и часто и охотно переходила в денежную (« Я продаю на готовые деньги...»); наконец, как правило, при развитом гостеприимстве мало культурного народа, торговля сопровождалась со стороны русских частыми угощениями и здоровой выпивкой: на этот раз (очевидно) и помещено здесь несколько выше приведенных изречений против пьянства и о редкости ученых людей, т.-е. трезвых разговоров... Во втором издании Марпергера, 1723 года число этих фраз на русском языке и слов значительно увеличено, но, к сожалению, сам Марпергер, или его корреспондент, собиравший для него русские фразы, напал на какого-то русского шутника, который в переводе с немецкого разных вполне невинных фраз поместил русскую грубую брань и разные неприличия, которые, наверное, доставили не мало огорчений и неприятных сюрпризов бедным немцам, пытавшимся пускать их в ход при встрече с русскими!!

(Янжул. «Между делом», 391—400).

XXIX. Старая Москва.

151. Адам Олеарий.

(1633—9 г.

О положении русских женщин.

Так как дочери больших бояр и купцовъ весьма мало, да и вовсе не приучаются к хозяйству, то и после в замужестве они также мало им занимаются, и только сидят себе дома, шьют и вышивают золотом и серебром красивые носовые платки из белой тафты, или чистого полотна, вяжут кошельки для денег и тому подобное. Они никогда не решатся зарезать курицу, или другое какое животное, а тем более изготовить какое-нибудь кушанье, из опасения оскверниться таким делом, и всякую подобную работу предоставляют своим слугам. Из ревности, мужья редко выпускают своих жен из дому, даже в самую церковь: но в простом народе это не так строго соблюдается.

Дома женщины одеваются обыкновенно очень дурно; если же, по приказанию мужей, они должны сделать гостю честь и попотчивать его чаркой водки, или, если они появляются на улицах, идучи в церковь, то надевают самые дорогие платья и крепко на крепко, толстым слоем белят себе лицо и шею.

Княжеские, боярские и других вельмож жены летом ездят в закрытых каретах, обтянутых красным сукном; кареты эти, поставленные на полозья, употребляют они и в зимнее время. В этих каретах или колымагах сидят они, во всем великолепии, как богини, а в ногах у них помещается крепостная девочка, служанка. Подле кареты бегут обыкновенно их холопы и крепостные люди в большом числе, иногда по 30 и по 40 человек. Лошадь, запряженная в такую карету, или сани, убирается подобно той, которая возит невесту, лисьими хвостами, что, впрочем, не в свадебное время встречается редко. Подобное убранство лошадей видели мы не только при выездах знатных боярынь, но и в поездах знатных бояр и самого великого князя, лошади которого увешиваются иногда, вместо лисьих, отличными, черного соболя, хвостами.

Так как молодые жены сидят больше праздно дома, редко показываются в люди, хозяйством почти не занимаются, то поэтому они мало имеют развлечений и от скуки сами придумывают себе разные забавы с своими девушками, а именно качели, до которых они страстные охотницы. Обыкновенный способ качания такой: кладут на колоду доску, две женщины становятся на концы этой доски и, перевешивая одна другую, высоко подкидывают друг друга на воздух. Иногда употребляются также и веревочные качели, на которых они качаются страшно высоко. ..

(Олеарій. Пут. в Московію. Кн. III, гл. 9.

---

152. Барон Майерберг.

(1661).

Московский обед.

Обыкновенный образ жизни Москвитян, даже и знатных, никогда не нарушает правил умеренности. На длинный и узкий стол, покрытый скатерью из плохого льна, ставятся уксусница, перечница и солонка. Каждому из обедающих кладут ложку и хлеб, но только не всегда, а тарелки, салфетки, ножа и вилки не кладется никому, кроме знатных. Потом подаются кушанья, каждое порознь, одно за другим и во множестве, если много гостей; блюда одинакового вида, у всех почти знатных и у других людей побогаче оловянные, так же как и весь столовый прибор, и по неряшеству прислуги запачканные. Начало обеда делает водка. Первую подачу кушанья составляет холодная вареная говядина, приправленная уксусом и сырым луком. Другие потом кушанья подаются либо вареные, либо жареные, либо с подливою, но ни в одном нет недостатка в больших приемах чеснока и луку, которые у Москвитян самые изысканные, возбуждающие вкус, средства. Тут уже наверное нет ничего поварского, никаких изделий кухмистерского искусства, которое изгнано из всей Московии. Со всем тем, на эти кушанья они напускаются с такой жадностью, что скорее пожирают, нежели едят. Оглодавши все мясо кругом какой-нибудь кости, они бросают ее оглоданную опять в то же блюдо, из которого взяли ее с мясом; туда же, потрясывая рукой, отряхают и приставшую к пальцам слюну, которая отделилась во рту от глодания и смешалась с подливой.

Напитки у них разные: вино, пиво, которое пьют редко, всякие меда в более частом употреблении, и водка, составляющая начало и конец обеда. Для этих напитков назначены и разные, особенные для каждого сосуды; братины, кубки, кружки, чапи, стопы, рюмки, чарки, стаканы, все большею частью оловянные или деревянные, редко серебряные, да и те почерневшие и грязные, потому что забота, чтобы они не истерлись, не позволяют Москвитянам их чистить. Когда же захотят задать пир друзьям, тогда выставляют на показ все, что есть у них; считают, что пир не пышно устроен или не искусно приготовлен, если вместе с мясами и птицами не подано будет множество блюд с разною рыбою, за которую Москвитяне, хотя и из грубой роскоши, платят дорого. Впрочем, они не с таким тонким вкусом, чтобы бросать эту рыбу или брезгать ею, если она, по обыкновению, и испортилась. О сладких закусках (десерте) после обеда Москвитянам и заботы нет, потому что пока еще придет пора подавать их, они уже больше не находят для них места у себя в желудках, раздувшихся от начинки пищею. Предел питью полагает одно опьянение, и никто не выходит из столовой, если его не вынесут.

(Бар. Майерберг. Пут. в Московию, 35—37).

153. Григорій Котошихинъ.

О Россіи в цар. Алексѣя Михайловича.

1666—67 г.

1. О мѣстничествѣ.

А когда лучится царю послаті кого на свою царскую службу во окрестные государства въ послѣхъ і въ посланникѣхъ, или на посолские съѣзды, такъ же і въ городы по воеводствамъ, и на войну, или на Москвѣ въ приказѣхъ сидѣтъ у дѣлъ, боярину или околничему или столнику зъ бояриномъ,... единому подъ другимъ въ товарыщахъ. И будетъ исъ тѣхъ бояръ бояринъ, или околничей, или столникъ зъ бояриномъ породою своею ровенъ, и отцы ихъ и дѣды и прадѣды съ отцами ихъ и зъ дѣды на службе и у дѣлъ и у царя за столомъ не бывалі ни съ кѣмъ;...— и они съ ними въ товарыщахъ быті потому жъ не хотятъ, и ставятъ себѣ въ позоръ і въ бесчестье. И бояре и околничие, и думные люді, и столники, и дворяне—бьютъ челомъ царю и подаютъ челобитные на тѣхъ людей въ бесчестье, которые съ німі, по его царскому указу, быті не хотятъ, а пишутъ въ челобитье своемъ другъ на друга, что имъ быті съ німі—мочно, потому что отцы ихъ, іли дѣды, или прадѣды, со отцы и зъ дѣды или съ прадѣды бывалі безспорно,—чтобъ государь про то, по ихъ челобитью, велѣлъ сыскать и по сыску въ безчестье указъ учиненъ былъ. А тѣ, которымъ велено съ кѣмъ быті въ товарыщахъ, противъ того жъ бьютъ челомъ царю, что они породою своею и честью тѣхъ людей неменши, съ кѣмъ имъ велятъ быти, и отцы ихъ, и дѣды и прадѣды съ родственнымі ихъ нигдѣ въ товарыщахъ не бывывали ни съ кѣмъ.

И по тому ихъ челобитью, приказываетъ царь въ Посолскомъ Приказе і въ Розряде сыскивать о честі ихъ старымі записными книгами и писмамі, і въ тѣхъ приказѣхъ, сыскавъ, выпишутъ, кто каковъ есть честью, и того дѣла слушаетъ царь зъ бояры и зъ думнымі людми. И будетъ кому съ кѣмъ быті по сыску мочно, и тому быті велятъ безъ упорства; а будетъ кому быті для ровности немочно, и его отставятъ, а велятъ быті иному, кому мочно. А будетъ кому съ кѣмъ велятъ быті по сыску, а онъ, ослушався его царского указу, быти не хочетъ и чинитца силенъ, и того за ослушание его укажетъ царь посадіті въ тюрму, на сколко доведетца. А за боярское безчестье отсылаютъ къ бояромъ на дворъ головою тѣхъ людей, которые съ німі быті не хотятъ.

И которого дни прикажетъ царь кого боярина, или околничего, или столника, за безчестье отослать головою къ боярину,—и того дни тотъ бояринъ, или околничей, у царя не бываетъ, а посылаютъ къ нему съ вѣстью, которые люді съ нимъ быть не хотѣлі, пришлютъ къ нему головою; и онъ того ожидаетъ. А посылаютъ къ нимъ такихъ людей зъ дьякомъ или съ подьячимъ; і взявъ тѣхъ людей за руки, ведутъ до боярского двора приставы, а на лошаді садитися не даютъ; а какъ приведутъ его на дворъ къ тому, съ кѣмъ онъ быті не хотѣлъ, поставятъ его на нижнемъ крылцѣ, а дьякъ или подьячей велитъ тому боярину о своемъ приходе сказать, что привелъ къ нему того человѣка, которой съ нимъ быті не хотелъ и его бесчеститъ; и бояринъ къ дьяку или подьячему выдетъ на крылцо; и дьякъ и подьячей учнетъ говорить рѣчь, что великиі

государь указалъ и бояре приговорилі того человѣка, которой съ нимъ быті не хотелъ, за его боярское бесчестье, отвесть къ нему, боярину, головою. и тотъ бояринъ на царскомъ жалованье бьетъ челомъ, а того, кого приведутъ, велитъ отпустить его къ себѣ домовь, и отпустя его домовь, на дворѣ у себя на лошаді ему садитися и лошаді водиті на дворъ не велитъ. И тотъ, кого посылаютъ къ кому головою, отъ царскаго двора идучи до боярскаго двора и у него на дворѣ, лаетъ его и бесчеститъ всякою бранью; а тотъ ему за его злые лайчивые слова ничего не чинитъ и не смѣетъ, потому что того человѣка отсылаетъ царь къ тому человѣку, за его бесчестье, любячи его, а не для чего иного, чтобъ тотъ человѣкъ учинилъ надъ нимъ убойство или увѣчье; а кто бъ что надъ такимъ отсыланымъ человѣкомъ что учинилъ, какого злого бесчестья и увѣчья, и тому бъ человѣку самому указъ былъ противъ того вдвое, потому что онъ обесчеститъ не того, кого къ нему отошлютъ, истинно бутто самого царя...—И назавтрее того дни ѣздитъ тотъ боярінъ къ царю, а приѣхавъ, бьетъ челомъ царю на его жалованье, что онъ къ нему велѣлъ за бесчестье противника его отослать головою. И послѣ того царь велитъ съ тѣмъ бояриномъ илі околничимъ быті иному человѣку, кому мочно, а прежнего отставятъ; и бываетъ царь на того человѣка гнѣвенъ, и очей его царскихъ не видитъ многое время.

А которые недумного чину люді не похотятъ быть, по указу царскому и по сыску съ тѣми людми, съ кѣмъ имъ быть велено, и тѣмъ бываетъ за ослушание и за бесчестье наказание жъ въ тюрму, по царскому разсмотрению; а инымъ за такое ихъ ослушание и за бесчестье того, съ кѣмъ быті не хотятъ, учинятъ наказание, бьютъ батоги въ приказѣхъ і въ Верху, передъ царскимі полатамі; а на иныхъ за бесчестья правятъ денги, противъ жалованья, и отдаютъ тому, кого они бесчестятъ; а у иныхъ за такие ослушания бываетъ наказание, отоймутъ честь и помѣстья і вотчины, и бивъ кнутомъ или батоги, ссылаютъ въ сылку, на вѣчное житье въ Сибирь въ казаки...—

Такъ же какъ у царя бываетъ столъ на властей [1]) и на бояръ, і власти у царя садятся за столомъ по правой сторонѣ, въ другомъ столѣ, а бояре по лѣвой сторонѣ. въ своемъ особомъ столѣ. И какъ тѣ бояре учнутъ садитися за столъ, по чину своему, бояринъ подъ бояриномъ, околничей подъ околничимъ и подъ боярамі, думной человѣкъ подъ думнымъ человѣкомъ и подъ околничимі и подъ боярамі, а иные изъ нихъ, вѣдая съ кѣмъ въ породе своеі ровность, подъ тѣмі людми садитися за столомъ не учнутъ, поѣдутъ по домомъ, илі у царя того дни отпрашивается куды къ кому въ гості; и такихъ царь отпущаетъ. А будетъ царь увѣдаетъ, что они у него учнутъ проситися въ гости на обманство, не хотя подъ которымъ человѣкомъ сидѣть, или, не прошався у царя, поѣдетъ къ себѣ домовь: и такимъ велитъ быть и за столомъ сидѣть, подъ кѣмъ доведется. И они садитись не учнутъ, а учнутъ бити челомъ, что ему ниже того боярина, или околничего, или думного человѣка сидѣті немочно, потому что онъ родомъ съ нимъ ровенъ, или честняя, и на службе и за столомъ прежъ того родъ ихъ съ тѣмъ родомъ, подъ которымъ велятъ сидѣть, не бывывалъ; и такова царь велитъ посадіті силно; и онъ посадіті себя не дастъ, і того боярина бесчеститъ и лаетъ. А какъ ево посадятъ силно, и онъ подъ нимъ не сидитъ же і выбивается изъ за стола вонъ, и его не пущаютъ и розговариваютъ, чтобъ онъ царя не приводилъ на гнѣвъ и былъ послушенъ: и онъ крічитъ: «хотя де царь ему велитъ голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть», и спустится подъ столъ; и царь укажетъ его вывесть вонъ и послать въ тюрму, или до указу къ себѣ на очі пущаті не велитъ. А после того, за то ослушание, отнимаетца у нихъ честь, боярство, или околничество и думное дворянство, и потомъ тѣ люді старые своея службы дослуживаются вновь.

А кому за такие вины бываютъ наказания, сажаютъ въ тюрмы, и отсылаютъ головою, и бьютъ батоги и кнутомъ: и то записываютъ въ книги имянно, впредь для вѣдомості и спору...

(Котошихинъ, с. 43—46)

---

2. О житіи бояръ.

А въ которые дни бываютъ празники Господъския, или иныя нарочитыя, и имянинные, и родилные, и крестилные дни: і въ тѣ дни другъ зъ другомъ пиршествуютъ почасту.

Ѣствы жъ обычай готовить попросту, безъ пріправъ, безъ ягодъ и сахару и бесъ перцу и

[1]) Духовныя власти.

инбирю и иныхъ способовъ, малосолны и безуксусны. А какъ начнутъ ѣсті, і въ то время ѣствы ставятъ на столъ по одному блюду, а иные ѣствы приносятъ съ поварни и держатъ въ руках люді их, і в которой ѣствѣ мало уксусу и соли и перцу, і въ тѣ ѣствы прибавливаютъ на столѣ; а бываетъ всякихъ ѣствъ по 40 и по 100.

Обычай же таковы́ есть: предъ обѣдомъ велятъ выходити къ гостемъ челомъ ударить женамъ своимъ. И какъ тѣ ихъ жены къ гостемъ придутъ, и станутъ въ полате или в-ызбѣ, гдѣ гостемъ обѣдать, въ болшомъ мѣсте, а гости станутъ у дверей, и кланяются жены ихъ гостемъ малымъ обычаемъ, а гости женамъ ихъ кланяются всѣ въ землю; и потомъ господинъ дому бьетъ челомъ гостемъ и кланяетца въ землю жъ, чтобъ гости жену его изволили целовать, и напередъ, по прошению гостей, целуетъ свою жену господинъ, потомъ гости единъ по единому кланяются женамъ ихъ въ землю жъ, и пришедъ целуютъ, и поцеловавъ отшедъ, потомужъ кланяются въ землю, а та, кого целуютъ, кланяется гостемъ малымъ обычаемъ; и потомъ того господина жена учнетъ подноситі гостемъ по чарке вина двойного или тройного, зъ зельи;—и тотъ господинъ учнетъ биті челомъ гостемъ и кланяетца въ землю жъ, сколко тѣхъ гостей ни будетъ, всякому по поклону, чтобъ они изволили у жены его пити вино; і по прошению тѣхъ гостей, господинъ прикажетъ піті напередъ вино женѣ своей, потомъ пьетъ самъ, и подносятъ гостемъ, и гості передъ питиемъ вина і выпивъ отдавъ чарку назадъ, кланяютца въ землю жъ; а кто вина не пьетъ, и ему, вмѣсто вина, романѣі, или ренского, или иного питья, по купку; и по томъ питіи, того господина жена, поклонясь гостемъ, пойдетъ въ свои покои, къ гостемъ же, къ бояронямъ, тѣхъ гостей къ женамъ. А жена того господина, и тѣхъ гостей жены, съ мужскимъ поломъ, кромѣ свадебъ, не обѣдаютъ никогда, разве которые гості бываютъ кому самые сродственные, а чюжихъ людей не бываетъ, и тогда обедаютъ вмѣсте...

І въ обѣдъ же, какъ приносятъ на столъ ѣствы круглые пироги, и передъ тѣмі пирогамі выходятъ того господина сыновни жены или дочері замужние, или кого сродственныхъ людей жены, и тѣ гости, вставъ і вышедъ изъ за стола къ дверямъ, тѣмъ женамъ кланяютца, и мужья тѣхъ женъ потомужъ кланяются и бьютъ челомъ, чтобъ гості жонъ ихъ целовалі і вино у нихъ пили; и гости, целовавъ тѣхъ жонъ и пивъ вино, садятца за столъ, а тѣ жены пойдутъ, по прежнему, гдѣ сперва былі. А дочерей они своихъ дѣвицъ къ гостемъ не выводятъ и не указываютъ никому, а живутъ тѣ дочері въ особыхъ далнихъ покояхъ. А какъ столъ отойдетъ, и по обѣде господинъ и гости потомужъ веселятца и пьютъ другъ про друга за здоровья, розъѣдутца по домамъ. Такимъ же обычаемъ и боярыни обѣдаютъ и пьютъ межъ себя, по достоинству, въ своихъ особыхъ покояхъ; а мужского полу, кромѣ женъ и дѣвицъ, у нихъ не бываетъ никого.

(Котошихинъ, с. 148—9).

---

3. О невѣжествѣ русскихъ.

Росиіского государства люді породою своею спесивы и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государстве своемъ научения никакого доброго не имѣютъ і не приемлютъ...

Благоразумны́і читателю. Чтучи сего писания не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая в-ыные государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи, і волность благую, начали бъ свою вѣру отменить, а приставать къ инымъ и о возвращении къ домомъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попечения не имѣлі и не мыслилі. И о поѣзде Московскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые посылаются по указу царскому и для торговлі съ проѣзжимі, ни для какихъ дѣлъ ѣхаті никому не поволено. А хотя торговые люді ѣздятъ для торговли в-ыные государства, и по нихъ, по знатныхъ нарочитыхъ людехъ, собираютъ поручные записи, за крѣпкимі порукамі, что имъ съ товарамі своимі и зъ животамі в-ыныхъ государствахъ не остатися, а возвратитися назадъ совсѣмъ. А который бы человѣкъ князь или бояринъ, или кто нибудь, самъ, илі сына, илі брата своего послалъ для какого нибудь дѣла в-ыное государство безъ вѣдомості, не бивъ челомъ государю, и такому бъ человѣку за такое дѣло поставлено было в-ызмѣну, і вотчины и помѣстья и животы взяты бъ были на царя; и ежели бъ кто самъ поѣхалъ, а после его осталися сродственники, и ихъ бы пыталі, не вѣдалі ль они мыслі сродственника своего; или бъ кто послалъ сына, или брата, илі племянника, и его потомужъ пытали бы, для чего онъ послалъ

в-ное государство, не напроваживаючи ль какихъ воинскихъ людей на Московское государство, хотя государствомъ завладѣті, или для какого иного воровского умышления по чьему научению.

(Котошихинъ, с. 52—3).

---

154. Аполлинарий Васнецов.

Облик старой Москвы.

Попробуем перенестись воображением за триста, четыреста лет назад и проследить то, что подскажут нам мысль и чувство в воссозданном смутном образе того, что когда-то было. Центр средневекового уклада жизни города сосредоточивался в Кремле. Здесь были главные храмы, жил царь, митрополит и самые богатые и властные мужики—бояре; здесь находились приказы на Ивановской площади, где шли суды и расправы. Окруженный со всех сторон водой и рвами, он имел вид неприступного «замка»—как его и называли иностранцы. С юга его замыкала река Москва и двойные стены; со стороны Красной площади—глубокий ров, обложенный кирпичем и наполненный водой по подземной трубе из верхнего Неглинного пруда, находившегося за Воскресенским мостом, там, где теперь площадь перед думой; с запада, на месте теперешнего Александровского сада,—глубокие Неглиненские нижние пруды с мостами и мукомольными мельницами при них. Взглянув на Годуновский план Кремля, еще более убеждаешься в том, какая громадная разница в характере построек между пригородами и собственно городом—кремлем. Там—дерево, солома, здесь-же белокаменные, златоверхие храмы, крепкие, двойные и тройные стены с высокими башнями, каменные дворцы—терема и даже водопровод. По тем незначительным остаткам Кремля, какие уцелели (от той эпохи), и судя по гравюре Пикара начала 18-го века, можно до некоторой степени представить все богатство и красоту тогдашнего Кремля. Если бы он остался нетронутым даже в том виде, какой имел в начале 18-го века, то это был бы единственный архитектурный памятник средневековья, не уступавший по цельности впечатления острову Сен-Мишель в Бретани. Кремль прежде всего казался буквально битком набитым каменными зданиями. Огромнейший дворец, начинавшийся под горой запасным дворцом и взбиравшийся на гору грудой теремов со всевозможными надстройками и пристройками, имел не одну тысячу комнат. Соборы, церкви, приказы, частные дома, башни, которых внутри Кремля находилось три, и все они в царском дворце, занимавшем юго-западный угол Кремля—это был отдельный, собственно царский кремль-замок. Эти башни: Гербовая—над Колымажными воротами, ведущими на площадь у Спаса на Бору перед теремами; круглая—в нижнем набережном саду, и третья над воротами в конюшенном дворе, с часами. Золото куполов, изразцы, сверкающие яркими цветами, черепичные поливные кровли на башнях, узорчатые золотые кресты, как жар горящие в небе, ряды слюдяных окон в замысловатых переплетах—как это все было оригинально и красиво!

Кремль был продуктом векового народного творчества: здесь вылилось в осязательную форму все то, что могло создать оно. Складывались про него былины, сказки; он принимал облик сказочного жилища Жар-птицы. Что такое эти архитектурные фантастические мотивы, постоянно встречающиеся на древних иконах московских писем в виде башен, теремов, чудных каких-то фронтонов вроде закомар и кокошников, как не отголоски сказочного современного им Кремля? Не удивительно после этого, что Кремль во все времена был центром города—Москва жила им. Отсюда волны народной жизни растекались по Красной площади и по улицам и переулкам Китай-города. На Красной площади с утра и до вечера толпился праздный и деловой народ, по пути узнавая новости и слушая бирючей, возвещавших царские указы. Отсюда вести разносились по всему городу: то о войне, то о казнях и новых налогах и поборах. Отсюда же, вероятно, волны народной жизни, взбудораженные кознями бояр и насилием тиранов, ударялись о кремлевские твердыни, порождая смуты, бунты и крамолу. Красная площадь для Москвы была и Великий торг, и то же что Форум для старого Рима. Здесь стояла трибуна, «ростра», или как у вечевиков «степень»—Лобное место. Отсюда по Москворецкой улице—рукой подать—был калачный и рыбный ряды, или, как называют теперь в провинции,—«обжорный ряд». За грош—за два здесь был сыт обыватель. А в Китай-городе—кружала и харчевни, и погреба в Гостином дворе с фряжскими винами, продаваемыми на вынос в глиняных и медных

кувшинах и кружках. Тут же брадобреи, и стригуны для желающих, прямо на открытом воздухе занимавшиеся своим ремеслом, отчего за многие годы накопился на улице такой слой человеческих волос, что по нему ходили и ездили, как по войлоку; поэтому и название ряда было «вшивый». Здесь же на Крестцах, перекрестках улиц, неожиданно раздавшийся вопль и причитания о покойнике говорили о том, что родственники узнали в выставленном на показ божедомами покойнике—своего сродника...—Слышен был плач детей подкидышей, вынесенных сюда в корзинах все теми же божедомами, собирающими добровольные приношения на их пропитание... Пройдет толпа скоморохов с сопелями, гудками и домрами... Раздается оглушительный перезвон колоколов на низкой деревянной на столбах колокольне... Склоняются головы и спины перед проносимой, чтимой чудотворной иконой... Разольется захватывающая разгульная песня пропившихся до последней нитки бражников... Гремят цепи выведенных сюда для сбора подаяния колодников... Крик юродивого, песня калик перехожих... Смерть и рождение, стоны и смех, драма и комедия—все завязалось неразрывным непонятным узлом и живет вместе, как проявление своеобразного уклада жизни средневекового народного города. Но вот день клонится к вечеру, пустеют улицы и площади: народ разошелся кто по домам, кто по церквам к вечерне и всенощной. а кто в бани. Насколько москвичи любили бани, можно судить по тем подробностям, с какими они изображены на всех планах старой Москвы: у Олеария, Мейерберга, на Сигизмундовском и других. Они помечены у Пушечнолитейного двора направо от длинного охотнорядского моста, на месте современного Метрополя, где они существовали вплоть до постройки этого дома. Серебрянские и Яузского моста; они существуют и по сие время, и гравюра 18-го века, изображающая эти бани, вполне передает их вид, какой они имели и в 17 веке. Бани на Москве реке у Москворецкого моста и у Каменного; в последнем случае, повидимому, на том самом месте, где они существуют и в наше время. Характерная особенность, с какой все они изображены, это—отсутствие крыш. Подобные бани можно встретить и теперь по деревням: крыша заменена у них толстым слоем дерна, наваленного на бревенчатую настилку потолка, вероятно, для большей сохранности тепла. Затем все бани помечены с журавцами для подъема воды в банные желоба из Москвы реки или прудов. Подобные журавцы встречаются и теперь по всей Руси для подъема воды из колодцев. На миниатюре в одном синодике половины 17-го века изображен пресвитер в передбаннике с банщиком, снимающим с ноги его сапог; между ними, видимо, идет мирный разговор; на фоне этой жанровой картины над крышами зданий изображен журавель и банщик при нем, подымающий воду. У бояр, именитых купцов бани, баньки и мыленки стояли по дворам и в садах, и были часто липовые, со всеми удобствами и комфортом. В таких банях парились в душистом пару от брошенных на каменицу мяты или зори, которые можно встретить и теперь в провинции, растущими у бань большими кустами.

Но вот вышли последние посетители из общественных бань, отошли давно всенощные. Заскрипели на все лады тяжелые городские по башням ворота, окованные железом,—и в Деревянном городе и в Белом, и Китай-городе и Кремле, и у царя на дворе—день кончился. Теперь ни в город никому не пройти, не проехать, ни из города; всюду решеточные сторожа, привратники, крепкие засовы и замки, а где и подъемные мосты. Догорают последние огни в слюдяных, полосных и брюшинных окнах; закрывают ставни, закрепляют оконные заслоны изнутри, настает ночь,—тревожная, темная, чреватая бедами и напастями. Кто хочет пробраться к сродникам, или кто запоздал, засидевшись в гостях, — бери фонарь и крепкую охрану с сулицами и кистенями, а то быть на утро неосторожному у божедомов. Выползут из-под мостов, из землянок с окраин московских темные люди; идут крадучись возле уснувших домов... Лай собак стоит над городом, постукивание в била сторожей и их оклики, да слышно, как шумят мельницы у мостов. Спят серебреники, не стучат молоты в кузнецком конце, замолкли Гончары, Хамовники безмолвны, и пусты их улицы. Где то крик о помощи... Вдруг набат, завыли псы... вспыхнуло зарево над Москвой! Ревет, сзывает сполошный колокол на кремлевской башне, что у Фроловских ворот. Отвечает ему тревожным криком какая-то маленькая деревянная церковка, ярко освещенная заревом сверху до низу. А тати не дремлют, им пожива. Крепче замкнули решеточные сторожа уличные решетки, участилась дробь колотушек караульщиков; того и гляди пожаром воспользуются гра-

бители и выкрадут казну из амбаров. Так и случилось в 1595 году. Несколько головорезов с какими-нибудь типичными прозвищами вроде Онипко Беспалый да Ондрейко Сухота затеяли ограбить великую казну бояр и купцов, хранившуюся в кладовых под Василием Блаженным, воспользовавшись для этого темной бурной ночью и пожаром, который они хотели произвести, запалив Москву с четырех сторон. Но замысел был открыт, и они поплатились за него своими буйными головами, сложив их где-нибудь на Болоте или «у той ли лужи поганой». Но вот, еле заметный свет утра прокрался на небе. Загудели колокола на Иване, пошли перезвоны по всей Москве к заутрене и ранней обедне—начался день. Опять заскрипели городские ворота, впуская мужиков из деревень с провизией и запоздалых с вечера приезжих гостей, ночевавших за городом по постоялым дворам и дожидавшихся рассвета. Загремели замки и цепи в Гостином дворе, застучали молоты в Кузнецком конпе, и в Серебрениках, и у Котельников, заскрипели банные журавцы, пошли по площадям блинники, кисельники, сбитенщики, вывалил московский народ на улицы—пошел чередою шумный день...

(И. Грабарь. Ист. рус. искусства, т. II, с. 242—7).

---

155. Яков Рейтенфельс [1]).

О царских забавах.

Не только далекое расстояние меж странами, но и образ мыслей и общественные законы, до настоящего времени препятствовали тому, чтобы нравы Московитов стали одинаковыми с нравами чужеземцев. Поэтому их Государи не допускали, даже для самих себя, принятые в других странах развлечения в царской жизни от забот, и, конечно, подавали пример к сему и подданным. Из домашних забав они, главным образом, занимаются охотою, привыкнув весело ловить диких зверей в лесах, посредством облавы, или по усердному гону ученых псов, или посредством быстрого полета сокола, или, наконец, выстрелом из фузеи, или лука. Алексей же, если и отправляется иногда куда-нибудь за город, исключительно ради отдыха душевного, предпочитает пребывание в саду за городом—у него имеется таковой, громадных размеров и, принимая во внимание суровый климат страны, довольно пышный—или в какой-либо царской вотчине.

Он же разрешил, несколько лет тому назад, иностранцам, проживающим в Москве, дать ему театральное представление, состоящее из пляски и «Истории» о Агасвере и Есфири, драматически обработанной. Дело в том, что, наслышавшись от многих послов, что перед европейскими государями часто даются театральные представления с хорами и иные развлечения, ради препровождения времени и рассеяния скуки, он, как-то неожиданно, приказал представить ему образчик сего в виде какой-нибудь французской пляски. Поэтому, вследствие недостатка времени, в одну неделю, со всевозможною поспешностью, было приготовлено все нужное для хора. Во всяком другом месте, кроме Москвы, необходимо было бы просить, пред началом, у зрителей снисхождения к плохому устройству, но Русским и это казалось чем-то необыкновенно художественным, так как все,—и новые, невиданные одежды, незнакомый вид сцены, самое, наконец, слово «иноземное», и стройные переливы музыки,—без труда возбуждало удивление. Сперва, правда, царь не хотел было разрешить музыки, как нечто совершенно новое и, некоторым образом языческое, но когда ему поставили на вид, что без музыки нельзя устроить хора, как танцовщикам нельзя плясать без ног, то он, несколько неохотно, предоставил все на усмотрение самих актеров.

На самое представление царь смотрел, сидя перед сценой на кресле, царица с детьми сквозь решетку или, вернее, сквозь щели особого, досками отгороженного помещения, а вельможи (из остальных никто более не был допущен) стояли на самой сцене. Хвалебные стихи, пропетые царю Орфеем прежде, чем он начал плясать между двумя движущимися пирамидами, я нахожу нужным привести здесь, из уважения к достохвальному Алексею, хотя они были, пожалуй, и не звучны и не замысловаты:

«Наконец-то настал тот желанный день, когда и нам можно послужить тебе, великий царь, и потешить тебя! Всеподданнейше должны мы исполнить долг свой у ног твоих и трижды облобызать их! Велико, правда, твое царство, управляемое твоею мудростью, но еще больше слава о доблестях твоих, высоко превозносящая тебя.

---

[1]) Племянник царского врача жил в России 1670—72

Твоя мудрость и геройская мощь могут даровать нам после долгой, мрачной войны златые мирные времена, а справедливый суд твой и вместе с ним милость, сияя неземным светом, делают твой нрав богоподобным. Высокие качества твои должно приравнять качествам богов, ибо тебе уже теперь все уступают. О, светлое солнце, луна и звезды Русских! Живи же постоянно в высшем благополучии, и да будет всегда несчастье далеко от тебя. Царствуй долго, друг небес! Умолкни недоброжелательство! Кто так близок к божествам, тот должен процветать! Итак, зазвучи же приятно, струнный мой инструмент, а ты, гора-пирамида, приплясывай под мое пение» [1]).

В этот же день, субботу на масляннице, царь устроил также на Москве-реке, покрытой льдом, травлю, в которой боролись между собой громадные, английские и других пород, собаки с белыми медведями из страны Самоедов. Зрелище было крайне забавное, так как и те и другие часто не могли удержаться на ногах на сем скользком помосте. Вечером же царь ходил туда же смотреть на летающие потешные огни.

(Яков Рейтенфельс. Сказания о Московии 1680 г. Пер. А. Станкевича. М. 1906, с. 85—9).

---

156. В. Ключевский.

Царь Алексей Михайлович.

Первое место между предшественниками (Петра) принадлежит бесспорно отцу преобразователя. В этом лице отразился первый момент преобразовательного движения, когда вожди его еще не думали разрывать со своим прошлым и ломать существующее. Царь Алексей Михайлович принял в преобразовательном движении позу, соответствующую такому взгляду на дело: одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую—уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении. Он вырос вместе с поколением, которое нужда впервые заставила заботливо и тревожно посматривать на еретический Запад в чаянии найти там средства для выхода из домашних затруднений, не отрекаясь от понятий, привычек и верований благочестивой старины...

Царь Алексей родился в 1629 г. Он прошел полный курс древне-русского образования или словесного учения, как тогда говорили. По заведенному порядку тогдашней педагогики, на шестом году его посадили за букварь, нарочно для него составленный патріаршим дьяком по заказу дедушки, патріарха Филарета,—известный древне-русский букварь с титлами, заповедями, кратким катихизисом и т. д. Учил царевича, как это было принято при московском дворе, дьяк одного из московских приказов. Через год перешли от азбуки к чтению Часовника, месяцев через пять—к Псалтирю, еще через три принялись изучать Деяния апостолов, через полгода стали учить писать, на девятом году певчий дьяк, т.-е. регент дворцового хора, начал разучивать Охтой (Октоих), нотную богослужебную книгу, от которой месяцев через восемь перешли к изучению «страшного пения», т.-е. церковных песнопений Страстной седмицы, особенно трудных по своему напеву—и лет десяти царевич был готов, прошел весь курс древнерусского гимназического образования: он мог бойко прочесть в церкви часы и не без успеха петь с дьячком на клиросе по крюковым нотам стихиры и каноны. При этом он до мельчайших подробностей изучил чин церковного богослужения, в чем мог поспорить с любым монастырским и даже соборным уставщиком. Царевич прежнего времени, вероятно, на этом бы и остановился. Но Алексей воспитывался в иное время, у людей которого настойчиво стучалась в голову смутная потребность,—ступить дальше, в таинственную область эллинской и даже латинской мудрости, мимо которой, боязливо чураясь и крестясь, пробегал благочестивый русский грамотей прежних веков. Немец со своими нововымышленными хитростями, уже забравшийся в ряды русских ратных людей, проникал и в детскую комнату государева дворца. В руках ребенка Алексея была уже «потеха», конь немецкой работы и немецкие «карты», картинки, купленные в овощном ряду за 3 алтына 4 деньги (рубля полтора на наши деньги), и даже детские латы, сделанные для царевича мастером немчином Петром Шальтом. Когда царевичу было лет 11—12, он обладал уже маленькой библиотекой, составившейся преимущественно из подарков дедушки, дядек и учителя, заключавшей в себе томов 13. Большею частью это были книги Свящ. Писания и богослужебные; но между ними находились уже грамм

---

[1]) Пропето было на немецком языке.

тика, печатанная в Литве, космография, и в Литве же изданный какой-то лексикон. К тому же главным воспитателем царевича был боярин Б. И. Морозов, один из первых русских бояр, сильно пристрастившийся к западно-европейскому. Он ввел в учебную программу царевича прием наглядного обучения, знакомил его с некоторыми предметами посредством немецких гравированных картинок; он же ввел и другую еще более смелую новизну в московский государев дворец, одел цесаревича Алексея и его брата в немецкое платье.

В зрелые годы царь Алексей представлял в высшей степени привлекательное сочетание добрых свойств верного старине древне-русского человека с наклонностью к полезным и приятным новшествам. Он был образцом набожности, того чинного, точно размеренного и твердо разученного благочестия, над которым так много и долго работало религиозное чувство древней Руси. С любым иноком мог он поспорить в искусстве молиться и поститься: в Великий и Успенский пост по воскресеньям, вторникам, четвергам и субботам царь кушал раз в день, и кушанье его состояло из капусты, груздей и ягод—все без масла; по понедельникам, средам и пятницам во все посты он не ел и не пил ничего. В церкви он стоял иногда часов по пяти и по шести сряду, клал по тысяче земных поклонов, а в иные дни —и по полторы тысячи. Это был истовый древне-русский богомолец, стройно и цельно соединявший в подвиге душевного спасения труд телесный с напряжением религиозного чувства...—

Алексей любил, чтобы вокруг него все были веселы и довольны; всего невыносимее была ему мысль, что кто-нибудь им недоволен, ропщет на него, что он кого-нибудь стесняет. Он первый начал ослаблять строгость заведенного при московском дворе чопорного этикета, делавшего столь тяжелыми и натянутыми придворные отношения. Он нисходил до шутки с придворными, ездил к ним запросто в гости, приглашал их к себе на вечерние пирушки, поил, близко входил в их домашние дела. Уменье входить в положение других, понимать и принимать к сердцу их горе и радость было одною из лучших черт в характере царя. Надобно читать его утешительные письма к кн. Ник. Одоевскому по случаю смерти его сына и к Ордину-Нащокину по поводу побега его сына за границу,—надобно читать эти задушевные письма, чтобы видеть, на какую высоту деликатности и нравственной чуткости могла поднять даже неустойчивого человека эта способность проникаться чужим горем.

В 1652 г. сын. кн. Ник. Одоевского, служившего тогда воеводой в Казани, умер от горячки почти на глазах у царя. Царь написал старику отцу, чтобы утешить его, и между прочим писал «и тебе бы, боярину нашему, через меру не скорбеть, а нельзя, чтобы не поскорбеть и не поплакать, и поплакать надобно, только в меру, чтобы Бога не прогневить». Автор письма не ограничился подробным рассказом о неожиданной смерти и обильным потоком утешений отцу: окончив письмо, он не утерпел, еще приписал: «Князь Никита Иванович! не горюй, а уповай на Бога и на нас будь надежен». В 1660 г. сын Ордина-Нащокина, молодой человек, подававший большие надежды, которому иноземные учителя вскружили голову рассказами о западной Европе, бежал за границу. Отец был страшно сконфужен и убит горем, сам уведомил царя о своем несчастіи и просил отставки. Царь умел понимать такие положения и написал отцу задушевное письмо, в котором защищал его от него самого. Между прочим он писал: «Просишь ты, чтобы дать тебе отставку; с чего ты взял просить об этом? думаю, что от безмерной печали. И что удивительного в том, что надурил твой сын? от малоумия так поступил. Человек он молодой, захотелось посмотреть на мир Божий и его дела; как птица полетает туда и сюда и, налетавшись, прилетает в свое гнездо, так и сын ваш припомнит свое гнездо и свою духовную привязанность и скоро к вам воротится».

Царь Алексей Михайлович был добрейший человек, славная русская душа. Я готов видеть в нем лучшего человека древней Руси, по крайней мере, не знаю другого древне-русского человека, который производил бы более приятное впечатление,—но только не на престоле. Это был довольно пассивный характер. Природа или воспитание были виною того, что в нем развились преимущественно те свойства, которые имеют такую цену в ежедневном житейском обиходе, вносят столько свѣта и тепла в домашние отношения. Но при нравственной чуткости царю Алексею недоставало нравственной энергии. Он любил людей и желал им всякого добра, потому что не хотел, чтобы они своим горем и жалобами расстраивали его тихие личные радости. В нем, если можно так выразиться, было много того нравственного сибаритства,

которое любит добро, потому что добро вызывает приятные ощущения. Но он был мало способен и мало расположен что-нибудь отстаивать или проводить, как и с чем-либо долго бороться. Рядом с даровитыми и честными дельцами он ставил на важные посты людей, которых сам ценил очень низко. Наблюдатели непредубежденные, но и непристрастные, выносили несогласимые впечатления, из которых слагалось такое общее суждение о царе, что это был бы добрейший и мудрейший государь, если бы не слушался дурных и глупых советников. В царе Алексее не было ничего боевого; всего менее имел он охоты и способности двигать вперед, понукать и направлять людей, хотя и любил подчас собственноручно «смирить», т.-е. отколотить неисправного или недобросовестного слугу. Современники, даже иностранцы, признавали в нем богатые природные дарования; восприимчивость и любознательность помогли ему приобрести замечательную по тому времени начитанность не только в божественном, но и в мирском писании; об нем говорили, что он «навычен многим философским наукам»; дух времени, потребности минуты также будили мысль, задавали новые вопросы. Это возбуждение сказалось в литературных наклонностях царя Алексея. Он любил писать и писал много, больше, чем кто-либо из древнерусских царей после Грозного. Он пытался изложить историю своих военных походов, делал даже опыты в стихотворстве: сохранилось несколько написанных им строк, которые могли казаться автору стихами. Всего больше оставил он писем к разным лицам. В этих письмах много простодушия, веселости, подчас задушевной грусти и просвечивает тонкое понимание ежедневных людских отношений, меткая оценка житейских мелочей и заурядных людей, но не заметно ни тех смелых и бойких оборотов мысли, ни той иронии,—ничего, чем так обильны послания Грозного. У царя Алексея все мило, многоречиво, иногда живо и образно, но вообще все сдержанно, мягко, тускло и немного сладковато. Автор, очевидно, человек порядка, а не идеи и увлечения, готового расстроить порядок во имя идеи; он готов был увлекаться всем хорошим, но ничем исключительно, чтобы ни в себе, ни вокруг себя не разрушить спокойного равновесия. Склад его ума и сердца с удивительной точностью отражался в его полной, даже тучной фигуре, с низким лбом, белым лицом, обрамленным красивой бородой, с пухлыми румяными щеками, русыми волосами, с кроткими чертами лица и мягкими глазами.

Этому-то царю пришлось стоять в потоке самых важных внутренних и внешних движений. Разносторонние отношения, старинные и недавние, шведские, польские, крымские, турецкие, западно-русские, социальные, церковные, как нарочно, в это царствование обострились, встретились и перепутались, превратились в неотложные вопросы и требовали решения, не соблюдая своей исторической очереди, и над всеми ними, как общий ключ к их решению, стоял основной вопрос: оставаться ли верным родной старине, или брать уроки у чужих? Царь Алексей разрешил этот вопрос по-своему: чтобы не выбирать между стариной и новшествами, он не разрывал с первой и не отворачивался от последних. Привычки, родственные и другие отношения привязывали его к стародумам; нужды государства, отзывчивость на все хорошее, личное сочувствие потянули его на сторону умных и энергических людей, которые во имя народного блага хотели вести дела не по-старому. Царь и не мешал этим новаторам, даже поддерживал их, но только до первого раздумья, до первого энергичного возражения со стороны стародумов. Увлекаемый новыми веяниями, царь во многом отступал от старо-заветного порядка жизни, ездил в немецкой карете, брал с собою жену на охоту, водил ее и детей на иноземную потеху, «комедийные действа» с музыкой и танцами, поил допьяна вельмож и духовника на вечерних пирушках, при чем немчин в трубы трубил и в органы играл; дал детям учителя, западно-русского ученого монаха, который повел преподавание дальше Часослова, Псалтыря и Октоиха, учил царевичей языкам латинскому и польскому. Но царь Алексей не мог стать во главе нового движения и дать ему определенное направление, отыскать нужных для того людей, указать им пути и приемы действия. Он был не прочь срывать цветки иноземной культуры, но не хотел марать рук в черной работе ее посева на русской почве.

Несмотря однако на свой пассивный характер, на свое добродушно-нерешительное отношение к вопросам времени, царь Алексей много помог успеху преобразовательного движения. Своими часто беспорядочными и непоследовательными порывами к новому и своим уменьем все сгла-

живать и улаживать, он приручил пугливую русскую мысль к влияниям, шедшим с чужой стороны. Он не дал руководящих идей для реформы, но помог выступить первым реформаторам с их идеями, дал им возможность почувствовать себя свободно, проявить свои силы. и открыл им довольно просторную дорогу для деятельности, не дал ни плана, ни направления преобразованиям, но создал преобразовательное настроение.

(В. Ключевский. Курс рус. истории т. III, лекция 56, с. 413—426)

XXXI. Стрелецкие мятежи.

157. Дневныя записки Желябужскаго [1])

(1682 по 1709).

Стрѣлецкій бунтъ.

Въ 7190 году учинилась на Москвѣ всемірная печаль: не стало Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца.

И въ томъ же году, послѣ преставленія маія въ 15 день, въ 9 часу дни, учинилось на Москвѣ смятеніе великое всему Московскому государству и всему народу, бунт великой. Собрався всѣ приказы Московскихъ стрельцевъ со всякимъ ружьемъ, и пришли нелѣпымъ гласомъ въ Государскіе чертоги, и въ томъ вышеписанномъ числѣ побили до смерти бояръ: князь Юрія Алексѣевича Долгорукова съ сыномъ Михаиломъ, князь Григорія Григорьевича Ромодановскаго, Ивана Максимовича Языкова, Артамона Сергѣевича Матвѣева, Ивана Кириловича Нарышкина съ братомъ Аѳанасьемъ, да напередъ того, вмѣсто Ивана Кириловича убили стольника Петра Михайловича Салтыкова сына, да думныхъ дьяковъ: Ларіона Ивановича съ сыномъ, Аверкія Кирилова, да Ѳомина сына Нарышкина; полковниковъ Андрея Дохтурова, другаго Григорья Горюшкина, да дохтура Данила Жидовина съ сыномъ. А боярина Кирила Полуехтовичъ Нарышкинъ постригся и посланъ въ Кириловъ монастырь.

А домы их боярскіе всѣ разорены, а животы ихъ и остатки опальные цѣнили и велѣли продавать стрѣльцомъ самою дешевою цѣною, а кромѣ стрѣльцовъ ни кому купить не велѣно. Да имъ же стрѣльцомъ велѣно выдать Государево жалованье заслуженное за 20 лѣтъ до нынѣшняго году по 5 рублей.

И въ томъ же вышеписанномъ числѣ Московской судной и холопей приказы разорены безъ остатку, не осталось ни одново дѣла. А дьякъ Михайло Прокофьевъ сосланъ въ ссылку. А полковникъ Юрья Лутохинъ съ Москвы ушелъ въ Нилову пустынь и тамъ постригся.

И въ то время въ Московскомъ государствѣ смута и смятеніе было великое.

А иныхъ головъ стрѣлецкихъ били на правежѣ, и тѣ головы деревни свои продавали, и имъ стрѣльцомъ иски платили...

(Дневныя записки Желябужскаго, с. 1—3).

[1]) Русский служилый человѣкъ того времени.

---

158. Челобитная Московскихъ стрѣльцовъ, гостей, посадскихъ людей и ямщиковъ.

(1682 іюнь).

— Въ нынѣшнемъ, Государи, 190 году Маія 15 день, изволеніемъ всемогущаго Бога и Его Богоматери пречистые Дѣвы, въ Московскомъ Російскомъ государствѣ учинилося побитье, за домъ пречистые Богородицы, и за васъ, Великихъ Государей и за все Царское Пресвѣтлое Величество.

За мирное порабощеніе и неистовство къ вамъ, Великимъ Государемъ, и отъ великихъ къ намъ ихъ налогъ и обидъ и отъ неправды, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, бояромъ князь Юрью да князь Михайлѣ Долгоруковымъ, за многія ихъ неправды и за похвалные слова:—безъ вашего Великихъ Государей указу, многихъ нашу братью безвиню бивъ кнутомъ и ссылали въ ссылку въ далные городы; да онъ же князь Юрья Долгоруково, будучи у вашихъ государскихъ дѣлъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ, намъ холопямъ вашимъ учинилъ изъ вашей государской казны денежную и хлѣбную

недодачю;—а думного дьяка Ларіона Иванова убили за то, что онъ къ нему жъ князь Юрью и князь Михайлу Долгоруковымъ приличенъ, да онъ же Ларіонъ похвалялся, хотѣлъ нами холопи вашими безвинно обвѣсить весь Земляной городъ, вмѣсто зубцовъ у Бѣлого города, да у него же Ларіона взяты гадины змѣинымъ подобіемъ: а князь Григорья Ромодановского убили за его къ вамъ Великимъ Государемъ измѣну и нерадѣніе, что онъ, будучи на вашихъ государскихъ службахъ воеводою, городъ Чигиринъ Турскимъ и Крымскимъ людямъ отдалъ, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе и вашу государскую къ себѣ милость, и съ Турскими и Крымскими людми писмами ссылался; а Ивана Я ыкова убили за то, что онъ, стакався съ прежними нашими полковники, налоги намъ великіе чинилъ и взятки великія ималъ и прежнимъ полковникамъ на нашу братью наговаривалъ, чтобы они полковники нашу братью били кнутомъ и батоги до смерти; а боярина Артемона Матвеева, и Данила Дохтура, и Ивана Гутъ меншего и сына Данила побили за то, что они на ваше Царское Пресвѣтлое Величество злое отравное зелье, межъ себя стакався, составливали, и съ пытки онъ Данило въ томъ винился; а Ивана да Аѳанасья Нарышкиныхъ побили за то, что они примѣняли къ себѣ вашего Царского Величества порфиру и мыслили всякое зло на Государя Царя Іоанна Алексѣевича; а полковниковъ Андрея Дохтурова и Григорья Горюшкина побили за то, что они, будучи на вашихъ государскихъ службахъ, ругаяся, нашу братью били кнутомъ и батоги, безъ вашего государского указу, до смерти; а думного дьяка Ларивонова сына Василья убили за то, что онъ, вѣдая у отца своего на ваше Государское Пресвѣтлое Величество злыя отравныя гадины, въ народъ не объявлялъ; а думного дьяка Аверкія Кирилова убили за то, что онъ, будучи у вашихъ государскихъ дѣлъ, со всякихъ чиновъ людей великія взятки ималъ и налогу всякую и неправду чинилъ; а боярина Петра Михайловича Салтыкова и сына его Ѳедора Петровича, умысля воровски они бояря князь Юрья Долгоруково съ товарыщи подмѣнили вмѣсто Ивана Нарышкина, хотя его отъ зломысленныхъ дѣлъ и отъ смерти свободить——велѣли его Ѳедора съ крылца бросить.

И мы, холопи ваши, побивъ ихъ князь Юрья Долгорукого съ товарыщи за ихъ всякія неправды и измѣны, нынѣ бьемъ челомъ и просимъ у васъ Великихъ Государей, у вашего Царского Пресвѣтлого Величества, милости, всего Московского государства всѣ служилые люди и гости, и гостиныхъ сотенъ, и Кадашевцы, и дворцовыхъ и конюшенныхъ слободъ, и посацкіе люди, и ямщики всѣхъ слободъ, ч т о б ы за наши многія службишки и за вѣрность п о ж а л о в а л и, Великіе Государи, указали, среди своего Московского государства у ч и н и т ь, въ Китаѣ городѣ на Красной Площади, с т о л п ъ и тѣхъ побитыхъ злодѣевъ и мятелевъ, кто за что побиты, на томъ столпѣ имяны подписать, чтобъ впредь иные—чинили правду; и противъ, Государи, того, дать намъ ваши государскія жалованныя грамоты за красными печатми, чтобы на Москвѣ, и на вашихъ государскихъ службахъ,——никто никакими поносными словами, и бунтовщиками измѣнниками, насъ не называли бъ и въ ссылки напрасно не ссылали и безвинно кнутомъ и батоги не били и не казнили, потому что мы служимъ искони вѣка вамъ Великимъ Государемъ со всякою вѣрностію и безъ всякой измѣны...—

(А. А. Э., т. IV. № 255).

159. Прения о вере.

В Грановитой палате.

(Из повести Саввы Романова).

При часѣ шестомъ пріиде сотникъ, сказуя время ити на соборъ. Отцы же благословившеся у священника Никиты, взяша святый крестъ, евангеліе и страшный судъ Божій, предъ ними же и свѣщи носяще, честно и благоговѣйно на соборъ пойдоша, а святыя книги, на свидѣтельство и на обличеніе ересямъ, нѣцїи боголюбивіи на главахъ своихъ несяху. И стрѣльцовъ 8 человѣкъ обереженія дѣля идяху съ ними; послѣдовавше же имъ многое множество народа утѣсняюще другъ друга: видяху бо иноковъ украшенныхъ смиреніемъ, и страхомъ Божіимъ сіяющихъ, на главахъ убо ихъ образъ благоговѣнія— клобуки древнія, очи покрыты до вѣждей, якоже у древнихъ преподобныхъ отецъ и удивляющеся глаголаху: сихъ иноковъ утроба истончены, не яко нынѣшнихъ новаго закона учителей. Егда же пріидоша ко вратамъ Кремля, отцевъ невозбранно вступиша, а народу входъ возбраняху, но неуспѣша вратъ затворити, народи же распаляеми усердіемъ хотяще зрѣти будущее, устремившась вси, едино

душно прійдоша во врата. Отцы же прійдоша къ соборнѣй церкви Архистратига Михаила, и поставиша налои, послаша на нихъ пелены и положиша честный крестъ, и святое евангеліе, и страшный судъ Христовъ, и образъ Пресвятыя Богородицы, и свѣщи вожгоша предъ ними.

Бѣ же часъ осмый, въ соборѣ къ обѣдни звоняху, а въ мирскихъ уже давно отпѣли; зане Патріархъ нарочно продолжалъ время, чтобъ собору не быти предъ народомъ, и отпѣша обѣдню въ концѣ десятаго часа. И выслалъ Патріархъ попа съ тетратьми на Никиту напечатанными, како онъ прежде сего повинную приносилъ, чтобы впредь о старой вѣрѣ не бити челомъ и такова дѣла не вчиняти; а самъ иде обѣдати въ келію. По обѣдѣ же Патріархъ пріиде съ архіереи въ Грановитую полату, выборные же идоша въ верхъ и доложиша болярину Хованскому, собору быти: бѣ же часъ 11-й; боляринъ же доложи Патріарху, онъ же повелѣ отцемъ прейти въ Грановитую Палату...

И егда убо внидоша въ полату,—и средѣ ея поставиша предъ мѣстомъ царскимъ аналогій и положиша на немъ честный крестъ Христовъ, святое евангеліе и святыя иконы, и возжгоша предъ ними свѣщи, и поклонишася вси царицѣ и царевнамъ до земли, Патріарху же и архіереомъ никто не поклонися. На царском убо мѣстѣ сѣдяче царевна Софія Алексіевна, на другомъ царскомъ мѣстѣ Татіана Михайловна, по правую страну царица Наталія Кириловна, на странѣ ея царевна Марія Алексіевна, по средѣ царскихъ мѣстъ царевна Анна Михайловна, на странѣ царевны, въ углу одаль, сѣдитъ патріархъ Іоакимъ, близь его Корнилій митрополитъ Новгородскій и прочіи архіереи, на лѣвой странѣ стоятъ бояре.—И вопроси патріархъ: какова ради дѣла пріидосте здѣ въ царскія полати, и что требуете отъ насъ?

Никита священникъ отвѣща: пріидохомъ къ великимъ Государемъ царемъ просити милости о исправленіи православныя христіанскія вѣры, чтобы царское свое разсмотрѣніе намъ дали съ вами, новыми законодавцы, дабы Церковь Божія была въ мірѣ и соединеніи, а не въ мятежи и раздраніи, и повелѣлибъ службу служити по старопечатнымъ книгамъ въ церквахъ святыхъ, како при царѣ государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и при святѣйшемъ Филаретѣ Патріархѣ и прочихъ прежде ихъ служили.

Патріархъ глагола: не на васъ сіе дѣло лежитъ, и неподобаетъ вамъ простолюдиномъ церковныя исправляти и въ томъ архіерея исправляти. Должно архіерея архіереомъ судити, а не простолюдиномъ; мы на себѣ Христовъ образъ носимъ... А вѣра у насъ Православная стараго Православія, греческого закона, въ ней же святіи Отцы Богу угодили; исправлена съ греческихъ и съ нашихъ харатейныхъ книгъ грамматикъ, и мы отъ себе ничего не внесохомъ въ Церковь Божію, но все отъ тыхъ писаній. Вы же грамматическаго разума не коснулися и незнаете, какову силу въ себѣ содержитъ.

Никита отвѣща: пріидохомъ здѣ не о грамматикѣ съ вами глаголати, но о церковнѣхъ догматѣхъ. яже измѣнисте, о чесомъ краткость дне недопущаетъ уже ноне, на едино вопрошеніе отъ сихъ извѣсти: егда литоргію служите и на выходѣ возмеши крестъ Христовъ въ лѣвую руку, а тройную свѣщу въ правую руку, а машеши обоими крестообразно на вси страны, чесо ради свѣща и огнь честнѣе креста Господня, и что прообразуетъ огнь и свѣща?

Патріархъ на сія словеса не отвѣща ничесоже. Тогда Холмогорскій епископъ выскочи изъ-за архіереовъ и вскрича громко невѣдомо что и къ Никитѣ яростно приступи, яко нѣкій звѣрь, хотя поглотити его. Никита же воспрети ему глаголя: что ты нога сый выше главы своея творишися, азъ убо не съ тобою, но со главнымъ архіереомъ и Патріархомъ собесѣдую,— и отведе его отъ себе мало рукою. Царевна же Софія скочи съ престола и воскрича: видите ла что Никита творитъ, при насъ архіерея бьетъ, а безъ насъ и до смерти убіетъ. Предстоящія же рѣша: не билъ Государыня онъ, токмо рукою отъ себе отвелъ. да прежде Патріарха говорити ему не велѣлъ...

Тогда подаша отцы Челобитну, она же [1]) повелѣ діаку оную чести. Его же чтеніе зѣло стройно и внятно бяше. И егда чтяше сія слова: чернецъ жидовскій еретикъ... съ Никономъ, бывшимъ Патріархомъ, поколеба его царскою душею—Софія же царевна разгнѣвася, и скочи паки съ престола, и нача со слезами глаголати: аще ли Арсеній и Никонъ Патріархъ еретики, то и отецъ и братъ наши таковыя же были, такожде и нынѣшнія цари—не цари, и патріархи—не патріархи, и архіереи—не архіереи суть. Мы сея хулы нетер-

---

[1]) Ц. Софья.

пимъ слышати, но идемъ вси изъ царства вонъ.— И вземше икону отъиде отъ престола на сажень и ста. Хованскій, боляра и выборныя вси восплакаша, глаголюще: чесо ради Государемъ царемъ изъ царства внѣ ити, мы за ихъ Государей усердно главы своя положимъ. Иніи же воини, видяще таковую ея неправду, разжегошеся любовію Православія, глаголаша ей: давно Государыня время вамъ въ монастырь ити, полно было въ царствѣ смущенія творити; здравы бы намъ были цари Государи, а безъ васъ пусто не будетъ. Она же сіе слышавши зѣло постыдѣся, и съ великимъ зазоромъ сѣде на царское паки мѣсто, и повелѣ Челобитную чести.

Діакъ же нача чести, како святіи Отцы трисоставный крестъ Господень почитали и поклонялися ему, и просфиры имъ печатали, а крыжа латинскаго отнюдь не пріимали, и о крестномъ знаменіи, еже двѣмя персты креститися и благословляти, многая свидѣтельства святыхъ написаны. Тогда царевна Софія глагола: мы за сложеніе крестное не истязуемъ: кто какъ хощетъ тако и крестится, хотя двѣмя, или тремя персты, или распростертою дланію—все то равно.—Отецъ Саватій рече: Государине царевно, еже двѣмя персты знаменіе на себѣ воображати—древнее преданіе святыхъ отецъ; и сложивъ три персты поновому, глаголя: а сія щепоть римскаго еретика, онъ тако благословлялъ и креститися такожде велѣлъ.—Царевна глагола: чесо боишися, иноче, правою рукою сложити три персты?—Саватій отвѣща: боюся Государыня и зѣло ужасаюся преданія святыхъ и богоносныхъ Отецъ.—Она же глагола: не бойся, слагай правою рукою, мы и сами крестимся всяко: треми и двѣмя персты и всею дланію,—оттого не будеши осужденъ...

Царевна воста съ престола и глаголе людемъ: что не слушаете ревнителей Православія, бытто они лжю глаголютъ? Людіе же сущіи въ палатѣ возопиша гласомъ, и персты два сложивши по преданію святыхъ Отецъ и подъяша горѣ, глаголаху: мы Государыня царевна за свой крестъ желаемъ умрети...

(Написана сія повѣсть самовидцемъ всего сего дѣла, правовѣрнымъ христіаниномъ Саввой Романовымъ—однимъ изъ составителей челобитной о вѣрѣ).

(Старообр. хрест. «Старая вѣра» с. 219—237).

---

160. Указныя статьи о раскольникахъ.

(1685, апрѣля 7).

1. Которые расколщики святѣй церкви противятся, и хулу возлагаютъ, и в церковь и къ церковному пѣнію и къ отцемъ духовнымъ на исповѣдь не ходятъ, и святыхъ таинъ не причащаются, и въ домы свои священниковъ со святынею и съ церковною потребою не пускаютъ, и межъ Христіаны непристойными своими словами чинятъ соблазнъ и мятежъ, и стоятъ въ томъ своемъ воровствѣ упорно: и тѣхъ воровъ пытать, отъ кого они тому научены, и сколь давно, и на кого станутъ говорить, и тѣхъ оговорныхъ людей имать и распрашивать и давать имъ межъ себя очныя ставки, а съ очныхъ ставокъ пытать; и которые съ пытокъ учнутъ въ томъ стоять упорно жъ, а покоренія святѣй церкви не принесутъ, и такихъ, за такую ересь, по трикратному у казни допросу, буде не покорятся, жечь въ срубѣ и пепелъ развѣять.

2. А буде кто у казни обратятся и принесутъ къ святѣй церкви повиновеніе, и обѣщаются съ чистымъ намѣреніемъ такъ не дѣлать: и такихъ посылать въ болшіе монастыри и держать ихъ въ тѣхъ монастырѣхъ подъ началы, въ великомъ береженіи и за крѣпкимъ карауломъ, и давать имъ хлѣба и воды по мѣрѣ, и приставливать къ нимъ добрыхъ и искусныхъ старцовъ, и велѣть ихъ приводить въ церковь Божію ко всякой церковной службѣ, также и къ келейному правилу, и смотрѣть за ними со всякимъ прилежаніемъ, каково тѣхъ противниковъ къ покаянію обращеніе, и совершенно ли они церкви Божіей повиновеніе приносятъ, и нѣтъ ли въ нихъ какого лукавства, чтобы они лукавствомъ своимъ и лестнымъ обращеніемъ отъ заточенія не отбывали, потому что многіе притворствомъ своимъ и лукавымъ обращеніемъ выманивались, и уходя изъ монастырей въ иные мѣста, чинили противности горше перваго; и буде которые совершенно отъ той злобы отстанутъ и святѣй церкви пріобщатся истиннымъ намѣреніемъ и чистою совѣстію, и такихъ, по подлинному свидѣтельству, изъ подъ началовъ освобожать; а буде которые изъ нихъ похотятъ постричься, и ихъ постригать въ тѣхъ же монастырѣхъ; а буде которые постричься не похотятъ, а женъ и дѣтей у нихъ нѣтъ, и тѣмъ быть въ тѣхъ же монастырѣхъ до кончины живота своего неисходно, чтобъ они, вышедъ изъ тѣхъ монастырей

съ прелестники въ сообщенiи не учинились и на прежнюю злобу не обратились; а у которыхъ есть жены и дѣти, и тѣхъ давать на поруки, чтобъ имъ впредь такой прелести не держаться, и съ расколщики не знаться, и ученiя ихъ не слушать, и въ домы къ нимъ не входить, и къ себѣ не пущать, да надъ ними того жъ всего велѣть надсматривать отцемъ ихъ духовнымъ; а буде они были въ тѣхъ монастырѣхъ, или вышедъ изъ монастырей изъ подъ начала, объявятся въ прежней своей злобѣ, а покоренiе у казни приносили лестно, и такихъ казнить смертью, какъ писано выше сего въ 1 статьѣ

8. Которые люди расколщиковъ у себя держали и чинили имъ понороку, вѣдая про нихъ, и для ихъ прелестнаго ученiя, а не извѣщали, и видя не поимали и не привели, или отъ того съ сихъ имали какiя взятки: и такимъ зато чинить жестокое наказанiе, бить кнутомъ и ссылать въ дальнiе городы; а буде которые, вѣдая, такихъ же церковныхъ противниковъ у себя въ домѣ держали, творя къ нимъ милость, или которые учнутъ приходить про нихъ провѣдывать или приносить питье или ѣствы, или принесутъ отъ кого какiе писма подсылкою, а сами хотя того прелестнаго ихъ ученiя и не держались, и по свидѣтельству въ томъ очистятся, и тѣмъ, за утайку тѣхъ воровъ, чинить наказанiе, бить кнутомъ, а иныхъ, смотря по дѣлу и ссылать; а которые что приносили собою спроста, и въ томъ очистятся, и тѣмъ чинить наказанье, бить батоги...

(А. А. Э,. т. IV, № 284).

---

161. Дневник Иоанна Георга Корба [1]).

Первая казнь стрельцов.

(10 октября, 1698 года).

Приступая к исполнению законной казни, царь пригласил на совершение ее всех иноземных послов, как бы желая заявить перед ними, что он укрепляет за собою свои права на жизнь и смерть, оспариваемые мятежниками.

К ряду казарменных домов в Преображенске прилегает возвышенная площадь. Это место казни: там воздвигаются позорные колья с воткнутыми на них безобразными головами казненных, которые сохраняются после смерти на поругание за совершенное злодеяние. Здесь произошло первое действие трагедии. Всех иностранцев, находившихся в числе зрителей, не допускали близко к месту исполнения казни; весь полк гвардейский был в строю, в полном вооружении; немного далее, на более возвышенном месте площади, толпились Москвитяне. Я там был вместе с одним немцем, главным начальником стражи; он мог менее стесняться запрещением, относящимся к иностранцам, так как народность свою скрывал под Московским платьем, притом надеялся на свой чин, и тем был смелее, что, находясь на службе Его Величества, мог притязать на права служащих Москвитян. Офицер этот пробрался в толпы Москвитян и, возвратясь, сказал мне, что он видел, как благороднейшая десница Москвы отрубила топором пять мятежных голов.

Возле ряда солдатских домиков в Преображенском протекает река Яуза, разделяя то селение на две части; на противоположном берегу сотня осужденных в небольших московских телегах ждали смертной казни. Для каждого преступника телега, при каждой телеге солдат. Не было там священника, чтобы преподать духовную помощь, как будто бы осужденные не были достойны этого религиозного обряда; однакож каждый изъ нихъ держал в руках восковую свечу, чтобы не умирать без освящения и креста. Ужас предстоящей смерти увеличивали жалобные вопли жен, стоны и раздирающие вопли умиравших поражали громаду несчастных. Мать оплакивала своего сына, дочь—судьбу отца,несчастная жена—злой рок мужа. С их рыданиями сливались вопли тех женщин, которые по разным связям родства, или свойства, заливались слезами. Когда кого из осужденных лошади быстро уносили на место казни, рыдания и вопли женщин увеличивались, которые, стараясь догнать их, оплакивали жертву разными, почти сходными одни с другими, словами (передаю их так, как мне их перевели): «Для чего тебя так скоро отнимают у меня! За чем покидаешь меня! И в последний раз поцеловать нельзя! Не дают мне попрощаться с тобою в последний раз!» Этими печальными причитаниями несчастные женщины провожали своих друзей, которых догнать уже не могли. 130 других стрельцов были приведены из деревни воеводы Шеина. По обеим сторонам каждых городских ворот стояла двойная виселица, на каждую из них было повешено в этот день по шести мятежников.

[1]) Секретарь цесарского посольства, 1698 г.

Когда все были приведены на места казни, и отдельными кучками, по шести человек в каждой, разведены по отдельным двойным виселицам, Его Царское Величество, одетый в польскую зеленую шубу, в сопровождении благородных Москвитян, подъехал к воротам, при которых, по приказанию Его Царского Величества, остановился экипаж господина императорского посла, в котором сидели, вместе с послом императора, представители Польши и Дании. Возле них находился генерал Лефорт с генералом начальником стражи. Многие другие иностранцы, вместе с Москвитянами, стояли также около ворот. Тогда начали читать приговор, при чем царь заметил присутствующим, чтобы вникали в его содержание с особенным вниманием. Так как палачу было не под силу перевешать стольких преступников, то царь велел нескольким офицерам помогать ему. Преступники не были ни связаны, ни закованы, но они были в колодках, затруднявших ходьбу, так как нога толкалась об ногу, тем не менее итти все таки можно было. Преступники сами всходили по лестницам к перекладине, крестились на все четыре стороны и (по обычаю страны) опускали на глаза и на лицо саван. По большей части осужденные сами надевали себе петлю на шею и бросались с подмостков; в числе тех, которые искупили свое преступление смертью на виселицах, насчитали двести тридцать человек, ускоривших сами свой конец...—

(Дневник Корба. Приложение.)

---

162. Усмирение стрельцов.

Из Фокеродта [1]).

Петр 1-й, бывший тогда в Вене, получив известие о (новом стрелецком) мятеже, отправился как можно скорее назад в Москву через Польшу, однакож прибыл бы очень поздно и, может быть, приведен бы был в очень затруднительное положение, если бы генерал Гордон не нагнал мятежников и не потушил мятежа, прежде нежели он вспыхнул. Этот храбрый человек, которому Петр при отъезде вверил начальство над своими полками, с невероятной быстротой стянул их, двинулся с ними потом на путь мятежников, прежде чем они соединились, разбил и рассеял их малые отряды, и напоследок так окружил их главное войско, что оно должно было сдаться на милость и немилость.

И так Петр I-й нашел все успокоенным при своем возвращении, однакож не счел благоразумным миловать мятежников, а напротив, воспользовался этим случаем для решительного уничтожения всего войска стрельцов, без различия правых и виновных. Как велико должно быть число казненных стрельцов при совершении этого приговора, можно заключить из того, что не только изо всех бойниц трех стен, окружающих город Москву, выставлены были бревна, и на каждом из них висело по 3 и по 4 стрельца, но и вся торговая площадь в Москве устлана была сплошь плахами, на которых ложились рядом осужденные на смерть мятежники и протягивали шею для удара царю, который не только собственной высокой особой потешал себя этой работой, но побуждал еще к тому и своих бояр.

С этой казни или лучше побоища до самой своей смерти Петр I-й пользовался самой полной самодержавной властью в духовных и светских делах, без малейшего противоречия, и подлинно заставил своих дворян почувствовать иго рабства: совсем отменил все родовые отличия, присуждал к самым позорным наказаниям, вешал на общенародных виселицах самых князей царского рода, упрятывал детей их в самые низкие должности, даже делал слугами в каютах (юнгами), всех без исключения дворян принуждал к военной службе под страхом тяжкого наказания, не давал значения никакой другой чести или преимуществам, кроме таких, какие присваивали каждому чин его, приобретенный службой; одним словом, располагал их жизнью и имуществом без малейшего уважения, по собственной воле и произволу.

(Фокеродт. Россия при Петре I).

---

[1]) Прусский посол в России

XXXII. Русские за границей.

163. Записки Я. К. Номена [1]).

О пребываніи Петра Великаго въ Нидерландахъ.

Въ 1697 году его царское величество рѣшилъ предпринять большое путешествіе и отправился въ дорогу съ большою свитою, состоявшею, между прочимъ, изъ разныхъ князей и вельможъ его государства, двухъ или трехъ пословъ, священниковъ и другихъ должностныхъ лицъ. Нѣкоторые изъ нихъ ѣхали въ Германію и въ Вѣну къ Германскому императору, другіе же въ Италію и въ Римъ къ папѣ (но ни одинъ во Францію, ибо французовъ великій царь не долюбливалъ); самъ же онъ со многими изъ вышеупомянутыхъ господъ отправился въ Голландію и въ Англію. Но въ газетахъ не смѣли сообщить о томъ, что онъ самолично участвуетъ въ этом путешествіи, а писалось всегда: «великое Московское посольство», или: «нѣкоторые князья изъ великаго посольства его царскаго величества» были здѣсь или тамъ...

Его царское величество купилъ (въ Зандамѣ), въ домѣ вдовы Якова Омеса, разные плотничьи инструменты, которые отправилъ въ свою скромную царскую квартиру... Затѣмъ онъ, сбросивъ верхнее платье, сталъ работать до пота. Онъ хотѣлъ изготовить себѣ ванну и сдѣлать разныя другія вещи. Его свита говорила, что они, вѣроятно, останутся здѣсь всю зиму до марта мѣсяца, чтобы усовершенствоваться въ кораблестроеніи и другихъ ремеслахъ, надѣясь одновременно познакомиться со страной, а въ особенности, съ этой деревней и съ ея промышленностью.

Его царское величество осматривалъ съ большимъ вниманіемъ корабельныя верфи и лѣсопильныя мельницы и, между прочимъ, отправился на мельницу подъ названіемъ de-kok (поваръ), чтобы видѣть, какъ изготовляется бѣлая бумага. Мельницу остановили, и онъ спросилъ, зачѣмъ они, когда мельница почти остановилась, снова немного подняли тормазъ? Получивъ объясненіе, онъ отвѣтилъ: «это хорошо». Онъ осматривалъ все очень подробно и спрашивалъ объ устройствѣ отдѣльныхъ частей. На этой же мельницѣ одинъ изъ мастеровъ, а именно черпальщикъ, былъ занятъ черпаніемъ изъ чана въ форму той массы, из которой изготовляется бѣлая бумага; этою работой великій князь особенно заинтересовался и просилъ разрѣшить ему сдѣлать опытъ. На это охотно согласились, и зачерпнувъ, онъ подарилъ рабочему рейхсталеръ, несмотря на то, что у насъ онъ не часто бывалъ щедрымъ, а напротивъ, показывалъ себя очень экономнымъ.

Обѣдать онъ отправился къ женѣ Яна Ренсена. Онъ служитъ тоже въ Московіи корабельнымъ плотникомъ, и царь очень любитъ его...—

Пріѣхавъ на своемъ буерѣ въ Амстердамъ, онъ причалилъ къ Остъ-Индской верфи и выгрузилъ тутъ же свой багажъ.

Директора Остъ-Индской компаніи пригласили его царское величество работать и спокойно жить на ихъ верфи. На этой закрытой площади онъ былъ защищенъ от любопытства народа. Здѣсь ему представился случай участвовать при сооруженіи судна въ сто футовъ длиной. Онъ принялся за дѣло и выразилъ желаніе, чтобъ его здѣсь называли Pieter timmerman van Zaandam (Питеръ, плотникъ Зандамскій).

Одинъ правдивый амстердамскій торговецъ разсказывалъ мнѣ, что какой-то купецъ въ Амстердамѣ пожелалъ видѣть великаго князя за работой, и поэтому обратился къ корабельному мастеру верфи съ просьбою, чтобы тотъ допустилъ его и далъ ему возможность удовлетворить свое любопытство. Его просьба была исполнена, но чтобы онъ навѣрное узналъ великаго князя, мастеръ предупредилъ его, что тотъ, кому онъ скажетъ: «Питеръ плотникъ зандамскій, сдѣлай это или то», и есть великій князь. Любопытный купецъ посѣтилъ верфь и видѣлъ, какъ нѣсколько рабочихъ несли тяжелое бревно; вдругъ мастеръ крикнулъ: «Питеръ, плотникъ зандамскій, что же ты не пособишь нести этимъ людямъ?» Онъ сейчасъ же послушался, подбѣжалъ къ нимъ, подставилъ плечо подъ дерево и понесъ его вместе съ другими плотниками на назначенное мѣсто, къ великому удивленію зрителя.

(Записки Я. К. Номена).

---

[1]) Купецъ—суконщикъ, членъ управы въ Зандамѣ.

164. Из дневника и путевых заметок кн. Б. И. Куракина.

...Въ Англіи все отправляется съ парламенту, только ихъ парламентъ есть двемя способами, и консиліи ихъ бываютъ двемя парламенты. Первый парламентъ называется: «Гогор-гоус», въ которомъ дуки, князи, бискупы и графы или все большихъ фамилій люди; въ томъ парламентѣ только бываетъ два бискупа, который парламентъ больше не бываетъ въ 80 персонахъ или въ 100 персонахъ, которые въ консиліи своемъ отправляютъ дѣла государственные и военные. Другой парламентъ называется «Лаг-гоус», в которомъ бываютъ депутаты отъ провинцій, изъ городовъ и отъ слободъ, по нашему посацкіе люди, въ которомъ консиліи советуютъ о торгахъ и о сборахъ денегъ или объ иныхъ какихъ податяхъ и объ иныхъ внутреннихъ дѣлехъ своего государства или земскихъ дѣлехъ, а не о постороннихъ; въ которомъ парламентѣ бываетъ 400 персонъ и до 500 человѣкъ.

Только жъ такой порядокъ, что будетъ сдѣлано въ одномъ парламентѣ, и повинно—те приговоры объявить другому парламенту, и ежели и другимъ парламентомъ на то позволятъ тому быть такъ и состоится, а ежели въ другомъ парламентѣ на тѣ приговоры не позволятъ, то не можетъ состояться.

Особливо все такъ говорятъ, что другой парламентъ «Лаг-гоус», сильнѣе перваго парламента «Гогор-гоус».

И потомъ, какъ все установятъ парламентами, потомъ должно то предложить передъ короля, только ему во свидѣтельство, что то сдѣлано и приговорено быть такъ, а не для того, чтобъ королю передѣлать приговоръ парламентовъ, и не можетъ того сдѣлать...

20 Генваря... — Парикъ съ мѣшечкомъ данъ 14 гульденовъ...

Февраля 15. Учился Филька оправливать парикъвъ, дано 6 гульденовъ...

24 Февраля... Куплен парикъ русой, который за печатью съ узлы мохнатыми, дано 24 гульдена.—Чулки черные, шолковые, англійскіе пол—8 гульдена, другіе гарусные 5 гульденовъ...

10 Марта... Академія Утрехтская славная во всей Галандіи, гдѣ учатъ медицинѣ, математикѣ, теологіи, философіи, юриспруденціи, гисторіи, на лошадяхъ, на шпагахъ, на бандире, танцовать, екзерциціи солдацкой и кавалеріи; языковъ латинскому, греческому, италіанскому, французскому, еврейскому, гишпанскому, аглинскому, немецкому, португальскому, арапскому и другихъ языковъ. Тутъ же и анатомія дохтурская, только анатомія не такъ чинно отправляется, какъ въ Италіи. Также и шталмейстеръ въ ученье лошадей—все порядошно, только неапольская ученья всѣхъ тѣхъ наукъ военныхъ лутче и порядошнѣе; а при школе лошадиной только видѣлъ студентовъ человѣкъ съ пятнадцать, а лошадей всѣхъ съ 20...

(Рус. быт. XVIII века, т. I.)

---

165. Путевой дневникъ П. А. Толстого.

1. Посылка въ Европу.

7205 года (1697) Генваря 11-го дня, по указу великаго государя, велѣно комнатнымъ стольникамъ князю Юрію княжъ Юрьеву сыну Трубецкому; Петру Андрееву сыну Толстому (и другимъ, всѣхъ 34 имени)... [1]) велѣно ѣхать въ Европейскія христіанскія государства для науки воинскихъ дѣлъ; а которымъ наукамъ велѣно имъ учиться, о томъ даны каждому изъ нихъ статьи

По тому великаго государя указу изъ вышепоименованныхъ стольниковъ, Петру Толстому даны статьи, а въ нихъ писано:

Статьи, подлежащія ученію.

1. Знать чертежи или карты, компасы и прочіе признаки морскіе.

2. Владѣть судномъ какъ въ бою, такъ и въ простомъ шествіи, знать всѣ снасти и инструменты, къ тому принадлежащіе, парусы, веревки, а на каторгахъ и иныхъ судахъ весла и проч.

3. Сколько возможно искать того, чтобъ быть на морѣ во время боя; а кому не случится, то съ прилежаніемъ искать того, какъ въ то время поступать; сдлакожъ обоимъ, видѣвшимъ и невидѣвшимъ бой, отъ начальниковъ морскихъ взять на то свидѣтельствованные листы за руками ихъ и за печатьми, что они въ томъ дѣлѣ достойны службы своея.

---

[1]) Въ томъ числѣ 3 кн. Голицыныхъ, 2 Шереметевыхъ, 3 кн. Хилковыхъ, 3 Раевскихъ, 2 кн. Долгоруковыхъ и др.

4. Если кто похочетъ впредь получить милость большую по возвращеніи своемъ, то къ симъ вышеписаннымъ повелѣніямъ и ученію научился бы знать, какъ дѣлать тѣ суды, на которыхъ они искушеніе свое примутъ.

5. Когда возвращаться будутъ къ Москвѣ, долженъ всякій по два человѣка искусныхъ мастеровъ морского дѣла привезть съ собою до Москвы на своихъ проторяхъ, а тѣ протори, какъ пріѣдутъ, будутъ имъ заплочены. Да сверхъ того отсюда изъ солдатъ даны будутъ для того ихъ ученія по одному человѣку. А кто изъ солдатъ взять не похочетъ, тѣмъ или знакомца, или человѣка своего тому жъ выучить, а солдатамъ прокормъ будетъ изъ казны. А буде кромѣ солдатъ кто кого выучитъ, за всякаго человѣка за прокормъ дано будетъ по сту рублевъ. И о томъ, солдатъ кто взять похочетъ или изъ своихъ кого учить, объявлять комиссаръ-генералу немедленно.

6. Съ Москвы ѣхать симъ зимнимъ временемъ, чтобъ къ послѣднимъ числамъ Февраля никто здѣсь не остался.

2. Свидѣтельство о морскомъ ученіи.

Капитанъ морской корабля св. Маріи-Елисаветы Иванъ Лазоревичъ, даю знать всѣмъ и всякому особно, а паче кому надлежитъ вѣдать, что въ лѣтѣ 1698-мъ всѣлъ на мой вышеписанный корабль дворянинъ Московскій Петръ Андреевичъ купно съ солдатомъ Иваномъ Стабуринымъ, желая познать плаваніе морское въ коробляхъ и иныхъ судахъ, и былъ отъ меня ученъ дѣлъ морскихъ, т.-е. буссола, а по-славянски маятника со всѣми до него надлежностями, также карты морской, на которой значатся пути морскіе, потомъ имѣлъ прилежаніе познать имена деревъ и парусовъ и веревокъ и всякихъ инструментовъ корабельныхъ, и тѣ всѣ выше помяненныя вещи, надлежащія до навигаціи, такъ карту, яко и буссолу и имена вышепомяненныхъ инструментовъ корабельныхъ, тотъ помяненный дворянинъ позналъ добро по обыкновенію нашего моря. Потомъ желалъ видѣть строй кораблей и галеръ во время битвы, чего на всемъ Венецкаго моря гольфѣ обрѣсти въ томъ лѣтѣ не могъ. И будучи тотъ помяненный дворянинъ на корабле моемъ во время сильныхъ вѣтровъ и небезстрашныхъ фортунъ, прикладывался до всякаго порядку корабельнаго съ прилежаніемъ и безстрашіемъ, показуяся во время великихъ навольностей морскихъ и вѣтровъ во всемъ быть способенъ. И паки тотъ же помяненный дворянинъ съ солдатомъ былъ от меня посланъ для лучшей практики на Венецкомъ морѣ въ иномъ суднѣ. А для видѣнія галеръ и для обрѣтенія на морѣ бою судилъ я, вышепомяненный капитанъ, тому Московскому дворянину ѣхать и съ солдатомъ на Медитеранское море чрезъ Калабрію до Цицилійскаго и даже до Мальтійскаго острововъ, для того что по Венецкой гольфѣ галеръ малое число и не часто плаваетъ. На то вышепомяненное дѣло даю свидѣтельство, что тотъ помяненный дворянинъ въ познаніи вѣтровъ такъ на буссолѣ, яко и на картѣ и въ познаніи инструментовъ, корабельныхъ деревъ и парусовъ и веревокъ есть по свидѣтельству моему искусный и до того способный, и для лучшей вѣры сей листъ подписую моею власною рукою и прикладаю мою печать.

У подлиннаго листа пишетъ: «Капитанъ Иванъ Лазоревичъ корабля св. Маріи Елисаветы подписую моею рукою, чиня увѣреніе». У того жъ листа печать капитана морского Ивана Лазоревича на воску красномъ изображена.

(Рус. Архив 1883 г. № 2).

---

166. Записки И. И. Неплюева.

Экзаменъ по возвращеніи изъ-за границы.

(1718 г.)

30-го іюня присланъ къ намъ отъ коллегіи приказъ явиться 1-го іюля на экзаменъ. Мы, собравшись у коллегии, дожидались повелѣнія. Въ 8 часовъ государь пріѣхалъ въ одноколкѣ и, мимо идучи, сказалъ намъ: «Здорово, ребята». Потомъ, чрезъ нѣкоторое время впустили насъ въ асамблею, и генералъ-адмиралъ приказалъ Зміевичу напредь разспрашивать порознь, что кто знаетъ о навигаціи. Потомъ, какъ дошла и моя очередь (а я былъ, по условію между нами, изъ послѣднихъ), то государь изволилъ подойти ко мнѣ и, не давъ Зміевичу дѣлать задачи, спросилъ: «Всему ли ты научился, для чего былъ посланъ?» На что я отвѣтствовалъ: «Всемилостивѣйшій государь, прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя предъ вами рабомъ недостойнымъ и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, вашей

ко мнѣ щедроты». При сказываніи сихъ словъ я сталъ на колѣни, а государь, оборотивъ руку праву ладонью, далъ поцѣловать и притомъ изволилъ молвить: «Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли; а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя бъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству». Я, стоя на колѣняхъ, взялъ самъ его руку и цѣловалъ оную многократно, а онъ мнѣ сказалъ: «Встань, братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ; но не робѣй; буде что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи». И, оборотясь къ Зміевичу, приказалъ разспросить меня; а какъ я давалъ отвѣты, то онъ изволилъ сказать Зміевичу: «Разспрашивай о высшихъ знаніяхъ». И по окончаніи у всѣхъ разспросовъ, тутъ же пожаловалъ меня въ поручики въ морскіе галернаго флота и другого—Кайсарова, а и другихъ также пожаловалъ, но ниже чинами.

Чрезъ малое потомъ время указалъ государь опредѣлить меня, Неплюева, смотрителемъ и командиромъ надъ строящимися морскими судами...

(Записки И. И. Неплюева, изд. Суворина, 102—106).

---

167. Изъ письма князя М. Голицына изъ-за границы въ 1711 г.

Амстердамъ, 2 Апрѣля 1711 г...—О себѣ возвѣщаю, при помощи Божіей, живъ во обремененныхъ моихъ печалѣхъ и тягостѣхъ. О житіи моемъ возвѣщаю, житіе пришло мнѣ самое бедственное и трудное. Первое, что нищета, паче же разлученіе. Наука опредѣлена самая премудрая; хотя мнѣ всѣ дни живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, дыя того, не знамо учитца языка, не знамо науки. Видимъ то, которыя наша братья пріѣхали дыя обученія къ той же наукѣ, и ни единаго не было, чтобы безъ Латинскаго языка, да и тѣ въ три годы ни единъ человѣкъ ни половины окончать не можетъ. А про меня вы сами можете знать, что кромѣ природнаво языка никакого не могу знать, да и лѣта мои ушли отъ науки, а паче всего въ томъ моя тягость, что на морѣ никоторыми мѣрами мнѣ быть невозможно, того ради, что весьма боленъ. Какъ отъ города поѣхалъ, были въ пути 8 недѣль, и въ тѣхъ недѣляхъ единаго дня здороваго не было, на что свидѣтельствую себя въ томъ дѣлѣ тѣми Московскими господами, которые имѣли путь свой съ нами отъ Архангельскаго города; а въ пунтахъ или статьяхъ написано господину камисару князю Львову о всей кампаніи, которые опредѣлены въ навигатцкую науку, то-есть мореходства, чтобы были на сухомъ пути, обучалися чертежамъ зимніе четыре мѣсяца, а 8 мѣсяцевъ всегда бы были непрестанно на кораблѣ; а ежели кто сего дѣла не обучитъ, и за то будетъ безо всякія пощады превеликое бѣдство, отъ чего, Боже сохрани, и тотъ престрашны гнѣвъ въ тѣхъ пунтахъ написанъ рукою самаго Монарха. и про тотъ гнѣвъ подъ великимъ запрещеніемъ господину камисару не велѣно никому сказывать, однакоже мнѣ по любви своей открылъ. И я, видя ту ярость, а въ себѣ весьма вижу, что сего положеннаго дѣла не управить, паче же натура моя не можетъ снесть мореходства, и отъ того пришелъ въ великую печаль и сомнѣніе, и не знаю какъ и быть.

Но прилучился мнѣ такой благопріятной случай: дьячей сынъ Суворовъ, которой имѣетъ присутствіе свое въ Преображенскомъ, и то дьяка сынъ крестьникъ Государевъ и жилъ въ Пербурхѣ, при Дворѣ Государевѣ, а нынѣ присланъ къ намъ въ Галандію подъ видомъ тѣмъ, бутто учитца, а больше смотрѣть, какъ наша вся кампанія въ положенной наукѣ обхожденіе имѣетъ, и онъ, Суворовъ, ко мнѣ гораздо любовію приклонился и все открылъ. И я, видя къ себѣ его сопряженна въ любви, просилъ его, чтобы далъ мнѣ такову помощь, дабы мнѣ чѣмъ свободитца отъ науки мореходцкия, и онъ мнѣ то обѣщалъ таковымъ способом чинить. Есть при Государѣ секретарь, Алексѣй Макарьевъ, которой носитъ милость, и къ тому секретарю онъ писалъ, чтобы онъ то учинилъ, упросилъ, чтобы отъ той науки насъ морехотцкой отставить, а чтобы учитца какой нибудь сухопутной; также и я, положа на Бога упованіе, писалъ съ слезнымъ прошеніемъ до Ѳедора Матвѣевича о томъ же; а то мое писмо послалъ онъ же, Суворовъ, чрезъ того же секретаря, и о томъ не могу знать, тѣ письма дошлилъ, а посланы на почтѣ въ февралѣ въ первыхъ числѣхъ. И я о томъ просилъ его, Суворова, чтобы еще далъ дыя потвержьденія письмо.

И къ тебѣ посылаю, также и къ Ѳедору Матѳеевичу, и прошу васъ, моего любезнаго друга и государя, умилися надо мною, паче дыя кровныя своей, съ тѣми письмами съѣзди, гдѣ будетъ обитать адмиралъ и оны секретарь, и упроси, чтобы

меня отставить ото той науки, а взять бы къ Москвѣ и быть хотя бы послѣднимъ редовымъ салдатомъ, а ежели сего невозможно, и хотя бы въ тѣхъ же Европскихъ краяхъ быть, да обучатца бы какой-нибудь наукѣ сухопутцкой, толко чтобы не мореходства. И, пожалуй, изволь отдавать изъ вещей моихъ, которы есть, тому секретарю или кому другимъ, отъ кого помощь сыщешь; пожалуй не изволь стоять. И паки прошу, умилися надо мною ты. помилуй: ежели ты не вступишь и милости не покажешь, то иному болше некому; а чтобы наши никто не вѣдалъ, и дьля самаго Бога сестрѣ своей, а моей женѣ, не сказывай, что я о томъ печалію одержимъ: самъ ты ея печалной нравъ знаешь, а болше горячесть серца ея ко мнѣ. А мы нынѣ пошли моремъ въ Копенгагенъ въ Датцкаю землю и будемъ тамо жить.

(К. Сивков. Пут. русс. людей за границу, с. 60—61).

---

168. Журналъ Петра Великого.

Петръ I во Франціи.

Обстоятельный журналъ о вояжѣ или о путешествіи Его Царскаго Величества, какъ изъ Копенгагена поѣхалъ и былъ въ Голландіи, во Франціи и въ прочихъ тамошнихъ мѣстахъ, и что тамъ чинилось...

(1717 г.).

Апрѣля въ 26 день прибылъ въ мѣстечко Алвевъ, гдѣ встрѣтилъ Его Величество Маршалъ Франціи де Тесе съ прочими знатными отъ двора Французскаго придворными служителями; и высланы были Королевскія кареты и для конвоя Кавалергардіи эскадронъ: и отъ того мѣста поѣхалъ Его Величество въ Королевскихъ каретахъ, а подъ вечеръ прибылъ въ Парижъ въ десятомъ часу пополудни въ Королевскій старый домъ, именуемый Лювери, и тутъ побывъ съ часъ, переѣхалъ тогожъ вечера на другую квартиру въ домъ, называемый Лотесъ де Ленгеръ, съ Министрами Своими и Генералитетомъ...—

Въ 27 день былъ у его Царскаго Величества Французскій Регентъ Дукъ де Орлеанъ съ визитомъ.

Въ 29 день Король Французскій Людовикъ 15 въ 6 часу былъ у Его Царскаго Величества, котораго Его Царское Величество встрѣтилъ на нижнемъ крыльцѣ у кареты и принялъ его; и потом тутъ же на крыльцѣ отъ Короля, яко отъ малолѣтна суща, поздравлялъ Его Царское Величество, и говорилъ рѣчь дядька Королевскій Маршалъ Дюкъ де Виллероа; а потомъ Ихъ Величества пошли въ палаты и имѣли такожъ разговоръ.

Царское Величество говорилъ съ Королемъ чрезъ Посла Князя Куракина, а Король говорилъ чрезъ дядьку своего помянутаго Дюкъ де Виллероа; и по прошествіи четверти часа Ихъ Величества встали и пошли въ залъ, гдѣ бывъ еще нѣсколько минутъ, потомъ Его Королевское Величество пошелъ къ своему двору, и Его Царское Величество онаго провожалъ такожъ до кареты.

Въ 30 день предъ полуднемъ Его Царское Величество былъ въ арсеналѣ и въ Королевскихъ домахъ, и гдѣ льютъ мѣдныя всякія статуи, и въ Аптекарскомъ огородѣ, и въ другихъ огородахъ, и въ Аптекарскомъ домѣ, гдѣ смотрѣлъ анатомическихъ вещей. Потомъ были у Царскаго Величества съ визитомъ отъ Парижскаго Магистрата 12 человѣкъ въ вишневыхъ бархатныхъ епанчахъ.

Тогожъ числа въ 5 часу по полудни Его Царское Величество былъ у Короля въ Его Королевскомъ Парижскомъ домѣ, который называется Тюлерій, гдѣ была Его Величеству зѣло изрядная и великая встрѣча, гдѣ были граннускетеры и прочая пѣхотная гвардія въ строѣ со многою музыкою и трубными гласы и литаврнымъ боемъ, и встрѣтилъ Его Царское Величество Король самъ, при которомъ были его Министры и Маршалы де Франціи.

Маія въ 1 день Его Царское Величество были въ Габлинѣ, гдѣ дѣлаютъ лучшія шпалеры, и смотрѣлъ тѣхъ работъ и лучшихъ шпалеръ, и былъ въ Анатоміи и въ Обсерваторіи.

Во 2 день Его Величество до обѣда былъ дома; послѣ обѣда былъ на стекляныхъ заводахъ.

Въ 3 день Его Величество былъ въ Королевскомъ домѣ въ большой галереѣ, гдѣ лучшія картины, и смотрѣлъ въ другой большой галереѣ моделей фортеціямъ лучшихъ крѣпостей; и потомъ былъ въ Луврѣ, и гдѣ дѣлаютъ статуи, и въ Королевскомъ огородѣ, который въ Тюлеріи...

Въ 8 день Его Величество смотрѣлъ Анатомическихъ вещей, сдѣланныхъ изъ воска...

Въ 14 день Его Величество во весь день былъ въ Версальскомъ огородѣ: для чего пущены были всѣ

фонтаны и прочія игровыя воды; и былъ въ домѣ Королевскомъ, называемомъ Тріано, который стоитъ въ правой сторонѣ огорода Версальскаго; и гуляли въ баржахъ по Версальскому пруду, и были въ другомъ Королевскомъ маломъ домѣ, называемомъ Менажереи, который построенъ въ лѣвой сторонѣ Версальскаго огорода: и тамъ веселились утѣшными фонтанами...

Іюня въ 3 день по утру Его Величество былъ въ Академіи, гдѣ предлагали Его Величеству учители Сорбонскіе о соединеніи вѣры, разсуждая, что легко сіе учинить. На что Его Величество изволилъ имъ отвѣтствовать: что сіе дѣло не малое, и учинить скоро того не возможно; къ томужъ Его Величество больше обращается въ дѣлахъ воинскихъ. А ежели они того подлинно желаютъ, чтобъ о томъ писали къ Россійскимъ Архіереямъ: ибо сіе дѣло важное и требуетъ на то духовнаго собранія...

Въ 5 день смотрѣлъ екзерциціи Французской гвардіи конной и мушкетеровъ.

Въ 6 день Его Величество былъ у мастеровъ, которые дѣлаютъ инструменты математическіе, и нѣкоторые лучшіе инструменты у нихъ изволилъ купить.

Въ 7 день по полудни Регентъ Дюкъ де Орлеанъ былъ у Царскаго Величества; но понеже Его Царское Величество намѣреніе Свое изволилъ взять изъ Парижа отъѣзжать; того для тогожъ 7 числа въ вечеру былъ у Королевскаго Величества съ послѣднею визитою.

Въ 8 день по полудни къ Его Царскому Величеству пріѣзжалъ Король и простился.

Въ 9 день послѣ обѣда Царское Величество поѣхалъ изъ Парижа...

(Журнал Петра Великого, т. II, прилож. X).

XXXIII. Великая Северная война.

169. Нарва

1700.

Журналъ Петра Великаго.

И тако шведы надъ нашимъ войскомъ викторію получили, что есть безспорно: но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную учинили? ибо только одинъ старый полкъ Лефортовскій былъ (который предъ тѣмъ назывался Шепелева); два полка гвардіи только были на двухъ атакахъ у Азова, а полевыхъ боевъ, а наипаче съ регулярными войски, никогда не видали. Прочіежъ полки, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, какъ офицеры, такъ и рядовые, самые были рекруты, какъ выше помянуто, къ томужъ за поздпымъ временемъ великій голодъ былъ; понеже за великами грязьми провіанта привозить было невозможно, и единымъ словомъ сказать, все то дѣло, яко младенческое играніе было: а искусства ниже вида; то какое удивленіе такому старому, обученному и практикованному войску надъ такими неискусными сыскать викторію?

Правда, сія побѣда въ то время зѣло была печально чувственная, и яко отчаянная всякія впредь надежды, и за великій гнѣвъ Божій почитаемая. Но нынѣ, когда о томъ подумать, воистинну не гнѣвъ, по милость Божію исповѣдати долженствуемъ: ибо, ежели бы намъ тогда надъ шведами викторія досталась, будучи въ такомъ неискусствѣ во всѣхъ дѣлахъ какъ воинскихъ, такъ и политическихъ, то въ какую бы бѣду послѣ насъ оное щастіе вринуть могло, которое оныхъ же шведовъ, уже давно во всемъ обученныхъ и славныхъ въ Европѣ (которыхъ называли Французы бичемъ нѣмецкимъ), подъ Полтавою такъ жестоко низринуло, что всю ихъ максиму низъ къ верху обратило: но когда сіе нещастіе (или лучше сказать великое щастіе) получили, тогда неволя лѣность отогнала, и ко трудолюбію и искусству день и ночь принудила, съ которымъ опасеніемъ и искусствомъ какъ часъ отъ часа сія война ведена, то явно будетъ изъ слѣдующей при семъ исторіи.

(Журнал, или подетная записка П. В. Напечат. со списков, правленных рукою Петра В., т. I).

---

170. Вторая Нарва.

№ 22. Вѣдомости московскіе (1704).

Из Нарвы пишутъ августа въ 21 день. Нынѣшняго аугуста въ 9 день, славный и крѣпкій городъ нарва (ругодевъ) съ божіею помощію воинствомъ

благочестивѣйшаго нашего Государя взятъ въ три четверти часа приступомъ, хотя непріятель подкопомъ нашихъ нѣкую часть и подорвалъ, однакожъ салдатовъ тѣмъ оустрашить не могъ, потомъ въ другую старую крѣпость непріятель вбѣжалъ, и билъ шамадъ (здачу) да бы окордъ (договоръ) или хотя бы пардонъ (милость) получить, но салдаты наши того и слышать не хотѣли, и в тотъ часъ, и во оную крѣпость ворвались, а потомъ и въ самый замокъ, гдѣ непріятелю такой трактаментъ (подчиваніе) оучинили, что и младенцевъ немного на сей свѣтъ пустили. Сей штурмъ милостію вышняго дивно окончился, потому что нашихъ на всемъ штурмѣ менше трехъ сотъ человѣкъ оупало. А чего колько въ семъ городѣ завоевано, и колько непріятельскихъ людей побито, и о томъ будетъ впредь вѣдомость...

(«Вѣдомости» врем. П. В., т. I).

---

171. Полтава.

1709.

1. Приказъ,

отданный Е. В. Царемъ Петромъ I воинству своему, въ день Полтавскаго сраженія іюня 27 дня 1709 года.

Воины! Вотъ пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу Отечества.—И такъ не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за Государство, Петру врученное, за родъ свой, за Отечество, за Православную нашу вѣру и церковь.—Не должна васъ также смущать слава непріятеля, будто бы непобѣдимаго, которой ложь вы сами своими побѣдами надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи предъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по васъ.—А о Петрѣ вѣдайте, что Ему жизнь его не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ, для благосостоянія вашего.

(Русский Архив 1871 г., № 1, стр. 187.)

---

2. „Вѣдомости“ 1709 г. № 11.

Из лагарю от Полтавы въ двадесять седмый день іюня, въ писмѣ власныя руки его царскаго величества, ко благороднѣйшему государю царевичю писано:

Объявляю вамъ о зѣло превеликой и неначаемой викторіи, которую Господь Богъ намъ чрезъ неописанную храбрость нашихъ салдатъ даровати изволилъ, с малою войскъ нашихъ кровію, таковымъ образомъ.

Сего дня на самомъ оутрѣ, жаркій непріятель нашу конницу со всею армеею конною и пѣшею отаковалъ, которая хотя зѣло по достоинству держалась, однакожъ принуждена была оуступить, токможъ съ великимъ оубыткомъ непріятелю. Потомъ непріятель сталъ во фронтъ противъ нашаго лагару, противъ котораго тотчасъ всю пѣхоту из странжамента вывели, и пред очи непріятеля поставили. А конница па обоихъ фланкахъ. Что непріятель оувидя, тотчасъ пошелъ отаковать насъ. Противъ котораго наши встрѣчу пошли, и тако онаго встрѣтили, что тотчасъ съ поля збили, знаменъ и пушекъ множество взяли. Такожъ генералъ фелтъ маршалъ господинъ реиншилтъ, купно съ четырми генералы, а имянно, шлипембахом, штаненберхомъ, гамольтономъ, и розеномъ. Такожъ первый министръ графъ пиперъ съ секретарми, емерлиномъ, и цидергермомъ въ полонъ взяты, при которыхъ нѣсколько тысящъ офіцеровъ и рядовыхъ взято, о чемъ подробну вскорѣ писать будемъ (а нынѣ за скоростію невозможно). И единымъ словомъ сказать, вся непріятельская армея фаетоновъ конецъ воспріяла. (А о королѣ еще не можемъ вѣдать, с нами ли или со отцы нашими обрѣтается). А за достальными розбитыми непріятелми посланы господа генералы порутчики, князь голицынъ, и боуръ съ конницею.

И о сей оу насъ неслыханной новинѣ воздаемъ мы должное благодареніе побѣдодателю богу, а васъ, и господъ министровъ, и всѣхъ нашихъ сею викторіею поздравляемъ.

Приведенъ еще князь виртельбергской, сродственникъ самого короля шведскаго.

Получено и печатано въ москвѣ 1709 г., іуля въ 2 день.

(«Вѣдомости» времен П. В., т. I, 1709 г., № 11).

---

3. Журналъ Петра Великаго.

Въ 27 день по утру весьма рано почитай при бывшей еще темнотѣ на нашу кавалерію какъ конницею, такъ и пѣхотою своею съ такою фуріею напалъ, чтобъ не токмо конницу нашу раззорить,

но и редутами овладѣть; однакожъ въ томъ много оно противности нашелъ, и только двумя редутами (которые тоя ночи зачаты были и не отдѣлаты) овладѣлъ; а протчимъ никакой вреды учинить не могъ, такъ что 6 баталіоновъ пѣхоты и нѣсколько десятковъ шквадроновъ кавалеріи его съ праваго крыла отъ главной арміи при томъ оторвано и въ лѣсъ уйтить принуждены. Главное же неприятельское войско съ немалою тратою пробилось сквозь оные редуты, гдѣ 14 знаменъ и штандартовъ отъ неприятеля наша кавалерія получила, и многократно конницу неприятельскую збивала, но всегда отъ пѣхоты неприятельская конница сикурсъ получала (и при томъ Генералъ порутчикъ Ренъ въ томъ жестокомъ бою раненъ); а намъ такъ скоро изъ ретраншамента пѣхотою своей кавалеріи выручить тогда было не возможно; того ради данъ указъ Генералу Порутчику Боуру, дабы оный съ кавалеріею уступалъ въ право отъ нашего ретраншамента, дабы тѣмъ время получить къ вывожденію нашей пѣхоты изъ ретраншамента; однакожъ приказано оному крѣпко того смотрѣть, чтобъ гора у онаго во флангѣ, а не назади была, дабы неприятель не могъ нашу кавалерію подъ гору утѣснить; также уступать велѣно до тѣхъ мѣстъ, пока неприятель съ пѣхотою на онаго будетъ наступать; а ежели съ одною кавалеріею, тогда велѣно биться: и тако оный по указу тотчасъ учинилъ, и когда оный съ нашею кавалеріею сталъ ретироваться, а неприятель на онаго наступалъ, тогда неприятель получилъ нашъ ретраншаментъ во флангѣ себѣ, къ которому па лѣвой уголъ Генералъ Левенгоупъ съ пѣхотою гораздо приближался; а именно, въ саженяхъ въ 30; но оттуда изъ пушекъ отбитъ.

И тако неприятель увидѣлъ, что его гоньба за конницею не весьма ему прибыльна, отъ оной престалъ, и въ нѣкоторомъ логу (далѣе пушечной стрѣльбы) въ паратъ сталъ къ лѣсу; между тѣмъ же посланъ Генералъ отъ кавалеріи Князь Меншиковъ, и Генералъ Лейтенантъ Ренцель съ пятью полками конницы и съ пятью баталіонами пѣхоты на оную вышепомянутую оторванную пѣхоту и конницу въ лѣсъ, которы пришедъ оныхъ атаковали, и вскорѣ съ помощію Божіею па голову побили, и Генерала Маіора Шлипенбаха взяли; а Генералъ Маіоръ Розенъ ретировался къ своимъ апрошамъ подъ гору и засѣлъ въ редуты, за которымъ послѣдовалъ Генералъ Лейтенантъ Ренцель, к торый редуты неприятельскіе оступилъ, и послалъ барабанщика, чтобъ оные сдались, которые просили сроку; но оный имъ болѣе получаса того не далъ, по томъ Генералъ Маіоръ Розенъ со всѣми при немъ бывшими изъ редутъ вышелъ, ружье положили и на дискрецію сдались. Въ то же время изъ ретраншамента на обѣ стороны выведена на фланги пѣхота для того, ежели бъ неприятель атаковалъ ретраншаментъ, чтобъ свободно изъ онаго стрѣльбѣ быть можно было; а выведеннымъ на стороны со фланговъ онаго атаковать: но когда увидѣли, что неприятель отъ прохода своего сквозь редутъ еще самъ въ конфузіи находится и строится у лѣсу, тогда и изъ фрунта ретраншамента пѣхота выведена (а въ ретраншаментѣ оставлены Генералъ Маіоръ и Полковникъ отъ артиллеріи Гинтеръ, да Подполковникъ Бой, при которыхъ были полки гранодерскій, Лефартовскій, Ренцелевъ, Троицкій, Ростовскій, Апраксинъ, да изъ протчихъ дивизій по нѣскольку сотъ, и изъ оныхъ 3 баталіона посланы съ Полковникомъ Иваномъ Головинымъ въ монастырь на гору для коммуникаціи съ городомъ, дабы тотъ пасъ въ рукахъ нашихъ былъ для всякаго случая, да съ Гетманомъ Скоропадскимъ Генералъ Маіоръ Волконскій съ 6 полками драгунъ, которые всѣ на бою генеральномъ не были),—и шесть полковъ нашей кавалеріи взято съ праваго крыла и позади пѣхоты обведено и поставлено на лѣвомъ крылѣ.

И тако наша армія стала въ ордеръ баталіи, и положено атаковать неприятеля; потомъ во имя Господне неприятельскій главный корпусъ атаковали, который, не дожидаясь на мѣстѣ, такожде на насъ пошелъ; и тако о 9 часу предъ полуднемъ генеральная баталія началась прежде между нашего лѣваго, а неприятельскаго праваго крылъ; а потомъ и во весь фрунтъ обѣихъ войскъ, въ которой хотя и зѣло жестоко во огнѣ оба войска бились; однакожъ то все далѣе двухъ часовъ не продолжалось: ибо непобѣдимые господа Шведы скоро хребетъ показали и нашихъ войскъ съ такою храбростію вся неприятельская армія (съ малымъ урономъ нашихъ войскъ, еже наивящше удивительно есть), кавалерія и инфантерія весьма опровергнута, такъ что Шведское всйско ни единожды потомъ не остановилось, но безъ остановки отъ нашихъ шпагами и баіонетами колоты, и даже до обрѣтающегося лѣса, гдѣ оные предъ баталіею строились, гнали, притомъ въ началѣ Генералъ Маіоръ Штакельбергъ, потомъ же Генералъ Маіоръ Гамильтонъ, такожде

послѣ Фельдмаршалъ Рейншильдъ, Принцъ Виртенбергскій купно со многими Полковники и иными полковыми и ротными офицеры и нѣсколько тысячъ рядовыхъ, которые большая часть съ ружьемъ и съ лошадьми отдались и въ полонъ взяты. Неприятельскихъ труповъ мертвыхъ перечтено на боевомъ мѣстѣ и у редутъ 9234, кромѣ тѣхъ, которые въ розни по лѣсамъ и полямъ побиты, и отъ ранъ померли, которыхъ счесть было не возможно; а во время той баталіи Король Шведскій велѣлъ себя раненаго возить въ качалкѣ, которая послѣ найдена была, и у оной одна дрога пушечнымъ ядромъ отстрѣлена. А сколько пушекъ, знаменъ и литавръ взято, такъ же сколько съ нашей стороны людей побито и ранено, тому послѣдуетъ роспись.

И тако милостію Всевышняго совершенная викторія (которой подобной мало слыхано), съ легкимъ трудомъ и малою кровію противъ гордаго неприятеля чрезъ самаго Государя персональной, храброй и мудрой приводъ и храбрость начальныхъ и солдатъ, одержана; ибо Государь въ томъ нужномъ случаѣ за людей и отечество, не щадя своей Особы, поступалъ какъ доброму приводцу надлежитъ, гдѣ на немъ шляпа пулею прострѣлена, и въ сѣдельномъ орчакѣ фузейная пуля найдена. При семъ же и сіе вѣдать надлежитъ, что изъ нашей пѣхоты только одна передняя линѣя съ неприятелемъ въ бою была, а другая до того бою не дошла.

По окончаніи сего щастливаго бою Государь обѣдалъ въ обозѣ своемъ въ палаткахъ или шатрахъ, и притомъ всѣ наши Генералы, штаты и оберъ-офицеры, такожде и шведскіе плѣнные Генералы были; во время той баталіи первый Шведскій Министръ Графъ Пиперъ увидя, что ему спастися не возможно, самъ приѣхалъ въ Полтаву купно съ секретарями Королевскими Цедергельмомъ и Дибеномъ; и потомъ онъ, Пиперъ, приведенъ былъ въ помянутую же ставку къ Государю, и съ протчими плѣнниками трактованъ тутъ же за столомъ, гдѣ сидѣлъ Шведскій Фельдмаршалъ Рейнъ-Шильдъ и протчіе Генералы: между тѣмъ же Государь, выхваляя мужество и храбрость Фельдмаршала Рейнъ-Шильда въ воинскихъ дѣлахъ, пожаловалъ ему шпагу свою, и позволилъ ее носить.

Того же числа къ вечеру за достальнымъ неприятелемъ въ слѣдъ посланы Генералъ Порутчикъ и Полковникъ отъ гвардіи Князь Голицынъ съ гвардіею, да Генералъ Порутчикъ Боуръ съ драгунскими полками; на завтрѣ жъ въ 28 день іюня Князь Меншиковъ туда же посланъ.

(Журнал или поденная записка П. В., т. I., с. 195—199).

---

172. Полтавская баталія.

4. Изъ „Исторіи имп. Петра Великаго сочиненной его повелѣніемъ“, перваго черненія.

(1-я редакция, с изменениями и дополнениями Петра В.)

Обстоятельная реляція о главной баталіи... не подалеку отъ Полтавы, іюня въ 27-е 1709 г. Іюня 20-е дня перешедъ вся наша армія черезъ Ворсклу і по ту сторону оной съ малую милю отъ непріятельской арміи стали (и готовили фашины). Потомъ 25 числа пошли далее со всею арміею и стали въ четверть мили отъ непріятеля [к вечеру дабы непріятель не мог принудит к главной баталиі прежде нежели транжементъ будетъ учиненъ] и дабы оной на насъ нечаянно не напалъ, учинили около обоза транжементъ чрезъ ту ночь. Наша же кавалерія на правой рукѣ между лѣсомъ поставлена была и предъ оною нѣсколько редутовъ сдѣлано (надъ которыми командовалъ бригадиръ Айгустовъ).

А въ 25 и въ 26 рекогносцировать оную ситуацію и непріятельской лагерь изволилъ его царствое ве-о [з утра.. для мѣста баталіи для дѣйства против неприятеля но] и всякое предуготовленіе чинить къ нападенію на непріятеля. Однако же по оной, по своей обыкновенной запалчивой отвагѣ, въ томъ насъ упредилъ. И 27 числа по утру, весьма рано, почитай при бывшей еще темнотѣ, изъ дефиліевъ, въ которыхъ онъ, во всю ночь, свое войско въ строй поставлено имѣлъ, на нашу кавалерію какъ конницею, такъ и пѣхотою своею съ такою фуріею напал, чтобъ конечно не точію конницу нашу разорил, но и редуты весьма всѣ овладѣлъ. Однакожъ въ томъ много оной противности нашелъ, и только два редута (которые тоя ночи зачаты были и не отдѣланы) овладѣлъ. А прочимъ никакой вреды учинить не могъ; такъ что 6 батальоновъ пѣхоты

и нѣсколько десятковъ шкадроновъ кавалеріи его съ правого крыла отъ главной арміи оторвали и въ лѣсу утить принуждены. Главное же войско съ немалою тратою пробилось [сквоз оные редуты] гдѣ 14 знаменъ и штандартовъ отъ непріятеля наша кавалерія получила и многократно конницу непріятельскую сбивала, но всегда отъ пѣхоты непріятельская конница сикурсъ получала (гдѣ генералъ поручикъ Рене въ томъ жестокомъ бою раненъ), а намъ такъ скоро изъ траншемента пѣхотою своею кавалерію выручить тогда было невозможно. Того ради данъ указъ генералъ-поручику Боуру дабы оной съ кавалеріею уступалъ вправо отъ нашего ретраншемента, дабы тѣмъ время получить къ вывожденію нашей пѣхоты изъ ретраншемента, однако же приказано оному крѣпко того смотрѣть, чтобъ гора во флангѣ, а не сзади была, дабы непріятель не могъ нашу кавалерію подъ гору утѣснить [також уступат еле о до тѣх мѣстъ, пока непріятель с пѣхотою на оного будетъ наступат, а ежели с одною кавалерию—тогда велено биться]. И тако оной по указу тотчасъ такъ учинилъ. И когда оной съ нашею кавалеріею сталъ ретироваться, а непріятель на оного наступалъ, тогда непріятель получилъ нашъ траншаментъ во флангѣ себѣ [х которому па пра лѣвой угол г. Левенгопть с пѣхотою гораздо приближился, а именно саженев въ тридцети по оттуды іс пушок отбит] отъ котораго изъ пушекъ гораздо трактованъ итако непріятель увидѣлъ, что его гоньба за конницею не весьма ему прибыльна, отъ оной престалъ и въ нѣкоторомъ логу (далѣе пушечной стрѣльбѣ) къ парадъ сталъ [клѣсу]. Между тѣмъ посланъ господинъ генералъ отъ кавалеріи Меншиковъ и генералъ-лейтенантъ Геншинъ и Ренцель съ 5 полками конницы и съ 5 батальонами пѣхоты па оную, вышеупомянутую оторванную пѣхоту и конницу въ лѣсъ, которыя пришедъ оныхъ атаковали и вскорѣ, съ помощью Божіею, наголову побили и генералъ-маіора Шлишенбаха взяли; а генералъ-маіоръ Розенъ ретировался къ своимъ и прошелъ подъ гору [і засѣл вредуты], за которымъ послѣдовал генералъ-лейтенантъ Ренцель, который редуты непріятельскіе оступилъ и послалъ барабинщика, чтобъ оные сдались, которые просили сроку, по оной имъ болѣе получаса того не далъ. Потомъ генералъ-маіоръ Розенъ, со всѣми при немъ будучими, изъ редутъ вышедъ, ружье положили и на дискрецію его царскому ве-у сдались. Въ тожъ время изъ траншаменту на обѣ стороны выведены на фланги пѣхота того для ежели бъ непріятель дерзнул атаковать траншаментъ [чтоб нашим свободна из оного стрѣльбѣ быть мочно было а выведенымъ на стороны со ѳлангоѳ] чтобъ оныхъ со фланговъ опаго обернуть [атаковать по когда увидели что непріятел от проходи его сквоз редуты ее сам в конфузіи находитца і строитца у лѣсу тогда і із фрунта ретранжемента] [было мочно но когда увидели что непріятел медлит отаковать их не токмо ...сквоз редуты] потомъ и прочая большая часть пѣхоты выведена [а въ транжементу оставлены генералъ-маіоръ и полковникъ отъ артилеріи Гинтеръ да полковникъ Бой, при которомъ были полки дивизій генерала княз Менщикова, Гренадерской, Лефортовскій, Ренцелевъ, Троицкой, Ростовскій, Апраксинъ, да и прочихъ дивизій по нѣсколько сотъ и изъ оныхъ три баталіона послано съ полковникомъ Головинымъ въ монастырь па гору для комуникаціи съ городомъ [дабы пасъ тот вруках наших былъ для всякаго случая] да съ гетманомъ Скоропадскимъ генералъ майоръ Волконской съ 6 полками драгунъ [которые всѣ вбою генералном не были] и 6 полковъ нашей артилеріи кавалеріи взято съ праваго крыла и позади пѣхоты обведены и поставлены на лѣвомъ крылѣ. Итакъ наша армія стала въ ордеръ де баталіи [і положено отаковат непріятеля], что видя непріятель тотчасъ изъ онаго логу вышелъ и сталъ фрунтомъ предъ нами также въ ордеръ баталіи.

Потомъ, во имя Господне, непріятеля атаковали, который, не дожидаяся на мѣстѣ, самъ такожъ де на насъ пошелъ. Итако о 9 часу предъ полуднемъ генеральная баталія началась [прежде междо нашего лѣвого а неприятелскаго праваго крылъ, а потомъ івовсе фрунтъ обоих войскъ] въ которой хотя и зѣло жестоко въ огнѣ оба войска бились, однакоже долѣе дву часовъ не продолжалась, ибо непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ показали, и отъ нашихъ войскъ съ такою храбростію вся непріятельская армія (съ малымъ урономъ нашихъ войскъ еже, и же притомъ наиявще удивительно) [есть], какъ кавалерія такъ и инфантерія весьма опровергнута, такъ что шведское войско ни единожы потомъ не остановилось. но безъ остановки отъ

нашихъ шпагами и багинетами и пиками колоты и даже до обрѣтающагося вблизъ лѣсу [гдѣ оные преж баталия строилис] гнаны и биты. При томъ въ началѣ генералъ-маіоръ Штакельбергъ, потомъ генералъ-маіоръ Гамельтонъ, такожъ де послѣ фельдмаршалъ Реншильдъ и принцъ Виртенбергскій купно со многими полковники и иныхъ полковыми и ротными офицерами и нѣсколько тысячь рядовыхъ, которые большею частію съ ружьемъ и съ лошадьми отдались и въ полонъ взяты; въ погоню же за уходящимъ непріятелемъ послѣдовала наша кавалерія болѣе полутора мили; а именно пока лошади, ради утомленія, итти могли; такъ что почитай отъ самой Полтавы въ циркумференціи, мили на три и больше, на всѣхъ поляхъ и лѣсахъ мертвыя непріятельскія тѣлеса обрѣтались и чаемъ оныхъ до 13000 побито (ибо [непріятеля] перчтено на боевомъ мѣстѣ и у редутъ 9234). А сколько пушекъ, знаменъ и литавръ взято, такоже сколько и съ нашей стороны людей побито и ранено, тому послѣдуетъ роспись.

Итако, милостію Всевышняго, совершенная викторія (которая подобной мало слыхано) съ легкимъ трудомъ и малою кровью противъ гордаго непріятеля, чрезъ его царскаго ве-а славное оружіе и персональной храброй и мудрый приводъ и храбрость начальныхъ и солдатъ,— одержана, ибо его ве-о въ томъ [нужном случае за людей і отечество, не щедя своей особы, поступал какъ добром приводцу надлежитъ гдѣ на оном] случаѣ свою храбрость, великодушіе и воинское искусство, не опасаясь никакого страха своей высокой особѣ въ вышнемъ градусѣ показалъ и притомъ шляпа на немъ пулею прострѣлена; подъ его же свѣтлостью подъ генераломъ княземъ Меншиковымъ который такожъ мужество свое притомъ довольно показалъ три лошади ранено. При семъ же и сіе вѣдати надлежитъ, что изъ нашей пѣхоты только одна [передняя линѣя] линія въ которой съ 10000 не обрѣтались съ непріятелемъ въ бою была, а другая до того боя не дошла, ибо непріятель, будучи отъ нашей первой линіи совершенно опровергнуты и побиты и прогнаны. Тогожъ числа, по окончаніи счастливаго боя, въ вечеръ за непріятелемъ вслѣдъ посланы генералъ поручикъ и полковникъ отъ гвардіи Голицынъ съ гвардіею да генералъ поручикъ Боур съ драгунскими полки; на завтра же, въ 28 іюня, его свѣтлость князь Меншиковъ туда же посланъ. [Въ 29 д. было благодареніи Богу на боевомъ мѣстѣ при троекратной стрѣлбѣ] такожъ въ 30-е его царское ве-о самъ высокою особою своею туда же походъ [путь] свой воспріять изволилъ, и хотя всякое прилежаніе чинено, дабы непріятеля какъ скорѣе догнать, однакоже онаго (который, оставя большую часть своего багажа, наскоро къ Днѣпру бѣжалъ), не могли прежде 30 іюня нагнать...

[Въ прямыя скобки поставлены мѣста, исправленныя или вставленныя самимъ Петромъ; разборкой напечатанныя слова Петромъ выкинуты].

(Д. Масловский. Записки по истории воен. искусства в России, вып. I, прилож. I, с. 14—19).

---

173. Гангудъ,

1714.

Письмо Петра I къ Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, съ извѣстіемъ о морской побѣдѣ, одержанной у Ангуста надъ шведскимъ шаубенахтомъ.

1714 іюля 29.

†

Катеринушка, другъ мой, здравъствуй!

Объявляемъ вамъ коимъ образомъ всемогущій Господь Богъ Россию прославить ізволилъ, ибо, по многодарованнымъ побѣдамъ на земли, нынѣ і на море вѣнчати благоволилъ; ибо сего мѣсяца въ 27 день швецкого шаутбенахта Нилсона Эреншелта съ однимъ ѳрегатомъ и шестью галерами и двемя шхер-ботами по многомъ и зѣло жестокомъ огню у Ангута близъ урочища Рилаксъ-Ѳіенъ взяли; правда какъ у насъ въ сію войну, такъ и у алиртовъ съ Ѳранціею много не толко генераловъ, но и ѳелтъмаршаловъ брано, а ѳлагмана ни единаго. Итако сею, мню, николи у насъ бывшею викторі(е)ю вамъ поздравляемъ; а сколко съ помянутымъ шаутбенахтомъ взято аѳицеровъ,

матрозовъ и солдатъ и протчаго, такожъ что нашихъ убито и ранено, тому при семъ посылаемъ реэстръ, і атакѣ планъ. Хотя для нѣкоторой опасности флотъ нашъ і пойдетъ вскорѣ, однакожъ ты останься въ Ревеле, понеже, чаю, я къ вамъ туды быть; но ежели замешкаюсь, а тебѣ будетъ время ѣхать въ Питербурхъ, тогда поѣзжай зъ Богомъ, не описываясь...

Петръ.

Изъ флота отъ Ангута, въ 29 день іюля 1714 г.

P. S. Благодарствуй за пѣрисылку.

(Письма русских государей. Переписка Петра I с Екатериной Алексеевной).

---

174. Ништадтскій миръ.

1721 г.

Въ 22 день Октября, въ день опредѣленнаго ради мирнаго постановленія торжества, изволилъ Его Величество быть въ соборной церкви пресвятыя Троицы; гдѣ по отправленіи литургіи въ началѣ трактатъ съ Его Величествомъ Королемъ и короною Шведскою заключеннаго и подтвержденнаго вѣчнаго мира явственно читанъ; а потомъ отъ Архіепископа Псковскаго поученіе на каѳедрѣ сказывано, въ которомъ всѣ Его Величества дѣла и славныя дѣйства со всѣми благодѣяніями, которыя онъ во время своего государствованія, особливо же во время сей войны своему государству и подданнымъ показалъ—пространно показываны, и что ему имя Отца Отечества, Императора и Великаго по достоинству имѣти подобаетъ. По окончаніи же того поученія приступилъ весь Сенатъ къ Его Императорскому Величеству и Канцлеръ господинъ Графъ Головкинъ говорилъ отъ онаго именемъ всѣхъ государственныхъ чиновъ Его Величеству послѣдующую рѣчь.

«Всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій монархъ, всемилостивѣйшій нашъ самодержецъ.

«Вашего Царскаго Величества славныя и мужественныя воинскія и политическія дѣла, чрезъ которыя токмо единыя Вашими неусыпными трудами и руковожденіемъ мы Ваши вѣрные подданные изъ тьмы невѣденія на ѳеатръ славы всего свѣта, и тако рещи, изъ небытія въ бытіе произведены, и во общество политичныхъ народовъ присовокуплены, яко то не токмо намъ, но и всѣму свѣту извѣстно: и того ради како мы возможемъ по слабости своей довольно благодарныхъ словъ изобрѣсти за то и за настоящее изходатайствованіе толь славнаго и полезнаго государству вашему съ короною Свѣйскою вѣчнаго мира, яко плода трудовъ рукъ Вашихъ по достоинству возблагодарити: но вѣдая Вашего Величества неимѣюща въ такихъ хвалахъ благоугожденія, не смѣемъ оныхъ здѣ разпространять: однакожъ да не явимся тщи въ зазоръ всему свѣту, дерзаемъ мы, учрежденный Вашего Величества Сенатъ именемъ всего Всероссійскаго государства поданныхъ Вашего Величества всѣхъ чиновъ народа всеподданнѣйше молити, да благоволите отъ насъ въ знакъ малаго нашего признанія толикихъ отеческихъ намъ и всему нашему отечеству показанныхъ благодѣяній титулъ Отца Отечествія, Петра Великаго, Императора Всероссійскаго приняти, изъ которыхъ титулъ Императорскій Вашего Величества достохвальнымъ Антепессорамъ отъ славнѣйшаго императора Римскаго Максимиліана отъ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ уже приложенъ, и нынѣ отъ многихъ Потентантовъ дается: а имя великаго по дѣламъ вашимъ великимъ по достоинству вамъ уже многіе и въ печатныхъ писмахъ прилагаютъ: что же до имени Отца Отечествія принадлежатъ, то мы хотя и недостойны такого Великаго Отца, но по милости Божіей намъ дарованному дерзаемъ приложить по прикладу древнихъ Греческихъ и Римскихъ Синклитовъ, которые своимъ славными дѣлами и милостію прославившимся Монархамъ оное прилагали. Ваше отцелюбивое нисхожденіе къ намъ подастъ намъ такое дерзновеніе, что Вашему Величеству при подданнѣйшемъ благодареніи нашемъ Твоя отъ Твоихъ, и достойное Достойному воздаемъ, всенижайше прося, по славному въ свѣтѣ великодушію Своему тоя милости насъ, удостоити и сіе прошеніе отъ насъ милостивѣйше возпріяти. Виватъ, виватъ, виватъ Петръ Великій, Отецъ Отечествія, Императоръ Всероссійскій».

И по окончаніи той рѣчи отъ всего Сената воскликнуто виватъ трижды, что и отъ всего народа какъ внутрь, такъ и внѣ церкви сущаго, великимъ и радостнымъ воплемъ повторено и притомъ трубнымъ гласомъ и литаворнымъ

и барабаннымъ боемъ, а потомъ пушечною стрельбою, какъ изъ крѣпости Санктпетербургской, такъ и Адмиралтейской препровождено: потомъ какъ отъ гвардіи на площади стоящей, такъ и со 125 галеръ, которыя въ тотъ день изъ Финляндіи подъ командою генерала Князя Голицына въ 27 полкахъ, въ томъ числѣ три драгунскіе, прибыли, купно бѣглымъ огнемъ изъ мушкетовъ стрѣляно. Потомъ же изволилъ Его Императорское Величество въ краткихъ, но зѣло сильныхъ словахъ господамъ Сенаторамъ на рѣчь ихъ отвѣтствовать, который отвѣтъ въ слѣдующемъ состоялъ.

По поздравленіи.

«1. Зѣло желаю, чтобъ Нашъ весь народъ прямо узналъ, что Господь Богъ прошедшею войною и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ.

«2. Надлежитъ Бога всею крѣпостію благодарить: однакожъ, надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ сталось, какъ съ монархіею Греческою.

«3. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очьми кладетъ какъ внутрь, такъ и внѣ: отъ чего облегченъ будетъ народъ».

И Сенатъ Его Величеству съ нижайшимъ поклоненіемъ за такую Императорскую милость и отеческое увѣщаніе благодарствовалъ, и потом начатъ благодарный молебенъ; и какъ скончали па ономъ евангеліе, тогда въ другой рядъ, какъ изъ пушекъ, такъ и изъ мушкетовъ такая же стрельба учинена. Потомъ при окончаніи молебна, и какъ благодарственная молитва отъ Рязанскаго Митрополита при всенародномъ колѣнопреклоненіи прочтена: и тако тѣмъ то дѣйство окончалось. И Его Величество при выходѣ изъ церкви паки съ восклицаніемъ вивата отъ народа, и потомъ третій разъ изъ пушекъ и мѣлкаго ружья поздравленъ. Сенатъ же и прочія знатныя особы пошли потомъ къ Ея Величеству Императрицѣ, и Оную нижайше поздравляли; а потомъ и Ихъ Величествамъ Императорскимъ Принцессамъ поздравленіе отправляли; на что отъ оныхъ съ милостивымъ благодареніемъ отвѣтствовано.

(Далее следуют список присутствовавших послов, перечень награждений, описание бывшего фейерверка.)
(Журнал П. В., т. II).

XXXIV. Военное дело и финансы.

175. Флот Петра.

(Из Фокеродта).

Страсть вообще к флоту брала у Петра верх над всеми другими желаниями и склонностями. Сколько ни давал он заметить в других случаях свою осторожность, чуть не похожую на боязливость, однакож отваживался на все, как скоро дело шло о флоте...

В детские годы Петр I обнаруживал чрезвычайное отвращение к воде, так что если приходилось ему переезжать только мельничную плотину, коляска его ехала в объезд ее, чтобы ему не видать было этой страшной стихии. И так никто никогда не помышлял, чтобы вода стала когда-нибудь предметом его господствующей страсти. Маленький бот произвел эту изумительную перемену. В то время, когда Петр начал водиться с иностранцами, он нашел полусгнившее судно в Измайловском загородном доме, очень недалеко от Москвы. Голландец, с которым Петр I иногда разговаривал, поправил этот бот и показал ему на Измайловском пруде, как можно плавать на нем по ветру и против ветра. Петр I имевший природную склонность к механическим искусствам (как впоследствии, до конца его жизни самым приятным его занятием было точение, дерганье зубов, выпускание воды у больных водянкой и другие подобные фокусы), нашел особенное удовольствие в этом упражнении, и велел построить себе несколько судов побольше на Переяславском озере, лежавшем недалеко от Москвы. На них и забавлялся плаванием в обществе нескольких английских и голландских купцов. Вслед затем желание видеть суда еще большие привело его в Архангельск и было, вероятно, самою сильною побудительной причиной, заставившей его решиться на известные большие путешествия в Голландию и Англию...

При отъезде своем из Голландии он нанял в службу большое число морских офицеров, матросов, корабельных плотников и других ремесленников, нужных при кораблестроении, и отправил

их в Россию. Как скоро вернулся в Москву, со всеми этими людьми он сделал поездку на Дон и учредил в Воронеже Адмиралтейство, обязал всех богатых людей в своем краю построить ему на свой счет корабль и, благодаря этому средству, спустил в воду порядочное число больших и малых судов, посадил на них тех иноземных матросов, подчинив им для обучения своих русских, призванных им на морскую службу из приморских областей, а между тем послал множество молодых людей из знатнейших родов для обучения мореплаванию в Англию, Голландию и Италию.

Так как Дон при своем истоке так мелок, что не может совсем носить больших кораблей с грузом, то он завел невдалеке оттуда, при Таганроге, на Азовском море, очень дорого стоящую пристань, которую назвал Троицкой; тут все суда, прошедши устье Дона без грузов, совсем расснащивались и могли стоять в полной безопасности...

Самым его любимым и приятным занятием было кораблестроение и другие дела, относящиеся к мореходству. Оно развлекало его каждый день, и ему должны были уступить и самые важные государственные дела. Даже если Петр задумывал заложить новый корабль, то не было нисколько новостью, что на несколько недель он запирался в саду и проводил время в чертежах и вычислениях соразмерности мачт и парусов, а между тем никого не пускал к себе из министров. О внутренних улучшениях в государстве, судопроизводстве, хозяйстве, доходах и торговле, он мало, или вовсе не заботился и бывал доволен, если только его Адмиралтейство и войско достаточным образом снабжались деньгами, дровами, рекрутами, матросами, съестным и одеждой, а это случалось тем легче, что его войска много лет сряду находили случай содержать себя на чужой счетъ, без отягощения государства.

(Фокеродт, Россия при Петре I).

---

176. Донесение Оттона Плейера о военных силах России [1]).

1710 г.

Относительно военных сил России справедливость требует сознаться. что благодаря неусыпному труду и старанию царя, строгим наказаниям, милостям и подаркам, также и опытности таких разноплеменных иностранных офицеров высшего и низшего чина, надо весьма удивляться, до чего они доведены, до какого совершенства дошли солдаты в военных упражнениях, в каком они порядке и послушании приказам начальства и как смело ведут себя в деле, ни от кого не услышишь и слова, а тем менее крика, и все они так ретивы. Царь, бывающий тем ближе во всех делах, чем они труднее и опаснее, не только радует людей милостивым приветом, но и внушает им сильную охоту жертвовать для него жизнию; храбрых офицеров не оставляет богатыми подарками и изъявлениями милости, а трусливых тяжелою опалой, большими наказаниями и упорным нерасположением: такими средствами он внушил большинству Русских господ самолюбие и соревнование, да сделал еще и то, что когда они теперь беседуют вместе, пьют и курят табак, то больше уже не ведут (пустых) разговоров, а рассказывают о том и другом сражении, об оказанных тем, или другим лицом хороших, или дурных, поступках при этом, либо о военных науках, а это часто выходит и смешно (так как они еще точно в бреду говорят о том, или только еще понаслушались кое-чего, не имея основательных сведений).

Артиллерия снабжена всеми принадлежностями, многими сведущими немцами и другими иностранцами, также и русскими людьми, которых много было разослано по разным местам Германии, для основательного изучения пиротехники, сверх того и хорошими лошадьми, но в коннице в этих последних большой недостаток, несмотря на то, что царь мог бы запастись добрыми конями у Калмыцких, Нагайских и Башкирских Татар. А что для долговременного ведения войны нет недостатка в военных принадлежностях в России, это можно видеть из многого: уже больше 2-х лет не работает ни одна пороховая мельница, потому что пороху везде большой запас находится наготове, несмотря на то, что все упражнения новобранных солдат, лишь только возьмут они у правительства мало-мальски ружей, производятся постоянно с пальбой, а когда царь, либо царевич наследник, либо князь Меньшиков в Москве, или в деревне, чуть не при всяком обеде и здравице во время пиров, или плясок, в дни именин и рождения вышеназванных лиц,

---

[1]) Австрийский диплом. агент в России.

даже по случаю выигранной победоносно неважной стычки, идет беспрестанная стрельба из ружей. Да и кроме того, сколько еще выходит у них пороху на ежегодные дорогие потешные огни, и при частных забавах так знатных господ в Москве, во время царского отсутствия: порох для того, как мало ценимую вещь въ России, им легко выпросить у коменданта. Железо у царя теперь из Сибири, и также хорошее и мягкое, что даже и Шведского не отыщешь лучше; дубового и другого крепкого леса с излишком, потому что рубить его запрещено под строжайшим наказанием, кроме как для царского употребления, серы и селитры вдоволь у них из Украйны; для бомб и гранат ни в каком месте нечего и желать лучше железа Тульского и из Олонца при Онежском озере, по его твердости и хрупкости, потому что при разрыве оно рассыпается на множество кусков; металла для литья пушек и мортир навезено из Польши, Ливонии, Финляндии и Литвы; для переливки есть еще в Москве порядочный запас старинных пушек, в которых, однакож, нет надобности, потому что и без того у них пушек невероятное множество. Ружья уже больше им не нужно с такими расходами выписывать из-за моря: Сибирское железо дает такие хорошие ружейные стволы, которые на примерной стрельбе всегда выдерживают тройной заряд безо всякой опасности. Все воинское платье у царя теперь из своей собственной земли; потому что заведена большая прекрасная фабрика для выделки сукон, и хорошо идет. Чулочников много пришло из Пруссии, которые и работают все, сколько нужно; шляп делается достаточно, а о башмаках, сапогах, холсте для рубашек нечего и говорить, так как этот товар доставляет Вратиславская торговля через Киев. Все нужное для кораблестроения там в изобилии, так как другие иностранцы большую часть грузов вывозят из Москвы в другие страны, а как скоро поспевают постройкою в здешних местах корабли, это давно уже показал опыт.

В войске долго бы еще не было недостатка, еслиб, по моему ничтожнейшему мнению, призыв на войну, как, однакож, должно называть набор (вербовку), производился не так бестолково и не с таким вредом для края; этот набор всегда падает только на деревни и земледельческий народ, от чего очень убывает пашен и хлебопашества; господа каждый год должны ставить с своих поместьев соразмерно порядочное число народа с одеждою, лошадьми и содержанием, от чего, во-первых, крестьяне выводятся из страны и часто гибнут с голода в поле, по случаю плохого распоряжения содержанием для них; во вторых, от страха будущего такого же набора скрываются в лесах, или бегут в самые дальные страны, и покидают пашни необработанными, потому и налоги, которые должно платить уменьшенное таким образом число народа, все становятся тяжеле, съестные припасы с каждым годом поднимаются в цене, хлеба не так много, возовые лошади, которых должно употреблять для разной перевозки припасов, становятся реже, потому что на них надобно отправлять подводы и военные повозки в военный стан, а назад их приходит оттуда немного: в дороге изнуряются и падают от плохого присмотра; торговля в стране приходит в дурное положение..

При всей доброкачественности войска, устраиваемого вышесказанным образом (потому что крестьяне хоть и неспособный народ, но, размещенные между другими старыми и опытными солдатами, после нескольких перенятых воинских упражнений, да и при их еще подчиненности, в короткое время делаются хорошими солдатами). многие чужеземцы, видавшие войска, сознаются, что в России, однакож, мало думают о сохранении солдата, так как плохое устройство и присмотр за необходимыми магазинами почти единственный, впрочем, недостаток, от которого войско чуть не с каждым годом расстроивается больше, чем от самых жарких сражений; иностранные офицеры и генералы в состоянии были внушить Русским много других воинских начал и правил, только над этим одним они до сих пор еще трудятся напрасно.

Царь видит теперь, что и простолюдин, и большие господа утомлены войною, опустошающею и разоряющею такие плодородные страны, хотя и не знаю, берет ли он в соображение, по моему крайнему скудоумию и на мой взгляд, уважительные причины, производящие расстройство и утомление умов, да еще и известны ли ему они. Однакож он не дает заметить в себе расположения к миру, хотя перед иноземцами все же заявляет охоту к покою, когда говорит, что был бы расположен мириться, только бы Шведский Король принял умеренные условия и мирные статьи, и его союзники получили бы полное удовлетво-

рение; но хотя бы ему должно было отдать назад все сделанные завоевания, он все же удержит Петербург, вместе с свободою посылать необходимое число кораблей в Балтийское море, а не то, может быть, решится подвергнуть превратности счастья и царство и царский венец.

(Чт. в О. И. и Д. Р. 1874 г., т. 2. отд. 2, ст. 2—7).

---

177. Доношеніе объ уравнительномъ платежѣ Алексѣя Нестерова

1714 года.

Всемилостивѣйшій Государь,—Вашему Величеству доношу, о чемъ всенижайшій я, рабъ твой, какъ съ начала фискальства моего и въ сенатъ предлагалъ, а нынѣ, усмотря, по должности моей фискальной, на пользу всему государству, и паче дерзнулъ мнѣніе мое донесть.

А именно, ежели в. в.—во, милосердуя о всемъ народѣ государства своего, укажешь, паче и ближе дальныхъ дворовыхъ, какъ прежнихъ, такъ и нынѣшнихъ, неправыхъ переписей, взять всѣхъ губерней у всѣхъ необходно, отъ вышнихъ и до нижнихъ чиновъ, что за всѣми гдѣ есть, по старымъ и новымъ переписнымъ книгамъ, прежнихъ и вновь прибылыхъ изъ прежнихъ книгъ и изъ новыхъ крѣпостей дворовъ и въ нихъ мужска и женска полу людей безъ утайки; а кого самихъ нѣтъ, у женъ и дѣтей и кому деревни ихъ приказаны, а не у тѣхъ людей, которые у нихъ на приказѣ и не у старость тѣхъ деревень, которые, государь, всегда лгутъ, а помѣщики тѣхъ деревень живутъ оттого безъ страха, понеже имъ принужденія никакого не бывало и нѣтъ; о чемъ и срокъ положить съ подкрѣпленіемъ.

И собравъ изо всѣхъ губерней оное все въ одно мѣсто, оныхъ наличныхъ людей всѣхъ же губерней, выложа отъ нихъ особо таможенные и кабацкіе и другіе оброчные, всегда кромѣ народа надежные, сборы, токмо остаточной, положенной по табелямъ, окладъ росписать, по чему изъ того окладу достанется по расположенію, во всякой губерніи, на всякаго человѣка числомъ онаго платежу; и когда, сверхъ онаго табельнаго, понадобятся взять въ службу и въ работу люди и деньги и прочая, что позовется, брать по уравнительному расположенію, отчего, по мнѣнію нашему, надѣюсь, никто уже укрытись не можетъ и сборщикомъ и приказнымъ людемъ, какъ прежь сего было и нынѣ есть, не можно запустить и обойтись, либо вымышленною пустотою, или переводными куды и выморочными дворами; также изъ дву и трехъ и четырехъ дворовъ, отбывая платежа, въ одинъ дворъ людей многихъ сводить, и дворы и ворота разгораживать и въ одинъ пригораживать, и никакого прежняго или новаго лукавства никто чинити не могутъ, тоніе утвердить въ утайкѣ душъ съ предложеніемъ жестокаго и неотмѣннаго штрафа.

О которомъ уравнительномъ платежѣ, ежели ваше величество укажешь такъ учинить, всѣ будутъ, паче же маловотчинные, довольны и платить станутъ безъ доимокъ, со всякою охотою, что одинъ передъ другимъ, какъ большіе, такъ и меньшіе; въ излишнемъ платежѣ (обиды) и скученія ни отъ кого въ томъ, какъ нынѣ, не будетъ; но развѣ не похотятъ сего одни только многовотчинные, за которыми не только въ двоихъ новыхъ, но и въ прежнихъ 186 году (переписныхъ книгахъ) написано по страсти и во угожденіе дворовъ мало, а людей въ нихъ много.

А и 710 г. и 711 г. двои переписчики такожъ писали неправдою, однимъ по дружбѣ, инымъ же изо взятковъ, другимъ же угождая и боясь; на которыя ихъ неправды отчасти доношу: въ 710-мъ году и въ одной вотчинѣ господина графа Мусина утаилъ и не написалъ переписчикъ 430 человѣкъ, которыхъ утаенныхъ, за нѣкоторымъ усмотрѣніемъ, оный графъ, опасаясь, подъ челобитьемъ своимъ послѣ той переписки и самъ объявилъ, а въ другихъ и паче того есть, да объявить безъ сущаго страху оной наличной истины не хотятъ...

Истинну, государь, в. в.—ву доношу, видное неуравненіе и понорова есть; можно было и не допустя о такомъ переписномъ дѣлѣ сдѣлать сказками о душахъ и всѣ о томъ вѣдаютъ, да дѣлать полномочные и себѣ въ тягость, противъ меньшихъ вотчинниковъ, по уравненіи учинить не хотятъ, и по тому разсудить, что въ иныхъ губерніяхъ нынѣ явно во дворѣхъ мужеска и женска полу есть душъ по 20 и по 30 и больше, а въ другихъ губерніяхъ во дворѣхъ только по 10 и по 6, и противъ 30-ти онымъ малымъ како-

можно всякіе ваши государевы подати управлять; ей, государь, нарядно пебоязливые, какъ разные дворы сносятъ въ одинъ, такъ и людей многихъ сводятъ въ одинъ дворъ, и тѣхъ при другихъ разныхъ платежей отбываютъ, а богобоязливые и страшливые указовъ в. в.—ва остаются съ малыми душами во дворѣхъ, и тянутъ и платятъ тоже, что многосемейные...

А подлинно о прежде и вновь усмотрѣнныхъ интересныхъ и другихъ разныхъ дѣлѣхъ в. в—ву буду доносить, прибывъ въ Санктъ-Питербурхъ.

Вашего величества нижайшій рабъ, Алексѣй Нестеровъ. Москва. Ноября 30 дня 1714 года.

(Записки Ист. Фил. Факультета Спб. Унив. часть 42. Проекты реформ в записках современников Петра В. Проекты).

---

178. Подушная подать.

1. Указъ объ учиненіи общей переписи людей податного состоянія, о подачѣ ревизскихъ сказокъ, и о взысканіяхъ за утайку душъ.

1719. Генваря 22.

Великій Государь указалъ, по Именному Своему Великаго Государя указу, ради расположенія полковъ армейскихъ на крестьянъ всего Государства, брать во всѣхъ Губерніяхъ сказки съ такимъ опредѣленіемъ о Дворцовыхъ и прочихъ Государевыхъ, Патріаршихъ, Архіерейскихъ, монастырскихъ, церковныхъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ селахъ и деревняхъ, такожъ однодворцамъ, Татарамъ и ясачнымъ,...— безъ всякой утайки, не взирая ни на какія старыя и новыя о дворовомъ числѣ и поголовныя переписки, но учиня самимъ переписки правдивыя, сколько гдѣ въ которой волости, въ селѣ или въ деревнѣ крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей (которые имѣютъ свою пашню), по именамъ есть мужеска пола, всѣхъ, не обходя отъ стараго до самаго послѣдняго младенца, съ лѣтами ихъ, и подавать тѣ сказки въ Губерніяхъ съ таковымъ различіемъ, а именно:

1. О Дворцовыхъ и прочихъ Государевыхъ, Патріаршихъ, Архіерейскихъ, монастырскихъ, церковныхъ—прикащикамъ, всякому своего вѣденія, кто гдѣ какія вотчины вѣдаетъ, и къ тѣмъ сказкамъ велѣть прикладывать руки имъ прикащикамъ, и съ ними тѣхъ вотчинъ старостамъ и выборнымъ людямъ.

2. Помѣщикамъ всѣмъ, какъ многопомѣстнымъ, такъ и малопомѣстнымъ, которые живутъ въ своихъ деревняхъ, тѣмъ самимъ, а которые обрѣтаются въ службахъ и во отлученіи отъ своихъ деревень, то потому жъ прикащикамъ ихъ и старостамъ съ выборными людьми, какъ выше объявлено, и въ тѣхъ же сказкахъ для вѣдома писать особливо и о тѣхъ дѣловыхъ людяхъ, которые своей пашни не имѣютъ, а пашутъ на помѣщиковъ своихъ.

3. А одподворцамъ всѣмъ, каждому о себѣ, о дѣтяхъ, внучатахъ и родственникахъ своихъ мужескаго пола, которые съ ними въ домахъ живутъ, велѣть подавать оныя сказки самимъ.

4. У Татаръ и ясачныхъ принимать отъ каждой волости или деревни за знаменами старостъ и выборныхъ ихъ людей.

5. Въ прикладываніи рукъ велѣть въ вышеупомянутыхъ сказкахъ подписываться всѣмъ, съ такимъ крѣпкимъ подтвержденіемъ, чтобъ въ тѣхъ своихъ сказкахъ всякой противъ вышеобъявленнаго написалъ самую истину, не утая ни единыя мужеска пола души.

6. А ежели отъ кого изъ нихъ явится какая въ душахъ утайка, и за то бъ учинить прикащикамъ, старостамъ и выборнымъ людямъ, всѣмъ смертную казнь безъ всякой пощады, да сверхъ того изъ помѣщиковыхъ, вотчинниковыхъ, также и изъ Архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ деревень, которыми Архіереи и монастыри сами нынѣ владѣютъ, взять на Государя тѣхъ людей и на оныхъ противъ числа ихъ выдѣля, всей той деревни, въ которой такая явится утайка, изъ дачь земли равную часть, что на нихъ принадлежитъ по размѣру, безповоротно, и то утаенное отдано будетъ тѣмъ Коммисарамъ, которые ради онаго армейскихъ полковъ расположенія и свидѣтельствованія душъ опредѣлены будутъ, или другимъ доносителямъ, отъ которыхъ въ томъ подлинно кто обличенъ будетъ.

7. Которые помѣщики и вотчинники, въ деревняхъ своихъ будучіе, въ сказкахъ оное утаятъ, и у тѣхъ бы взять за утаенное противъ вышеписаннаго вдвое.

8. Однодворцамъ, также Татарамъ и ясачникамъ, велѣть въ сказкахъ подтвердить: буде кто изъ нихъ въ душахъ утаитъ, и за то бъ учи-

нить тѣмъ жестокое наказаніе, бить ихъ кнутомъ нещадно, да сверхъ того за всякую утаенную душу изъ того двора, въ которомъ утайка явится, взять лучшаго человѣка въ солдаты, не въ зачетъ положенныхъ съ нихъ рекрутъ. И понеже сіе яко главное дѣло, и ко оному армейскихъ полковъ расположенію весьма есть нужное: того ради пріемъ вышеупомянутыхъ сказокъ надлежитъ во всѣхъ Губерніяхъ окончать въ семъ настоящемъ году безо всякого отлагательства. А при объявленіи сихъ указовъ о переписи и сказкахъ, велѣть всякаго чина людямъ объявлять, что тѣ всѣ вышеобъявленныя въ семъ указѣ казни и штрафы надъ тѣми, кто дерзнетъ какую утайку учинить, учинены будутъ безъ всякой пощады. И о томъ послать изъ Сената къ Губернаторамъ указы, чтобъ они по сему Его Царскаго Величества Именному указу исправляли какъ наилучше со всякимъ прилежаніемъ, подъ жестокимъ Его Государевымъ гнѣвомъ и разореніемъ, и оныя сказки изъ Губерній присылали въ Санктпетербургъ къ Бригадиру Зотову. А о расположеніи посадскихъ людей указъ учиненъ будетъ впредь.

2. Указъ о помѣщеніи въ ревизскихъ сказкахъ не однихъ крестьянъ, но также дворовыхъ людей и церковныхъ причетниковъ.

1720. Генваря 5.

Понеже Я слышу, что въ нынѣшнихъ переписяхъ пишутъ только однихъ крестьянъ, а людей дворовыхъ и прочихъ не пишутъ, въ чемъ можетъ быть такая жъ утайка, какъ и въ дворахъ бывала. Того ради нынѣ подтвердите указомъ, чтобъ всѣхъ писали помѣщики своихъ подданныхъ, какого они званія ни есть, также и причетниковъ церковныхъ, кроме Поповъ и Дьяконовъ, которымъ особливую роспись также подать надлежитъ, и всѣмъ дайте имъ сроку на полгода.

(Пам. по ист. крестьян, изд. Н. Клочкова, №№ 64, 65).

XXXV. Реформы управления.

179. Сенат.

Объ учрежденіи Правительствующаго Сената.

1711. Февраля 22. Именный.

Указъ объявить послѣдующій. Опредѣлили быть для отлучекъ Нашихъ Правительствующій Сенатъ для управленія: господинъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, господинъ Стрѣшневъ, господинъ князь Петръ Голицынъ, господинъ князь Михайла Долгорукой, господинъ Племянниковъ, господинъ князь Григорий Волконской, господинъ Самаринъ, господинъ Василій Опухтинъ, господинъ Мельницкой, Оберъ-Секретарь сего Сената Анисимъ Щукинъ. Московскую Губернію управлять и доносить Сенату Василью Ершову, на князь Петрова место Голицына господинъ Курбатовъ. Вместо приказа Розряднаго быть столу розрядному при вышеписанномъ Сенатѣ. Такожъ со всѣхъ губерній въ вышеписанномъ суду для спроса и принимания указовъ быть по два коммисара съ губерній.

2. О порученіи Правительствующему Сенату попеченія о правосудіи, объ устройствѣ государственныхъ доходовъ, торговли и другихъ отраслей государственнаго хозяйства.

1711. Марта 2. Именный, данный Сенату.

Указъ что по отбытіи нашемъ дѣлать.

1. Судъ имѣть нелицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія, то жъ и ябедникамъ да послѣдуетъ.

2. Смотрѣть во всемъ Государствѣ расходовъ, и ненужные, а особливо напрасные отставить.

3. Денегъ какъ возможно сбирать, понеже деньги суть артерією войны.

4. Дворянъ собрать молодыхъ для запасу въ офицеры, а наипаче тѣхъ, которые кроются, сыскать; такожъ тысячу человѣкъ людей боярскихъ грамотныхъ для того жъ.

5. Векселя исправить и держать въ одномъ мѣстѣ.

6. Товары, которые на откупахъ или по Канцеляріямъ и Губерніямъ, осмотреть и посвидѣтельствовать.

7. О соли стараться отдать на откупъ и понещися прибыли у оной.

8. Торгъ Китайской, сдѣлавъ компанію добрую, отдать.

9. Персидской торгъ умножить, и Армянъ какъ возможно приласкать и облегчить, въ чемъ пристойно, дабы тѣмъ подать охоту для большаго ихъ пріѣзда. Учинить фискаловъ во всякихъ дѣлахъ, а какъ быть имъ, пришлется известіе.

3. О должности Сената.

1722. Апреля 27. Именный.

1. Сенату надлежитъ состоять изъ Тайныхъ Дѣйствительныхъ и Тайныхъ Совѣтниковъ, кому отъ Насъ нынѣ повелѣно и впредь повелѣно будетъ, и сидѣть по рангамъ, и кромѣ ихъ, также и Генерала и Оберъ-Прокуроровъ, и Оберъ-Секретаря и Секретаря и Протоколиста, никакой незваной персонѣ не входить въ то время, когда совѣты отправляются; а когда кто впущенъ будетъ изъ высокихъ персонъ, то Сенаторы велятъ подать стулъ, но и то такому, которой бы рангъ имѣлъ между первѣйшими чинами, а именно до бригадира, и почтутъ его сѣсть; и понеже въ Сенатской Канцеляріи Президенту быть не возможно, того для оной въ дирекціи быть у Генерала Прокурора.

2. Дѣло Сенатское то, когда кому въ Коллегіи такое дѣло случится, которое въ той Коллегіи рѣшить не возможно, то тѣ дѣла Президенту Коллегіи приносить и объявить Генералу-Прокурору, который долженъ представить въ Сенатѣ, и оное рѣшить въ Сенатѣ, а чего не возможно рѣшить, о томъ приложа свое мнѣніе учинить предложеніе въ докладъ.

3. Въ ту жъ Канцелярію должны всѣ Губернаторы и Воеводы писать о тѣхъ дѣлахъ, которыя не принадлежатъ къ Коллегіямъ, яко о начатіи какой войны, мора, а какого замѣшанія, или какихъ припадковъ...

8. Дѣла Государственныя, которыя имѣютъ быть рѣшены въ Сенатѣ, подъ оными сентенціи закрѣплять всему Сенату, и съ нихъ для дѣйствія, куды надлежитъ указы посылать за подписаніемъ Сенатского Оберъ-Секретаря, и нужные за Государственною печатью, и на тѣ указы куда бы сіые ни посланы были, рапортъ чинить безъ умедлѣнія въ учиненной срокъ по Генеральному Регламенту по дальности мѣста, или какъ въ тѣхъ указахъ срокъ объявленъ будетъ; однакожъ чтобъ такое время было, чтобъ возможно то сдѣлать, дабы невозможностію не обвиненъ кто былъ напрасно, и чтобъ оные рапорты были со изъясненіемъ, дабы можно вѣдать, что исполнено и что не можетъ быть исполнено, и для чего,—то описывать именно. А которые противъ онаго рапортовать не будутъ, то съ таковыхъ имать штрафы за всякой мѣсяцъ за срокомъ, а именно, за первой сто рублей, за другой въ двое, за третій въ трое, за четвертый въ четверо, за пятой лишеніе всего, и вѣчною работою на галеры, ежели законныхъ причинъ не положитъ.

9. О всѣхъ дѣлахъ, которымъ надлежитъ вершенымъ быть, въ Сенатѣ подобаетъ на столѣ подробному реэстру повседневно быть с описью, давно ли которыя дѣла не вершены, и слушать и решить по оному реэстру, а не выборомъ, а какія дѣла будутъ нужныя, тѣ напередъ, а наипаче же Наши указы, яко главное дѣло, а всѣ дѣла слушать и рѣшить слѣдующимъ образомъ: когда какое дѣло будутъ слушать, тогда между собою не говорить, и выслушавъ, буде дѣло не важное, въ то время приговаривать съ нижнихъ голосовъ и рѣшить, а ежели котораго дѣла вскорѣ решить будетъ не можно, то вставъ, и кто съ кѣмъ за благо разсудитъ, о томъ дѣлѣ толковать надлежащее время по важности дѣла и по разсужденію Генералъ-Прокурора, для чего ему Генералъ-Прокурору имѣть песочные часы, и какъ будутъ толковать, встанутъ и тогда объявя имъ песочные часы обратя поставить на столъ такіе, сколько къ тому толкованію время надлежитъ, а какъ то время пройдетъ, тогда сѣсть всѣмъ по своимъ мѣстамъ, и по вышеозначенному голосы свои давать съ низу одинъ по другомъ, и давъ голоса рѣшить, а больше показанного времени, въ рѣшеніи продолженія не чинить; и которыя вершатся, тѣ записавъ въ протоколъ, отмечать въ реэстрѣ; а ежели случится зѣло тяжкое, которое въ короткое время не можетъ рѣшиться: то отложить и до другого дня; буде же такое дѣло, которое отсрочки не терпитъ, то поговорить и подумать до трехъ часовъ, и рѣшить по вышеписанному жъ; а какъ голоса свои давать будутъ, тѣ каждаго голоса записывать Секретарю, а имъ каждому по своимъ голосамъ крѣпить. ежели кто изъ Членовъ Сената такъ чинить не будетъ, или что приговаривать будетъ не право: то Генералъ-Прокурору о томъ имъ предлагать, чтобъ они то чинили такъ, какъ надлежитъ безъ

страсти, напоминая имъ то, что всегда подобаетъ Сенату имѣть о Монаршеской и Государственной пользѣ неусыпное попеченіе, и доброе простирать, и все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать; а ежели кто не послушаетъ, то Генералъ-Прокурору, того дѣла не допуская до вершенія, доносить Намъ, какъ о томъ въ должности ему написано. Противъ сего подписано Его Величества собственною рукою тако: чтобъ протоколы подписывать всѣмъ, и сіе изъяснить особымъ пунктомъ.

10. Никому въ Сенатѣ позволяется разговоры имѣть о постороннихъ дѣлахъ, которыя не касаются къ службѣ Нашей, меньше же, кому дерзновеніе имѣть бездѣльными разговорами, или шутками являтися; но надобно вѣдать, что есть оное мѣсто сочинено, гдѣ поступать подобаетъ со всякою надлежащею учтивостію, понеже Сенатъ собирается вмѣсто присутствія Нашей персоны въ отлученіи.

11. Безъ согласія всего Сената ни что дѣлать подобаетъ, паче же ниже что вершить возможно; ежели жъ бы иногда кто за болѣзнію, или нѣкоторой крайней ради нужды, не въ присутствіи былъ: того для дѣламъ оставленнымъ быть не надобно; однако о важныхъ дѣлахъ и отсутствующимъ подобаетъ прежде вершенія всякому освѣдомлену быть. Сіи отлучки разумѣется кромѣ дальныхъ, и его мнѣній на письмѣ получить, и надобно, чтобъ всякія дѣла не въ особливыхъ домахъ, или въ бесѣдахъ, но въ Сенатѣ вершить, и въ протоколъ введеннымъ быть надлежитъ, и не надлежитъ же Сенатскимъ Членамъ никого постороннихъ съ собою въ Сенатъ брать, которому тамо по званію своему быть не подобало.

12. Въ Сенатѣ никакое дѣло исполнено быти надлежитъ словесно, но всѣ письменно, понеже Сенату въ такихъ важныхъ поведеніяхъ вельми нужно имѣть всякое опасеніе и осторожность, дабы Нашъ интересъ ни въ чемъ не повредить; и того ради всѣмъ Членамъ не прійти къ тяжкому отвѣтствованію, такожъ и Намъ ни въ чемъ бы сумнительно быти могло.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорского Величества рукою тако: поступать по сей, а старую, ради ея неполности, отставить.

4. О должности Генералъ-Прокурора.

1722. Апрѣля 27. Именный.

1. Генералъ-Прокуроръ повиненъ сидѣть въ Сенатѣ и смотрѣть накрѣпко, дабы Сенатъ свою должность хранилъ и во всѣхъ дѣлахъ, которыя къ Сенатскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно, ревностно и порядочно, безъ потерянія времени, по Регламентамъ и указамъ отправлялъ, развѣ какая законная причина къ отправленію ему помѣшаетъ, что все записывать повиненъ въ свой журналъ. Также накрѣпко смотрѣть, чтобъ въ Сенатѣ не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись, въ чемъ онъ долженъ спрашивать у тѣхъ, кто на что указы получилъ, исполнено ль по нихъ въ такое время, въ которое начало и совершенство онаго исполнено быть можетъ; и буде не исполнено, то ему вѣдать надлежитъ, для какой причины, невозможность ли какая помѣшала, или по какой страсти, или за лѣностью, и о томъ немедленно Сенату предлагать долженъ, для чего повиненъ имѣть книгу, въ которой записывать на одной половинѣ, въ которой день какой указъ состоялся, а на другой половинѣ записывать, когда что по оному указу исполнено, или не исполнено, и для чего и прочія обстоятельства нужныя вносить.

2. Также долженъ накрѣпко смотрѣть, дабы Сенатъ въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ; а ежели что увидитъ противное сему, тогда въ тотъ же часъ повиненъ предлагать Сенату явно, съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они, или нѣкоторые изъ нихъ не такъ дѣлаютъ, какъ надлежитъ, дабы исправили, а ежели не послушаютъ, то долженъ въ тотъ часъ протестовать, и оное дѣло остановить, и немедленно донесть Намъ, если весьма нужное, а о прочихъ въ бытность Нашу въ Сенатѣ, или помѣсячно, или понедѣльно, какъ указъ имѣть будетъ. Такожъ надлежитъ Генералъ-Прокурору въ доношеніяхъ явныхъ, которыя онъ будетъ подавать Намъ, осторожно и разсмотрительно поступать, дабы напрасно кому безчестія не учинить; такимъ образомъ, ежели увидитъ какое дѣло, хотя и противное ему покажется, да неясно, или два вида имѣющее, то протестацію остановя, не тотъ часъ доносить, но посовѣтовать, с кѣмъ онъ за благо разсудитъ; и ежели увидитъ, что подлинно такъ, или болѣе изъяснить и сумнѣніе миновать не можетъ, то доноситъ Намъ, однакожъ болѣе недѣли въ томъ не мѣшкать, а ежели дѣло ясно, то немедленно доносить въ нужныхъ, а въ прочихъ, какъ выше писано; такожъ не медля болѣе недѣли жъ, не отговариваясь никакими нуждами развѣ Мы будемъ

въ отлученіи, то однакожъ письмомъ въ то жъ время написаннымъ, и немедленно съ нарочнымъ послать. А ежели какое неправое доношеніе учинить по страсти: то будетъ самъ наказанъ, по важности дѣла.

9. Генералъ-и Оберъ-Прокуроры ни чьему суду не подлежатъ, кромѣ Нашего, а ежели во отлученіи Нашемъ явятся въ тяжкой и времени нетерпящей винѣ: яко измѣнѣ, то Сенатъ можетъ арестовать и розыскивать, а дѣло приказать иному кому, однакожъ никакой пытки, екзекуціи, или наказанія не чинить.

11. И понеже сей чинъ, яко око Наше и стряпчей о дѣлахъ Государственныхъ: того ради надлежитъ вѣрно поступать, ибо перво на немъ взыскано будетъ; и ежели въ чемъ поманитъ, или инако, какимъ образомъ ни есть, должность свою вѣденіемъ и волею преступитъ: то яко преступникъ указа и явной разоритель Государства наказанъ будетъ. Буде же весьма не вымысломъ: то оному въ вину не ставить, понеже лучше доношеніемъ ошибиться, нежели молчаніемъ, однакожъ ежели то часто будетъ употреблять, то не безъ вины будетъ.

(Пам. зак. Петра В., изд. Н. Клочкова, № 1—4.)

---

180. Коллегіи.

Генеральный Регламентъ или уставъ, по которому гос. коллегіи подданнѣйше поступать имѣютъ.

(1720. Февраля 28).

Понеже Его Царское Величество, Всемилостивѣйшій Нашъ Государь, по примѣрамъ другихъ христіанскихъ областей, Всемилостивѣйшее намѣреніе воспріяти изволилъ, ради порядочнаго управленія Государственныхъ Своихъ дѣлъ,— слѣдующія къ тому потребныя и надлежащія Государственныя Коллегіи учредить. А именно: Иностранныхъ дѣлъ, Каморъ, Юстицъ, Ревизіонъ, Воинская, Адмиралтейская, Коммерцъ, Штатсъ-Конторъ, Бергъ и Мануфактуръ Коллегіи. И во оныхъ Президентовъ, Вице-Президентовъ, и прочихъ принадлежащихъ къ тому членовъ и канцелярныхъ и конторныхъ служителей, а болѣе изъ Своихъ собственныхъ подданныхъ опредѣлить, такожде и потребныя Канцеляріи и Конторы при томъ же учредить. Того ради Его Царское Величество запотребно разсудить изволилъ, всѣмъ въ вышеописанныхъ Государственныхъ Коллегіяхъ обрѣтающимся вышнимъ и нижнимъ служителямъ обще, и каждому особо, симъ Генеральнымъ регламентомъ въ извѣстіе, и вмѣсто Генеральной инструкціи (наказа) Всемилостивѣйшее свое повелѣніе въ нижеписанныхъ главахъ объявить.

Гл. XVIII.

О нехожденіи ни за кѣмъ въ домы.

И понеже Его Величества дѣла въ Коллегіи въ опредѣленныхъ (для собранія) коморахъ и въ уреченное время имѣютъ отправлены быть, и тако никто, какого бъ достоинства той Коллегіи ни былъ, не долженъ одинъ другого въ домѣ его искать и тѣмъ время тратить, подъ лишеніемъ полумѣсячнаго жалованья, развѣ когда Президенты за болѣзнію или другихъ помѣшательствъ ради въ Коллегіумъ не могутъ быть: то можно имъ къ себѣ Секретаря или Нотаріуса призвать, и чрезъ оныхъ мнѣніе свое Коллегіи объявить, которые должны съ Коллегійными Членами въ такихъ случаяхъ по желанію Президентскому явиться, однакожъ никогда не надлежитъ въ Президентскомъ домѣ Коллегіумъ или протоколъ сочинять.

Гл. XIX.

О поданіи доносителямъ доношеній Президентамъ и прочимъ Членамъ въ Коллегіяхъ съ свидѣтельствомъ.

Дабы Президентъ доношенія себѣ единому поданнаго не утаилъ (что если бы нарочно сдѣлалъ, подлежалъ бы изверженію, яко коварникъ, а не правитель): того ради объявить въ народъ, чтобъ всякъ требующій управы отъ Коллегіи подавалъ доношеніе Президенту не въ дому его, но въ Коллегіи, а не индѣ гдѣ, а принимать Секретарю, а не иному кому, при прочихъ Членахъ

Гл. XXI.

О вхожденіи и разговорахъ въ Коллегіи.

Его Величество повелѣваетъ, чтобъ никто не дерзалъ, какого бъ чина и достоинства онъ ни былъ, кромѣ служителей, которые къ оному принадлежатъ, въ камору судейскаго правленія входить прежде, пока объ немъ чрезъ вахмейстера

доложено будетъ, но имѣетъ въ прихожей каморѣ пребывать, и тако всѣ оные, которые по учиненному докладу и позволенію въ Коллегію войдутъ, съ надлежащимъ почтеніемъ приступаютъ, и понеже никому не позволено въ Коллегіи о другихъ дѣлахъ разговоры имѣть, токмо о тѣхъ, которыя къ Его Царскаго Величества службѣ касаются, наименьше жъ непотребныя и праздныя слова и смѣхъ имѣть, такожде никому стулъ не поставляется, кромѣ такихъ, которой бы рангъ имѣлъ между знатными чинами. А именно: Полковнической чинъ и выше, а прочіе имѣютъ доношенія свои стоя чинить. Ежели же Президентъ, или кто вмѣсто его отправляетъ, сіе пренебрежетъ, то есть, ежели кого чрезъ сей указъ въ пунктѣ изъясненной впустить велитъ или самъ лишнее говорить, или другимъ говорить не запретитъ, то за каждое преступленіе пятьдесятъ рублей заплатить долженъ.

Гл. XXIII.

О Каморѣ аудиенціи (или судейскаго правленія).

Каморы аудіенціи Коллегій надлежитъ добрыми коврами и стулами убраны, и столъ, при которомъ Коллежные Члены сидятъ, добрымъ сукномъ покрытъ, и предъ всякимъ Членомъ чернильнице со всею принадлежностію, и надъ столомъ балдахину, и на стѣнѣ добрымъ часамъ поставленнымъ быть; вышеупомянутый столъ стоитъ по срединѣ каморы. Секретарской столъ на правой, а Нотаріусовъ протокольной столъ на лѣвой сторонѣ; однакожъ ни въ какой Коллегіи престолъ для Его Величества не поставляется: понеже такой токмо во оныхъ мѣстахъ надлежитъ, где Его Величество Самъ президовать изволитъ.

XXIV.

О комплиментахъ Президентовъ.

Когда Президенты въ Коллегіи прибудутъ, то надлежитъ Членамъ, встав съ мѣстъ, честь имъ отдать: такожъ и при выходѣ ихъ, а встрѣчать и провожать должности их нѣтъ.

Г. XXXVI.

О молодыхъ людяхъ для обученія при Канцеляріи.

Впрочемъ, соизволяетъ Его Величество Всемидостивейше, дабы ежели нѣкоторые удобные люди, которые впредь при Канцеляріяхъ и Конторахъ служить пожелаютъ, по пропорціи каждаго Коллегия, заранѣе допущены и обучены были, чтобъ прилежнымъ списываниемъ дѣлъ въ письмѣ и въ Ариѳметикѣ обучались, и при случающейся ваканціи, ежели они къ дѣлу способны и доброй натуры и поступки суть употреблены быть могли, къ чему позволяется из шляхетства допущать; и быть имъ подъ управлением Секретаря, которой повиненъ ихъ опредѣлять и ко всякимъ дѣламъ, въ Коллегіи сущимъ, и смотрѣть, дабы оные обучались какъ письму, такъ и всѣмъ дѣламъ, принадлежащимъ во ономъ Коллегіи, дабы со временемъ могли производить въ вышніе чины по градусамъ: того ради сего фамиліямъ знатнымъ и шляхетскимъ въ укоризну не ставить: ибо кромѣ сего пути никто въ вышній градусъ и до Министерскаго чина произведенъ быти не можетъ; по однакожъ, изо всякой фамиліи какъ въ воинскихъ, такъ и въ сихъ дѣлахъ по нѣскольку были употреблены: и того ради не позволяется, чтобъ которой фамиліи одной всѣ были во оной гражданской службѣ, но по пропорціи и воинской. Такожъ въ дополненіе Генеральнаго Регламента тридцать шестой главы о Коллегіи юнкерахъ, дабы ихъ по Коллегіямъ обучать, такъ какъ подъячихъ, съ самыхъ нижнихъ дѣлъ приказныхъ, и сего смотрѣть въ Коллегіяхъ накрѣпко, дабы въ томъ маны не было, и подъ видомъ ученія гулянья, за что будутъ Члены Коллежскіе жестоко наказаны, ежели по сему исполнять не будутъ.

Гл. XLV.

О фискалѣ отъ Коллегіи.

Каждому Коллегію надлежитъ своего Фискала имѣть, который долженъ смотрѣть, чтобъ все порядочно по даннымъ регламентамъ и указамъ управляемо было правдою и доброю ревностію; а кто въ томъ погрѣшитъ, о томъ онъ о всемъ фискальски въ Коллегіи доносить долженъ, какъ его инструкція повелѣваетъ. Однакожъ надлежитъ ему осторожно и со основательными свидѣтельствованіями поступать, и никого безвинно въ подозрѣніе не приводить. А ежели по страсти, или собственной корысти ради, винныхъ обойдетъ, или для онаго затѣетъ, то оной подлежитъ тому, чему бы тотъ виноватый былъ достоинъ. А ежели кромѣ вышеписанныхъ страстей учинитъ; однакожъ все то будетъ не правда, то легче накажется.

А буде не все докажетъ, однакожъ одно или нѣсколько правды явится, и ему въ вину не ставить, понеже всего ему аккуратно вѣдать невозможно. А ежели онъ за Президентомъ, или кто въ его небытность управляетъ, что противнаго увидитъ, о томъ долженъ донести Генеральному Фискалу.

Гл. XLVII.

О состояніи прихожей каморы.

При каждомъ Коллегіи надлежитъ двумъ прихожимъ каморамъ быть, или буде одна обрѣтается, то имѣетъ тако учреждена быть, чтобъ люди знатнаго характера (или чина) отъ подлыхъ различены были, и особливое свое мѣсто имѣть могли. Въ такой прихожей надобно быть кругомъ лавкамъ, и которая лавка близъ дверей Коллегіиныхъ, чтобъ сукномъ была обита, дабы знатные люди сидѣть и отправленія своего ожидать могли. Такожде надлежитъ ни въ Коллегіиныхъ прихожихъ каморахъ, ниже въ Коллегіяхъ самыхъ, или въ Канцеляріяхъ и Конторахъ, кого, коль подлый бы онъ ни былъ, за тяжкія вины никогда наказывать, или надъ нимъ экзекуцію чинить: понеже сіе респекту привиллегированнаго и яко освященнаго мѣста весьма противно есть. Того ради надлежитъ публичному мѣсту быть, гдѣ въ указанное время все наказанье на тѣлѣ и лишеніе живота чинено быть имѣетъ, дабы всякъ, смотря на то, отъ такихъ погрѣшеній и преступленій себя могъ охранять.

(Пам. зак. Петра В., изд. Н. Клочкова № 5).

---

181. Регламентъ или Уставъ Главнаго Магистрата.

(1721, Генваря 16.)

Понеже Царское Величество указалъ, по Именному Своему Великаго Государя указу, писанному Его Величества Собственною рукою, Бригадира и Лейбъ-Гвардіи Капитана Господина Князя Трубецкаго надъ здѣшнимъ и прочими Магистраты объявить Оберъ-Президентомъ, и чтобъ онъ вѣдалъ всѣхъ купецкихъ людей судомъ и о ихъ дѣлахъ доносилъ Сенату, и сію (всего Россійскаго купечества) разсыпанную храмину паки собралъ, въ товарищи ему надъ здѣшнимъ Магистратомъ опредѣлить Президента Илью Исаева. Того ради по силѣ сей инструкціи и изображенныхъ въ ней слѣдующихъ пунктовъ, будучи ему здѣсь въ Главномъ Магистратѣ, поступать.

Гл. II.

О главныхъ Магистрата дѣлахъ.

По присяжной должности Главнаго Магистрата, правленіе состоитъ въ томъ: 1) Во всѣхъ городахъ порядочной Магистратъ учредить. 2) Оной добрыми уставами и огражденіями снабдить. 3) Того смотрѣть, чтобъ было правосудіе. 4) Добрую полицію учредить. 5) Купечество и мануфактуру размножать (сіи мануфактуры разумѣются не тѣ, которыя большія яко всякія, напримѣръ: суконныя, парчевыя, также желѣзные, мѣдные заводы и прочіе симъ подобные, но на-ряду необходимо нужные, яко: портные, сапожники, плотники, кузнецы, серебреники и имъ подобные), и въ лучшее состояніе производить, такожъ и прочее, что къ Магистратской пользѣ принадлежитъ, приводить въ доброй порядокъ и совершенство, гдѣ какъ возможно, съ усмотрѣніемъ.

Гл. VII.

О раздѣленіи гражданства.

Понеже вездѣ въ городахъ, не токмо въ большихъ, но и въ малыхъ, обрѣтаются жители разныхъ чиновъ, кромѣ посадскихъ (изъ которыхъ каждый особливое состояніе имѣетъ), а именно: шляхетство, которое въ близости отъ городовъ деревни и усадьбы свои имѣютъ, а иные и сами въ городахъ живутъ домами своими, такожде служители у дѣлъ приставленные, священство, церковники и иностранные, изъ которыхъ одни ради купечества, а другіе для художества или какого рукодѣлія тамо живутъ, то всѣ такіе люди между гражданами не числятся; а Магистрату граждане надлежатъ, и въ дву гильдіяхъ состоятъ такіе:

Банкиры (которые даютъ на вексели деньги), знатные купцы, которые имѣютъ отъѣзжіе большіе торги, и которые разными многими товарами въ рядахъ торгуютъ, городскіе Докторы, Аптекари, Лѣкари, шиперы купеческихъ кораблей, золотари, серебренники, иконники, живописцы, портные, сапожники, кузнецы, плотники, столяры, рѣщики, токари и симъ подобные, изъ которыхъ первой гильдіи или первостатейные состоятъ, и отъ другого подлаго гражданства привилле-

гіями и преимуществы суть отмѣнны; яко: банкиры, знатные купцы, которые имѣютъ отъѣзжіе большіе торги, и которые разными товарами въ рядахъ торгуютъ, городскіе Докторы, Аптекари, Лѣкари, шиперы купеческихъ кораблей, золотари, серебренники, иконники, живописцы. Во второй гильдіи—которые мѣлочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуютъ, также рукомесленные, рещики, токари, столяры, портные, сапожники и симъ подобные. Прочіе же всѣ подлые люди, обрѣтающіеся въ наймахъ и въ черныхъ работахъ, которые нигдѣ между знатными и регулярными гражданами не считаются. И по такому опредѣленію каждое художество и ремесло свои особливыя цунфты (цехи) или собранія ремесленныхъ людей, и надъ оными алдермановъ (или старшинъ) по величеству города и по числу художниковъ имѣетъ, такожъ и каждое ремесло и художество свои книги имѣютъ, въ которыхъ регулы или уставы, права и привиллегіи ремесленныхъ людей содержаны быть должны. А ежели изъ вышепомянутыхъ цунфтовъ изъ алдермановъ кто явится въ добрыхъ поступкахъ, то такихъ и въ вышеписанные гражданскіе чины выбирать, которые Магистрату во всѣхъ градскихъ дѣлахъ совѣтомъ и дѣломъ вспомогать должны, а лучшіе изъ нихъ въ Ратманы, а потомъ и въ Бургомистры выбраны быть имѣютъ.

Гл. IX.

О судахъ гражданскихъ.

Хотя (гражданскія) судныя дѣла во всѣхъ Губерніяхъ и Провинціяхъ въ смотрѣніи и въ вѣденіи подлежатъ въ Юстицъ-Коллегіи, однакожъ, понеже купецкіе и ремесленные тяглые люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются нетокмо въ какомъ призрѣніи, но паче ото всякихъ обидъ, нападковъ и отягощеній неносныхъ, едва не всѣ разорены, отъ чего оныхъ весьма умалилось, и уже то есть не безъ важнаго Государственнаго вреда. Того ради милосердуя Его Царское Величество объ оной, яко разсыпанной храминѣ, указалъ: всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей во всѣхъ дѣлахъ судомъ и расправою и татинными и разбойными и убивственными дѣлами вѣдать (кромѣ великихъ Государственныхъ дѣлъ) въ Главномъ Магистратѣ, кто бъ на оныхъ въ чемъ ни билъ челомъ.

Гл. X.

О полицейскихъ дѣлахъ.

Ежели въ главномъ Магистратѣ въ которыхъ городахъ усмотрятъ что полезное ко установленію полиціи, или добрыхъ гражданскихъ порядковъ къ поправленію, и о томъ, какіе надлежатъ новые уставы сочинить; то должно оное сочинять со осмотрѣніемъ, чтобъ оные были ко общенародной пользѣ, а не къ поврежденію, которые сочиня, для апробаціи объявить въ Сенатѣ, а не объявя, отнюдь въ дѣйство собою не производить,—понеже полиціи особливое свое состояніе имѣетъ; а именно: оная споспѣшествуетъ въ правахъ и въ правосудіи, раждаетъ добрые порядки и правоученіи, всѣмъ безопасность подаетъ отъ разбойниковъ, воровъ, насильниковъ и обманщиковъ и симъ подобныхъ, непорядочное и непотребное житіе отгоняетъ, и принуждаетъ каждаго къ трудамъ и къ честному промыслу, чинитъ добрыхъ досмотрителей, тщательныхъ и добрыхъ служителей, города и въ нихъ улицы регулярно сочиняетъ, препятствуетъ дороговизнѣ, и приноситъ довольство во всемъ потребномъ къ жизни человѣческой, предостерегаетъ всѣ приключившіяся болѣзни, производитъ чистоту по улицамъ и въ домахъ, запрещаетъ излишество въ домовыхъ расходахъ и всѣ явныя погрѣшеніи, призираетъ нищихъ, бѣдныхъ, больныхъ, увѣчныхъ и прочихъ неимущихъ, защищаетъ вдовицъ, сирыхъ и чужестранныхъ, по заповѣдямъ Божіимъ, воспитываетъ юныхъ въ цѣломудренной чистотѣ и честныхъ наукахъ; въ кратцѣ жъ надъ всѣми сими полиція есть душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальной подпоръ человѣческой безопасности и удобности. Того ради главному Магистрату въ такомъ благопотребномъ, важномъ дѣлѣ со осторожностію поступать, дабы, вмѣсто онаго, какія противныя и вредительныя дѣйства не произошли, или, вмѣсто чаемаго исправленія, города и граждане въ тщетной убытокъ и разореніе не пришли: и для того не надлежитъ никакихъ полицейскихъ регламентовъ прежде издавать и публиковать, пока онъ объ ономъ съ Коллегіями (съ которыми о чемъ надлежитъ) не снесется, и не посовѣтуетъ съ ними и потомъ отъ Сената или отъ самаго Его Царскаго Величества апробацію (о томъ) не получитъ.

Гл. XXI.

О школахъ.

Понеже Академіи и школы дѣло есть зѣло нужное для обученія народнаго, въ чемъ уже по Его Царскаго Величества высокому соизволенію, и доброе начало учинено, дабы такое нужное и благоугодное дѣло по всей возможности въ дѣйство произвесть: того ради надлежитъ Магистрату учрежденія того не пренебрегать, но по должности всякое къ тому вспоможеніе чинить; а что до содержанія малыхъ школъ принадлежитъ, въ которыхъ токмо читать, писать и арифметики обучатися будутъ, о томъ во всѣхъ городахъ Магистратамъ самимъ имѣть стараніе.

(Пам. законодат. Петр Великаго, изд. Н. Клочкова, № 11).

---

182. Доношеніе Алексѣя Нестерова о его фискальной дѣятельности отъ 30 ноября 1714 года.

Всемилостивѣйшій Государь, по указу вашего величества и по новопреданнымъ пунктамъ велѣно намъ фискаломъ смотрѣть преступленія указовъ и кражъ казны и прочаго.

И я, рабъ твой, пріѣхавъ изъ Санктъ-Питербурха, усмотрѣлъ въ Москвѣ за шатерничимъ Федоромъ Поздышевымъ изъ оной шатерной палаты кражу казны, изъ которой его кражи, какъ онъ послалъ продавать, получилъ, во обличенье ему, два бархата золотныхъ, и о той кражѣ объявя оное поличное, подавалъ письменное доношеніе, дабы въ той палатѣ переписать, а достальное у него краденое многое въ домѣ вынять и поставить на судъ, ко обличенію господину графу Мусину, и онъ, по прежнему ненавидя оныхъ нашихъ дѣлъ, для описи въ палату и для выемки не послалъ и уничтожилъ; которое поличное привезъ съ собою и ясно в. в. предложу.

А жъ, рабъ твой, усмотрѣлъ на денежномъ монетномъ мѣдномъ дворѣ за подрядчикомъ Иваномъ Копыловымъ, который дѣлаетъ кружки мѣдные, и за бурмистромъ Яковомъ Гостѣевымъ и товарищи, его ларечными четырьмя человѣки, явную кражу денежной казны, отъ которыхъ, надѣюсь, съ розыску сыщутся и прежнія дурости, и о взятьѣ ихъ къ розыску въ Санктъ-Питербурхъ подалъ я, рабъ твой, доношеніе сенатору Якову Федоровичу Долгорукому.

Ему жъ подалъ другое доношеніе на дьяковъ помѣстнаго приказу соляного правленія, что они, явно для своихъ пользъ, нерадѣніемъ своимъ запустили соляной денежной казны 12,000 р. на откупщикѣ Желваковѣ, да на племянника его Желвакова, Александра Желвакова жъ, и прикащика и работниковъ, которые послѣ смерти откупщика Желвакова всякое имѣніе, отбывая платежа, изъ дому и на заводахъ себѣ похитили, на которыхъ и прежъ сего въ сенатъ на Москвѣ и, какъ я былъ въ Санктъ-Питербурхѣ, доношенія поданы, а указу имъ не учинено и оной хищникъ Александръ Желваковъ изъ канцеляріи Правительствующаго Сената явно для взятковъ отпущенъ; за которыми оною дьячьею и въ сенатской канцеляріи поноровкою оныя соляныя деньги и по се число пропадаютъ, и они, хищники, уже за моимъ доношеніемъ и за отписью его Желвакова, хлѣба продали съ полтрети тысячи и такожъ деньги по себѣ разобрали, а указу такимъ не чинятъ; о чемъ в. в-ву тогда жъ ясно предложу, и чтобы оное дѣло и ихъ собравъ, взять туда жъ для подлиннаго розыску и указу: и принявъ оныя мои доношенія князь Яковъ Федоровичъ хотѣлъ послать на почтѣ въ Санктъ-Питербурхъ.

Я жъ, рабъ твой, сыскалъ и въ Московской губернской канцеляріи, передъ губернаторомъ, съ тозарищи дворцового судью Савелова, который шуринъ господину графу Мусину,—на судѣ обличилъ, что онъ, явно для своихъ взятковъ скрывая отъ смотровъ и отъ службы бѣглецовъ изъ Казанской губерніи, недорослей, еще и офицерскихъ дѣтей, а на иныхъ и другихъ, преступая указъ, не объявя ихъ по указу въ сенатъ, записалъ самовольно у себя въ стряпчіе конюхи, въ чемъ онъ сперва запирался и указывалъ на дьяка и подъячихъ, а дьякъ и подъячіе, также и тѣ бѣглецы сами въ разспросѣ сказали, именно на него, Савелова, а потомъ и самъ онъ, Савеловъ, уже не пошелъ па судъ, вину свою письменную къ тому же дѣлу объявилъ; указу ему и тѣмъ бѣглецамъ, явно щадя и угрожая (угождая?) графу, не учинено жъ.

За нимъ же, Савеловымъ, и другія его указамъ противныя вины мною жъ, рабомъ твоимъ, сысканы и предложены, еще же и на другихъ такихъ же, явно крыющихся отъ службы, доношенія въ оной же канцеляріи поданы и ею уничтожены

жъ; а по другимъ розным интереснымъ дѣламъ, по которымъ также явно отъ меня изобличены, какъ въ гостиной сотни Федоръ Нестеровъ въ подъискательномъ похищеніи казны, такъ и другіе,—указу ничего не чинятъ и впредь видно, что, не токмо имъ рѣшенія и указы чинить, ни слышать фискальныхъ дѣлъ хотятъ, а въ другихъ губерніяхъ и спрашивать ужъ нечего; а многіе и фискалы по городомъ ничего не смотрятъ и не радѣютъ и ни съ кѣмъ остуды принять не хотятъ, но токмо добились чрезъ оборъ-фискала, отбывая службы и посылокъ, и живутъ сами, яко сущіе тунеядцы, при своихъ деревняхъ и имѣютъ тщаніе о своихъ, а не о фискальствѣ; за что я, рабъ твой, за оное ихъ нерадѣніе, по усердію моему, для страху наложилъ на нихъ и штрафы, да оборъ-фискалъ, явно жалѣя ихъ, отложилъ, что ихъ общая дворянская кампанея, а я, рабъ твой, межъ ими замѣшался одинъ съ сыномъ моимъ, котораго обучаю фискальству и за подъячаго имѣю, во всякой отъ всѣхъ ненависти, яко овца посредѣ волковъ,—истину в. в-ву пишу, а не лжу. О чемъ в. в-ву также предложу, именно въ чемъ и оборъ-фискалъ постыдится, для чего и напередъ сего письменно в. в-ву ясно предлагалъ и просилъ особаго судью, господина Кудрявцова, однакожъ довольно докучать въ томъ не смѣлъ.

А паче сихъ всѣмъ ясно и съ немалымъ жалѣніемъ видимъ, что какъ правіантскія, такъ и мундирныя, также и наемъ подводъ всякихъ отпусковъ, и другія разныя дѣла идутъ подрядами, съ превеликимъ убыткомъ, за которымъ поживленіемъ купецкіе люди и сущихъ своихъ торговъ отстали, а иные въ томъ богатятся и денегъ уносятъ въ иные государства, паче русскихъ, допущенные въ то иноземцы; ежели впредь на вѣрѣ того всего, чрезъ добрыхъ и вѣрныхъ людей, учинить не укажешь, какъ в. в-ву прежъ сего мы кампанею предлагали и я, рабъ твой, въ сенатъ письменнымъ доношеніемъ предлагалъ, да учинить такъ не соизволили,—то впредь весьма убытки такіе жъ государственные будутъ, а чрезъ вѣрныхъ и оставаться при прежнемъ будетъ въ казнѣ многое число.

(Записки Ист. фил. факульт. СПБ. Университ., часть 42, с. 58—60.)

---

183. Духовная Коллегія.

1. Манифестъ.

(1721 г. Генваря 25.)

Между многими, по долгу Богоданныя Намъ власти, попеченьми о исправленіи народа Нашего, и прочихъ подданныхъ Намъ Государствъ, посмотря и на Духовный чинъ, и видя въ немъ много нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудность, не суетный на совѣсти Нашей возымѣли Мы страхъ, да не явимся неблагодарни Вышнему, аще толикая отъ Него получивъ благопоспѣшества во исправленіи какъ Воинскаго, такъ и Гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина Духовнаго. И когда нелицемѣрный Онъ Судія, воспроситъ отъ Насъ отвѣта о толикомъ Намъ отъ Него врученномъ приставленіи, да не будемъ безотвѣтни. Того ради образомъ прежнихъ, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, Благочестивыхъ Царей, воспріявъ попеченіе о исправленіи чина Духовнаго, а не видя лучшаго къ тому способа, паче Соборнаго Правительства. Понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ; къ тому жъ не наслѣдственная власть, того ради вящше не брегутъ. Уставляемъ Духовную Коллегію, то-есть Духовное Соборное Правительство, которое по слѣдующемъ здѣ Регламентѣ имѣетъ всякія Духовныя дѣла во Всероссійской Церкви управлять. И повелѣваемъ всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ Нашимъ, всякаго чина, Духовнымъ и мірскимъ имѣти сіе за важное и сильное Правительство, и у него крайнія дѣлъ Духовнымъ управы, рѣшенія и вершенія просить, и судомъ его опредѣленнымъ довольствоватися, и указовъ его слушать во всемъ, подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ, противъ прочихъ Коллегій.

2. Духовный Регламентъ.

Что есть духовное Коллегіумъ, и каковыя суть важныя вины таковаго правленія.

Коллегіумъ правительское не что ино есть, токмо правительское собраніе, когда дѣла нѣкія собственныя не единому лицу, но многимъ къ тому угоднымъ, и отъ Высочайшей власти учрежденымъ подлежатъ ко управленію. Да не возмнитъ же кто, что сіе управленіе не угодно есть, и лучше бы единому лицу дѣла духовныя всего общества правити, якоже частныхъ странъ,

или Епархій дѣла управляютъ кійждо особъ Епископи. Предлагаются здѣ важныя вины, которыя показуютъ, что сіе правленіе соборное всегдашнее, и аки всегдашній Сѵнодъ или Сѵнедріонъ, совершеннѣйшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство, наипаче же въ Государствѣ Монаршескомъ, яковое есть Наше Россійское.

1. Во-первыхъ бо извѣстнѣе взыскуется истина собраньмъ сословіемъ, нежели единымъ лицемъ...—Случается, что въ нѣкоей трудности усмотритъ тое человѣкъ простый, чего не усмотритъ книжный и остроумный; то какъ не нужно есть Соборное Правительство, въ которомъ предложенную нужду разбираютъ умы многіе, и что единъ не постигнетъ, то постигнетъ другій, а чего не увидитъ сей, то онъ увидитъ? И тако вещь сумнительная и извѣстнѣе и скорѣе объяснится, и каковаго требуетъ опредѣленія, не трудно покажется.

2. А яко извѣстіе въ познаніи, тако и сила въ опредѣленіи дѣла большая здѣ есть: понеже вящше ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ. Монарховъ власть есть Самодержавная, которымъ повиноватися Самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ; обаче совѣтниковъ своихъ имѣютъ, не токмо ради лучшаго истины взысканія, но дабы и не клеветали непокорные человѣцы, что се, или оно силою паче и по прихотямъ своимъ, нежели судомъ и истиною заповѣдуетъ Монархъ: то кольми паче въ Церковномъ правленіи, гдѣ правительство не монаршеское есть, и правителемъ заповѣдуется, да не господствуютъ клиру. Гдѣ аще единъ что уставляетъ, могутъ противницы единымъ лица его оклеветаніемъ силу установленію его отъяти, чего не такъ возмогутъ, гдѣ отъ соборнаго сословія опредѣленіе происходитъ.

5. Но се наипаче полезно, что въ Коллегіумѣ таковомъ не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству, лихоимному суду. Како бо могутъ сложитися въ заступленіе винной, или во осужденіе невинной стороны, гдѣ аще и будетъ единъ отъ нихъ къ лицу судимому пристрастенъ или яростенъ, обаче другій и третій и прочіи отъ гнѣва и пристрастія того свободни? Како же и мзда одолѣти можетъ, гдѣ не по власти, но по правильнымъ и важнымъ причинамъ дѣло вершится, и единъ другаго (аще благословенной мнѣнія своего вины не покажетъ) зазорится, да не позванъ будетъ въ мздопріимствѣ своемъ? Се же наипаче, егда Коллегіумъ состоится въ таковыхъ лицахъ, которымъ отнюдь невозможно тайно всѣмъ слагатися, сіесть аще будутъ лица разнаго чина и званія: Епископы, Архимандриты, Игумены и отъ властей бѣлаго Священства Во истину не видать здѣ, како таковые другъ другу и открывати дерзнутъ коварное нѣкое умышленіе, нетокмо что согласитися на неправость.

6. И се тому жъ подобно, что Коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію: не тако бо, яко же единоличный правитель гнѣва сильныхъ боится; понеже и причины происковать на многихъ, а еще разностатейныхъ особъ, не тако удобно есть, яко па единаго человѣка.

7. Велико и сіе, что отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, како разнствуетъ власть духовная отъ Самодержавной; но великою Высочайшаго Пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковый правитель есть то вторый Государь Самодержцу равносильный, или и больши его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее Государство, и се самъ собою народъ тако умствовати обыкъ. Что же егда еще и плевелныя властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся, и сухому хврастію огнь подложатъ? Тако простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на Самодержца своего, яко на Верховнаго Пастыря, въ коемъ либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно согласуютъ и за него поборствовати и бунтоватися дерзаютъ, и льстятъ себѣ окаянныя, что они по Самомъ Бозѣ поборствуютъ, и руки своя не оскверняютъ, но освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися. Такому же въ народѣ мнѣнію вельми ради и не простые, но коварные человѣцы; тіи бо, на Государя своего враждующе, егда увидятъ ссору Государя съ Пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобѣ своей, и подъ видомъ Церковной ревности, не сумнятся подносить руки на Христа Господня; и къ тому жъ беззаконію, яко къ дѣлу Божію, подвизаютъ простой народъ. Что жъ, когда еще и Самъ Пастырь таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не похощетъ? Изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе бываетъ.

И не вымыслы то далъ оы Богъ, чтобъ о семъ домышлятися только мощно было, но самою вещію не единожды во многихъ Государствахъ сіе показалося. Вникнуть только во Исторію Константинопольскую, нижае Іустиніановыхъ временъ, и много того покажется. Да и Папа не инымъ способомъ толико превозмогъ, не точію Государство Римское полма пресѣче, и себѣ великую часть похити, но и иныя Государства едва не до крайняго разоренія не единожды потрясе. Да не воспомянутся подобные и у насъ бывшіе замахи!

9. Наконецъ, въ таковомъ Правительствѣ Соборномъ, будетъ аки нѣкая школа правленія духовнаго. Ибо отъ сообщенія многихъ и различныхъ разсужденій, и совѣтовъ и доводовъ правильныхъ, яковыхъ частыя дѣла требуютъ, всякъ отъ сосѣдателей удобно можетъ научитися духовной политики, и повседневнымъ искуствомъ навыкнути, какъ бы лучше домъ Божій управлять возмогъ, и потому самыя угоднѣйшія отъ числа коллеговъ, или сосѣдателей, особы явятся на степень Архіерейства восходить достойныя. И тако въ Россіи, помощію Божіею, скоро и отъ духовнаго чина грубость отпадетъ и надѣятися всего лучшаго.

3. Объ училищахъ (по дух. регламенту).

Извѣстно есть всему міру, каковая скудость и немощь была воинства Россійскаго, когда оное не имѣло правильнаго себѣ ученія, и какъ несравненно умножилась сила его, и надчаяніе велика и страшна стала, когда Державнѣйшій нашъ Монархъ, Его Царское Величество Петръ I обучилъ оное изрядными регулами. То жъ разумѣть и о Архитектурѣ, и о Врачевствѣ, и о Политическомъ Правительствѣ и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ.

И наипаче тое жъ разумѣть о управленіи церкви: когда нѣтъ свѣта ученія, не льзя быть доброму церкве поведенію, не льзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересемъ. Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновное есть ересей: ибо кромѣ древнихъ отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ, Валентиновъ, Маніхеовъ, Каѳаровъ, Евхитовъ, Донатистовъ и прочихъ, которыхъ дурости описуютъ Ириней, Епифаній, Августинъ, Ѳеодоритъ и иные; наши же Русскіе раскольники не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновалися? А хотя и отъ ученыхъ человѣкъ бываютъ ересіархи, яковый былъ Арій, Несторій и нѣцыи иные; но ересь въ оныхъ родилась не отъ ученія, но отъ скуднаго священныхъ писаній разумѣнія, а возрасла и укрѣпилася отъ злобы и гордости, которая не попустила имъ перемѣнить дурное ихъ мнѣніе, уже и по познаніи истины противъ совѣсти своей. И хотя отъ ученія коего имѣли они силу сочинять софисмы, дать коварные мудрованій своихъ доводы; обаче кто бы сіе зло восписовалъ просто ученію, тотъ бы понужденъ былъ говорить, что когда и врачъ опоитъ кого отравою, того ученіе врачевское виновно есть; и когда ученый солдатъ хитро и сильно разбиваетъ, того виновно есть ученіе воинское. И если посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ...

Убо ученіе доброе и основательное есть всякой пользы, какъ отечества, такъ и церкве, аки корень и сѣмя и основаніе. Но сіе накрѣпко наблюдать подобаетъ, чтобъ было ученіе доброе и основательное.

Ибо есть ученіе, которое и имени того недостойно есть; а обаче отъ людей хотя и умныхъ, но того несвѣдущихъ, судится быть за прямое ученіе.

(Пам. закон. Петра В., изд. Н. Клочкова, № 14).

---

184. О царской власти.

Из заметок шведскаго пастора Седерберга [1]).

К начальству они (русские) питают такое глубокое уважение, что считают одним из членов символа веры, что воля их царя есть воля божия, так что в тех случаях, когда они в чем сомневаются, они говорят: «Бог знает да наш царь», которого они также называют ключеносцем и слугою бога, и что он исполнитель божьего слова; так что все, что он одобряет в делах веры, то верно и тому должно следовать. Князья и бояре, самые

---

[1]) Шведский пастор, бывший при армии Карла XII. Взят в плен при Полтаве.

богатые, знатные и влиятельные, должны перед самым малым из царских чиновников, присланных от царя с повелением, бросаться на землю и в этом положении выслушивать, без малейшего противления, самые строгие приказания, даже если бы они касались собственной их жизни, или дела, сопряженного с опасностью жизни. Если царь взглянет на кого-нибудь немилостиво, или покажет знак гнева, или неблаговоления, то сейчас восклицает: «Да здравствует Его Царское Величество!.. Вот моя голова—делай, что хочешь»! Но если прием был милостив, то они хвалятся тем, что видели царские очи улыбающимися.

(Чт. в О-ве Ист. и Др. Рос. 1873, кн. 2).

---

185. Московская система наказаний.

(Из К. Де-Бруина).

...Тяжелые преступления наказываются здесь сожжением. Для исполнения этой казни устраивают небольшой четырехугольный деревянный сарай, который обкладывают снаружи и внутри соломою. В этот сарай запирают преступника по произнесении над ним приговора, и затем зажигают солому: от дыма и пламени несчастный сперва задыхается, а под конец сгорает. Кроме того, отсекают топором голову на плахе, иных вешают, других зарывают живых в землю, по самые плечи, как описано уже это выше. Но, несмотря на жестокость свою, эти казни совершаются там так тихо и без шума, что если они исполняются в одном конце города, то о них и не знают даже жители другого конца. Преступников, не заслуживающих смертной казни, наказывают кнутом (Knot): это—длинная ременная плеть (бич), которой бьют по обнаженной спине так сильно, что наказываемый может умереть после нескольких ударов. Кара эта производится так: палач для этого выбирает из среды зрителей человека, по его мнению, самого здорового и крепкого, и кладет ему на спину преступника таким образом, что руки ему проходят через плечи этого случайного помощника палача и придерживаются на груди у него. Ноги преступника связывают веревкой, а прислужник палача держит голову за волосы; в таком положении преступнику дают столько ударов кнутом, сколько присуждено, и удары эти, ревностно наносимые, немедленно срывают кожу с обнаженной спины. Наказание батогами назначается за преступления не столь значительные.. При этом наказании преступника кладут на землю ничком, и два человека садятся ему, один на голову, а другой на ноги, и держат таким образом до тех пор, пока палач не исполнит назначенного числа ударов батогами по спине. Когда делают преступнику допрос (пытают его), то его вздергивают на воздух (на дыбы) и бьют сказанным кнутом, потом раскаленным железом водят по ранам, происшедшим от ударов. Но самое мучительное наказание состоит в том, что преступнику выбривают маковку головы и каплят на нее по капле холодной водой. Наказание несостоятельных должников или таких, которые отказываются удовлетворить своих заимодавцев, состоит в том, что их выставляют пред Приказом и в несколько приемов дают им по три удара палкою по ногам. За долг во 100 рублей, равняющихся 500 наших гульденов, наказывают таким образом ежедневно, в течение целого месяца, за долги больше или меньше 100 рублей, наказывают, соразмеряясь с долгом, по тому же правилу. Когда и после этого должник не может рассчитаться с заимодавцем, то продают все его имущество, и вырученными деньгами удовлетворяют заимодавца. Наконец, если и этого будет недостаточно для покрытия долгов, то самого должника, с женою и детьми, отдают заимодавцу в услужение, при чем службу эту оценивают только в 5 рублей в год за мужчину и половину этого за службу женщины, и кроме того заимодавец обязан кормить и одевать служащих у него должников своих. В таком служении должники находятся таким образом до тех пор, пока долг их не покроется вполне.

(К. Де-Бруин. Путеш. чрез Московию).

---

186. Из дневника Берхгольца [1]).

Казни.

(1721 г.) Июля 18.. В тот же день, после обеда, я ездил с некоторыми из наших в русскую Слободу смотреть князя Гагарина, повешенного невдалеке от большой новой биржи. Он

---

[1]) Камер-юнкер голштинского двора был в России в свите голштин. герцога в 1721—25 г.г.

был прежде губернатором всей Сибири и делал, говорят, очень много добра сосланным туда пленным Шведам, для которых, в первые три года своего управления, истратил будто бы до 15.000 рублей собственных денег. Его вызвали сюда, как говорят, за страшное расхищение царской казны. Он не хотел признаваться в своих проступках, и потому несколько раз был жестоко наказываем кнутом. Кнут есть род плети, состоящей из короткой палки и очень длинного ремня. Преступнику обыкновенно связывают руки назад и поднимают их кверху, так что они придутся над головой и вовсе выйдут из суставов; после этого палач берет кнут в обе руки, отступает несколько шагов назад и потом, с разбегу и припрыгнув, ударяет между плечъ, вдоль спины, и если удар бывает силен, то пробивает до костей... Палачи так хорошо знают свое дело, что могут класть удар к удару ровно, как бы размеряя их циркулем и линейкою. Наказание кнутом бывает двоякое: одно употребляется при допросах и заменяет пытку, а другое есть собственно так называемое наказание кнутом, которое от первого отличается только тем что преступника один из палачей держит на спине. Царь, говорят, прежде очень часто приказывал наказывать кнутом. Года полтора или два тому назад здесь публично наказывали таким образом одного капитана гвардии, который, будучи в нетрезвом виде, дурно говорил о его величестве. Мне рассказывали это очевидцы.

Когда князь Гагарин был приговорен к виселице и казнь должна была совершиться, царь, за день перед тем, словесно приказывал уверить его, что не только дарует ему жизнь, но и все прошлое предаст забвению, если он признается в своих ясно доказанных преступлениях. Но несмотря на то, что многие свидетели, и в том числе родной его сын, на очных ставках, убеждали в них более, нежели сколько было нужно, виновный не признавался ни в чем. Тогда, в самый день отъезда царя в нынешнем году в Ригу, он был повешен перед окнами Юстиц-Коллегии, в присутствии государя и всех своих здешних знатных родственников. Спустя несколько времени, его перевезли на то место, где я видел его висящим на другой, большой виселице. Там, на обширной площади, стояло много шестов с воткнутыми на них головами, между которыми, на особо устроенном эшафоте, виднелись головы брата вдовствующей царицы и еще четырех знатных господ [1]). Говорят, что тело этого князя Гагарина, для большого устрашения, будет повешено в третий раз по ту сторону реки, и потом отошлется в Сибирь, где должно сгнить на виселице, но я сомневаюсь в этом, потому что оно теперь почти уже сгниле. Лицо преступника, по здешнему обычаю, закрыто платком, а одежда его состояла из камзола и из исподнего платья коричневого цвета, сверх которых надета белая рубашка. На ногах у него маленькие круглые русские сапоги. Росту он очень небольшого. Он был одним из знатнейших и богатейших вельмож в России...

(1723 год) Февраля 15. Около 7-ми часов утра я поехал верхом в Кремль посмотреть на объявленную накануне казнь бар. Шафирова. Вокруг эшафота стояло бесчисленное множество народа, самое же место казни окружали солдаты. Когда виновного, на простых санях и под караулом, привезли из Преображенского приказа, ему прочли его приговор и преступление. Последние заключали преимущественно в следующих главных пунктах и состояли: 1) в том, что он воспользовался многими драгоценными вещами и деньгами, принадлежавшими несчастному Гагарину (сын которого женат на дочери Шафирова) и найденными у него в доме; что 2) велел одному писцу подделать в сенатском протоколе подписи сенаторов, с целью увеличить жалование своего брата; 3) что не сознавался в этом проступке, почему писец два раза невинно был истязаем кнутом; 4) что в бытность свою генерал-почтмейстером по собственному произволу повысил почтовые таксы и употреблял их во зло. В заключелие приведено было еще пункта два с изложением других проступков, за которыми следовало объявление приговора, присуждавшего его к отсечению головы посредством топора. После того с него сняли парик и старую шубу и взвели его на возвышенный эшафот, где он, по русскому обычаю, обратился лицом к церкви и несколько раз перекрестился, потом стал на колена и положил голову на плаху, но прислужники палача вытянули его ноги, так что ему пришлось лежать на своем толстом брюхе. Затем палач поднял вверх большой топор, но ударил им возле, по плахе,—и тут Макаров, от имени императора, объявил, что преступнику, во уважение его

---

[1]) Казненных по делу царевича Алексея Петровича.

заслуг, даруется жизнь, но с тем, чтобы он навсегда оставался в заключении и был сослан в Сибирь. Тогда Шафиров поднялся опять на ноги и сошел с эшафота со слезами на глазах. Его повели в здание Сената, где сенаторы подавали ему руки и поздравляли его с помилованием. Когда же, по причине испытанного им сильного потрясения, императорский лейб-хирург Хови пустил ему кровь, он сказал будто бы, что лучше бы уже открыть большую жилу, чтобы разом избавить его от мучения. Многие, в особенности наш двор и все иностранные министры, искренне сожалеют об нем, потому что он честный человек. Как скоро его увели, писцу, который по приказанию Шафирова подделывал подписи сенаторов в сенатском протоколе, дано было, внизу у эшафота четырнадцать ударов кнутом и сказана ссылка на галеры. В верхних комнатах Сената обер-прокурор и майор гвардии Писарев был разжалован в мушкетеры, а сенатский обер-секретарь в копиисты. С последнего, сверх того, присуждено было взыскать триста рублей в пользу бедных. Говорили также, что в этот день сенаторамъ кн. Долгорукому и бывшему камер-президенту, вследствие того же дела, объявлено запрещение ездить в Сенат, а некоторые даже утверждали, что они и взяты под арест, однако же я видел, как они одни, без всякого караула, вышли из Сената и уехали...

(1724 г.). Января 23. Поутру возвещено было с барабанным боем, что на другой день на противоположной стороне Невы, против биржи, будут совершены разные казни. Говорят, что одна из них ожидает обер-фискала Нестерова, который уже давно сидел в тюрьме...

24-го. В 9 часов утра я отправился на ту сторону реки, чтобы посмотреть на назначенные там казни. Под высокой виселицей (на которой за несколько лет повесили князя Гагарина) устроен был эшафот, а позади его поставлены четыре высоких шеста с колесами, спицы которых на поларшина были обиты железом. Шесты назначались для воткнутия голов преступников, когда тела их будут привязаны к колесам. Первый,— которому отрубили голову, был один фискал, клеврет обер-фискала Нестерова, служивший последнему орудием для многих обманов. Когда ему прочли его приговор, он обратился лицом к церкви в Петропавловской крепости и несколько раз перекрестился, потом повернулся к окнам Ревизион-Коллегии, откуда император со многими вельможами смотрел на казни, и несколько раз поклонился; наконец один, в сопровождении двух прислужников палача, взошел на эшафот, снял с себя верхнюю одежду, поцеловал палача, поклонился стоявшему вокруг народу, стал на колени и бодро положил на плаху голову, которая отсечена была топором. После него таким же точно образом обезглавлены были два старика. За ними следовал обер-фискал Нестеров, который говорят, позволял себе страшные злоупотребления и плутни, но ни в чем не сознавался, сколько его ни пытали и ни уличали посредством свидетелей и даже собственных его писем. Это был дородный и видный мужчина с седыми волосами. Прежде он имел большое значение и был в большой милости у императора, который, говорят, еще недавно отдавал ему справедливость и отзывался о нем, как об одном из лучших своих стариков-докладчиков и дельцов. Давая ему место обер-фискала, государь в тоже время даже наградил его большим числом крестьян, чтобы он мог прилично жить и не имел надобности прибегать к воровству. Тем не менее однакож он неимоверно обворовывал его величество, страшно обманывал подданных, так что сделал казне ущербу всего, по крайней мере, до 300.000 рублей. Перед казнью он также посмотрел на крепостную церковь и перекрестился, потом обратился лицом к императору, поклонился и будто бы, по внушению священников, сказал: я виновен. Его заживо колесовали и именно так, что сперва раздробили ему одну руку и одну ногу, потом другую руку и другую ногу. После того к нему подошел один из священников и стал его уговаривать, чтобы он сознался в своей вине; то же самое, от имени императора, сделал и маіор Мамонов, обещая несчастному, что в таком случае ему окажут милость и немедленно отрубят голову. Но он свободно отвечал, что все уже высказал, что знал, и затем, как и до колесования, не произнес более ни слова. Наконец его, все еще живого, повлекли к тому месту, где отрублены были головы трем другим, положили лицом в их кровь и также обезглавили.

Девять человек получили каждый по 50-ти ударов кнутом; кроме того, четырем приговоренным к вечной ссылке на галеры, были щипцами вырваны ноздри. Между этими 13-ью наказанными находилось только два молодых; остальные бы-

ли седые старики, бывшіе советниками, фискалы и писцы из коллегий, отчасти хорошихъ фамилій и богатые, так что от конфискаціи их имущества составилась значительная выручка. Их обвиняли в расхищении императорской казны, взятках и других преступлениях. Наказаны были еще пятеро других писцов и служителей, и всех канцелярских и приказных чиновников обязали присутствовать при этой казни для их собственного предостережения. В заключение всего, тела четырех казненных были навязаны на колеса, а головы их воткнуты на шесты.

(Дневник Берхгольца. ч. I. с. 105—107, ч. III, с. 27—29, ч. IV, с. 12—15.)

XXXVI. Меркантилизм.

187. Вѣдомости Петра Великаго.

1. 1703 г.

№ 1. Вѣдомости [1]).

На Москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ гоубицъ и мартировъ вылито 400, тѣ пушки, ядромъ—по 24, по 18 и по 12 фунтовъ, гоубицы бомбомъ пудовые и полупудовые, мартиры бомбомъ девяти, трехъ и дву пудовые и менше. И еще много формъ готовыхъ великихъ, и среднихъ къ литью пушекъ гоубицъ и мартировъ: А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ, которая приготовлена къ новому литью, болше 40 тыс. пудъ лежитъ.

Повелѣніемъ его величества московскіе школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ філософію, и уже діалектіку окончили.

В математической штюрманской школѣ болше 300 человѣкъ учатся, и добрѣ науку пріемлютъ.

На москвѣ ноября съ 24 числа, по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человѣкъ.

Из персиды пишутъ. Индейскій царь послалъ в дарахъ великому Государю нашему слона, и иныхъ вещей не мало. Из града шемахи отпущенъ онъ въ астрахань сухимъ путемъ.

Из казани пишутъ. На рѣкѣ соку нашли много нефти, и мѣдной руды, из той руды мѣдь выплавили изрядну, от чего чаютъ немалую быть прибыль московскому государству.

Из сибири пишутъ. Въ китайскомъ государствѣ езуитовъ велми не стали любить за ихъ лукавство, а иные из нихъ и смертію казнены..

[1]) До 1710 г. печатались славянскимъ шрифтомъ, съ 1710—новымъ гражданскимъ.

2. 1703

№ 37. Вѣдомости московскіе.

Въ ноябре мѣсяцѣ пришелъ к санктпитербурху карабль галанской съ товары, съ питьями, и съ солью, на которомъ былъ шиперъ, и нѣколико матросовъ, и тотъ карабль по повелѣнію господина губернатора принятъ по обыкновенію и за приходъ подарено вышеупомянутому шиперу за столомъ въ дому его губернаторскомъ пять сотъ золотыхъ, а матросомъ кои съ нимъ были по триста ефимковъ коемуждо, и при томъ сказано ему во обнадеживаніе другихъ, естьли по томъ другой карабль туда придетъ, и тому кто на томъ караблѣ, дано будетъ триста золотыхъ, такожде есть ли и третій карабль придетъ дано будетъ сто пятьдесятъ золотыхъ, и съ тѣмъ тотъ вышепомянутой карабль, отъ санктпитербурха отпущенъ въ належащій ему путь со оудовольствованіемъ, а товары всѣ которые на томъ караблѣ были куплены повольною цѣною.

(Вѣдомости» времени Петра Великаго, изд. 1902 г., том I.)

---

188. Изъявленія прибыточныя государству.

Ѳедора Салтыкова [1]).

1714 года.

Всемилостивѣйшій Великій Государь.

Въ бытность мою въ Англіи и въ Галандіи, между дѣлъ, которыя по всемилостивѣйшему

[1]) Сотрудник Петра В., отправленный им в 1711 г. во Францию, Голландию и Англию, где купил для России 11 кораблей и 4 фрегата, и заботился о русских, учившихся за границей. Оттуда он присылал свои «изъявления».

вашему указу повелѣно мнѣ отправлять, смотрѣлъ прилежно о прибыляхъ и о приаленіи ихъ къ тому, и тому взялъ въ примѣръ, что возможно учинить въ вашихъ государствованіяхъ. По тѣм же мѣрамъ изыскивая много выписалъ и всепокорно вашему величеству предлагаю въ нижеписанныхъ главахъ и предложеніяхъ; только припадая в. в—ву молю, что сіе такъ дерзостно учинилъ, обнадѣяся, что сіе произыдетъ въ службу вашего величества, такожъ надѣяся на в. в—ва милость и покровъ нерушимой. О протчихъ, касающихся мнѣ впредь всякихъ вред и препятій и еще же прошу, буде что и не такъ усмотрѣлъ къ сему приличію, чтобъ отъ гнѣва вашего лишенъ былъ,—понеже сіе дѣлалъ для службы в. в—ва: которые главы и предложенія буду по нѣсколько пересылать къ вашему величеству оригинально и дупликатно.

ГЛАВА II.

О содержаніи нищихъ и сиротъ какъ мужеска, так и женска пола, младенческихъ лѣтъ и середовых лѣтъ чрезъ все государство; и какой изъ того будетъ плодъ и прибыток государственный; и о нищихъ такожде, которые въ глубокой старости и в конечныхъ болѣзнехъ и которые безчувственные и увѣчные.

Предложеніе 1. Чрезъ все государство указать, чтобъ всеконечно не было нищихъ всякого состоянія лѣтъ, а опредѣлять их по нижеписаннымъ предложеніямъ.

Предложеніе 2. Сиротъ и нищихъ отъ самыхъ младенческихъ лѣтъ по двадцать летъ, какъ мужеска, такъ и женска пола, гдѣ ихъ мочно находить, въ которыхъ мѣстахъ они питаются по миру, брать ихъ и отдавать чрезъ все государство въ церковные приходы и при тѣхъ церковныхъ приходѣхъ повелѣть церковнымъ старостамъ смотрѣть надъ ними накрѣпко, чтобъ ихъ церковные причетники тѣхъ приходовъ учили бъ словесному, читать и писать (а потомъ и различнымъ ремесламъ и рукодѣліямъ).

Предложеніе 17. И когда кто, какъ изъ мужеска, такъ и изъ женска пола, познаетъ и выучится своей науки или художества, тогда мужеской полъ, которые угодные (брать) въ службы, какъ сухопутныя, такъ и въ морскія, въ которыхъ людяхъ будетъ великая потребность въ службу государственную. А которые изучатся манифактурныхъ дѣлъ, и тѣхъ отпускать на свободу и давать имъ при томъ отпускѣ грамоты, отъ которыхъ людей будетъ отъ промысловъ ихъ и рукодѣлья великая прибыль въ пошлинныхъ доходѣхъ и они сами изъ нищеты своей произойдутъ въ нарочитое имѣніе. А женской полъ, по совершенствѣ наукъ въ рукодѣльяхъ ихъ, отпускать потому-жъ на волю и велѣть имъ отъ рукодѣлей своихъ промышлять и питаться, отъ чего будетъ такожде в таможенныхъ сборѣхъ прибыль и они изъ нищеты своей произойдутъ въ нарочитое состояніе. И послѣ обученія въ такихъ манифактурахъ соблюдаться будетъ не малое число денегъ въ російскомъ государствѣ, которыя нынѣ манифактуры требуются изъ другихъ государствъ въ Росію и такія манифактурныя дѣла произойдутъ въ совершенство.

Предложеніе 18. И когда тѣ вышеписанныя манифактуры безмѣрно размножатся въ російскомъ государствѣ и будутъ онѣ въ совершенствѣ и въ то время мочно ихъ разсылать въ продажу въ прочія государства, въ чемъ будетъ прибыль государственная, напримѣръ, какъ въ Англіи размножились рукодѣльныя дѣла и привелися въ совершенство и нынѣ онѣ разсылаются въ разныя государства, отчего англинскому государству приходятъ великія прибыли, какъ народу ихъ, такъ и въ таможенныхъ сборахъ.

Аддитаментъ или присовокупленіе к сей главе.

Устроить во всякой губернии жилища каменныя въ монастыряхъ на содержаніе бѣшеныхъ и самосбродныхъ людей мужескаго и женскаго пола и велѣть содержать монастырскими доходами по милости и щедротамъ человѣколюбія.

ГЛАВА XIII.

О заводахъ всякихъ шелковыхъ парчей.

Предложеніе 1. Въ Галандіи и въ Англіи не родится шелкъ, къ которымъ привозятъ въ продажу армяне чрезъ російское государство,—такожде приходятъ частію и отъ Остъ-Индіи; отъ которого шелку они имеютъ манифактуры и дѣлаютъ всякія парчи, отъ чего получаютъ себѣ всякіе прибытки.

Предложеніе 2. Большое число шелковъ родится въ Персидѣ, а въ Китаяхъ самые лутчіе шелки на свѣтѣ въ краскахъ, которыя земли граничать съ російскимъ государствомъ, Персида къ Астраханѣ, а Китай къ Сибирѣ; посему въ тѣхъ земляхъ велѣть закупать немалое число шелковъ и заводить въ тѣхъ губерніяхъ тѣ манифактуры, призвавъ мастеровъ изъ Англіи, Галандіи и Италіи, которые заводы будутъ приносить въ государстве немалыя прибыли; російской народъ такія жъ чувства имѣетъ, какъ и протчіе народы и разсужденіе, только ихъ довлѣетъ къ такимъ дѣламъ управить; а такіе заводы довлѣетъ заводить компаніями купецкихъ людей, понеже отъ того имъ будетъ прибыль, а отъ тѣхъ ихъ промысловъ въ продажѣ въ пошлинахъ будутъ доходы; и такіе шелковые заводы надлежатъ быть въ каменныхъ строеніяхъ для пожарныхъ случаевъ.

Предложеніе 3. А изъ тѣхъ шелковъ довлѣетъ дѣлать парчи: шелковыя, серебряныя, золотыя, ковры и ленты, такожде всякихъ разныхъ парчей, тафтъ, объярей, отласовъ и бархатовъ, между которыми надлежитъ быть золотымъ и серебрянымъ.

ГЛАВА XV.

О сѣяніи и размноженіи табаку.

Предложеніе 1. Прежде царствованя в. в—ва, такожде уже и въ ваше царствованіе было запрещеніе продажи табаку, отъ чего иноземцы богатилися тайною продажею, а когда указано продавать въ государствѣ, отъ того учинилась прибыль не малая, когда изъ Англіи привозили табакъ въ продажу; а послѣ того, когда почали продавать своего государства табакъ черкасской, то еще больше учинилась прибыль.

Предложеніе 2. Того ради надобно сѣять его и размножать, пробуючи земель, въ которыхъ мѣстахъ онъ будетъ родиться лутче, и когда его размножится, въ томъ будетъ прибыль.

Предложеніе 3. И когда онъ такъ размножится, что уже невозможно его въ своемъ государствѣ издерживать, тогда его можно посылать въ продажу въ пограничныя сибирскія и астраханскія сосѣдственныя земли, гдѣ его нѣтъ, на прикладъ въ калмыки, въ бухары, въ мунгары и въ прочія, отчего будетъ прибыль.

Предложеніе 4. Англичане размножаютъ свои плантажи табачныя въ Верджиніи и пробуютъ къ тому земли удобныя, отчего себѣ прибыль получаютъ.

ГЛАВА XVIII.

О бумажных заводѣхъ.

Предложеніе 1. Велѣть во всемъ государствѣ, во всякой губерніи учинить бумажные заводы и подъ тѣ заводы выбрать мѣста на рѣкахъ, гдѣ сыщутся какія къ тому подобныя, и на тѣхъ заводахъ велѣть бумаги дѣлать разныхъ рукъ и величествъ, сирѣчь александрійскія, пищія, почтовыя, картузныя, сѣрыя и синія.

Предложеніе 2. А тѣ заводы велѣть заводить во всѣхъ губерніяхъ купецкими людьми, собравъ изъ нихъ нѣсколькое число въ компаніи и отъ нихъ къ тому учинить складку, смотря по пропорціи пожитковъ ихъ, которымъ потомъ чтобъ прибытки были по пропорціи складовъ ихъ, понеже купцы лутче станутъ имѣть прилежность и надзирательство для своихъ прибылей; а на чьихъ земляхъ такіе заводы заведутся, и—такимъ владѣтелемъ отъ такихъ земель и водъ платить оброку вдвое, почему схаживало съ тѣхъ земель прежде, а не больше, понеже такіе заводы есть къ пользѣ государству.

Предложеніе 3. А ежели такіе заводы заведутся, не малое число будетъ соблюдаться денегъ въ російскомъ государствѣ, понеже даже и до днесъ покупается бумага изъ иныхъ государствъ, а пошлину такую же можно положить на продавцовъ какъ ныне, и отъ того будетъ свой російской народъ богатиться изъ своего государства, а не чужіе.

(Записки Ист. Фил. Фак. Спб. Унив. ч. 42, с. 7 — 11, 23 — 27).

---

189. „Ведомости“ 1719 г.

№ 14 САНКТЪ ПІТЕРБУРХЪ.

Ведомости.

По повелітельнымъ отъ Его Царскаго Величества указомъ, здѣсь всякіе вновь произведенные дѣла благополучно обращаются.

А имянно.

Въ Государствѣ обрѣтающіяся металли, и минералии весма изрядно выходятъ, и уже мно-

гіе богатые руды явілісь, чего ради и чужестранныхъ рудокопныхъ мастеровъ прізывать указано, и изъ Русской націи къ тому понятнѣішіхъ выбірають.

Готе и Бассе Ліснеры, съ ихъ красілнями поставлены, и отъ Французскіихъ мастеровъ изрядныя шпалеры дѣлаются, и многіе рускіе люди тому дѣлу обучаются.

Шолковыя, штофные, лентовыя и чюлошные, такожде и шерстяные маніфактуры, въ добромъ порядкѣ происходятъ, къ которымъ работамъ съ двѣсти человѣкъ охотныхъ рабятъ для науки записалось, и простои народъ къ сімъ наукамъ особливую охоту показують.

На преісахъ изъ Стекголма пловущыя мастеровыя люди прівезены сюда, которымъ повелѣно каждому свое произвоідіть ремесло, для размноженія маніфактуръ въ Государствѣ.

Такожъ во многихъ губерніяхъ новыя заведены овчарныя заводы, при которыхъ чужестранныя овчары, нашей націи людеи обучають, какімъ образомъ оныя содержатъ овцы, отъ которыхъ бы добрая шерсть въ маніфактурѣ обрѣтатися могла, и не токмо на заводахъ оную велѣно проізводіть, но и крестьяномъ собственныхъ ихъ овецъ, велѣно такімъ же порядкомъ содержать, чего ради для обученія людеи съ заводовъ во все Государство велѣно розослать.

На рѣкѣ Охтѣ выше Капецъ построены пороховые деревянные заводы, и дѣлають на ніхъ порохъ Рускіе пороховщіки водою.

На Санктъпітербургскомъ острову строятца новыя пороховыя заводы каменнымъ и деревяннымъ зданіемъ, и дѣлаетъ на оныхъ порохъ Галанецъ порохового дѣла мастеръ, каменными жерновами, лошадми, и по пробѣ противъ прежняго гораздо онои силнѣе.

Нынѣ на Літеіномъ дворѣ выліто пушекъ мѣдныхъ по новому маніру, шти фунтовыхъ двенатцать, трехъ фунтовыхъ четыре, дву фунтовыхъ четыре, и того дватцать, и на ніхъ изображають гербы съ ихъ украшеніемъ, которыя вскорѣ будутъ со всѣмъ въ готовности.

Въ Казанской губерніи на рекѣ Ахтубѣ, построены вновь Селітерные заводы, съ которыхъ прісылаетца селітры къ пороховому дѣлу не малое чісло, такъ же и въ протчіхъ губерніяхъ оныхъ построено, и прісылають въ Москву къ пороховому дѣлу селітру многоежъ чісло.

На тулскихъ оружеіныхъ заводахъ Рускіе мастеры делають ружье, фузѣи салдатскіе и драгунскія, пістолѣты, мушкатоны, стуцеры, а сверлятъ и обтіраютъ ихъ водою весма изрядно.

Здѣсь кругомъ всего Адміральтеіства большеи каналъ, отъ осенней болшои воды поврежденой, нынѣ для почінки воду вылівають и надѣютца нынѣшняго году утвердіть.

Въ нутри Адміральтеіства, другой каналъ, которого уже двѣ доли во окончаніе пріходятъ, а третьюю долю того канала окончать не мочно, для того, въ которомъ месте оному каналу быть, въ томъ мѣстѣ на штапелѣ заложенъ осмидесятой карабль, и того для нынѣшняго лѣта едва можетъ ли во окончаніе пріттіть.

По внутреннемужъ каналу внутрь Адміралтеіства строятца каменные мастеровые избы, и половіна уже и во окончаніе пріведена. А другая надѣютца, что нынѣшняго года достроітца, ибо Царское Величество намѣренъ нынѣшняго году, всякого званія къ Адміралтеіству мастерствъ перевесть, для лутчаго усмотрѣнія, въ помянутые палаты.

При Адміралтеіствѣ жъ на штапелѣхъ 11 караблей, которыми зѣло поспѣшають къ отдѣлкѣ, для чего опредѣленъ гвардіи маеоръ, въ томъ числѣ 1 осмидесятной, чаютъ нынѣшнія осени спустить.

(Вѣдомости времени Петра Великаго, II).

---

190. Дневник Берхгольца.

Фабрика Тамсена.

1722 г.

...Вчера один здешний богатый и очень уважаемый императором купец, по фамилии Тамсен, просил его королевское высочество [1]) осчастливить, сегодня утром, своим посещением недавно заведенную им здесь полотняную фабрику и потом пожаловать к нему обедать...—

Мы пошли пешком через двор в небольшую мастерскую позади дома. (Настоящая большая фабрика Тамсена в городе). Здесь все у него устроено как нельзя лучше и со всеми удобствами, какие только нужны для такого сложного мануфактурного заведения. Тут же, под рукой, находилось и все необходимое для беления поло-

[1]) Герцог голштинский, при котором состоял Берхгольц.

тен. Он изготовляет не только всякого рода грубые полотна, тик и камку, но и такое полотно, которое почти так же тонко, как Голландское. Конечно, мастера выписаны им были из Голландии; однакож здешние граждане все-таки полагают, что полотно его не имеет прочности Голландского, хотя на вид и очень хорошо. Впрочем, и то много, что он в столь короткое время, в несколько лет, достиг здесь до того, что все сидящие у него за станками—Русские, и что есть даже и Русские мастера, которые, как он надеется, скоро совершенно заменят ему иностранных. Нам оставалось еще осмотреть большую фабрику; но как до нее было далеко, а время обеда уже приближалось, то мы здесь смотрели все наскоро, нигде не останавливаясь долго и спеша скорее отделаться.

Сев в сани, мы отправились в город на большую фабрику, которая помещается в большом каменном доме...—По приезде туда, мы осмотрели все по порядку, и я должен признаться, что никак не ожидал, чтобы хозяин фабрики мог устроить здесь такое заведение и привести его в столь цветущее состояние. Оно имеет сто пятьдесят ткацких станков, за которыми работают почти исключительно одни Русские, и производит все, чего только можно требовать от полотняной фабрики, т.-е. все сорта полотна, от грубого до самого тонкого, прекрасные материи для скатертей и салфеток, тонкий и толстый тик, простыни, как узкие, так и необыкновенно широкие, тонкие канифасы для камзолов, цветные носовые платки и множество других подобных вещей. Содержание его обходится до 400 рублей в месяц. Когда мы прошли через мастерские, хозяин повел нас наверх, в комнату, где, по Русскому обычаю, велел разносить водку и наставить на стол разных лакомств, за который мы немного присели и несколько времени разговаривали. Потом, при сходе вниз, он показывал нам свой магазин, где у него сохраняется товар, изготовленный на фабрике и еще не проданный. Он имеет также несколько лавок для продажи своих товаров и, кроме того, отпускает их большое количество за море, не говоря уже об ежегодных значительных поставках в казну. Оттуда мы поехали в третье место, где должны были обедать и где находится здешняя прядильня, состоящая под надзором Тамсена и работающая для его фабрики, которая, говорят, пользуется большими льготами. При въезде нашем во двор, раздались звуки труб. Желая как можно более выразить радость—видеть у себя его Высочество, хозяин пригласил трех трубачей Императрицы. Войдя в дом, мы нашли там уже накрытый стол.

После обеда г. Тамсен повел нас сперва в женское отделение, где работают девушки, отданные на прядильню в наказание лет на 10 и более, а некоторые и навсегда; между ними было несколько с вырванными ноздрями. В первой комнате, где их сидело до тридцати из самых молодых и хорошеньких, было необыкновенно чисто. Все женщины, находившиеся там и ткавшие одна подле другой вдоль стен, были одеты одинаково и даже очень красиво, именно все они имели белые юбки и белые камзолы, обшитые зелеными лентами. Замужние женщины были в шапках, сделанных у некоторых из золотой и серебряной парчи и обшитых галуном, а девушки простоволосые, как обыкновенно ходят здешние простолюдинки, т.-е. с заплетенными косами и с повязкою из ленты или тесьмы...

После того мы прошли еще в другие мастерские, где не было уже той чистоты, напротив, воняло почти нестерпимо. В заключение, Тамсен повел нас в комнату, где сидело человек двадцать или тридцать свободных работников, которые ткали за деньги: но заработная их плата почти не превышает того, во что обходится содержание арестанта. Отсюда мы отправились опять наверх в ту комнату, где обедали; но так как головная боль его Высочества становилась все сильнее и сильнее, то он скоро простился с хозяином и около 4-х часов со всею своею свитою уехал домой...

(Дневник Камергера Берхгольца, ч. II, с. 63—66).

---

191. Посошковъ.

Книга о скудости и о богатствѣ.

(1724.)

Сіе есть изъявленіе, отъ чего приключается напрасная скудость, и отъ чего гобзовитое богатство умножается.

1. Введеніе.

Азъ, мизирный Его Императорскаго Величества рабичищъ, мнѣніе свое сицево предлагаю

о собраніи Царскихъ сокровищъ, сице, еже вѣрнымъ Его Величества рабомъ тако подобаетъ пещися, ежебы елико о собраніи казны старатися толико, но ежебы и собранное туне не погибало, и нетокмо собранного, но и несобранного прилежно смотрети, дабы даромъ ничто нигдѣ не лежало и не погибало.

Подобне и о всенародномъ обогащеніи подобаетъ пещися безъ уятія усердія, дабы и они даромъ и напрасно ничего не тратили, но жили бы отъ піянственнаго питья повоздержнѣе, а во одеждахъ не весьма тщеславно, но посредственно; чтобы отъ излишняго украшенія своего, наипаче же женъ своихъ и дѣтей своихъ, въ скудость не приходили, но вси бы по мѣрности своей въ приличномъ богатствѣ разширялись.

Понеже не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны много, ниже то царственное богатство, еже синклитъ Царскаго Величества въ златотканныхъ одеждахъ ходитъ; но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы, а не внѣшними одеждами или позументнымъ украшеніемъ: ибо украшеніемъ одеждъ не мы богатимся, но тѣ государства богатятся, изъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, а насъ во имѣніи тѣми украшеніями истончеваютъ. Паче же вещественнаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ обще пещися о невещественномъ богатствѣ, то-есть о истинной правдѣ; правдѣ—отецъ Богъ, и правда вельми богатство и славу умножаетъ, и отъ смерти избавляетъ; а неправдѣ отецъ діаволъ, и неправда не токмо вновь богатитъ, но и древнее богатство оттончеваетъ, и въ нищету приводитъ, и смерть наводитъ

Самъ бо Господь Богъ рекъ: Ищите прежде царства Божія и правды Его; и приреченглаголя: яко вся приложатся вамъ, то есть богатство и слава... И по такому словеси Господню подобаетъ намъ паче свего пещися о списканіи правды; а егда правда въ насъ утвердится, и твердо вкоренится, то не можно царству нашему Россійскому не богатитися и славою не возвыситися. То бо есть самое царства украшеніе и прославленіе и честное богатство, аще правда, яко въ великихъ лицахъ, тако и въ мизирныхъ, она насадится и твердо вкоренится; и вси, яко богати, тако и убозіи, между собою любовію имутъ жить, то всякихъ чиновъ люди по своему бытію въ богатствѣ довольни будутъ. Понеже правда никого обидить не пускаетъ, а любовь принудитъ другъ другу въ нуждахъ помогати; и тако вси обогатятся, а царскія сокровища со излишествомъ наполнятся; и аще и поборъ какой прибавочной случится, то не морщася, платить будутъ. И аще Великій нашъ Монархъ Петръ Алексѣевичъ, по данной ему отъ Бога благодати и по самодержавной своей власти, вся нижеписанная моего мнѣнія предложенія въ бытіе произвести повелитъ, то я чаю, и безъ прибавочныхъ поборовъ преизлище царская сокровища наполнятся. И тако на Бога надежду имамъ еже и настоящихъ прежнихъ со крестьянъ поборовъ убудетъ...

2. О Заморских товарахъ.

...И ради всенароднаго охраненія надлежитъ не однихъ иноковъ, но и купечество отъ лишняго піянства и отъ роскошнаго житія повоздержать; наипаче надлежитъ запретить отъ заморскихъ питей, чтобы сами не пили и въ гостинцы никому бы не носили; а чаю, не худо бы и приказнымъ людемъ и служивымъ и прочимъ всякаго чина людямъ призакрѣпить, чтобъ и они въ заморскихъ питьяхъ не касались, и денегъ бы напрасно не теряли. Буде кто похочетъ прохладиться, то можетъ и Русскими питьи забавиться, а не тобъ что покупаючи пить, но и приносного никакого заморскаго питья не поваживались бы пить. И буде кто учинитъ и пиршество, аще и про высокія персоны, а заморскихъ питей и духу бы не было, кроме табаку (а табакъ не худо бы въ Русижъ завести сѣяти и строить его позаморски, какъ у нихъ водится, чтобы и на табакъ деньги изъ Руси напрасно не тратились), но чемъ Богъ нашу страну наполнилъ, тѣмъ надлежитъ и честноватись...

А насъ Россіянъ благославляя, благословилъ Богъ хлѣбомъ и медомъ и всякихъ питей довольствомъ: водокъ у насъ такое довольство, что и числа имъ нѣтъ; пива у насъ предорогія, и меды у насъ преславные вареные, самые чистые, что ничѣмъ не хуже Рейнскаго, а плохого Рейнскаго и гораздо лучше. Есть же у насъ и красныя питья, каразинъ и меды красные ж вишневые, малиновые, смородинные, костяничные и яблочные.

И аще заморския питья оставить, а повелѣть строить меды разными виды, различными и ску-

сы, и продавать ихъ изъ-австеріи; то такъ ихъ настроятъ, что больше заморскихъ питей ихъ будетъ.

А аще и табачные заводы завести въ Россіи, и ради добраго въ немъ управленія, чтобъ онъ былъ ничѣмъ не хуже заморскаго, добыти мастера добраго, чтобы научился строить позаморски, то такъ намъ мочно его напасти, что и кораблями за море мочно намъ его отпускать, и если въ Руси его строить, то выше копейки фунтъ его не станетъ, а заморскаго выше десяти алтынъ фунтъ покупаютъ, а сѣять его места у насъ много. Намъ такъ мочно его размножить, что миллионная отъ него прибыль будетъ; а на какихъ земляхъ онъ родится, такихъ земель у насъ премножество, мочно намъ или его сѣять во всяхъ понизовыхъ городѣхъ, а наипаче въ Симбирску, на Самарѣ, (на Пензѣ, на Инсарѣ, на Ломовѣ, во Мченскѣ, на Саратовѣ, на Царицынѣ, и въ Астраханѣ, и на Воронежѣ) и во всей Кіевской странѣ и въ тѣхъ городѣхъ мочно его на каждый годъ по тысячѣ тысячъ пудъ наплодить его.

И аще онъ въ Руси заведется и размножится, то тѣ всѣ деньги, кои за него за море идутъ, всѣ останутся у насъ на Руси. А если за море будутъ отпускать, то будутъ деньги и къ намъ отъ нихъ возвращаться.

И аще и табакъ въ Руси заведется, то кто сколько какихъ питей Русскихъ и табаку ни выпьетъ, всѣ тѣ деньги изъ царства вонъ не выйдутъ, а заморскія питья покупать ничѣмъ же лучше то, что деньги въ воду метать.

Обаче, по моему мнѣнію, лучше въ воду деньги метать, нежели за море за питье ихъ отдавать; изъ воды колико ни есть либо кто и добудетъ, а изъ-за моря данныя деньги за питье никогда къ намъ не возвратятся, но тѣ деньги изъ царства уже погибли.

А самаго ради лучшаго царственнаго пополненія надлежитъ и прочіе заморскіе товары съ разсмотрѣніемъ покупать, ибо тѣ токмо надлежитъ товары покупать, безъ которыхъ намъ пробыть не мочно, а иныя ихъ Нѣмецкія затейки и прихоти ихъ мочно и пріостановить, дабы напрасно изъ Руси богатства не тащили; на ихъ мягкія лестныя басни и на всякія ихъ хвасти намъ смотрѣть не для чего. Намъ надлежитъ свой умъ держать, и что намъ къ пополненію царственному потребно и прибыльно, то надлежитъ у нихъ покупать, а кои вещи намъ не къ прибыли, или кои и непрочны, то тѣхъ отнюдь у нихъ не покупали бъ...

И аще тако состоится, то иноземцы будутъ къ намъ ласковѣе, а прежнюю свою гордость всю отложатъ. Намъ о томъ вельми крѣпко надобно стоять, чтобы прежнюю ихъ пыху въ конецъ сломить, и привести бы ихъ въ смиреніе, и чтобы они за нами гонялись.

3. О заведеніи на Руси своихъ заводовъ.

О семъ же всячески надлежитъ потщиться, чтобы завести въ Руси дѣлати тѣ дѣла, кои дѣлаются изъ льну и изъ пеньки, то есть, трипы, бумазеи, рубки, миткали, камордки и порусиныя полотна и прочія дѣла, кои изъ Русскихъ материяловъ дѣлаются: сіе бо вельми нужно, еже кои матеріялы, гдѣ родятся, тамо бы они и въ дѣло происходили.

Аще бы ленъ и пеньку, за моря не возя, дѣлать тутъ, гдѣ что родилось, то тыя полотна заморскаго вдвое или втрое дешевле ставиться станутъ, а люди бы Россійскіе богатились.

И ради размноженія таковыхъ дѣлъ учинить бы указъ, чтобъ нищихъ по улицамъ скитающихся, и молодыхъ и средовыхъ хватать, и записавъ въ приказѣ, имать къ темъ дѣламъ, и молодыхъ робятъ мужескаго полу и женскаго научить прясть, а подрослыхъ—ткать, и иныхъ—бѣлить и лощить; чтобы они научась были бы мастерами. Я чаю, что мочно тѣхъ гуляковъ набрать тысячъ десятокъ-другой, и построя домы мастерскіе, наука тѣхъ гуляковъ-тунеядцевъ мочно ими много дѣлъ управить. Чѣмъ къ намъ возить полотна изъ нашихъ матеріяловъ сдѣланныя, то лучше намъ къ нимъ возить готовыя полотна...

И егда тыи дѣла у насъ въ Руси уставятся, то чѣмъ имъ ленъ да пеньку продавать, лучше намъ продавать имъ готовыя полотна парусныя и канаты и камордки и рубки и миткали, и брать у нихъ за тѣ полотна ефимки и иныя потребныя намъ вещи.

Я чаю, что мочно намъ на всю Европу полотенъ наготовить, и предъ ихъ нынѣшнею цѣною гораздо уступнѣе продавать имъ мочно; и чемъ имъ отъ нашихъ матеріяловъ богатиться, то лучше намъ Россіяномъ отъ своихъ вещей питатися и богатитися...

И надлежитъ Е. И. В-ву призвать къ себѣ иноземцевъ, кои Ему Величеству Государю радѣ-

тельные являются отъ военныхъ и отъ мастеровыхъ, наипаче же отъ докторовъ и аптекарей кои выѣзжіе, то они о многихъ вещахъ знаютъ. а не худо и купецкихъ спросить, кои за моремъ бывали. Мнѣ сіе вельми дивно: земля наша Россійская, чаю, что будетъ пространствомъ не меньше Нѣмецкихъ, и мѣста всякія въ ней есть теплыя и холодныя, и гористыя, и моря разныя, морского берега колико подъ нами и смѣтить невозможно, отъ Кольскаго острова если берегомъ ѣхать, то и годомъ всего его не изъѣхать,— а никакія вещи у насъ потребныя не сыскалося.

Я и не большое мѣсто поѣздилъ, и хотя я и не знаючи ѣздилъ, обаче не туне моя ѣзда, сыскалъ я самородную сѣру, самую чистую, что подобна каменю янтарю, и во всей вселенной толико ея нѣтъ, колико у насъ; ленкарственную матерію сыскалъ я нарицаемую Гумъ сфальтумъ, и не вѣмъ колико ея за моремъ, а у насъ хотя пудъ сто мочно добыти; и нефти сыскалъ я многое число, вохры и червлени, хотя и по тысячѣ тутъ можно добывати; и пументъ есть же у меня въ пріискѣ; и я не знаю, чего бы у насъ въ Руси не сыскать; да мы не знаемъ, потому что за моремъ не бывали и въ таковыхъ мѣстахъ, что обрѣтается, не видали и не слыхали, а иноземцы, кои и знаютъ да не хотятъ намъ объявить...

(И. Посошковъ. Книга о скудости и о богатстве. Изд. Н. Клочкова. Введение и гл. 4 и 5).

---

192. Таможенный тариф 1724 г.

Протокол соединенного присутствия Коммерц-Коллегии и Мануфактур-Коллегии 11 ноября 1723 года, по обсуждению вопроса о назначении таможенных пошлин на привозимые и отпускные товары.

1723 года, ноября 11 дня. Коммерц- и Мануфактур-Коллегии имели конференцию по силе Его Императорского Величества именного указу сего ноября 6 дня о наложении пошлины на вывозимые товары, которые делаются на российскихъ мануфактурах; и при том присутствовали:

Коммерц-Коллегии:

Президент Иван Бутурлин.
Советники:
Бакон.
Гордон.
Ассесор:
Соловьев.
Обер комиссар:
Вилирс.

Мануфактур-Коллегии:

Президент Новосильцов
Советник·
Кассис.

И согласно положили следующее, и в протокол обеих Коллегии записать приказали:

На бахрому золотую и серебряную по силе Его Императорского Величества именного указа 1718 года, а на мишурную, хотя онои фабрики в России нет, однако дабы не вывозили под видом тех золотых и серебряных бахром; а на шелковую для того, что она делается в России, положить 25 процентов.

На бархаты итальянские и голландские и всяких рук, положить 25 процентов для того, что делается в России.

На всякую бумагу $12^1/_2$ процента для того, что она делается в России, но только еще в совершенство не приходила, к тому же и материалами недовольна.

На байки по оценке по $12^1/_2$ процента для того, хотя за таковою пошлиною из-за моря и вывозить будут, однакож дешевою ценою в России из лавок продавать не могут и сим образом русским товарам продажа будет способнее.

На бумазеи или тики разных рук, три доли для того, что в России делается довольно и уже отпускается за море.

На бахромы флоретовые и шерстяные и гарусные по $12^1/_2$ процента для того, хотя такие и не делаются, однако же делаются шелковые, которыми может замениться.

На бутылки всякие с оценки по $12^1/_2$ процента для того, что внутри государства во многих местах делаются, а в Санкт-Петербургском порте их мало и этою пошлиною внутрь государства не повезут.

На воск и на свечи восковые $37^1/_2$ процента с оценки для того, что оного в России имеется довольное число.

На золото и серебро золоченое и пряденое по силе указа 1718 года, 25 процентов.

На золоченые и серебряные материи, хотя оных в России не делается, однако же по силе именного указа 1718 года $37^1/_2$ процента, такожды и на шел-

ковые положить, тоже для того, что оные делаются в России.

На иглы $37^1/_2$ процента для того, что в России делаются.

Крахмалу синему быть в прежней силе, а на белый положить $37^1/_2$ процента для того, что в России имеются заводы и в домех партикулярных делаются.

На коломянки всяких рук положить $37^1/_2$ процента для того, что в России делаются.

На колпаки бархатные положить 2 процента для того, что бархаты делаются в России и дабы в продаже оных не было препоны.

На шелковые тканые с золотом $37^1/_2$ процента по силе именного указа о запрещении золота и серебра, прочиеж остаются в прежней пошлине по тарифу.

Кноп или канипас $37^1/_2$ процента для того, что в России довольно.

Кожам золотым и серебряным быть в той же силе для того, что в России не делаются.

Ирхе быть в той же силе, для того, что в России не делается ж.

Козлиным сухим быть в той же силе, для того, что и своим вывоз запрещен.

Кожам телятинным сухим быть в той же силе, для того, что здесь в дело годятся.

На замши всякие положить $12^1/_2$ процента для того, что оные делаются в России.

На карты положить с оценки 25 процентов, для того, что оные делаются в России.

На все ленты положить $37^1/_2$ процента для того, что оных в России довольное число.

Мылу испанскому, итальянскому быть в той же силе для того, что в России не делается.

На парчи шелковые положить 25 процентов для того, хотя и ныне не делаются, однако же впредь делаться могут, дабы шелковым парчам русским в продаже препятия не было.

На парчи шерстяные с шелком, хотя оных ныне не делается, однако же чтоб шелковый фабрике помешательства не было, положить $12^1/_2$ процента, а которые делаются из одного шелку $37^1/_2$ процента, для того шелковые делаются в России.

На позументы золотые и серебряные, и галуны, и кружева такие шелковые с золотом и серебром, по силе именного указа 1718 году; а на шелковый, или беретные, бархатные, гарусные и шерстяные для того, что иные делаются в России, положить $37^1/_2$ процента.

На полотна голландские, варендарские, и билефежские, и шленские и прочие иностранные положить 25 процентов для того, что оные делаются в России и хотя не с довольством, однако же впредь надежно могут умножиться.

На парусные положить $37^1/_2$ для того, что оные делаются в России с довольством, которые иные за море посылаются не мало.

Полотнам вощеным, лощеным, печатным и крашеным быть в той силе, для того, что в России таких не делается.

На скатерти и салфетки камчатые положить $37^1/_2$ процента для того, что такие здесь делаются.

На патоку белую и черную сахарную, положить с оценки $37^1/_2$ процента для того, что оной имеется довольно на сахарной фабрике.

На парчи шерстяные, всякие подкладочные, хотя оные и не все в России делаются, однако же чтоб тем, которые здесь делаются, препятствия не было, положить $12^1/_2$ процента с оценки.

На пуговицы золотые, серебряные, волоченые, обшивные положить 20 процентов для того, что в России не токмо на фабриках, но и в партикулярных домах делают.

На пуговицы шелковые, и гарусные, и шерстяные, и волосяные, и медные всяких рук с оценки 5 процентов для того, что оных здесь фабрики не имеется.

На пуговицы роговые положить $37^1/_2$ процента для того, что оные делаются в России.

На пояса шелковые, на шляпы положить $37^1/_2$ процента для того, что хотя оные и не делаются, однако же могут делать на шелковых фабриках.

Портупеям кожаным быть в той силе для того, что в России фабрики нет, а делают партикулярно.

На посуду глиняную, муравленную и ценинную делоскую и простую по 5 процентов.

На ширгамен положить $12^1/_2$ процента.

Рукавицам всем быть в той же силе для того, что в России фабрики нет.

Рюмкам и стаканам и всякой питейной, хрустальной посуде быть в той силе, хотя здесь и делаются, однако же не с довольством.

Рогам быть в той силе для того, что фабрики нет.

Сукнам всяким быть в прежней силе.

На стамеды всякие положить $12^1/_2$ процента для того, что делаются в России.

На сукна, яренки и саржи то ж, как и на стамеды.

Сахару сырцу быть в той ж силе.

На сахар головной и леденец всяких рук деланных $37^1/_2$ процента для того, что оной делается в России.

Саже быть в той же силе.

Стеклам оконичным то ж, хотя в России делаются, однако не с довольством.

На тафты итальянские, французские, голландские, швейцарские и прочих рук $37^1/_2$ процента для того, что в России делаются.

На трипы шелковые и гарусные всяких рук положить $12^1/_2$ процента для того, что в России делаются не с довольством.

На флеры шелковые и крепы, и прочие всяких рук 3 процента для того, что оных здесь не делается и фабрикам оттого помешательства не будет.

На тюли всякие $12^1/_2$ для того, что оные и делаются, однако еще не с довольством.

На штофные, полушелковые, с гарусом, с бумагой, с шерстью всяких рук, хотя здесь и не делаются, однако же, чтоб не было помешательства фабрикам, положить $12^1/_2$ процента.

На шляпы всяких рук $12^1/_2$ процента для того, что хотя фабрики нет, однако ж делают с довольством в партикулярных домех.

Фланелям быть в той силе, понеже здесь не делаются.

ОТВОЗНЫЕ.

На кожи, лосинные, и оленьи, и сайгачьи не деланные $37^1/_2$, для того, что потребны на российские фабрики, а на деланные 5 процентов.

На кожи воловые и коневые, на лосиное дело 2 процента.

Кожам коневым, сухим быть в той же силе.

Кожам сухим бухарам быть в прежней силе.

Кожам дубленым говяжьим в той же силе.

Кожам соленым говяжьим то же.

Кожи козлинные не деланные $37^1/_2$ для того, что оные потребны на фабрики и на мундир, а на деланные 3 процента.

Кожи телячьи сухие 5 процентов.

С кожи ирхи 3 процента.

Кожам козлиным и бараньим замшаным быть в прежней силе.

Кордевану и козлиным кожам то ж.

С кож бараньих без шерсти не деланных 5 процентов, а с деланных 2 процента.

На пряжу всякую $37^1/_2$ для того, что оная употребляется в мануфактуры.

Система пошлин, установленная тарифом 1724 года, заключается в следующем.

Оставлено в силе запрещение привоза краски бакана; более же в тарифе запретительных статей не встречается. Но на те продукты, которые, по мнению составителей тарифа, производились в достаточном количестве в России, пошлина назначена в очень высоком размере—75 % ad valorem. К таким предметам, напр., отнесены:

Скатерти, салфетки и парусина.

Шелковые парчи, тафта, канаус, ленты, колпаки и пр.

Из предметов заводской обработки очищенный воск, крахмал, поташ, купорос, скипидарное масло.

Железо не в деле.

Иглы.

Пергамент.

Некоторые мелочи, как-то: табачные трубки и пр.

Сухие телячьи кожи.

Высоко покровительственная пошлина—50 % с цены—наложена на:

Голландские полотна и т. п.

Бархаты, тонкие сорта баек.

Волоченое и пряденое серебро.

Карты.

Довольно умеренными покровительственными пошлинами (25%) обложены:

Все вообще шерстяные ткани, кроме сукон.

Полушелковые ткани.

Выделанные кожи.

Чулки, бахрома, рукавицы и т. д.

Писчебумажный товар.

Железное оружие.

Бутылки стеклянные.

Пошлины с других продуктов имеют, как кажется, фискальный характер. Более высокие пошлины приходятся на разные мелкие вещи, составляющие предмет роскоши и потребляемые лицами, более или менее состоятельными: двадцатью процентами обложены галантерейные товары, к которым отнесены—готовое женское платье, зеркала, игрушки и т. п.

Довольно умеренные фискальные пошлины в размере 10% установлены разные предметы, употребляемые в обыкновенном обиходе и не составляющие предмета роскоши—на медную и оловянную посуду, оконные стекла, гребни, трости и т. д.,

на простые, дешевые ткани и т. п., затем почти на все продукты потребления и наконец на предметы особо в тариф не поименованные.

На многие предметы оставлена прежняя пошлина, в 4—6%, с некоторым только округлением—на меха, на вина, на припасы, привозимые в неприготовленном виде, на рыбу, на сукна.

На дерево пошлина уменьшена до $1^1/_2$%. Допущены к беспошлинному привозу: изделия из драгоценных металлов, огородные семена, животные, кроме лошадей, многие строительные материалы, и некоторые предметы потребления, как-то: апельсины, померанцы и лимоны, устрицы и т. д. На вина пошлина уменьшена против прежнего, на сахар наложена в очень высоком размере.

Что касается отвозных товаров, то пошлина с них оставлена в прежнем размере—около 3% с цены. Оклады увеличены только на те из отпускных товаров, относительно которых Россия до некоторой степени имела монополию вывоза—на некоторые меха, на икру и пр. Запретительная пошлина наложена на отпускную пряжу из льна и пеньки—для поощрения русского ткацкого производства.

Так как во время издания таможенного тарифа правительство стремилось к тому, чтобы товары, прежде вывозившиеся через Архангельск, были обращены к С.-Петербургу [1]), то в тарифе было установлено, чтобы с товаров, привозимых и отпускаемых через Архангельскую таможню (кроме местных продуктов—леса, дегтя и пр.), взимались пошлины с прибавкой 25% к окладам, установленным в тарифе.

(Ладыженский. История русского таможенного тарифа 1886 г. Таможенный тариф 1724 г., стр. 61—63 и Прилож. I.)

XXXVII. Дворянство, купечество, крепостное право.

193. Указъ о единонаслѣдіи.

О порядкѣ наслѣдования въ движимыхъ и недвижимых имуществахъ.

1714 Марта 23.

Мы, Петръ Первый, Царь и Самодержецъ Всероссійскій, и проч. и проч. и проч. Объявляемъ сей указъ всѣмъ подданнымъ Нашего Государства, какого чина и достоинства оные ни есть.

Понеже раздѣленіемъ имѣній послѣ отцовъ дѣтямъ недвижимыхъ, великой есть вредъ въ Государствѣ Нашемъ, какъ интересамъ Государственнымъ, такъ и подданнымъ и самимъ фамиліямъ паденіе, а именно:

I. О податяхъ. Напримѣръ, ежели кто имѣлъ тысячу дворовъ и пять сыновъ—имѣлъ домъ довольной, трапезу славную, обхожденіе съ людьми ясное; когда по смерти его раздѣлится дѣтямъ его, то уже только по двѣсти дворовъ достанется, которые, помня славу отца своего и честь рода, не захотятъ сиро жить, но каждой ясно (хотя и не такъ), то уже съ бѣдныхъ подданныхъ будетъ пять столовъ, а не одинъ, и двѣсти дворовъ принуждены будутъ едва не то жъ нести, какъ тысяча несла (а государственныя подати податьми), отъ чего не разоренья ль суть людямъ, и вредъ интересамъ Государственнымъ? ибо податей такъ исправно не могутъ платить двѣсти дворовъ въ казну и помѣщику, какъ тысяча дворовъ, ибо (какъ выше написано) съ тысячи одинъ Господинъ (а не съ двусотъ дворовъ), который пятою долею доволенъ будетъ, а впрочемъ облегчитъ крестьянамъ, которые исправнѣе въ казну и Господину подати платить могутъ. И тако отъ того раздѣленія казнѣ Государственной великой есть вредъ, и людемъ подлымъ разореніе.

II. О фамиліяхъ. А когда отъ тѣхъ пяти по два сына будутъ, то по сту дворовъ достанется, и тако далѣе умножаясь, въ такую бѣдность придутъ, что сами однодворцами застать могутъ, и знатная фамилія, вмѣсто славы, поселяне будутъ, какъ уже много тѣхъ экземплеровъ есть въ Россійскомъ народѣ.

III. О непотребности. Сверхъ обѣихъ сихъ вредительныхъ дѣлъ, еще и сіе есть, что каждый, имѣя свой даровый хлѣбъ, хотя и малой, ни въ какую пользу Государства безъ принужденія служить и простираться не будетъ, но

---

[1]) Для этого и ранее принимались различные меры—в 1713 г. запрещено было вывозить кфть и пеньку через Архангельск для того, чтобы эти товары шли за границу чрез только что основанный тогда Петербург, в 1714 г. велено было половину всех русских товаров отправлять из России через С.-Петербург.

ищетъ всякой уклоняться и жить въ праздности, которая (по св. писанію) матерію есть всѣхъ злыхъ дѣлъ.

На противу жъ того. На первую: ежели недвижимое будетъ всегда одному сыну, а прочимъ только движимое, то Государственные доходы будутъ справнѣе, ибо съ большаго всегда Господинъ довольнѣе будетъ хотя по малу возметъ, и одинъ домъ будетъ, а не пять (какъ выше написано), и можетъ лучше льготить подданныхъ, а не разорять.

На вторую: фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы.

На третію: прочіе не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ. И то все, что оные сдѣлаютъ вновь для своего пропитанія, Государственная польза есть; чего ради за благо изобретено чинить по сему, какъ объявлено ниже сего:

I. Всемъ недвижимыхъ вещей, то есть родовыхъ, выслуженныхъ и купленныхъ вотчинъ и помѣстей, также и дворовъ, и лавокъ не продавать и не закладывать, но обращатися онымъ въ родъ такимъ образомъ:

2. Кто имѣетъ сыновей, и ему же аще хощетъ, единому изъ оныхъ дать недвижимое чрезъ духовную, тому въ наслѣдіе и будетъ; другіе же дѣти обоего пола да награждены будутъ движимыми имѣніи, которыя долженъ отецъ ихъ или мать раздѣлити имъ при себѣ, какъ сыновьямъ, такъ и дочерямъ, колико ихъ будетъ, по своей воли, кромѣ онаго одного, который въ недвижимыхъ наслѣдникомъ будетъ. А ежели у онаго сыновей не будетъ, а имѣетъ дочерей, то долженъ ихъ опредѣлити такимъ же образомъ. А буде при себѣ не опредѣлитъ, тогда опредѣлится указомъ недвижимое по первенству большому сыну въ наслѣдіе, а движимое другимъ равною частію раздѣлено будетъ; то жъ разумѣется и о дочеряхъ.

3. Кто бездѣтенъ, и оный воленъ отдавать недвижимое одному фамиліи своей, кому похочетъ, а движимое, кому что похочетъ дать сродникамъ своимъ, или постороннимъ, и то въ его произволеніи будетъ. А ежели при себѣ не учинитъ, тогда обои тѣ имѣнія да раздѣлены будутъ указомъ въ родъ; недвижимое одному по линіи ближнему, а прочее другимъ, кому надлежитъ, равнымъ образомъ...

14. Сей указъ не на прошедшія времена, но съ сего 1714 года дѣйство свое имѣетъ. И хотя въ прошедшіе два мѣсяца какіе раздѣлы гдѣ и сдѣланы, то оные передѣлить по сему указу. А тѣмъ, которые до сего года, быть такъ, какъ учинены, только дается воля отцамъ и матерямъ, ежели хотя за нѣсколько лѣтъ дѣтей своихъ и раздѣлили, а нынѣ хотятъ по сему указу передѣлить, и то да будетъ въ ихъ волѣ.

15. Когда кто изъ кадетовъ (младшихъ сыновей) дворянскихъ фамилій захотятъ идтить въ чинъ купеческой или какое знатное художество, также за сорокъ лѣтъ, съ подлиннымъ свидѣтельствомъ къ указамъ подписаннымъ отъ тѣхъ, гдѣ онѣ вѣдомы, своего возраста—и въ духовные, то есть въ бѣлые священники: то тѣмъ, которые въ сіе вышеписанное вступят, не ставитъ ни в какое безчестіе имъ и ихъ фамиліямъ, ни словесно ни письменно...

(Пам. по ист. крестьян, изд. Н. Клочкова. № 60).

---

194. Изъ инструкціи или наказа воеводамъ.

1719—1 Генваря.

§ 31. Понеже есть нѣкоторые непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть, что ради пьянства, или иного какого непостоянного житя вотчины свои не токмо снабдѣваютъ, или защищаютъ въ чемъ, но и разоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости, и въ томъ ихъ бьютъ и мучатъ, и отъ того крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгаютъ, и чинится отъ того пустота, а въ Государевыхъ податяхъ умножается доимка: того ради Воеводѣ и Земскимъ Коммисарамъ смотрѣть того накрѣпко, и до такого разоренія не допускать, и ежели подлинно явятся въ ихъ вѣденіи такіе разорители, и о такихъ разсматривать, и когда для денежныхъ и другихъ сборовъ поѣдутъ въ уѣзды Земскіе Коммисары, и гдѣ наѣдутъ прямую пустоту, или великое умаленіе, передъ переписнымъ числомъ, крестьянъ; тогда оному Коммисару объявлять о томъ ему Воеводѣ, которому то обыскивать и свидѣтельствовать съ нимъ Коммисаромъ тутошними ближними сосѣдами и другими о тѣхъ помѣщикахъ знаемыми людьми и явными свидѣтельствы, отъ чего оная пустота

явилась, и не было ли тѣмъ крестьянамъ отъ помѣщиковъ такого наглаго разоренія; и тѣ обыски съ достовѣрными свидѣтельствы присылать въ Сенатъ; и буде по списку и по свидѣтельству такіе разорители своихъ имѣній явятся подлинно, и тѣхъ исправлять велѣть ближнимъ сродникамъ и свойственникамъ, и велѣть до исправленія вѣдать ихъ деревни онымъ сродникамъ и свойственникамъ; такожъ изъ тѣхъ деревень довольствовать доходами тѣхъ помѣщиковъ; а которые не исправятся, и тѣхъ посылать подъ началъ до исправленія; а которые не исправятся и подъ началомъ будучи, тѣхъ не свобождать, донелѣ же исправятся; однакожъ доходами довольствовать ихъ и женъ и дѣтей, а по смерти ихъ отдавать тѣ деревни по указамъ, кому надлежать будутъ, въ наслѣдіе по линіи; однакожъ при томъ и Воеводѣ и Земскому Коммисару смотрѣть накрѣпко, чтобъ въ тѣхъ обыскахъ никакого подлога и коварства не было, подъ жестокимъ истязаніемъ.

(Пам. по ист. крестьян, изд. Н. Клочкова, № 63).

---

195. Указъ о покупкѣ къ заводамъ деревень.

1721. Генваря 18.

Понеже хотя по прежнимъ указамъ купецкимъ людямъ деревень покупать было и запрещено, и тогда то запрещеніе было того ради, что они, кромѣ купечества, къ пользѣ Государственной другихъ никакихъ заводовъ не имѣли; а нынѣ по Нашимъ указамъ, какъ всѣмъ видно, что многіе купецкіе люди компаніями, и особно многіе возымѣли къ приращенію Государственной пользы заводить вновь разные заводы, а именно: серебреные, мѣдные, желѣзные, игольные и прочіе симъ подобные, къ томужъ и шелковые, и полотняныя и шерстяныя фабрики, изъ которыхъ многіе уже и въ дѣйство произошли. Того ради позволяется симъ Нашимъ указомъ, для размноженія такихъ заводовъ, какъ Шляхетству, такъ и купецкимъ людямъ къ тѣмъ заводамъ деревни покупать невозбранно, съ позволенія Бергъ- и Мануфактуръ-Коллегіи, токмо подъ такою кондиціею, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно. И для того какъ Шляхетству, такъ и купечеству, тѣхъ деревень особо без заводовъ отнюдь никому не продавать и не закладывать, и никакими вымыслы ни за кѣмъ не крѣпить, и на выкупъ такихъ деревень никому не отдавать, развѣ кто похочетъ для необходимыхъ своихъ нуждъ тѣ деревни и съ тѣми заводы продать, то такимъ продавать съ позволенія Бергъ- и Мануфактур-Коллегіи. А ежели кто противо сего поступитъ, то онаго всего того лишить безповоротно.

А ежели кто будетъ заводы заводить токмо для лица малые, чтобы ему тѣмъ у кого деревни купить, и таковыхъ вымышленниковъ до той покупки отнюдь не допускать, и смотрѣть того накрѣпко въ Бергъ-Мануфактуръ-Коллегіи; а ежели таковые явятся, и ихъ по усмотрѣнію штрафовать отнятіемъ всего движимаго и недвижимаго имѣнія.

(Пам. по ист. крестьян, изд. Н Клочкова, № 67).

---

196. Табель о рангахъ.

1722. Генваря 24.

Ко учрежденной вышеобъявленной табели ранговъ прилагаются сіи пункты [1]), какимъ образомъ со оными рангами каждому поступать надлежитъ.

3. Кто выше своего ранга будетъ себѣ почести требовать, или самъ мѣсто возметъ, выше даннаго ему ранга; тому за каждой случай платить штрафу, 2 мѣсяца жалованья; а ежели кто безъ жалованья служитъ: то платить ему такой штраф, какъ жалованья тѣхъ чиновъ, которые съ нимъ равнаго ранга, и дѣйствительно жалованье получаютъ; изъ штрафныхъ денегъ имѣетъ объявитель того, третью долю получать, а достальныя имѣютъ въ гошпиталь употреблены быть. Но сіе осмотрѣніе каждаго ранга не въ такихъ оказіяхъ требуется, когда нѣкоторые яко добрые друзья и сосѣди съѣдутся, или въ публичныхъ асамблеяхъ, но токмо въ церквахъ при службѣ Божіей, при Дворцовыхъ церемоніяхъ, яко при аудіенціи пословъ, торжественныхъ столахъ, въ чиновныхъ съѣздахъ, при бракахъ, при крещеніяхъ, и симъ подобныхъ публичныхъ торжествахъ и погребеніяхъ; равной же штрафъ и тому слѣдуетъ, кто кому ниже своего ранга мѣсто уступитъ, чего надлежитъ фискаламъ прилежно смотрѣть,

---

[1]) См. Табель о рангах, стр. 269.

Табель о рангах.

1722. Генваря 24.

ЧИНЫ ВОЕННЫЕ.		ЧИНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.	Классы.
Морскіе	Сухопутные		
—	Генералиссимусъ.	—	—
Ген. Адмиралъ.	Фельдмаршалъ.	Канцлеръ или Д. Тайн. Сов.	I
Адмиралъ.	Генер. отъ артил. Генер. от кавал. Генер. отъ инфан.	Дѣйств. Тайн. Совѣтн.	II
Вице-Адмиралъ.	Генералъ-Лейтен.	Тайный Совѣтникъ.	III
Контръ-Адмиралъ	Генералъ-Маіоръ.	Дѣйств. Стат. Совѣт.	IV
Кап.-Командоръ.	Бригадиръ.	Статскій Совѣтникъ.	V
Капит. 1 ранга.	Полковникъ.	Коллежский Совѣтникъ.	VI
Капит. 2 ранга.	Подполковникъ.	Надворный Совѣтникъ.	VII
Флота Кап.-Лейт. . . Арт. Кап. 3 ранга. .	Маіоръ.	Коллежскій Ассесоръ.	VIII
Флота Лейтен . . . . Арт. Кап. Лейт . . .	Кап. или Ротм.	Титул. Совѣтникъ.	IX
Арт. Лейтенантъ.	Штабсъ-Кап. или Штабсъ-Ротм.	Коллежскій Секретарь.	X
—	—	Сенатскій Секретарь.	XI
Флота Мичманъ.	Поручикъ	Губернскій Секретарь.	XII
Арт. Констапель.	Подпоручикъ.	Сенат. Регистраторъ.	XIII
	Прапорщикъ или Корнетъ.	Коллеж. Регистраторъ.	XIV

дабы тѣмъ охоту подать къ службѣ, и онымъ честь, а не нахаламъ и тунеядцамъ получить: вышеписанный штрафъ какъ мужескому, и такъ женскому полу необходимо за преступленія надлежитъ.

8. Сыновья Россійскаго Государства Князей, Графовъ, Бароновъ, знатнѣйшаго Дворянства, такожде служителей знатнѣйшаго ранга, хотя Мы позволяемъ для знатной ихъ породы, или ихъ отцовъ, знатныхъ чиновъ въ публичной асамблеи, гдѣ Дворъ находится, свободный доступъ передъ другими нижняго чина, и охотно желаемъ видѣть, чтобъ они отъ другихъ во всякихъ случаяхъ по достоинству отличались; однакожъ Мы для того никому какого ранга не позволяемъ, пока они Намъ и отечеству никакихъ услугъ не покажутъ, и за оныя характера не получатъ.

11. Всѣ служители Россійскіе или чужестранные, которые 8 первыхъ ранговъ находятся, или дѣйствительно были: имѣютъ оныхъ законныя дѣти и потомки въ вѣчныя времена, лучшему старшему Дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтены быть, хотя бъ они и низкой породы были, и прежде отъ Коронованныхъ Главъ никогда въ Дворянское достоинство произведены или гербомъ спабдѣны не были.

(Пам. законодат. Петра Великаго, изд. Н. Клочкова, № 15).

---

197. Посошковъ.

Книга о скудости и о богатствѣ.

1. О купечествѣ.

И купечество въ ничтожность повергать не надобно, понеже безъ купечества никаковое не токмо великое, но и малое царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищъ: воинство воюетъ, а купечество помогаетъ, и всякія потребности имъ уготовляетъ.

И того ради и о нихъ попеченіе неоскудное надлежитъ имѣть: яко бо душа безъ тѣла не можетъ быти, тако и воинство безъ купечества пробыть не можетъ; не можно бо ни воинству безъ купечества быть, ни купечеству безъ воинства жить. И царство воинствомъ разширяется, а купечествомъ украшается. И того ради и отъ обидниковъ вельми надлежитъ ихъ охранити, дабы не малыя обиды имъ от служивыхъ людей не чинилось. Есть многіе несмысленные люди—купечество ни во что ставятъ, и гнушаются ими, и обидятъ ихъ напрасно. Нѣтъ на свѣтѣ такого чина, коему бы купецкой человѣкъ не потребенъ былъ бы...

Буде кто коего чина нибудь аще отъ синклита, или отъ офицеровъ, или отъ дворянства, или изъ приказныхъ людей, или церковные причетники, или и крестьяне похотятъ торговать, то надлежитъ имъ прежній свой чинъ отставить, и записаться въ купечество, и промышлять уже прямымъ лицемъ, а не пролазомъ, и всякіе торги вести купечески съ платежемъ пошлинъ, и иныхъ какихъ поборовъ съ купечества равно со всѣмъ главнымъ купечествомъ, и безъ согласія купеческаго командира утайкою, по прежнему, воровски ничего не дѣлать, а пошлиннаго платежа ни мало не таить...

И сего ради аще не учинить о семъ предѣла, еже постороннихъ торговцевъ изъ господъ и изъ прочихъ приказныхъ и вотчиныхъ людей и изъ крестьянъ не унять, то весьма обогатитись купечеству не возможно, и собранію пошливной казны умножиться не отчего будетъ...

2. О раздѣленіи одеждъ по сословіямъ.

Паки мнѣ мнится—не худо бы расположить, чтобы всякой чинъ свое бы опредѣленіе имѣлъ: посадскіе люди все купечество собственное свое платье носили; чтобы оно ничѣмъ ни военному, ни приказному согласно не было. А нынѣ ни коими дѣлы по платью не можно познать, кто какого чина есть, посадскій или приказный или дворянинъ или холоп чей; и не токмо съ военными людьми, но и съ царедворцы распознать не можно.

А мнится быть то самое прямое дѣло, чтобы не то что отъ царедворцовъ или отъ солдатъ, но и между собою надлежитъ имъ различіе имѣть.

Первая статья купецкаго чина, кіи высше тысячи рублевъ, даже до десяти тысячь пожитки у себя имѣютъ, тіи бо носили на верхнихъ кафтанахъ отъ сукна кармазиннаго, кой купуется выше дву рублевъ, а камзолы луданые и стофные и прочія шелковыя парчи, кои без золота, безъ атласа и безъ изпещренія разныхъ цвѣтовъ, а разноцвѣтныхъ парчей купечество и на малыхъ своихъ дѣтей не надѣвали бы; пуговицы носили бы сере-

бреныя позолоченыя, а позументовъ бы и снуровъ золотыхъ и серебряныхъ, ни пуговицъ обшивныхъ, отнюдь бы не было и на малыхъ ихъ дѣтяхъ; а покроемъ надлежитъ, мнится, всему купечеству имѣть: верхніе кафтаны были бъ ниже подвязки, чтобъ оно было служиваго платья длиннѣе, а церковнаго чина покороче, а штаны бы имѣли суконныя и триповыя, а камчатыхъ и парчевыхъ отнюдь бы не было у нихъ, а на ногахъ имѣли бы сапоги, а башмаковъ тотъ чинъ отнюдь не носили же бы, а на головахъ бы носили лѣтомъ шляпы, и носили бы ихъ аще и пуховыя, а полъ по служивому маниру не заворачивали бы; а зимою носили бы шапки съ окольши лисьми и разсомашными, а собольихъ бы отнюдь не носили. Собольи шапки носили бы гости, да гостинныя сотни, кіи выше десяти тысячъ имутъ у себя пожитку. А среднія статьи, кіи имутъ у себя пожитки ото ста рублевъ даже до тысячи, то тіи бы носили сукна Англійскія, кіи около рубля покупается аршинъ, а камзолы китайчатые и суконные носить, а пуговицы серебряныя бѣлыя и мѣдныя, паяныя мѣдью и серебромъ посеребреныя; а на головахъ лѣтомъ носили бы шляпы безъ заломовъ, а зимою шапки лисьи и бобровыя, а покроемъ особымъ отъ первостатейнаго купечества, а на ногахъ—сапоги. А нижняя статья, кіи отъ десяти рублевъ имѣютъ пожитка только до ста рублевъ, тіи бы носили сукна Русскія крашеныя лазоревыя и иными цвѣтами, хотя валеныя, хотя не валеныя, только бы были крашеныя, а некрашеныя носили бы работные люди и крестьяна.

И по одежномъ расположеніи аще инѣмъ повидится дѣло невеликое, мнѣ же мнится—велико оно: первѣе, что чинъ отъ чина явенъ будетъ, и всякъ свою мѣрность будетъ знать; другое, что у всякаго чина денежныя истраты излишнія не будутъ; третье, что царству наполненіе будетъ немалое...

3. О крѣпостномъ правѣ и его ограниченіи.

А и сіе не весьма право зрится, еже помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена, неудобь носимая; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, ежебы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ: или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ; и который крестьянинъ станетъ мало-мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатитися не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя, царство пустошатъ; понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ. Отъ таковыя нужды домы свои оставляютъ и бѣгутъ иные въ Понизовыя мѣста, иные жъ и во Украинныя, а иные—и въ зарубежныя; тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ. А чтобы до того помѣщикамъ дѣла, что крестьяне богаты, лишь бы онъ пашни не запустилъ; хотя бы у него и не одна тысяча рублевъ была, только бы не воровалъ, и безъ явочно не торговалъ; что крестьяне богаты, тобы и честь помѣщику.

Крестьяномъ помѣщики невѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берутъ, а прямый ихъ Владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно.

И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ Царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство—богатство Царственное.

И того ради мнится мнѣ: лучше и помѣщикамъ учинить расположеніе указное, по чему имъ съ крестьянъ оброку и иначе чего имать, и по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и инаго какого сдѣлья дѣлать, чтобы имъ сносно было Государеву подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить безъ нужды. Того судьямъ вельми надлежитъ смотрить, чтобы помѣщики на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали, и въ нищету бы ихъ не приводили...

По моему мнѣнію, Царю паче помѣщиковъ надлежитъ крестьянство беречи; понеже помѣщики владѣютъ ими временно, а Царю они вѣковые, и крестьянское богатство—царственное, а нищета крестьянская—оскудѣніе царственное.

И того ради Царю яко великородныхъ и военныхъ, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто въ убожество не входилъ, но всѣ бы по своей мѣрности изобильны были...

А буде кой помѣщикъ будетъ на крестьянъ своихъ налегать, и наложитъ сверхъ указаннаго числа, или излишнюю работу наложитъ, и аще тѣ крестьяне дойдутъ до суда, и у такого помѣщика тѣхъ крестьянъ отнять на Государя и землю; то на то смотря и самый ядовитый помѣщикъ сократитъ себя, и крестьянинъ разорять не станетъ...

(Посошков. Книга о скудости и богатстве, изд. Н. Клочкова, гл. 4 и 7).

XXXVIII. Просвещение

198. Из Корнелия де Бруина.

Петр в Москве.

Время произвело великие перемены в этом государстве, в особенности со времени возвращения царя из путешествия. Прежде всего он повелел изменить род одежды, как мужской, так и женской, и особенно распоряжение это касалось до придворных лиц, которые исправляли там различные должности, кто бы они ни были, даже самые дети. Таким же образом стали одеваться и русские купцы и другие русские люди, так что по одежде их нельзя отличить от наших соотечественников. В тот же год обнародован был Указ, воспрещавший всем русским выходить за городские ворота не в польском кафтане, или не в нашей (Голландской) одежде, чулках и башмаках. Иностранные слуги первые обязаны были исполнять этот указ, за нарушение коего стража срывала их с запяток саней и взыскивала с них известную пеню, после чего и отпускала их; но Указ этот не касался ни крестьян, ни сельских жителей вообще...

Кроме описанной перемены в одежде, русским приказано было брить бороды; но усы носить дозволяется, хотя придворные чины и другие лица не носят уже и усов. Для того же, чтобы приказание это исполнялось в точности, заведены были особые бородобреи, чтобы они брили бороды без различия всем тем, кого встретят с бородою. Многим из русских распоряжение казалось до того горьким, что они старались подкупить деньгами тех бородобреев, которым поручено было брить всех; но это не помогало, потому что вслед за тем они попадали на другого бородобрея, который не соглашался ни на какой подкуп. Такое бритье совершалось даже за столом царя, и везде в другом месте, даже над самыми знатными вельможами. Невозможно выразить скорби, какую причиняло это бритье многим русским, не могшим утешиться от того, что они потеряли бороду, которую они так долго носили и которую считали признаком почета и знатности. Есть и теперь еще много таких, которые дали бы бог знает что за то, чтобы отбыть такого несчастья.

Перемены в одежде не так значительны между женщинами, за исключением знатных особ, которые носят вообще наряды и платья, употребляемые и у нас.

В начале для приведения распоряжения об одежде в исполнение, нужно было выписывать из-за границы шляпы, башмаки и другие необходимые вещи. Но так как это было неудобно и дорого, то русские сами стали было делать шляпы. Сначала это самоделье шло довольно плохо, но потом они усовершенствовались, когда выписали иностранных мастеров и стали учиться у них; я уже упоминал, что русские искусные подражатели и любят поучиться.

(Корнелий де-Бруин. Путешествие через Московию.)

---

199. Из переписки Петра I с Мусиным-Пушкиным.

1. Письмо Мусина-Пушкина къ царю Петру о дѣятельности типографіи.

(23 августа 1708 г.).

Письмо твое государево, писанное въ 7 день августа, получихъ того же мѣсяца, въ которомъ писано о книгахъ: геометрической, которая у меня, о архитектурной и о фортофикацкой, которыя у г. Гагарина, и чтобъ справиться съ Гагаринымъ: для чего долго Пикторъ (т.-е. Пикардъ) фигурами замѣшкалъ?

И о семъ доношу твоему величеству: книга геометрическая, которая у меня литерами напечатана и давно въ готовности, и къ тебѣ, государю, одна послана; а фигуры приложены были тѣ, которыя отданы были мнѣ, а отъ Гагарина еще въ присылкѣ нѣтъ.

А мая въ 7 день, въ твоемъ государевомъ письмѣ, ко мнѣ писано, чтобы подписи напечатать мелкою печатью на одномъ листѣ съ фигурами; и у насъ бы то дѣло скоро мочно сдѣлать, но остановка для фигуръ, что еще всѣ не совершены, а которыя сдѣланы и изъ нихъ при семъ письмѣ два листа послалъ къ тебѣ, государю: угодно-ль такъ будетъ, и если въ готовности будутъ фигуры—у насъ въ одну недѣлю будетъ готова. Борисъ Волковъ книжку съ французскаго языка на русскій перевелъ, и мы ее напечатали. А г. Гагаринъ сказалъ: которыя книги у него были архитектурная и фортификаческая, и тѣ книги послалъ онъ къ тебѣ, государю, а фигуры-де геометрическія умедлилъ сдѣлать мастеръ для того, что многія иныя твои государевы были дѣла, да и боленъ многое время былъ.

Сего жъ мѣсяца въ 18 день, получилъ я твое государево письмо, въ которомъ писано о книгахъ, которыя отданы мнѣ въ Жолквѣ и, будетъ выправлены, ихъ бы прислать съ присланнымъ отъ тебя, государя. А въ Жолквѣ отданы мнѣ 4 книги: одна фортификаческая на латинскомъ языкѣ, Овидеушева на русскомъ, да двѣ на нѣмецкомъ языкѣ. И латинскую архимандритъ симоновскій перевелъ на русскій яз., и мы ее напечатали. А въ той книгѣ фигуръ большѣ 300 не малыхъ, а Пикторъ, чаю, и въ полгода не сдѣлаетъ. А нѣмецкаго языка у насъ въ школахъ умѣющаго никого нѣтъ, и я тѣ нѣмецкія книги посылалъ въ посольскій приказъ, чтобъ велѣли перевести, а дьяки не приняли; а сказали, что у нихъ такова переводчика нѣтъ, кто бъ умѣлъ тѣ книги перевесть; а Овидеушеву книгу архимандритъ симоновскій и Ѳедоръ Поликарповъ смотрѣли и сказали, что переведена добре, но въ малыхъ нѣкоторыхъ мѣстѣхъ что надлежитъ поправить, написавъ на бумажкахъ, приклеили той книги на полѣ. И тое книгу и Волкова переводу десять книжекъ послалъ къ тебѣ государю, при сёмъ письмѣ съ присланнымъ отъ тебя, государя, съ Чертенскимъ. А если, государь, изволишь Овидеушеву книгу печатать, прикажи, государь, паки къ намъ прислать тое Овидеушеву книгу...

2. Письмо царя Петра къ Мусину-Пушкину.

(4 января 1709 г.).

Господинъ Мусинъ-Пушкинъ! Письмо ваше купно съ книжками римплеровыми и борздорфовыми дошли, также и азбука; но печать во оныхъ книгахъ зѣло предъ прежней худа, нечиста и толста, въ чемъ вамъ надлежитъ посмотрѣть гораздо, чтобъ такъ хорошо печатали, какъ прежнія: а именно противъ кумплементальной и слюзной; такожъ и переплетъ противъ оныхъ же, ибо нынѣшней присылки переплетъ очень дуренъ, а паче всего дуренъ отъ того, что въ коренѣ гораздо узко вяжетъ, отчего книги таращаться, и надлежитъ гораздо слабко и просторно въ коренѣ дѣлать; такожъ и въ купоршихерсѣ знать, что свершено не гораздо чисто. Въ римплеровой чертежи вели впредь переплетать къ задней доскѣ всѣ, также какъ и у борздорфовой. Также нѣсколько книгъ обоихъ сихъ вели напечатать и переплесть столь велики, каковы велики фигуры, чтобъ не згибая оныя, были въ книгѣ. Также отпиши, какъ поспѣетъ геометрическая и другая борздорфова, а кугорновыми чертежами вели спѣшить (понеже опись еще мѣсяца въ три не поспѣетъ), но тщательно вырѣзать. Календаревъ пришли сюды тысячи полторы или двѣ, а чтобъ треть ихъ была напечатана такъ, какъ нынѣ присланныя, а двѣ доли въ полдесть, дабы возможно офицеромъ на каждый день приписывать свои дѣла, и человѣка, кому продавать (зѣло охотно купятъ); а на Москвѣ, такожъ и по городамъ вели продавать. Азбуку вели новоисправленную прислать (противъ вложенной при семъ); литеру буки, также и покой вели переправить—зѣло дурно сдѣланы, почеркомъ также толсты и, напечатавъ новою съ азбукою что́ малое, паки къ намъ пришли, а штемпели вырѣзать вели отвѣдать саксонцу, который на денежномъ дворѣ у адмирала рѣжетъ штемпели для монетъ. Piter.

3. Письмо Мусина-Пушкина къ царю.

(18 января 1709 г.).

Письмо твое государево, писанное въ 4 день сего мѣсяца, получихъ въ 15, въ которомъ писано о худобѣ печати и переплету въ присланныхъ книжкахъ и о иныхъ надлежащихъ дѣлѣхъ. И я, нижайшій рабъ, доношу вашему величеству о печати, что́ хуже кумплементальной, мастеры

сказали: печать въ римплеровои и въ другихъ книжкахъ не такова чиста и гладка, какъ въ кумплементальной, для того что вставливаны новопереправленныя литеры московскаго дѣла; а на Москвѣ ихъ такъ тонко и чисто не сдѣлали, да и для того, что ставлены акценты (или верхнія силы). О переплетѣ мастерамъ приказалъ, дабы въ корени слабо вязали. Нечистота въ фигурахъ у Пикарта учинилась отъ поспѣшенія. И я ему приказалъ, чтобы хотя и нескоро, только бы тщательно и чисто дѣлалъ. Геометрическую книгу скоро напечатаемъ, но для фигуръ продолжится, понеже Пикартъ фигуры вновь дѣлаетъ по препорціи кумплементальной книжки, меньше старыхъ фигуръ. А сколько фигуръ сдѣлалъ, послалъ къ тебѣ, государю, напечатавъ тетрадь: угодно ль тако будетъ? Литеры буки и покой велѣлъ переправить и, как сдѣлаемъ, напечатавъ азбуку, пришлю не мѣшкавъ. Саксонецъ, монетнаго двора мастеръ, сказалъ, смотря амстердамскихъ пунсоновъ, что онъ такихъ дѣлъ не умѣетъ дѣлать. Езопову книгу славянскимъ діалектомъ исправили, и можемъ напечатать вскорѣ, токмо, фигуръ ради, будетъ умедленіе. 2 тыс. календаровъ напечатаю по указу и къ тебѣ, государю, пришлю, не умѣшкавъ. А на Москвѣ о продажѣ 800 книжекъ календаровъ и въ городы посылать буду. А изчисленіе календарь имать старымъ стилемъ. Въ твоемъ государевѣ письмѣ писано, что нѣсколько книгъ римплеровыхъ напечатавъ такъ велики переплесть, каковы величиною фигуры. И я велѣлъ одинъ листъ римплеровой книги напечатать амстердамскими литерами безъ акцентовъ и безъ новоправленныхъ литеръ величиною таковъ, какъ фигура. И если угодно вашему величеству будетъ, и мы можемъ въ 3 дня напечатать 200 книгъ, а впредь съ акцентами и новопереправленными литеры—о семъ твоего царскаго величества указу ожидаю. Кугорновыхъ чертежей въ присылкѣ ко мнѣ не бывало, а о солнечныхъ часахъ письмо ко мнѣ прислано, какъ ихъ печатать...

(П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II, с. 647—9.)

---

200. Дневныя записки Желябужскаго.

Новый годъ (1700).

208 году декабря въ 20 день Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, указалъ сказать:

Извѣстно ему Великому Государю стало, не только что во многихъ европскихъ христіянскихъ странахъ, но и въ народѣхъ Словенскихъ, которые съ восточною православною нашею церковію во всемъ согласны, какъ: Волохи, Молдавы, Сербы, Долматы, Болгары, и самые Его Великого Государя подданные Черкасы и всѣ Греки, отъ которыхъ вѣра наша православная принята, всѣ тѣ народы согласно лѣта свои счисляютъ отъ рождества Христова въ восьмый день спустя, то есть, генваря съ 1 числа, а не отъ созданія міра, за многую рознь и считаніе въ тѣхъ лѣтѣхъ, и нынѣ отъ рождества Христова доходитъ 1699 годъ, а будущаго генваря съ 1 числа настаетъ новый 1700 годъ, купно и новый столѣтній вѣкъ; и для того доброго и полезного дѣла указалъ впредь лѣта счислять въ приказѣхъ, и во всякихъ дѣлѣхъ и крѣпостѣхъ писать съ нынѣшняго генваря съ 1 числа отъ рождества Христова 1700 года.

А въ знакъ того доброго начинанія и нового столѣтняго вѣка, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, послѣ должного благодаренія къ Богу и молебного пѣнія въ церкви, и кому случится и въ дому своемъ, по большимъ и проѣзжимъ знатнымъ улицамъ, знатнымъ людѣмъ, и у домовъ нарочитыхъ духовнаго и мірского чину, передъ вороты учинить нѣкоторыя украшенія отъ древъ и вѣтвей сосновыхъ, елевыхъ и можжевелевыхъ, противъ образцовъ, каковы сдѣланы на гостинѣ дворѣ и у нижней оптеки, или кому какъ удобнѣе и пристойнѣе, смотря по мѣсту и воротомъ, учинить возможно, а людѣмъ скуднымъ комуждо хотя по древцу или вѣтьвѣ на вороты, или надъ хороминою своею поставить, и чтобъ то поспѣло нынѣ будущаго генваря къ 1 числу сего года, а стоять тому украшенію генваря по 7 день тогожъ 1700 года.

Да генваряжъ въ 1 день, въ знакъ веселія, другъ друга поздравляя новымъ годомъ и столѣтнимъ вѣкомъ, учинить сіе: когда на большой Красной площади огненныя потѣхи зажгутъ и стрѣльба будетъ, по томъ по знатнымъ дворомъ бояромъ, и окольничимъ, и думнымъ и ближнимъ, и знатнымъ людѣмъ, полатнаго, воинскаго и купецкаго чина знаменитымъ людѣмъ, каждому на своемъ дворѣ, изъ небольшихъ пушечекъ, буде у кого есть, и изъ нѣсколькихъ мушкетовъ, или

иного мѣлкого ружья, учинить трожды стрѣльбу и выпустить нѣсколько ракетовъ, сколько у кого случится, и по улицамъ большимъ, гдѣ пространство есть, генваря съ 1 по 7 число, по ночамъ огни зажигать изъ дровъ, или хворосту, или соломы, а гдѣ мѣлкіе дворы, собрався пять или шесть дворовъ, такой огонь класть, или, кто похочетъ, на столбикахъ поставить по одной, или по двѣ, или по три смоляныя и худыя бочки, и наполня соломою или хворостомъ, зажигать, а передъ бурмистрскою ратушею стрѣльбѣ и такимъ огнямъ и украшенію, по ихъ разсмотрѣнію, быть же...

(Дневныя записки Желябужскаго, с. 158—160).

---

201. Дневник Берхгольца.

Ассамблея (в Москве).

1722. Февр. 18.

Скажу здесь вкратце, что такое эти ассамблеи и какие при них соблюдаются правила. Они устроены на манер Петербургских, которые, по именному повелению императора, бывают ежегодно зимою.

Во-первых, они распределяются между всеми вельможами, но без соблюдения особенного порядка или последовательности; здешний комендант спрашивает или его величество императора, у кого он прикажет быть собранию, или самих вельмож, когда и как им удобнее, и затем, прежде нежели общество разойдется, объявляет гостям, где им собираться в следующий раз. В Петербурге это делает обыкновенно генерал-полицмейстер. Притти на ассамблею имеет право всякий. Во-вторых, хозяин не должен никого ни встречать вне комнаты, ни провожать, хотя бы то был и сам император. В-третьих, в комнате, где танцуют, должны быть приготовлены: стол с трубками, табаком и деревянными лучинками (которые употребляются здесь вместо бумажек для закуривания трубок) и еще несколько других столов для игры в шахматы и шашки; но карты на ассамблеях не терпятся и не подаются. В-четвертых, хозяин, хозяйка или кто-нибудь из домашних открывают танцы, после чего, смотря по месту, одна или две пары могут танцовать менуэт, Англез или Польский, по желанию; в менуэте, однакож, соблюдается правило, что его может начинать не всякий, а только тот кавалер или та дама, которые, протанцовав менуэт, снова танцуют его, выбирая уже кого хотят, и так идет по порядку, все равно, танцовала ли одна пара или несколько пар. Если же танцующие хотят после менуэта танцовать Англез или Польский, то объявляют об этом, и тогда кавалеры, желающие участвовать в танце, выбирают себе дам; но дамы не выбирают кавалеров, предоставляя это обыкновенно последним. В-пятых, всякий имеет свободу делать, что хочет, т.-е. может или танцовать, или курить табак, или играть, или разговаривать, или смотреть на других; равным образом всякий может спросить себе, по желанию, вина, пива, водки, чаю, кофе, и сейчас получает требуемое. Но хозяин не обязан, да даже и не смеет, принуждать гостей пить или есть, а только может сказать, что имеет для угощения, и затем предоставляет им полную свободу. В-шестых и в-последних, собрания эти, начинающиеся около 5 часов, продолжаются не далее 10, и тогда все должны разъезжаться по домам.

Что мне не нравится в этих ассамблеях, так это, во-первых, то, что в комнате, где дамы и где танцуют, курят табак и играют в шашки, отчего бывают вонь и стукотня, вовсе неуместные при дамах и при музыке, и во-вторых, то, что дамы всегда сидят отдельно от мужчин, так что с ними не только нельзя разговаривать, но не удается почти сказать и слова: когда не танцуют—все сидят как немые и только смотрят друг на друга...

(Дневник Берхгольца, кн. II, с. 70—71.)

---

202. Празднество в честь Вакха.

Из дневника І. Корба.

1699 г. февраль 21. Мнимый патриарх со всей толпой своего веселого клира освятил с торжественным празднеством в честь Вакха дворец, выстроенный на царский счет, который покамест обыкновенно именуется Лефортовым; шествие в этот дворец направилось из дома полковника Лима. Что патриарх присвоил себе именно этот почетный сан, свидетельствовали его одеяния, подобающие первосвященнику; на его митре красовался Вакх, своей полной наготой напоминавший глазам о распутстве; украшениями посоха служили Купидон и Венера, так что сразу было известно, какое стадо у этого пастыря. За

ним следовали толпой остальные поклонники Вакха. Одни несли большие чаши, наполненные вином, другие—мед, третьи—пиво и водку, верх славы пламенного Вакха. Так как в силу зимней стужи они не могли увенчать чело свое лаврами, то несли чаши, наполненные. высушенным на воздухе табаком. Зажегши его, они обошли все углы дворца, испуская из дымящихся уст весьма приятный запах и угодное Вакху курение. Положив поперек одна на другую две трубки, привычкой вытягивать дым из которых тешится даже самое небогатое воображение, комидийный Архижрец совершал торжество освящения...

22-го. Вельможи Московские и иностранные представители явились, по приглашению от имени его Царского Величества, в новый дворец, освященный вчерашними церемониями в честь Вакха, к богатому царскому столу на роскошный двухдневный пир. Князь Шереметев, выставляющий себя Мальтийским Рыцарем, явился с изображением креста на груди; нося немецкую одежду, он очень удачно подражал и немецким обычаям, в силу чего был в особой милости и почете у царя...

23-го. Пиршество продолжалось вплоть до настоящего дня, при чем не позволялось уходить спать в собственные жилища. Иностранным представителям отведены были особые покои, и назначен определенный час для сна, по истечении которого устраивалась смена, и отдохнувшим надо было в свою очередь итти в хороводы и прочие танцы...

(Дневник I. Корба с 127).

---

203. Из дневника Берхгольца.

Праздник в Летнем саду.

1721 г. июня 28. В 5 час. я со многими из наших отправился в сад. Подойдя к месту, где утром была стрельба, мы опять нашли там, в том же порядке, оба гвардейские полка, но только с нижним оружием; верхнее они оставили в лагере. Когда я спросил, для чего они здесь собрались, мне отвечали, что царь обыкновенно в такие праздники угощает их пивом и вином, которое сам им подносит в деревянных чашках величиной в большой стакан. Его величество именно этим и был занят, когда мы пришли...

Пришли, наконец, в среднюю широкую аллею. Там, у прекрасного фонтана, сидела ее величество царица в богатейшем наряде. Взоры наши тотчас обратились на старшую принцессу (Анну Петровну), брюнетку и прекрасную, как ангел. Цвет лица, руки и стан у нее чудно хороши. Она очень похожа на царя и для женщины довольно высока ростом. По левую сторону царицы стояла вторая принцесса (Елизавета Петровна), белокурая и очень нежная; лицо у нее, как и у старшей, чрезвычайно доброе и приятное. Она годами двумя моложе и меньше ростом, но гораздо живее и полнее старшей, которая немного худа. В этот раз они были одеты одинаково, но младшая имела еще позади крылышки; у старшей же они были недавно отрезаны, но еще не сняты, а только зашнурованы. Сделаны эти крылышки прекрасно. Платья принцесс были без золота и серебра, из красивой двухцветной материи, а головы убраны драгоценными камнями и жемчугом, по новейшей французской моде и с изяществом, которое бы сделало честь лучшему парижскому парикмахеру...

Признаюсь, я вовсе не ожидал, что здешний двор так великолепен. У ее величества четыре камер-юнкера, все красивые и статные молодые люди; из них двое русские: Шепелев и Чевкин, и двое немцы: Балк и Монс, двоюродный брат госпожи Балк, очень, говорят, любимый царицею... Пажи ее величества имеют зеленые мундиры с красными отворотами и золотыми галунами на всех швах, как и трубачи и волторнисты; но лакеи и конюхи, которых у ее величества множество, не имеют этих галунов; однакож, все-таки, одеты прекрасно. В оркестре государыни много хороших немецких музыкантов, обязанных также носить красивые зеленые кафтаны (ливрей они вообще не любят). Одним словом, двор царицы так хорош и блестящ, как почти все дворы германские. У царя же, напротив, он чрезвычайно прост: почти вся его свита состоит из нескольких денщиков (так называются русские слуги), из которых только немногие хороших фамилий. большая же часть незнатного происхождения. Однакож почти все они величайшие фавориты и имеют большой вес. Теперь особенно в милости три или четыре...

Вскоре после того появились дурные предвестники, вселявшие во всех страх и трепет, а именно человек шесть гвардейских гренадер, которые несли на носилках большие чаши с самым простым хлебным вином; запах его был так силен, что оставался еще, когда гренадеры уже

отошли шагов на сто и поворотили в другую аллею. Заметив, что вдруг очень многие стали ускользать, как будто завидели самого дьявола, я спросил одного из моих приятелей, тут же стоявшего, что сделалось с этими людьми и отчего они так поспешно уходят. Но тот взял меня за руку и указал на прошедших гренадер.

Тогда я понял в чем дело и поскорее отошел с ним прочь. Мы очень хорошо сделали, потому что вслед за тем встретили многих господ, которые сильно жаловались на свое горе и никак не могли освободиться от неприятного винного вкуса в горле. Меня предуведомили, что здесь много шпионов, которые должны узнавать, все ли отведали из горькой чаши; поэтому я никому не доверял и притворился страдающим еще больше других. Однакож один плут легко сумел узнать, пил я или нет: он просил меня дохнуть на него. Я отвечал, что все это напрасно, что я давно уже выполоскал рот водою; но он возразил, что этим его не уверишь, что он сам целые сутки и более не мог избавиться от этого запаха, который и тогда не уничтожишь, когда кладешь в рот корицы и гвоздики, и что я должен также подвергнуться испытанию, чтобы иметь понятие о здешних празднествах. Я всячески отговаривался, что не могу никак пить хлебного вина; но все это ни к чему бы не повело, если б мнимый шпион не был хорошим моим приятелем и не вздумал только пошутить надо мною. Если же случится попасться в настоящие руки, то не помогают ни просьбы, ни мольбы: надобно пить во что бы то ни стало. Даже самые нежные дамы не изъяты от этой обязанности, потому что сама царица иногда берет не много вина и пьет. За чащею с вином следуют майоры гвардии, чтобы просить пить тех, которые не трогаются увещаниями простых гренадер. Из ковша, величиною в большой стакан (но не для всех одинаково наполняемого), который подносит один из рядовых, должно пить за здоровье та я или, как они говорят, их полковника, что все равно...

Находясь в постоянном страхе попасть в руки господ майоров, я боялся всех встречавшихся мне и всякую минуту думал, что меня уже хватают. Поэтому я бродил по саду, как заблудший-ся, пока, наконец, не очутился опять у рощицы, близ царского Летнего дворца. Но на этот раз я был очень поражен, когда подошел к ней поближе: прежнего приятного запаха от деревьев как не бывало, и воздух был там сильно заражен винным испарением, очень развеселившим духовных, так, что я чуть сам не заболел одною с ними болезнью. Тут стоял один до того полный, что, казалось, тотчас же лопнет; там—другой, который почти расставался с легкими и печенью; от некоторых шагов на сто несло редькой и луком; те же, которые были покрепче других, превесело продолжали пировать. Одним словом, самые пьяные из гостей были духовные, что очень удивляло нашего придворного проповедника Ремариуса, который никак не воображал, что это делается так грубо и открыто. Узнав, что в открытой галлерее сада, стоящей у воды, танцуют, я отправился туда и имел, наконец, счастие видеть танцы обеих принцесс, в которых они очень искусны. Так как царь и царица (оставившая, впрочем, своих дам) также в это время отлучились, то нас стали уверять, что мы возвратимся домой не прежде следующего утра, потому что царь, по своему обыкновению, приказал садовым сторожам не выпускать никого без особого дозволения, а часовые, говорят, в подобных случаях бывают так аккуратны, что не пропускают решительно никого, от первого вельможи до последнего простолюдина. Поэтому знатнейшие господа и все дамы должны были оставаться там так же долго, как и мы. Все это бы ничего, если б на беду вдруг не пошел проливной дождь, поставивший многих в большое затруднение: вся знать поспешила к галлереям, в которых заняла все места, так что некоторые принуждены был стоять все время на дожде. Эта неприятность продолжалась часов до двенадцати, когда, наконец, пришел его величество царь в простом зеленом кафтане, сделанном наподобие тех, которые носят моряки в дурную погоду (перед тем же на нем был коричневый, с серебряными пуговичками и петлицами); шляпу он почти никогда не надевает, приказывая носить ее за собою одному из своих денщиков. Войдя в галлерею, где все ждали его с большим нетерпением и потому чрезвычайно обрадовались этому приходу, в надежде скоро освободиться, он поговорил немного с некоторыми из своих министров и потом отдал приказание часовым выпускать. Но так как выход был только один и притом довольно тесный, то прошло еще много времени, пока последние выбрались из сада. Кроме того, надобно было также проходить недалеко от сада, через небольшой

подъемный мост на малом канале, и только пройдя через него, всякий мог без затруднения спешить домой...

(Дневник Берхгольца I, с. 51).

---

204. Петр и духовенство.

Из записок Г. Бассевича.

Петр Алексеевич не хотел признавать главою своей церкви никого, кроме себя. Отважиться на такое предприятие и суметь привести его в исполнение было, конечно, делом весьма не легким и требовавшим большой смелости. Почести, оказываемые в прежние времена патриарху, доходили почти до обожания. Ежегодно, в память вшествия Мессии в Иерусалим, он, в сопровождении всего духовенства, торжественно проезжал по улицам Москвы на богато убранной лошади, смиренно ведомой самим царем, который перед тем держал и стремя, когда патриарх садился на нее.

Русские, еще грубые, способны были поддаваться внешним впечатлениям гораздо более, чем влиянию рассудка. Зная это, царь старался делать смешным то, к чему хотел ослабить привязанность и уважение. По кончине последнего патриарха, он создал потешного патриарха, который по вторникам на первой неделе поста обязан был с своей свитою разъезжать, в шутовской процессии, верхом на волах и ослах, или сидя в санях, запряженных медведями, свиньями и козлами, нарочно для того приспособленными. Патриарху этому он придал титул князя-папы и назначил штат из двенадцати пьяниц-дворян, которых называли кардиналами. Эта новая коллегия получила особый забавный статут, где прежде всего требовалось, чтобы никто из ее членов не ложился спать, не напившись пьяным. Таким образом эксцентричность поведения князя-папы и всей его обстановки, выставляемая при всякого рода празднествах на показ народу, доставляя последнему случай позабавиться, приучала его, вместе с тем, и соединять с презрением к грязному разгулу презрение к предрассудкам.

Чтобы не пострадали достоинство и священные права религии, царь не ограничился тем, что провозгласил себя верховным главою церкви и в некоторых случаях исполнял обязанности, сопряженные с этим саном: он уважал и обряды своего вероисповедания. Так, например, он обыкновенно становился перед алтарем с непокрытой головою в ряды певчих; даже часто, обладая сильным голосом и верным слухом, сам принимал на себя управление их хором. Распоряжение, сделанное им в то же время о переводе Библии на русский язык, окончательно убедило, что он никогда не думал касаться самой религии, а имел в виду только чрезмерность богатства и власти духовенства, которое злоупотребляло как тем, так и другим. В известных случаях он оказывал даже нечто вроде уважения к духовной юрисдикции. Так, по его указу, приговор над епископом Досифеем состоялся тогда только, когда Синод лишил его духовного сана и отдал его в руки светского правосудия под именем Демида.

(Записки Бассевича).

---

205. Юности честное зерцало или показание къ житейскому обхождению,

собранное отъ разныхъ авторовъ.

1. Общія правила.

1. Впервыхъ наипаче всего должни дѣти Отца и Матерь въ великой чести содержать. И когда отъ родителей что имъ приказано бываетъ, всегда шляпу въ рукахъ держать, а предъ ними не вздѣвать, и возлѣ ихъ не садится, и прежде оныхъ не засѣдать, при нихъ въ окно всѣмъ тѣломъ не выглядывать, но все потаеннымъ образомъ съ великимъ почтеніемъ, не съ ними врядъ, но немного уступя позади оныхъ къ сторонѣ стоять, подобно яко нѣкъ нѣкоторый или слуга. Въ домѣ ничего своимъ имянемъ не повелѣвать, но имянемъ Отца или Матери; отъ челядинцевъ просительнымъ образомъ требовать, развѣ что у кого особливыя слуги, которыя самому ему подвержены бываютъ. Для того, что обычайно служители и челядинцы не двумъ господамъ и госпожамъ, но токмо одному господину охотно служатъ. А окромѣ того, часто происходятъ ссоры и великія между ими бываютъ отъ того мятежи въ домѣ, такъ что сами не опознаютъ, что кому дѣлать надлежитъ.

5. Не прилично имъ руками или ногами по столу вездѣ колобродить, но смирно ѣсти. А вилками и ножикомъ по тарелкамъ, по скатерти или по блюду не чертить, не колоть, и не стучать; но должни тихо и смирно прямо не избоченясь сидѣть.

6. Когда родители, или кто другій ихъ спросятъ (позовутъ), то должни они къ нимъ отозватца и отвѣчать тотъ часъ, какъ голосъ послышатъ. И потомъ сказать, что изволите государь Батюшка: или государыня Матушка, или что мнѣ прикажите государь; а не такъ, что, чего, што, как ты говоришь, чего хочешъ, и не дерзостно отвѣчать: да, такъ, и ниже вдругъ наотказъ молвить, нѣтъ, но сказать: такъ мой государь, слышу государь, я выразумѣлъ государь, учиню такъ, какъ вы государь приказали. А не смѣхомъ дѣлать яко бы ихъ презирая, и не слушая ихъ повелѣнія и словъ. Но исправно все, что имъ говорено бываетъ, а многажды назадъ не бѣгать, и прежняго паки вдругорядъ не спрашивать.

18. Младый шляхтичъ, или дворянинъ, ежели въ ексерциціи (въ обуніи) своей совершенъ, а наипаче въ языкахъ, въ конной ѣздѣ, танцованіи, въ шпажной битвѣ, и можетъ доброй разговоръ учинить, ктомужъ красноглаголивъ и въ книгахъ наученъ, оный можетъ съ такими досуги, прямымъ придворнымъ человѣкомъ быть.

22. Отрокъ долженъ быть весьма учтивъ и вѣжливъ как въ словахъ, такъ и въ дѣлахъ: на руку не дерзокъ и не драчливъ, также имѣетъ оной стрѣтившаго на три шага не дошедъ, и шляпу пріятнымъ образомъ снявъ, а не мимо прошедши, назадъ оглядываясь, поздравлять. Ибо вѣжливу быть на словахъ, а шляпу держать въ рукахъ неубыточно, а похвалы достойно и лучше, когда про кого говорятъ: онъ есть вѣжливъ, смиренный Кавалеръ и молодецъ, нежели когда скажутъ про котораго, онъ есть спѣсивый болванъ.

27. Младые отроки должни всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навыкнуть могли: а особливо когда имъ что тайное говорить случится, чтобъ слуги и служанки познаться не могли, и чтобъ можно ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать: ибо каждый купецъ, товаръ свой похваляя, продаетъ какъ можетъ.

55. Также когда въ бесѣдѣ, или въ компаніи случится въ кругу стоять: или сидя при столѣ, или между собою разговаривая, или съ кѣмъ танцуя, не надлежитъ никому неприличнымъ образомъ въ кругу плевать, но на сторону. А ежели въ каморѣ, гдѣ много людей, то пріими харкотины въ платокъ, а такъ не вѣжливымъ образомъ въ каморѣ, или въ церькви не мечи на полъ, чтобъ другимъ отъ того не згадить, или отъиди для того къ сторонѣ, дабы никто не видалъ, и подотри ногами такъ чисто, какъ можно.

59. Еще же зѣло не пристойно, когда кто платкомъ или перстомъ въ носу чиститъ, яко бы мазь какую мазалъ, а особливо при другихъ честныхъ людехъ.

2. Како младый отрокъ долженъ поступать, когда оный въ бесѣдѣ съ другими сидитъ.

Когда прилучится тебѣ съ другими за столомъ сидѣть, то содержи себя въ порядкѣ по сему правилу:

Въ-первыхъ, обрѣжь свои ногти, да не явится яко бы оныя бархатомъ обшиты. Умой руки и сяди благочинно, сиди прямо, и не хватай перьвой въ блюдо, не жри какъ свинія, и не дуй въ ушное, чтобъ вездѣ брызгало, не сопи, егда яси. Первой не піи, будь воздерженъ, и бѣгай піянства, піи и яждь сколько тебѣ потребно, въ блюдѣ будь послѣдній. Когда что тебѣ предложатъ, то возми часть изъ того, прочее отдай другому, и возблагодари ему. Руки твои да не лежатъ долго на талеркѣ, ногами вездѣ не мотай, когда тебѣ пить, не утирай губъ рукою, но полотенцомъ, и не пій пока еще пищи не проглотилъ. Не облизывай перстовъ, и не грызи костей, но обрѣжь ножемъ. Зубовъ ножемъ не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой ротъ, когда зубы чистишъ, хлѣба приложа къ грудямъ не рѣжъ, ѣшъ что предъ тобою лежитъ, а индѣ не хватай. Ежели предъ кого положитъ хощешъ, не примай перстами, какъ нѣкоторые пароды нынѣ обыкли. Надъ ѣствою не чавкай, какъ свинія, и головы не чеши, не проглотя куска не говори, ибо такъ дѣлаютъ крестьяне. Часто чихать, сморкать, и каплять непригоже. Когда яси яицо, не отрѣжъ на предъ хлѣба, и смотри чтобъ притомъ не вытекло, и яждь скоро, яишной скорлупы не разбивай, и пока яси яицо, не пій между тѣмъ, не замарай скатерти, и не облизывай перстовъ. Около своей талерки не дѣлай забора изъ костей, корокъ хлѣба и прочаго. Когда перестанешь ясти, возблагодари Бога, умой руки и лице, и вышолощи ротъ.

(Юности честное зерцало, изд. 1745 г., с. 21—52).

206. Изъ пьесы „Честный измѣнникъ, или Фридерихъ фонъ Поплей и Алонзія супруга его, комедія“.

Объясненіе въ любви.

Маркизъ. Сердце мое полно есть помѣшательства.

Алонзія. Душа моя полна есть горькихъ радостей.

Маркизъ. О, любовь моя, что со мною чинить хощешь?

Алонзія. О, честь, что изъ меня учинити хощешь?

Маркизъ. Хочу любити и терпѣти.

Алонзія. Хочу вздыхати и молчати.

Маркизъ. О, любовь!

Алонзія. О, честь!

Маркизъ. О, вы, измѣнничьи очеса!

Алонзія. О, вы, невѣрныя мои звѣзды...

Маркизъ. Отвратитесь отъ сего солнца...

Алонзія. Снимите съ меня ваше обвязательство.

Маркизъ. Ахъ, я состражду съ вами.

Алонзія. Ахъ, я умиленіе имѣю надъ вами.

Маркизъ. Разсудите прекрасное твореніе на семъ свѣтѣ.

Алонзія. Удивляйтеся токмо совершеннѣйшему кавалеру сего времени.

Маркизъ. Азъ желаю къ вамъ приближитися.

Алонзія. Азъ желаю съ вами разговоритися.

Маркизъ. Услышали бъ вы мое томленіе!

Алонзія. Услышали бы вы мое мученіе!

Маркизъ. Милостивая арцугиня, многая имѣлъ бы вамъ сказать, но нынѣ больше того не могу, токмо, что я называюсь вашимъ слугою.

Алонзия. Господине маркизе, многобъ и мнѣ съ вами говорити, но нынѣ довольно, что рабынею вашею называюсь.

Маркизъ. Прости, прекрасная Арцугиня.

Алонзія. Прости, господине маркизе.

Маркизъ. Прошу изволь выразумѣть.

Алонзія. Прошу, изволь выслушать.

Маркизъ. Что вы изволите?

Алонзія. Что вы говорить хощете?

Маркизъ. Я ничего.

Алонзія. И я ничего.

(П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, с. 463—4)

207. Ѳеофан Прокопович.

Правда воли монаршей.

....Приступимъ еще ближше к престолу Царскому, и вопросимъ, что значитъ оная славная Царей тітла, ВЕЛИЧЕСТВО, или, якоже прочіи европейскіе народы, съ латінска нарицаютъ МАЕСТАТЪ, или МАЕСТЕТЪ? Нарѣчіе сіе просто, само собою в употребленіи грамматіческомъ, значитъ всякое вещи единой пред другими превозходство, хотя рѣчь есть о словесныхъ животныхъ, хотя о безсловесныхъ, и о не живущихъ. Но не в семъ тако пространномъ разумѣ, разсуждаемъ здѣ ВЕЛИЧЕСТВО, но токмо въ разумѣ філософіи политіческой. Но и в той еще філософіи, двойственный разумъ обрѣтается имени сего ВЕЛИЧЕСТВО. Иногда бо свободнѣйшимъ употребленіемъ пріемлется за превозходную, но не за верховную честь, коего либо честнаго лица: обрѣтаются таковаго употребленія имени сего примѣры, хотя не многія у нѣкіихъ древнихъ римскихъ писателей, но обще у всѣхъ народовъ, какъ славенскихъ, такъ и прочіихъ сіе нарѣчіе МАЕСТЕТЪ, или ВЕЛИЧЕСТВО, употребляется за самую крайнѣ превосходную честь, и единым токмо верховнымъ властемъ подается, и значитъ не токмо достоинство ихъ превысокое, и котораго, по Бозѣ, болшаго нѣтъ въ мірѣ, но и власть законодателную крайнѣ дѣйствителную, крайный судъ износящую, повелѣніе неотрицаемое издающую, а самую ни каковымъ же закономъ не подлежащую. Тако изряднѣйшіи законоучители описуютъ ВЕЛИЧЕСТВО: между которыми Гугонъ Грецій имянно такъ глаголетъ: высочайшая власть (Величество нарицаемая) есть, которой дѣянія ни чіей же власти не подлежатъ, такъ да бы могли уничтоженная быти изволеніемъ другаго человѣка, когда же, глаголю, другаго, иземлю самого его кто такую власть высочайшую имѣетъ, ему бо волю свою перемѣнити мощно...

Всѣмъ извѣстно, что не единъ по всемъ мірѣ образъ есть высочайшаго правителства: Но индѣ главные всего отечества дѣла управляются согласіемъ всѣхъ жителей, яковое правителство было прежде у многихъ народовъ Еллинскихъ, и долго пребывало у римлян. А в наша времена есть такое правителство, в Венеціи, Голландіи, и въ Полщи: и сіе нарицается Димократіа, то есть Народодержавство.

Индѣ же не всего народа, но и не единаго лица волею, по нѣсколко избранныхъ мужей сословіемъ правится отечество, яковый правленія образъ былъ въ Римѣ при десяти правителѣхъ не долгое время: и сіе правителство нарицается Арістократіа.

Индѣ же вся держава в рукахъ единаго лица держится: и сія именуется Монархіа, то есть Самодержавство.

Но и сверхъ сихъ образов правленія, бываютъ правителства отличные от всѣх сихъ именованных, которые с сихъ же троихъ или двоихъ, аки бы смѣшенный составъ свой имѣютъ.

Еще Монархіа двойственнаго вида есть: Въ иной бо Монархіи не наслѣдный скипетръ содержится, но по смерти Монарха единаго, избираетъ народъ Монарха по согласію своему, не смотря на дѣти Монарха умершаго. Таковая аки бы была Монархіа Римская от Кесаря Іуліа до Константіна Палеолога: и нынѣ Монархіа Германоримская аки бы таковая.

Иная же Монархіа наслѣдная есть, въ которой по отцѣ сынъ, или по братѣ братъ, иногда же по отцѣ и дщерь царствуетъ. И тако въ одномъ дому содержится Скипетръ, из рукъ въ руки до сыновъ и внуковъ переходитъ, и развѣ пресѣчется линія крови Самодержавной, в то время народа согласіемъ Монархъ новый избирается. Таковые Монархіи многіе прежде были, и нынѣ суть, между которыми есть сія, преславно нынѣ процвѣтшая Монархіа Всероссійская.

От сего же правителствъ разнообразія, показуется ясно, что всякій правленія образъ, и сама наслѣдная Монархіа, имѣетъ начало от перваго в семъ или ономъ народѣ согласія, всегда и вездѣ по волѣ своей, премудро дѣйствующу смотренію Божію. Сіе же глаголемъ о честномъ и правилномъ началѣ Монархіи, не воспоминая здѣ Монархій оныхъ, которые начало приняли от нѣкоего превозмогающаго въ народѣ человѣка, насилствіемъ народъ себѣ покорившаго, яковое начало имѣла Монархіа Ассірійская от Немрода, хотя и в таковыхъ Монархіахъ, когда уже народъ непрекословно, безмятежно, еще же и доброхотно повиноватися Самодержцу своему приобыклъ: разумѣти подобаетъ, что домъ Монаршій, не к тому насилствіемъ своимъ похищенное, но всенародною волею отданное себѣ скипетро держитъ; самъ бо народъ доброхотнымъ своимъ повиновеніемъ являетъ на тое преклоненную волю свою.

Еще же разсудити подобаетъ, каковая воля народная в началѣ Монархіи избирателной разумѣется, и какова въ началѣ Монархіи наслѣдной: от таковыхъ бо воли народной толковъ прямыхъ, и истинныхъ, много свѣта получимъ, и о свободной, или не свободной воли Монарховъ в опредѣленіи наслѣдниковъ своихъ.

Не мощно же инако толковать народной воли, толко от самого вида и образа монархіи, какова бо гдѣ Монархіа есть, таковую и волю народную въ началѣ тоя Монархіи бывшую разумѣти подобаетъ.

Тако в началѣ монархіи избирателной, какова была воля народная сими словесы изобразити можемъ: Согласно вси хощемъ, глаголетъ народъ къ Монарху первому, да ты владѣеши нами въ общей пользѣ нашей, дондеже живъ пребываеши, и мы вси совлекаемся воли нашей, и тебѣ повинуемся, не оставляюще намъ себѣ самимъ ни какой свободности к общим опредѣленіямъ, но токмо до смерти твоей, по твоей же смерти будетъ пакы при насъ воля наша, кому высочайшую над нами власть отдати, по усмотреніи достоинства, и по нашемъ согласіи.

Въ монархіи же наслѣдной, таковая была к первому Монарху воля народная, аще и не словомъ, но дѣломъ изявленная. Согласно вси хощемъ, да ты къ общей нашей пользѣ, владѣеши над нами вѣчно, то есть, понеже смертенъ еси, то да по тебѣ, ты же самъ впредь да оставляеши, намъ наслѣднаго владѣтеля: мы же единожды воли нашей совлекшеся, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей употребляти будемъ, но какъ тебѣ, такъ и наслѣдником твоимъ по тебѣ повиноватися клятвенным обѣщаніемъ одолжаемся, и наших по насъ наслѣдниковъ тымжде долженствомъ обязуемъ. Таковый же толкъ воли народной в наслѣдуемой Монархіи, не токмо от вида самой Монархіи утверждается...—но и по тому извѣстенъ есть, что когда народъ Монархомъ наслѣдным клятву свою, для нѣкоей важной вины, обновляетъ, не иныхъ употребляетъ словъ, только вышеположенныхъ или имъ подобныхъ и равносилных к избавленію клятвеннаго своего обѣщанія. Вѣдати же подобаетъ, что народная воля, какъ въ избирателной, такъ и въ наслѣдной Монархіи, и въ протчихъ правителства образѣхъ, бываетъ не без собственнаго смотрѣнія Божія...—но Божіимъ мановеніемъ движима дѣйствуетъ, понеже ясно учитъ священное писаніе, якоже

выше сего довольно мы видѣли, что нѣсть власть аще не от Бога. И того ради вся долженства, какъ подданныхъ к Государю своему, такъ и Государя къ добру общему подданныхъ своихъ, не от единой воли народной, но и от воли Божіей происходятъ...

Что бо здѣ вопреки намъ речетъ? не оный ли безумный упрямымъ и безотвѣтным обычный отвѣтъ: Дѣло новое: о студнаго и окаяннаго суесловія! Аще бы и новое се дѣло, что же самая новость вредитъ? вещи новыя, якоже и ветхія, ни от доброты, ниже от худости своея, но токмо от времене нарицаются: зло, и старое зло есть, добро, и новое добро есть. Еще же и сіе внуши и разсуди всякъ, что нѣкія вещи за самую ветхость похвалы своея лишаются: новость же сама собою ничего отнюдь не порочитъ. И есть ли бы за самую новость охуждати подобало, то ничтоже останется, чего бы уничтожити и безчестити не подобало: все бо, что ни есть старое, было иногда новое, поищи коея либо вещи старыя, и предревнія начала, в началѣ своемъ была она новая...

Развѣ бы еще сказалъ кто: что дѣло сіе у насъ не бывало,—хотя бы и не бывало, что противно? бывало у Персидовъ, у Египтянъ, у Грековъ, у Римлянъ, у Парфянъ, у Испановъ, Германовъ и прочіихъ, и что болше всего, у Израилтянъ, и Христіанъ, въ восточной и западной Имперіи. Что же, хотя бы у насъ и не бывало, естьли доброе и полезное есть, якоже есть. Бѣдни мы были, естьли не было у насъ, а благополучни, что и у насъ настало. Первѣе, явилося огненное оружіе, у прочіихъ народовъ, нежели у насъ: но естьли бы и къ намъ опое доселѣ не пришло, что бы была, гдѣ бы уже была Россіа? тожде разумѣй и о книжной Тіпографіи, о Архітектурѣ, о прочіихъ честныхъ ученіяхъ. Разумный есть и человѣкъ и народъ, который не стыдится перенимати доброе, от другихъ и чуждыхъ: безумный же и смѣха достойный, который своего и худаго отстати, чуждаго же и добраго приняти не хощетъ, достоинъ таковый сего сужденія, что хотя бы и за премногія, и великія службы своя искалъ себѣ повышенія чести, то отогнати его таковымъ отвѣтомъ: у тебе таковая честь не бывала. Но что не бывало, и настало, то развѣ новостію опорочитися можетъ: да какъ праведно, уже выше мы показали...

(Ф. Прокопович. Правда воли монаршей. Изд. XVIII в., с. 15—43.)

XXXIX. Петербург.

208. Петербург в 1710—11 годах (с немецкого).

Описание ингерманландской стороны города.

По ту сторону реки, насупротив крепости, расположена Немецкая слобода, называемая иначе Адмиралтейским островом, где в мое время жили преимущественно Немцы и Голландцы, служащие во флоте, и иностранные посланники, а также и многие из русских.

По набережной этой стороны, начинающейся вниз от Ладожского озера, идет длинный ряд, на расстоянии около полумили, домов, которые все, за очень немногими изъятиями, выстроены на местный лад. Вверх по реке находится несколько кирпичных заводов и русских домов, за которыми в летнее время, и особенно когда царь живет здесь, стоит лагерем часть войск; потом в Неву впадает небольшая речка или канава. Вплоть у этой речки—царская резиденция, то-есть небольшой домик в саду, голландского фасона, пестро раскрашенный, с золочеными оконными рамами и свинцовыми орнаментами. Возле—небольшой птичник, в котором щебечут разного рода пташки.

Далее изрядная беседка из плетня, и близ нее большой дом для придворной прислуги, а также походная кухня его величества. Сзади, в саду же, другой большой дом с фонтанным снарядом, приводимым в движение посредством большого колеса, а подле небольшой зверинец, в котором находятся цапли, журавли, широконоски и тому подобная птица. За фонтанным снарядом еще дом для остальной прислуги и караульня, в которой впрочем стоит малочисленный пикет. Наконец, следует круглая оранжерея, с разными небольшими при ней строениями.

Сад сам по себе довольно велик и хорошо разбит, но я не нашел в нем ничего особенно примечательного, за исключением нескольких мраморных статуй и бюстов, из которых в особенности хороши изображающие короля польского Иоанна Собиеского и его супругу, также королеву Христину Шведскую и других.

По середине сада большой выложенный плитою водоем и, в центре его, грот, из которого бьет фонтан. В оранжерее выставлено несколько померанцевых, лимонных и лавровых деревьев, также гвоздичных кустов и пр., что все, как говорят, привезено из Польши.

Садовниками были в мое время при саде немец, а при оранжерее голландец.

За садом большой дом с двором, где собственно магазин или запасная кладовая всяких припасов для царской кухни. Возле обширный огород, за которым присматривает швед, очень хорошо его устроивший и содержащий. Вокруг видны еще следы укрепления, возведенного при подступлении в 1708 году шведского генерала Любекера, про которого я не раз слышал от лиц, заслуживающих полное доверие, что если бы он разумно и своевременно взялся за свое дело, то мог бы не только сжечь весь город, но и овладеть крепостью, или даже совсем ее разрушить.

Отсюда путь лежит к набережной слободе, которая отстоит от царского сада в нескольких стах шагах и отделяется от него лугом или поляною. В начале, насупротив крепости, деревянный двух-этажный питейный дом с двумя идущими вокруг галлереями. Издали это здание имеет красивый вид; но в мое время всего меньше можно было допроситься в нем вина, хотя царь иногда устраивает там ассамблеи, или пиршества, и, например, летом 1710 года праздновал тут свои имянины и годовщину полтавской победы. На верхней галлерее играет по временам, в полдень, по примеру немецких имперских городов, хор из 12-ти обученных немецких трубачей и литаврщиков.

От этого здания идут все деревянные дома, выстроенные на русский образец; между ними, в той же улице находится маленький домик голландской архитектуры, в котором его величество живет зимою.

Несколько далее живет, в той же улице, вице-адмирал, его превосходительство господин Корнелис Крюйс, родом голландец, или, по крайней мере, воспитанный в Голландии. Он занимает обширный дом, и у него же во дворе находится реформатская церковь, которой приход наиболее состоит из служащих во флоте и некоторых других, водворившихся в С.-Петербурге, или временно там пребывающих немцев. За неимением при этой церкви колоколов, время богослужения возвещается поднятием, на углу двора, выходящем к набережной, присвоенного г. вице-адмиралу флага, на котором изображен голубой крест в белом поле.....

После жилища вице-адмирала следует красивый дом одного греческого или итальянского богатого купца, выстроенный на итальянский манер, однако деревянный.

Возле живет генерал-адмирал, его превосходительство граф Апраксин, из русских, в собственном, в немецком вкусе построенном, большом и хорошем, но тоже деревянном доме. По соседству с ним — адмиралтейств-советник Кикин, равномерно из русских, у которого также большой двор. Далее находится морской арсенал, или адмиралтейство, обширное четыреугольное здание, окруженное рвом и валом, вооруженным пушками большого калибра; четверо крестообразно расположенных ворот ведут в это здание. Здесь строятся и оснащиваются все большие суда и припасены в значительном количестве нужные для того материалы.

Рядом с адмиралтейством маленькая русская церковь, или часовня, а возле кабак (кабаками называют царские питейные дома). Близ него большой канатный двор, в несколько сот шагов длины, на котором изготовляются якорные и мачтовые канаты и все необходимое для корабельной оснастки. Еще дальше—русские дома, занимаемые корабельными и шлюпочными матросами, и напоследок, на оконечности острова, срытый шканец.

За описанными домами на большом пространстве, омываемом маленькою речкою, есть еще много других; но все они построены на русский лад. Немцы и голландцы живут здесь по правую, а русские, для которых тут устроен и особый рынок,—по левую руку. Заметить надо, что при всех домах, и по сю и по ту сторону реки, имеются свои дворы и огороды, потому что здесь на место полное раздол.

Насупротив сказанного острова, позади крепости, находится еще другой, по имени Васильев-

ский, где имеет свою резиденцию князь Меншиков. Дом его двух-этажный с флигелями, выстроенный по образцу итальянских и очень красивый, обошелся не дешево, но к сожалению и он тоже не каменный, а деревянный. Перед домом вырыт, сквозь сад, канал, в который вода проведена из Невы, так что его светлость может прямо из дверей садиться в шлюпку. Лицом к реке недавно начат строением каменный дом и тут еще несколько других домов, а равно и кухня его светлости. За дворцом же его находится большой сад с огородом, который, однако, далеко еще не устроен. Садовником при нем немец.

На стрелке Васильевского острова, против крепости, сверх нескольких маленьких домов, три прекрасные, новопостроенные голландские ветреные мельницы, преимущественно для пилки бревен и досок.

На всем остальном пространстве этот остров, имеющий до двух миль протяжения, еще покрыт кустарником, наиболее олешником, между которым пасутся коровы, лошади и мелкий скот, а иногда попадаются также и олени...

(Рѣч. Старина, 1882, т. 36, стр.42—48).

---

209. Петербург в 1720 г.

(По запискам члена польского посольства)

Кто бы захотел описать Петербург как следует, тот должен бы быть там до его основания и видеть, что прежде было на том месте, где теперь выстроен большой каменный город. По нем протекает широкая и глубокая река Нева, с своими рукавами. Город прорезывают широкие каналы, по берегам которых он равномерно расположился.

На этом месте, как я узнал, некогда было 15 лачужек, в которых жили шведские рыбаки. После занятия этой местности Москвою, деревенька сожжена, и царь приказал на этом месте построить маленький домик о двух комнатах, в которых сам жил. Этот домик стоит и теперь, покрытый черепицей, но без окон. Для лучшего сохранения, он обнесен забором. Находится он на берегу реки, между Сенатом и дворцом Гагарина. Живя в нем, царь начертал план города, измерил берега реки, ее рукава и каналы. Город этот уже теперь велик, и если царь еще поживет, то сделает из него громадину. По другой стороне реки, на пути к монастырю, была крепостца, где останавливались суда, шедшие в море из Москвы через Ладогу. Крепостца эта теперь уничтожена, а на ее месте построены избушки средней руки и ветреные мельницы. Теперь здесь многие строятся...

Около Петербурга царь укрепил берега реки, устроил плотины и шлюзы, прорыл каналы для того, чтобы лишняя вода, нагоняемая бурею с моря, нашла куда расходиться:—если бы этого не было, водны залили бы строения. Шлюзы сверху покрыты досками, так что по ним можно ездить на лошади. Чем ближе к морю, тем более широким руслом течет Нева и разделяется на несколько рукавов, которые расходятся в разные стороны. По берегам этих рукавов вколачивают теперь сваи, в иных местах берега ровняют; чтобы могли подходить суда, расширяют, поднимают и углубляют дно, где понадобится.

Город этот раскинут на громадное пространство, где всякий сенатор, министр и боярин должен иметь дворец; иному пришлось выстроить и три, когда приказали. Счастлив был тот, кому отведено сухое место; но кому попалось болото и топь, тот порядком нагрел себе лоб, пока установил фундамент, вырыл лес, так как чем ближе к морю, тем почва низменнее и более болотиста. Еще и теперь, хотя дома и отстроены, но они трясутся, когда около них проезжает экипаж, а это—вследствие непрочного фундамента. Эта часть имеет уже вид города: есть там дома, шлюзы и громадные строения с флигелями и всеми удобствами. Далее по направлению к Кронштадту немало еще места, где уже начинают строить, и где уже поселилось несколько тысяч мещан у самого моря.

Есть здесь церкви, коллегии, дворцы и так называемые лавки, где можно все получить—это четыреугольное строение, в котором как по одну, так и по другую стороны живут купцы. Дворцы—громадные каменные, с флигелями, кухнями и удобствами; только они наскоро построены, так что при малейшем ветре валятся черепицы; должно быть, худой материал, или построены зимою, так как здесь лето не продолжительно. Еще половина этого города не выстроена.

На этой стороне Невы, по берегам реки расположены дома, тянущиеся до царских дворцов, которых три: два летних и один зимний. Сады

красивы. Я слыхал от самого царя, который сказал нам: «Если проживу три года, буду иметь сад лучше, чем в Версале у французского короля». И в самом деле, сюда привезена морем из Венеции, Италии, Англии и Голландии масса мраморных статуй, колонн; даже целая беседка, из алебастра и мрамора, привезена из Венеции для сада, расположенного у самой реки, между каналами. Здесь множество замечательных вещей, беседок, галлерей, насосов и удивительно красивых деревьев. Со стороны реки около сада подведена каменная стена; к реке ведут галлереи, где можно сесть на ботик, галеру, яхту или буер, чтобы ехать на море или гулять по каналам и большой широкой реке. На реке находится остров, на котором строят дома, куда переведут Анатомию (Кунсткамеру). Анатомию опишу ниже...

14-го июня (1720 г.) пригласили нас в адмиралтейство, где нас ожидал царь. Пройдя мост на канале и ворота, мы вошли через сени в громадное помещение, где строятся корабли. Осматривали мы нововыстроенный большой красивый корабль, который в будущее воскресенье будут спускать; отправились мы в кузницу, выстроенную в углу. В этой кузнице было 15 горнов, и при каждом работало 15 кузнецов с мастером. Пять человек делали брусы для кораблей; кроме обыкновенных кузнечных мехов были и такие, в которые дуют медными и железными трубами.

Оттуда мы прошли через другой канал к большому трехъэтажному дому, выстроенному в виде треугольника на прусский манер. Царь ходил с нами по разным магазинам, находящимся в этом здании; мы осматривали все корабельные принадлежности:—были там канаты навосченые, насмоленые, намазанные разным жиром; некоторые были толщиною в половину человека, и всего этого в 15 избах было так много, что не собрать на 500 возов; гвозди для прибивки досок лежали по углам большими кучами, а также якоря, топоры (багры) с длинными рукоятками для задерживания корабля и придвигания одного к другому; далее топоры другого рода для работы, лопаты, молоты, буравы, долота большие и малые, несколько тысяч фонарей, из которых некоторые были так громадны, что в них покойно можно было сидеть; кожи для тушения вброшенных бомб, юфть, беленые и небеленые полотна, холст, приготовленный для парусов. Жир был собран в больших чанах, бочках и фудерах. Также полно было всего и в других кладовых, в которых сложены охотничьи ружья, карабины, петарды, пистолеты, штыки, кортики, шпаги, портупеи, летние и зимние рукавицы, большая масса башмаков, сапог, туфель, бесчисленное множество полотняных и шерстяных шаровар для матросов. Несколько палат завалены были большим количеством тяжелого, как олово, дерева, привезенного из Остъ-Индии. Царь говорил, что если бы у бояр (его) было столько дерева, то ему хватило бы на два года. Это дерево употребляют для выделки колес, вращающих канаты, так как канат вращается на этом дереве с такою же легкостью, как по металлу; если же употребляют для этих колес железо, то оно должно быть закаленным, так как в противном случае оно распадется, как точильный камень. Кроме того, там лежало несколько сот оловянных корабельных подсвечников, ведер, рогож еще более, множество решет, сит для муки, мисок, из которых одной достаточно для семи солдат; щипцов, сальных и восковых свеч. В нескольких избах сложены были в сундуках и развешены по стенам корзины, железо, железные кольца разные ядра в громадных чанах; чаны эти в виде длинных скамеек из листовой латуни, раздвоенные по бокам, с приделанными трубами, в которые опускается ядро, и уже само идет на корабль. Все ядра взвешены, и на них весьма аккуратно отмечен вес, в чем нас убедили произведенные опыты. Две другие комнаты были наполнены медью, взятою у шведов, и царь сказал послу, что шведы к нему пожаловали. Перед этими зданиями стоят большие ящики, в которых много зарядов, гранат, железных ядер; в других местах масса разноцветной материи для хоругвей, значков, корабельных флагов и т. п. Краска была собрана в большом количестве бочек, а именно: лазуревая, красная и разные другие, которые добывают здесь в Ингрии. В третьем этаже было приготовлено на восемьдесят тысяч рублей парусов. Не всякий этому поверит, но мы видели это своими глазами.

Затем мы отправились в галлерею, находящуюся в среднем этаже, где адмирал Апраксин,—а это было в пятницу,—подчивал нас одними корабельными блюдами, т.-е. копченой говядиной, сосисками, окороками, языками, морскими рыбами, а также маслом, сыром, селедками, вареньем, солеными устрицами, лимонами, слад-

кими апельсинами, сухарями, осетрами; было несколько блюд раков, но мелкие. Давали пиво и полиньо холодное, так как здесь всюду много льда; на башне в это время играла музыка.

Дня 10-го июля. Накануне царских именин нас пригласили явиться с послом на следующий день в 11 часов. Посол отправил свой оркестр к капуцинам, недавно выписанным из Италии для миссии вместе с двумя поляками реформатами, и то на то место, где прежде были иезуиты. Так как было несколько священников и один алтарь, то иезуиты отслужили обедню у посла. Затем отправились кареты сушею, а мы с послом на барке к капуцинам, так как царь находился еще в церкви св. Троицы. Там мы ожидали, пока не был дан пушечный сигнал.

Когда мы ехали во дворец, стреляли на галерах. Полки Преображенский и Семеновский, выстроенные в каре́ перед садом, стреляли подобно тому, как во время празднования Полтавской победы. Посол поздравлял царя; потом сели за стол. Во время тостов производились залпы из пушек. В три часа вышли мы в Италианский сад. Наши столы были заставлены вином, пивом, водкою и табаком; кто хотел—гулял, кто хотел—пил. Царь повел посла в свой дворец, весьма красиво убранный китайскими обоями. В трех комнатах были бархатные кровати, украшенные позументами соответственно убранству комнаты. Множество зеркал и украшений; пол мраморный. У комнат кухня, стены которой покрыты фартуками, как комнаты в иных дворцах. Были в ней насосы, шкафы для серебра и олова. Одна комната на противоположной стороне была наполнена токарными и слесарными инструментами—валами, тисками большими и малыми. Там можно было найти все инструменты, необходимые для самых лучших ремесл. Тогда какой-то мальчик делал табакерку из слоновой кости. Показывал царь в церкви люстру на девять свеч из слоновой кости, висящую у великого алтаря, которую царь сделал своею рукою. Всякий должен был признать достоинство работы не только люстры, но также кораблей и судов нового устройства; удивляются даже и те, которые хорошо сведущи в этом. Этот властелин умеет приказать каждому ремесленнику, а это самое важное достоинство строителя. В этом монархе все заключается.

Когда мы после ходили по саду, то с послом повстречались люди, разносившие водку ушатами; пришлось волей-неволей выпить, а вместе с ним и нам. Множество там было людей в этот день царского ангела, так как всякий мог притти, пить и гулять. В иных местах простых людей не впускали. Таким образом мы забавлялись до 11 часов ночи, а хотя это позднее время и обыкновенно самое темное, но там так еще было светло, что можно было читать и писать.

После 11-ти начался фейерверк, сначала на воде, где на речном судне поставлен был транспарант с русскою надписью: «хотя в меня со всех сторон бьют, однако я возвышаюсь», по бокам горели раковые (rakowe) фигуры, пока не выгорели. Затем пускали ракеты: одни стреляли в воздухе, из иных вылетали звезды, иные же, падая в воду, загорались с великим треском и шумом. Огни эти продолжались до часу ночи.

К царице подошли два кавалера с одним юношею,—с прошением. Царица передала его секретарю и обещала все сделать. На этот день царь велел выпустить из тюрьмы многих преступников, многим офицерам дал высшие почести. Поднесли царю в этот день шесть молодых диких уток и двух гусей, которых царь собственноручно пустил на воду.

(Рус. Старина, 1879 г., № 6, с. 265—283).

---

210. Дневник Берхгольца.

1. Петербург

Июнь. Около вечера прибыли мы благополучно в Петербург, который со времени моего отъезда оттуда так изменился, что я вовсе не узнавал его. С самого начала мы въехали в длинную и широкую аллею, вымощенную камнем и, по справедливости, названную проспектом, потому что конца ее почти не видно. Она проложена только за несколько лет и исключительно руками пленных шведов. Несмотря на то, что деревья, посаженные по обеим ее сторонам в три или четыре ряда, еще не велики, она необыкновенно красива по своему огромному протяжению и чистоте, в которой ее содержат (пленные шведы должны каждую субботу чистить ее), и делает чудесный вид, какого я нигде не встречал. На Адмиралтействе, красивом и огромном здании, устроен прекрасный и довольно высокий шпиц, который выходит прямо против проспекта. Миновав эту аллею, я проехал через подъемный

мост, по левую сторону которого стоит новая Биржа, четыреугольный и также очень красивый дом...

2. Летний Сад.

Июль. 9-го, герцог, покушав в 4 часа, ходил в царский Летний Сад, находящийся прямо против дома, занимаемого его высочеством...—Сад этот имеет продолговатую форму; с восточной стороны к нему примыкает летний дворец царя, с южной—оранжереи, с западной—большой красивый луг (на котором при всех празднествах обыкновенно стоит в строю гвардия), а с северной он омывается Невою, в этом месте довольно широкою.

Рассмотрю по порядку все, что там есть замечательного. С северной стороны, у воды, стоят три длинные открытые галлереи, из которых длиннейшая средняя, где всегда при больших торжествах, пока еще не начались танцы, ставится стол со сластями (mit confect). В обеих других помещаются только столы с холодным кушаньем, за которые обыкновенно садятся офицеры гвардии. В средней галлерее находится мраморная статуя Венеры, которою царь до того дорожит, что приказывает ставить к ней для охранения часового. Она в самом деле превосходна, хотя и попорчена немного от долгого лежания в земле. Против этой галлереи—аллея, самая широкая во всем саду: в ней устроены красивые фонтаны, бьющие довольно высоко. Вода для них проводится в бассейны из капала, с помощью большой колесной машины, от чего в ней никогда не может быть недостатка. У первого фонтана место, где обыкновенно царица бывает с своими дамами, а далее, у другого, стоят три или четыре стола, за которыми пьют и курят табак, это—место царя. Вправо от этой круглой и разделенной четырьмя аллеями площадки, с одной стороны, стоит прекрасная статуя с покрытым лицем, у подножия которой течет, или, лучше сказать, бьет вода со всех концов, а с другой —находится большой птичник, где многие птицы частию свободно расхаживают, частию заперты в размещенных вокруг него небольших клетках. Там есть орлы, черные аисты, журавли и многие другие редкие птицы. Тут же содержатся, впрочем, и некоторые четвероногие животные, как, напр., очень большой еж, имеющий множество черных и белых игл до 11 дюймов длиною. В день празднования полтавского сражения царь, показывая этого ежа его высочеству, приказал вынуть несколько таких игл, которые уже слабо держались. Из них одну я сберег для себя. Кроме того, там есть еще синяя лисица, несколько соболей и проч. В высоком домике с восточной стороны множество прекрасных и редких голубей. На другой стороне фонтана, против упомянутой статуи, устроена в куще деревьев небольшая беседка, окруженная со всех сторон водою, где обыкновенно проводит время царь, когда желает быть один, или когда хочет кого-нибудь хорошенько напоить, потому что уйти оттуда нет никакой возможности, как скоро отчалит стоящий вблизи ботик, на котором переправляются к беседке. На воде плавает здесь большое количество самых редких уток и гусей, которые до того ручны, что позволяют кормить себя из рук. По берегу, вокруг, расставлены маленькие домики, где они, вероятно, запираются на ночь. Здесь же красуется вполне снаряженный кораблик, на котором иногда потешается карло царя. Против большого птичника устроен еще, в виде водопада, красиво вызолоченный мраморный фонтан, украшенный многими позолоченными сосудами. Это место (где находится также и оранжерея) бесспорно одно из лучших в саду; все оно обсажено кустарником и окружено решеткою, которая запирается. Далее отсюда вправо стоит большая, сплетенная из стальной проволоки, клетка с круглым верхом, наполненная всякого рода маленькими птицами, которые целыми группами летают и садятся на посаженные внутри ее деревца. Еще далее, налево, строится новый грот, который снаружи уже почти совсем готов, но внутри не сделано еще и половины того, что предположено сделать. Он будет очень красив и великолепен, потому что для покрытия его стен и потолка назначается бесчисленное множество разных превосходных раковин, приобретение которых стоило больших издержек. Кроме того, в этом саду находится приятная рощица, о которой я уже прежде не раз говорил, и устроено еще несколько фонтанов; одним словом, там есть все, чего только можно желать для увеселительного сада. Особенно украшают его драгоценные мраморные фонтаны и находящаяся между ними статуя Венеры, которой будто бы 2000 лет и которая, как говорят, куплена у папы за 3000 скуди и подарена царю.

3. Панорама Петербурга

Август. 7-го, в 12 часов утра, все мы, оставшиеся дома, целым обществом всходили на колокольню в крепости, чтобы послушать игру курантов, положенную в это время, и посмотреть на панораму Петербурга. Колокольня эта самая высокая в городе...

Когда мы взошли на самый верх, под колокола, музыкант дал нам большую зрительную трубку, с помощию которой можно было видеть оттуда Петергоф, Кронслот и Ораниенбаум. Петербург имеет вид овала и занимает огромное пространство. Во многих местах он еще не плотно застроен; но эти промежутки не замедлят пополниться, если царь еще долго будет жив.

Крепость С.-Петербург, где находится колокольня, построена у самой Невы и имеет несколько толстых и высоких каменных бастионов, уставленных большим числом пушек. Говорят, что сооружение ее, которым очень спешили, стоило множества народа, что, при тогдашней необыкновенной дороговизне съестных припасов и недостатке в одежде, люди, как мухи, умирали от голода и холода, и там же хоронились. Со стороны твердой земли она не так красива и далеко не так укреплена, как со стороны реки, потому что обнесена только валом и рвом; однакож защищаться может довольно долго. Она есть в то же время род Парижской Бастилии; в ней содержатся все государственные преступники и нередко исполняются тайные пытки. Многие пленные шведские офицеры содержались там в казармах, находящихся под валом. Покойный царевич, впавший в немилость у государя и судебным порядком приговоренный к смерти, под конец также заключен был в эту крепость и в ней умер. Она имеет своего особенного коменданта, и туда ежедневно назначается большой караул от здешних полков.

Васильевский Остров, где находится дом князя Меншикова и выстроено уже много других больших зданий, составит собственно город и, как говорят, со временем будет укреплен. Он очень обширен, но застроен только по берегу и опоясывается Невою, которая перед крепостью разделяется на два рукава. Вся левая сторона реки, где стоит крепость, составляет одну сплошную массу, так что там можно пройти сухим путем от одного конца до другого. Но город по правую сторону реки, где Адмиралтейство, прорезан многими каналами, через которые наведены мосты... С колокольни еще прекрасный вид на совершенно прямую аллею. В крепости ежедневно в полдень играют гобоисты, а на башне Адмиралтейства, в то же время, особые трубачи.

Из крепости мы пошли на площадь, где совершаются казни, чтобы взглянуть на князя Гагарина, казненного незадолго перед отъездом царя в Ригу. Он был сперва повешен перед домом Сената, куда, кроме сенаторов, были собраны смотреть на казнь и все родственники преступника. Побыв немного на этом печальном месте, мы отправились домой...

(Дневник Берхгольца I, с 45, 90, 141).

XL. Петр Великий.

211. Записки Юста Юля.

1. В адмиралтействе, 1709.

Декабрь.

15-го. После полудня я отправился на адмиралтейскую верфь, чтобы присутствовать при поднятии штевней на 50-пушечном корабле, но в тот день был поднят один форштевень, так как стрелы (козлы) оказались слишком слабы для подъема ахтерштевня. Царь, как главный корабельный мастер (должность, за которую он получает жалование), распоряжался всем, участвовал вместе с другими в работах, и, где нужно было, рубил топором, коим владеет искуснее, нежели все прочие присутствовавшие там плотники. Бывшие на верфи офицеры и другие лица ежеминутно пили и кричали. В боярах, обращенных в шутов, недостатка не было, напротив, их собралось здесь большое множество. Достойно замечания, что, сделав все нужные распоряжения для поднятия форштевня, царь снял пред стоявшим тут генерал-адмиралом шапку, спросил его, начинать ли, и только по получении утвердительного ответа, снова надел ее, а затем принялся за

свою работу. Такое почтение и послушание царь выказывает не только адмиралу, но и всем старшим по службе лицам, ибо сам он покамест лишь шаутбенахт. Пожалуй это может показаться смешным, но, по моему мнению, в основании такого образа действий лежит здравое начало: царь собственным примером хочет показать прочим русским, как в служебных делах они должны быть почтительны и послушны в отношении своего начальства.

С верфи царь пошел в гости на вечер к одному из своих корабельных плотников...

2. В Преображенском.

Февраль.

10-го. Получив разные поручения от короля, я отправился рано утром к царю в слободу, называемую Преображенскою. Расположена она верстах в двух от Немецкой Слободы. Царь живет там на небольшом, неказистом, плохом подворье, построенном исключительно из леса и напоминающем священнический двор в Норвегии. Ворота подворья всегда заперты, и к ним приставлена стража, так что никто туда попасть не может; посетителю трудно даже добиться, чтоб о нем доложили. Сюда царь удаляется с двумя-тремя приближенными, не столько для занятий, сколько во избежание всяких посещений.

После долгого промедления, меня, наконец, впустили, и я доложил царю о своем деле. Он велел, чтобы я в тот же день повидался с его министрами и переговорил с ними. Вследствие такового приказания из Преображенского я поехал к Великому Канцлеру графу Головкину и имел с ним и Вице-канцлером Шафировым разговор по королевским делам. Как при этом, так при других свиданиях великий канцлер в своем доме всегда уступал мне место по правую руку. В конце концов, решили, что на следующее утро мне будет дана царем не торжественная, а частная аудиенция...

11-го. Уведомившись рано утром, что для сопровождения меня на аудиенцию великий канцлер Головкин прислал ко мне лишь секретаря, я, ввиду отсутствия в данном случае всякой торжественности, предпочел отправиться на аудиенцию один, почему и велел сказать секретарю, что я еще не готов, что прошу его ехать вперед, а что сам поеду через час. Затем секретарь уехал. Спустя некоторое время отправился и я в Преображенскую слободу, или предместье, где находился царь в своем убогом, упомянутом и описанном выше доме. У дверей, лишь только я прибыл, встретил меня секретарь и повел в так называемый Головинский двор, находящийся шагах во ста от царского домика. Когда граф Головкин прислал мне сказать, что пора на аудиенцию, я поехал на царское подворье в экипаже, а секретарь предшествовал мне пешком. Как я вошел в комнату, смежную с царскою, граф Головкин вышел ко мне туда, встретил меня и ввел к царю. Не будучи еще готов, царь стоял полуодетый, в ночном колпаке, ибо о церемониях он не заботится и не придает им никакого значения, или по меньшей мере делает вид, что не обращает на них внимания. Вообще в числе его придворных нет ни маршала, ни церемониймейстера, ни камер-юнкеров, и аудиенция моя скорее походила на простое посещение, нежели на аудиенцию. Царь сразу безо всякого обмена предварительных комплиментов начал говорить о важных предметах и с участием вице-канцлера стал обсуждать государственные дела. При этом, не соблюдая никакого порядка, мы то прохаживались взад и вперед по комнате, то стояли на месте, то садились.

(Записки Юста Юля, с. 100—I, 146—3, 269—270).

---

212. Валишевский.

Смерть царевича Алексея.

Оффициальная версия такова: «Выслушав чтение приговора, царевич был поражен чем-то вроде апоплексического удара; приведенный в чувство, он пожелал увидеть отца, еще раз в его присутствии покаялся в своих преступлениях, получил его прощение и через несколько минут испустил последний вздох».

Петр, как утверждают документы, исходящие из того же источника, был склонен помиловать его, но «в этой неуверенности и неприятном волнении всемогущему Господу, святые решения которого всегда справедливы, угодно было по своей божественной доброте избавить государя и его империю от всякого страха и от всякой опасности». Затем тело царевича было в продолжении недели выставлено на показ, «с разрешением всем его осма-

тривать, дабы убедиться, что он умер естественной смертью» [1]).

Итак, естественная смерть царевича вызывала сомнения. Во всех других современных разсказах об этом событии мы находим не только сомнения, но категорическое утверждение, что развязка была совсем иная. Разногласия вызывал только вид насильственной смерти. Имперский резидент Плейер утверждает, что царевичу отрубили голову в тюрьме, а Шерер называет даже палача, генерала Вейде. По рассказам, некую девицу Крамер, дочь одного нарвского горожанина, заставили пришить голову казненного к туловищу, так чтобы не было заметно следа убийства [2]), что не помешало ей позднее сделаться придворной дамой великой княжны Натальи, дочери убитого. Штелин говорит только, что ей было поручено одеть тело царевича, и не может объяснить ничем иным ее участия в этом деле [3]). Генрих Брюс рассказывает историю о питье для больного, потребованном генералом Вейде у дрогиста Бэра, который побледнел как полотно, прочтя рецепт [4]). В одном сборнике анекдотов, изданном в Англии, высказывается предположение о яде, которым была пропитана переданная Алексею бумага с приговором суда [5]). Письмо Алексея Румянцева, распространившееся в многочисленных рукописных копиях, гораздо убедительнее. Автор рассказывает в нем одному из своих друзей Дмитрию Титову, что царевич погиб по приказанию царя и что он был задушен подушками; исполнителями монаршей воли были Бутурлин, Толстой, Ушаков и сам автор письма. Но подлинность этого документа оспаривалась (между прочим и Устряловым) и подлежит сомнению. Де-Би и Тильбоа настаивают, что царевичу вскрыли вены ланцетом, но они собирали только слухи. Самые подробные рассказы принадлежат Лефорту, сделавшемуся впоследствии советником при Саксонском посольстве, а в то время находившемуся на службе у царя, и графу Рабютену, занявшему позднее должность резидента вместо Плейера. Эти рассказы расходятся между собой только в мелочах. «В день смерти царевича,—рассказывает Лефорт,—царь в сопровождении Толстого отправился в четыре часа утра в один из сводчатых казематов крепости, где были подпорки и все другие приспособления для наказания кнутом. Туда же привели несчастного, которого подняли и осыпали ударами кнута, при чем,—чему я не мог поверить, хотя меня и уверяли в этом,—отец нанес ему первые удары. В десять часов утра снова повторили ту же экзекуцию, а к четырем часам дня он был так замучен, что умер под кнутом». [1]) Рабютен более решителен и говорит об участии в деле Екатерины. Петр ударил, и, «так как он не умел хорошо владеть (кнутом), то нанес такой удар, что несчастный тотчас же свалился без памяти, и министры думали, что он умер». Но Алексей был только в обмороке, и, видя, что он пришел в себя, Петр, уходя, с досадой произнес: «Дьявол еще его не взял». Очевидно, он рассчитывал возобновить пытку. Но Екатерина избавила его от этого труда. Узнав, что царевичу лучше, она посоветывалась с Толстым и послала к заключенному придворного хирурга Гобби, который и открыл ему вены. Уведомленный о смерти царевича, Петр пришел, поглядел на тело, покачал головой, как будто сомневался в том, что произошло, но ничего не сказал [2]).

Ценность этих свидетельств заключается в их ужасном соответствии с одним документом, истинность которого неоспорима: с дневником петербургского гарнизона, веденным изо дня в день в той самой крепости, где разыгралась вся драма [2]). В этом дневнике мы читаем следующие подробности: «14-го июня был устроен особый застенок в каземате, смежном с Трубецким бастионом, где как раз в этот день был заключен царевич. 19-го было два допроса в этом застенке, от двенадцати до часу дня и от шести до девяти часов вечера; на другой день был третий допрос от восьми до одиннадцати часов вечера; 24-го было два допроса, один от десяти часов утра до полудня, другой от шести до десяти часов вечера; 26-го был еще один допрос в присутствии самого царя, и в

[1]) Лок ад, представленный Куракиным правительству Соединенных провинций 6 августа 1718 г. Архив Гааги. Точное донесение о том, что произошло по поводу осуждения Царевича Алексея и об обстоятельствах его смерти. 1718. (Оффиц. издание).

[2]) Долгоруков. Воспоминания, т. I, стр. 10.

[3]) Анекдоты, стр. 322.

[4]) Воспоминания. стр. 186. Подлинность этих воспоминаний оспаривается.

[5]) A select Collect on of s ngul r h storloes, Londres, 1778, II, 123.

[1]) Herrmann, gesch che Russland, IV, 330.

[2]) Büschings Mag zin, т. XI, 487.

[3]) Сохраняется в библиотеке Петербургской Академии наук.

тот же день в шесть часов вечера царевич скончался».

Таким образом удостоверен тот факт, что Алексея пытали даже после приговора; впрочем, поступая так, его палачи только следовали обычному порядку уголовного судопроизводства того времени [1]). Но при таком положениидс дела кажется непонятным, с одной стороны, зачем же нужно было Петру или Екатерине прибегать к другим способам, чтобы ускорить смерть их жертвы, если достаточно было одного кнута; с другой стороны, гипотеза о смерти, ускоренной чрезмерными пытками, приобретает большую степень вероятности. Аналогичные случаи насчитываются тысячами в судебных летописях той эпохи,—Алексей же, как известно, не отличался очень крепким сложением. Еще в 1714 году у него, по свидетельству де-Би, было что-то вроде паралича правой стороны [2]). Наконец, внезапный характер развязки, при возможном применении какого-либо насилия, топора, яда или чрезмерных пыток, кажется поставленным вне всякого сомнения следующим многозначительным обстоятельством. Донесение де-Би о происшедшем, перехваченное так же, как донесение Плейера, навлекло на него тяжкую немилость и повело за собой даже довольно вызывающее нарушение неприкосновенности жилища и его дипломатических полномочий. Собранные им свидетельства вызвали особое следствие, занявшееся, главным образом, следующим фактом: плотник, по имени до-Боллес, зять акушерки голландки Марии ван-Гуссе, работал в крепости во время заключения там царевича. Кушанья, подаваемые царевичу, приготовлялись в его доме. На другой день после смерти Алексея жена этого плотника рассказала своей матери, а та в свою очередь жене резидента, что накануне в полдень царевичу подавали кушать как всегда. Она видела блюда, которые принесли початыми. Она не придавала никакого значения этой подробности: следствие же ей приписывало значение огромной важности. Две несчастные женщины, будучи допрошены, вероятно, под пыткой, могли только повторять с некоторыми изменениями свои слова, и так как впоследствии они были освобождены, то правдивость их слов должна быть поставлена вне сомнений [1]). Но если за несколько часов до смерти Алексей был еще в состоянии есть, значит, смерть его была насильственной.

Я пропускаю многочисленные легенды, сложившиеся по поводу ужасной драмы. Среди крестьян долго сохранялась уверенность, что царевич, чудесным образом спасшийся из рук своих палачей, жив. В 1723 году появился даже мнимый Алексей в Пскове, а в 1738 году другой лже-Алексей в Ярославле. В сущности, я был бы даже склонен считать действительное существование фактов, повлекших за собой гибель несчастного царевича, не имеющим особого значения с точки зрения историка. Нравственная же ответственность за нее лежит на Петре. В этом процессе, где судили за одни только намерения, его собственное намерение не вызывает сомнения: он хотел каким бы то ни было способом освободиться от сына, и этот зловещий поступок заклеймил его навеки. Его поведение после происшедшего также должно заставить умолкнуть всякие попытки к его защите. В дневнике петербургского гарнизона и в частном дневнике Меньшикова [2]) мы находим потрясающее описание его времяпрепровождения в первые дни после прискорбной развязки:

«27-го июня (на следующий день после смерти царевича): Обедня и благодарственный молебен по случаю годовщины Полтавской битвы: артиллерийская стрельба в присутствии его величества... В девять часов вечера тело царевича было перенесено из Трубецкого бастиона в дом губернатора.

28-го июня: В десять часов утра перенесение тела царевича в церковь св. Троицы, где оно было выставлено.

29-го июня: Тезоименитство его величества. Спуск в адмиралтействе корабля «Лесная», построенного по плану его величества. Его величество присутствовал на церемонии со всеми министрами. Очень веселились».

В своих депешах от 4-го и 8-го июля Плейер говорит также об обеде, данном по тому же случаю в Летнем дворце, о ночном празднестве и о фейерверке. На вопрос чинов дипломатического корпу-

[1]) Брюкнер. (Der Tsarevitsch Alexei, стр. 221) замечает, что нет ясного указания именно на царевича в записи о допросе в застенке 26-го. Я не допускаю, чтобы чтение документа могло бы оставить на этот счет какие-либо сомнения.

[2]) Депеша, задержанная 5-го мая 1712 года. Московский архив.

[1]) О результатах следствия см. у Устрялова т. VI, стр. 299. Де-Би со своей стороны подтвердил свое донесение (8 августа 1718. Архив Гааги).

[2]) Сохраняется в Государственном Архиве.

са, по поводу траура, канцлер ответил отрицательно, ибо царевич умер преступником. Имперский резидент подтверждает, что если Екатерина проявляла все-таки некоторые признаки горя во время этих кощунственных празднеств, то Петр все время продолжал казаться очень веселым. Даже от этого последнего оскорбления не была избавлена плачевная судьба сына Евдокии; эта судьба была рядом сплошных несчастий, и понятно, что искусство и поэзия нашли в ней неисчерпаемый источник душу раздирающих волнений. К очень интересному очерку Костомарова приложен снимок с картины русского художника Ге: Петр представляет своему сыну показания Евфросиньи.

Что сталось с этой последней? Что бы там ни говорили, она получила плату за предательство. Она присутствовала при описи имущества царевича, и значительная часть этого имущества досталась ей [1]). По донесению Плейера, царь и царица были к ней очень благосклонны, а если верить другим современникам, она вышла замуж за офицера петербургского гарнизона, с которым и прожила еще тридцать лет в мире и довольстве [2]).

А Петр сохранил хорошее расположение духа. Через месяц после смерти сына, в письме к жене из Ревеля 1-го августа 1718 года, он вспоминает о происшедшем веселым тоном и с видимым удовлетворением и утверждает, что он открыл факты, еще более обвиняющие покойного, чем те, которые были открыты раньше. Алексей старался сговориться с Карлом XII [3]). К концу года по приказанию государя была выбита медаль, на которой была изображена императорская корона, освещенная лучами солнца, пронизывающими облака. Внизу была сделана следующая надпись: Горизонт прояснился.

(Валишевский. Петр Великий с 574—580).

---

213. Казнь царевича Алексея Петровича.

(Письмо Александра Румянцева к Титову Дмитрию Ивановичу.)

В оные дни, сердцу пресветлого монарха зело тяжкие, егда своевольный царевич, по привозе из Москвы в заключение быше, мы все с превеликою тоскою зрели, как печаль его царского величества и его царское здравие корочало; не ведя же бо государьскую меру с тем непокорным содеяти: даровать ли ему волю, постричь ли в монашество, или в вечном заточении оставити. В первых бо оказиях вящих бед от него ожидалося, а последнее зело тяжкою для родительского сердца быть мнилося. Еще некие от близких царю опаство имели, дабы царь старине не препятствовал, и, улучив заточение царевича за благую причину, войны на нас поднял; обаче вся сия в едином шептании говорилося из боязни, да его величеству таковые толки не во гнев будут. И такое сие таилося никому же неизвестно, что из того выйдет, до времени, в кое у неких особ к царевичу близких, найдены сверх всякого чаяния разные зашитые в платье письма, новый умысел на царя предвещающие. Монарх, сам в крайний гнев приведенный, узрел себя в нужде паки оное дело возобновить, и того для, велел царевича из дому в крепость под крепчайший караул пересадить, и лишних людей, кроме постельничного, да мастеров, гардеробного и кухонного, всех отобрать, малого же царевича Петра Алексеевича и царевну Наталию со всеми челядинцами их в царевичевом доме оставить, и знатнейшим духовного, военного и статского чина персонам в Петербург съехаться и повинного царевича судить. Затем царевичев обоз из Москвы поспел и с ним привезена невольница его, царевича, чухонская девка Евфросиния, кая при следствии не только из уст своих показала, но и многие бумаги выдала, писанные царевичем, как бы в бегстве из отечества, а в тех бумагах были письма к изменникам российским: архиереям Крутицкому и Ростовскому, да к сенаторам некиим, в коих посланиях, извествуя о своем здоровьи, царевич просит пособия словом и делом, на случай ежели бы с войском в Россию пришел и о престоле отеческом помыслил. Все те изменники нимало не замедля были привезены и под суд отданы, а девке Евфросинии за правое сказание, по царскому милосердию, живот дарован и в монастырь на вечное покаяние отослана. А была ты девка росту великого, собою дюжая, толстогубая, волосом рыжая, и все дивилися, как пришлось царевичу такую скаредную чухонку любить и так постоянно с нею в общении пребывать.

А как все знатные, светские и духовные особы, по указу царскому, не замедлили съехаться, то его величество предписал им особые грамоты, в коих повелел, дабы виновного судили не яко

---

[1]) Устрялов, т. VI, 571.

[2]) Büsch ngs Magaz'n, т. XV стр. 235.

[3]) Соловьев, т. XVII, стр. 232.

царского сына, а яко подданного; и его бы, буде нужно, на испытание пред суд требовали и приводили. А чтобы о других далее речи не было, то разом скажу, что многие по сему делу, и из них Авраам Лопухин и протопоп Яков Игнатьев, бывший царевича духовник, были водимы в застенок, весь умысел высказали, и достойно смертию казнены, ибо последний, как ему царевич исповедался, сказал: «винюсь, отче, желаю смерти моему родителю», то он на сие: «желаем!» Затем же царевича св. таин причастил и с той поры его любимым советником стал. Знатные люди, духовного и светского чина собирались по вся дни во дворец, имели зело правдивое суждение о поступках его, царевича, и, расследив до конца, написали весьма разумные рассуждения, в коих приводили слова из церковных и светских уставов и книг, яко-то: «человек еще аще злоречит отцу своему и матери своей, смертью да умрет» (Левит. гл. 20). «Иже злословит отца или матерь смертью да умрет» (Матв. гл. 15). «Злословляя отца или матерь угашает светильник свой». (Пр. Сол. 20) «Князю людей твоих перешчи зла». (Исх. 20). «Будет кто каким умышлениям чинить, мыслить на государское здоровье злое дело, и притом его злоумышление сыщется до пряма, что он на царское величество злое дело мыслил и дела делать хотел и такова по сыску казнить смертию». (Улож. гл. 2)

Таковое рассуждение представили для ради рассмотрения его царского величества, от духовных едино и от светских едино; а затем каждый из судящих призываем по одному к министрам и г.г. сенаторам, да скажет суд свой, и все сказали: «повинный де царевич заслужил смертную казнь». Тогда, собравшись все во-едино, сотворили приговор и своеручно подписали, в коем сказано, что хотя бы однакож по воле его сие мнение и суждение объявляется с такою чистою и христианскою совестью, как пред страшным праведным и нелицемерным судом всемогущего Бога, подвергая впрочем оный приговор и суждение в самодержавную власть, волю и рассмотрение его царского величества, всемилостивейшего государя. А как царевич в те поры недомогал, то его к суду для объявки приговора не выслали, а поехали к нему в крепость. Светлейший князь Меншиков, да канцлер, граф Гавриил Головкин, да тайный советник Петр Толстой, да я, и ему то осуждение прочитали. Едва же царевич о смертной казни услышал, то зело побледнел и пошатался, так что мы с Толстым едва успели под руки схватить и тем от падения долу избавить. Уложив царевича на кровать и наказав охранение его слугам, да лекарю, мы отъехали к его царскому величеству с рапортом, что царевич приговор свой выслушал, и тут же Толстой, я, генерал-поручик Бутурлин и лейб-гвардии маиор Ушаков тайное приказание получили, дабы съехаться к его величеству во дворец в 1-м часу пополуночи.

Недоумевая, ради коея вины сие секретное собрание будет, я прибыл к назначенному времени во дворец и был введен от дворцового камергера во внутренние покои и даже увидел царя сидяща и вельми горююща, а вокруг его стояли: царица Екатерина Алексеевна, Троицкий архимандрит Феодосий от Александровского монастыря, его же царь зело уважая за духовника и доброго советодателя имеяти, да Толстой, да Ушаков, а не было только Бутурлина, но и тот приездом не замедлил. А как о нашем прибытии царю оповестили, ибо ему за многими слезами, едва ли видно самому было, то его величество встал и, подойдя к блаженному Феодосию, просил у него благословение, на что сей рек: «царю благий, помысли мало, да не кается будеши». А царь сказал: «Злу, отче святый, мера грехов его, и всякое милосердие от сего часа в тяжкий грех нам будет, и пред Богом, и пред славным царством нашим. Благослови мя, владыко, на указ зело тяжкий моему родительскому сердцу и молю всеблагого Бога, да простит мое окаянство». Тогда Феодосий, воздев руки, помолился и благословил царя, глаголя: «да будет воля твоя, пресветлый государь, творя якоже пошлет ти на разум сердцевидец Бог». Тогда царь приблизился к нам, в недоумении о воле его стоящим, и сказал: «слуги мои верные, во многих обстоятельствах испытанные! се час наступил, да великую мне и государству моему услугу сделать; оный зловредный Алексей, его же сыном и царевичем срамлюся нарицати, презрев клятву пред Богом данную, скрыл от нас большую часть своих преступлений и общенников, имел в уме да сии последнии о другом разе ему в скверном умысле на престол наш пригодятся, мы праведно негодуя за таковое нарушение клятвы, над ним суд нарядили и тамо открыли многие и премногие злодеяния, о коих нам и в помышление притти не могло. Суд тот, якоже и вы все ведаете праведно творя и на многие законы гражданские и от св. писания указуя, его царевича достойно к понесению смерт-

ные казни осудил. Всем сведомо терпение наше о нем, послабление до нынешнего часа, ибо давно уже за свои измены казни учинился достоин. Яко человек и отец и днесь я болезную о нем сердцем, но яко справедливый государь на преступления клятвы, на новые измены уже нетерпимо и нам, бо за всякие несчастия от моего сердолюбия ответ строгий дати Богу, на царство мя помазавшему и на престол Россия державы всадившему. Того ради, слуги мои верные, спешно идите к одру преступного Алексея и казните его смертию, якоже подобает казнити изменников государю и отечеству. Не хощу поругать царскую кровь всенародною казнию; но да совершится сей предел тихо и неслышно, якобы его умрети от естества предназначенного смертию. Идите и исполните, тако бы хощет законный ваш государь и изволяет Бог, в его же державе мы вси есмы!»

Сие глаголаше, царь новые тучи исполнился, и аще бы не утешения от царицы да не слова в иноцех блаженного Феодосия, толике яко презельная горесть велий ущерб его царскому здоровью приключила бы. Не ведано в кое время и коим способом мы из царского упокоя к крепостным воротам достигли, ибо великость и новизна сего диковинного казуса весь ум мой обуяла и долго бы я оттого в память не пришел, когда бы Толстой напамятованием об исполнении царского указа меня не возбудил. А как пришли мы в великие сени, то стоящего тут часового опознавши, ему Ушаков, яко от дежурства начальник дворцовые стражи, отойти к наружным дверям приканал, яко бы стук оружия недугующему царевичу беспокойство творя, вредоносен быть может. Зотем Толстой пошел в упокой, где спали по царевича постельничий, да гардеробный, да кухорный мастер и тех он снова возбудив, велел немешкатно от крепостного караула трех солдат во двор послать и всех челядинцев с теми солдатами яко бы к допросу в коллегию отправить, где тайно повелел под стражею задержать. И так во всем доме осталось лишь нас четверо да единый царевич, и то спящий, ибо все сие сделалось с великим опасательством, да его безвременно не разбудят.

Тогда мы елико возможно тихо перешли темные упокои и с таковым же предостережением дверь опочивальни царевичевой отверзли, яко мало была освещена от ламнады, пред образом горящей, и нашли мы царевича сняша, разметавши одежды якобы от некоего сонного и страшного видения да еще по времена и стонуща. А бы и вправду недужен вельми, так что и св. причастия того дня вечером, по выслушании приговора, сподобился страхом, да не умрет, не покаявшись во гресех; с поры его здравие далеко лучше стало и по словам лекарей к совершенному выздоровлению надежду крепкую подавал. И нехотяще никто из нас его мирно покоя нарушати, промеж собою судяще, не лучше ли да его во сне смерти предать, и тем от лютого мучения избавити. Обаче совесть на душу налегла, да не умрет без молитвы. Сие помыслив и укрепясь силами, Толстой его, царевича, тихо толкнул, сказав: «ваше царское высочество, восстаните!» Он же открыв очеса и недоумевая, что сие есть, сиде на ложнице и смотряще на нас, ничего же от замешательства вопрошая. Тогда Толстой, приступив к нему поближе, сказал: «государь царевич, по суду знатнейших людей земли русской ты приговорен к смертной казни за многие измены государю родителю твоему и отечеству. Се мы, по его царского величества указу, пришли к тебе тот суд исполнити, того ради молитвою и покаянием приготовься к твоему исходу, ибо время жизни твоей близь есть к концу своему».

Едва царевич сие услышал, как вопль великий поднял, призывая к себе на помощь, но из того успеха не возымев, начал горько плакатися и глаголя: «горе мне бедному, горе мне, от царские крови рожденному, не лучше ли мне родитися от последнейшего подданного». Тогда Толстой, утешая царевича, сказал: «государь, яко отец, простил тебе все прегрешения и будет молиться о душе твоей, но яко монарх он измен твоих и клятв нарушения простить не мог, боясь не кое заключение отечество свое повергнет чрез то, того для отвергни вопли и слезы единых баб свойство и приими удел свой, якоже подобает мужу царских кровь и сотвори последнюю молитву об отпущении грехов своих». Но царевич того не слушал, а плакал и хулил его царское величество, нарекол детоубийцей. А как увидели, что царевич молиться не хочет, то взяв его под руки, поставили на колени и один из нас, кто же именно, от страха не упомню, говорит за ним: «Господи, в руцы твои предаю дух мой»; он же не говори того, руками и ногами прямися и вырваться хотище. Тогда той же мною яко Бутурлин рек: «Господи, упокой душу раба твоего Алексея в

селении праведных, презирая прегрешения его, яко человеколюбец». И с сим словом царевича на ложу спиною повалиши, и взяв от возглавия два пуховика, главу его накрыли, пригнетая, дондеже движения рук и ног утихли и сердце битися перестало, что сделалося скоро, ради его тогдашней немощи, и что он тогда говорил, того никто разбирать не мог, ибо от страха близкие смерти ему разума потрясения сталося.

А как то совершилося, мы паки уложили тело царевича якобы спящего и помолася Богу о душе, тихо вышли. Я с Ушаковым близ дома остались, да кто-либо из сторонних туда не войдет, Бутурлин же, да Толстой к царю с донесением о кончине царевичевой поехали. Скоро приехала от двора г-жа Крамер и, показав нам Толстого записку, в крепость вошла, и мы с нею тело царевича опрятали и к погребению изготовили, обрекли его в светлые царские одежды. А стала смерть царевича гласна около полудня того дня, сие есть 26-го июня, якобы от кровяного пострела умер. На третий же того день, тело его с подобающею сыну цареву честию перенесено из крепости в Троицкий Собор, а 30-го числа в склеп поставлено в Петропавловском соборе близ тела его царевичевой супруги.

И все то делалось уже, погребение и перенесение, при великом стечении народа и всякого чина и звания людей по церемониалам, от самого государя апробованным, и было красно и чинно; о настоящей же смерти царевича никто не ведал. А на похоронах царь с царицею был и горько плакал, мню, яко не о смертном случае, а припамятуя, что из того сына своего желал доброго наследника престолу сделать, но ради скверных его свойств, многие страдания перенес и вотще труд и желание свое погубил.

«Русская Старина» 1905 г., август, 410—416.

---

214. Дневник Берхгольца.

Празднование Ништадтского мира (в Москве).

31 янв. 1722 г.

Опишу теперь в немногих словах наш поезд. Впереди всех ехала маска в качестве маршала передовой забавной группы. За нею следовал так называемый князь-папа, глава пьяной коллегии, учрежденной императором для своей забавы. Он сидел в больших санях, на возвышении в виде трона, в папском своем одеянии, т.-е. в длинной красной бархатной мантии, подбитой горностаем. В ногах у него, верхом на бочке, сидел Бахус, держа в правой руке большой бокал, а в левой посудину с вином. Этот молодец так натурально представлял Бахуса, как только было возможно. Потом ехала свита князя-папы, т.-е. господа кардиналы, в своих кардинальских облачениях. Их было на сей раз только шесть, и они сидели верхом на оседланных волах; но за ними, для большого парада, вели еще трех таких коней без всадников. Хотя между кардиналами находились знатные дворяне, князья и действительные губернаторы, получившие это звание в наказание за дурное поведение; однакож все они должны были терпеливо сносить свой позор, да не смеяли даже и смотреть косо. После них четыре не очень большие пестрые свиньи везли маленькие санки, в которых сидел также замечательный господин. Затем следовал Нептун (которого представлял один придворный полушут), в своей короне, с длинною бородою и с трезубцем в правой руке. Он сидел в санях, сделанных в виде большой раковины, и имел перед собою в ногах двух сирен или морских чудовищ. За ним ехала в гондоле мать г. Остермана, красивая молодая дама лет 50-ти или 60-ти, в костюме аббатиссы, с прекрасным вызолоченным жезлом. Ее окружали монахини, но в весьма небольшом числе. После нее ехал кн. Меньшиков, в качестве уже настоящего маршала маскарада, в таком же экипаже, как наш, с тою только разницею, что у кормы у него стояла не Паллада, а Фортуна. Музыку его составляли стоявшие спереди литаврщик и два трубача. Он сам и вся его свита были наряжены аббатами, и сидели—князь отдельно у кормы, прочие на скамьях, по три на каждой. За ним следовала, в закрытой с окнами барке или гондоле княгиня, его супруга, с своею сестрою и некоторыми другими дамами; она была его нумером и имела костюм благородных испанок. Потом ехал князь-кесарь Ромодановский в мантии, подбитой горностаем, имея с собою кого-то в курфиршеской мантии, и еще несколько других смешных наперсников. Он сидел в большой лодке, украшенной спереди и сзади медвежьими чучелами, чрезвычайно похожими на живых медведей. Его нуме-

ром были вдовствующая царица с дочерью, первая—в старинной русской одежде, вторая—в костюме пастушки. Они ехали также в закрытой гондоле и имели при себе некоторых дам, в том числе супругу князя-кесаря и других. Далее следовал великий адмирал Апраксин с своею свитою. Он и сидевший с ним брат его были одеты, как Гамбургские бургомистры; экипаж у них был—галера с поднятыми парусами, очень натуральная и делавшая прекрасный вид. Их нумер состоял из немногих придворных дам вдовствующей царицы, которая сидела в старой, настоящей шлюпке, поставленной на сани и уж, конечно, никогда не назначавшейся для маскарада. После того следовала шлюпка с боцманами, прилежно бросавчими лот. Это были все морские офицеры.

За ними шел морской корабль императора, длиной в 30 футов ,сделанный совершенно наподобие линейного корабля «Фредемакер» теми же мастерами, которые строили последний. На нем было 8 или 10 настоящих небольших пушек, из которых по временам палили, и еще множество деревянных и слепых. Кроме того, он имел большую каюту с окнами, три мачты со всеми их принадлежностями, паруса, одним словом, до того походил на настоящее большое судно, что можно было найти при нем все до последней бичевки, даже и маленькую корабельную лодку позади, где могли поместиться человека два. Сам император командовал им в качестве корабельщика и командора, имея при себе 8 или 9 мелких мальчиков в одинаковых боцманских костюмах и одного роста, несколько генералов, одетых барабанщиками, и некоторых из своих денщиков и фаворитов.

Его величество веселился истинно по-царски. Не имея здесь в Москве возможности носиться так по водам, как в Петербурге, и несмотря на зиму, он делал, однакож, с своими маленькими ловкими боцманами на сухом пути все маневры, возможные только на море. Когда мы ехали по ветру, он распускал все паруса, что, конечно, немало помогало 15-ти лошадям, тянувшим корабль. Если дул боковой ветер, то и паруса тотчас направлялись, как следовало. При поворотах также поступаемо было, точь-в-точь как на море. При наступлении темноты, его величество приказывал, как это делается на кораблях, собирать верхние паруса, и сам, с тремя или четырьмя находившимися при нем генералами, бил зорю. Нельзя было без истинного удовольствия смотреть, как его маленькие юнги лазили по мачтам и по канатам. Они делали это с такою ловкостью, какой можно было ожидать только от лучших и опытнейших матросов.

За кораблем государя ехала императрица с своими придворными дамами, в великолепной вызолоченной барке или гондоле, имевшей небольшую печь и обитой внутри красным бархатом и широкими галунами. Везли ее восемь хороших каретных лошадей. Форейторы и кучер были в зеленых матросских костюмах с золотою оторочкою и имели на шапках небольшие плюмажи. Спереди сидели придворные кавалеры ее величества, одетые в первый день арапами, потом матросами, а позади стояли и трубили два валторниста в охотничьих костюмах. Кроме того, у кормы стоял мундшенк императрицы, представлявший квартирмейстера барки (так называют здесь кормчего) и одетый в великолепный красный бархатный костюм с золотыми галунами. Ее величество императрица, сидевшая в закрытой со всех сторон барке так же хорошо и спокойно, как и в комнате, в первый день была одета простою Голландкою, а потом со всеми своими дамами имела костюм амазонок, и оба эти наряда чрезвычайно ей шли. Она несколько раз меняла платья, являясь то в красном бархатном, богато обложенном серебром, то в голубом с разными камзолами и другими принадлежностями. Вместе с тем ее величество надевала осыпанную бриллиантами шпагу и обыкновенный свой орден с прекрасною бриллиантовою звездою на груди, держала в руке копье и имела на голове белокурый парик и шляпу с белым пером, которое взяла у нашего герцога, потому что другого не могли здесь достать.

Затем следовал так называемый «беспокойный монастырь», принадлежавший на маскараде собственно к обществу императора. Сани его—громадная машина—были устроены особенным образом, а именно со скамьями, которые сначала, спереди, шли ровно, потом поднимались все выше и выше, в виде амфитеатра, так что сидевшие вверху были ногами наравне с головами сидевших внизу. Позади этой машины, изображавшей нечто вроде головы дракона, стояло несколько смешных масок. За нею тянулось более 20-ти маленьких саней, привязанных одни к другим и

вместе с тем прицепленных к большим саням. Все они были обиты полотном и имели фута на два от земли скамьи для сиденья и для ног, вмещая в себе каждые по одному человеку. Так как большие сани были наполнены всевозможными уморительными масками, как, напр., разного рода драконами, арлекинами, скарамунами, даже людьми, переодетыми в журавлей, то трудно рассказать, как необыкновенно странно и смешно было все это. Сюда же принадлежали еще два очень забавные цуга, а именно, во-первых, сани, запряженные шестернею одинаких медведей, которыми правил человек, весь зашитый в медвежью шкуру и чрезвычайно похожий на настоящего медведя и, во-вторых, длинные, очень легкие сибирские санки, которые везли 10 собак, и на которых сидел старый сибиряк в своем национальном костюме; иногда с ним садился еще другой, одетый как сибирячка.

После того следовали наши сани.

Весь поезд состоял из 25 больших женских и 36 таких же мужских саней. Перед самыми небольшими было, по крайней мере, по шести лошадей.

В таком порядке мы ехали до первых Триумфальных ворот, воздвигнутых одним богатым русским, по имени Строгановым, который и угощал в особо построенном там доме, пока снимали верхние мачты и паруса с императорского корабля. Так как комнаты в этом доме были очень малы, то туда, кроме придворных и нашей группы, попали немногие или почти никто; остальные должны были между тем мерзнуть. Отсюда мы проехали на большую площадь (Красная пл.), где оставались несколько времени, потом сделали конца два по Кремлю; но корабль императора остановился на площади, потому что, по величине своей, не мог пройти в ворота. Эта прогулка продолжалась почти до 5-ти часов вечера, после чего все получили позволение отправиться по домам...

(Дневник Берхгольца, кн. II, с. 47—52).

---

215. В. Ключевский.

Петр Великий.

Петр Великий по своему духовному складу был один из тех простых людей, на которых достаточно взглянуть, чтобы понять их.

Петр был великан, без малого трех аршин ростом, целой головой выше любой толпы, среди которой ему приходилось когда-либо стоять. Христосуясь на Пасху, он постоянно должен был нагибаться до боли в спине. От природы он был силач; постоянное обращение с топором и молотком еще более развило его мускульную силу и сноровку. Он мог не только свернуть в трубку серебряную тарелку, но и перерезать ножом кусок сукна на лету. В свое время я уже говорил о династической хилости мужского потомства патриарха Филарета. Первая жена царя Алексея не осилила этого недостатка фамилии. Зато Наталья Кирилловна оказала ему энергичный отпор. Петр уродился в мать и особенно походил на одного из ее братьев, Федора. У Нарышкиных живость нервов и бойкость мысли были фамильными чертами. Впоследствии из среды их вышел ряд остряков, а один успешно играл роль шута-забавника в салоне Екатерины II. Одиннадцатилетний Петр был живым красивым мальчиком, как описывает его иноземный посол, представлявшийся в 1683 г. ему и его брату Ивану. Между тем как царь Иван в Мономаховой шапке, нахлобученной на самые глаза, опущенные вниз и ни на кого не смотревшие, сидел мертвенной статуей на своем серебряном кресле под образами, рядом с ним на таком же кресле в другой Мономаховой шапке, сооруженной по случаю двоецария, Петр смотрел на всех живо и самоуверенно, и ему не сиделось на месте. Впоследствии это впечатление портилось следами сильного нервного расстройства, причиной которого был либо детский испуг во время кровавых кремлевских сцен 1682 г., либо слишком часто повторявшиеся кутежи, надломившие здоровье еще неокрепшего организма, а, вероятно, то и другое вместе. Очень рано, уже на двадцатом году, у него стала трястись голова, и на красивом круглом лице в минуты раздумья или внутреннего волнения появлялись безобразившие его судороги. Все это, вместе с родинкой на правой щеке и привычкой на ходу широко размахивать руками, делало его фигуру всюду заметной. В 1697 г. в саардамской цырюльне по этим приметам, услужливо сообщенным земляками из Москвы, сразу узнали русского царя в плотнике из Московии, пришедшем побриться. Непривычка следить за собой и сдерживать себя сообщала его большим блуждающим глазам резкое, иногда даже дикое выражение,

вызывавшее невольную дрожь в слабонервном человеке...

Петр был гостем у себя дома. Он вырос и возмужал на дороге и на работе под открытым небом. Лет под 50, удосужившись оглянуться на свою прошлую жизнь, он увидел бы, что он вечно куда-нибудь едет. В продолжение своего царствования он исколесил широкую Русь из конца в конец, от Архангельска и Невы до Прута, Азова, Астрахани и Дербента. Многолетнее безустанное движение развило в нем подвижность, потребность в постоянной перемене мест, в быстрой смене впечатлений. Торопливость стала его привычкой. Он вечно и во всем спешил. Его обычная походка, особенно при понятном размере его шага, была такова, что спутник с трудом поспевал за ним вприпрыжку. Ему трудно было долго усидеть на месте: на продолжительных пирах он часто вскакивал со стула и выбегал в другую комнату, чтобы размяться. Эта подвижность делала его в молодых летах большим охотником до танцев. Он был обычным и веселым гостем на домашних праздниках вельмож, купцов, мастеров, много и недурно танцовал, хотя не проходил методически курс танцовального искусства, а перенимал его «с одной практики» на вечерах у Лефорта.

Если Петр не спал, не ехал, не пировал или не осматривал чего-нибудь, он непременно что-нибудь строил. Руки его были вечно в работе, и с них не сходили мозоли. За ручной труд он брался при всяком представлявшемся к тому случае. В молодости, когда он еще многого не знал, осматривая фабрику или завод, он постоянно хватался за наблюдаемое дело. Ему трудно было оставаться простым зрителем чужой работы, особенно для него новой: рука инстинктивно просилась за инструмент, ему все хотелось сработать самому. Охота к рукомеслу развила в нем быструю сметливость и сноровку: зорко вглядевшись в незнакомую работу, он мигом усвоял ее. Ранняя наклонность к ремесленным занятиям, к технической работе обратилась у него в простую привычку; в безотчетный позыв: он хотел узнать и усвоить всякое новое дело, прежде чем успевал сообразить, на что оно ему понадобится. С летами он приобрел необъятную массу технических познаний. Уже в первую заграничную его поездку немецкие принцессы из разговора с ним вывели заключение, что он в совершенстве знал до 14 ремесл. Впоследствии он был как дома в любой мастерской, на какой угодно фабрике. По смерти его чуть не везде, где он бывал, рассеяны были вещицы его собственного изделия, шлюпки, стулья, посуда, табакерки и т. п. Дивиться можно, откуда только брался у него досуг на все эти бесчисленные безделки. Успехи в рукомесле поселили в нем большую уверенность в ловкости своей руки: он считал себя и опытным хирургом, и хорошим зубным врачом. Бывало близкие люди, заболевавшие каким-либо недугом, требовавшим хирургической помощи, приходили в ужас при мысли, что царь проведает об их болезни и явится с инструментами, предложит свои услуги. Говорят, после него остался целый мешок с выдернутыми им зубами—памятник его зубоврачебной практики. Но выше всего ставил он мастерство корабельное. Никакое государственное дело не могло удержать его, когда представлялся случай поработать топором на верфи. До поздних лет, бывая в Петербурге, он не пропускал дня, чтобы не завернуть часа на два в адмиралтейство. И он достиг большого искусства в этом деле; современники считали его лучшим корабельным мастером в России. Он был не только зорким наблюдателем и опытным руководителем при постройке корабля; он сам мог сработать корабль с основания до всех технических мелочей его отделки. Он гордился своим искусством в этом мастерстве и не жалел ни денег, ни усилий, чтобы распространить и упрочить его в России. Из него, уроженца континентальной Москвы, вышел истый моряк, которому морской воздух нужен был, как вода рыбе, этому воздуху вместе с постоянной физической деятельностью он сам приписывал целебное действие на свое здоровье, постоянно колеблемое разными излишествами. Отсюда же, вероятно, происходил и его несокрушимый истинно матросский аппетит. Современники говорят, что он мог есть всегда и везде; когда бы ни приехал он в гости, до или после обеда, он сейчас готов был сесть за стол. Вставая рано, часу в пятом, он обедал в 11—12 часов и по окончании последнего блюда уходил соснуть. Даже на пиру в гостях он не отказывал себе в этом сне, и освеженный им возвращался к собеседникам, снова готовый есть и пить.

Печальные обстоятельства детства и молодости, выбившие Петра из старых чопорных порядков кремлевского дворца, пестрое и невзыскательное общество, которым он потом окружил

себя, самое свойство любимых занятий, заставлявших его поочередно браться то за топор, то за пилу или токарный станок, то за правоисправительную дубинку, при подвижном, непоседном образе жизни сделали его заклятым врагом всякого церемониала.

Петр ни в чем не терпел стеснений и формальностей. Этот властительный человек, привыкший чувствовать себя хозяином всегда и всюду, конфузился и терялся среди торжественной обстановки, тяжело дышал, краснел и обливался потом, когда ему приходилось на аудиенции, стоя у престола в парадном царском облачении, в присутствии двора выслушивать высокопарный вздор от представлявшегося посланника. Будничную жизнь свою он старался устроить возможно проще и дешевле. Монарха, которого в Европе считали одним из самых могущественных и богатых в свете, часто видали в стоптанных башмаках и чулках, заштопанных собственной женой или дочерьми. Дома, встав с постели, он принимал в простом стареньком халате из китайской нанки, выезжал или выходил в незатейливом кафтане из толстого сукна, который не любил менять часто, летом, выходя недалеко, почти не носил шляпы; ездил обыкновенно на одноколке или на плохой паре и в таком кабриолете, в каком, по замечанию иноземца-очевидца, не всякий московский купец решился бы выехать. В торжественных случаях, когда, например, его приглашали на свадьбу, он брал экипаж на прокат у щеголя, сенатского генерал-прокурора Ягужинского. В домашнем быту Петр до конца жизни оставался верен привычкам древне-русского человека, не любил просторных и высоких зал и за границей избегал пышных королевских дворцов. Ему, уроженцу безбрежной русской равнины, было душно среди гор в узкой немецкой долине. Странно одно: выросши на вольном воздухе, привыкнув к простору во всем, он не мог жить в комнате с высоким потолком, и когда попадал в такую, приказывал делать искусственный низкий потолок из полотна. Вероятно, тесная обстановка детства наложила на него эту черту. В селе Преображенском, где он вырос, он жил в маленьком и стареньком деревянном домишке, не стоившем, по замечанию того же иноземца, и 100 талеров. В Петербурге Петр построил себе также небольшие дворцы, зимний и летний, с тесными комнатами: «царь не может жить в большом доме», замечает этот иноземец.

Бросив кремлевские хоромы, Петр вывел и натянутую пышность прежней придворной жизни Московских царей. При нем во всей Европе разве только двор прусского короля-скряги Фридриха-Вильгельма I мог поспорить в простоте с петербургским; не даром Петр сравнивал себя с этим королем и говорил, что они оба не любят мотовства и роскоши. При Петре не видно было во дворце ни камергеров, ни камер-юнкеров, ни дорогой посуды. Обыкновенные расходы двора, поглощавшие прежде сотни тысяч рублей, при Петре не превышали 60 тысяч в год. Обычная прислуга царя состояла из 10—12 молодых дворян, большею частию незнатного происхождения, называвшихся денщиками. Петр не любил ни ливрей, ни дорогого шитья на платьях. Впрочем, в последние годы Петра у второй его царицы был многочисленный и блестящий двор, устроенный на немецкий лад и не уступавший в пышности любому двору тогдашней Германии. Тяготясь сам царским блеском, Петр хотел окружить им свою вторую жену, может быть, для того, чтобы заставить окружающих забыть ее слишком простенькое происхождение.

Ту же простоту и непринужденность вносил Петр и в свои отношения к людям; в обращении с другими у него мешались привычки старорусского властного хозяина с замашками бесцеремонного мастерового. Придя в гости, он садился, где ни попало, на первое свободное место; когда ему становилось жарко, он, не стесняясь, при всех скидал с себя кафтан. Когда его приглашали на свадьбу маршалом, т.-е. распорядителем пира, он аккуратно и деловито исполнял свои обязанности; распорядившись угощением, он ставил в угол свой маршальский жезл и, обратившись к буфету, при всех брал жаркое с блюда прямо руками. Привычка обходиться за столом без ножа и вилки поразила и немецких принцесс за ужином в Коппенбурге. Петр вообще не отличался тонкостью в обращении, не имел деликатных манер. На заведенных им в Петербурге зимних ассамблеях, среди столичного бомонда, поочередно съезжавшегося у того или другого сановника, царь запросто садился играть в шахматы с простыми матросами, вместе с ними пил пиво и из длинной голландской трубки тянул их махорку.

не обращая внимания на танцовавших в этой или соседней зале дам. После дневных трудов, в досужие вечерние часы, когда Петр по обыкновению или уезжал в гости, или у себя принимал гостей, он бывал весел, обходителен, разговорчив, любил и вокруг себя видеть веселых собеседников, слышать непринужденную беседу за стаканом венгерского, в которой и сам принимал участие, ходя взад и вперед по комнате, не забывая своего стакана, и терпеть не мог ничего, что расстраивало такую беседу, никакого ехидства, выходок, колкостей, а тем паче ссор и брани; провинившегося тотчас наказывали, заставляя «пить штраф», опорожнить бокала три вина или одного «орла» (большой ковш), чтобы «лишнего не врал и не задирал»...

Так Петр вышел непохож на своих предшественников, хотя между ними и можно заметить некоторую генетическую связь, историческую преемственность ролей и типов. Петр был великий хозяин, всего лучше понимавший экономические интересы, всего более чуткий к источникам государственного богатства. Подобными хозяевами были и его предшественники, цари старой и новой династии; но те были хозяева-сидни, белоручки, привыкшие хозяйничать чужими руками, а из Петра вышел подвижной хозяин-чернорабочий, самоучка, царь-мастеровой.

(В. Ключевский. Курс Рус. истории. IV, л. 60, с. 34—61).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ.

132а. Бунт Стеньки Разина.

(По рассказу голландца Стрюйса.)

Разин и его шайка, оправившись от перенесенных во время бунта бедствий, томились столь долгим отдыхом и вздумали возвратиться на берег Дона, где Разин, пользуясь большим влиянием, должен был собрать новые силы. Во время пребывания в Астрахани он жил так, что расположил в свою пользу самых безучастных. Так как у него не было недостатка в деньгах, то он употребил их для того, чтобы привлечь на свою сторону многих старшин, которые последовали за ним на родину. Большая часть простого народа и солдат, теснившихся толпами вокруг него, когда он показывался на улицах и нередко бросал горстями червонцы, питала к нему сильную любовь, а многие перешли к нему, поклявшись в верности и в том, что не покинут его никогда. И вот, без ведома воеводы, под сильным прикрытием, выехал он из Астрахани. Это удаление поразило верных подданных царя, так как для них не оставалось сомнения, что он ушел с целью производить новые опустошения и кровопролития. Зло было слишком велико, и воевода счел нужным предупредить его, запугав главу мятежников. Он отправил к нему капитана Ведероса. Сей последний представил ему прежде всего великую опасность, которой он подвергал себя без причины, так как после помилования избавился от всякой неприятности; что по дружбе советует ему возвратиться; если же оставит (увещание) в пренебрежении и последует своему замыслу, то от него потребуют возврата подданных царя, а в случае сопротивления он лишится милости, и пусть не надеется больше на пощаду. После этих слов Разин, страшно взбешенный, спросил капитана, как он дерзнул принять такое поручение: подумал ли он об опасности, которой подвергается, да известен ли ему характер Разина? По мере того, как он говорил, все сильнее распалялся гневом и чуть было не изрубил капитана, но к счастью сего последнего излил свой гнев в проклятиях. «Да смеешь ли ты, продолжал он, делать мне такое для моей славы позорное и для друзей пагубное предложение? Думаешь ли ты, что я так подл, что пожертвую ими гневу того, кто тебя послал? Если ты так думаешь, то на чем основываешь свое низкое мнение? Что я сделал недостойного своему званию и достоинству? Ты не отвечаешь? Молчишь? Что? Хватило наглости явиться ко мне с твоими странными советами, а нет духу отвечать мне? Ступай, несчастный, я милую тебя из жалости. Возвратись к своему господину и скажи ему, что я не думаю ни о нем, ни о царе. Он советует мне отослать к нему моих друзей! Скажи ему, что вот мой замысел: он увидит меня раньше, нежели думает, и что я скоро приду наказать его за дерзость. Впрочем ты можешь ему дать следующий ответ, который лучше, нежели его предложение: «Я князь, рожденный свободным и независимым; власть воеводы слабее моей. Наверное он не знает об этом, а для того, чтоб поведать ему о том, я и приготовлюсь навестить его». Говорил он при этом еще много, но окончания речи капитан ждал с крайним нетерпением, каждую минуту опасаясь, что Разин переменит мнение и не даст ему возможности возвратиться восвояси. Набравшись

смертного страха, он получил, наконец, позволение возвратиться, которым он немедленно воспользовался с поспешностью, на какую лишь способен испуганный человек.

После ответа Разина воевода был настороже и придумывал средства обуздывать его наглость. Едва успел он подумать об этом, как явился флот, состоящий из 80 судов. Сначала не верили, чтобы это был флот Разина, так как у него было мало времени снарядить его; но скоро убедились, что это был именно он и, судя по виду (флота), можно было думать, что у него нет намерения возвратиться, ничего не совершив. Весь экипаж был в полном порядке, а каждая лодка была снабжена камнеметными мортирами и хорошими воинами, жаждущими добычи и с нетерпением ищущими удобного случая для выполнения своего замысла. Между тем начальник их не позволил им сделать ни одного нападения на неприятеля с единственной целью узнать положение дел в Астрахани. С своей стороны воевода ожидал судов, посланных ему царем, без чего не решался что-либо предпринять. Между тем Разин через своих шпионов узнал обо всем, что делалось, и так расположил умы в свою пользу, что нисколько не боялся приготовлений, предпринимаемых против его. Когда ожидаемые суда приплыли, воевода, с полной уверенностью, послал их против неприятеля, который вовсе не испугался их, а выразил удовольствие. В Астрахани воображали, что одной тени этого флота было достаточно обратить его в бегство, или тотчас же погубить, если бы он дерзнул выждать его. В самом деле царский флот состоял из гораздо большего числа судов, нежели у Разина, да на них было 6.000 хороших воинов, которые, без сомнения, разбили бы его, если бы дело дошло до боя; но находчивый Разин прибегнул к хитрости, которая удалась ему. В его шайке было множество преданных ему Москвитян, которым он предложил пробраться к врагам и обещать им все, чего они пожелают, лишь бы они приняли его сторону. Так как те искали только случая оказать ему одолжение, то бросились туда, куда он посылал их, и подкупили воинов, которые изрубили старших начальников и предали ему остальных вместе с судами. Новый властелин принял их необыкновенно ласково; велел им выдать жалованье за два месяца вперед и произнес пред ними такую речь: «Наконец, друзья, вы свободны, а ваш поступок избавляет вас от притеснений господ, du joug des tyrans. Их мучения так жестоки и тяжки, что нужно удивляться, как вы столь долго переносили и не тяготились ими. Но правосудие Господне избавило вас от них: Его тронули ваши слезы. Он послал вам освободителя, избавившего вас от гнета, под которым вы стонали; он будет любить вас, как детей своих, и заботиться о вас, как отец. В благодарность за это я прошу у вас только искренней любви, непреклонной верности и непоколебимой твердости против коварства ваших врагов. Бог отдал вас под мое покровительство для того, чтоб уничтожить их. Помогите моим усилиям и верьте в (счастливое) окончание начатого». После этих слов Москвитяне, тронутые его щедростью, поклялись ему в том, что готовы следовать за ним всюду, что усердно и вечно будут служить и на самом деле докажут ему, каких слуг он приобрел. Слова эти сопровождались одобрением, аплодисментами всего войска и общим криком: «Да здравствует князь, да здравствует наш отец! Да поможет ему Бог уничтожить всех мучителей».

В то время, когда Разин торжествовал, печаль господствовала в Астрахани, где воевода, пораженный низостью посланных им людей, напрасно придумывал средства возвратить его. В довершение горя он узнал, что народ презирал его, что он хвалил только Разина и что в соседних городах только и говорили о бунте и возмущении. Везде воины роптали и говорили открыто, что они покинут службу, потому что нечем им было больше платить; так как деньги, назначенные для них, были употреблены на другое, то несправедливо подвергать по-прежнему опасности свою жизнь, о которой так мало заботились. Некоторые говорили, будто они уверены, что им не заплатят за год; что злоупотребляли их доверием и что они были сумасшедшими, что позволили с собой обращаться таким образом. Все эти речи клонились к явному возмущению, но ничего не делалось из опасения беспокоить умы.

Между тем Разин, имея от 15.000 до 16.000 человек, послал одну часть в Царицын, другую в Черный Яр, а сам выжидал с остальными, которые отдавали ему такие же почести, как царю. Потому ли что он был ослеплен удачею, или от природы был тщеславен, только он уснул среди наслаждений; но прежде всего совершил злодеяния, за которые его возненавидели бы, если бы он не позаботился предупредить это. Он находил

удовольствие, во время попоек, умерщвлять тех, кого обвиняли в малейшей ошибке; часто даже собственноручно рубил их, с тем однакож различием, что щадил всегда воинов и приносил в жертву своему (гневу) только дворян, офицеров, казавшихся ему подозрительными.

Он позволил даже воинам жаловаться на своих начальников, которых строго наказывал, не расследуя их вины. Таким способом привлекая при всяком случае простых воинов, он был так любим ими, что они исполняли любое приказание его с радостью, да еще разглашали везде, что он был единственный в мире человек, который достоин такого повиновения. Слух об его снисходительности к ним так распространился, что менее нежели в пять дней он приобрел войско в 27.000 человек. По дорогам только и встречались толпы холопов и крестьян, шедших к нему. Только и речи было, что об истреблении дворян: каждый крестьянин, каждый холоп умерщвлял своего господина и приносил его голову Разину, который хвалил и награждал их с целью поощрять очищение земли от подобных чудовищ (так называл он дворян) и не допускать их до самовластия. Таким образом поместья пустели. Так как благородное происхождение считалось главным преступлением, то дворяне должны были для сохранения жизни спасаться в городах, в холопском платье.

Скопища Разина росли с каждым днем, и он стал так заносчив, что все считал ниже себя и не сомневался, что скоро будет на престоле.

(Русский Архив, 1880 г., ч. I, стр. 92—97). Путешествие голландца Стрюйса.

17а. Из предисловия к Синодику XV века.

В предисловии к Синодику, составленному в конце XV века, говорилось:

«Горе тем, которые не радят о своих душах: грабят, насильствуют, обидят, лихоимствуют,— а церквам божиим ничего не дают.

«Надо спешить записываться в синодик, чтобы не умереть, не записавшись. Лучше самому отказать свое имущество церкви, чем поручать это другим лицам; неизвестно, как исполнят это они, и, может быть, душа завещателя будет мучиться во аде.

«Спешите поэтому делать вклады и заносить свои имена в синодик.

«И когда священники по этому синодику помянут над просвирою имена усопших, то ангел господень, услышав эти слова, с радостью отойдет на небо и впишет те имена в вечных обителях, в книгах животных, в немерцающем свете, где радости нет конца».

Таково значение синодика.

«Эта спасительная книга полезнее всех божественных писаний, ибо божественное писание пользует только живых, а синодик приносит пользу и душам умерших».

Но синодик полезен не для одних вкладчиков и их покойников, — он имеет значение и для церкви; он обеспечивает ее существование: — «Ради синодика бывает и в настоящей жизни сооружение церквей, и все церковное довольство, священнику, диакону и всей братии телесный покой, пища и питье, одежда и обувь, и весь келейный обиход, наконец, отсюда же (из синодика) — села и вертограды, реки и озера, пажити и монастырский скот».

(А. Павлов, Ист. очерк секуляризации церкв. земель в России, I).

142а. Из документов по делу А. Виниуса.

1. Грамота Андрею Виниусу.

(1632 г.).

Пожалованная в 1632 (7140) году: Февраля 29, Царем Михаилом Феодоровичем Голландской земли гостю, Андрею Денисьевичу Виниусу, и торговым людям: брату его Авраму и Елисею Ульянову Выльнексу (Вилькенсону), на устройство первого в России вододействующего железного завода, на котором отливались первые чугунные пушки и ядра.

Божіею милостію Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Феодоровичъ всеа Русіи Самодержецъ и Отецъ Нашъ Великій Государь Святѣйшій Филаретъ Никитичъ, Божіею милостію Патріархъ Московскій и всеа Русіи, пожаловали есмя Галанскіе земли гостя Ондрѣя Денисьева сына Виниюса, да торговыхъ людей Аврама Денисьева сына Виниюса, да Елисѣя

Ульянова сына Выкенса, что били Намъ челомъ и Отцу Нашему Великому Государю Святѣйшему Филарету Никитичу, Патріарху Московскому и всеа Русіи, они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй, чтобъ Намъ ихъ пожаловать велѣть имъ дѣлать изъ желѣзной руды межъ Серпухова и Тулы на трехъ рѣкахъ и впредь гдѣ они мѣста пріищутъ, которыя къ желѣзному дѣлу будутъ годны, всякое желѣзо мелнишнымъ заводомъ и Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Феодоровичъ всеа Русіи Самодержецъ и Отецъ нашъ Великій Государь Святѣйшій Филаретъ Никитичъ Божіею милостію Патріархъ Московскій и всеа Русіи пожаловали ихъ Ондрѣя и Аврама Винюса и Елисѣя Выкенса, велѣли имъ изъ желѣзныя руды дать дѣлать всякое желѣзо на десять летъ безоброчно, а дѣлать имъ велѣли противъ ихъ Ондрѣева и Аврамова и Елисѣева челобитья межъ Серпухова и Тулы на трехъ рѣкахъ: на рѣчкѣ Вошанѣ, да на рѣчкѣ на Скнигѣ, да на рѣчкѣ на Воронѣ и впередъ гдѣ они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй мѣста пріищутъ, которые къ тому желѣзному дѣлу будутъ годны, опричь монастырскихъ и боярскихъ дворянскихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель на нашихъ на порозжихъ земляхъ и мелницы на тѣхъ мѣстахъ ставить и желѣзо на всякіе статьи плавить и лить и ковать пушки и ядра и котлы и доски и разное прутье и всякое желѣзное дѣло указали имъ Ондрѣю и Авраму и Елисѣю заводить своимъ заводомъ, а покамѣста они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй на тѣхъ угожихъ мѣстахъ мелницъ не поставятъ и желѣзного дѣла дѣлать не учнутъ или въ тѣ урочные лѣта будетъ Наша служба и за службою тово желѣзново дѣло будетъ имъ дѣлать въ урочные въ десять лѣтъ зачитать имъ не велѣли. А какъ они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй на тѣхъ рѣкахъ мелницы и всякие заводы заведутъ и учнутъ дѣлать и какъ желѣзо пойдетъ изъ дѣла, а про Нашъ обиходъ изъ того желѣза что будетъ годно, и у нихъ Ондрѣя и Аврама и Елисѣя велѣли взять на четыре года всякое желѣзо по цѣнѣ: прутовое и въ ядрахъ пудъ по тринадцати алтынъ по двѣ денги, а досчатое по двадцати по шести алтынъ по четыре денги, а въ пушкахъ по двадцати по три алтына по двѣ денги пудъ, и то желѣзо, которое пригодится про Нашъ обиходъ, имать у него велѣли гдѣ они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй учнутъ железо дѣлать, и съ того желѣза, которое мы укажемъ имати про свои обиходъ Нашихъ Государевыхъ пошлинъ у него Ондрѣя имать не велѣли, а будетъ послѣ тѣхъ четырехъ лѣтъ до тѣхъ урочныхъ десяти лѣтъ будетъ желѣзо въ торгу дешевле той ихъ Ондрѣевы и Аврамовы и Елисѣевы уговорной цѣны и у нихъ въ Нашу казну всякое желѣзо велѣли имать пудъ передъ торговою цѣною съ убавкою какъ мочно, а на то всякое желѣзо, которое на Нашъ обиходъ возьмутъ, пожаловали ихъ Ондрѣя и Аврама и Елисѣя, велѣли имъ дать на задатокъ изъ Нашіе большіе казны три тысячи рублевъ и впередъ имъ въ тѣ урочные десять лѣтъ велѣли давать ежегодъ по томужъ по три тысячи рублевъ, а въ которой годъ желѣзо про Нашъ обиходъ не пригодитца и у него у Ондрѣя и Аврама и Елисѣя за тѣ задаточны денги велѣли въ свою Государеву большую казну имать ефимками по цѣнѣ по чему тово году учнутъ покупать ефимки у Архангельского города, а что у нихъ Ондрѣя и Аврама и Елисѣя въ тѣ урочные десять лѣтъ всякого желѣза за Нашимъ расходомъ будетъ излишки имъ то желѣзо позволили продавать на сторону всякимъ людемъ и возить въ свою Галанскую землю и въ тѣ десять лѣтъ какъ они мелницы на рѣкахъ поставятъ и желѣзо учнутъ плавить и всякое желѣзное дѣло дѣлать и той желѣзной руды иноземцамъ и русскимъ людямъ ни гдѣ никому на откупъ и безъ откупу отдавать и мелницъ ставить и всякаго желѣзного дѣла мелнишнимъ заводомъ дѣлать и за море возить никому не велѣли, а какъ тѣ урочные десять лѣтъ выдутъ и тѣ мѣста гдѣ у них желѣзныхъ рудъ дѣло будетъ, и которые мѣста они впредь пріищутъ въ Нашихъ порозжихъ земляхъ пожаловали имъ Ондрѣя и Аврама и Елисѣя велѣли дать изъ оброку имъ же Ондрѣю, Авраму и Елисѣю, а оброкъ на нихъ велимъ положить по Нашему разсмотрѣнію как мочно, а желѣзо въ свою Государеву казну велѣли у нихъ имать вновь по уговорной цѣнѣ какъ мочно, а будетъ они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй на Нашихъ на порозжихъ мѣстахъ нигдѣ мѣста на желѣзное дѣло не обыщутъ, а обыщутъ гдѣ на монастырскихъ, на вотчинныхъ земляхъ или на боярскихъ и на дворянскихъ и у всякихъ чи-

новъ людей и тѣ имъ земли поволили у нихъ съ кѣмъ заговоръ будетъ, а тѣмъ мелнишнымъ заводамъ гдѣ у нихъ будетъ желѣзное дѣло, въ тѣ урочные десять лѣтъ или послѣ урочныхъ лѣтъ, гдѣ они возмутъ на оброкъ, владѣти имъ Ондрѣю и Авраму и Елисѣю самимъ, а на сторону безъ Нашего Указу не продать и не заложить и никому не отдать.

Подпись у Грамоты Дьяка Степана Кудрявскова.

(„Русская Старина", 1909 г., т. 140. Стр. 430—432).

2. Челобитная А. Винуса.

(1636 г.).

Поданная Андреем Виниусом в 7144 (1636) году, о даче проезжих Грамот иностранным мастерам, выписанным им для чугуно-железного завода своего в Тульском уезде.

Царю Государю и Великому Князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи бьетъ челомъ Галанской земли гость Ондрюшка Виниюсъ съ товарыщи. По твоему Государеву указу велѣно намъ дѣлать въ Тульскомъ уѣздѣ всякого желѣзного заводу, и нынѣ Государь ѣдутъ изъ Галанскіе земли Французжене желѣзново дѣла завидные мастеры человекъ съ двадцать съ прикащикомъ нашимъ съ Яномъ Дани. Милосердный Государь, Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи, пожалуй вели, Государь, намъ дать свою Государеву проѣзжую грамоту, а тѣмъ Государь людемъ ѣхать черезъ Новгородъ и Псковъ. Царь Государь смилуйся пожалуй.

На челобитной сей помета: Государь пожаловалъ велѣлъ дать свою Государеву Грамоту проѣзжую.

(„Русская Старина", 1909 г., т. 140. Стр. 434—435).

3. Челобитная Андрея Винуса.

...Челобитная, поданная царю Алексею Михайловичу от основателя первого чугунно-железного завода в России Андрея Виниуса, в 7156/1648 году, когда сей царь велел оный у него отнять; к челобитной приложена записка о заслугах Виниуса.

Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Андрюшка Виніюсъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 156 году, какъ урочные безоброчные годы Тульскихъ желѣзныхъ заводовъ противъ жалованной грамоты вышли мнѣ холопу твоему, и потому указал ты, Государь, тѣ Тульские желѣзные заводы переписать на себя Государю въ декабрѣ месяцѣ и въ нынѣшнемъ, Государь, во 156 году, били челомъ тебѣ, Государь, Амбургской гость Петръ Марселисъ да Галанецъ Филимонъ Аккама, чтобы ты, Государь, ихъ пожаловалъ тѣми Тульскими желѣзными заводы, выгородя меня холопа твоего отъ того заводу и промыслу, мимо записи и не противъ Вашей жалованной грамоты, потому что въ Вашей Государевой грамотѣ написано: послѣ тѣхъ урочныхъ лѣтъ, тѣми желѣзными промыслы владѣть мнѣжъ холопу твоему, а бьютъ челомъ они тебѣ Государю, чтобъ имъ ставить пудъ въ желѣзныхъ пушкахъ въ твою Государеву казну погодно по двадцать тысячь пудъ, а за пудъ по осми алтынъ по двѣ денги, да по двадцети тысячь пудъ ядеръ, а за пудъ по пяти алтынъ да по десяти тысячь пудъ связново желѣза, а за пудъ по десяти алтынъ, да они били челомъ тебѣ Государю о многихъ денгахъ на тотъ желѣзный промыслъ въ запросъ, а поруки въ тѣхъ запросныхъ денгахъ и въ томъ, что желѣза ставить по себѣ они никово не сыскали, а я холопъ твой бью челомъ тебѣ Государю, чтобъ ты Государь, меня холопа своего пожаловалъ, тотъ заводъ велѣлъ промышлять на себя Государя, безъ отдачи мнѣ холопу своему Андрюшкѣ твоихъ Государевыхъ денегъ, а въ пушкахъ, Государь, я поставлю желѣза пудъ по пяти алтынъ, а ядра пудъ по гривнѣ, а связново желѣза поколѣ учнутъ работать нѣмецкие мастера, по десяти алтынъ, а какъ Государь къ тому желѣзному заводу навычны будутъ руские люди, и я холопъ твой въ тѣ поры поставлю связнова желѣза пудъ по осми алтынъ, а въ пушкахъ пудъ по четыре алтына, а въ ядрахъ въ четыре гривенки и свыше каковы ты, Государь, укажешь, по шестнадцати денегъ пудъ, а работалъ я холопъ твой и служилъ отцу твоему Государеву, блаженные памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи и тебѣ Государю во многихъ великихъ статьяхъ вѣрою и правдою против

Вашей гостинные грамоты безпоручно и вѣриванъ во стѣ тысячехъ рублехъ и больше и прибыль тебѣ Государю большую чинилъ какъ подъ сею челобитною роспись подклеена, а я холопъ твой обзапрося твоихъ Государевыхъ денегъ на тотъ желѣзной промыслъ не челобитчикъ а бью челомъ тебѣ Государю, чтобъ ты, Государь, меня холопа своево пожаловалъ, велѣлъ къ тому Тульскому желѣзному промыслу дать изъ торговыхъ людей для денежные роздачи мастерамъ всякихъ роздачей, ково ты, Государь, укажешь, и вели, Государь, ему записывать всякие росходы и закрепить моею рукою, а за хлѣбной кормъ и за платьишко мне холопу своему и за службу и людишкамъ моимъ за прокормъ что ты, Государь, укажешь, а будешь ты, Государь, того желѣзнова дѣла держать за собою Государем не изволишъ и вели, Государь, то желѣзное Тульское дѣло держать мнѣ холопу своему противъ ихъ челобитья и упросу, а желѣза, Государь я холопъ твой поставлю противъ ихъ росписи въ пушкахъ по пяти алтынъ, а въ ядрахъ пудъ по гривнѣ, а связнова желѣза пудъ по десяти алтынъ и въ томъ противъ сево моево челобитья будетъ тебѣ Государю против ихъ челобитья прибыль большая по три тысячи рублевъ погодно, а на тотъ расходъ вели, Государь, денги роздавать противъ моего челобитья вѣрному человѣку, кому ты, Государь, укажешъ, а въ одной, Государь, мелницѣ кузничной, что связное желѣзо дѣлаютъ, какова у того завода нынѣ есть, больше пяти тысячь пудъ связнова желѣза на годъ дѣлать не мочно, а будетъ противъ уговору по десяти тысячь пудъ ставить и намъ, Государь, надобно устроить другую мелницу, а какъ, Государь, рускіе люди выучатца тому желѣзному ремеслу всякому и въ тѣ поры передъ ихъ челобитьемъ будетъ и по пяти тысячь рублевъ погодно прибыль, а рускіе, Государь, люди вскорѣ тому дѣлу будут навычны, а что, Государь, рускіе люди по сю пору тому дѣлу не навычны и то отъ нихъ же Петра и Филимона по заказу, чтобъ тѣ нѣмецкіе мастеры отъ нихъ то дѣло скрывали вѣдаючи, что блиско урочные годы и тѣмъ бы тебя Государя неволить чтобъ тотъ желѣзный заводъ отъ нихъ не отшелъ, а как, Государь, будетъ моею работишкою желѣза всякого залишкомъ сверхъ твоего Государева обиходу и то желѣзо мочно послать за море въ продажу и въ томъ тебѣ Государю будетъ честь и прибыль большая. Милосердый Государь Царь и Великій Князь Алексей Михайловичъ всеа Русіи пожалуй меня холопа своего вели, Государь, въ томъ желѣзномъ промыслу свой Царский указъ учинить, чтобъ тотъ желѣзный промыслъ и заводъ стоя в пустѣ и достоль не былъ разоренъ. Царь Государь, смилуйся, пожалуй!

К сей челобитной Андрѣй Винюсъ руку приложилъ. На оборотѣ челобитной помета: 156 июля въ 17 подалъ Андрѣй Винюсъ.

А. Д. Винюсъ.

„Русская Старина", 1912 г., т. 152. № 11. Стр. 432—434).

СОДЕРЖАНИЕ.

Московское Государство.

Стр.

ЧАСТЬ I.

Московское Государство и Феодализм.

Отдел I. Москва и Новгород.

1. Борьба с Новгородом 3
   Из Софийской второй летописи.
   Из Софийской первой летописи.
   (П. С. Р. Л., том VI).
2. Псковское взятие 10
   Из Софийской первой летописи.
   Из Псковской первой летописи.
   (П. С. Р. Л., томы IV, VI).

Отдел II. Москва и Крым.

3. Посольство Ивана III к Менгли Гирею. 12
4. Посольство Менгли Гирея к Ивану III. 13
5. Грамота Менгли Гирея к Ивану III. . . —
   — Сборник Р. Ист. Об-ва, т. 41. №№ 1, 48, 83.

Отдел III. Москва — Третий Рим.

6. Сказание вел. князей владимирских. . . 14
   — И. Жданов. Рус. былевой эпос. Прилож. IV.
7. Послание старца Филофея к в. кн. Василию III 15
   — Православн. Собеседник, 1863 г., № I.
8. А. А. Кизеветтер. Кремль при Иване III. 15
   — Труды Моск. Педагог. Об-ва, т. I, стр. 185—188, 197.
9. Барон Герберштейн. Записки о Московии. 17
   1. Описание Москвы.
   — Зап. о Московии бар. Герберштейна, пер. И. Анонимова.
   2. Встреча и въезд посла.
   3. Прием посла во дворце.
   — Барон Герберштейн. Записки о Моск. делах. Перев. А. Малейна, стр. 192—202.

Стр.

Отдел IV. Суд.

10. Судебник Ивана III 21
    — Владимирский - Буданов. Хрест. по ист. рус. права, т. II.

Отдел V. Москва и боярство.

11. Клятвенная запись кн. Холмского Ивану III. 22
    — Собр. Гос. Грамот и договоров, т. I, № 103 и 104.
12. Духовная грамота кн. Верейского. . . . 23
    — Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 122.
13. Отрывок из след. дела о Иване Берсене и Федоре Жареном . . . . . —
    — Акты Археогр. Экспедиции, т. I, № 172.

Отдел VI. Нестяжатели и иосифляне 24

14. Нила Сорского. Предание о жительстве св. отец . . . . . —
    — Памятники древн. письм. и искусства, вып. 179, стр. 4—8.
15. Грамота новг. арх. Геннадия к собору епископов . . . . . —
    — Р. Ист. Библ., т. VI, № 115.
16. Просветитель Иосифа Волоцкого. Слово 7-е. 25
    — Просветитель, сл. 7.
17. Из рассуждения Иосифа Саницы о неприкосновенности монастырских имуществ . . . —
    — А. Павлов. Ист. очерк секуляризации церк. земель в России, I.
18. Максима Грека. Слово о том, какие речи рекл бы убо к Содетелю всем епископ тверский 26
    — Соч. Максима Грека, т. II, сл. 20, стр. 260—268.
19. Послание новг. арх. Геннадия к митр. Симону 28
    — Акты Историческ., т. I, № 104.

Стр.

Отдел VII. Избранная Рада.

20. Царь Иван о своем детстве. Из Послания к кн. Курбскому 29
— Сказания кн. Курбского, изд. Устрялова, стр. 181—184.

21. Кн. Курбский. История кн. вел. Московского 29
1. Юность Иоаннова.
2. Сильвестр и Адашев.
—Сказания кн. Курбского, стр. 3—7, 8—12.

22. Послание к царю Ивану, приписыв. Сильвестру 31
— Чтения в И. О-ве Ист. и Древн. Росс. 1874 г.

23. Собор 1550 г. 32
— Собр. Гос. Грам. и Дог., т. II, № 37.

24. Иван Пересветов. Первая челобитная . . . 33
— В. Ржига «И. Пересветов», стр. 59—63, 77—78.

25. Беседа преп. Сергия и Германа, валаам. чудотворцев 35
— Летопись занятий Археограф. Комиссии, вып. X, стр. 1—5, 19—21, 29—31.

26. Слово к благохотящим царем 37
— — В. Жмакин. Митр. Даниил и его соч. Приложение.

27. Челобитная попа Семена о Матфее Башкине. 38
— Акты Археограф. Экспедиции, т. I, № 238, IV.

Отдел VIII. Реформы царя Ивана.

28. Судебник царя Ивана 39
— Владимирский - Буданов. Хрест. по ист. рус. права, т. II.

29. Стоглав. Главы 4, 5, 6, 40, 41, 53, 76, 101. 40
— Стоглав. Казан. издание 1912 г.

30. Губная Белозерская грамота 43
— Владимирский - Буданов. Хрест. по ист. рус. права, т. II, стр. 109—115.

31. Уставная Важская грамота 44
— Владимирский Буданов. Хрест. по ист. рус. права, т. II, стр. 189—197.

32. Отмена кормлений 45
— Владимирский - Буданов. Хрест. по ист. рус. права, т. II, стр. 189—191, прим. 2.

33. Ричард Ченслер. Московское войско . . . 46
— Ченслер, стр. 5—6.

34. Царский приговор о испомещении 1000 чел. детей боярских . . . . . —
— Акты Арх. Экспедиции, т. I, № 225.

35. Грамота по делам поместным 47
— Доп. к Актам Ист., т. I, № 52, XXXII.

Стр.

36. Грамота об отписке поместий 47
— Доп. к Актам Ист., т. I, № 100

37. Правая грамота Ивана IV кравчему Годунову в местничестве 48
— Собр. Гос. Гр. и Дог., т. II, № 47.

38. Рассказ неизвестного англичанина о рус. монастырях 49
— Неизвестн. англичанин, стр. 22—24.

39. Послание царя Ивана в Кир.-Белозер. м-рь. —
— Акты Ист., т. I, № 204.

40. Соборный приговор о запрещении духовенству приобретать отчины 51
— Акты Арх. Эксп., т. I, № 308.

Отдел IX. Войны царя Ивана.

41. К Ливонской войне 52
Из писем польского короля Сигизмунда к английской королеве Елизавете 1566—1569 г.
— Ю. Толстой. Россия и Англия, № 9.

42. Из записок о Московии Горсен. 1572—1591 г. 53
1. Нашествие Девлет Гирея.
2. Царь и монахи.
— Записки о Московии, 27—40

43. Жалованная грамота Гр. Строганову. . . 56
— Доп. к Актам Ист., т. I, № 117.

Отдел X. Хозяйство.

44. Из записок о Московии барона Герберштейна. 1549. 57
О монете.
— Герберштейн. Записки о Московии, — 87 сл.

45. Из Домостроя—прот. Сильвестра. 59
1. О покупке в запас.
2. Наказание отца сыну.
3. В житницах и в закромех о бережении.
— Сильвестр, Домострой, гл. 44, 64, 52.

46. Ричард Ченслер. Торговля в Московии. 60
— Ченслер, стр. 1—2.

47. Посольство Дженкинсона 61
— Известия англичан, стр. 80—89.

48. Посольство Бауса 62
— Известия англичан, стр. 101—102.

Отдел XI. Просвещение.

49. Из Стоглава. Главы 25, 26 63
— Стоглав. Казан. Издание 1912 г.

50. Домострой. Главы 17, 29, 33, ... —
— Домострой, изд. Д. Голохвастова. 1849 г.

51. И. Е. Забелин. Покровский собор в Москве. 66
— И. Забелин. Черты самобытности в рус. зодчестве, стр. 1—2, 11—19.

Стр.

Отдел XII. Опричнина.

52. Опричнина Грозного. 67
Из Александро-Невской летописи.
— Рус. Ист. Библиотека, том. III, стр. 246—258.

53. Из Синодика царя Ивана. . 71
— Сказ. Курбского, стр. 409—434 .

54. Переписка кн. Курбского с царем Иваном. 72
1. Эпистолия I. Кн. Курбского к царю Ивану.
2. Послание царя Ивана к кн. Курбскому.
— Сказание кн. Курбского, стр. 155—195.

55. Из Истории князя великого Московского—кн. Курбского 75
1. Беседа царя с Василианом.
2. О побиении княжеских родов.
3. О побиении боярских и дворянских родов.
4. О страдании священномучеников.
5. Заключение.
— Сказания князя Курбского, гл. III, VI, VII, VIII, IX. .

56. Челобитная царя Ивана кн. Симиону Бекбулатовичу 80
— С. Соловьев. Ист. России, т. II, стр. 180—181, примеч. 3.

57. Повесть о приходе царя Ивана в Новгород 1570 г. 81
Из третьей Новгородской летописи.
— (П. С. Р. Л., т. III).

58. Духовное завещание царя Ивана 83
— Доп. к Акт. Ист., т. I № 222.

59. Песня о Грозном 84
— Песни, собран. П. Киреевским, вып. 6.

Отдел XIII. Крестьяне.

60. Уставная грамота Соловецкого м-ря села Пузырева крестьянам 85
— Памятники по ист. крестьян, изд. Н. Клочкова, № 22.

61. Указ о беглых крестьянах. 1597 г. . . . 87
— Памятники по ист. крестьян, изд. Н. Клочкова, № 32.

62. Память окольничему Морозову о выходе крестьянском. 1601 г. . . . . —
— Памятники по ист. крестьян, изд. Н. Клочкова, № 33.

63. Царская грамота новг. воеводе о выходе крестьянском. 1602 г. 88
— Пам. по ист. крест., изд. Н. Клочкова, № 34.

64. Память новг. старостам о выходе крестьянском. 1602 г. . . . . —
— Пам. по ист. крест., изд. Н. Клочкова, № 35.

65. Писцовые книги 1593—4 г. 89
1. Углицкого уезда.
2. Старицкого уезда.
— Писц. книги Моск. Гос-ва, под ред. Н. Калачова, т. I, пол. 2.

Отдел XIV. Перед смутой.

66. Флетчер. Домашняя жизнь царя Федора Ивановича 90
— Флетчер, стр. 119—122.

67. Следственное дело о убиении царевича Димитрия. Допрос Василисы Волоховой . . . 91
— Собр. Гос. Гр. и Дог., т. II, № 60.

68. Наказ воеводам о постройке г. Царевоборисова. 92
— Багалей. Материалы по ист. колонизации Слобод. Украйны, № 2.

69. Из дела о ссылке бояр Романовых. . . . 93
— Акты Ист., т. II, № 38, XXXIII

70. Сказание Авраамия Палицына 94
1. О начале беды во всей России.
2. О зачале разбойничества и ворех во всей России.
— Р. Ист. Библ., т. XIII, стр. 482—3, 1018—1020.

71. Из книги Флетчера. О государстве Русском. 95
1. Из посвящения английской королеве.
2. Образ правления.
3. О дворянстве и средствах, употребляемых к ослаблению его.
4. Об управлении княжеств и областей.
5. О податях и других доходах царских.
— Д. Флетчер. О государстве русском, гл. IX, XII, X.

Отдел XV. Литва и Западная Русь.

72. Дневник Люблинского сейма. 100
1. Речи сенаторов польских и литовских об унии.
2. Проект унии.
3. Литовский ответ.
— Дневник Любл. сейма, изд. Арх. Комиссии.
5. О податях и других доходах царских.

ЧАСТЬ II.

Революция в Московском Государстве.

Отдел XVI. Эпоха назв. Димитрия.

73. Окружная грамота Димитрия о войне с Борисом Годуновым 103
— Пам. по ист. см. вр., изд. Н. Клочкова, № 2.

74. Грамота Димитрия к Юрию Мнишке.—
— Собр. Гос. Гр. и Дог., т. II, № 95.

75. Боярский приговор о беглых крестьянах. 1606 г. 104
— Пам. по ист. крест., изд. Н. Клочкова, № 36.

76. Маржерет. О царе Дмитрии . . . . . —
— Н. Устрялов. Сказания о самозванце, т. III, стр. 89—97.

Стр.

77. Дневник Марины Мнишек. Конец Дмитрия 105
— Н. Устрялов, Сказ. о самозванце, т. IV, стр. 50—55.

Отдел XVII. Время царя Василия Шуйского.

78. Грамота царя Василия Шуйского о восшествии его на престол 106
— Пам. по ист. см. врем., изд. Н. Клочкова, № 6.

79. Крестоцеловальная запись царя Василия Шуйского 107
— Пам. по ист. см. врем., изд. Н. Клочкова, № 6.

80. Из грамоты патр. Ермогена о мятеже в северских и рязанских городах 108
— Пам. по ист. см. врем., изд. Н. Клочкова, № 10.

81. Указ о заповедных летах . . . . . —
— Пам. по ист. крестьян. изд. Н. Клочкова, № 37.

82. Челобитная самозванцу крестьян Переяслав. уезда 109
— Доп. к Акт. Ист., т. I, № 159.

83. Отписка Устюжан к Вычегодцам о разорении Ростова литовскими людьми . . . . . —
— Пам. по ист. см. врем., изд. Н. Клочкова, № 12.

Отдел XVIII. Междуцарствие.

84. Окружная грамота о сведении царя Василия Шуйского с престола 111
— Акты Арх. Эксп., т. II, № 162.

85. Договорные статьи польского короля Сигизмунда III с Моск. боярами . . . . . —
— Пам. по ист. см. врем., изд. Н. Клочкова, № 14.

86. Челобитная Польскому королю и сыну его Захария Ляпунова о поместьях, отчинах и жалованье 114
— Акты Ист., т. II, № 311, III.

87. Земельные пожалованья при кор. Владиславе. —
— Зем. пожалованья в Моск. Гос-ве при царе Владиславе, под ред. Л. Сухотина, стр. 42—44, 54—55, 72, 75—76.

88. Из Новой повести. 115
1. Патр. Гермоген.
2. Самые худые люди.
— Рус. Ист. Библ., т. XIII, стр. 206—209, 213—215.

89. Из Псковской летописи. 117
О Псковской смуте.
— (Псковская Летопись).

90. Записки Маскевича. Моск. Разруха. . . . 121
— Сказание соврем. о самозванце, т. V, стр. 76—82.

91. Записки гетмана Жолкевского. Пожар Москвы 122
— Записки гетм. Жолкевского о Моск. войне, глава XI, стр. 122—124.

Стр.

92. Из временника дьяка Ивана Тимофеева. 122
1. Об оскудении покорности и порядка.
2. О причинах побед иноземцев.
— Рус. Ист. Библ., т. XIII, стр 261—265, 364—365, 462—465.

93. Сказание Авраамия Палицына (2 редакция). 124
1. История в память предидущим родом.
2. Сказание вкратце о разорении цар. града Москвы.
— Рус. Ист. Библ., т. XIII, стр. 1038—1043, 1193—1194.

94. Плач о пленении и о конечном разорении Моск. Государства 125
— Рус. Ист. Библ., т. XIII, стр. 219—221.

Отдел XIX. Ополчения.

95. Приговор Ляпуновского ополчения. . . . 125
— Пам. по ист. см. врем., изд. Н. Клочкова, № 21.

96. О сборе шуб для ополчения. 126
1. Боярский приговор.
2. Челобитная от Тарусского уезда.
— Смутное время Моск. Гос-ва, материалы, собр. И. О. И. и Др. Рос., вып. V, № 13 и 51.

97. Грамота патр. Гермогена в Нижний-Новгород. 127
— Пам. по ист. см. врем., изд. Н. Клочкова, № 24.

98. Окружная грамота кн. Пожарского. . . . 128
— Собр. Гос. Гр. и Дог., т. II, № 281.

99. Собор 1613 г. Об избрании царя Михаила Федоровича 129
— Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 1.

100. Об избрании Михаила Федоровича Романова. —
1. Показание сына боярского. И. Философова.
— Ж. М. Н. П. 1913, № 2.—185-8.
2. Из распросных речей двух русских купцов.
3. Из письма Боборыкина.
4. Из распросных речей русского дворянина.
5. Из листа земских людей В. Новгорода к Шведскому королевичу.
6. Из распросных речей И. Калитина.
7. Из распросных речей Чепчугова, Пушкина, Дурова.
— Сборник Новгородского Общества любителей древности, вып. V. Арсеньевский—шведские бумаги, стр. 20—30.

ЧАСТЬ III.

Реставрация и реакция.

Отдел XX. Московское Государство после смуты.

101. Окружная грамота королевича Владислава, о правах его на российский престол. 133
— Акты Ист., т. III, № 72.

Стр.

102. Кап. Маржерет. Борьба со степью и охрана границ 134
— Маржерет, стр. 278—280.

103. Царская грамота Строгановым, об отпуске взаймы денег 135
— Акты Арх. Эксп., т. III, № 3.

104. Десятни служилых людей 136
— Тверское дворянство XVII в., под ред. В. Сторожева, вып. I, стр. 3, 103; вып. II, стр. 11—12, 15—17, 36; вып. III, стр. 9—20.

105. Писцовые книги 1620 гг. Углицкого уезда. 138
— Временник Демидов. лицея, т. 45, 332—335.

106. Писцовый наказ о переписи Моск. уезда. 139
— Акты Арх. Эксп., т. IV, № 14.

107. Наказ полк. Лесли и др.—о найме в Росс. службу ратных людей 140
— Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 83.

108. Роспись иностранных офицеров и нижних чинов 141
— Доп. к Акт. Ист., т. III, № 49.

109. Описание города Царево-Борисова 142
— Багалей. Материалы для ист. колонизации и быта степной окраины Моск. Гос-ва, № 31.

110. Отписка воеводы Дурново о г. Харькове. —
— Багалей. Матер. для ист. колон. и быта степной окраины Моск. Гос-ва. № 38.

Отдел XXI. Земские соборы.

111. Фокеродт. Об избрании царя Михаила Федоровича 143
— Чтения в Об-ве Ист. и Др. Росс. 1874 г., т. II, отд. IV, стр. 20—23.

112. Окружная грамота царя Михаила Федоровича о присылке в Москву выборных людей. 144
— Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 47.

113. Собор 1642 г. 145
— Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 113.

Отдел XXII. Управление.

114. Григорий Котошихин 147
1. О сидении царя с боярами.
2. Московские приказы.
— Котошихин. О России в царств. Алексея Мих., стр. 24—5, 86—89, 117—118.

115. Котошихин. О царской власти 150
—Котошихин. О России в царст. Алексея Мих.

116. Царская грамота в Муром о том, чтобы воеводы и приказные люди воздержались от насильства и взяток 150
— Акт. Арх. Эксп., т. III, № 115.

117. Наказ Якутскому воеводе об отправлении им воеводской должности 151
— Доп. к Актам Ист., т. III, № 83.

Стр.

118. Из путешествия Олеария в Моск. государство О светской власти и полицейском управлении русских. 151
— Олеарий, пут. в Московию, гл. X.

119. Барон Майерберг. Воеводское управление. 152
— Бар. Майерберг. Пут. в Московию, стр. 91—92.

120. Кормления XVII в. по С. М. Соловьеву. —
— С. Соловьев. Ист. России, т. III, стр. 711—714.

121. Издержечные книги Тотемского земского старосты Выдрина. Книга воеводская. . . 153
— Чтения в О-ве Ист. и Др. Росс. 1908 г., кн. IV, стр. 21—29.

122. Земские выборы на русском Севере. . . . 155
1. Выборы земского разрубного целовальника.
2. Выбор земских судьи и Судецкого старосты.
— М. Богословский. Земское самоуправление на рус. севере, т. I, прилож. V, №№ 14 и 17.

Отдел XXIII. Соборное Уложение.

123. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 156
Введение. Главы I, XI, XVII, XIX, XXI, XXII.
— Соборное Уложение, изд. М. Выс. Жен. Курс.

Отдел XXIV. Крепостное право.

124. Порядная грамота. 160
— Пам. ист. крест., изд. Клочкова Прилож. II, № 2.

125. Царская грамота о сыске и отдаче беглых крестьян без срочных лет . . . . . —
— Пам. ист. крест., изд. Н. Клочкова, № 48.

126. Из переписки боярина Б. И. Морозова с его прикащиками 161
1. Из письма боярина к прикащику.
2. Из челобитной прикащика к боярину и ответ боярина.
3. От боярина в Коломинскую вотчину, в село Ивановское.
4. Из челобитной крестьянина Миронка боярину Морозову и ответ боярина.
— И. Е. Забелин. Большой боярин. Вестник Европы. 1871 г. январь—февраль.

127. Из книги Котошихина, О крестьянах. 162
— Котошихин. О России в цар. Алексея Мих. гл. VIII и XI.

128. Из Сказаний о Московии Якова Рейтенфельса. 1680 г.
О холопах. 163
— Я. Рейтенфельс. Сказания о Московии, 133, 139.

Стр.

Отдел XXV. Мятежи XVII века.

129. Адам Олеарий. О московском мятеже 1648 г. 164
— Олеарий. Описание путеш. голштинск. посольства в Московию. Кн. III, гл. 16.
130. Григорий Котошихин. О медном бунте 1662. 166
— Котошихин. О России, стр. 99—105.
131. Царская грамота о Стеньке Разине. . . . 167
— Акты Ист. т. IV, № 202, § 3.
132. Распросные речи о Стеньке Разине и о его бунте 168
— Акты Ист., т. IV, № 202, § 68, 107.
— Материалы по ист. возмущения Ст. Разина, № 37.

Отдел XXVI. Присоединение Малороссии.

133. Прошение гетмана Богдана Хмельницкого к царю Алексею Михайловичу с приложением договорных пунктов 170
— Н. Костомаров. Богдан Хмельницкий, т. III.
134. Жалованная грамота Малороссии 173
— Н. Костомаров. Богдан Хмельницкий, т. III.

Отдел XXVII. Реформа Никона и раскол.

135. Павел, диакон Алепский. О русской вере. 174
— Пут. в Москву антиох. патр. Макария, кн. VI, гл. IV.
136. Челобитная Нижегородских попов. . . . —
— Чтения в О-ве Ист. и Др. Росс. 1902 г., ч. II, отд. IV стр. 18—31.
137. Павел, диакон Алепский. Гонение на фряжские иконы 176
— Пут. в Москву антиох. патр. Макария, кн. IX, гл. III.
138. Житие протопопа Аввакума 178
1. В Юрьевце.
2. Аввакум и Никон.
3. Тюрьма и ссылка.
4. Возвращение из Сибирской ссылки.
5. В Москве.
6. Осуждение Аввакума.
7. Заключение.
— Житие прот. Аввакума, стр. 3, 5—8, 15—18, 22.
139. Челобитная о вере соловецких иноков. . . 180
— Старообрядч. хрест. «Старая вера», стр. 196—197.
140. Стих пустынножителей 181
— Старообр. хрест., стр. 288—289.
150. Керженские скиты 182
— Старообр. хрест., стр. 294—295.

Стр.

142. Иван Филиппов. Выговская пустынь. О зачале всей Выговской пустыни 182
— И. Филиппов. Ист. Выг. старообр. общины, гл. 29.

ЧАСТЬ IV.

Абсолютизм и меркантилизм.

Отдел XXVIII. Меркантилизм XVII века.

143. Челобитная торговых людей о притеснениях иноземцев 184
— Акты Арх. Эксп., т. IV, № 13.
144. Торговый устав 1667 г. 186
— Собр. Гос. Гр. и Дог., т. IV, № 55.
145. Из путешествия Олеария 1633—1639. . . . 187
1. О природных свойствах русских, о их нравах и обычаях.
2. О домашнем быте русских, об обычной их жизни, пище их и содержании.
— Путешествие Олеария, кн. III, гл. VI, VII.
146. Из книги Де Родеса. Размышления о русской торговле. 1653. 191
— Магазин землеведения и путешествий Н. Фролова, том. V, изд. 1858, стр. 234—250.
147. Из книги Кильбургера. Краткое известие о русской торговле 1674. 194
1. Из предисловия.
2. О товарах, вывозимых из России.
3. Список товаров, отпущенных из Нарвы в 1673 за море.
4. Цена отпускаемым товарам 1674.
5. Цена товарам, потребляемым в России.
6. О стеклянных заводах.
7. Реестр немецких товаров, привезенных в Россию. 1671.
8. Из реестров товаров других годов.
9. Из списка цен иностранных товаров 1674.
10. О пошлинах.
11. Ведомость пошлинам Арханг. таможни.
12. О почте.
13. О кораблеплавании в Архангельске.
14. О гостях или царских коммерции советниках.
15. О железных заводах.
16. Цены на русские съестные припасы.
— Кильбургер. Краткое известие о рус. торговле.
148. Юрий Крижанич. Из «Политических дум». 202
1. Инородцы торговцы.
2. О крале.
— В. Пичета. Юрий Крижанич, стр. 18—20, 64—65.
149. Яков Рейтенфельс. Сказания о Московии. 203
1. Характерные особенности и приемы торговли
—Я. Рейтенфельс. Сказания о Московии. 133.

Стр.

150. Яков Рейтенфельс. 204
1. Промышленность в Моск. гос-ве.
2. Московские ряды.
— Я. Рейтенфельс. Сказание о Московии, стр. 96—97, 135—137.
Московскій Купец
— Янфул. Между делом

Отдел XXIX. Старая Москва.

151. Адам Олеарий. О положении русских женщин 209
— Олеарий. Пут. в Московию, кн. III, гл. 9.
152. Барон Майерберг. Московский обед. . . 209
— Барон Майерберг. Пут. в Московию, стр. 35—37.
153. Григорий Котошихин. О России. 210
1. О местничестве.
2. О житии бояр.
3. О невежестве русских.
— Котошихин. О России, стр. 43—46, 148—149, 52—53.
154. Аполлинарий Васнецов. Облик старой Москвы 213
— И. Грабарь. Ист. рус. искусства, т. II, стр. 242—247.

Отдел XXX. Новые веяния.

155. Яков Рейтенфельс. О царских забавах. . . 215
— Я. Рейтенфельс. Сказания о Московии, стр. 85—89.
156. В. Ключевский. Царь Алексей Михайлович. 216
— В. Ключевский. Курс рус. истории, т. III, лекция 56, стр. 413—426.

ЧАСТЬ V.

Эпоха реформ в Московском Государстве. Век Петра Великого.

Отдел XXXI. Стрелецкие мятежи.

157. Дневные записки Желябужского 219
— Дневные записки Желябужского, стр. 1—3.
158. Челобитная моск. стрельцов, гостей, посадских людей и ямщиков . . . . . —
— Акты Арх. Эксп., т. IV, № 255.
159. Прения о вере. В Грановитой палате. . . . 220
— Старообр. хрест., стр. 219—237.
160. Указные статьи о раскольниках 222
— Акты Арх. Эксп., т. IV, № 284.
161. Дневник Иоанна Георга Корба. Первая казнь стрельцов 223
— Дневник Корба. Приложение.
162. Из книги Фокеродта. Усмирение стрельцов. 224
— Фокеродт. Россия при Петре I.

Отдел XXXII. Русские за границей.

163 Записки Я. К. Номена. О пребывании Петра Великого в Нидерландах 225
— Записки Номена.

Стр.

164. Из путевых заметок кн. Куракина. В Англии и Голландии. 226
— Рус. быт XVIII в., т. I.
165. Путевой дневник П. А. Толстого. . . . 226
1. Посылка в Европу.
2. Свидетельство о морском учении.
— Рус. Архив, 1888 г., № 2.
166. Записки И. И. Неплюева. Экзамен по возвращении из-за границы 227
— Записки Неплюева, стр. 102—106.
167. Из письма кн. М. Голицына из-за границы.
— К. Сивков. Пут. рус. людей за границу, стр. 60—61.
168. Журнал Петра Великого. Петр I во Франции.
— Журнал Петра Великого, т. II, прилож. X.

Отдел XXXIII. Великая Северная война.

169. Нарва 230
— Журнал Петра Великого, т. I.
170. Вторая Нарва . . . . . —
— Ведомости времени Петра Великого, т. I, № 22, 1704 г.
171. Полтава 231
1. Приказ, отданный царем Петром I.
— Рус. Архив, 1871 г., № 1, стр. 187.
2. Ведомости 1709 г.
— Ведомости времени Петра Великого, т. II, № 11, 1709 г.
3. Журнал Петра Великого.
— Журнал Петра Великого, т. I, стр. 195—199.
172. Полтава. Из Истории Петра В. 233
— Д. Масловский. Записки по истории воен. иск. в России, вып. I, прил. I, стр. 14—19.
173. Гангуд. Письмо Петра I к государыне Екатерине Алексеевне 235
— Письма рус. государей. Переписка Петра I с Екатериной Алексеевной.
174. Ништадтский мир 236
— Журнал Петра Великого, т. II.

Отдел XXXIV. Военное дело и финансы.

175. Из Фокеродта. Флот Петра Великого. . . 237
— Фокеродт. Россия при Петре I.
176. Донесение Оттона Плейера о военных силах России. 238
— Чтения в О-ве Ист. и Др. Росс., 1874 г., т. II, отд. 2, стр. 2—7.
177. Доношение об уравнительном платеже Алексея Нестерова. 240
— Записки Ист.-Фил. Фак. Спб. Унив. часть 42.
178. Подушная подать 241

Стр.

1. Указ об учинении общей переписи.
2. Указ о помещении в ревизских сказках не одних крестьян.
— Пам. по ист. крест., изд. Н. Клочкова, № 64—65.

Отдел XXXV. Реформы управления.

179. Сенат. 242
1. Об учреждении Прав. Сената.
2. О поручении Прав. Сенату попечения о правосудии.
3. О должности Сената.
4. О должности Генерал-Прокурора.
— Пам. закон. Петра Великого, изд. Н. Клочкова, № 1—4.

180. Коллегии. Ген. Регламент, гл. 18, 19, 21, 22, 24. 36, 45, 47. 245
—— Пам. закон. Петра Великого, изд. Н. Клочкова, № 5.

181. Регламент Главного Магистрата, гл. 2, 7, 9, 10, 21 247
— Пам. зак. Петра Великого, изд. Н. Клочкова, № 11.

182. Доношение А. Нестерова о его фискальной деятельности. 249
—Записки Ист.-Фил. Фак. Спб. Унив., часть 32, стр. 58—60.

183. Духовная Коллегия 250
1. Манифест.
2. Духовный Регламент. Что есть духовное Коллегиум.
3. Об училищах (по дух. регл.).
- Пам. зак. Петра Великого, изд. Н. Клочкова, № 14.

184. Из Седерберга. О царской власти. 252
— Чт. во-ве Нот. и др. Гас 1873, кн 2.

185. Из Корнелия де Бруина. Московская система наказаний. 253
- Корнелий де Бруин. Путешествие через Московию.

186. Из дневника Берхгольца. Казни . . . . . —
— Берхгольц, Дневник. I. 105—107, III, с. 27—29, IV, с. 13—15

Отдел XXXVI. Меркантилизм Петра Великого.

187. Ведомости Петра Великого 256
1. 1703 г., № 1.
2. 1703 г., № 37.
— Ведомости врем. Петра Великого, т. I.

188. Изъявления прибыточные государству, Федора Салтыкова . . . . . —
Гл. 2, 13, 15, 18.
— Записки Ист.-Фил. Фак. Спб. Унив., часть 42, стр. 7—11, 23—27.

Стр.

189. Ведомости 1719 г., № 14. 258
— Ведомости врем. Петра Великого, т. II.

190. Дневник Берхгольца. Фабрика Тамсена. . 259
— Дневник Берхгольца, кн. II, стр. 63—66.

191. И. Посошков. Книга о скудости и богатстве. 260
1. Введение.
2. О заморских товарах.
3. О заведении на Руси своих заводов.
— И. Посошков. Книга о скудости и богатстве, изд. Н. Клочкова. Введение и гл. 4 и 5.

192. Таможенный тариф 1714 г. 263
— Ладыженский. Ист. рус. там. тар. Прил. I.

Отдел XXXVII. Дворянство, купечество, крепостное право.

193. Указ о единонаследии. 266
— Пам. по ист. крест. изд. Н. Клочкова, № 60.

194. Из инструкции воеводам 267
—Пам. по ист. крест., изд. Н. Клочкова, № 63.

195. Указ о покупке к заводам деревень 268
— Пам. по ист. крест., изд. Н. Клочкова, № 67.

196. Табель о рангах . . . . . —
— Пам. зак. Петра Великого, изд. Н. Клочкова, № 15.

197. И. Посошков. Книга о скудости и богатстве. 270
1. О купечестве.
2. О разделении одежд по сословиям.
3. О крепостном праве и его ограничении.
— Посошков, гл. 4 и 7.

Отдел XXXVIII. Просвещение.

198. Из Корнелия де Бруина. Петр в Москве. 272
— Корн. де Бруин. Пут. чрез Московию.

199. Из переписки Петра I с Мусиным-Пушкиным. —
1. Письмо Мусина-Пушкина к царю о деятельности типографии.
2. Письмо царя Петра к Мусину-Пушкину.
3. Письмо Мусина-Пушкина к царю.
— П. Пекарский. Наука и лит. в России при Петре Великом, т. II, стр. 647—649.

200. Дневные записки Желябужского. Новый год. 274
— Дн. записки Желябужского, стр. 158—160.

201. Дневник Берхгольца. Ассамблея в Москве. 275
— Дневник Берхгольца, кн. II, стр. 70—71.

202. Из Корба. Празднество в честь Вакха. . . —
— Дневник I. Корба.

203. Из дневника Берхгольца. Праздник в Летнем Саду 276
— Дневник Берхгольца.

Стр.

204. Из записок Басевича. Петр и духовенство. 278
— Записки Басевича.
205. Юности честное зерцало . . . . . —
1. Общие правила.
2. Как младый отрок должен поступать.
— Юности честное зерцало, изд. 1745 г., стр. 21—52.
206. Из пьесы „Честный изменник“ 280
— П. Пекарский, наука и литер. в России при Петре Вел., т. I, стр. 463—4.
207. Феофан Прокопович. Правда воли Монаршей.
— Ф. Прокопович. Правда воли Монаршей, изд. XVIII в., стр. 15—43.

Отдел XXXIX. Петербург.

208. Петербург в 1710—1711 гг. (с немецкого). 282
— Русск. Старина, 1882 г., т. 36, стр. 42—48.
209. Петербург в 1720 г. По запискам члена польского посольства 284
— Русск. Старина, 1879 г., № 6, стр. 265—288.
210. Дневник Берхгольца 286
1. Петербург.
2. Летний сад.
3. Панорама Петербурга.
— Дневник Берхгольца.

Стр.

Отдел XL. Петр Великий.

211. Записки Юста Юля 288
1. В адмиралтействе.
2. В Преображенском.
— Записки Юста Юля, стр. 100—101, 146—148, 269—270.
212. Смерть царевича Алексея 289
— К. Валишевский. Петр Великий Изд. „Современные проблемы“, стр. 574—580.
213. Казнь царевича Алексея Петровича, письмо Румянцева к Титову 292
— „Русск. Старина“, 1905 г., август, стр. 410—416.
214. Дневник Берхгольца. Празднование Ништадтского мира в Москве 295
— Дневник Берхгольца, кн. II, стр. 47—52.
215. В. Ключевский. Петр Великий 297
— В. Ключевский. Курс русск. ист., т. IV, лекция 60, стр. 34—61.

Дополнительные статьи.

132а. Голландец Стрюйс. Бунт Разина 300
17а. Из предисловия к Синодику XV века . . 302
142а. Из документов по делу Винуса 302
1. Грамота Андрею Винусу 1632 г. . . —
2. Челобитная А. Винуса 1636 г. . . . 304
3. Челобитная Андрея Винуса . . . . . —

69-1170

Книжная лавка
Тимоньгой
Цена 2-
№ 2842
21 XI 193 г.

9-

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00048288743